

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

*Уральские
языки*

МОСКВА
"НАУКА"
1993

Главная редакционная коллегия:

В.Н. Ярцева (главный редактор), *Т.В. Гамкрелидзе*,
В.П. Нерознак (зам. главного редактора), *В.М. Солнцева*,
Н.И. Толстой, *В.П. Калыгин* (ученый секретарь)

Ответственные редакторы:

кандидат филологических наук *Ю.С. Елисеев*,
доктор филологических наук *К.Е. Майтинская*,
О.И. Романова (ученый секретарь)

Рецензенты:

доктор филологических наук *А.И. Кузнецова*,
кандидат филологических наук *А.Е. Смиренникова*

Редактор издательства *Е.Ю. Жолудь*

Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993 г. — 398 с.
Я 40 ISBN 5-02-011069-8

Книга открывает серию языки Евразии энциклопедического труда "Языки мира". В ней впервые в мировом и отечественном языкознании на современном уровне лингвистических знаний дано описание всех языков финно-угорской и самодийской семей, восходящих к единой уральской общности. Определяется состав этой общности, исследуется история формирования уральских языков, их диалектное членение, ареальные и генетические связи. Характеризуются все уровни структуры описываемых языков. Приводятся основные сведения о современном состоянии уральских языков.

Для лингвистов, историков, этнографов и для широкого круга читателей, интересующихся языковыми проблемами.

Я 4602020400-164 352-93, I полугодие
042(02)-93

ББК 81.2

Languages of the World: Uralic Languages.

The book opens up a Eurasian languages series of the encyclopaedia-type edition "Languages of the World". This unique edition contains descriptions of all the languages of the Finno-Ugric and Samoyedic branches of the Uralic language family. The articles are written by the main Soviet and Hungarian authorities on each language. An overall linguistic description is provided, including basic data on contemporary socio-linguistic characteristics of the languages. The constitution of the Uralic language family as well as history, dialectal division, areal and genetic connections of its constituents are discussed in detail.

The book is meant for linguists, historians, anthropologists and the general reader interested in languages.

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Публикуемая работа является первым выпуском многотомного труда "Языки мира", предпринятого Институтом языкознания РАН и предназначенного для широких кругов языковедов, этнографов, историков, журналистов и всех тех читателей, кто интересуется многообразием языковой карты мира. Энциклопедический труд подобного масштаба призван дать описание всех языков, известных науке в настоящее время, хотя абсолютно точными количественными данными языковеды пока не располагают. Различные справочники дают число языков, существующих на земном шаре, в диапазоне от пяти до восьми тысяч. Объясняется это тем, что по ряду регионов еще не имеется квалифицированной регистрации языков и их подробного описания, которое, в частности, могло бы служить надежному разграничению языка и диалекта. Необходимо также учитывать, что количественное распределение говорящих на том или ином языке очень неравномерно. В мире насчитывается не более 13 языков, на каждом из которых говорят свыше 50 миллионов человек. Однако для лингвистической науки не должно быть языков "больших" и "маленьких". Отмечая различия в общественно-функциональном статусе языков мира, ученый должен проводить тщательное исследование каждого языка, так как для любого народа его язык не только средство общения, но и воплощение национально-исторических и культурных ценностей.

При полноте энциклопедического описания языков разнообразны виды информации, которую можно будет получить в публикуемом труде, а именно: 1) генетическая принадлежность данного языка (к какой семье или группе относится язык, какие родственные ему языки входят в данную группу), 2) лингво-географические сведения и социолингвистический статус языка (территориальное распространение языка, его социально-общественные функции — государственный, официальный, письменный или бесписьменный, обладающий четкой литературной нормой или характеризующийся раздробленностью равноправных диалектов и т.д.), 3) типологическая принадлежность языка в связи с его внутривидовыми характеристиками (преобладают ли в данном языке синтетические или аналитические процедуры). При описании каждого языка даются также сведения об основных этапах его исторического развития.

От существующих в научной литературе справочников и руководств по языкам мира создаваемый в Институте языкознания РАН энциклопедический труд отличается не только своими размерами, но и по своим теоретическим установкам: наряду со структурными и семантическими параметрами при описании языков дается подробная характеристика функциональной роли языка в данном языковом сообществе, что позволяет показать в исторической перспективе взаимозависимость внешних и внутренних факторов развития языка и место каждого отдельного языка в общей картине распределения языков мира.

Одним из сложных вопросов описания является проблема соизмеримости языков и поиски критериев сравнения языков между собой. Хотя классификация языковых типов и описание различных языков имеют несколько разную направленность, все же определение единой меры, с помощью которой можно было бы сравнивать и распределять языки, необходимо для их научного описания.

Сложность структуры, множественность признаков и их разнохарактерность типичны для языка как явления действительности. Плану содержания противостоит план выражения. Однако модели этого последнего распределены по различным уровням языковой структуры.

Границы и соотношение этих уровней — фонетического, грамматического и лексического — специфичны и разнообразны для каждого языка. Эти различия выявляются при сравнении языков, так как единицы определенного уровня в данном языке могут не иметь эквивалентов в пределах того же уровня в другом языке, хотя содержательная сторона речевого высказывания может быть адекватно передана в каждом языке. Поэтому схема описания языка (см. Приложение) при полном учете содержательных, сущностных характеристик языковых категорий содержит необходимое количество формальных признаков структуры языка.

Для выработки предлагаемой в энциклопедическом труде "Языки мира" единой схемы была предварительно проведена большая исследовательская работа, отраженная в таких коллективных монографиях, как "Принципы описания языков мира". М., "Наука", 1976 г., "Теоретические основы классификации языков". М., "Наука", 1980. Т. 1, 1982. Т. 2, "Языки и диалекты мира". М., "Наука", 1982 г. Последняя работа содержит перечень всех языков и диалектов, которые получают свое описание в энциклопедии "Языки мира".

Все издание будет распределено по сериям: языки Евразии, языки Африки, языки Северной и Южной Америки, языки Тихоокеанского района (Меланезии, Индонезии). Первая серия — языки Евразии — издается по выпускам, первый из которых "Уральские языки" представлен в этой книге.

Главный редактор издания "Языки мира"
чл.-кор. РАН В.Н. ЯРЦЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга является первым томом, появившимся в результате большого, рассчитанного на многие годы, коллективного труда по описанию языков мира, выполняемого под руководством члена-корреспондента РАН В.Н. Ярцевой. Том "Уральские языки", как и следующие тома, носит энциклопедический характер, поэтому включенные в него очерки составлены по общей схеме для всех томов, разработанной в течение ряда лет большим коллективом ученых (см. Приложение). Согласно типовой схеме, в данный том входят как общие очерки по генетическим группам уральских языков, так и очерки, посвященные описанию отдельных живых и мертвых языков.

По объему очерки неодинаковы: для очерков, посвященных описанию отдельных языков, был предусмотрен объем в зависимости от значимости соответствующих языков по международному и государственному (официальному) статусу. Грамматические части очерков отдельных языков разработаны на основе литературных или письменных вариантов (если у соответствующего языка есть литературный или функционирующий письменный вариант) либо на основе одного из диалектов. В отличие от других очерков, статья "Хантыйский язык" (автор Л. Хонти) выполнена с привлечением данных из разных диалектов, что объясняется слабой разработанностью грамматики диалектов этого языка. Общие очерки в том включены только по тем языковым ветвям, по которым родственные связи соответствующих языков считаются выясненными. Поэтому в томе нет общего очерка "волжско-финской" ветви, генеалогический статус которой еще не считается окончательно решенным. Поскольку уральские языки исследованы в разной степени, не все вопросы, предусмотренные типовой схемой, получили полное освещение. В этом отношении особо следует отметить очерк ныне мертвого маторско-тайгийско-карагасского языка (автор Е.А. Хелимский). Ввиду отсутствия в специальной литературе научных разработок почти по всем разделам грамматики и лексики этого языка, при составлении указанного очерка языковые данные собирались из имеющихся разрозненных письменных памятников. Поэтому в этом очерке встречаются неполные парадигмы и другие пропуски. Степень разработанности отдельных вопросов, естественно, обусловлена и тем, что для описания языков и языковых ветвей был предусмотрен неодинаковый объем.

К работе над отдельными очерками были привлечены ученые из научных центров разных стран и городов. Большинство очерков написано научными сотрудниками Российской академии наук в Москве, Санкт-Петербурге и Петрозаводске (Р.М. Баталовой, Ю.С. Елисеевым, М.И. Зайцевой, Г.М. Кертом, Е.И. Коведяевой, К.Е. Майтинской, Е.И. Ромбандеевой, В.Л. Ряговым, Н.М. Терещенко, А.П. Феоктистовым, Е.А. Хелимским). Кроме них в авторский коллектив входили также ученые, работающие в других научных центрах (Т.-Р. Вийтсо, А. Кюннап, А. Лаанест в Эстонии, В.К. Кельмаков в Удмуртии, академик П. Хайду в Венгрии, Л.Хонти в Нидерландах). Очерк "Эстонский язык" выполнен коллективом авторов, научными сотрудниками Эстонской Академии Наук.

Очерки разрабатывались под руководством доктора филологических наук, профессора К.Е. Майтинской; ею проводилась и основная унификация всех очер-

ков, входящих в том. Окончательная научная проверка и редактирование осуществлены к.ф.н. Ю.С. Елисеевым (прибалтийско-финские и саамский языки) и К.Е. Майтинской (пермские, мордовский, марийский, угорские языки; общие очерки "Уральские языки", "Финно-угорские языки"); статьи раздела "Самодийские языки" просмотрены д.ф.н. Е.А. Хелимским при сохранении авторской интерпретации данных языков, описанных Н.М. Терещенко.

Содержание очерков отражает точку зрения авторов, с которой ответственные редакторы не всегда согласны.

Ответственные редакторы

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Уральские языки (У.я.) — языковая семья, объединяющая подсемьи финно-угорских и самодийских языков. Финно-угорские языки до середины нашего столетия назывались еще финно-венгерскими, угро-финскими, угорскими (последнее название употреблялось главным образом в XIX в.). Эти термины ныне устарели, однако термин "финно-угорский" нередко используется и как синоним термина "уральский", что с научной точки зрения неправильно.

2. У.я. распространены в той части Северной Евразии, где осели также носители славянских, балтийских, тюркских, германских языков; это финно-скандинавский регион, а также Прибалтика (саамский, финский, эстонский и малые прибалтийско-финские языки), регион, окруженный Карпатами (венгерский язык), северо-восточные европейские районы Российской Федерации (между средним течением Волги и Уральскими горами: марийский, эрзя-мордовский и мокша-мордовский, коми-зырянский, коми-пермяцкий и удмуртский, частично ненецкий языки), а также северо-западная Сибирь (широкая полоса от Уральских гор до устья р. Хатанги, т.е. от среднего и нижнего течения р. Оби и Ямальского полуострова до восточных районов Таймырского полуострова (мансийский, хантыйский, ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский языки).

3. Число носителей У.я. — около 25 млн чел. Из них в разных странах носителей венгерского языка 14—15 млн чел. (на территории Венгерской Республики — 10 млн чел.), численность носителей финского языка ок. 5 млн чел., эстонского более 1 млн чел., обоих мордовских языков вместе около 1 млн 200 тыс. чел. В то же время на водском языке говорит всего несколько десятков представителей старшего поколения.

4. Исходя из аргументов О. Доннера, приведенных им в исследовании, опубликованном в 1879 г., принята следующая схема "фамильного древа", иллюстрирующая родственные отношения У.я. (следует учесть, что саяно-самодийские языки — камасинский (койбальский) и маторско-тайгиско-карагасский — ныне мертвые; см. рис. 1).

На этой схеме показано, что от уральского языка-основы до современных языков (см. нижнюю строку) развитие идет через вторичные гипотетические праязыки; однако на основе новейших исследований высказываются сомнения по поводу возможности реального существования некоторых из вышеприведенных вторичных праязыков. Из них относительно надежной представляется реконструкция пермского, прибалтийско-финского, северносамодийского и вообще самодийского праязыков, до известной степени даже финно-пермского праязыка; однако мы считаем сомнительной возможность реконструкции угорского, самско-финского и особенно финно-волжского и волжского (волжско-финского) праязыков; некоторые исследователи даже категорически отрицают возможность последней реконструкции. Восстановление финно-угорского языка-основы в значительной степени зависит от выводов, сделанных о финно-пермском языке-основе: сопоставляя эти выводы с реконструкциями по самодийской языковой общности, можно получить данные для реконструкции уральского языка-основы. Вышеприведенная схема в общих чертах достаточно хорошо показывает последовательность формирования У.я. Не учтено в схеме, что уральский,

а также вторичные языки-основы делились на диалекты и что сам уральский язык-основа состоял из ареальной последовательности связанных между собой родственных языков, из которой современные языки развились либо непосредственно, либо формировались главным образом в процессе взаимодействия, которое могло быть продолжительным, но могло периодически и ослабевать и даже полностью прекращаться.

Определенный интерес представляет также третья возможность распределения У.я., основанная главным образом на их современном состоянии; по этому распределению близко друг от друга располагаются родственные языки, связанные тесными контактами.

5. Хронология распада уральского праязыка, как и хронология дальнейших преобразований, определяется главным образом на основе косвенных данных, поэтому следует осторожно отнестись к приведенной периодизации. Предполагаемая общность уральского языка-основы (непрерывность контактирования) прекратилась примерно в VI—IV тыс. до н.э., по-видимому, вследствие переселения предков самодийцев в район Саянских гор. Самодийцы, возможно, сохранили известную общность языка до начала нашей эры, но потом наступил новый этап их расселения, завершившийся, по всей вероятности, к X—XII вв. (Разделение северных самодийцев могло продолжаться даже вплоть до XV—XVI вв.) Совместное бытование оставшихся на своих местах предков финно-угров также начало нарушаться и предположительно в III тыс. (ближе к его концу) до н.э. прекратилось. Предки финно-пермских народов раньше других покинули прародину, переселяясь на запад от Уральских гор в районы Волго-Камья; это произошло примерно в период с конца III тыс. до середины II тыс. до н.э. Из соответствующей языковой формации постепенно развились языковые состояния, которые считаются по существу непосредственными предшественниками современных финно-пермских языков. Группа пермских языков сравнительно гомогенна: она сохранила свое единство до VIII в. н.э. В то же время общность так называемых финно-волжских языков едва ли была продолжительной, к тому же их носители расселились на довольно большой территории, и контакты между отдельными подгруппами были слабыми (они длились от середины II тыс. до I тыс. до н.э.). Считается, что ранний общеприбалтийско-финский (или общеприбалтийско-финско-саамский) период начался

с I тыс. до н.э., причем характер участия в нем саамов представляется спорным (одни считают, что саамы раньше говорили на другом языке и только позднее перешли на саамский, другие предполагают, что саамский — это рано отделившаяся ветвь прибалтийско-финско-саамского языка-основы). Поэтому пра-саамский язык учитывается приблизительно с I тыс. до н.э., и с этого времени берет свое начало также поздний общеприбалтийско-финский период, который продолжался примерно до I—III вв. н.э. Формирование мордовской и марийской общности (вместе с родственными им, но ныне мертвыми языками) предположительно относится к этому же времени; оно шло как бы параллельно с дальнейшим развитием прибалтийско-финской общности. Лингвистические данные для подтверждения гипотезы существования угорского языка-основы во многом спорны; сходства между обско-угорскими и венгерским языками не так много, как следовало бы ожидать при реальности длительного совместного бытования предков соответствующих народов и родства их языков в соответствии с обычной моделью генетического родства языков. Все же представляется вероятным, что предки обских угров и предки венгров в период между III и I тыс. до н.э. жили по соседству в районе Южно-Уральских гор (главным образом к востоку от них); при этом вероятно, что предвенгры располагались в более южных районах и отсюда впоследствии, приблизительно в V в. до н.э., начали переселяться на запад, в то время как их более северные, родственные по языку, предобско-угорские соседи устремились на север.

б. В У.я. выявляется много сходств, но между ними немало и расхождений. И те, и другие могут возводиться к языку-основе, то есть квалифицироваться как доказательства родственных отношений по языку; однако сходства нередко объясняются и как результат более поздних конвергентных процессов сближения; их выявление входит в задачи сравнительно-исторического изучения языков. В то же время несомненно, что, несмотря на известное количество сходжений между У.я., которые могут быть поверхностными или глубинного происхождения, члены этой языковой семьи типологически значительно отличаются друг от друга. Ниже предлагается типологическая характеристика У.я.

Фонетическая характеристика

Система гласных в У.я., как правило, представлена богато; гласные большей частью распределяются по трем степеням открытости/закрытости (прибалтийско-финские, саамский, мордовские, марийский, коми, мансийский, венгерский, ненецкий языки), но не всегда по трем классам способа артикуляции: в большинстве У.я. (например, в венгерском и прибалтийско-финских) палатальные гласные делятся на иллабиальный и лабиальный классы, в других же языках (например, в селькупском) подобная оппозиция характерна и для велярных гласных; следовательно, в последнем случае при трехступенной системе открытости/закрытости дистрибуция по способу артикуляции является четырехклассной. В то же время при подобной четырехклассной дистрибуции встречаются и две степени по открытости/закрытости (хантыйский язык). Количество гласных превышает численность так называемых базисных гласных (а, о, и, е, i). Исключение — ненецкий язык, в котором в систему гласных входят только упомянутые 5 базисных фонем (однако у каждой из них имеется не менее двух аллофонов).

Оппозиция долгих и кратких гласных характерна прежде всего для венгерского, большинства прибалтийско-финских и мансийского языков, в то время как в эстонском и саамском учитываются три квантитативные степени, хотя, возможно, они выступают как явления, сопутствующие определенным другим

просодическим особенностям. Редуцированные гласные лишь в хантыйском и марийском закономерно получают значимость фонем. Настоящие дифтонги (то есть единицы, которые не могут быть квалифицированы ни как варианты долгих гласных, ни как сочетания типа "гласный + глайд"/w, j/), в общем, функционируют только в прибалтийско-финских, саамском языках, а также в отдельных диалектах мансийского, селькупского и нганасанского языков.

Вокальную гармонию принято считать характерной особенностью У.я., хотя ее нет в самодийских, пермских и саамском языках, с синхронной точки зрения она отсутствует даже в отдельных прибалтийско-финских (например, эстонском, вепском, ливском) языках. Следовательно, она характерна только для венгерского, марийского, финского, карельского, ижорского, водского языков (кроме того, она характерна для отдельных мансийских и хантыйских диалектов, сохранивших старые особенности финно-угорских языков). Примечательно, однако, что явления метафонии (точнее, альтернативии типа аблаута и умлаута) обнаруживаются в обско-угорских, саамском, ливском, ненецком языках (ее следы есть и в венгерском). Квантитативные особенности неодинаковы даже в тех языках, где они вообще имеют место. Для финского и нганасанского языков характерна значимость количественной стороны мор. В указанных языках долгие гласные и дифтонги полифонематичны: они равны двум морам, выступая как сложенные из двух кратких единиц; об этом свидетельствует и то, что в пределах слога между двумя морами может проходить морфемная граница; например, фин. *mene/e* 'он идет' состоит из глагольной основы *mene-* + глагольное окончание 3 л. ед. ч. *presenza*; *kesä/ä* 'лета' состоит из *kesä* + + партиципийный суффикс. Однако в большинстве У.я. долгие гласные (а также дифтонги) монофонематичны, и в этих языках наименьшей просодической единицей является не мора, а слог (это языки, для которых релевантно количество слогов). В связи с этим следует отметить, что место ударения в У.я., в общем, не является смысловозначительным. Самостоятельное словесное ударение большей частью падает на 1-й слог (исключения: марийский и удмуртский, в которых динамическое словесное ударение находится на последнем или предпоследнем слоге, а также самодийские языки, для которых, с одной стороны, можно постулировать взаимную связь ударения и долготы, а с другой — употребление ударения зависит от структуры моры, как, например, в нганасанском языке).

Состав согласных в языках неодинаков: меньше всего согласных в финском языке, в котором наряду с тремя ротовыми глухими смычными и с их гоморганными звонкими назальными соответствиями (то есть: p, t, k — m, n, ŋ) употребляются два ликвидных (l, r), один сибиллянт (s) и еще три смычных (v, j, h). Хотя звонкий d уже функционирует как в литературном, так и общеразговорном языке, ему на диалектном уровне соответствуют r, l, ð. Таким образом, в финском отсутствуют корреляции по звонкости и палатализации (первая корреляция в связи с проникновением иностранных слов начинает распространяться). В финском нет аффрикат; с помощью ts изображается не аффриката, а сочетание t + s. (ему в диалектах соответствуют tt, ht или tθ). В отличие от финского, в венгерском корреляция глухости/звонкости охватывает как эксплозивные (смычные), так и сибиллянтные и аффрикаты (s, š, z, ž; c, č, 3, ž). Корреляция непалатальных/палатальных представлена парами t — t', d — d', p — p', l — l'; однако эти противопоставления реализуются довольно незначительно (корреляция l — l' — только в диалектах). В количественном отношении система венгерских согласных, конечно, превосходит финскую, но то же самое характерно и для разных других родственных языков, особенно для тех, в которых употребляется несколько (2 — 3 — 5) сибиллянтов или аффрикат и в

которых реализуется такая корреляция глухих/звонких, непалатальных/палатальных (таковы, например, пермские, мордовский, марийский, отчасти и обско-угорские языки). Представлены и такие языки, в которых употребляются и более редкие согласные, например билабиальный *w*, смычный велярный *ɣ*, дентальный спирант *ð*, глухой *l*, какуминальные (*l*, *ɕ*, *ʃ*, *ʒ*), сильнофрикативный *χ* и т.д. Эти фонемы представлены преимущественно в малых языках (например, в обско-угорских, самодийских, а также отдельных родственных языках, бытующих на европейской стороне). Может показаться несколько странным, что *f* представлен только в венгерском, мордовских, нганасанском (хотя в последнем соответствующая фонема имеет и билабиальный, и гортанный (ларингальный) фрикативный аллофоны, и, возможно, ее следовало бы изображать знаком *h*), гортанный же смычный (?) как фонема используется только в северных самодийских языках. Для ненецкого характерно, что ни слово, ни слог не могут начинаться с гласного, что в конце морфем гортанные смычные в сочетаниях вызывают чередования согласных (назализацию, смычность, аффрикацию). Для ненецкого характерной является слоговая корреляция по мягкости (палатальная корреляция), распространяющаяся почти на всю систему согласных (исключения: фонемы *k*, *χ*, *ɕ*, ?). Фонематическая оппозиция кратких и долгих согласных свойственна консонантным системам тех У.я., в которых реализуется и оппозиция кратких/долгих гласных. Сопротивление к стечению согласных в анлауте характерно для всех У.я., за исключением мордовских.

В связи с консонантизмом У.я. нередко упоминается явление так называемого чередования ступеней согласных. Однако это явление, реализующееся по-разному и свойственное языкам в разной степени, встречается лишь в немногих языках и приобрело известность прежде всего в связи с финским языком. Чередование ступеней согласных представляет собою систему парадигматических альтернатив согласных, обусловленную структурой слога: так называемая сильная ступень выступает перед вторым (первоначально) открытым слогом, слабая — когда данный слог становится закрытым. Чередование ступеней согласных может быть квантитативным (-*kk*-/-*k*-, -*trr*-/-*tr*- и т.д.) или квалитативным (-*p*-/-*v*-, -*nt*-/-*nn*-, -*rk*-/-*rj*- и т.д.). Кроме того, существует и суффиксальное чередование ступеней согласных, в соответствии с которыми выбор сильных или слабых вариантов определенных суффиксов обусловлен структурой основы слова. Так, в финском суффикс партитива имеет варианты -*a*/-*ä*-, -*ta*/-*tä*-, ср., например, *maa* 'земля' — парт. *maa-ta* и *äiti* 'мать' — парт. *äiti-ä* и т.д. Данная консонантная альтернатива, обусловленная морфонологически, свойственна прибалтийско-финским (за исключением вепсского и ливского) и саамскому языкам (за исключением диалектов, бытующих южнее р. Уме). Однако в то время как в финском данное явление реализуется автоматически и для языка является избыточным, в эстонском оно перестало быть таковым: соответствующая альтернатива грамматикализовалась и стала средством для различения языковых категорий, например: *jalg* 'нога' — ген. *jala*, *hammas* 'зуб' — ген. *hamba*, роэг 'сын' — ген. *poja*, *tuba* 'комната' — ген. *toa* и т.д. Далее, в то время как в финском чередование ступеней охватывает внутри слова только смычные или сочетания типа "назальный + смычный", в других прибалтийско-финских языках данное явление может распространяться еще на другие согласные, а в саамском чередование ступеней квантитативного типа пронизывает всю систему согласных. (В нганасанском существует альтернатива согласных, которая хотя и напоминает чередование ступеней согласных, но не имеет к нему отношения; использование чередующихся единиц в нганасанском зависит от системы мор в слове.) Следует отметить, что чередование ступеней согласных не входит в характерные черты У.я.

Более значительна функция таких альтернатив, которые во многих У.я. реализуются в случаях присоединения суффиксов к основам слов и которые могут распространяться не только на согласные, но и на гласные этих основ. Сущность этого явления состоит в том, что основы, к которым присоединяются суффиксы, не всегда остаются неизменяемыми (ср. примеры неизменяемых основ: венг. *fiú* 'мальчик' — мн.ч. *fiú-k*, фин. *kala* 'рыба' — мн.ч. *kala-t*); по определенным типам основ существуют два, иногда и больше, альтернанта, выступающих при суффиксации, например венг. *tó* 'озеро' — акк. *tava-t* — дат. *tó-pak* — инесс. *tó-ban* — инесс. мн.ч. *tava-kban* — супрессивная лично-притяжательная форма 3-го л. ед.ч. *tav-á-n* и т.д.; фин. *mies* 'мужчина' — ген. ед.ч. *miehe-n* — партит. ед.ч. *mies-tä* — партит. мн.ч. *miehi-i-ä* — номинативная лично-притяжательная форма 1 л. ед.ч. *miehe-ni* и т.д.; хант. *ewə* 'девушка' — латив ед.ч. *ew-i-ja* — дв.ч. *ewe-nən*; *χotər* 'сеть' — лично-притяжательная форма 1 л. ед.ч. *χotp-en* и т.д.; коми *šín* 'глаз' — инесс. ед.ч. *šínm-en*, *lokni* (инфинитив, основа *lok-*) 'приходить' — императив 2 л. ед.ч. *lok* — индикатив 1 л. ед.ч. *lokt-a* и т.д.; нен. *man ?* 'куст' — акк. ед.ч. *manas-m ?* — дат. *mana-t ?* — лок. *maŋ-kana* — акк. мн.ч. *mans-o* и т.д., *ma ?* 'чум' — акк. ед.ч. *mað-m ?* — дат. ед.ч. *ma-t ?* и т.д.

Хотя У.я. по своей основе агглютинативные, приведенные примеры показывают, что для выражения языковых отношений нередко используется также внутренняя флексия. Наблюдения за изменениями основ могут быть дополнены другими примерами, особенно из эстонского, ливского, саамского, хантынского, ненецкого в известной мере и из венгерского языков, показывающими, что встречаются случаи, когда единственным или сопутствующим средством выражения грамматической категории является чередование гласных (или — это чередование + другая грамматическая морфема) первого слога. Например, эст. *uba* 'фасоль' — ген. *oa*, *rida* 'ряд' — ген. *rea* — иллат. ед.ч. *rea-sse*; лив. *lāpš* 'мальчик' — мн.ч. *lapš-t*, *tāpš* 'дуб' — мн.ч. *tōmā-d*, *āfb* 'рана' — мн.ч. *ārbu-d*, *nūfm* 'земля' — мн.ч. *nūgmā-d* и т.д.; саам. (норвежский диалект) *suolo* 'остров' — мн.ч. *sul'lu-k*, *šierrot* (инфинитив) 'плакать' — имперфект 3 л. мн.ч. *šigru*, саам. (южный диалект) *áivē* 'голова' — ген. мн.ч. *ūiv-ī* и т.д.; хант. *mā-ta* (инфинитив) 'давать' — императив 2 л. ед.ч. *mī-j-a*, *kīm* 'наружу' — *kaŋən* 'снаружи', *joŋt-ta* (инфинитив) 'шить' — *jīntər* 'иголка'; манс. *tēy* 'он ест' — *tāj-en* 'ешь' и т.д.; нен. (тундровый диалект) *χasawa* 'мужчина' — акк. мн.ч. *χašew*, *t'oba* 'лиса' — акк. мн.ч. *t'on*, *t'ib'a* 'зуб' — акк. мн.ч. *tīw*, *tī* 'северный олень' — дат. ед.ч. *te-n ?* — лок. ед.ч. *te-χena* — акк. мн.ч. *tī*, (лесной диалект) *kā-š* (инфинитив) 'умереть' — потенц. 3 л. ед.ч. *ke-jī* и т.д.; венг. *val-ó* 'существующий' — *vol-t* 'бывший', *hal-ó* 'умирающий' — *hol-t* 'мертвый' и т.д.

Морфологическая характеристика

Вышеприведенные примеры показывают, что в структуре У.я., которую, в общем, можно считать агглютинативной, обнаруживаются и разные флективные черты, которые могут квалифицироваться как технические приемы фузии, используемые для соединения морфем разных категорий, равно как, например, и уподобление суффиксов по гармонии гласных. Флективные черты, по-видимому, больше всего характерны для эстонского, ливского, саамского языков; далее (как мы увидим ниже), наряду с преобладающими синтетическими средствами У.я. не чуждо и применение аналитических средств для выражения грамматических значений.

Особенностью У.я. является отсутствие грамматической классификации имен (рода).

В У.я. большинство синтаксических отношений выражается при помощи суффиксов. В сфере имен представлено несколько типов словоизменительной суф-

фиксации. Во всех языках имеется так называемая абсолютная именная парадигма, в состав которой входят субъектно-объектные и обстоятельственные, прежде всего локальные, падежи или падежи с соответствующими суффиксами. По количеству падежей абсолютной парадигмы языки отличаются друг от друга: наряду с системами, состоящими в среднем из 7—10 падежей (в самодийских, обско-угорских, саамском языках), в ряде языков выявляются значительно дополненные падежные системы (в марийском — 13, эстонском — 14, финском — 15, удмуртском — 16, коми — 17, в венгерском — 17—23 падежей; в последнем расхождение по численности падежей объясняется тем, что некоторые суффиксы одними исследователями квалифицируются как падежные, другими — как словообразовательные). Однако в отдельных языках или диалектах количество падежей небольшое: в северно-хантыйском всего 3, в северно-мансийском — 5 падежей. Но даже в этих языках многофункциональная номинативная форма отчетливо отграничена от суффиксальных локальных падежей, также выражающих (как и в многопадежных языках) разные пространственные отношения по направлениям (следовательно, в таких языках специальными суффиксами не обозначены генитивные и аккумулятивные отношения, в отличие от локальных, хотя и у последних пространственные значения достаточно общие). Зато в языках, имеющих особые генитивный и аккумулятивный падежи, локальные падежи имеют возможность выражать дифференцированные пространственные отношения. Данная тенденция наблюдается главным образом в прибалтийско-финских и пермских языках, а также в венгерском, в которых окончания падежей в зависимости от того, выражают ли они внутренние или внешние локальные отношения, последовательно отграничены друг от друга; форманты пространственных падежей в многопадежных языках обычно дифференцированы также по трем направлениям движения, соответственно с вопросами *где?*, *куда?*, *откуда?*. В именном склонении формам ед. числа противопоставлены формы мн. числа; однако в ряде языков выделяется также двойственное число (в саамском, обско-угорских, самодийских языках); в формах неединственного числа — не считая отдельных отклонений — падежные суффиксы тождественны падежным суффиксам ед. числа.

Кроме того, независимо от количества падежей во всех У.я. весьма развиты системы послелогов: последние имеют возможность выражать более дифференцированные значения, чем падежи. Предлоги употребляются только в прибалтийско-финских, саамском языках, однако и в них довольно ограничено.

Характерно, что в У.я. лицо обладателя маркируется лично-притяжательным (посессивным) окончанием, присоединяемым к имени, выражающему обладаемое. Система лично-притяжательных суффиксов в У.я. гомогенна. Расхождения отмечаются только по двум линиям: 1) двойственное число для выражения численности обладателей выделяется только в саамском, обско-угорских и самодийских языках; 2) для выражения множественности обладаемых существует два способа (точнее: две морфемы). Здесь следует отметить, что показатели мн. числа в У.я. не тождественны (хотя из них *-t* довольно обобщен), и формы косвенных падежей мн. числа в одних языках образуются от номинативной формы мн. числа (см. венгерский, пермский, марийский, обско-угорские и селькупский языки, в которых падежные суффиксы ед. числа присоединяются к номинативной форме мн. числа), в других языках — на базе особой основы мн. числа, но при этом и в таких языках используются падежные суффиксы ед. числа.

Падежные и посессивные суффиксы могут сочетаться, однако порядок их расположения в разных языках неодинаков: в самодийских, мордовских, а также в саамском и прибалтийско-финском сочетании, происходит по типу: пад. + пос. суффиксы, в угорских языках обычным является тип: пос. + пад. суффиксы.

В пермских и марийских языках одни падежные суффиксы предшествуют посессивным формантам, другие — следуют за этими формантами. Если вдобавок учесть, что множественность обладаемых также может быть выражена отдельной морфемой, то на основании всего сказанного мы приходим к выводу, что в сочетаниях морфем типа: мн.ч. + пад. + пос. суффиксы (в прибалтийско-финских, мордовских языках) или мн.ч. + пос. + пад. (в венгерском, мансийском, коми языках) — если соответствующие морфемы четко разделены (а именно такое четкое разделение характерно для огромного большинства случаев) — элементы между конечной и корневой морфемами выступают наподобие инфиксов. Такое явление свойственно и глагольному словоизменению, и все это свидетельствует о синтезирующем характере У.я. Ниже на примерах из четырех языков показаны типы расположения соответствующих формантов.

Язык	Падежные форманты					
	Ед.ч. ном.	Мн.ч. ном.	Ед.ч. ном. — пос. 1 л. ед.ч.	Ед.ч. абл.	Мн.ч. абл.	Мн.ч. абл. — пос. 1 л. ед.ч.
Венг.	fazék 'горшок'	fazeka-k	fazeka-m	fazék-ból	fazeka-k-ból	fazeka-i-m-ból
Коми	pi 'сын'	pi-jas	pi-ej	pi-liš	pi-jas-lis	pu-jas-ej-liš
Фин.	pata 'горшок'	pada-t	pata-ni	pada-sta	pado-i-sta	pado-i-sta-ni
Манс.	pūt 'котел'	pūt-ət	pūt-um	pūt-nəl	pūt-ət-nəl	pūt-ən-uw-nəl

В последней графе примеры из венгерского, мансийского и коми языков показывают порядок расположения морфем по типу: основа + мн.ч. + пос. + падеж, а примеры из финского по типу: основа + мн.ч. + падеж + пос., причем в коми для обозначения посессивной множественности используется обычный суффикс мн. числа, в то время как в финском, венгерском и мансийском — так наз. суффикс притяжательной множественности.

Посессивные суффиксы имеют еще одну важную функцию. Из У.я. только в венгерском употребляется определенный артикль, поэтому определенность имени в марийском, пермских, обско-угорских и самодийских языках весьма часто выражается посессивным суффиксом 2-го или 3-го л. даже в случаях, когда не идет речь о посессивных отношениях. Однако данный способ отсутствует в прибалтийско-финских языках, в которых посессивные суффиксы постепенно выходят из употребления (из эстонского, водского, ливского они фактически исчезли); в этих языках оппозиция неопределенности/определенности выражается партицивом/аккузативом (последний — для тотального охвата объекта), а в разговорном языке определенность выражается частым анафорическим использованием указательного местоимения. Особое место среди У.я. занимают мордовские, в которых абсолютное именное словоизменение имеет два варианта: неопределенный и определенный, противопоставление которых характерно для всей системы именных парадигм; для определенной парадигмы характерно наличие постпозитивного артикля в соответствующих формах. Определенное склонение в мордовских языках — один из довольно редких типов словоизменения. К их числу относится также так называемое предестинативное склонение, существующее в самодийских языках: его функция — заранее указать, куда (к кому) относится соответствующее явление или лицо. В его парадигму входят лишь формы номинатива, аккузатива и датива; формы предестинативно-

парадигмы строятся по следующей схеме:

$$\begin{array}{l} \text{основа} + \text{пос. 3 л. ед.ч.} + \text{пад.} \left\{ \begin{array}{l} \text{НОМ.} \\ \text{акк.} \\ \text{дат.} \end{array} \right\} + \\ + \text{пос.} \left\{ \begin{array}{l} 1 \\ 2 \\ 3 \end{array} \right\} (\text{ед./дв./мн.ч.}) \end{array}$$

Последним, довольно редким, типом (именного) словоизменения является предикативное, наиболее полно представленное в мордовских и самодийских языках; в этих языках к именам (и даже к другим неглагольным словам), выступающим в функции сказуемого, без всякого словообразовательного суффикса можно присоединять глагольные (интранзитивные) суффиксы лица/числа, иногда даже показатель (прошедшего) времени. Таким образом, соответствующие слова превращаются в сказуемые глагольного типа и глагольной значимости. Следовательно, для них можно было бы предложить термин "конвертированные имена", поскольку они временно могут преобразоваться в глаголы, хотя, естественно, не имеют возможности обладать всеми глагольными категориями; ср. предикативное изменение ненецкого *ṛaseki* 'ребенок'; *ṛaseki-dm* (глаг. суф. 1 л. ед.ч.) 'я ребенок' — *ṛaseki-n* (глаг. суф. 2 л. ед.ч.) 'ты ребенок' — *ṛaseki-θ* (*θ* — глаг. суф. 3 л. ед.ч.) 'он ребенок' и т.д.; формы, снабженные показателем прошедшего времени (-*ś*): *ṛaseki-dam-ś* — *ṛaseki-na-ś* — *ṛaseki-ś* 'я, ты, он был ребенком' и т.д. Намеки на конвертируемость имени выявляются и в других У.я., прежде всего в форме именных сказуемых 3-го л., образуемой без связки (ср. венг. *ő fiú* 'он — мальчик' — *ők fiúk* 'они — мальчики' и т.д.).

Системы местоимений в У.я. чрезвычайно богаты. Склонение личных местоимений большей частью значительно отличается от именного склонения, иногда в нем выявляются супплетивные или плеонастические элементы; например, в венгерском плеонастично употребляется аккузативный -*t*, но в склонении могут использоваться и другие элементы: *te* 'ты' — *téged(et)* 'тебя', *én* 'я' — *engem(et)* 'меня'; супплетивными можно считать соответствия типа *én* 'я' — *nekem* 'мне' и т.д.; супплетивно и плеонастически образованы косвенные падежи 1-го и 2-го л. мн.ч.; ср. *mi* 'мы', *ti* 'вы' — *minket* 'нас', *titeket* 'вас', в которых множественность выражена дважды; супплетивны, например, нен. *pidar* 'ты' — *šit* 'тебя' — *ňant* 'тебе' и т.д. Однако встречаются случаи, когда формы личных местоимений образуются под влиянием именного склонения и аналогично формам имени (венг. *ő* 'он' — *ő-t* 'его', *ők* 'они' — *őket* 'их'; это характерно и для склонения финских личных местоимений). Однако таких случаев немного. Склонение неличных местоимений показывает значительно больше сходств (или даже полное сходство) с именным склонением, чем склонение личных местоимений.

Чрезвычайно многообразны глагольные парадигмы. К общим чертам У.я. относится расположение глагольных личных окончаний в конце глагольной формы, а также то, что они во многом подобны посессивным суффиксам. В то же время по составу и сущности глагольных категорий между языками больше расхождений, чем сходств. Ниже приводятся только отдельные характерные особенности этого рода.

В большинстве У.я. пассива нет. В тех языках, в которых пассив используется, он не всегда представлен подлинными пассивными формами; часто имеет место использование медиальных глаголов, или соответствующие образования применяются для указания на неопределенно-личный субъект или для нестрогого

повеления (например, в финском). Чрезвычайно разнообразны численность и характер времен и наклонений, нет единства и по существу (и в способах выражения) аспекта. Численность наклонений варьирует от 3—4 до 10, но тройственность индикатива, императива и кондиционалиса (конъюнктива) свойственна всем У.я. Существуют языки (например, самодийские), в которых качество глагольного аспекта и способа протекания действия (Aktionsart) играет решающую роль в толковании времени чисто финитных форм глагола. Таким образом, возможны формы, в которых настоящее или прошедшее специально не маркированы, хотя примеры маркированных настоящего и прошедшего времен также нередки. В обско-угорских языках особой грамматической морфемой маркировано и настоящее время, однако в большинстве У.я. эта временная форма не имеет показателя и, как правило, употребляется также в значении будущего времени. Прошедшее действие или состояние выражается в одних языках претеритом с формантом *j* (i), в других используется сибилантный формант (*š*, *s*, *š*). В глагольной парадигме значительную роль играют причастия: им тождественны финитные формы 3 л. ед. и мн. числа, кроме того, они могут входить в состав аналитических форм. Последние употребляются главным образом в прибалтийско-финских, пермских и марийских языках, в меньшей мере в мордовских и венгерском, однако по структуре они коренным образом расходятся. Например, в финском в конструкциях типа "глагол бытия + причастие смыслового глагола" маркеры лица и числа, времени и наклонения входят в состав вспомогательного глагола, лишённого лексического значения; ср. перфект: *ole-n* (1 л. ед.ч.) *sanonut* (перфектное причастие) — *ole-t* (2 л. ед.ч.) *sanonut* — *on* (3 л. ед.ч.) *sanonut* и т.д. 'я, ты, он сказал'; плюсквамперфект: *ol-i-n* (1 л. ед.ч. претерита) *sanonut* — *ol-i-t sanonut* — *ol-i sanonut* и т.д. 'я, ты, он сказал (раньше)'. Однако в марийских и пермских языках сложные формы прошедших времен составлены из финитных форм настоящего времени смыслового глагола и следующей за ними неизменяемой презентной или претеритной формы 3-го л. вспомогательного глагола; так же построены устаревшие формы прошедших времен в венгерском (*jöttem vala* — *jöttél vala* — *jött vala* и т.д. или *jöttem volt* — *jöttél volt* — *jött volt* и т.д. 'я, ты, он пришел'), а также современные формы прошедшего времени кондиционалиса (*jöttem volna* — *jöttél volna* — *jött volna* 'я, ты, он пришел бы' и т.д.); ср. также формы претерита перфекта в коми: *šet-am veļi* (1 л. мн.ч.) — *šet-annjđ veļi* (2 л.) — *šet enj-veļi* (3 л.) 'мы, вы, они дали' и т.д.

Определенное и неопределенное (объектное и безобъектное) типы спряжения различаются в угорских, мордовских и самодийских языках. Различия проявляются либо в употреблении двух разных рядов личных окончаний (в венгерском и самодийских языках), либо в употреблении специальной морфемы для конструирования объектных форм при одинаковых личных суффиксах для обоих типов спряжения (в мордовских и обско-угорских языках). Формами объектного спряжения дифференцированно выражается число объекта, иногда даже его лицо; в этом отношении наиболее полной является парадигма определенного спряжения в мордовских языках, а наиболее ограниченной — в венгерском.

Глагольные приставки имеются только в венгерском, обско-угорских и ливском языках (в последнем они заимствованы из латышского). В трех угорских языках превербы представляют такую своеобразную подгруппу наречий, которая уже не может считаться наречной. Превербы не функционируют самостоятельно, а только как первые компоненты сложных глаголов, но они все же могут отделяться от главного (глагольного) компонента. Превербы используются для выражения аспекта или способа действия, а также оттенков лексического значения. Все это

весьма напоминает использование глагольных приставок в немецком и славянских языках. Превербные ограничено применяются и в селькупском языке.

Отрицание выражается либо при помощи отрицательной частицы (угорские, частично и мордовские языки), либо при помощи отрицательного вспомогательного глагола (прибалтийско-финские, саамский, марийский, пермские, самодийские, частично и мордовские языки).

Широка роль глагольных нефинитных форм: они могут принимать личные глагольные суффиксы и таким образом преобразовываться в финитные формы, кроме того, выступая в качестве отглагольных имен, они могут присоединять к себе падежные (и даже посессивные) суффиксы и таким образом создавать возможность образования таких осложненных инфинитных сочетаний, которым в других языках обычно соответствуют придаточные предложения; ср. фин. *päivän* (ген.) *laskettua* (2-е пассивное причастие + партит. -а) *tulee kylmä* 'поскольку солнце село, становится холодно', букв. 'солнца севший идет холод', ср. в старовенгерском памятнике "Надгробная речь": *hadlaua choltat* (*hadlavá holtát*) 'он слышал, что он умрет', хант. *mä wətam* (причастие прошедшее) *weli kálas* 'олень, которого я купил, сдох' и т.д. Поэтому подчинительные союзы формировались в У.я. сравнительно поздно.

У.я. относятся к языкам, в которых (не считая отдельные исключения) нет специального глагола со значением "иметь", поэтому обладание чем-либо, как правило, выражается по модели: глагол бытия + притяжательная конструкция (т.е. посесс. суффикс либо генитив или датив + посесс. суффикс): фин. *minun* (датель-генитив) *on jano* 'мне хочется пить' (букв. 'мне есть жажда'); сельк. *man öker ätäm eņa* 'у меня есть один олень' (букв. 'я один олень мой есть'); венг. (*nekem*) *van két lányom* 'у меня есть две дочери' (букв. 'мне есть две дочери мои').

Согласование реализуется только частично. Сказуемое с подлежащим, как правило, согласуется в числе и лице, хотя нередки случаи, когда при подлежащем в форме ед. числа, но выражающем множественность, сказуемое выступает в форме мн. числа (согласование по смыслу). Определение с определяемым, как правило, не согласуется, т.е. прилагательное и числительное в функции определения не изменяются; венг. *két magas házban* 'в трех больших домах'. Исключение: прибалтийско-финские языки, в которых прилагательное в функции определения с определяемым согласуется не только в числе, но и в падеже; фин. *suurissa taloissa* 'в больших домах' (ср. *suuressa talossa* 'в большом доме') и т.д. Кроме того, за количественным определением определяемое следует в ед. числе: венг. *négy férfi* 'четверо мужчин' (букв. 'четыре мужина'), нен. *samlánq̄ ǰasawa* 'пятеро мужчин' и т.д. (исключение: прибалтийско-финские языки, в которых за числительным существительное следует в форме партитива: фин. *neljä miestä* 'четверо мужчин'). Из этого следует, что парные предметы одежды и парные части тела обозначаются (не всегда последовательно) именами в форме ед. числа: венг. *kezet mos* 'он моет руки' (букв. 'руку'), *csizmát húzott a lábára* 'он надел на ноги сапоги' (букв. 'на ногу сапог'); фин. *hänellä on kengät jalassa* 'у него на ногах сапоги' (букв. 'имеется сапоги на ноге'). В соответствии с этим, если называется только одна из парных частей тела, это принято уточнять при помощи слова со значением 'половина': венг. *féllábú* 'одноногий' (букв. 'полуногий'), фин. *silmäruoli*, хант. *sempelək* 'одноглазый' (букв. 'половина глаз') и т.д.

Основное правило порядка слов заключается в том, что подчиненное слово (*rectum*) предшествует подчиняющему (*regens*). Следовательно, определение предшествует определяемому, дополнение (и обстоятельство) — глаголу. Хотя это правило имеет немало исключений (особенно по расположению сказуемого), все же из него следует, что основным типом порядка членов предложения в У.я.

является схема SOV. Тем не менее существуют и такие У.я., в которых доминантным является расположение типа SVO: фин. *minä luen kirjaa* 'я читаю книгу'. Данный порядок выявляется в мордовских языках и очень часто употребляется в саамском, пермских и даже в венгерском, хотя в последнем, собственно, одинаково представлены оба доминантных типа (SOV и SVO), а другие возможные варианты порядка слов используются для выражения добавочных оттенков значения (поскольку венгерский относится к языкам с так называемым свободным порядком слов).

Вышеизложенное показывает, что морфология У.я. изобилует словоизменительными и словообразовательными суффиксами. Однако из этого не следует, что в У.я. синтагмы конструируются только по синтетическому (или полисинтетическому) типу; можно привести немало примеров и аналитического конструирования. Об этом свидетельствуют: наличие отрицательного вспомогательного глагола и сложных глагольных конструкций, послеложных конструкций, определенных правил расположения членов предложения, употребление разного рода служебных слов, немаркированность отдельных членов предложения. Следовательно, в У.я. роль аналитических синтагм довольно значительна, хотя и очевидно, что в количественном отношении все же превалируют образования, сконструированные по синтетическому типу.

По составу лексики У.я. довольно пестры. В них выявляется около 1200—2000 собственных (исконных) слов уральского, финно-угорского, угорского, финно-пермского происхождения, в каждом языке много слов образовалось и на основе собственного материала. Однако наряду с этим много слов перенято также из других языков; они образуют разные пласты в лексическом составе (довольно большой процент заимствований относится к периферийным слоям лексики, что особенно характерно для поздних заимствований). Уже в уральский языкооснову перешло несколько индоевропейских (или близких к ним ранних индоиранских) и праиранских слов. Почти во всех У.я. выявляются заимствования старо-, средне- и новоиранского происхождения. Влияние тюркских языков наиболее ощутимо в лексике марийского, удмуртского, угорских и южносамодийских языков. Однако эти лексические единицы приобретены в разные периоды развития и свидетельствуют о разных языковых источниках; например, в венгерском обнаруживаются по меньшей мере три пласта тюркского происхождения: слова чувашского типа, воспринятые до прихода венгров в Венгрию, слова кипчакского характера, перенятые в XI—XIV вв. из языков половцев и печенегов, и, наконец, несколько слов турецкого происхождения, заимствованных в XVI—XVII вв. Большое значение имеют многочисленные слова славянского происхождения, которые большинством У.я. заимствованы из русского (а венгерским — главным образом из южнославянских языков). Из германских источников заимствования из немецкого языка характерны для венгерского и эстонского языков, из скандинавских (прежде всего из шведского) языков — для прибалтийско-финских и саамского. Кроме того, в У.я. в разном количестве проникли лексические элементы из других соседних (иногда и из несоседних) языков; наиболее многочисленны слова латинского, греческого и другого (восточного) происхождения в венгерском или слова, проникшие в прибалтийско-финские языки из балтийских и германских языков.

В нижеследующей таблице особенности У.я. отражены по наиболее существенным фонетическим, морфонологическим, морфологическим и синтаксическим параметрам. Несмотря на то что отмеченные схождения и расхождения в каждом случае имеют свои конкретные толкования, таблица может быть использована как общий обзор наиболее важных характеристик современных У.я.

Грамматические характеристики уральских языков

Характеристика	Язык											
	саам.	фин.	эст.	мари	морд.	коми	удм.	венг.	манс.	хан.	нен.	сельк.
Палатализация	+	±	±	-	+	+	+	+	+	+	+	+
Звонкие эксплозивные	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-
Аффрикаты	+	-	-	+	+	+	+	+	-	+	-	-
Долготная оппозиция	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	±	+
Дифтонги	+	+	+	-	-	-	-	-	±	-	-	-
Гармония гласных	-	+	-	+	±	-	-	+	-	-	-	-
Умлаут, аблаут	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-
Чередование ступеней согласных	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Дв. число	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Многофункциональный номинатив	-	-	-	-	-	-	-	±	+	+	+	-
Генитив	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+
Внешние/внутренние падежи	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
Посесс. суф. + пад. суф.	-	-	0	±	-	±	±	+	+	+	-	-
Претерит на $\xi (+)/j (-)$	±	-	±	±	±	-	-	+	+	+	+	+
Инфинитив на $-ni (-ni)$	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
Неопр./опр. спряж.	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+
Пассив	+	+	(+)	-	-	-	-	±	+	+	-	-
Конверсия	-	-	-	-	+	-	-	±	±	±	+	+
Отриц. вспом. глагол	+	+	+	±	+	+	-	-	-	+	+	-
Порядок слов SVO	±	+	+	-	+	+	±	±	-	-	-	-

ЛИТЕРАТУРА

Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М., 1978.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.

Основы финно-угорского языкознания. М., I — 1974; II — 1975; III — 1976.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.

Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. III.

Austerlitz R. L'Ouralien. La langage // Encyclopedie de la Pléiade. Paris, 1968.

Collinder B. Survey of the Uralic languages. Stockholm, 1957.

Décsy Gy. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

Donner O. Die gegenseitige Verwandtschaft der finnisch-ugrischen Sprachen // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. 1879. 11.

Hajdú P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. 3 kiad. Budapest, 1976 (с библиографией).

Hajdú P. Az uráli nyelvészet alapkérdései. Budapest, 1981.

Hajdú P., Domokos P. Urali nyelvrokonaink. Budapest, 1978 (с библиографией).

Havas F. A magyar, finn és az észti nyelv tipológiai összehasonlítása. Budapest, 1974.

Jankunen J. On the structure of the Proto-Uralic // Finnisch-ugrische Forschungen. 1981. 44.

Jankunen J. Uralilaisien kantakielen sanastosta // Journal de la Société finno-ougrienne, 1981. 77.

Korhonen M. Die Entwicklung der morphologischen Methode im Lappischen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1969. 37.

Korhonen M. Über die struktural-typologischen Strömungen (drifts) in den uralischen Sprachen // Congressus Quintus Fenno-Ugristarum. Turku, 1980. 1.

Sammallahti P. Über die Laut- und Morphemstruktur der uralischen Grundsprache // Finnisch-ugrische Forschungen, 1979. 43.

Tauli M. Structural tendencies in Uralic languages. The Hague, 1966.

К.Е. Майтинская

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Финно-угорскими (реже угро-финскими) называются языки, входящие в финно-угорскую подсемью уральской семьи языков. Термин "финно-угорский" был образован путем сочетания названий языков-членов двух основных ветвей соответствующей подсемьи.

2. Большинство Ф.я. распространено на огромной территории северо-восточной Европы и северо-западной Азии. Наиболее южным представителем Ф.я. является венгерский (распространен в Венгрии и в соседних с ней странах), наиболее западным — саамский (распространен в Норвегии, Швеции, Финляндии и на Кольском полуострове в Российской Федерации), наиболее восточным — хантыйский (распространен в северо-западной Сибири в районе Оби и ее притоков). К финно-угорской подсемье относятся следующие языки (по расположению с востока на запад): хантыйский, мансийский, коми, удмуртский, мордовские, марийский, прибалтийско-финские, венгерский, саамский. Некоторые Ф.я. (мерянский, муромский) уже исчезли. Первый связный памятник Ф.я. ("Надгробная речь"), записанный латинскими буквами на венгерском языке, относится к концу XII в. Ныне письменностью на основе латинской графики пользуются венгры, финны, эстонцы и зарубежные саамы, письменностью на основе русской графики — пермские, волжские и обско-угорские народы. Языки остальных финно-угорских народов, бытующих на территории Российской Федерации и бывших республик СССР, — бесписьменные.

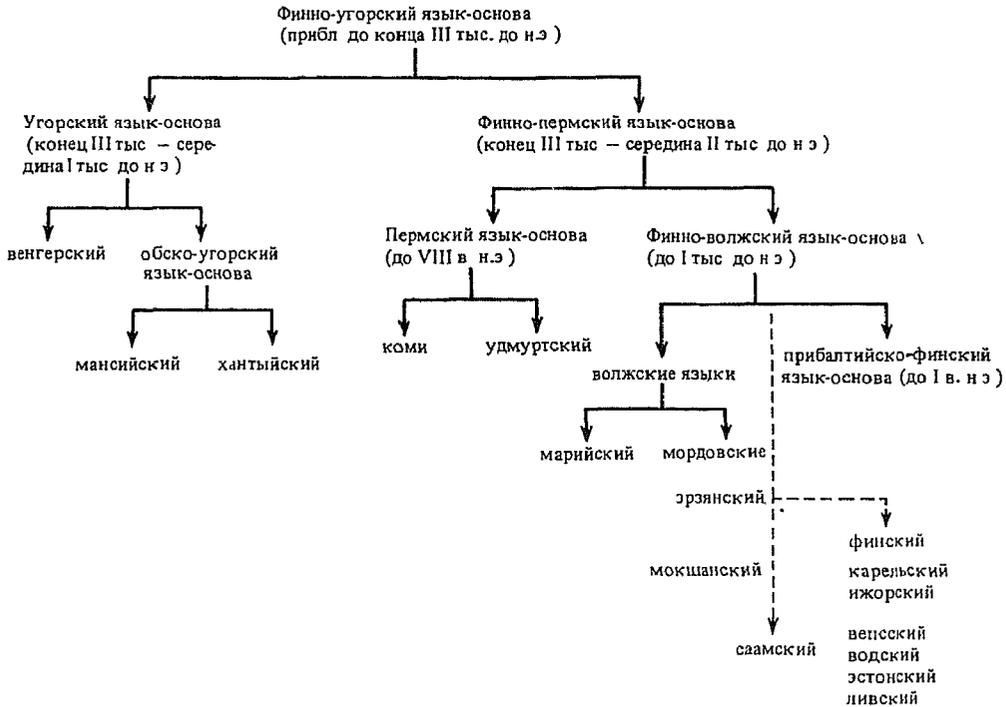
3. Ориентировочная численность носителей современных Ф.я. — около 24 млн чел. Среди них первое место занимают венгры (около 15 млн чел.); наиболее малочисленны носители водского языка (несколько десятков человек).

4. Предположение о родстве большинства Ф.я. было высказано уже в XVII в., однако научные попытки обоснования этого родства относятся только ко второй половине XVIII в., когда венгерский ученый Я. Шайнович впервые удачно подошел к сравнению двух языков (венгерского и саамского, принадлежащих к двум наиболее отдаленным друг от друга ветвям финно-угорского языка-основы), доказывая их родство путем выявления этимологий довольно многих слов и общих для этих языков морфологических элементов.

Первые примитивные попытки классификации Ф.я. основывались на географо-историческом принципе, и только к концу XIX в. в результате разысканий венгерского ученого немецкого происхождения Й. Буденца и финского ученого О. Доннера определились классификации, основанные на сравнении внутривидовых языковых особенностей. Данный принцип лежит в основе классификации, наиболее принятой в наше время, однако сами методы сравнения (прежде всего по этимологизации фонетических и морфологических элементов) постоянно совершенствуются: используются новые диалектологические данные и метод внутренней реконструкции, привлекаются результаты археологических, лингвогеографических и антропологических исследований. В частности, благодаря такому комплексному подходу к изучению древней истории Ф.я. и их носителей достигнуты результаты и в выявлении прародины финно-угров. Считается, что после распада уральской семьи языков отдельная финно-угорская общность формировалась в регионе Волго-Камья на западе от Уральских гор, а также

в районе, близком к хребту Уральских гор с востока. Относительное единство соответствующей языковой общности сохранилось вплоть до конца III тыс. до н.э.

5. Приблизительная хронология разделения финно-угорского языка-основы и его ветвей достаточно изучена и обычно представляется следующей схемой:

Данную схему в известной мере следует считать ориентировочной. Особенно спорной представляется реконструкция волжской общности: некоторые ученые предполагают, что прамарийский и прамордовский языки из финно-волжского языка-основы выделились непосредственно (без промежуточного волжского языка-основы). Нет единого мнения относительно исторической взаимосвязи саамского и прибалтийско-финского языков. Существует мнение, что некоторые хронологические данные, касающиеся распада наиболее древних языков-основ (например, финно-угорского, финно-пермского и угорского), следовало бы отнести к более отдаленным временам, чем даты, приведенные в схеме.

6. Современные Ф.я., относящиеся к разным ветвям, значительно отличаются друг от друга. Это объясняется как хронологической отдаленностью образования соответствующих ветвей, так и тем, что между многими родственными языками утрачены непосредственные контакты, что привело к появлению в них индивидуальных особенностей. Этому способствовало и воздействие окружающих неродственных языков, оказавших влияние не только на лексику контактирующих Ф.я., но (в меньшей мере) и на их фонетико-грамматический строй. Например, марийская форма сравнительной степени образуется путем использования суффикса сравнительной степени *-рак/-рăк*, заимствованного из чувашского языка; при образовании формы условного наклонения в коми-пермяцком используется частица *бы*, заимствованная из русского языка; в

некоторые Ф.я. из неродственных языков проникли словообразовательные суффиксы. Под влиянием русского языка в мордовских языках стали появляться случаи согласования препозитивного определения с определяемым. В ряде Ф.я. разные типы сложных предложений формировались по моделям подобных предложений русского языка; при этом часто используют союзы, заимствованные из русского языка.

Фонетическая характеристика

По вокализму современные Ф.я. значительно различаются. В некоторых языках (особенно в пермских) по употреблению гласных первого и непервого слогов существуют расхождения; позиционные ограничения употребления гласных встречаются и в других языках. В венгерском и пермских языках незаимствованные корневые слова, как правило, односложны; наоборот, для исконных слов современного финского языка характерна двусложная структура с исходным гласным, поэтому даже заимствованные слова часто уподобляются этой модели; ср. фин. *rappi* 'священник' < рус. *поп*, *turku* 'рынок' < рус. *торг*, *risti* 'крест' < рус. *крест*. По долготным соотношениям, количеству, месту и способу образования современные Ф.я. также различны. Например, в пермских, мордовских, марийском языках гласные по долготе не противопоставляются, но в большинстве Ф.я. реализуется оппозиция кратких и долгих гласных, а в эстонском языке выделяются даже три фонематические степени долготы; ср. венг. *por* 'песок' и *róg* 'крестьянин', *öt* 'пять' и *öt* 'его', фин. *tuli* 'огонь' и *tuuli* 'ветер', *lima* 'слизь' и *liima* 'клей', манс. *tur* 'горло' и /*tür*/ 'озеро'; эст. *sada* 'сто', *saada* 'пришли' и *saada* (aa — сверхдолгий) 'получить'. В некоторых Ф.я. (обско-угорских, марийском) наряду с гласными полного образования имеются и редуцированные. В большинстве Ф.я. дифтонгов фактически нет, однако они очень разнообразны и часто употребляются в прибалтийско-финских и саамском языках. Для большинства Ф.я. характерна гармония гласных, охватывающая в пределах простого слова как корневую, так и суффиксальную морфемы. В прибалтийско-финских языках она имеет палатальный/велярный характер; ср. фин. *metsä-ssä* 'в лесу', *talo-ssa* 'в доме'; в венгерском и марийском помимо палатальной/велярной вокальной гармонии реализуется и лабиальное/нелабиальное противопоставление; ср. мар. *клубы-што* 'в клубе', *чодра-ште* 'в лесу', *пёрты-штё* 'в избе'; в мордовских языках выявляется сложный сингармонизм согласных и гласных, а для пермских языков вокальная гармония вообще не характерна. Степень устойчивости гласных корня (или основы) в современных Ф.я. весьма различна; в пермских чередование гласных почти отсутствует, в венгерском оно сводится к отдельным простым типам, в хантыйском, прибалтийско-финских и саамском языках имеет большое значение.

Современные Ф.я. существенно различаются и по консонантизму. В большинстве из них существуют мягкие/твердые пары согласных, но финскому языку такая оппозиция не свойственна. Большинству Ф.я. чуждо употребление сочетаний согласных в начале слова, поэтому старые заимствования, не соответствующие данной финно-угорской модели по фонетической структуре, адаптированы с определенными изменениями; ср. коми *д́ва* < рус. *вдова*, фин. *koulu* < швед. *skola* (диал. *skoula*) 'школа', мар. (горный диал.) *waraç* < рус. *врач*, венг. *iskola* < лат. *skola* 'школа', *barát* 'монах' < сербскохорв. *brat* 'монах', 'брат'. Тем не менее в некоторых, особенно в более поздних, заимствованиях сочетания согласных встречаются и в начале слова; ср. мар., коми *кряж* 'кряж', 'толстое бревно' < рус. *кряж*, венг. *gránát* < нем. *Granat* 'гранат' (камень),

spórolni < нем. sparen 'экономить', удм. кран < рус. кран, морд. трактор < рус. трактор. В отдельных языках сочетания согласных в начале слова могли появляться в результате выпадения гласного: удм. трос 'много' < *тырос (ср. коми тыр 'полный'), мокш. пси 'горячий' < *писи (ср. диал. писи 'горячий'). Кроме того, сочетаниями согласных в разных финно-угорских языках могут начинаться и звукоподражательные слова; ср. венг. btekegni 'квакать'. Для большинства подветвей Ф.я. характерно то, что в начальной позиции в исконных словах звонкие /b, d, g, z, ź/ не употребляются; только в отдельных языках и языковых подветвях используются фонемы /f, χ, п/ (последняя лишь в середине или в конце слова), билабиальная /w/ и некоторые другие согласные. По поведению согласных в середине слова особое место занимают прибалтийско-финские и саамский языки. Для них характерно чередование ступеней согласных, обусловленное особенностью структуры слова. Если первый слог открытый, у чередующихся согласных выступает сильная ступень, если он закрытый, у этих согласных употребляется слабая ступень; например, вместо сильных -pp-, -tt-, -kk-, -lt-, -p- и т.д. употребляются соответствующие им слабые -p-, -t-, -k-, -ll-, -v- и т.д.; ср. фин. kauppa 'торговля' — kaupan 'торговли', kattaa 'крыть' — katamme 'мы кроем', kukka 'цветок' — kukat 'цветы', silta 'мост' — sillan 'моста', lepo 'отдых' — levon 'отдыха'. Фонематическое противопоставление долгих (или геминированных) и кратких согласных последовательно выступает и в венгерском языке, но там оно не имеет отношения к вышеназванному чередованию ступеней согласных; ср. венг. áll 'подбородок' — ál 'ложный', késsel 'ножом' — késél 'опаздываешь', fedd 'порицает' — fed 'накрывает'. Отдельные типы позиционного чередования согласных выявляются также вне прибалтийско-финских и саамского языков: так, в коми чередуются v/l, в венгерском h/θ; ср. коми оз кыв 'он не слышит' — кылö 'он слышит', кылам 'мы слышим', венг. méhek 'пчелы' — méh /mē/ 'пчела'.

По статистическим данным о пропорциональном использовании гласных/согласных, финский занимает почетное место не только среди родственных, но и среди неродственных европейских языков: частотность употребления гласных в финском языке очень высока, выше, чем, например, в венгерском, эстонском, коми, французском, английском, немецком, русском и ряде других языков, и в этом отношении финский уступает лишь немногим европейским языкам, например португальскому, румынскому, итальянскому. Выделяется финский язык и по большому количеству дифтонгов; их, по мнению одних исследователей, — 16, по мнению других — 18.

Численность гласных и согласных фонем в значительной мере зависит от долготного признака. В языках, в которых долготное противопоставление имеет фонематическую значимость, количество гласных и согласных фонем обычно выше, чем в языках, которым долготная оппозиция не свойственна. Так, в эрзянском языке выявляется 5 гласных фонем, в мокшанском, коми и удмуртском — 7, в венгерском же (с учетом и долгих фонем) — 14; в эрзянском употребляется 28 согласных, в мокшанском — 33, в коми — 26, в венгерском же без учета долгих (геминированных) соответствий — 25. По частотности употребления в финском языке первые места занимают из гласных /i, a/, из согласных — /t, s/, в венгерском из гласных — /e, á/, из согласных — /t, l/, в коми-зырянском из гласных — /e, a/, из согласных — /n, s/.

Ударение в Ф.я. динамическое, обычно фиксированное на первом слоге слова. Однако для коми-зырянского и эрзянского языков место ударения, в общем, безразлично, в мокшанском оно обычно падает на первый слог, но в опреде-

ленных фонетических условиях переходит на другой, в марийском в зависимости от некоторых условий ударение может находиться на разных слогах, в коми-пермяцком частично зависит от морфологического состава слова; в удмуртском ударением, как правило, выделяется последний слог.

Морфологическая характеристика

По морфологическому типу Ф.я. агглютинативные, но отдельные элементы флективности выявляются во всех языках. Значительно развита флективность в прибалтийско-финских и саамском языках.

Количество категорий слов в современных Ф.я. приблизительно одинаково: выделяются существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глагол, наречие, далее послелог (предлог), частицы, союзы. Хорошо развитые определенный и неопределенный артикли имеются только в венгерском языке (слабо развитые и в некоторых других языках). Следы древней слабой разграниченности глагола и имени выявляются и в современных Ф.я. Так, в венгерском отдельные корневые (бессуффиксальные) слова употребляются в качестве как глагола, так и имени; ср. *fagy* 'морозит' и 'мороз', *les* 'он караулит' и 'засада'; тождественны основы финских *kuiva-* 'сохнуть' и *kuiva* 'сухой', *kaiku-* 'звучать' и *kaiku* 'эхо'; ср. также коми *gõr* 'паши' и 'соха', *тшын* 'окуривай' и 'дым', *тыр* 'наполняйся' и 'полный'. Во многих Ф.я. ряд личных окончаний глаголов полностью тождествен лично-притяжательным суффиксам имен; ср. мар. *корно* 'дорога' — *корн-ем* 'моя дорога', *корн-ет* 'твоя дорога' и *воз-* 'писать' — *воз-ем* 'я пишу', *воз-ет* 'ты пишешь', фин. *talo* 'дом' — *talo-mme* 'наш дом', 'наши дома' и *saпо-* 'говорить' — *saпо-mme* 'мы говорим'; нефинитные формы глагола во многих Ф.я. изменяются по лично-притяжательному и падежному рядам склонения; ср. коми *мунны* 'идти' — *мунным ог вермы* 'я не могу идти', *мунныйд он вермы* 'ты не можешь идти' и т.д., эст. *laulma* 'петь' — *olen laulmas* 'я пою' (букв. 'я нахожусь в пении'), *tulin laulmast* 'я пришел с пения' и т.д., венг. *maradni* 'оставаться' — *maradnom kell* 'я должен остаться', *maradnod kell* 'ты должен остаться' и т.д., хант. *mëntë* 'идуший' — *mëntäm* 'я идуший' — *mëntän* 'ты идуший' и т.д. Ряд словообразовательных суффиксов тождественной этимологии используется для образования как глаголов, так и имен, как в отглагольном, так и в отыменном словообразовании; ср. венг. *fut-ni* 'бежать' — *futos-ni* 'бегать', *szag* 'запах' — *szagos* 'пахучий'; в мансийском языке уменьшительно-ласкательный суффикс *-kwe* и пренебрежительный *-riš* могут присоединяться как к именам, так и к глаголам. Слабо разграничены между собой именные категории. Слова определенных семантических групп в зависимости от синтаксического употребления могут выступать в функциях существительных и прилагательных, реже — наречий; ср. манс. *por* 'бревно' — *por kol* 'деревянный дом' (букв. 'бревно дом'), коми, удм. *из* 'камень', коми *керка*, удм. *корка* 'дом', 'изба' — коми *из керка*, удм. *из корка* 'каменный дом', коми *керка из*, удм. *корка из* 'камень для (строительства) дома', венг. *gyermek* 'ребенок' — *kedves gyermek* 'милый ребенок', *gyermek Mátyás* 'юный Матьяш' (букв. 'ребенок Матьяш'), коми *бõр* 'зад' и 'назад', удм. *шулдыр* 'веселье', 'веселый' и 'весело'.

Имя. Во всех Ф.я. характеризуется категориями числа, падежа, лично-притяжательности (последняя в некоторых прибалтийско-финских языках выражена слабо). Ни в одном Ф.я. нет категории рода (класса).

Во всех современных Ф.я. противопоставляются бессуффиксальная форма ед. числа и суффиксальная форма мн. числа; в обско-угорских (более ограничено также в саамском) языках употребляется помимо этого суффиксальная форма двойственного числа. Форма ед. числа используется весьма широко —

как своего рода форма абсолютного числа. Так, в ряде Ф.я. названия парных частей тела и соответствующих этим частям предметов одежды употребляются преимущественно в форме ед. числа; ср. мар. *кид* 'руки', *пиж* 'рукавицы', хант. *рас* 'рукавицы', венг. *szem* 'глаза', *сирб* 'ботинки'. Если же необходимо подчеркнуть, что речь идет только об одном компоненте подобных парных предметов, это делается путем использования добавочных средств, например слов, обозначающих 'половина'; ср. хант. *рас рејэк* 'одна рукавица' (букв. 'рукавица половина'), венг. *megvakult félszemére* 'он ослеп на один глаз' (букв. 'на половину своего глаза').

Косвенные падежи маркируются при помощи суффиксов; номинатив специального маркера не имеет. Современные Ф.я. по падежным системам значительно различаются. Для большинства из них характерны многочисленные падежные системы (например в венгерском языке свыше 20 падежей, в коми — 16, в финском — 15); в отличие от них в некоторых говорах хантыйского языка выявляются всего 3 падежа. Во всех Ф.я. есть падежи пространственного значения, но только в части языков представлен генитив и лишь в немногих — аккузатив. Специальными падежами выражаются следующие значения: частичность (партитив): прибалтийско-финские, саамский языки; переход из одного состояния в другое (транслатив): прибалтийско-финские, мордовские, мансийский, венгерский языки; совместность, орудийность (социатив, комитатив, инструменталис): саамский, прибалтийско-финские, обско-угорские, венгерский языки; изъятельность, отсутствие чего-либо (абессив): саамский, прибалтийско-финские, мордовские, пермские языки; причинность (каузалис): мокшанский, венгерский языки; состояние (эссив): саамский, прибалтийско-финские, венгерский языки; предельность (терминатив): пермские, венгерский языки — и другие значения. По отдельным языкам учет количества падежей затруднен тем, что послелоги довольно легко переходят в падежные форманты, к тому же послелоги и падежные форманты иногда нечетко разграничены. Венгерский язык, диалекты вепского, карельского, коми-пермяцкого и удмуртского языков особенно богаты падежами, суффиксы которых сравнительно недавно образовались от послелогов или находятяся в стадии формирования.

Лично-притяжательное склонение характерно для большинства Ф.я. (ср. саам. *riaaz-am* 'мой олень', *riaaz-at* 'твой олень', *riaaz-és* 'его олень' и т.д.), но в эстонском, водском, ливском языках фактически отсутствует. В мордовских, марийском и пермских языках лично-притяжательный суффикс 3-го (реже также 2-го) лица используется и в детерминативном (выделительном) значении. Лично-притяжательное склонение совмещается с падежным; ср. венг. *ház* 'дом' — *ház-ban* 'в доме' — *ház-am-ban* 'в моем доме' — *ház-ad-ban* 'в твоём доме' и т.д. По словоизменению имен особого внимания заслуживают мордовские языки; в них наряду с основной падежной и лично-притяжательной парадигмами имеется еще указательная (определенная). Суффиксы последней используются в функции определительного артикля; ср. эрз. основной (неопределенный) ряд: ном. *кудо* 'дом' — ген. *кудо-нь* 'дома' — илл. *кудо-с* 'в дом' и т.д., указательный (определенный) ряд: ном. *кудо-сь* — ген. *кудо-нть* — илл. *кудо-нтьень* и т.д.

В большинстве Ф.я. прилагательные в функции препозитивного определения не изменяются; в других же функциях, как правило, принимают форманты существительных (иногда с небольшими изменениями). Степени сравнения в одних Ф.я. представляют довольно ясную категорию, в других — например, в обско-угорских языках — они слабо грамматикализованы. В марийском, пермских, венгерском, саамском языках и в большинстве прибалтийско-финских языков формы сравнительной степени образуются при помощи суффикса; ср. мар.

ошо 'белый' — *ошы-рак* 'белее', венг. *fehér* 'белый' — *fehér-ebb* 'белее'. В ряде языков используются аналитические формы. Формы превосходной степени в одних языках маркируются суффиксами, в других — префиксами, в третьих выражены аналитически; ср. кар. *l'evie* 'широкий' — *l'evain* 'самый широкий', коми *кузь* 'длинный' — *медкузь* 'самый длинный', лив. *ũš* 'новый' — *amà ũš* 'самый новый'.

Порядковые числительные образуются от количественных при помощи суффикса, только слова со значениями 'первый', 'второй' в ряде языков образованы от имен или местоимений.

Словообразование имен осуществляется путем суффиксации, словосложения и конверсии (субстантивации, адъективации, адвербиализации). Весьма распространены парные слова, образованные по словосложению сочинительного типа; они состоят из слов соответствующих значений и имеют более широкую обобщающую семантику, чем их компоненты в отдельности; ср. эрз. *овт-вергизт* 'звери' (букв. 'медведи-волки'), мар. *кјмыж-совла* 'посуда' (букв. 'чашка-ложка'). Среди парных слов выделяются образования изобразительного характера, формировавшиеся по определенным звуковым соответствиям компонентов; ср. венг. *limlom* 'всякое барахло' (*lom* 'барахло', *lim* самостоятельного значения не имеет и выступает лишь как фонетический вариант от *lom*). В качестве первого компонента сложных имен подчинительного типа чаще всего используется основная (номинативная) форма имени. В большинстве своем сложные слова данного типа от соответствующих определительных словосочетаний отграничены нечетко.

Местоимение. Для современных Ф.я. характерно употребление нескольких разрядов личных местоимений; кроме собственно-личных (основных) почти во всех языках выделяются усилительно-личные, возвратные, счетно-личные, реже и другие местоименные слова, изменяющиеся или различающиеся по лицам; ср. мокш. *монць* 'я сам', *тонць* 'ты сам' и т.д., коми *кыкнанным* 'мы оба' — *кыкнаннид* 'вы оба' и т.д. Особый разряд притяжательных местоимений выявляется только в немногих Ф.я.; они употребляются обычно ограниченно, поскольку притяжательные отношения, как правило, выражаются лично-притяжательными суффиксами или (часто в качестве дополнительного средства) собственно-личными местоимениями в номинативной или другой падежной форме. В большинстве Ф.я. по числу противопоставляются личные местоимения единственного и множественного числа; ср. лив. *miņa* 'я' — *mēG* 'мы', венг. *én* 'я' — *mi* 'мы', но в саамском и обско-угорских языках в качестве третьего члена оппозиции выступают и личные местоимения двойственного числа; см. саам. *mōp* 'я' — *moai* 'мы' (двое) — *mī* 'мы' (многие), манс. *am* 'я' — *mēp* 'мы' (двое) — *māp* 'мы' (многие). Падежное изменение личных местоимений обычно значительно отличается от падежного склонения существительных; соответствующие парадигмы расходятся даже по количеству падежей. Падежная парадигма собственно-личных местоимений дополняется единицами, образованными от послелогов путем присоединения к ним лично-притяжательных суффиксов; ср. эрз., мокш. *мельга-н* 'за мной' — *мельга-т* 'за тобой' и т.д. (*мельга* 'за'), венг. *miatt-am* 'из-за меня' — *miatt-ad* 'из-за тебя' и т.д. (*miatt* 'из-за', 'по причине').

Указательные местоимения изменяются по падежам. В большинстве Ф.я. оппозиция этих местоимений реализуется в форме единственного и множественного числа, в угорских же языках третьим членом оппозиции выступает форма двойственного числа; ср. хант. *tomj* 'тот' — *tomjyn* 'те (двое)' — *tomjt* 'те (многие)'. В прибалтийско-финских, мордовских, марийском (остаточно и в коми) языках формы ед. и мн. числа у местоимений со значениями 'этот', 'тот' образованы

супплетивно; ср. фин. *tämä* 'этот' — *nämä* 'эти', мар. *тиде* 'этот' — *нине* 'эти'.

Вопросительные местоимения изменяются не только по падежам, но и по числам; в большинстве Ф.я. у этих местоимений имеются формы ед. и мн. числа, а в обско-угорских языках — также формы дв. числа; ср. манс. *хõпха* 'кто?' — *хõпхауу* (дв.ч.) — *хõпхат* (мн. ч.).

По линии вопросительных, частично и личных, местоимений реализуется оппозиция по признаку личность/неличность (одушевленность/неодушевленность); личные местоимения 3-го лица в большинстве Ф.я. относятся только к человеку; вопросительное местоимение с корневым элементом **m-* + гласный соотносено только с неодушевленным денотатом, вопросительное же местоимение с корневым элементом **k-* + переднеязычный гласный — только с одушевленным.

Глагол. В Ф.я. характеризуется категориями числа, лица, наклонения и времени, в большинстве языков — и оппозицией утвердительной/отрицательной парадигм. Залоговые и видовые значения — последние по линии способа протекания действия (*Aktionsart*) — в основном выражаются при помощи словообразовательных суффиксов.

В большинстве Ф.я. противопоставляются две формы числа глагола: бессуффиксальная форма единственного и суффиксальная форма множественного числа. Двойственное число имеется только в саамском и обско-угорских языках; ср. саам. *gulâm* 'я слышу' — *gulli* 'мы (двое) слышим' — *gullâp* 'мы (многие) слышим'.

В Ф.я. глагол изменяется по трем лицам, выраженным при помощи противопоставления суффиксов; 3-е лицо ед. числа в ряде языков специального суффикса не имеет.

По типам и количеству форм времени современные Ф.я. чрезвычайно многообразны, форма настоящего времени выявляется во всех Ф.я., причем в некоторых она маркируется специальным суффиксом (употребляемым обычно не во всех лицах); ср. манс. *të-γ-эм* 'я ем' — *të-γ-п* 'ты ешь' — *t-ë-γ* 'он есть' и т.д. и *të-s-эм* 'я ел' — *të-s-п* 'ты ел' — *të-s* 'он ел' и т.д.; в других языках эта форма специального маркера не имеет; ср. в венгерском наст. время: *mond-ok* 'я говорю' — *mond-sz* 'ты говоришь' и т.д., прош. время: *mond-t-am* 'я говорил' — *mond-t-ál* 'ты говорил' и т.д. В большинстве современных Ф.я. выявляется несколько форм прошедшего времени, противопоставляемых по разным семантическим признакам. Так, в финском одна из форм прош. времени выражает нейтральное в прошлом действие, другая — законченное в прошлом действие, третья — действие, предшествовавшее другому действию в прошлом. В мордовских языках одна из форм прошедшего времени выражает действие, повторявшееся или длившееся в прошлом; для выбора форм прошедшего времени в марийском и пермских языках большое значение имеет оппозиция очевидности/неочевидности действия: в первом случае говорящий сам убедился в достоверности действия (был его очевидцем), во втором же о нем он знает только с чужих слов. Формы прош. времени могут маркироваться специальными суффиксами (ср. фин. *sano-i-n* 'я говорил' — *sano-i-t* 'ты говорил' и т.д. и *sano-n* 'я говорю' — *sano-t* 'ты говоришь' и т.д.) или реализоваться в аналитическом сочетании смыслового глагола со вспомогательным. Существуют две модели аналитических форм: 1) спрягается вспомогательный глагол, смысловой же компонент по лицам не изменяется; 2) спрягается смысловой компонент, а вспомогательный по лицам не изменяется. Первая модель наиболее характерна для прибалтийско-финских и саамского (исторически также мордовского) языков; ср. саам. *lœm gullâm* 'я слышал' — *lœk gullâm* 'ты слышал' и т.д., фин. *olin luku-nut* 'я читал' (раньше) — *olit luku-nut* 'ты читал' (раньше) и т.д.; вторая модель хорошо представлена в пермских, марийском

(исторически также венгерском) языках; ср. удм. *мынисько вал* 'я шел' — *мыниськод вал* 'ты шел' и т.д.

Средства для выражения будущего действия существуют в большинстве Ф.я., однако они обычно употребляются редко или слабо развиты, поскольку в соответствующей функции чаще используется форма настоящего времени. Из структурных моделей формы будущего времени наиболее распространена аналитическая: сочетание спрягаемой формы вспомогательного глагола с инфинитивной (реже с причастной) формой смыслового глагола. В подобных конструкциях в качестве вспомогательного компонента выступают единицы, восходящие к глаголам, обозначающим 'быть', 'становиться', 'начинать', 'держат', 'хотеть'. В мансийском аналитическая форма составлена иначе: спрягается смысловый компонент и с ним сочетается частица. В отдельных языках употребляется простая форма будущего времени: в пермских языках используется особый набор личных окончаний, в ряде других языков — особый специализованный суффикс.

(Во всех Ф.я. имеется несколько форм наклонения, из которых изъявительная не маркирована и выделяется только в противопоставлении другим, маркированным, формам наклонения. По количеству наклонений Ф.я. неодинаковы. Например, в венгерском их всего три, а в большинстве прибалтийско-финских языков выявляется четырехчленная система, состоящая из изъявительного, повелительного, условного и возможностного наклонений; кроме указанных в ливском и эстонском языках употребляется еще неочевидное наклонение. Много наклонений выявляется в мордовских языках, где противопоставляются семь форм: индикатив, императив, дезидератив, конъюнктив, кондиционал, конъюнктив-кондиционал и оптатив.

Структурные типы наклонений весьма разнообразны. Одни из них маркированы при помощи специальных суффиксов (таково в эрзянском побудительное наклонение, обозначенное суффиксом *-з-*: *мораз-з-ан* 'пусть я пою' — *мора-з-ат* 'пусть ты поёшь' и т.д.), другие представляют собою аналитические конструкции, которые, подобно аналитическим формам прошедшего времени изъявительного наклонения, образуются по двум моделям: 1) спрягается вспомогательный глагол, а смысловой компонент не изменяется по лицам (ср. эст. *oleksin lugenud* 'я бы читал' — *oleksid lugenud* 'ты бы читал' и т.д.); 2) вспомогательный компонент не изменяется по лицам, а смысловой спрягается (ср. мар. *толнем ыле* 'я хотел прийти', *толнет ыле* 'ты хотел прийти' и т.д.).

В угорских и мордовских языках выявляется оппозиция неопределенных/определенных (безобъектных/объектных) парадигм. Неопределенные личные суффиксы определяются в случаях, когда глагол интранзитивный или когда действие не соотносено с прямым объектом либо последний является неопределенным; определенные же личные окончания используются в основном в случаях, когда действие направлено на определенный (известный, упомянутый) прямой объект; ср. венг. *jól lát-ok* 'я вижу хорошо', *lát-ok egy csillagot* 'я вижу звезду' (неопределенную; *látok* — неопределенная форма), *lát-om a csillagot* 'я вижу звезду' (определенную, упомянутую; *látom* — определенная форма). Оппозиция указанных парадигм действительна для всех форм времени и наклонения. По соотносительности указания на лицо или число определенного прямого объекта мордовские формы определенных парадигм более дифференцированы, чем подобные формы в угорских языках.

Для языков финно-пермской ветви характерна оппозиция утвердительных и отрицательных парадигм. Отрицательные формы в большинстве этих языков образуются путем сочетания личных форм отрицательного вспомогательного глагола с не изменяемой по лицам формой смыслового глагола; ср. мар. *ом уж*

'я не вижу' — *от уж* 'ты не видишь' и т.д. (*уж* 'видеть'). В большинстве языков данный тип противопоставления утвердительных и отрицательных микропарадигм охватывает все наклонения и времена. Однако по отдельным языкам в одних микропарадигмах данная оппозиция реализуется последовательно, в других же употребляются личные формы утвердительного спряжения с отрицательной частицей (обычно восходящей к застывшей форме отрицательного глагола); ср. эрз. *эзинь кунда* 'я не поймал' — *эзить кунда* 'ты не поймал' и т.д. (*кунда* 'поймать', 'ловить') и *а кундан* 'я не ловлю' — *а кундат* 'ты не ловишь' и т.д. (*а* — частица).

Словообразование глагола в Ф.я. чрезвычайно богато. Особенно широко используется суффиксальное словообразование, поскольку при помощи многочисленных суффиксов выражаются обычно разные залоговые и видовые значения. Суффиксы видовой семантики используются в основном не для обозначения совершенности/несовершенности действия, а для дифференциации его протекания; противопоставляется выражение мгновенности, начинательности, кратковременности, однократности выражению повторности, непрерывности, продолжительности.

Словосложение у глаголов используется реже, чем у имен; префиксальное словосложение в угорских языках используется широко; оно свойственно и ливскому языку.

Из служебных слов во всех современных Ф.я. употребляются послелого, частицы и союзы. Большинство послелогов восходит к живым или устаревшим падежным формам существительных. Послелого локальных значений, образовавшиеся от одного имени, но содержащие разные падежные суффиксы, составляют серии, члены которых служат для дифференциации основной пространственной семантики; ср. коми *бердын* 'у' — *бердд* и *бердлань* 'к' — *бердысь* и *бердсянь* 'от' — *бердтв* 'мимо', 'вдоль' — *бердддз* 'до' < *берд* 'место около чего-либо'. В результате позднего развития в прибалтийско-финских и саамском языках появились также предлоги; отдельные предлоги встречаются и в других Ф.я. Во всех Ф.я. широко используются частицы; они могут иметь разное расположение. Энклитические частицы часто близки к суффиксам, ср. фин. *-ko/-kö* (вопросительная частица), *-han/-hän* (усилительная частица). Союзы в старолитературных венгерском, финском, эстонском языках в основном формировались на материале собственного языка; остальными языками много союзов заимствовано из окружающих языков, прежде всего из русского. Хорошо развитые определенный и неопределенный артикли употребляются только в венгерском языке. Они не изменяются.

Синтаксическая характеристика

Ф.я. — языки номинативного строя. В ряде языков широко используются чисто именные предложения без связки, соотнесенные с формой настоящего времени; ср. манс. *am päñ* 'я маленький', коми *ми комсомолецъяс* 'мы комсомольцы'. В глагольном предложении сказуемое, как правило, выражено финитной формой глагола. Благодаря богатству дифференцированных личных окончаний часто используются личные предложения, состоящие только из одного слова — финитной формы глагола. Они соответствуют двусоставным предложениям, состоящим из лично-местоименного подлежащего и сказуемого; ср. фин. *tulin* 'я пришел', венг. *sietsz?* 'ты спешешь?'. В угорских и мордовских языках, в которых объектные формы указывают не только на субъект, но и на определенный прямой объект, глагольное сказуемое может заменить как подлежащее, так и прямое дополнение; ср. венг. *látlak* 'я вижу тебя'. В мордовских языках упо-

требуется еще один тип однословного личного предложения: выступая в роли сказуемого, разные части речи могут принимать личные сказуемостные суффиксы, заменяющие лично-местоименное подлежащее и глагол бытия; ср. эрз. *сазор-ан* 'я (есть) сестра' — *сазор-ат* 'ты (есть) сестра' и т.д. (*сазор* 'сестра'), *васоло-линь* 'я был далеко' — *васоло-лить* 'ты был далеко' и т.д. (*васоло* 'далеко').

Сказуемое, как правило, согласуется с подлежащим в числе: венг. *a házak kényelmesek* 'дома удобны', *a házak már épültek* 'дома уже строились' (*kényelmesek* 'удобны', *épültek* 'строились' — формы мн.ч.). Согласование определения с определяемым общераспространенно только в прибалтийско-финских языках¹ (более ограничено и в удмуртском); ср. фин. *tässä suuressa talossa* 'в этом большом доме', вод. *põtilē naisilē* 'молодым женщинам'; отдельные случаи согласования данного типа встречаются и в других Ф.я.

Поскольку в большинстве Ф.я. нет глагола со значением 'иметь', соответствующее значение выражается главным образом глаголом бытия, при котором обладательное имя употребляется в форме какого-либо косвенного падежа; ср. фин. *hänellä on kauniit silmät* 'у него красивые (есть) глаза' (*hänellä* 'у него' — форма адессива), коми *Иванлӧн вӧлі книга* 'у Ивана была книга' (*Иванлӧн* — форма адессива/генитива). При оформлении же определительных притяжательных отношений в одних языках лично-притяжательные суффиксы используются только в случаях, когда обладатель выражен личным местоимением, в других они употребляются и при именном слове-обладателе; ср. фин. *rojan kirja* 'книга мальчика' (*kirja* 'книга' оформлено без лично-притяжательного суффикса), эрз. *цѣранть похи сазорозо* 'старшая сестра парня' (*сазорозо* 'сестра' оформлено лично-прит. суффиксом 3-го лица). В одних языках обладательный член таких конструкций оформлен (или обычно оформлен) суффиксом косвенного падежа (в приведенных примерах *rojan*, *цѣранть* — формы генитива), в других выступает в номинативной форме. Характерны особые количественные конструкции, в которых изменяемые члены, связанные с числительным или с другим словом количественного значения, имеют форму ед.ч.; ср. мар. *коло ушкал* 'двадцать коров' (*ушкал* 'корова'), венг. *sok gyermek maradt* 'осталось много детей' (*gyermek* 'ребенок', *maradt* 'осталось' — формы ед.ч.). Управление послелогов и предлогов широко распространено лишь в прибалтийско-финских и саамском языках. В мордовских языках послелоги управляют косвенной падежной формой только в случаях, когда опорное слово имеет указательный или лично-притяжательный суффикс. В остальных языках послелоги связаны с номинативной формой имени. Для Ф.я. характерны простые предложения, осложненные герундийными оборотами, заменяющими придаточные предложения; ср. эрз. *мекев ютамсто сован гостекс* 'идя обратно (букв. 'из обратно идения'), я найду в гости'.

Порядок слов нередко имеет смысловозначительную функцию; ср. морд. *ашо ал* 'белое яйцо' и *ал ашо* 'яичный белок', венг. *a szürke ház* 'серый дом' и *a ház szürke* 'дом серый'. В определительных словосочетаниях определение предшествует определяемому. Если определительное словосочетание является многочленным, его члены размещаются по степени подчинения; ср. венг. *a város egész lakosságának kérésére* 'по просьбе всего населения города' (букв. 'город всего населения по просьбе'). Послелоги следуют непосредственно за обслуживаемым словом.

Хорошо развитые союзные сложноподчиненные предложения характерны главным образом для старолитературных Ф.я. В новолитературных языках они развились в основном под влиянием контактирующих языков, среди которых заметное место занимает русский.

Лексическая характеристика

В Ф.я. выявляется ок. 1000—1200 слов прафинно-угорского происхождения. После разрушения праязыковой общности лексика Ф.я. в значительной мере обогащалась за счет заимствования из иноязычных источников, из которых прежде всего следует отметить индоевропейские. Среди них по ареальному охвату и количеству переданных лексических единиц наиболее значительна роль славянских языков, влиянию которых в разные периоды развития подвергались все Ф.я. Венгерский язык адаптировал главным образом южнославянские слова, в другие Ф.я. многочисленные лексические единицы переходили только из русского языка. Иранские заимствования выявляются также во всех Ф.я., но по количеству они значительно уступают славянским. Слова балтийского происхождения бытуют в прибалтийско-финских (в малом количестве и в мордовских) языках. Германские слова переходили в прибалтийско-финские (главным образом из шведского источника), а также в венгерский язык (из немецкого языка, который много слов передал и эстонскому языку). Мощные пласты тюркских (татарских, чувашских, башкирских) заимствований содержатся в лексике волжских, пермских и угорских языков. Заимствовались слова также из родственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.

Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермский и угорские языки. М., 1976.

Серебренников Б.А. Основные линии разви-

тия падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.

Collinder B. Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960.

Désy Gy. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

Tauti V. Structural tendencies in Uralic languages. London; The Hague; Paris, 1966.

А. Лаанест

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Прибалтийско-финскими (П.-ф.я.) называются языки, составляющие одну из подветвей финно-угорской подсемьи уральской языковой семьи.

2. К П.-ф.я. относятся семь языков: финский язык распространен в Финляндии, а также в Швеции, в Эстонии, в Карелии, в Ленинградской области Российской Федерации; карельский язык — в основном в Карелии и Тверской области Российской Федерации; вепсский язык — в Ленинградской, Вологодской областях Российской Федерации и Карелии; ижорский и водский языки — в Ленинградской области Российской Федерации; эстонский язык — в Эстонии; ливский язык — в Латвии. Некоторые финские ученые рассматривают людиковский диалект карельского языка как диалектную группу, переходную от карельского языка к вепсскому.

3. Число говорящих-свыше 5,5 млн человек (1989), из которых основную часть составляют финны и эстонцы. Водский и ливский языки уже почти перестали функционировать как средства общения.

4. П.-ф.я. довольно близки друг другу и, по всей вероятности, происходят от общего праязыка. Большинство лингвистов считает, что существовал прибалтийско-финско-саамский (общезинно-саамский) праязык, который распался на прибалтийско-финский и саамский (см. ст. "Уральские языки"). Предполагается, что прибалтийско-финский праязык разделился на диалекты юго-западной группы, на основе которой образовались ливский, эстонский и водский, частично также финский языки, и на диалекты северо-восточной группы, откуда произошли восточные диалекты финского языка, карельский, ижорский и вепсский языки.

Согласно другой точке зрения (высказываемой финским лингвистом Т. Итконеном), современные П.-ф.я. происходят от трех прадиалектов: 1) от северного диалекта, который непосредственно продолжают современные западные диалекты финского языка, 2) южного диалекта, на основе которого развились ливский, эстонский и частично водский языки, 3) восточного диалекта, элементы которого вместе с северным диалектом участвовали в формировании вепсского, карельского, ижорского языков и восточных диалектов финского языка, а вместе с южным диалектом — в формировании водского языка.

5. Предполагается, что прибалтийско-финско-саамский праязык отделился от восточных финно-угорских языков в III или II тысячелетии до н.э. Большинство известных сегодня прибалтийско-финских языков существовали, по-видимому, уже в I тысячелетии н.э.

6. **Фонетическая характеристика.** Имеются гласные а, о, и, е, i, ä, ö, ü, а также в некоторых языках нелабиализованный гласный среднего ряда e. В большинстве языков действует закон гармонии гласных, согласно которому в простом слове встречаются или гласные переднего ряда (палатальные) ä, ö, ü, или гласные заднего ряда (велярные) а, о, и; только е, i могут комбинироваться с любым гласным. В эстонском литературном и ливском языках, а также в некоторых вепсских говорах из гласных переднего ряда в непервых слогах встречаются только е, i. Для всех П.-ф.я. характерно наличие большого количества дифтонгов. Из согласных общее распространение имеют k, p, t, s, h, m, n, l, r, v, j. Фонологическая оппозиция согласных по звонкости/глухости в большинстве языков слабо развита, а в некоторых диалектах

совсем отсутствует. То же самое относится к оппозициям *s/š* и *z/ž*. В большинстве языков противопоставляются палатализованные/непалатализованные согласные. Большое значение в фонологической системе имеет противопоставление долгих и кратких гласных, а также долгих (удвоенных) и кратких (одинарных) согласных, например фин. *lika* 'грязь' — *liika* 'лишний', *kanan* (ген. от *kana* 'курица') — *kannan* 'я несу'. В начале слова обычно нет сочетаний согласных, они встречаются только в заимствованных или звукоподражательных словах. Главное ударение закономерно падает на первый слог. Динамическое ударение, как правило, сопровождается повышением основного тона.

П.-ф.я. свойственны многочисленные морфонологические чередования. Самое широкое распространение имеет чередование ступеней согласных, встречающееся также в саамском языке. Оно заключается в том, что согласный, следующий за ударным слогом, если он входит в закрытый (или исторически закрытый) слог (т.е. заканчивающийся согласным), становится "слабым", упрощается, исчезает или заменяется другим; в открытом слоге тот же согласный выступает в сильной ступени. Примеры: фин. *seppä* 'кузнец' — ген. *seppän*, *pata* 'горшок' — ген. *padan*, эст. *sigä* 'свинья' — мн.ч. *sead*, *sõda* 'война' — мн.ч. *sõjad*, иж. *pitkä* 'длинный' — ген. *piDän*. В П.-ф. праязыке чередование ступеней было позиционно обусловлено, однако в современных языках данная обусловленность утратила свое значение; например, в эстонском слабая ступень может встречаться и в открытом слоге из-за падения генитивного *n*: *rõllu* (<*pellon) 'поля'. Во многих случаях чередование внутри основы стало единственным способом различения грамматических форм: эст. ном. *rõld* 'поле', ген. *rõllu*, партитив *rõldu*.

К П.-ф. праязыку восходит еще ряд других чередований. В результате перехода *e > i* в конце слова возникли формы типа фин. *tuli* 'огонь' — ген. *tulen*, эст. *jõgi* 'река' — ген. *jõe*. Из-за перехода *t > s* перед *i* возникли такие чередования, как фин. *käsi* 'рука' — ген. *käde-n*, партитив *kät-tä*, *vesi* 'вода' — ген. *vede-n*, партитив *vet-tä*. Переходом *nt > nt* объясняется чередование в формах фин. *lumä* 'снег' — партитив *lunta*, а переходом *kt > ht* чередование в формах фин. *kaksi* (<*kakti) 'два' — ген. *kahden*, эст. *lähen* (<*lähten) 'я иду' — *läksin* (<*läktin) 'я шел'. В результате перехода *s > h* в интервокальном положении возникло чередование в именах на *-s*, например: иж. *kerves* 'топор' — ген. *kervehen* — партитив *kervestä*, фин. *kirves* — *kirveen* (>*kirvehen) — *kirvestä*. В определенных именах и глаголах регулярно чередуются основы на гласный/согласный, например: фин. *raimen* 'пастух', ген *raimene-n*, партитив *raimen-ta*, адессив *raimene-lla*; вепс. *pes-ta* 'мыть', *peze-n* 'мою', *peze-d* 'моешь', *pes-kat* 'мойте'.

Морфологическая характеристика. Мн. число выражается в основном при помощи показателей *-t* (употребляется в номинативе, а также в 3 лице мн. числа глаголов) и *-i* (в остальных падежах). Ед. число не имеет особых показателей.

Общераспространенными падежами являются: номинатив без падежного окончания (суффиксы других падежей приводятся в финских вариантах); генитив на *-n*, партитив на *-ta/-tä*, инессив на *-ssa/-ssä*, элатив на *-sta/-stä*, иллатив на **-hen*, адессив на *-lla/-llä*, аблатив на *-lta/-ltä*, аллатив на *-lle(n)*, эссив на *-na/-nä*, абессив на *-tta(k)/-ttä(k)*, транслатив на *-ksi*. Бывший аккузатив на *-m* совпал с генитивом из-за перехода *m > n* в конце слова. Прямой объект выражается генитивом или партитивом, в ряде случаев номинативом. Партитив — специальный для П.-ф.я. падеж, развившийся из финно-угорского аблатива. Кроме объекта партитив может выражать субъект, например: фин. *lapsia juoksee pihalla* 'дети (неопределенное количество) бегают на дворе'. Если существительное

употребляется вместе с числительным (кроме числительного 'один'), существительное стоит в партитиве ед.ч.: эст. *kaks (kümme) raamatut* 'две (десять) книги'. Иллатив, инессив и элатив составляют группу внутренне-местных падежей, например: кар. *peftih* 'в избу', *peftissä* 'в избе', *peftistä* 'из избы', а аллатив, адессив и аблатив — группу внешне-местных падежей: фин. *röydälle* 'на стол', *röydällä* 'на столе', *röydältä* 'со стола'. Транслатив выражает то, кем или чем кто-то или что-то будет: фин. *tulin opettajaksi* 'я стал учителем'. Эссив отвечает на вопросы "в качестве кого? чего?": фин. *olin opettajana* 'я был учителем'. В некоторых языках относительно поздно, путем превращения послелогов в падежные окончания, возникли новые падежи, такие, как комитатив на -ga в эстонском языке, падеж на -luo в карельских диалектах, падежи на -rei/-päi в вепском языке.

В большинстве случаев все существительные, прилагательные, числительные и местоимения имеют одинаковые падежные окончания. Только в генитиве, партитиве и иллативе у части слов (в разных языках в различной степени) наблюдается нечеткость границ между основой, падежным суффиксом и показателем мн. числа.

Грамматический род отсутствует.

Прилагательные и наречия имеют степени сравнения. Суффиксом сравнительной степени является -pra/-trä. Превосходная степень в большинстве языков выражается аналитически, только в финском и карельском языках имеется суффикс превосходной степени -in~-impra/-imprä.

Лично-притяжательные суффиксы (фин. *poika-ni* 'мой сын', 'мои сыновья', *poika-si* 'твой сын', 'твои сыновья' и т.д.) встречаются последовательно только в финском языке. В карельском, вепском и ижорском языках сфера употребления их значительно сузилась, а в водском, эстонском и ливском языках сохранились только рудименты, главным образом в наречиях. Отсутствуют суффиксы для выражения множественности обладаемого.

Глагол спрягается в трех лицах единственного и множественного числа. Окончания 1 и 2 лл. происходят от личных местоимений, а форма 3 л. настоящего времени восходит к причастию настоящего времени. 3 л. ед. числа в прошедшем времени (имперфекте) не имеет окончания. Персональный пассив отсутствует, но часть лингвистов называет пассивом неопределенно-личные формы, имеющие специальные показатели, например: эст. *laulatakse*, фин. *lauletaan* 'поют', фин. *laulettiin* 'пели' — ср. *laulavat* 'они поют', *lauloivat* 'они пели'.

Глаголы имеют четыре времени: презент, имперфект с показателем *i*, сложные времена перфект и плюсквамперфект, которые образуются при помощи вспомогательного глагола фин. *olla* 'быть', вепс. *olda*, лив. *võlda* и причастия прошедшего времени смыслового глагола.

Во всех П.-ф.я. существуют следующие наклонения: индикатив (без показателя), кондиционал (показатели типа фин. *-isi* или эст. *-ksi*), императив (показатели типа фин. *-k*, *-ka/-kä*, *-ko/kö*). Потенциал, наклонение с показателем *-ne*, употребляется в финском и карельском языках; в остальных языках оно стало малоупотребительным или вовсе не существует.

Как и в других финно-угорских языках, отрицание выражается при помощи специального глагола, имеющего основу *e*; к этой основе присоединяются личные окончания, смысловой же глагол по лицам не изменяется. Примеры: фин. *en lue* 'я не читаю', *et lue* 'ты не читаешь', *ei lue* 'он не читает', *emme lue* 'мы не читаем', *ette lue* 'вы не читаете', *eivät lue* 'они не читают'. В имперфекте употребляются те же формы отрицательного глагола + причастие прошедшего времени, например: фин. *en lukenut* 'я не читал', *et lukenut* 'ты не читал'. Однако

в отдельных языках есть следы форм имперфекта отрицательного глагола, например в эстонском говоре Кодавере eZln, eZiD, eš, eZimä, eZittä, eZiD.

Имеется инфинитив с показателем -t, например фин. pestä 'мыть' (по терминологии финских грамматик "первый инфинитив"), и инфинитив с показателем -m, например pesemä(än) 'мыть' ("третий инфинитив"). В финских грамматиках вторым инфинитивом называются деепричастия типа laulaessa 'во время пения', laulaen 'с песней; с пением'. Инфинитивы и деепричастия склоняются по некоторым падежам: эст. läksin marju kogjama (иллатив) 'я пошел ягоды собирать', olin marju kogjamas (инессив) 'я собирал ягоды', tulin marju kogjamast (элатив) 'я пришел со сбора ягод', marjad olid kogjamata (абессив) 'ягоды были не собраны'. Причастие настоящего времени имеет окончание -va/-vä, а причастие прошедшего времени -nut/-nüt.

Большинство наречий (а также послелогов) представляет собой застывшие падежные формы имени. Есть и наречия, образованные при помощи специальных суффиксов. Некоторые наречия имеют степени сравнения.

Послелого преимущественно сочетаются с генитивом главного слова. В отличие от остальных финно-угорских языков, в П.-ф.я. употребляются также некоторые предлоги, например: фин. ennen aamiaista 'до завтрака', эст. läbi metsa 'через лес'.

Незаимствованных союзов в П.-ф.я. больше, чем во многих других финно-угорских языках. Значительная часть союзов восходит к местоименным основам. Древним заимствованием из германских языков является ja 'и'.

Для образования новых слов используются как словообразовательные суффиксы, так и словосложение. При сложении двух существительных первый компонент может выступать не только в номинативе, например: фин. kivi|talo 'каменный дом', metsä|pirtti 'лесная изба', но и в генитиве: фин. saunan kiuas 'каменка в бане', эст. suve|päev 'летний день'.

Синтаксическая характеристика. Одной из особенностей синтаксиса П.-ф.я. в сравнении с другими финно-угорскими языками является то, что прилагательное в роли определения согласуется с определяемым словом в падеже и числе; фин. suuri talo 'большой дом', suuressa talossa 'в большом доме', suurissa taloissa 'в больших домах'.

Кроме простых предложений употребляются сложносочиненные и сложноподчиненные. Конструкции с отглагольными именами, заменяющие придаточные предложения, встречаются реже, чем сложные предложения.

Значительная часть лексики П.-ф.я. неизвестна в остальных финно-угорских языках. Сюда относятся кроме самобытных слов общие для всех П.-ф.я. древние заимствования из балтийских и германских языков, перенятые до нашей эры, а также заимствования из древнерусского языка.

По мнению советских археологов, интенсивные контакты между прибалтийско-финскими и балтийскими племенами возникли во II тысячелетии до н.э. Среди балтийских заимствований есть слова, связанные со скотоводством и земледелием (фин. heinä 'сено', härkä 'бык', siemen 'семя', vako 'борозда', villa 'шерсть', äes 'борона'), строительством (фин. lauta 'доска', seinä 'стена', silta 'мост'), транспортом (фин. aisa 'оглобля', reki 'дровни'), а также наименования частей тела (фин. hammas 'зуб', karva 'волос', kaula 'шея', reisi 'бедро'). Германские заимствования относятся к таким группам, как термины земледелия и скотоводства (фин. aura 'плуг', kana 'курица', kaura 'овес', lammas 'овца', pelto 'поле', ruis 'рожь'), термины рыболовства (фин. merta 'мережа', nuotta 'невод'), названия металлов (фин. kulta 'золото', rauta 'железо', tina 'свинец'), слова, отражающие общественные отношения (фин. kauppa 'товар', 'торговля', kuningas 'король',

raha 'деньги', rikas 'богатый'). Древнейшие германские заимствования, вероятно, не моложе балтийских. Восточные славяне стали соседями носителей П.-ф. языков со второй половины I тысячелетия н.э. Заимствования из древнерусского языка относятся к области земледелия (фин. *sirppi* 'серп'), строительства (фин. *ikkuna/akkuna* 'окно', *veräjä* 'ворота'), одежды и текстильного дела (фин. *kasukka* 'шуба', *kuontalo* 'худель', *pirta* 'бёрдо'), общественных отношений и религии (фин. *rakana* 'язычник', *rappi* 'священник', *gaamattu* 'библия', эст. *gaamat* 'книга', фин. *risti* 'крест', фин. *suntia* 'наказать', 'обидеть', эст. *sundida* 'принуждать, заставлять').

Вопрос о существовании западно- или праславянских заимствований является спорным.

ЛИТЕРАТУРА

Вопросы этнической истории эстонского народа. Галлини, 1956.

Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка: Фонетика и морфология. М., 1953. Ч. I; Лексикология и синтаксис. М., 1955. Ч. II.

Kettunen L. Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet // Mémoires de la Société finno-ougrienne, 1960, 119.

Koivulehto J. Germanisch-finnische Lehnbeziehungen // Neuphilologische Mitteilungen. 1971. Bd. 72; 1972, Bd. 73; 1973, Bd. 74.

Laanest A. Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse. Tallinn, 1975.

Posti L. From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic // Finnisch-ugrische Forschungen. 1953/54, Bd. 31.

Setälä E.N. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki, 1890-1891.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955-1978.

М.И. Зайцева

ВЕПСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Вепсы называют себя *lūdīnik*, *vepslaine*, а свой язык *lūdikel'* (*pagišta lūdikiš*), *vepsanke!*; иноязычные соответствия: ср. фин. *vepsä*, нем. *Wepsisch*, англ. *Vepsian*.

1.1.2. Вепский язык (В.я.) относится к прибалтийско-финской подветви финно-угорской подсемьи уральских языков. В наиболее близком генетическом родстве с ним состоят карельский и финский языки.

1.1.3. В.я. распространен на территории Карелии (Прионежский район), Санкт-Петербургской области (Подпорожский и Бокситогорский районы) и Вологодской области (Вытегорский и Бабаевский районы) Российской Федерации. По переписи 1989 г., вепское население в бывшем СССР составляло 12,5 тыс. человек, из них подавляющее большинство владеет русским языком, 50,8% вепсов считают вепский язык родным.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. В.я. традиционно принято делить на три основных диалекта: северный (или прионежский), средний и южный. Диалектные различия в целом незначительны и касаются в основном фонетических и лексических особенностей. В данном очерке В.я. описывается на основе среднего диалекта.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. В.я. является языком устного общения, в основном сельского населения. Носители В.я. двуязычны: все вепсы хорошо владеют и пользуются русским языком.

1.3.2. В.я. не имеет памятников письменности и функционирует как бесписьменный язык общения на бытовом уровне. С конца 80-х годов осуществля-

ется комплекс мероприятий по воссозданию вепской письменности (см. 1.4.0.) и введению В.я. в школьное обучение: создан и утвержден алфавит на основе латиницы, издан букварь, готовятся и издаются учебники, книги для чтения, школьные словари.

1.3.3. В настоящее время введено изучение В.я. на базе средневепского диалекта в пяти начальных школах.

1.4.0. В связи с ликвидацией неграмотности в нашей стране в 30-е годы была предпринята попытка создания вепской письменности (на основе латиницы), однако по ряду причин она не привилась.

1.5.0. Периодизация истории В.я. не разработана.

1.6.0. В.я. на протяжении всей истории испытывал влияние русского языка на уровне фонетики (палатализация согласных перед переднерядными гласными) и особенно лексики. Имеется несколько заимствованных словообразовательных суффиксов и префиксов, союзов и частиц.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Гласные

Подъем	Ряд				
	передний		средний	задний	
	иллабиальные	лабиальные		иллабиальные	лабиальные
Верхний	i	ü	ɨ		u
Средний	e	ö	ɛ		o
Нижний	ä				a

Для В.я. в целом противопоставление гласных по долготе и краткости не характерно, кроме южного диалекта, где долгие гласные образовались в результате монофтонгизации i-овых и u-овых дифтонгов (ai > ā, oi > ō, au > ā, uü > ū и т.д.).

Дифтонги в В.я. только нисходящие: i-овые и u-овые (u-овые образовались в результате вокализации v и л в конце слога: av > au, ol > ou и т.д.). В качестве слогаобразующего компонента могут выступать все гласные.

Согласные

По способу образования			По месту образования										
			билабиальные		лабиодентальные		переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные		ларингальные	
			тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.		тв.	мяг.	тв.	мяг.
Шумные	смычные	глухие	p	ɸ			t	t'		k	k		
		звонкие	b				d	d'		g	g'		
	аффрикаты	глухие					s	š					
		звонкие					z	ž					
Сонорные	фрикативные	глухие		f		s	š	š					
		звонкие		v	ɸ	z	ž	ž	j			h	h'
	назальные		m	ɸ			n	ɸ					
	латеральные						l (л)	l'					
	вibrанты						r	r					

В отличие от финского языка, в В.я. отсутствует чередование согласных. Вследствие синкопы и апокопы большинство двусложных слов превратились в односложные. Палатализация является фонологическим признаком (в результате отпадения конечного гласного палатализованные согласные становятся самостоятельными фонемами. Ср. пог 'веревка' — пог 'молодой').

2.1.2. Главное словесное ударение силовое, или динамическое, и падает всегда на первый слог слова. Гармония гласных частичная (т.е. не распространяется дальше второго слога) и реализуется по оппозиции переднерядности/заднерядности вокализма.

2.1.3. Гласные и одиночные согласные за небольшим исключением употребляются во всех позициях (в начальной срединной и конечной). Основное ограничение: в начале слова не встречаются гласные \ddot{i} и одиночный ϵ (последний употребляется только в составе дифтонга ϵi); в начале слова сочетание согласных встречается только в заимствованных и звукоподражательных словах.

2.1.4. Для В.я. характерны следующие основные структурные типы слогов (компоненты дифтонгов учитываются отдельно: V (a-bu 'помощь'), VV (ai-dad 'изгороди'), VC (il'-bez 'рысь'), VVC (uin-ziń 'я уснул'), VCC (ikn-ha 'в окно'), CV (ka-ли 'палка'), CVV (tai-vaz 'небо'), CVC (lap-sed 'дети'), CVVC (vouk-tad 'белые'), CVCC (l'üps-ta 'донть'), CVVCC (föust-had 'стрехи'), CVCCC (kastk-hut 'росинка'). Слогообразующими являются только гласные и дифтонги. Первый слог может начинаться как с гласного или дифтонга, так и с согласного или сочетания согласных (в заимствованных и звукоподражательных словах). Непервый слог, за редким исключением, начинается только с одиночного согласного. Оппозиция кратких и долгих гласных и согласных в В.я. в большинстве диалектов отсутствует.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Фонологическое противопоставление корневых и суффиксальных морфем состоит в том, что в отличие от первых, состоящих из одного и более слогов, вторые могут состоять из одного согласного (т.е. не образуют слога), например: kana 'курица' — kana-d 'курицы'. При присоединении падежных окончаний или показателя мн. числа в основе происходят те или иные морфонологические изменения, например выпадение или изменение конечного гласного или согласного (ларс 'ребенок' — las-t 'ребенка', möda 'продать' — müi 'продал' и т.д.).

2.2.2. Служебные слова, которые, как правило, безударны, противопоставляются знаменательным, имеющим словесное ударение.

2.2.3. Наиболее распространенным проявлением ассимилятивных изменений является изменение начальных и конечных звуков на стыке компонентов словосочетаний и сложных слов. Например: регрессивная ассимиляция по звонкости/глухости ($z > s$: kons-tehtas 'когда сделают', ср. konz 'когда'; säreshoug 'полено для лучины', ср. särez 'лучина'); частичное или полное изменение места или способа артикуляции ($n > m$: gärvem-pohg 'дно озера', ср. gärvem); количественное изменение согласных ($s > ss$: mecass_oma końgdad 'в лесу есть медведи', ср. mecass' oма; $n > nn$: korenc'al 'под корою', ср. koren ал) и др.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

В.я. в значительной мере сохранил древний финно-угорский агглютинативный тип словоизменительных моделей с присущей ему высокой степенью синтетизма. Например: vere-te-l'e-škanzi-hes 'он начал валяться'. В то же время в В.я. значительны и элементы флективности, реализующиеся прежде всего в разнообразных изменениях основы слова. Аналитические словоизменительные формы в В.я. характерны для сложных временных форм глагола: перфекта и плюсквамперфекта, ср. перфект hän on tuңu 'он пришел', букв. 'есть пришедший'.

2.3.1. По признаку наличия/отсутствия форм словоизменения слова делятся на следующие группы: знаменательные (существительное, прилагательное, числительное, наречие, местоимение, глагол), служебные (предлоги/послелоги, союзы, частицы) и междометия. Однако строгое отграничение указанных частей речи не всегда возможно. Так, например, причастия, обладая грамматическими признаками глагола, имеют общие черты с именем прилагательным. Существительные, прилагательные, частично числительные имеют, в общем, сходные формы склонения и сходные морфологические изменения, происходящие при присоединении падежных окончаний и показателя мн. числа. Таким образом, прилагательные — это слова, в морфологическом отношении не обособившиеся полностью от предметных слов, и как часть речи они выделяются иногда только по семантическому признаку и синтаксической функции (rimed ó 'темная ночь' — rimed tul'i 'стемнело', букв. 'темнота пришла'). Прилагательные и числительные изменяются подобно существительным.

2.3.2. В В.я. грамматического рода нет. Отсутствуют и другие типы категориальной качественной классификации, однако в сфере местоимений выявляется оппозиция по принципу одушевленности/неодушевленности, например: hán 'он', kep 'кто' (о человеке и животном), mi 'что' (о вещах, явлениях).

2.3.3. Грамматическое число у существительных, прилагательных, числительных, глаголов и части местоимений выражается противопоставлением форм ед. и мн. числа. Для В.я. характерны также формы singularia tantum и pluralia tantum. В современном В.я. у глагола число и лицо обозначаются синтетически (об этом см. 2.3.6).

2.3.4. Падежные значения (субъекта, прямого и косвенного объектов, различные пространственные отношения, цель, причина, совместность действия и многие другие значения) выражаются многочисленными падежными суффиксами. Падежи далеко не однородны по своей употребительности и по объему выражаемых ими значений. В целом же всю падежную систему В.я. можно квалифицировать следующим образом: 1) основные падежи; 2) падежи позднего образования (последельные по происхождению: их форманты образовались путем слияния послелогов с суффиксами косвенных падежей). Кроме того, "падежные" значения выражаются при помощи послелогов/предлогов. Послелоги, выражающие пространственные отношения, чаще всего выступают в застывших формах местных падежей, образуя серии, например: edeş 'перед (где?)', edehe 'перед (куда?)', edeşpej 'спереди (откуда?)'

Посессивность выражается генитивной падежной формой имени, сочетанием личного или возвратно-притяжательного местоимения, обозначающего обладателя, с именем, обозначающим предмет обладания. Ограниченно (прежде всего при терминах родства) используются лично-притяжательные суффиксы, присоединяемые к слову-обладеющему

2.3.5. Видовое противопоставление по совершенности/несовершенности у глагола не имеет категориального выражения, но довольно четко различаются количественные особенности действия (повторность/однократность, продолжительность/кратковременность/мгновенность и т.д.), которые обозначаются главным образом с помощью словообразовательных суффиксов (очень редко префиксов). Залоговые противопоставления выражаются оппозицией возвратно/невозвратной парадигм глагола (pežetoi 'я моюсь', ср. pežen 'я мою').

Для выражения модальных значений используется прежде всего четырехчленная оппозиция глагольных наклонений: индикатива (изъявительного наклонения); кондиционала (условного наклонения); потенциала (возможностного наклонения); императива (повелительного наклонения). В формах индикатива пере-

дается реальное действие (mina tulen 'я приду', hän tuli 'он пришел'). Предполагаемое, обусловленное или желаемое действие выражается кондиционалом (mine tuli'izin' 'я пришел бы'). Потенциалом выражается действие возможное, допустимое или сомнительное (с оттенком значения условного наклонения), например (tuulen 'если/возможно приду'). Повеление, призыв, побуждение выражается формой императива (tule 'приди', tuugam 'давайте придем', tuugha 'пусть он придет'). Модальные значения выражаются также частицами.

2.3.6. Грамматическое лицо у имени выражается лично-притяжательным склонением. Один обладатель и множественность обладателей маркируются тождественными лично-притяжательными суффиксами, но множественность обладателей, как правило, подчеркивается и личными местоимениями в форме генитива (miiden 'наш', tiiden 'ваш', hiiden 'их'), поскольку лично-притяжательные суффиксы мн. числа при существительных встречаются крайне редко.

Лицо-число у глагола выражается суффиксами. Исполнителем глагольного действия может быть 1, 2, 3 л. ед. или мн. числа. Глагольные формы 3 л. мн. числа употребляются и для выражения неопределенного субъекта.

Категория неопределенности/определенности у имени и глагола отсутствует.

Грамматическое время в сфере глагола находит отражение в оппозиции четырех форм времени. Презенс выражает и будущее действие.

Выражение пространственной ориентации осуществляется при помощи указательных местоимений и местоименных наречий, выражающих две степени отдаленности от говорящего: nece 'этот' — se 'тот', naku 'тут, здесь' — nukka 'там' и т.д.; в надежной системе противопоставляются внутренний/внешний типы ориентации в пространстве, например инессив/адессив, иллатив/аллатив.

Отрицание выражается различными способами: 1) аналитически: сочетанием лично-числовых форм вспомогательного отрицательного глагола и неличных форм смыслового глагола; 2) употреблением отрицательной частицы ei/ij при слове, которое отрицается (ij hän tehnu 'не он сделал', ij lujaš čoma sä 'не очень красивая погода'); в редких случаях эта частица используется в роли префикса (ijčoma 'некрасивый, дурной', ср. čoma 'красивый'; ijam 'недавно', ср. amu 'давно'); 3) сочетанием глагола uđa 'быть' с абессивом отглагольных форм на -ma (en sö - olen sömata 'я не ем'); 4) отрицательной формой причастий на -matoi(n) (выступающих в роли прилагательных), например: kehmatoi vezi 'некипяченая вода', tahmatoi(n) gad 'неделанная работа' и каритивных прилагательных на -toi(n) (pi'l'veto(i)n taivaz 'безоблачное небо').

2.3.7. Выделяются следующие лексико-грамматические классы слов: существительные, прилагательные, числительные, наречия, глаголы, местоимения, предлоги/послелогии, союзы, частицы, междометия.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Существительные характеризуются грамматическими категориями числа, падежа (всего 22), лично-притяжательности.

Показатель ед. числа — \emptyset , мн. числа — в номинативе — -d (gögi 'река' — göged 'реки'), в косвенных падежах — -i (göges 'в реке' — gögis 'в реках').

Суффиксы основных падежей

	Ед.ч.	Мн.ч.
Номинатив	\emptyset	-d/-'d
Генитив	-n/-'n	-den
Партитив	-d/-'d/-'t	-d

Эссив (кем-л., чем-л. (быть))	-n	-n
Инессив (в ком-л., чем-л.)	-s/-š	-s/-š
Илллатив (в кого-л., во что-л.)	-hV (-ha, -ho, -he, -hu)/-zε	-he/-žε
Адессив (на ком-л., чем-л.)	-u/-l'	-l'
Алллатив (на кого-л., что-л.)	-lε/-l'e	-l'e
Абессив (без кого-л., чего-л.)	-ta	-ta
Транслатив (кем-л., чем-л. (стать))	-ks/-kš	-kš
Инструктив (как)		-iñ

Суффиксы послеложных падежей

	Ед.ч.	Мн.ч.
Элатив (из кого-л., чего-л.)	-spei/-špei	-špei
Аблатив (от кого-л., чего-л.)	-upei/-l'pei	-l'pei
Комитатив (с кем-л., чем-л.)	-ŋke	-d'eŋke
Пролатив (по кому-л., чему-л.)	-dme/-d'me, -dmö(t)/-d'mö(t)	-d'me/-d'mö(t)
Аппроксиматив (у (возле) кого-л., чего-л. (находиться))	-nnu/-nno(st)	-d'ennu/-d'ennost)
Адитив I (к кому-л., чему-л. (двигаться))	-hVpei/zεpei	-hepei/-žεpei
Адитив II (к чему-л.)	-lεpei	-l'εpei
Адитив III (от кого-л., чего-л. (двигаться))	-nnopei	-d'ennopei
Терминатив I (до кого-л., чего-л.)	-hVsei/-zεsei	-žεsei
Терминатив II (до чего-л.)	-lεsei	-l'εsei
Терминатив III (с каких пор)	-ssei	—

У одноосновных и двусловных имен выделяются различные типы падежного склонения.

Притяжательные суффиксы в номинативе (за редкими исключениями служат только для выражения ед. числа, см. 2.3.6.): 1 л. -m (tatam 'мой, наш отец'), 2 л. -iž (tateiž 'твой, ваш отец'), 3 л. -zε (tatazε 'его, их отец'); в косвенных падежах соответственно: -iñ, -iž, -z/-zε/-az.

Показателем сравнительной степени качественных прилагательных является mb (в основе -mba-). От отдельных слов сравнительная степень образуется супплетивно (huvä 'хороший' — raxemb 'лучше'). Превосходная степень качества передается аналитически: с помощью слов keikiš 'из всех' или keikid 'всех' и прилагательного в форме сравнительной степени (keikiš - keikid čomemb 'самый красивый, всех красивее').

Порядковые числительные образуются присоединением показателя -ñž (в основе -ndε-) к гласной основе числительных, начиная с "3". Порядковые числительные со значением "первый" и "второй" образуются супплетивно (ükš 'один' — zmeiñe 'первый', kakš 'два' — toiñe 'второй').

Местоимения

Личные местоимения (кроме номинатива ед. и мн. ч. и генитива ед.ч.) склоняются с использованием лично-притяжательных суффиксов, которые следуют за падежными. Всегда в притяжательной форме употребляется партитив ед. и мн. числа (mindęiń 'меня', sindęiž 'тебя'), адессив и аллатив в 1 и 2 л. ед. числа (miniĵ(ń) 'мне', siniĵ(ž) 'тебе'). Остальные падежи встречаются как с лично-притяжательными суффиксами, так и без них (например, абессив minuta - minutęiĵ 'без меня').

Возвратно-притяжательное местоимение iĵe 'сам' в возвратно-усилительном значении (за исключением номинатива) принимает падежные и лично-притяжательные суффиксы соответствующего лица и числа (iĵtaĩń 'меня самого', iĵselęiž 'тебе самому'). В притяжательном значении по падежам не изменяется; на лицо и число обладателя указывает лично-притяжательный суффикс (iĵeĩń 'свой (мой)', iĵetoĩ 'свой (ваш)').

Указательные местоимения pesę 'этот, эта, это' и sę 'тот, та, то' склоняются по всей системе основного склонения (кроме отдельных падежей) и имеют следующие особенности: 1) в ед. числе эти местоимения имеют две основы: pesę-/peni- и sę-/si-; 2) показателями мн. числа является в номинативе -d, в косвенных падежах -i- (nened 'эти', neniš 'в этих', sed 'те', sis 'в тех').

Вопросительные местоимения keń 'кто', mi 'что' склоняются по основному склонению и имеют следующие особенности: 1) мн. число номинатива от местоимения keń имеет форму ked. Формы ед. и мн. числа в косвенных падежах совпадают; основа выступает в двух формах: keńe-/ke-; 2) у местоимения mi 'что' косвенные падежные формы по числу не различаются; номинативная форма мн. числа: mid.

Глагол

Невозвратное спряжение

Индикатив специального показателя не имеет. В отличие от других наклонений имеет четыре времени: презенс и имперфект — простые, перфект и плюсквамперфект — аналитические. У презенса показателя времени нет, он оформляется лишь набором лично-числовых маркеров (tulęń 'я прихожу', tulęd 'ты приходишь' и т.д.). Отрицательные формы образуются в ед. числе из личных форм отрицательного глагола + основа смыслового глагола (en tulę 'не приду'), во мн. числе — личные формы отрицательного глагола + восполнительная форма глагола с суффиксом -koi/-goi (emeĵ tuĵgoi 'не приходим'). В утвердительном имперфекте показателем времени является i (tul'i-ń 'я пришел', tul'i-d 'ты пришел'). Отрицательные формы образуются в ед. числе из личных форм отрицательного глагола + основа смыслового глагола с суффиксом -nd (en tulęnd 'я не пришел'), во мн. числе вторым компонентом является пассивное причастие смыслового глагола (emeĵ tuĵdut 'мы не пришли'). Перфект образуется с участием вспомогательного глагола uĵda 'быть' в личных формах презенса (при перфекте) или имперфекта (при плюсквамперфекте) и II активного причастия смыслового глагола в номинативе ед. или мн. ч. (oleń tuĵni 'я пришел', букв. 'есть пришедший'; ol'iń tuĵni 'я пришел', букв. 'был пришедший'; olemeĵ tuĵnudęd 'мы пришли', букв. 'есть пришедшие'; olimeĵ tuĵnudęd 'мы пришли', букв. 'были пришедшие'). Отрицательные формы перфекта и плюсквамперфекта образуются из личных форм отрицательного глагола + вспомогательный глагол бытия в презенсе (при перфекте) или в имперфекте (при плюсквамперфекте) + II активное причастие смыслового глагола (en oleĵ tuĵni 'я не пришел', букв. 'я не пришедший', en olenđ

Таблица 1
Невозвратное спряжение (antta 'дать')

		Наклонение			
		индикатив			
		Время			
		презент	имперфект	перфект	плюсквамперфект
Ед.ч.	1 л.	andan	andoiñ	олен an(d)nu	ol'ñ an(d)nu
	2 л.	andad	andoid'	олед	ol'id'
	3 л.	andab	andoi	ом	ol'i
Мн.ч.	1 л.	andamei	andoimei	олемеi andnuded	ol'imei an(d)nuded
	2 л.	andatēi	andoitei	олетеi	ol'itei
	3 л.	anttas	andoiba(d)	ома(d)	ol'iba(d)
Отрицательные формы					
Ед.ч.	1 л.	an anda	en andand	ен оло an(d)nu	en olend an(d)nu
	2 л.	ed anda	ed andand	ед оло	ed olend
	3 л.	ij anda	ij andand	ij'e	ij'end
Мн.ч.	1 л.	emei aŋkoi	emei anttud	емеi уŋgoi an(d)nuded	emei uŋdet an(d)nuded
	2 л.	etei aŋkoi	etei anttud	етеi уŋgoi	etei uŋdet
	3 л.	ij aŋkoi	ij anttud	ij уŋgoi	ij uŋdet

		Наклонение			
		кондиционал	потенциал	императив	
		Время			
		презент	перфект	презент	презент
Ед.ч.	1 л.	andēižñ	andanuižñ	an(d)ñen	—
	2 л.	andēižld'	andanuižid'	andñed	anda
	3 л.	andēiž	andanui(ž)	andñeb	an(t)kaha
Мн.ч.	1 л.	andēižimei	andanuižimei	andñemei	aŋkam
	2 л.	andēižitei	andanuižitei	andñetei	aŋkat
	3 л.	anttež	anttanui(ž)	anttanēš	an(t)kaha
Отрицательные формы					
Ед.ч.	1 л.	en andēiž	en andanui(ž)	ен andñe	—
	2 л.	ed andēiž	ed andanui(ž)	ед andñe	ала anda
	3 л.	ij andēiž	ij andanui(ž)	ij andñe	ougaha aŋkoi
Мн.ч.	1 л.	emei anttež	emei anttanui(ž)	—	ougam aŋkoi
	2 л.	etei anttež	etei	—	ugat
	3 л.	ij anttež	ij	—	ougaha

tuŋnu 'я не пришел', букв. 'я не был пришедший'; emei uŋgoi tuŋnuded 'мы не пришли', букв. 'не есть пришедшие', emei uŋdet tuŋnuded 'мы не пришли', букв. 'не были пришедшие').

Показателем презенса кондиционала является -iž(i)/-dežž/-težž, к которому присоединяются маркеры лица-числа (tul'ižñ 'я пришел бы'). К показателю простого перфекта -nuiž(i)/-danui(ž)/-tanui(ž) присоединяются те же маркеры лица-числа, что и при образовании форм презенса кондиционала. Аналитический перфект образуется из презенсных личных форм кондиционала вспомо-

гательного глагола *uđa* 'быть' и II активного причастия смыслового глагола в ед. или мн. числе. Плюсквамперфект образуется из личных форм перфекта кондиционала вспомогательного глагола *uđa* 'быть' и II активного причастия в ед. или мн. числе.

Потенциал имеет только временные формы презенса, к его показателю *-ñe/-dañe* присоединяются индикативные презенсные суффиксы лица-числа, ср. *tuđ-ñe-n* 'если/возможно я приду', *tuđ-dañes* 'если/возможно они придут'.

К показателю императива (имеющего только форму презенса) *-ka/-ga-* в утвердительной форме присоединяются и личные окончания (*tuugam* 'давайте придем', *tuugat* 'приходите' и т.д.). Отрицательная форма образуется из личных форм отрицания в презенсе повелительного наклонения и основы спрягаемого глагола с показателем *-koï/-goï* (*ougam tuđgoï* 'давайте не придем', *ougat tuđgoï* 'не приходите' и т.д.). Исключение — форма 2 л. ед. числа (*tule* 'приди', *ала tule* 'не приходи'). См. табл. 1.

Возвратное спряжение

Индикативные формы презенса и имперфекта образуются присоединением лично-возвратных маркеров к основе глагола: в презенсе — к гласной основе презенса (*pidamoï* 'я держусь', *pidamoïš* 'мы держимся' и т.д.); в имперфекте — к основе имперфекта (*pidimoï* 'я держался', *pidimoïš* 'мы держались' и т.д.). Формы перфекта и плюсквамперфекта образуются из личных форм вспомогательного глагола *uđa* 'быть' и возвратной формы II активного причастия (в ед. или мн. ч.): в перфекте используются презенсные личные формы вспомогательного глагола в плюсквамперфекте — имперфектные личные формы вспомогательного глагола (*olín pidanus* 'я держался', букв. 'я был державшийся'; *olimeï pidanusoi* 'мы держались', букв. 'мы были державшиеся' и т.д.).

Кондиционал возвратных форм презенса и простого перфекта образуется присоединением лично-возвратных показателей к основе условного наклонения: в презенсе — к основе презенса (*pidęžimoï* 'я держался бы', *pidęžitoï* 'ты держался бы' и т.д.), в перфекте — к основе перфекта. Аналитический перфект и плюсквамперфект образуются из кондициональных личных форм вспомогательного глагола *uđa* 'быть' и возвратной формы II активного причастия (в ед. и мн. ч.): в перфекте — с использованием презенсных личных форм (*ol'ižiñ pidanus* 'я держался бы', букв. 'я был бы державшийся' и т.д.), в плюсквамперфекте — с использованием простых перфектных личных форм (*uđnuižiñ pidanus* 'я держался бы', букв. 'я был бы державшийся', *en uđnuiž pidanus* 'я не был бы державшийся').

Потенциал образуется присоединением лично-возвратных маркеров к потенциальной основе (*tehnemoï* 'если, возможно, я сделаюсь').

В ед. числе императива лично-возвратные форманты присоединяются к лексической основе (гласной или согласной) глагола, во мн. ч. — к основе императива (*tehtę* 'сделайся', *fehkahaz(oï)* 'пусть сделаються'). См. табл. 2.

Нефинитные (инфинитные) формы глагола

Насчитываются три инфинитива. Маркером I (основного) инфинитива является *-da/-ta* (*l'öda* 'бить', *väta* 'играть'). II инфинитив (маркер *-te/-de*) употребляется в инессиве (*södeş* 'во время еды', *randęš* 'клада'). III инфинитив (маркер *-ma-*) употребляется в формах инессива, элатива, иллатива и абессива (*ol'iñ pitmas* 'я косил', букв. 'я был в кошени', *l'ähtęñ pitmaħa* 'я пойду косить' и т.д.). Кроме того, имеются формы на *-miñe*, которые в одних диалектах являются отглагольными именами, в других — формой IV инфинитива.

Различаются три причастия: I активное причастие образуется присоединением

Таблица 2
Возвратное спряжение (anttas 'сдаться')

		Наклонение			
		индикатив			
		Время			
		Презенс	Имперфект	перфект	плюсквамперфект
Ед.ч	1 л.	andamoi	andoimoi	олен annus	oliñ annus
	2 л.	andatoi	andoittoi	олеї annus	olid annus
	3 л.	andasoi	andoihez	ом annus	oli annus
Мн.ч.	1 л.	andamois̄	andoimois̄	олемеї annusoi	oimeї annusoi
	2 л.	andatois̄	andoitois̄	олетеї	oliteї
	3 л.	andasoi	andoihezoi	ома(d)	oliba(d)
Отрицательные формы					
Ед.ч.	1 л.	en antte	en annus	en оло annus	en оленд annus
	2 л.	ed antte	ed annus	ed оло	ed оленд
	3 л.	ij antte	ij annus	ijle	ijlend
Мн.ч.	1 л.	emeї ankois̄	emeї annusoi	emeї uıgoї annusoi	emeї uıdet annusoi
	2 л.	eteї ankois̄	eteї	eteї uıgoї	eteї uıdet
	3 л.	ij ankois̄	ij	ij uıgoї	ij uıdet
		Наклонение			
		Кондиционал	потенциал	Императив	
		Время			
		презенс	перфект	презенс	презенс
Ед.ч.	1 л.	andeižimoi	annuižimoi	anñemoi	—
	2 л.	andeižittoi	annuižittoi	anñetoi	antte
	3 л.	andeižihez	annuižihez	anñese	ankahaz
Мн.ч.	1 л.	andeižimois̄	annuižimois̄	anñemois̄	ankamoiš
	2 л.	andeižittois̄	annuižittois̄	anñetoiš	ankatoiš
	3 л.	andeižihezoi	annuižihezoi	anñehez	ankahazoi
Отрицательные формы					
Ед.ч.	1 л.	en andeižihez	eh annuižihez	en. anñes	—
	2 л.	ed andeižihez	ed annuižihez	ed anñes	ала antte
	3 л.	ij andeižihez	ij annuižihez	ij anñes	ougaha antte
Мн.ч.	1 л.	emeї andeižihezoi	emeї annuižihezoi	—	ougam ankois̄
	2 л.	eteї	eteї annuižihezoi	—	ougat
	3 л.	ij	ij annuižihezoi	—	ougaha

суффикса -ci/-ij к гласной основе презенса (radci 'работающий', ср. radab 'работает'); II активное причастие образуется присоединением суффикса -nu (в основе -nude-) к гласной основе (sönu 'съевший', sönuded 'съевшие'). Пассивное причастие образуется присоединением показателя -tut/-tüd, -dut/-dud, -teț/-teđ к гласной или согласной основе (södud 'съеденный').

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. В.я. в определенной мере сохранил старый агглютинативный морфологический тип финно-угорских языков, однако в нем значительны и эле-

менты флективности. Кроме того, довольно широко используются аналитические конструкции.

Структурная модель именной словоформы в непритяжательном склонении представляет собой цепочку морфем, состоящую из сочетания: в ед. ч. — основа + суффикс падежа (капа-һа 'в курицу'); во мн.ч. — основа + показатель числа + суффикс падежа (капо-и-һе 'в кур'). В лично-притяжательном склонении: основа ед. или мн. числа + суффикс падежа + лично-притяжательный суффикс (tata-sa-iñ 'у (в доме) моего отца', ič-he-iž 'в тебя самого'). В словоформах с падежным суффиксом послеложного образования лично-притяжательный суффикс как бы "вклинивается" между компонентами падежного суффикса (tata-se-iñ-pe'i 'от моего отца').

В глагольной словоформе порядок присоединения морфем следующий: основа + показатели наклонения, времени + суффиксы лица-числа (tul'-iži-ñ 'я пришел бы', tuç-ga-t 'приходите').

Префиксация в формообразовании не используется. Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным.

2.5.2. Основными способами образования новых слов являются суффиксация (очень редко префиксация) и словосложение. Характерно обилие как именных, так и глагольных словообразовательных суффиксов. Из многочисленных словообразовательных суффиксов одни образуют новые слова, другие — придают слову различные оттенки значения. С помощью глаголообразовательных суффиксов выражаются, например, степень и характер протекания действия, переходность/непереходность и другие, иногда тончайшие, оттенки значения.

Словосложение характерно в основном для образования существительных. Новые слова образуются, как правило, по типу подчинительной связи, при которой в качестве первого компонента часто выступает существительное, имеющее либо форму номинатива (señviñm 'грибной дождь', букв. 'гриб-дождь'), либо форму генитива (räčiprohğ 'печной под'). Изменяется только второй (определяемый) компонент.

Менее продуктивным способом образования новых слов является переход единиц из одной части речи в другую, в результате которого происходит лексикализация грамматической формы. Чаще всего встречается субстантивация прилагательных (çigahiñe 'посторонний' > 'чужой') и причастий (l'äži 'лежащий' > 'больной'), и "опаречивание" падежнооформленных существительных (homen 'завтра', räival 'днем').

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная.

По составу простое предложение может быть односоставным и двусоставным, распространенным и нераспространенным. Односоставными являются предложения типа viñmub 'дождит', d'oldab (сем. д-т) 'дует ветер' и др. Главными членами простого двусоставного предложения являются подлежащее и сказуемое, при этом в простом нераспространенном предложении подлежащее, как правило, стоит перед сказуемым. Именное подлежащее может быть полным, в форме номинатива (vezi om bučič 'вода в бочке') и частичным, в форме партитива, ср. vett om bučič 'в бочке вода (некоторое количество)'. Сказуемое может быть глагольным и именным. Наиболее обычным является глагольное сказуемое (vel'l' el'äb l'indas 'брат живет в городе', koir nutab 'собака лает'). Именное сказуемое состоит из связки и именной части, выступающей, как правило, в форме номинатива. Роль связки обычно выполняют личные формы глагола uçda 'быть' (taivaz om siñiñe 'небо синее', pert' om korged 'дом высок'). Подлежащее и сказуемое согласуются в числе и в лице-числе, если подлежащее выражено личным местоимением. При подлежащем в партитиве сказуемое стоит в форме

3 л. ед. числа (*lapsid tul'i äi* 'детей пришло много'). Поскольку к глаголу присоединяются суффиксы лица-числа, указывающие на соотношенность его с подлежащим, простое односоставное предложение часто состоит из одной финитной формы глагола, т.е. соответствующее личное местоимение, выражающее подлежащее, опущено (*tul'in kodihe* 'я пришел домой', *l'aksiiba mecha* 'они ушли в лес'). В В.я. отсутствует глагол со значением 'иметь', поэтому предложения, замещающие *habeo*-конструкции, строятся следующим образом: обладатель, выраженный именем или местоимением в адессиве + форма 3 л. ед. числа или мн. числа глагола *uđa* 'быть' + имя, обозначающее предмет обладания (*hānou om koir* 'у него есть собака', *l'ehmau oma sarved* 'у коровы есть рога'). В отрицательных конструкциях *om* и *oma* заменяются отрицательным словом *ijl'ä* (*hānou ijl'ä koirad* 'у него нет собаки', *l'ehmau ijl'ä sarvid* 'у коровы нет рогов'). Дополнение, как и подлежащее, может быть полным, когда оно выражено номинативом или генитивом (*mina süin l'ijbad* 'я съел хлеба') или частичным, выраженным партитивом (*mina süin l'ijbad* 'я поел хлеба'). Партитивное дополнение выступает также в отрицательных конструкциях (*mina en sö l'ijbad* 'я не ем хлеба'). Роль дополнения может выполнять и инфинитив (*tahtijin söda* 'хочу есть').

Послелог и предлог управляют тем или иным косвенным падежом. Наиболее употребительны послелог с генитивом, например: *mañ allē* 'под землю', *pertiñ edes* 'перед домом', *pertiñ kohtas* 'напротив дома'; некоторые послелог управляют инессивом, иллативом, партитивом. Предлог управляет партитивом (например, *edou longed* 'перед обедом', *alēz göged* 'вниз по реке'), инессивом-элативом (*l'äbi sijnas* 'сквозь стену'), иллативом (*vast vedēhe* 'против течения'). Иногда послелог или предлог управляет двумя падежами. Например, послелог *keskes* 'в середине, между' употребляется с генитивом и адессивом (*sobi'den* или *sobiil' keskes* 'между бельем'). Определение, как правило, находится перед определяемым и согласуется с ним в числе и падеже (за исключением послеложных и некоторых других падежей). Порядок остальных членов предложения сравнительно свободный. Логически выделяемый член предложения занимает позицию перед сказуемым. Для В.я. характерно употребление обособленных оборотов: инфинитивного (с участием инессивной формы II инфинитива, например *nägin händast kodihe mandes* 'я видел его идущим домой') и *nominativus absolutus* (например, *radub higo očas* 'работает в поте лица', букв. 'лоб в поту').

Типы простых предложений по цели высказывания различаются в основном интонацией, а также употреблением различных частиц, которые обычно занимают определенное место в предложении. Так, вопросительная частица *-ik* 'присоединяется к первому слову в предложении (*l'ähtēdik mecha?* 'пойдешь ли в лес?', *sinak l'ähtēd' mecha?* 'ты ли пойдешь в лес?' и т.д.), усилительная частица *-ki/-gi* — к слову, которое акцентируется (*minagi tulen homen* 'и я приду завтра', *homengi mina tulen* 'и завтра я приду' и т.д.).

2.5.4. Сложные предложения могут быть: 1) сложносочиненными; 2) сложноподчиненными. Связь между предложениями-компонентами осуществляется союзами или без них. В последнем случае в придаточных предложениях чаще всего употребляются относительные местоимения или местоименные наречия в функции союзов, а в главных — соотносительные местоименные слова. Активно используется интонация. Зависимость временных форм и форм наклонений сказуемых в предложениях-компонентах отсутствует. По порядку слов главные и придаточные предложения не различаются. Союз в сложносочиненном предложении располагается между предложениями, а в сложноподчиненном, как правило, в начале придаточного предложения. Расположение придаточных предложений относительно главного зависит от типов предложений и стилистических задач.

2.6.0. Основная часть словарного состава В.я. состоит из финно-угорской и прибалтийско-финской лексики. После разделения прибалтийско-финского языка-основы в обособленный В.я. продолжался приток русских заимствований; они относятся к разным понятиям хозяйственной, духовной, культурной, общественной жизни и т.д.

2.7.0. В В.я. традиционно выделяются три основных диалекта. Северный (или прионежский) диалект распространен в Прионежском районе Карелии. Его основные особенности: употребление 'd в начале и середине слова после согласного в отличие от j, g других диалектов (сев. 'däfv, средн. järv/gäfv, южн. jäfv 'озеро'; сев. 'dügед, средн. juged/gügед, южн. juged 'тяжелый'). Только в северном диалекте употребляются долгие гласные i, u, ü в первом слове (pī 'зуб', pū 'дерево', pū 'рябчик'). Согласные l, v после гласных в безударном положении в северном диалекте сохраняются, в то время как в среднем и южном диалектах произошла вокализация этих согласных (сев. kapaal, средн. kapaal/kaпou южн. kaпā 'у курицы'). Южный диалект распространен в Бокситогорском районе Санкт-Петербургской области. В нем в непервых слогах употребляются долгие монофтонги на месте дифтонгов других диалектов (южн. kaпāñe, средн., сев. kaпāñe/kaпeñe 'курочка', южн. l'indūñe, средн., сев. l'induiñe 'птичка').

Средний диалект, который разделяется на несколько групп, распространен в Подпорожском, Лодейнопольском и Тихвинском районах Санкт-Петербургской области, а также в Вытегорском и Бабаевском районах Вологодской области. Одной из особенностей этого диалекта является наличие неслогового џ после гласных в безударном положении в отличие от l, v других диалектов (средн. kādōџ/kādџ, ср. сев. kädēl 'рукой'). Перед е непервого слога выступают твердые l, n, r (средн. paпeп 'я кладу', ср. сев. pañeп).

ЛИТЕРАТУРА

Зайцева М.И. Грамматика вепского языка. Л., 1981.

Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975.

Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopinlin tutkimus // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1943, 86.

Kettunen L. Lõunavepsa häälik-ajalugu. Tartu, 1922. I, II.

Tunkelo E.A. Vepsän kieletn äännehistoria // SKST. 1946. 228.

А. Лаанест

ВОДСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Название "водский язык" (Вд.я.) соответствует племенному названию (племя водь впервые упоминается в летописи 1069 г.); самоназвание vaddā tšēli (vadda этимологически то же, что фин. vaaja 'клин') или mā tšēli ('язык земли'). В литературе встречаются варианты: нем. Wotisch, англ. Votic, Vote, фин. vatja.

1.1.2. Вд.я. относится к юго-западной подгруппе прибалтийско-финской подветви финно-угорской подсемьи уральских языков; особенно близок северо-восточным диалектам эстонского языка, но у Вд.я. имеются общие черты и с северо-восточной подгруппой прибалтийско-финских языков.

1.1.3. Вд.я. распространен в отдельных деревнях Киингисеппского района Санкт-Петербургской области Российской Федерации; число говорящих — менее 100 чел. (1989 г., оценка).

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Диалекты: западный, восточный, куровицкий. Сохранились некоторые данные о кривинском диалекте, существовавшем в Латвии до XIX в. Диалекты выделяются по ареальным, а также по фонетико-морфологическим признакам. Данный очерк составлен на основе западного диалекта.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Вд.я. функционирует как средство устного общения отдельных представителей старшего поколения, хорошо владеющих также русским языком. Часть води владеет ижорским языком.

1.3.2. Литературный язык никогда не существовал.

1.3.3. Вд.я. никогда не преподавался в школе.

1.4.0. Письменности нет.

1.5.0. Периодизация истории Вд.я. не разработана. Самые ранние записи на Вд.я. относятся к концу XVII в.

1.6.0. Вероятно, под влиянием русского языка появились фонемы /b, d, g, z, š, ž, f/ палатализованные согласные, гласный /j/. На Вд.я. повлияли и близкородственные языки — ижорский и ингерманландские диалекты финского языка. Указанным влиянием, по-видимому, объясняется появление звука ö в непервых слогах, а также удвоение первичных одинарных согласных и в части говоров — чередование этих согласных с удвоенными.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Имеются те же гласные фонемы, что в эстонском языке (см. статью "Эстонский язык"); кроме того, в русских заимствованиях встречается j (-ы), например *vjšifka* 'вышивка', e, который произносится при более низком положении языка, чем j, часто соответствует ö эстонского литературного языка. Напр., *eila* 'быть' (эст. ölla), *essä* 'купить' (эст. östa). В отличие от эстонского языка e встречается также в непервых слогах. Непалатализованная аффриката tš произносится не только в заимствованиях, но и в результате перехода k > tš перед гласными переднего ряда также в исконных словах, напр. *tšäsi* 'рука' (эст. käsi). Звонкие согласные b, d, g, z являются самостоятельными фонемами, широко употребляющимися в исконных словах, напр.: *buliš* 'журчать', *kabja* 'копыто', *dogo* 'желудь', *idgeb* 'плачет', *nägbõ* (ген.) 'лица', *sezar* 'сестра'. Остальные согласные фонемы совпадают с фонемами эстонского языка; f, š, ž встречаются только в заимствованиях.

Гласные

Подъем	Ряд				
	передний		средний	задний	
	иллабиальные	лабиальные		Иллабиальные	лабиальные
Верхний	i	ü	j		u
Средний	e	ö	ɛ		o
Нижний	ä			a	

Согласные

По способу образования		По месту образования				
		Билабиальные	Лабiodен- тальные	Дентально- альвеолярные	Велярные	Ларингальные
Шумные	Смычные	p, b		t, d	k, g	
	Аффрикаты Фрикативные		f, v	ts, tš, dž s, š, z, ž, j		h
Сонорные	Назальные	m		n		
	Латеральные			l		
	Вибранты			r		

2.1.2. Ударение и движение основного тона имеют такой же характер, как в других прибалтийско-финских языках (см. статью "Прибалтийско-финские языки").

Имеется оппозиция кратких и долгих гласных, а также оппозиция кратких (одинарных) и долгих (удвоенных) согласных, например: tuli 'огонь' — tūli 'ветер', taratā 'поймать, настигать' — tarpatā 'убить'.

Закон гармонии гласных, согласно которому в простом слове могут встречаться гласные одного (переднего или заднего) ряда, в Вд.я. имеет некоторые особенности. Если в других прибалтийско-финских языках гласные e, i являются нейтральными в отношении гармонии гласных, то в Вд.я. e встречается только в словах с вокализмом переднего ряда, а в качестве заднерядного коррелята его выступает e: valkea 'белый' — ср.фин. valkea, эст. valge. Закон гармонии гласных частично нарушается гласным o, который нередко встречается в непервых слогах слов с вокализмом переднего ряда вместо ожидаемого ö: rāsko 'ласточка', retāzikko 'сосняк'. Это явление считается архаичным, поскольку в других прибалтийско-финских языках ö в непервых слогах также появился относительно поздно.

2.1.3. Фонема n перед k и g выступает в виде позиционного варианта ŋ: rapke 'ведро', kangaz 'ткань'. Фонема l также имеет два комбинаторных варианта. В сочетании с гласными заднего ряда и e встречается л, свойственный русскому языку, например кала 'рыба', елид 'пиво', а в остальных случаях произносится более передний (непалатализованный) l, как в эстонском языке: liitši 'близко', eitä 'жить'.

2.1.4. Структура слога в основном такая же, как в финском языке (см. статью "Финский язык"). (О долготных противопоставлениях см. 2.1.2)

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Фонологическая структура морфемы и слова в основном такая же, как в финском языке (см. статью "Финский язык").

Корневая морфема обычно состоит из двух слогов, реже из одного слога. Словообразовательные и словоизменительные суффиксы состоят чаще всего из одного слога или из неслогового согласного: lidna-za/lidna-z 'в городе' (za/z — окончание инессива), suku-lajn 'родственник' (suku 'род').

2.2.2. Нет специфических фонологических признаков для различения корня и суффикса или знаменательных и служебных частей речи. Однако служебные слова обычно безударны.

2.2.3. Чередование ступеней, свойственное большинству прибалтийско-финских языков, в период самостоятельного развития Вд.я. приобретало много особенностей. Из-за выпадения согласных в конце слова слабая ступень в современном

языке не зависит от закрытости слога: lintu 'птица' — ген. linnū (< linnun), sie (< *sitek) 'повязка' — ген. sitē (< *siteken). Фонетически обусловленное чередование отдельных фонем имеет следующие различия в сравнении с финским литературным языком. Интервокальный или следующий за согласным смычный к чередуется с соответствующим звонким смычным: sika 'свинья' — ген. sigā, tuhka 'зола' — tuhgassa 'из золы', anko 'вилы' — ген. angō, pāsko 'ласточка' — ген. pāzgo (но встречается и чередование sk/zz: laskea 'пускать' — lazzen 'пускаю'), šiška 'тряпка' — ген. šizgā, jalka 'нога' — ген. jalgā, varkād, 'воры' — vargaz 'вор', itkea 'плакать' — idgen 'плачу'. В финском языке коррелятом интервокального или следующего за звонким согласным k обычно является Ø, после глухого согласного k не чередуется. В силу перехода k < tš в Вд.я. перед гласными переднего ряда встречается чередование tš/Ø или tš/d: mātši 'гора' — mäessä 'из горы', lūtši 'он читал' — lud'in 'я читал', в известных случаях я tš/g: latši 'потолок' — ген. lagē. Коррелятом интервокального или следующего за h смычного t обычно является Ø, но иногда d: mato 'змея' — maō (ген.), lehto 'лист' — lehō (ген.), utu 'туман' — udussa 'из тумана', в то время как в финском литературном языке в указанных случаях имеется только чередование t/d. В Вд.я. чередование ступеней распространилось на аффрикаты и сибиллянты: tts/ts: ettsa 'конеп' — ген. etšā; tš (< tk)/tš: pittšā 'длинный' — ген. pitšā; s/z, š/ž: isā 'отец' — ген. izā, maša 'Маша' — ген. mažā; ss (< st)/s: eššā 'купить' — ešan 'куплю'. После безударного слога чередуются только удвоенные смычные; sepmikkād (мн.ч.) 'перчатки' — sepmikaz 'перчатка', но kajaga 'чайка' — ген. kajagā (в обоих случаях слабая ступень), vajeltā 'менять' — vajeltan 'меняю' (только сильная ступень, ср. фин. viheltä 'свистеть' — vihellän 'свищу').

2.3.0. Вд.я. в основном относится к агглютинативным, но имеется немало случаев чередований внутри основы (см. 2.2.3). Иногда такое чередование является единственным способом различения грамматических форм: seā (ген. от. seta 'война') — setā (иллатив), vagō (ген. от vako 'борозда') — vakō (иллатив). Грамматические отношения выражаются не только синтетически (например, падежами), но и аналитическим путем (например, сочетанием имени с послелогом или предлогом).

2.3.1. По составу и разграниченности грамматических разрядов слов, а также по возможности выделения частей речи Вд.я. не отличается от других прибалтийско-финских. Сходны в этих языках и категориальные способы выражения универсальных значений.

2.3.2. Грамматического рода нет. Противопоставление классов одушевленный/неодушевленный встречается в случае вопросительно-относительных местоимений tšen 'кто' (относится к человеку, а также животным) и mikā 'что'.

2.3.3. Грамматическое число выражается противопоставлением форм единственного/множественного числа как у имен, так и у глаголов. В сочетании со всеми числительными существительные употребляются только в ед.ч., напр. tšämme vōtta 'десять лет'. Названия парных частей тела имеют формы обоих чисел, только в некоторых выражениях употребляется ед.ч. вместо логически ожидаемого множественного; viskas kätšad jalgas vällä 'он снимал штаны', букв. 'снимал с ноги'. Имеются случаи pluralia tantum: kätšad 'штаны', pulmad 'свадьба', rissēd 'крестины'.

2.3.4. Падежные значения выражаются падежами, а также послелогам, реже предлогами. Падежами выражаются субъект, прямой и косвенный объект, possessивность и совместность действия а также различные пространственные и временные отношения. Падежная система в Вд.я. совпадает с эстонской;

терминатив (при выполнении той же функции) имеет другое происхождение. Большинство послелогов представляет собой застывшие падежные формы имен. Однокоренные послелого с различными падежными суффиксами образуют серии, члены которых выражают разные оттенки общего значения: *lavvä räilē* 'на стол', *lavvä räiltä* 'со стола'. Лично-притяжательные суффиксы в Вд.я. существуют только как реликтное явление, possessивность ими не выражается.

2.3.5. Категории залога в Вд.я. нет: в парадигму глагола входят неопределенно-личные формы со специальным показателем, исторически восходящие к формам пассивного залога: *lukeçassa* 'читают', *lugetti* 'читали', *on lugettu* 'прочитано', *ei lugettu* 'было прочитано', *lugettaisi* 'читали бы'. Видовые значения выражаются в основном словообразовательными суффиксами. Совершенство/несовершенство действия может выражаться также падежом объекта действия: генитивом при совершенном действии (в известных случаях — номинативом), партитивом — при незавершенном действии: *söi leivä* 'он съел хлеб', *söi leivä* 'он ел хлеб'. Имеются изъявительное, условное, повелительное и возможностное наклонения; последнее сохранилось только в фольклоре (народных песнях).

2.3.6. Грамматическое лицо выражается личными местоимениями и личными окончаниями глагола. Различаются три лица ед. и мн. ч. В функции 3 л. мн. ч. могут употребляться и неопределенно-личные формы глагола.

Определенность/неопределенность выражается в основном лексическими средствами.

Различаются четыре времени глагола: настоящее-будущее, прошедшее, перфект и плюсквамперфект.

Общая ориентация в пространстве относительно близкого-отдаленного выражается указательными местоимениями *kase* '(вот) этот' и *se* 'тот', 'этот', а также наречиями *kassenna*, *tällä* 'здесь', *sinä*, *siällä* 'там'.

Для выражения отрицания служит вспомогательный глагол отрицания, который изменяется по лицам, в то время как смысловой глагол употребляется без личных окончаний: *en luge* 'не читаю', *ed luge* 'не читаешь', *eb luge* 'не читает', *emmä luge* 'не читаем', *että luge* 'не читаете', *eväd luge* 'не читают'.

2.3.7. Выделяются части речи: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, послелого и предлоги, союзы, частицы, междометия. Существительные, прилагательные, числительные и местоимения склоняются по общей системе; ограниченно склоняются и инфинитивные формы глагола. Прилагательным и наречиям свойственна категория степеней сравнения. Глагол характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения. Служебные слова не изменяются.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и местоимения

Падежные окончания

Номинатив	— ∅
Генитив	удлинение гласного основы
Партитив	— -ta/-tä, -a/-ä, удлинение гласного основы
Иллатив	(в кого-, что-л.) — -hē(sē)/-hē(sē), -hā(sē)/-hā(sē), удлинение гласного основы (+ sē/sē)
Инессив	(в ком-, чем-л.) — -za/zä
Элатив	(из кого-, чего-л.) — -ssa/-ssä
Аллатив	(из кого-, чего-л., кому-, чему-л.) — -(l)lē/(l)lē

Адессив	(на ком-, чем-л., у кого-, чего-л.) — -lla/-llä
Аблатив	(от кого-, чего-л., с кого-, чего-л.) — -lta/ltä
Транслатив	(стать кем-, чем-л.) — -ssi
Эссив	(быть кем-, чем-л.) — -(n)na/-(n)nä
Абессив	(без кого-, чего-л.) — -tta/-ttä
Комитатив	(с кем-, чем-л.) — -ka (присоединяется к генитиву)
Терминатив	(до кого-, чего-л.) — -ssa (присоединяется к иллативу).

Показателями мн.ч. служат *d* (в номинативе, а также в 3-м лице глаголов) и *i* (в других падежах). В некоторых говорах встречаются показатели мн.ч. *-loi/-löi* или *-lai/läi*. Показатель мн.ч. предшествует падежным окончаниям: *lintu-i-lla* 'у птиц'.

В целом все существительные, прилагательные, числительные и местоимения склоняются по единому типу. Местоимения имеют особые чередования в основах. Кроме вариантов, обусловленных гармонией гласных, только партитив и иллатив имеют альтернативные суффиксы, выбор которых зависит от типа основы. Отсутствие у комитатива и терминатива вариантов с гласным переднего ряда объясняется тем, что эти падежные окончания относительно поздно развились из послелогов (ср. фин. *kanssa* 'вместе', *saakka* 'до').

Показатель сравнительной степени прилагательных: *-ra/-pä*, в номинативе *-ri/-b*.

Глагол и нефинитные формы глагола

Личные окончания глагола

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	-n	-mma/-mmä
2 л.	-d	-tta/-ttä
3 л.	-b (встречается только в настоящем времени).	-vad/-väd

Показатели времен

Презенс	— \emptyset
Имперфект	— -i, -zi
Перфект	— образуется при помощи форм презенса вспомогательного глагола <i>e</i> lla и причастия перфекта
Плюсквам-перфект	— образуется при помощи форм имперфекта вспомогательного глагола <i>e</i> lla и причастия перфекта

Показатели наклонений

Индикатив	— \emptyset
Условное	— -izi, -isi, -issi
Повелительное	— -kä, -gä (2 л. мн.ч.), -kõ, -gõ (3 л. ед. и мн.ч.); форма 2 л. ед.ч. представляет собой чистую глагольную основу, поскольку показатель <i>k</i> отпал.

Неопределенно-личные формы в презенсе изъявительного наклонения имеют показатели *-ssa/ssä*, *-s*, *-ze/-ze*, в имперфекте — *-ti*, *-tti*. В условном и повелительном наклонениях показателю соответствующего наклонения предшествует суффикс *-(t)ta/-(t)tä*.

Суффиксы инфинитивов:	-ta/-tä, -a, -ä
	-ma/-mä
Причастие презенса:	-va/-vä
Причастие перфекта:	-nnu/-nnü

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Словоформа состоит из корня и суффиксов. Словообразовательные суффиксы предшествуют формообразующим и словоизменительным. У глагола показатель времени или наклонения предшествует личным окончаниям: *tšüslü-zi-väd* 'они спросили', *tšüslü-izi-väd* 'они спросили бы'. В словоформе глагола неопределенно-личный показатель предшествует другим показателям: *veŕe-tta-issi* 'взяли бы'.

2.5.2. Новые слова образуются главным образом при помощи суффиксов или путем словосложения. Из сложных слов наиболее многочисленны сложные имена типа *gautanagla* 'железный гвоздь' (*gauta* 'железо', *pagla* 'гвоздь'), *šetaměz* 'воин' (*seta* 'война', *měz* 'мужчина'). Большинство словообразовательных суффиксов имеет соответствие в других прибалтийско-финских языках, но есть и некоторые характерные для Вд.я. малораспространенные суффиксы; *-ziŕkko* в словах *tammizikko* 'дубняк' (*tammi* 'дуб'), *gõkozikko* 'место, заросшее тростником' (*gõko* 'тростник'); *-elmo/-elmo*: *aheľmo* 'узкое место' (*ahaz* 'узкий').

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная. Двусоставное нераспространенное простое предложение состоит из подлежащего и сказуемого, выраженного финитной формой глагола, которые согласуются в числе и лице, например *lahžed laulavad* 'дети поют'. Употребляются и односоставные безличные или неопределенно-личные предложения: *halvaz* 'парализовало', *tšülvettĩ* 'сеяли'. В распространенном предложении могут встречаться дополнение, обстоятельство, именное сказуемое со связкой, определение. Определение всегда предшествует определяемому слову: *vana rahvaz* 'старый народ', *poigã tširja* 'письмо сына'. В остальном порядок слов в предложении относительно свободен. Прилагательное в роли определения согласуется с определяемым словом в числе и падеже.

Для выражения вопроса может использоваться частица-суффикс *-ko*: *pesiko tšãet puhtassi?* 'вымыл ли он руки?'.

2.5.4. Употребляются как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения. Связь между компонентами сложносочиненных предложений может быть как союзной (союзы *ja* 'и', *i* 'и', *a* 'а'), так и бессоюзной. Примеры: *johs hero metssaã mö ja vassa pũttu krapu* 'Бежала лисица по лесу и навстречу попался рак'; *ũhs eli rikaz, tejn eli kõõhã* 'Один был богат, другой был беден'. В сложноподчиненных предложениях наиболее часто употребляются союзы *etti*, *jotti*, *što*, *ešto*, 'что', *kui/ku/ko* 'когда', *štobj* 'чтобы', а также относительные местоимения *kumpra* 'который', *mikã* 'что'. Порядок слов в главном и придаточном предложениях одинаков.

2.6.0. Древнейшие заимствования из балтийских, германских и древнерусского языков являются общими для всех прибалтийско-финских языков (см. статью "Эстонский язык"). Вд.я. имел контакты с ижорским и эстонским языками, а также с ингерманландскими диалектами финского языка; из-за близкого родства указанных языков трудно установить конкретные случаи заимствования. В нашем веке практически все носители Вд.я. были охвачены или водско-русским двуязычием, или водско-ижорско-русским трехязычием. Поэтому в водской реми может встречаться неограниченное количество заимствований из этих языков.

2.7.0. Основные диалекты: западный, восточный, куровицкий (куккози). Говоры западного диалекта (на основе которого составлен данный очерк) недавно еще были живыми; на них говорили некоторые жители в районе населенного

пункта Котлы. Ныне эти говоры исчезли. Другой, еще живой, говор западного диалекта распространен около устья р. Луга (деревни Лужицы, Пески, Краколье), но из-за ижорского влияния этот говор является менее типичным представителем Вд.я., чем существовавшие недавно другие западные говоры. Еще в 60-е годы нашего столетия был известен только один носитель восточного диалекта. Перестал существовать и куровицкий диалект.

Восточный диалект в сравнении с западным имел следующие особенности. Сохранились *k* и *h* в конце слова: *kasek* 'роса', *annak* 'дай', *pereh* 'семья', *tareh* 'баня'. В качестве слабоступенного коррелята *k* в словах с вокализмом переднего ряда выступал *dž*: *retši* (< *reki*) 'дровни' — мн.ч. *redžed*, *mätši* 'гора' — ген. *mädžē* (в западном диалекте *mäē/mäjē*). Окончание 1 лица ед.ч. -*n* пало, и конечный гласный основы удлинился: *annā* (< *annan*) 'даю'.

Для куровицкого диалекта характерно особенно сильное влияние ижорского языка. Поэтому там отсутствуют многие существенные черты Вд.я., в том числе звук *ç*. Отсутствует и переход *k* > *tš*.

ЛИТЕРАТУРА

Адлер Э. Водский язык. // Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. III.

Adler E. Vadjalaste andisajast: Idavadja murdetekste. Tallinn, 1968. I.

Ariste P. A Grammar of the Votic Language. Bloomington; The Hague, 1968 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 68).

Kettunen L. Votjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930.

Kettunen L., Posti L. Näytteitä votjan kielestä // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1932. 63.

Posti L., Suhonen S. Votjan kielen Kukkosin murteen sanakirja. Helsinki, 1980.

Viiiso T.-R. Votja keele Luutsa-Liivtsülä murraku fonologia. // Emakeele Seltsi aastaraamat. Tallinn, 1961, VII. P. 142—174.

Л. Лаанест

ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Употребляемое русскими название ижорский язык (И.я.) в настоящее время является наиболее распространенным и среди самой ижоры. Уже почти забыто более древнее название *karjala* 'карельский'. В районе нижнего течения р. Луги известно название *maa keeli* 'язык земли'. В литературе встречаются варианты: нем. *Ingrisch*, англ. *Ingrian*, фин. *inkeröis*, связанные с названием исторической области *Ingermanland* (древнерусское *ижера* — фонетически закономерное соответствие прибалтийско-финскому *inkeri*).

1.1.2. И.я. относится к прибалтийско-финской подветви финно-угорской подсемьи уральской семьи языков. Он наиболее близок к карельскому языку и восточным диалектам финского языка.

1.1.3. И.я. распространен в нескольких десятках деревень Кингисеппского и Ломоносовского районов Ленинградской области Российской Федерации и соседних районах Эстонии. На И.я. говорит только старшее поколение. По данным переписи 1989 г., численность ижоры 820 человек, 36,8% из них считают ижорский язык родным.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. И.я. имеет четыре основных диалекта, выделенных главным образом по территориальному принципу с учетом и языковых различий (см. 2.7.0).

Настоящая статья построена на материале хэваского диалекта.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. И.я. употребляется только как разговорный язык. Все носители его владеют и русским языком.

1.3.2. И.я. литературного варианта не имеет и не имел в прошлом, Первые памятники в виде списков отдельных слов, зафиксированных русскими буквами, относятся к XVIII в.

1.3.3. В настоящее время И.я. в школах не преподается. Только в 30-е годы в начальных классах национальных школ велось обучение на родном языке.

1.4.0. В 1930-х годах издавались школьные учебники на основе латинской графики. В настоящее время книгоиздание отсутствует.

1.5.0. Предполагается, что до начала настоящего тысячелетия существовал пракарельский язык, от которого произошли современные собственно карельские диалекты, восточные диалекты финского языка и ижорский язык. Не позже первых веков II тысячелетия начался новый период, который можно называть праижорским. Тогда пракарельская общность уже распалась, но сохранились тесные связи между диалектами-предшественниками И.я. и юго-восточными диалектами финского языка. В VII в. начинается период, для которого характерно обособление современных ижорских диалектов и их распространение на нынешние территории. Контакты с финскими диалектами продолжались, но они касались отдельных ижорских говоров в различной мере. В то же время усилилось влияние русского языка.

1.6.0. Под влиянием русского языка возникла фонологическая оппозиция звонких и глухих смычных, а также оппозиция *s/š* у части носителей И.я. С влиянием русского языка связаны произношение палатализованных согласных (преимущественно в русских заимствованиях) и употребление слов, начинающихся с сочетания согласных. В последнее время стали малоупотребительными такие неизвестные для русского языка морфологические явления, как потенциал (возможностное наклонение) и 3-е л. императива.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонемный состав И.я. в основном совпадает с фонемным составом финского языка. Система гласных И.я. отличается только тем, что долгие гласные *ē, ō, õ*, которые дифтонгизировались в финском языке, в ижорском сохранились: ижор. *tē* 'дорога', *sō* 'болото', *õ* 'ночь' — фин. *tie, suo, yö*. В этом отношении И.я. отличается даже от генетически самых близких к нему диалектных групп — собственно карельских и восточнофинских. В отличие от финского литературного языка, в котором встречается только *d*, в речи части носителей И.я. *b, d, g* являются самостоятельными фонемами, однако некоторая другая часть ижоры или вовсе не произносит звонких смычных, или употребляет их как варианты глухих смычных *p, t, k* (см. 2.1.3.). В И.я. произносятся (в основном в русских заимствованиях) палатализованные согласные, совершенно чуждые финскому литературному языку, например *pol'nitsa* 'больница', *kāf'jat* 'брюки'.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний		задний	
	иллабиальные	лабиальные	иллабиальные	лабиальные
Верхний	i	ɨ		u
Средний	e	ø		o
Нижний	ä		a	

Согласные

По способу образования		По месту образования				
		билабиальные	лабиодентальные	дентально-альвеолярные	велярные	ларингальные
Шумные	смычные аффрикаты ффрикативные	p, b	f, v	t, d ts, tʃ s, š, z, ž, j	k, g	h
	Сонорные	m		n l r		

2.1.2. Главное словесное ударение падает на первый слог. Только в поздних русских заимствованиях ударение может находиться на других слогах. Каждый нечетный слог, кроме последнего, имеет второстепенное ударение. Примеры: aːstuːqjak 'бороновать', kaːmariːkkoloːja 'горшки' (партит. мн.ч.). Динамическое ударение обычно сопровождается повышением основного тона.

Как и в других прибалтийско-финских языках, долгота гласных и согласных имеет смысловоразличительную функцию.

В И.я. действует такой же закон гармонии гласных, как в финском языке.

2.1.3. Согласные p, t, k в начале слова и рядом с глухими согласными в середине слова реализуются как глухие сильные смычные, в остальных случаях им соответствуют полувзвонкие слабые смычные B, D, G; paDa 'горшок', taeh 'навоз', kaluDaG 'грызть', rehko 'куст', musta 'черный', haVan 'кислый', läGinäGäz 'разговорчивый'. В некоторых идиолектах в качестве вариантов p, t, k выступают и b, d, g; у части носителей И.я. b, d, g являются самостоятельными фонемами. Позиционным вариантом фонемы s между гласными и рядом со звонким согласным является полувзвонкий Z или звонкий z: sägen 'бью', rezä ~ rezä 'гнездо'. Перед k фонема n произносится в велярном варианте ŋ, например keŋGä 'обувь'; l перед и после гласных заднего ряда произносится с более задним положением языка, чем рядом с гласными переднего ряда, однако не у всех носителей И.я. этот звук совпадает с л, свойственным русскому языку.

2.1.4. Преобладают следующие типы слога (компоненты дифтонгов учитываются отдельно; у долгих согласных слогоделение проходит посередине): (C)V — ka-la 'рыба', a-has 'узкий'; CV — hä-pa 'осина', ä-ni 'голос'; (C)VV — haj-li 'салака', aŋ-ki 'открыт'; (C)VC — tak-ku 'пакля', ek-len 'вчера'; (C)VC̄ — säp-pahat 'сапоги', öt-telen 'жду'; (C)VVC — pejt-täk 'прятать', eŋk-si 'сени'; (C)VCC — help-po 'легкий', ant-tä 'дает'; (C)VC̄C — vänt-täk 'повернуть', öks 'на ночь (оставаться)'; CVVC — vojks '(превратиться) в масло', me-hi-läjt 'пчелы' (мн.ч.).

Слоги, начинающиеся с согласного, встречаются чаще, чем слоги с начальным гласным. Только в заимствованных или звукоподражательных словах встречаются слоги, начинающиеся с сочетания двух или трех согласных: klät-tiak 'гладить, утюжить', kräk-kä 'коростель', plū-ka 'плуг', grā-vi-huak 'поправиться', stol-la-ri 'столяр', trah-to-ri 'трактор', strop-pi-la 'стропило'.

В сочетаниях CV и VC могут выступать любые фонемы. Сочетания VV в пределах слога представляют собой или долгие гласные, или дифтонги. Исторически первичными являются дифтонги, имеющие в качестве второго компонента i, u или ü. В результате выпадения согласных появились и другие дифтонги. Комбинаторика гласных ограничена законом гармонии гласных. В качестве

сочетаний согласных в конце слога выступают сочетания плавного/носового со смычным или *s* (*lk, lp, ls, lt, mp, nk, nt, rk, rp, rs, rt*): *hulk-kuak* 'бродить', *külр-reäk* 'париться в бане', *pels-si-met* 'ткацкий станок', *ilt-tain* 'ужин', *amр-ruak* 'стрелять', *lank-kain* 'шерстяной', *künt-täk* 'пахать', *verk-ko* 'сеть', *kerр-ru* 'блоха', *kirs-to* 'сундук', *kart-tu* 'валенки, колотушка'.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Корневая морфема обычно состоит из двух слогов, реже из одного слога. Словообразовательные и словоизменительные суффиксы состоят чаще всего из одного слога или из согласного, не образующего слога, реже из двух или даже трех слогов. Примеры: *jökse-n* 'бегаю', где *-n* является окончанием 1 лица ед.ч.; *las-ta* 'ребенка' — *-ta* является окончанием партитива; *jökse-ntele-n* (разделяется на слоги *jök-sen-te-len*) 'бегаю взад и вперед', где *-ntele* является словообразующим суффиксом.

2.2.2. Нет специфических фонологических признаков для различения частей речи. Однако в отличие от знаменательных служебные слова обычно безударны.

2.2.3. Как и в большинстве других прибалтийско-финских языков, в И.я. существует регулярное чередование сильной и слабой ступени смычных, что реализуется в формо- и словообразовании слов разных категорий. В сравнении с финским литературным языком в ижорском имеются следующие особенности. Интервокальным одинарным смычным *k, t* в слабой ступени почти всегда соответствует выпадение: *suku* 'род' — ген. *sün* (ср. фин. *suvun*), *pata* 'горшок' — ген. *rän* (ср. фин. *padan*). В И.я. регулярному чередованию подвергаются также смычные в сочетаниях *hk, sk, tk, ht, st*: *nahka* 'кожа' — ген. *nahan, iskeäk* 'ударить' — *isen* 'ударю', *itkeäk* 'плакать' — *iten* 'плачу', *lehti* 'лист' — *lehet* 'листья', *musta* 'черный' — *mustat* 'черные' (ср. фин. *nahkan, isken, itken, lehdet, mustat*).

Другой вид морфонологического чередования, известный также некоторым другим прибалтийско-финским языкам, заключается в том, что первичные одинарные согласные чередуются с удвоенными; появление последних связано с образованием долгого гласного или дифтонга в результате выпадения согласного: *kala* 'рыба' — *kallä* (партитив) < **kalata, kallän* 'в рыбу' < **kalahan*; *joki* 'река' — *jokkea* (партитив) < **joketa*. Как особенность только И.я. можно выделить случаи удвоения в нестяженных трехсложных словах типа *ommäna* 'яблоко' (ср. фин. *omena*), партитив *omenä* < **omenata*.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения. Подобно другим прибалтийско-финским языкам, И.я. в основном является агглютинативным, но в нем немалую роль играют и чередования внутри основы (см. 2.2.3.). Есть случаи, когда чередование внутри основы является единственным способом различения грамматических форм. От *serrä* 'кузнец' генитив — *serän*, а эссив — *serrän*; от *pereh* 'семья' генитив — *pergēhen*, а иллатив — *perēhen*. Подобных случаев в И.я. все же меньше, чем в эстонском или ливском. В И.я. используются и аналитические структуры (последложные конструкции, сложные формы глагола).

2.3.1. По составу и разграниченности грамматических разрядов слов, а также по возможности выделения частей речи И.я. не отличается от финского. Сходны в этих языках и категориальные способы выражения универсальных значений (см. статью "Финский язык").

2.3.2. Грамматического рода нет. О противопоставлении по признаку одушевленности/неодушевленности можно говорить только в случае вопросительно-относительных местоимений *ken, kuka* (относятся к человеку) и *mikä* (относится к неодушевленным предметам; о том, какие местоимения относятся к

животным, данных недостаточно). В отличие от финского языка личное местоимение 3-го лица *hän* в И.я. может относиться как к человеку, так и к животным, и ко всему остальному.

2.3.3. Грамматическое число выражается противопоставлением форм единственного-множественного числа как у имен, так и у глаголов. В сочетании со всеми числительными существительные употребляются только в единственном числе, например *viis miestä* 'пять мужчин'. Названия парных частей тела имеют формы обоих чисел, только в некоторых выражениях употребляется единственное число вместо логически ожидаемого множественного: *kinttahaat ovat käes* букв. 'перчатки в руке', *sukat ovat jalas* букв. 'чулки в ноге'. Имеются случаи *pluralia tantum* типа *keritsimet* 'ножницы для стрижки овец', *hät* 'свадьба' (ср. статью "Финский язык").

2.3.4. Падежные значения выражаются падежными формантами, а также послелогами, реже предлогами. Падежами выражаются субъект, прямой и косвенный объект, посессивность, различные пространственные и временные отношения. В отличие от финского языка совместность действия в И.я. выражается не падежом, а послелогом *kega*: *rojan kega* 'с сыном'. Большинство послелогов представляет собой застывшие падежные формы имен. Однокоренные послелоги с различными падежными суффиксами образуют серии, члены которых выражают разные оттенки общего значения: *pellon pälen* 'на поле' (куда?), *pellon pääl* 'на поле' (где?), *pellon päält* 'с поля'. Посессивность, кроме генитива, может выражаться лично-притяжательными суффиксами: *ätti-n* 'мой отец', *ätti-s* 'твой отец'. Однако использование лично-притяжательных суффиксов в И.я. менее последовательно, чем в финском; особенно редко употребляются лично-притяжательные суффиксы лиц множественного числа.

2.3.5. Персонального пассива нет, но в парадигму глагола входят неопределенно-личные формы со специальным показателем: *luetän* 'читают', *luetin* 'читали', *on luettu* 'прочитано', *oli luettu* 'было прочитано', *luettais* 'читали бы'. Видовые значения выражаются в основном словообразовательными суффиксами. Совершенство/несовершенство действия может выражаться и падежом объекта действия: если действие совершенное, употребляется объект в форме генитива (в известных случаях и в форме номинатива), если несовершенное — в форме партитива: *vasikka kaik maizon jöri* 'теленок все молоко выпьет' и *vasikka jöri maittoa* 'теленок пьет молоко'. Имеются следующие наклонения: индикатив, кондиционал, императив, потенциал. Потенциал в современном И.я. почти не встречается, но оно сохранилось в старинных народных песнях.

2.3.6. Грамматическое лицо выражается личными местоимениями, личными окончаниями глагола и лично-притяжательными суффиксами у имени. Различаются 3 лица единственного и множественного числа.

Определенность/неопределенность выражается в основном лексическими средствами.

Различаются четыре времени глагола: настоящее-будущее, прошедшее, перфект и плюсквамперфект. В сравнении с финским языком сфера употребления перфекта и плюсквамперфекта в И.я. более ограничена, вместо них часто выступает простое прошедшее время. Общая ориентация в пространстве относительно близкого/отдаленного выражается указательными местоимениями *tämä* 'этот' и *tö* 'тот' или наречиями: *täs* 'здесь', *iös* 'там'.

Для выражения отрицания служит глагол отрицания, который изменяется по лицам, в то время как смысловой глагол употребляется без личных окончаний: *en luek* 'я не читаю', *et luek* 'ты не читаешь', *ei luek* 'он не читает', *emmä luek* 'мы не читаем', *että luek* 'вы не читаете', *eivät luek* 'они не читают'.

Отрицание может дублироваться усилительно-отрицательной частицей-суффиксом -kän/-kän (ср. статью "Финский язык").

2.3.7. Выделяются части речи: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, послелогои и предлоги, союзы, частицы, междометия. Существительные, прилагательные, числительные и местоимения склоняются по общей системе; ограниченно склоняются и инфинитные формы глагола. Существительным и некоторым местоимениям свойственна категория лично-притяжательности, прилагательным и наречиям — категория степеней сравнения. Глагол характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения. Служебные слова не изменяются.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Единственное число имен показателя не имеет. Показателями мн. числа у имен являются: -t (в номинативе), -i или -loi/-löi (в остальных падежах); -t в качестве маркера мн. числа используется и в 3-м лице глагольного спряжения.

Падежные суффиксы

Номинатив — \emptyset

Генитив — -n

Партитив — -a/-ä, -ta/-tä, -t

Илллатив (в кого-, что-л.) — -Vn, -nVn (V идентичен конечному гласному основы)

Инессив (в ком-, чем-л.) — -s

Элатив (из кого-, чего-л.) — -st

Аллатив (на кого-, что-л., кому-, чему-л.) — -(l)len

Адессив (на ком-, чем-л., у кого-, чего-л.) — -l

Аблатив (от кого-, чего-л., с кого-, чего-л.) — -lt

Транслатив (стать кем-, чем-л., превратиться в кого-, что-л.) — -ks

Эссив (быть кем-, чем-л.) — -n

Абессив (без кого-, чего-л.) — -tak/-täk

Лично-притяжательные суффиксы

1 л. ед.ч. -Vn, -n

1 л. мн.ч. -nnek

2 л. -»- -Vs, -s

2 л. -»- -nnek

3 л. -»- -Vn, -n, -hVn

3 л. -»- -ssek

Прилагательное и наречие. Показатель сравнительной степени: -mp.

Глагол

Личные окончания глагола

1 л. ед.ч. -n

1 л. мн.ч. -(m)man/-(m)män

2 л. -»- -t

2 л. -»- -tta/-ttä

3 л. -»- -V, -pi

3 л. -»- Vt, -vat/vät

Показатели времен

Презенс — \emptyset

Имперфект — -i

Перфект — образуется при помощи форм презенса вспомогательного глагола ollaк 'быть' и причастия перфекта основного глагола.

Плюсквамперфект — образуется при помощи форм имперфекта вспомогательного глагола ollaк и причастия перфекта основного глагола.

Показатели наклонений

Индикатив — \emptyset

Кондиционал — -isi-

Императив — -k, -ka/-kä

Потенциал — -ne

Показатели неопределенно-личных форм: -(t)ta/-(t)tä, -a/-ä

Суффиксы инфинитивов: -tak, -täk, -ak, -äk, -ma/-mä-

Причастие презенса: -va/-vä

Причастие перфекта: -nt

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Словоформа состоит из корня и суффиксов. Словообразовательные суффиксы представляют формообразующим и словоизменительным. У имен показатель множественного числа предшествует падежным окончаниям, например verkko-loj-s 'в сетях'. У глагола показатель времени или наклонения предшествует личным окончаниям: kuo-i-n 'я ткал', kutto-isi-n 'я ткал бы'. Показатель неопределенно-личной формы предшествует другим показателям: kuo-tta-is 'ткали бы'.

2.5.2. Новые слова образуются главным образом при помощи суффиксации или путем словосложения. Из сложных слов наиболее многочисленны сложные имена типа kevätvehnä 'яровая пшеница' (kevät 'весна', vehnä 'пшеница'), muna jauho 'крахмал' (muna 'картофель', jauho 'мука'). Используется и морфолого-синтаксический способ в виде субстантивации прилагательных или наоборот. Слово valkkea, например, кроме основных значений 'белый', 'светлый' обозначает 'огонь', а также 'молнию'. Но в таких случаях, как rippeä 'темный', 'темнота', даже трудно сказать, которое из значений является первичным. Большинство наречий и послелогов развились из падежных форм имени. Ср. статью "Финский язык".

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная. Двусоставное нераспространенное простое предложение состоит из подлежащего и сказуемого, выраженного финитной формой глагола, которые согласуются в числе и лице: lamppähat tullöt 'овцы идут'. Встречаются и односоставные безличные или неопределенно-личные предложения типа tulo '(ветер) дует', künnetän 'пашут'. В распространенном простом предложении могут встречаться дополнение, обстоятельство, именное сказуемое со связкой, определение. Определение всегда предшествует определяемому слову: vari vesi 'горячая вода', sennihan sülen annettin lahjoja 'родственникам жениха дали подарки'. В остальном порядок слов в предложении относительно свободен. Наиболее обычным все же является порядок: подлежащее — сказуемое — дополнение/обстоятельство, например ämmä lüpsä läväs lehmä 'бабушка доит в хлеве корову'. Прилагательное в роли определения согласуется с определяемым словом в числе и падеже.

Для выражения вопроса может использоваться частица-суффикс -k/-ka/-kä, который чаще всего присоединяется к глаголу: tahotka maittoa? 'хочешь ли молока?'

2.5.4. Употребляются как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения. В сложносочиненных предложениях чаще всего встречаются союзы i 'и', ja 'и', a 'а'. Встречаются сложносочиненные предложения и без союзов: meil lamppät eivät metsäs käänētkä, meil kaj lakejal käivät 'у нас овцы в лесу не ходили, у нас они все на открытых местах ходили'. В сложноподчиненных предложениях используются союзы типа sto 'что', jot 'что', ku 'когда, если', konž 'когда', stop 'чтобы', niku 'чтобы', а также относительные местоимения ken 'который', mikä 'который'. Принципы порядка слов в главном и придаточном предложениях одинаковы.

2.6.0. После распада прибалтийско-финского языка-основы и формирования отдельного ижорского языка ижорские диалекты все же сохранили тесные контакты с восточными диалектами финского языка (в связи с переселением финнов из восточной Финляндии в Ингерманландию начиная с XVII в.), а западные ижорские диалекты также с водским и эстонским языками. Из-за близкого родства указанных языков конкретные случаи заимствования из них можно установить только путем тщательного лингвогеографического исследования. Если в оредежском диалекте, не имевшем прямых контактов с финскими переселенцами, сохранились слова *h'engi* 'сердце', *küli* 'баня', *t'ükjä* 'тяжелый', а в сойкинском и хэваском диалектах вместо них употребляются *süän* (*henki* известно только в значении 'душа, человек'), *sauna*, *gaskas*, совпадающие с финским языком, в этих случаях можно предполагать влияние финского языка на указанные ижорские диалекты.

В последние столетия основным источником заимствований стал русский язык. В настоящее время в условиях общего ижорско-русского двуязычия в ижорской речи могут встречаться слова русского происхождения любой семантической области: *klëveri* 'клевер', *safse'm* 'совсем', *strápätä* 'стрипать', *svësa* 'свежий', *trifška* 'электричка'.

2.7.0. И.я. разделяется на хэваский, оредежский, сойкинский и нижнелужский диалекты.

Хэваский диалект, распространенный в некоторых деревнях на р. Коваши и на побережье Финского залива в Ломоносовском районе Ленинградской области, является наиболее консервативным. Он сохранил конечные согласные *k*, *h*, *n*: *kassek* 'роса', *pereh* 'семья', *metsään* 'в лес', в то время как в остальных диалектах *k* и *h* в конце слова полностью отпали, а во многих случаях исчез и конечный *n*. Встречаются своеобразные формы возвратных глаголов с отличающимися от остальных глаголов окончаниями 3-го лица: *pessien* 'моется', *pessiessek* 'моются' (в других диалектах: *pessijää*, *pessijäät*). На хэваском диалекте говорит несколько десятков лиц старейшего поколения в домашней среде.

Оредежский диалект сегодня уже не функционирует как 'средство' общения. Он был распространен в Гатчинском районе, западнее среднего течения р. Оредеж. В этом диалекте в интервокальном положении вместо *p*, *t*, *k* произносились *b*, *d*, *g* и вместо *s* — *š* или *ž*. Встречался случай чередования ступеней *ŋg* — *ŋŋ*, напр. *haŋgi* 'сугроб' — *haŋŋet* (мн.ч.) (в других диалектах *haŋGi* — *haŋGet*). В лексике имелись некоторые общие с карельским языком слова, вытесненные в остальных диалектах заимствованиями из финского языка (ср. 2.6.0.).

Сойкинский диалект, распространенный на Сойкинском полуострове (Кингисеппский район) имеет следующие особенности: в непервых слогах вместо сочетаний гласных *ea/ëä* встречается *ia/iä*, например *valkkia* 'белый' (в хэваском диалекте *valkkea*). Рефлексом общеприбалтийско-финского сочетания согласных **str* является *zr*: *ozga* 'ячмень', *kezrään* 'я пряду' (хэваский *odra*, *kedrään*). К лично-притяжательным суффиксам может присоединяться показатель множественности обладаемого, например *vepehetme-t* 'наши лодки' (в данном случае показатель *t* не встречается ни в одном из прибалтийско-финских языков). Сойкинский диалект сохранился лучше, чем остальные диалекты, но и он в настоящее время употребляется только старшим поколением. Число говорящих, вероятно, не превышает 100 человек.

Нижнелужский диалект, распространенный по нижнему течению р. Луги, противопоставляется всем остальным диалектам многими фонетико-мофрологическими особенностями. Между гласными произносятся *p*, *t*, *k* вместо *B*, *D*, *G* или *b*, *d*, *g* других диалектов. Отсутствует тип геминации согласных, свойственный

трехсложным словам в других диалектах, например *matala* 'низкий', а не *mattaala*. В конце слова в сочетании *-set* не произошло падения *e*: *heposet* 'лошади', а не *heppoist*. Если в других диалектах произошло регулярное падение конечного *a/ä* в известных падежах, в нижнелужском диалекте гласный в этих падежных окончаниях частично сохранился: *külässä* 'в деревне', *merellä* 'на море'. Есть комитатив с окончанием *-nkaa/-nkää*: *pojankaa* 'с сыном'. В падежах множественного числа встречается сильная ступень согласного вместо слабой ступени других диалектов: *verkkois(sa)* 'в сетях', *sikoil(la)* 'у свиней' вместо *verkois*, *sioil*. Указанные особенности можно объяснить влиянием водского языка, местных финских говоров или конвергентным развитием языков данного микроареала. На нижнелужском диалекте говорит около 100—200 человек.

ЛИТЕРАТУРА

Лаанест А. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллинн, 1966.

Лаанест А.Х. Историческая фонетика и морфология ижорского языка: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Таллинн, 1978.

Ariste P. Isuri keelenäiteid // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused. Tallinn, 1960. V. C. 7—68.

Laanest A. Isuri mudetekste. Tallinn, 1960

Mägiste J. Rosona (Eesti Ingeri) murde pääljo-

oned Tartu, 1925 (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis B VII 3)

Nirvi R.E. Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971

Porkka V. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte Helsingfors, 1885.

Sovijärvi A. Foneettis-hännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeröismurteesta. Helsinki, 1944 (Suomi 103).

В.Д. Рягов .

КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Вариантов названия (на русском языке) нет; иноязычные соответствия: фин. *karjala*, нем. *Karelisch*, англ. *Karelian*. Фонетические варианты самоназвания этноса: *karjalaiset* (собственно северные карелы), *karjalazet* (средние карелы — Тунгуда, Паданы), *karjalaset* (тихвинские карелы), *karjalazet* (ливвиковский ареал). Свой язык карелы определяют по трем разновидностям диалектной речи: *pagizemma karjalaksi* 'говорим по-карельски' (собств. карелы), *pagizemma livvikse* 'говорим по-ливвиковски' (ливвики), *pagizemme lüdikš* 'говорим по-людиковски' (людики).

1.1.2. Карельский язык (К.я.) — один из прибалтийско-финских языков, относящихся к финно-угорской подсемье уральской языковой семьи. Наиболее близкие генетические связи он обнаруживает с вепским, ижорским, финским, несколько более отдаленные — с эстонским, водским и ливским языками.

1.1.3. К.я. распространен в Карелии, в Тверской, Санкт-Петербургской, Новгородской и Мурманской областях Российской Федерации. По переписи населения 1989 г., в СССР насчитывалось 130 тыс. 929 человек карельской народности, 47,3% из них считают карельский язык родным. Основная часть проживает в Карелии — 81,3 тыс. человек, или 59%. Значительная часть карел расселена в Тверской области Российской Федерации — 30,1 тыс. человек, или 22%. Кроме того, в Ленинградской, Мурманской областях Российской Федерации насчитывается более 7,5 тыс. человек. Определенное число карел проживает в Финляндии и Швеции.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Диалектное членение языка обусловливается и объясняется этногенезом карельского народа, в формировании которого участвовали два древнейших племени — корела и весь, а в языковом плане — взаимовлиянием карельского и вепсского языков. Собственно карельский диалект противопоставлен ливвиковскому и людиковскому как язык древнего племени корела, а людиковский — двум первым как речь с явно выраженным вепским субстратом; в ливвиковском диалекте по сравнению с людиковским преобладает карельская основа наряду с наличием известного количества вепских языковых явлений (о диалектных различиях см. 2.7.0.). Данный очерк написан на основе тихвинского говора собственно карельского диалекта.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. К.я. бытует как средство устного общения в основном среди сельского населения. Большинство карелов двуязычны — владеют карельским и русским языками.

1.3.2. На К.я. существует богатая устно-поэтическая традиция, на карельском и финском языках был сложен эпос "Калевала". В прошлом, как об этом свидетельствуют памятники (берестяные грамоты, переводы священных писаний, словари, азбуки), К.я. имел слаборазвитую письменность. В 1938—39 гг. в Карелии и Тверской области была предпринята попытка внедрить единый карельский литературный язык и письменность на русской графической основе. Были разработаны на основе собственно карельского и ливвиковского диалектов "Грамматика карельского языка" и ряд школьных учебников; было издано около 200 наименований переводной литературы, издавался журнал "Карелия". Однако из-за больших диалектных различий и двуязычия, понижающего заинтересованность в развитии литературного языка, уже в 1940 г. письменность на К.я. прекратила свое существование.

1.3.3. После 1917 г. на территории Карелии обучение велось на русском и финском языках, в Тверской области — на карельском. В 1938—39 гг. в Карелии ввели начальное обучение на карельском, начиная с 1940 г. языком обучения стал русский и параллельно с ним — финский. В настоящее время языком обучения является русский.

1.4.0. В последние годы предприняты меры по воссозданию карельской письменности: создан и утвержден алфавит на латинской основе, издан букварь, готовятся книги для чтения и школьные словари. В ряде начальных школ Карелии ведется обучение карельскому языку.

1.5.0. Периодизация истории К.я. не разработана.

1.6.0. Внутривидовые явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами, реализовались на всех уровнях языка. На уровне фонетики К.я. заимствовал из русского языка звуки /ʃ/, /с/, /j/, влиянием русского языка объясняется сильная палатализация согласных, особенно в собственно карельском диалекте (калининские и тихвинские карелы); из русского языка заимствован ряд словообразовательных суффиксов и частиц, союзов. Весьма обильны поздние лексические заимствования, охватывающие все сферы деятельности (см. 2.6.0.).

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. За время самостоятельного развития фонологическая система К.я. значительно отделилась от общей прибалтийско-финской. Большинство древних долгих гласных первого слога слова по диалектам и говорам перешли в дифтонги: $\bar{a} > oa$, ua , ja ; $m\bar{a}$ 'земля' — moa , mua , mja ; $\bar{o} > uo$: $nuori$ 'молодой'; $\bar{e} > ia$, $i\bar{a}$: $pieni$ 'маленький'; $\bar{ö} > üö$, $vüö$ 'пояс'; $\bar{ä} > iä$, ie , $eä$: $piä$ 'голова', pie , $peä$.

Из древних долгих гласных сохранились в первом слове слова лишь *i* (*pī* 'зубец'), *ü* (*pü* 'дерево'), *ü* (*pü* 'рябчик'). В результате выпадения интервокальных согласных и стяжения гласных в собственно карельском и ливвиковском диалектах образовались дифтонги и долгие гласные: *tuata*, *mjata*, *mäta* < *magata* 'спать'; *kaštiella*, *kastiel* < *kastegella* 'по посе'; *andua*, *andja*, *andä* < *andada* 'дать'. Пополнился инвентарь согласных: появились *b*, *d*, *g*, *ž* (*dž*). В некоторых северных говорах звонких взрывных вообще нет, в то время как в большинстве других диалектов звонкие и глухие взрывные противостоят друг другу. В ливвиковском и людиковском диалектах изменилась конечная огласовка слов с двусложной основой на *a(ä)*: в ливв. диалекте *a > u* (*raḥka > raḥku* 'кап'), в люд. *a > e* (*raḥka > raḥke*). Произошел по сравнению с другими близкородственными языками переход *s*, *z* в *š*, *ž*. В некоторых случаях сузилось, в отдельных случаях расширилось чередование ступеней согласных. За исключением калевальских говоров, произошло смягчение согласных.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний		задний	
	иллабиальные	лабиальные	иллабиальные	лабиальные
Верхний	<i>i, ī</i>	<i>ü, ǖ</i>	<i>ĩ [ī]</i>	<i>u, ü</i>
Средний	<i>e, ê</i>	<i>ö, ȫ</i>		<i>o, ô</i>
Нижний	<i>ä, ǟ</i>		<i>a, ä</i>	

ĩ [ī] встречается в основном в заимствованных словах. На карельской основе употребляется после непалатализованного согласного как вариант /i/. В кондушском и весьегонском говорах он встречается как начальный элемент сложного гласного в результате дифтонгизации *ä > ja* (*rjado* < *rädo* 'работа'). В ливв. диалекте встречается *ω* как аллофон *u, ü*. В К.я. широко представлены дифтонги: расширяющиеся *ua, uo, oa, ja, ie, iä, eä, üä, öä, üö*; сужающиеся *ai, oi, ui, äi, öi, ei, iu*.

Для людиковского и некоторых говоров собственно карельского и ливвиковского диалектов характерны трифтонги (*maguai* 'он спит', *miguoine* 'такой', *suai* 'до').

Согласные

По способу образования		По месту образования											
		билабиальные		лабиоденгальные		переднеязычные		среднеязычные		заднеязычные		ларингальные	
		тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.
Шумные	смычные	<i>p</i>	<i>p̄</i>			<i>t</i>	<i>t̄</i>			<i>k</i>	<i>k̄</i>		
	аффрикаты	<i>b</i>	<i>b̄</i>			<i>d</i>	<i>d̄</i>			<i>g</i>	<i>ḡ</i>		
	ффрикативные			<i>f</i> ,	<i>f̄</i>	<i>s, z</i>	<i>š, ž</i>	<i>j</i>				<i>h</i> ,	<i>h̄</i>
Сонорные	назальные	<i>m</i>	<i>m̄</i>			<i>n</i>	<i>n̄</i>					[ŋ]	
	латеральные					<i>l</i>	<i>l̄</i>						
	вibrанты					<i>r</i>	<i>r̄</i>						

В определенных позициях /d, v, j, m, l, n, k, p, r, s, š, t, č/ имеют удвоенные пары, геминаты. Согласные /f/, /c/ встречаются в русских заимствованиях, /ž/ (орфогр. dž) встречается только в середине слова; /п/ перед g, k выступает как [ŋ].

2.1.2. Главное ударение в исконных словах падает на первый слог, второстепенное — на последующие нечетные слоги, кроме последнего. Для К.я. характерна гармония гласных: если в первом слоге слова выступает гласный переднего ряда (/ä, ö, ü/), то и в последующих слогах могут выступать лишь гласные того же ряда, и, наоборот, при заднерядных гласных (/a, o, u/) в первом слоге в последующих слогах выступают гласные заднего ряда; /i/ и /e/ в отношении гармонии гласных нейтральны. В сложных словах каждый компонент гармонирует как изолированное слово.

2.1.3. Дистрибуция согласных свободна, лишь /ž/ и [ŋ] не могут встречаться ни в начале, ни в конце слова. Для консонантизма характерно, что слог (следовательно, и слово) не начинается с сочетания согласных. Исключением являются заимствованные и звукоподражательные слова.

2.1.4. Для К.я. характерны следующие слоговые типы: V — a-ho 'пустошь', V̄ — ü-zi 'новый'; VV — ui-nota 'уснуть', VC — ük-si 'один'; V̄C — üt-tua 'педить'; VVC — iel'-l'ä 'раньше'; CV — re-bo 'лиса'; C̄V — hi-li 'уголь', CVV — koi-vu 'береза'; CVC — ta-l-vi 'зима'; C̄VC — kü-l-la 'слышать'; CVVC — kaik-ki 'все'; CVCC — kirs-tu 'ларь'; в поздних заимствованиях и звукоподражательных словах CCV, CCVC, CCV, CCVV, CCVC, CCVVC, CCCVC, CCCVV. Слогообразующим элементом является гласный, долгий гласный, дифтонг или трифтонг, количество слогов в слове идентично количеству гласных или дифтонгов и трифтонгов: ma-da-la 'мелкий', kai-voim-ma 'мы копали', mu-guoi-ne 'такой'. При сочетаниях согласных внутри слова слоговое деление проходит перед последним согласным: rag-da 'борода', virš-ta 'верста'. Фонологическое значение имеет противопоставление долгих гласных кратким: tül'i 'ветер' — tul'i 'огонь', aštū 'он идет' (презент 3 л. ед.ч. индикатива) — aštu 'он шел' (имперфект 3 л. ед.ч. индикатива), rid'ä парт. 'зубец' — rid'ä 'надо', pägö 'он видит' — pägö 'лицо'; в отдельных диалектах кратких (одиночных) взрывных согласных — долгим, геминатам: (kato 'неурожай' — katto 'крыша', šuka 'гребень' — šukka 'чулок').

2.2.0. Морфологические сведения

2.2.1. Корневая морфема характеризуется сложной изменяемостью. Все слова имеют основу на гласный, но определенная группа слов имеет корневую морфему и на согласный. Это так называемые двусосновые слова: šamma 'мох' — šammale-p (ген. ед.ч.) — šamma-da (парт. ед.ч.). Многообразие видов корневых морфем обуславливается альтернативой согласных внутри морфемы, чередованием гласных, звукопереходом гласного в исходе морфемы при присоединении того или иного суффикса, переходом гласного в исходе морфемы в состав суффикса, выпадением суффикса. Альтернатива в словах с согласными, охваченными чередованием, обязательна при словоизменении. Так, например, образование именных падежных форм может реализоваться употреблением четырех видов основ: 1) сильной гласной основы: vede-h 'в воду' (илл. ед.ч.); 2) слабой гласной основы: vie-p, veje-p (ген. ед.ч.); 3) согласной основы: vet'-t'ä (парт. ед.ч.); 4) основы множественного числа: veži-e, vežiöi-d'ä (парт. мн.ч.). При именном и глагольном словоизменении наблюдается чередование гласных внутри морфемы: lagi 'потолок' — lua-šša (инесс. ед.ч.); tūva (tuvva) 'принести' — toin 'я принес'. При присоединении некоторых грамматических показателей (i — суффикса мн. числа и i — показателя имперфекта) к морфемам с исходом на -a наблюдается

чередование а/о (kala 'рыба' — kaloi парт. мн.ч., andua 'дать' — annoin 'я дал') или а/∅ (korva 'ухо' — korvi-ssa инесс. мн.ч.).

Если корневые морфемы структурно оформлены, то есть состоят по меньшей мере из одного слога и способны выступать как самостоятельные единицы (слово или предложение), то аффиксы могут и не иметь этой оформленности и выступают как служебные части слова, выполняющие реляционные (kod'i — koi-ssa инесс. 'в доме'), деривационные (kodilaine 'домашний'), реляционно-деривационные (kod'i-laze-t 'домашние') функции. Дистрибуция аффиксов строго ограничена: как правило, они следуют за корневой морфемой и гармонируют с ней (käi-llä адесс. 'рукой', kaži-lla адесс. 'у кошки', tägä-l'äine 'здешний', rago-laine 'беглец, беглый').

2.2.2. Служебные слова противопоставляются знаменательным по словесному ударению: знаменательные слова ударяемы, служебные, как правило, безударны.

2.2.3. Для К.я. характерно чередование ступеней согласных внутри корневой морфемы (радикальное чередование). Чередованием охвачены k, p, r, s, š, t, t', č, g, d, b, ž и их сочетания с другими согласными. Чередования могут быть количественными, характерными для всех трех диалектов, и качественными, свойственными собственно карельскому и ливвиковскому диалектам. Количественным чередованием охвачены kk/k, pp/p, tt/t, t't'/t', čč/č, rr/r, ss/s, šš/š: rakkuan 'я прошу' — rakota 'просить', l'errä 'ольха' — l'erän (ген. ед.ч.), katto 'крыша' — katon (ген. ед.ч.), t'üt'tö 'девушка' — t'üt'ön (ген. ед.ч.), očča 'лоб' — očan (ген. ед.ч.), purra 'укусить' — ručen 'я укушу', kassa 'коса' — kasan (ген. ед.ч.), vuašša 'квас' — vuašan (ген. ед.ч.). Типы качественных чередований: g/∅: vägi 'сила' — viän, väin (ген. ед.ч.); g/v: ruga 'живица' — ruvan (ген. ед.ч.); g/j или g/∅: regi 'сани' — rejen (ген. ед.ч.) — riäššä (инес. ед.ч.); rg/rr: pergua 'бить' — perran 'я бью'; d/∅: pada 'горшок' — puäšša (инес. ед.ч.); d/v: koda 'стан лесной' — kovän luopa (ген. с послелогом); d/j: kaida 'узкий' — kajjat, käjat 'узкие'; ld/ll: šilda 'мост' — šillalla (адесс. ед.ч.); rd/rr: vierdie 'катить, палить подсеку' — vierrämmä 'мы катим, палим', nd/nn: kandua 'нести' — kannan 'я несу', b/v: rebo 'лиса' — revon (ген. ед.ч.); ср. также чередования rb/rv, mb/mm, šk/šš, šk/ž, sk/ss, tk/t, hk/h, št/šš, ht/h, rž/rr. Чередование согласных в отдельных случаях сопровождается чередованием гласных: vuož'i 'год' — vüešša (инес. ед.ч.), laגי 'потолок' — luon (ген. ед.ч.).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

К.я. по морфологическому типу — исконно агглютинативный. Однако в силу происшедших в нем изменений большую роль играет и флексия (см. 2.2.1.). Весьма широко представлены также аналитические способы выражения грамматических значений (сложные глагольные времена, послеложные конструкции, степени сравнения).

2.3.1. На современном этапе развития категории слов в К.я. разграничены довольно четко. Однако бывшая зыбкость границ, близость частей речи между собой прослеживается и на современной стадии. Так, наблюдается совпадение основ непроизводных глаголов и имен: kuivua 'сохнуть', основа kuiva- и прилагательное kuiva 'сухой', kandua 'нести', основа kanna- и kanda 'корешок, то, что служит опорой', ген. kanna-n. Нечеткость границ наблюдается и между существительными и прилагательными: vilu 'холод', vilu šia 'холодная погода', rakkaïne 'мороз', rakkaïne ilma 'морозная погода'; ср. употребление одних и тех же суффиксов в образовании существительных и прилагательных: kala 'рыба' — kalane 'рыбка', viha 'зло' — vihaïne 'злой'; употребление аналогичных падежных и числовых показателей у всех разрядов имен.

Из грамматических значений категориальное выражение получили число, падежность, лицо, степени сравнения, время, модальность и остаточно посессивность.

2.3.2. В К.я. грамматического рода нет, в местоименной сфере прослеживается противопоставление одушевленного (человека) и неодушевленного (нечеловека). Для обозначения одушевленного референта употребляется вопросительное местоимение *ken* 'кто', неодушевленного — *mi* 'что'. Личное местоимение 3 л. ед. числа *hiän* (*häi*, *hiä*) 'он, она' относится только к одушевленному референту.

2.3.3. У имен грамматическое число выражается противопоставлением форм ед. и мн. числа. Некоторые имена существительные имеют только форму мн. числа, например имена, обозначающие предметы, состоящие из сложных составных частей: *l'änget* 'хомут', *keriöcimet* 'ножницы для стрижки овец'; ср. также русские заимствования, имеющие только форму мн. числа: *sütkat* 'сутки', *štanit* 'штаны'.

Противопоставление форм ед. и мн. числа последовательно прослеживается и в глагольной сфере, где единственность/множественность выражается лично-числовыми показателями. Имперсональные глаголы имеют только форму ед. числа, совпадающую с формой 3 л. ед. числа презенса в индикативе: *pakaštä* 'морозит', *tüiö* 'дует'.

2.3.4. Падежные значения (парциальность/тотальность субъекта, объекта и предикатива, пространственно-временные отношения, посессивность, состояние, мера и степень, цель и причина, способ, орудийность, совместность и т.п. действия) выражаются с помощью падежных формантов. Расширению падежных значений служат предлоги и послелогии, из них некоторые имеют соотносительные застывшие падежные форманты (*luo* 'у', *luoh* 'к', *luona* 'у, около', *pieľä* 'на', *pieľ'dä* 'со, с', *pieľ'ičči* 'через').

Посессивность в большинстве говоров выражается генитивной формой имени или личного местоимения, обозначающего обладателя + имя, обозначающее обладаемое: *tuaton kod'i* 'дом отца', *sijan harjašta* 'из щетины свиньи', *mun lehmäi* 'я 'у моей коровы'. Однако в ряде говоров в разной степени используется и древняя лично-притяжательная суффиксация: *lehmä-ni* 'моя корова', *lehmä-š* 'твоя корова'. В ливвиковском диалекте при притяжательном местоимении *oma* 'свой' могут употребляться посессивные суффиксы: *omani* 'мой', *omassas* 'твой', *omah* 'его, ее', *omattos* 'ваш'.

2.3.5. Ни залоговой, ни видовой категории в К.я. нет. Залоговые значения (каузативность, возвратность и т.д.) передаются при помощи суффиксов глагольного словообразования залоговой направленности, а видовые значения (количественная характеристика действия) — суффиксами глагольного словообразования видовой направленности. Модальные значения в глаголе выражаются формами четырех наклонений. Реальность действия выражается индикативом (*mie kezriä* 'я пряду' ... *hiän kezriä* 'она пряла'), вероятность, возможность действия — потенциалом (*mie kezriänen* 'возможно, я пряду'), сомнительность, условность действия — кондиционалом (*mie kezriezin* 'я напряла бы'), побуждение к действию — императивом (*kezrie* 'ты напряди', *elä kezrie* 'ты не пряди'). Кроме основной формы повелительного наклонения в собственно карельском и ливвиковском диалектах распространена смягчительная форма на *-koš* (*köš*), *-s*: *tuokkoš* 'принеси-ка', *menes* 'иди-ка'.

2.3.6. Грамматическое лицо выражается личными местоимениями, у глаголов — лично-числовыми окончаниями, а в именной сфере лишь в отдельных говорах — лично-притяжательной суффиксацией. В личном спряжении глагола противопоставляются формы 1, 2, 3 лица. Так называемые глагольные формы 3 л.

мн. числа, традиционно рассматриваемые как пассивные, употребляются в значении 3 л. мн. числа индикатива актива (otetah 'они возьмут', otettih 'они взяли'), а также в неопределенно-личном значении (otetah 'возьмут', otettih 'взяли'), но не в значении пассива.

Категория определенности/неопределенности в К.я. отсутствует (о выражении определенности/неопределенности см. 2.5.3.).

Основные временные противопоставления: презенс, имперфект, перфект, плюсквамперфект. В значении будущего времени употребляются формы настоящего, а также аналитические конструкции, образующиеся при помощи вспомогательных глаголов *l'ietä* 'стать, быть', *tuvetä* то же.

Средствами выражения пространственной ориентации служат прежде всего указательные местоимения, местоименные наречия; названный разряд слов способен конкретизировать значения "близкое/отдаленное": *t'ämä* 'этот', *nämä* 'эти' — более близкое, *sě* 'тот', *ne* 'те' — более отдаленное; *t'ämän moiñe* 'подобный этому', *šep moiñe* 'подобный тому', *t'äššä* 'здесь (рядом)' — *tuošša* 'тут (подалее)', *tuolla* 'там', а также пространственные падежи, противопоставляемые по внутреннему/внешнему типам ориентации и выражающие значения, соответствующие русским предлогам *в* (где?)/у; *в* (куда?)/к; *из/от* (см. таблицу в 2.4.0.).

В глагольной сфере отрицание выражается аналитически: личными формами отрицательного вспомогательного глагола *e* + неличными (восполнительными) формами смыслового глагола.

2.3.7. Выделяются знаменательные части речи: имена существительные, изменяющиеся по падежам и числам (некоторые существительные имеют и степени сравнения); имена прилагательные, изменяющиеся по падежам, числам и степеням сравнения; имена числительные и местоимения, изменяющиеся по падежам и числам; глагол, имеющий формы спряжения (наклонения, время, лицо, число); наречия (часть из них имеет формы степеней сравнения). К группе служебных слов относятся неизменяемые предлоги/послелого, союзы и частицы. В третью группу входят междометия.

Предлоги управляют в основном генитивом и партитивом имени: *ül'iči* (*ül'iči*) 'вдоль, через', *roikki* 'поперек, через', *eppen* 'до', *širičiči* 'мимо'. Послелого управляют разными падежами имени: генитивом (*alla* 'под', *väl'ih* 'за, между', *keškeh* 'между', *eičči* 'вместо' и т.д.), партитивом (*vargojn* 'для, ради', *vašše* 'за'), аллативом (*piel'iči* 'через', *roikki* 'через' и т.д.) и др.

По своему составу союзы могут быть простыми (*hot'* 'хотя'), сложными (*nijn što* 'так что') и составными или расчлененными; компоненты последних находятся в разных частях сложного предложения (*nijn ... što bi* 'так ... чтобы', *hot' ... ni* 'хотя ... а').

Частицы подразделяются на частицы-слова и частицы-аффиксы. Первые в отношении дистрибуции свободны, вторые — ограничены; могут быть либо препозитивными (*afi-* 'очень, крайне', *ei-* 'не', *ni-* 'ни', *-kuda-* 'кое-'), либо постпозитивными (*-go/-gö* 'ли', *-ba* (*-bo/-bö*) 'же', *-gi* 'и', *-hai/häi* 'же', *-is/-s* 'ка'). По формальным критериям различаются слово- и формообразующие (*ei-* 'не', *ni-* 'ни', *-nibuit* 'нибудь', *-to*, *'-to'*, *bi* 'бы' и т.д.) частицы, по семантическим — модальные (*tožie* 'правда', *-go* 'ли', *hod'i* 'хотя и'), эмоционально-экспрессивные (*nu ni* 'ну так, ну уж', *täüzi* (*täzi*) 'полно'), частицы, вносящие различные смысловые оттенки (*hot'* 'хоть', *vain* 'лишь', *aššep* 'даже' и др.).

2.4.0. Образцы парадигм

Имена

Показателем ед. числа выступает \emptyset : *kül'ä* 'деревня', *rimie* 'темный', *kačkä* 'два'. Показателем мн. числа выступают *-t*, *-i-*, *-loi/-l'öi*, *-t* употребляется у имен в номинативе (*kül'ät* 'деревни', *rimiet* 'темные', *kahet* 'двое'). Формант *-i-* выступает в косвенных падежах у двусложных имен с основой на *a/ä*, у многосложных имен с основой на *e*, а также и у имен на согласную основу (*rahka* 'творог' — парт. мн.ч. *rahkoi*, *olguine* 'соломинка' — парт. мн.ч. *olguzie*), суффикс *-loi/-l'öi* встречается в косвенных падежах у имен, в исходе основы которых выступает *o*, *ö*, *u*, *ü*, *i* (*meččo* 'глухарь' — парт. мн.ч. *meččoloi*, *ovi* 'дверь' — парт. мн.ч. *oviloi*), у односложных и двусложных имен на дифтонг, сложный гласный, а также у односложных имен на долгий гласный (*šuo* 'болото' — парт. мн.ч. *šuoloi*, *rü* 'рябчик' — парт. мн.ч. *rüloi*).

Падеж маркируется падежным суффиксом, при присоединении которого в основе имени могут происходить звуковые изменения, перечисленные в 2.2.1. В целом можно выделить 15 падежей, хотя не во всех диалектах они употребляются в равной мере.

Падежная система имени

Номинатив	(кто-, что-л.)	\emptyset , мн.ч. <i>-t</i>
Генитив	(кого-, чего-л., чей)	<i>-n</i> , мн.ч. <i>-n</i> или <i>-en</i>
Партитив	(кого-, что-л. (нет кого-, чего-л.))	<i>-a/-ä</i> , <i>-e</i> , <i>-da/-d'ä</i> , <i>-ta/tä</i> , во мн.ч. и основа мн. числа на <i>-loi/-l'öi</i> , т.е. \emptyset
Эссив	(кем-, чем-л. (быть))	<i>-na/-nä</i>
Инессив	(в ком-, чем-л., где)	<i>-šša/-ššä</i> , <i>-ssa/-ššä</i>
Элатив	(из кого-, чего-л., откуда)	<i>-šta/-štä</i> , <i>-sta/-stä</i>
Иллатив	(в кого-, во что-л., куда)	<i>-h</i>
Алессив	(на ком-, чем-л., где)	<i>-lla/-l'lä</i>
Аблатив	(от кого-, чего-л., откуда)	<i>-lda/-l'dä</i>
Аллатив	(на кого-, что-л., куда)	<i>-lle/-le</i>
Пролатив	(сколько раз, через что)	<i>-či</i>
Абессив	(без кого-, чего-л.)	<i>-tta/-t'tä</i>
Транслатив	(кем-, чем-л. (стать))	<i>-kši/-ksi</i>
Комитатив	(с кем-, чем-л.)	<i>-ŋke</i>
Инструктив	(как, каким образом)	<i>-n</i> (имеет только форму мн.ч.)

Категория степеней сравнения, присущая прилагательным, отчасти и наречиям и некоторым существительным, выражается суффиксально: сравнительная степень образуется с помощью *-mbi* (*-mma-*, *-mmä-*): *šüri* 'большой' — *šürembi* 'побольше'), превосходная — с помощью *-in*: *šürin* 'самый большой'. У некоторых прилагательных формы степеней сравнения соотносятся супплетивно: *hüvä* 'хороший' — *parembi* 'лучше' — *paraš* (*parahin*) 'лучший, самый лучший'. Превосходная степень может образовываться и аналитически при помощи вспомогательного слова *kaikkie* 'всех' и *suamo* 'самый'.

Порядковые числительные образуются при помощи суффикса *-š(-s)*, присоединяемого к гласной основе (*kolme* 'три' — *kolmaš* 'третий' и т.д.). Числительные со значением "первый" и "второй" образуются супплетивно *enzimäine* и *toine*.

Местоимения

Местоимения склоняются аналогично существительным, лишь склонение личных местоимений отличается глубиной фонетических изменений. Выделяются следующие разряды: личные (*minä* (mie) 'я', *šinä* 'ты', *hän* (hiä) 'он', *müö* 'мы', *t'üö* 'вы', *hüö* 'они'), возвратно-усилительные (*iče* 'себя, сам'), взаимно-возвратные (*toine toista* 'друг друга'), указательные (*t'ämä* 'это, этот', *še* 'тот' - ср.: супплетивные формы мн. числа *ñämä* 'эти', *ne* 'те' и др. — *toiñe* 'такой'), вопросительные, употребляемые и как относительные (*ken* 'кто?', *mi* 'что?', *müt'üš* 'какой?'), *kumbañe* (в ливв. диал. *kudai* 'который?'), определительные (*kaikki* 'все', *joga*, *jogahiñe* 'каждый', *müven* 'некоторый'), отрицательные (*ñiken* 'никто', *ñimi* 'ничто', *ñimid'ä* 'ничего', *ñimit'üš* 'никакой', *eiken* 'никто', *eimi* 'ничто'), неопределенные (*kento* 'кто-то', *mito* 'что-то', *müt'üšto* 'какой-то', *kenñibuit* 'кто-нибудь', *mid'äbuit* 'что-нибудь', *müt'üšbuit* 'какой-нибудь', *kudaken* 'кое-кто', *kudamid'ä* 'кое-что'). В образовании отрицательных и неопределенных местоимений широко используются элементы *ñi-*, *-to*, *-ñibuit*, заимствованные из русского языка.

Глагол

Грамматические категории глагола выражаются суффиксально. Лично-числовыми маркерами выступают: 1 л. ед.ч. -п, 2 л. ед.ч. -т, 3 л. ед.ч. — удлинение гласного основы или в некоторых говорах ливв. диалекта *w* (< V); 1 л. мн.ч. -*mma/-mmä*, -*ma/-mä*, 2 л. мн.ч. -*tta/-t'tä*, 3 л. мн.ч. -h.

Глагол имеет четыре времени: презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Презенс и имперфект — простые времена; презенс не имеет формального показателя, имперфект образуется с помощью суффикса -i. Перфект и плюсквамперфект — сложные времена. Перфект, кроме 3 л. мн.ч., образуется с помощью вспомогательного глагола *olla* 'быть' в форме презенса (*olen*, *olet*, *on*, *olenma*, *oletta*) + причастие прошедшего времени на -*num* (-*nün*), -*n*; 3 л. мн.ч. образуется при помощи вспомогательного глагола *olla* в личной форме 3 л. мн.ч. (*ollah* 'они есть') + имперсональное причастие на -*tu*(-*tü*), -*ttu*(-*ttü*), -*du*(-*dü*). Плюсквамперфект образуется аналогично, лишь вспомогательный глагол стоит в форме имперфекта.

Имеется четыре формы наклонения: индикатив, кондиционал, потенциал и императив. Индикатив показателя не имеет и реализуется в четырех формах времени: презенсе, имперфекте, перфекте и плюсквамперфекте; кондиционал, маркированный суффиксом -*izi/-zi/is*, и потенциал, маркированный суффиксом -*ppe/-pe*, имеют формы презенса и перфекта; императив по времени не дифференцирован (имеет только формы презенса), его показателями выступают -*kka/-kkä*, -*ga/-gä* и их модификации. Ниже таблица спряжения глагола *andua* 'дать' приводится по тихвинскому говору (в спряжении глаголов имеются диалектные и говорные различия, см. табл. 1).

Инфинитивные формы глагола

Выделяются два инфинитива: I-й или -*t*-овый и II-й или *m*-овый: I-й инфинитив, маркированный -*a/-ä*, -*ta/-t'ä*, -*e*, -*ha/-hä*, -*ja/-jä*, -*na/-nä*, имеет две падежные формы — инессивную на -*šša/-ššä* и инструктивную на -*n* (*elieššä* 'при жизни', букв. 'в проживании', *varaten* 'в страхе', букв. 'боясь'); II-й инфинитив, маркированный -*ma/-mä*, выступает в иллативной (*ššüöttämäh* 'кормить'), элативной (*l'igomašta* 'из моки', букв. 'из мочения' (о льне), инессивной (*ongittamašša*, букв. 'в ужении'), абессивной (*šalbuamatta* 'не закрыто', букв. 'без закрытия'), партитивной (*andamua* 'за подавание') падежных формах.

Причастия

Активные причастия настоящего времени на *-va/-vä* адъективировались (*palava* 'горящий > горячий', *elävä* 'живущий > живой'), и вместо них употребляются имена действителя на *-ja/-jä, -i, -e* (*eläjä* 'живущий; жилец', *kuol'ie* 'умирающий; усопший'). Пассивные (страдательные) формы причастий имеют показатель *-ttava/-ttävä, -tava/-tävä, -dava/-dävä* (*kannettava* 'несомый', *müödävä* 'продаваемый, продажный'). Активные причастия прошедшего времени оканчиваются на *-nnun/-nnün, -nun/-nün, -nu/-nü* (*ruadannun* 'работавший', *purrun* 'укусивший'), пассивные формы — на *-tu/-tü, -ttu/-ttü, -du/-dù* (*suolattu* 'просоленный', *juodu* 'выпитый', *müödü* 'проданный'). Причастия прошедшего времени на *-nnun/-nnün, -nun/-nün, -nu/-nü* и пассивные формы на *-ttu/-ttü, -tu/-tü, -du/-dù* употребляются в образовании аналитических глагольных временных форм, первые в образовании форм 1, 2, 3 л. ед.ч. и 1,2 л. мн.ч. перфекта и плюсквамперфекта, вторые — форм 3 л. мн.ч. тех же временных форм.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Категориальные маркеры в форме имени располагаются в следующей последовательности: числовой, падежный, лично-притяжательный (*sizäriilez* 'у твоих сестер', где *sizär* — основа, *-i* — показатель мн.ч., *-ile-* окончание аллатива, *-z* — лично-притяжательный суффикс). У прилагательных показатель степени сравнения находится перед числовым показателем (*šomembilla* 'у более красивых: *-mb-* суффикс сравнительной степени, *-i-* — показатель мн.числа, *-lla-* — окончание адессива). Глагольные словоизменительные маркеры располагаются в следующей последовательности: времени / наклонения и лица/числа (*anda-zi-n* 'я дал бы'), но для 3 л. мн.ч. *anne-tta-z* 'они дали бы', где *anne-* основа, *-tta-* суффикс лица/числа (исторически восходящий к показателю пассива), *-z* показатель кондиционала.

На словообразовательном уровне суффиксы следуют в порядке ступеней словопроизводства и предшествуют словоизменительным.

Словообразующие частицы *añi, ei kud'a, ñi* — препозитивны (*añiharvu* 'единичный, очень редкий', *kudakui* 'кое-как', *eimid'a* 'нечего', *ñimid'a* 'ничего').

2.5.2. Наиболее распространенными типами грамматического словообразования являются: морфологический (суффиксальная деривация), синтаксический (слово-сложение) и морфолого-синтаксический (категориальный переход одной части речи в другую).

При помощи суффиксов образуются одни категории слов от других (*viha* 'зло' — *viha-ñe* 'злой', *valgie* 'белый' — *valla-ta* 'белить (холст)'), или же меняется значение слова в пределах той же категории (*kala* 'рыба' — *kalañe* 'рыбка', *rainua* 'гнуть, давить' — *rainaldus* 'согнуть, сдавить (мгновенное действие)'). Обилие глагольных суффиксов позволяет передавать залоговые и видовые значения.

В именном словосложении выделяется сочинительная (копулятивная), менее продуктивная модель (*muailma* 'мир, вселенная', *ielleh-järilleh* 'взад-вперед') и весьма продуктивные детерминативные модели, где первым компонентом выступает: а) номинативная неизменяемая форма определяющего компонента + изменяемая форма определяемого компонента (*šilmäterä* 'зрачок', *muštakulma* 'чернобровый'), б) генитивная форма первого компонента + изменяемая форма определяемого компонента (*sijanvuola* 'толоконник', *kazinrakko* 'мозоль').

Морфолого-синтаксический способ сыграл ведущую роль в образовании служебных частей речи, а также по линии субстантивации (*künd'äjä* 'пахарь'), адъективизации, особенно причастий (*palava* 'горящий' > *palava (vezi)* 'горячий') и адвербиализации (*vägi* 'сила' > *vägeh* (илл. 'наильно, против воли')).

Таблица 1

Спряжение глагола *andua* 'дать'

		Индикатив							
		Презенс		Имперфект		Перфект		Плюсквамперфект	
Ед.	1 л.	annan	annoin	olen	andan	oijn	andan		
	2 л.	annat	annoit	olet	«	olit	«		
	3 л.	andā	ando(i)	on	«	oli	«		
Мн.	1 л.	annamma	annoimma	olemma	andan	olimma	andan		
	2 л.	annatta	annoitta	oletta	«	olitta	«		
	3 л.	annetah	annetih	ollah	annettu	oldih	annettu		
Отрицательные формы спряжения									
Ед.	1 л.	en anna	en andan	en ole	andan	en ollun	andan		
	2 л.	et anna	et andan	et ole	«	et ollun	«		
	3 л.	ei anna	ei andan	ei ole	«	ei ollun	«		
Мн.	1 л.	emmä anna	emmä andan	emmä ole	andan	emmä ollun	andan		
	2 л.	et'ä anna	et'ä andan	et'ä ole	«	et'ä ollun	«		
	3 л.	ei anneta	ei annettu	ei olla	annettu	ei oldu	annettu		
		Кондиционал			Потенциал			Императив	
		Презенс		Перфект	Презенс		Перфект	Презенс	
Ед.	1 л.	andazin	oizin	andan	andannen	ollen	andan	—	
	2 л.	andazit	oizit	«	andannet	ollet	«	anna	
	3 л.	andaiš	oiš	«	andannō	ollō	«	andakkah	
Мн.	1 л.	andazimma	oizimma	andan	andannemma	ollemma	andan	—	
	2 л.	andazitta	oizitta	«	andannetta	olletta	«	andakkua	
	3 л.	annettaiš	oldais	annettu	annettaneh	oldaneh	annettu	andakkuakkoiš anna annetah	
Отрицательные формы спряжения									
Ед.	1 л.	en andaiš	en oiš	andan	en andanne	en olle	andan	—	
	2 л.	et andaiš	et oiš	«	et	«	et olle	«	elä anna
	3 л.	ei andaiš	ei oiš	«	ei	«	ei olle	«	ei'gäh andakkah
Мн.	1 л.	emmä andaiš	emmä oiš	andan	emmä andanne	emma olle	andan	—	
	2 л.	et'ä andaiš	et'ä oiš	«	et'ä	«	et'ä olle	«	ei'giä andakkua
	3 л.	ei annettaiš	ei oldaiš	annettu	ei annettane	ei oldane	annettu	anna ei anneta	

2.5.3. Типичный строй простого предложения — номинативный. Простое предложение может быть односоставным или двусоставным. Оно может быть нераспространенным и распространенным, полным и неполным. В простых предложениях часто отсутствует подлежащее, так как оно указывается дейктически, личными окончаниями глагола (*Panemma kūguah päiväkšī* 'Мы положим на день в печку'). В неопределённо-личных предложениях предикат выражается глагольной

формой 3 л. мн.ч. (A pelvahan siemenistä kaikkie luajittih 'А из семян льна все делали'), в обобщенно-личных — 2 л. ед.ч. в презенце (A min voinet luad'ie? 'А что поделаешь?'), в безличных предложениях — безличным глаголом или личным, употребленным в значении безличного (Tulda že) iskõ kaiken üön '(Молния) сверкает всю ночь'; Pimeni 'Стемнело'). В предложениях, выражающих принадлежностные отношения (в так называемых habeo-конструкциях), сказуемым выступает глагол olla 'есть', подлежащим — слово, обозначающее обладаемое, а слово, выражающее обладателя, как правило, обстоятельством (Heil'ä oli kolme miñña/kolme poigua oli 'У них три невестки было: три сына было'; Motõrinašša oli perež šüri 'У Моториных была семья большая').

В разных диалектах К.я. в разной степени употребляются синтаксические конструкции с инфинитивными и причастными оборотами, которые соотносимы с разного рода придаточными предложениями: темпоральными (Šügüžül'ä l'õvettij okolittua '[Медведя] нашли осенью, когда окопел'; A šidän kagrua kül'vimmä jo toizež kerdaa/rugehen ottahua že jo 'А потом мы уже овес сеяли, как рожь убрали'), обороты со свободным номинативом (nominativus absolutus): Istü/käit gistas 'Сидит, скрестив руки' (ливв. диал.).

Подлежащее может быть тотальным (полным) и парциальным (частичным). Падежом выражения тотального субъекта является номинатив, а парциального — партитив. Партитив употребляется тогда, когда речь идет о неопределенной части понятия, а также в отрицательных предложениях, где отрицается субъект (On kalua järveššä 'В озере есть рыба'; Lehmie vielä jõlu koissa 'Коровы еще нет дома'). В остальных случаях употребляется номинатив. Сказуемое может быть именным. Предикатив, как и субъект, может быть тотальным или парциальным. Именная часть сказуемого в форме партитива употребляется тогда, когда она выражает область, род, вид, к которому относится субъект (Paid_{on} mustua tuadu 'Рубаха (есть из) черной ткани). Как правило, сказуемое с подлежащим согласуется в числе и лице.

Дополнение, относящееся к переходному глаголу, оформляется также в зависимости от того, является ли обозначаемый объект полным или частичным. Падежом выражения тотального объекта в ед. числе является генитив, а во мн.ч. — номинатив, падежом выражения парциального объекта служит партитив. Номинатив употребляется в утвердительных предложениях (L'ühthet seizatetan kuhl'ahih 'Снопья ставят в суслонь'), но когда действие, выраженное сказуемым, доводится до конечного результата (Ajo lehmän mečäštä 'Он пригнал корову из лесу') и когда действие распространяется на объект в целом (Hebohe tallaj kagran 'Лощадь вытоптала овес') — генитив. В остальных случаях употребляется партитив.

Определение, относящееся к имени и выраженное прилагательным, а также числительными и местоимениями определенных разрядов, согласуется с определяемым в числе и падеже (kova tua 'твердая земля', kovašša tuašša 'в твердой земле', hüvät eläjät 'хорошие жильцы', täššä küläššä 'в этой деревне'). Когда определение, выраженное существительным или местоимением, характеризует определяемое в принадлежностных отношениях, оно стоит в генитиве: tuaton vel'i 'брат отца', sium miñña 'твоя невестка'.

Порядок слов в предложении относительно свободный. Обычно в начале предложения находится подлежащее, за ним следуют сказуемое, дополнение и обстоятельство (Lehmät oldih üjittu edäh šuoloin tagan 'Коровы ушли далеко за болота'). Однако в начале предложения может находиться любой из членов предложения, в зависимости от логического ударения. Как правило, определение с относящимися к нему словами размещается препозитивно по отношению к определяемому.

Вопросительные предложения конструируются при помощи вопросительных местоимений, частиц (-go/-gö 'ли'), наречий и интонационно (Kalua šait? 'Рыбы поймал?').

2.5.4. Структура сложного предложения в К.я. осложнена разного рода пояснительными и свободными оборотами. По синтаксическим связям выделяются союзные и бессоюзные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. При бессоюзном соединении частей в сложное целое синтаксическая связь выражается интонационно и порядком следования частей.

Подчинительные связи в союзных сложных предложениях маркируются союзами разных значений или относительными словами местоименного происхождения. В немаркированных сложноподчиненных предложениях синтаксическая связь между частями выражается порядком следования частей и интонацией. По отношению к главному придаточные находятся в подлежащих, дополнительных, определительных или обстоятельственных смысловых связях.

2.6.0. После разделения прибалтийско-финского языка-основы в К.я. появилось много слов, заимствованных из русского языка и отражающих интенсивные и тесные контакты русского и карельского народов. Они охватывают все стороны жизни и деятельности человека: культурно-политическую (gažietta 'газета', kniğa 'книга', vičborat 'выборы'), трудовую (kossa 'коса', šilosūja 'силосовать', pilata 'пилить' и т.д.). Обильны заимствования служебных слов; союзов (štobi 'чтобы', i 'и', da 'да' и т.п.), частиц (ni- 'ни-', koje- 'кое-', niбуд' 'нибудь' и т.д.), суффиксов (-niekka '-ник', -šjha '-шиха'). В диалекты и говоры К.я. проникают заимствования из тех русских народных говоров, с которыми они непосредственно контактируют. Так в тихвинский говор вошли такие заимствования из новгородского и др. северных русских народных говоров, как čunit 'валенки', rojje 'разбирать, рушить, бросать вниз', turanda 'туранда' и мн. др. Об исторических непосредственных или косвенных контактах носителей ливвиковского диалекта с носителями германских языков (шведского) говорят встречающиеся в нем заимствования hatu 'шапка-ушанка', piłi 'стрела', trač'i 'воронка'. На территории Карелии богата саамская топонимика (ńálmänjogi 'река Нялма', ča rñiemí 'Чар-наволок' и т.д.).

2.7.0. Карельский язык делится на три диалекта: собственно карельский, ливвиковский и людиковский, которые, в свою очередь, делятся на многочисленные говоры. На собственно карельском диалекте говорят карелы, проживающие в северной и средней части Карелии, в Мурманской, Тверской, Новгородской и С.-Петербургской областях Российской Федерации. Ливвиковский диалект охватывает северо-восточную часть района Ладожского озера, людиковский ареал тянется узкой полосой вдоль западного побережья Онежского озера вдоль железной дороги до Медвежьегорска, гранича на западе с ливвиковским ареалом.

Собственно карельский диалект по употреблению звонких и глухих согласных делится на северные и южные говоры; северные карелы употребляют только глухие р, t, k, s, š, в то время как в фонологическую систему южных карел (а также тихвинских и тверских) входят их звонкие пары (b, d, g, z, ž), у северных rata 'горшок', šuka 'гребешок', у южных pada, šuga (suga) и т.д. Все три диалекта отличаются между собой по конечной огласовке двусложных слов с древней основой на а/ä, первый слог которых закрытый или оканчивается не на краткий гласный: соб.-кар. ħerrä 'ольха', akka 'женщина, жена', ливв. ħerrü, акку, люд. ħerre, акке или акк. Данный фонетический сдвиг прослеживается и в падежном показателе эссива, а также в глагольных личных окончаниях.

В собственно карельском диалекте в позиции после i выступают эссивные

s, z (kizä 'игра', vissata 'бросать, веять'), в ливв. и люд. диалектах шипящие š, ž (ливв., люд. kiža, viškata). В людиковском диалекте чередование ступеней согласных распространяется только на взрывные (k, p, t, č). В собственно карельском диалекте чередованием ступеней согласных охвачены и сочетания взрывных sk, st, tk, ht и частично hk, в то время как в ливв. и люд. диалектах они вне чередования (соб.-кар. leški 'вдова' — ген. ležen, ливв. leski — lesken, люд. lesk — lesken, соб.-кар. istua 'сидеть' — issun 'я сижу', ливв. ištua 'сидеть' — ištun, люд. ištuda — ištun и т.д.). В собственно карельском и ливвиковском диалектах I инфинитив у ряда глаголов маркируется суффиксом a/ä, в людиковском -da/-dä: соб.-кар. šanua 'сказать', ливв. sanua, люд. sanoda.

На морфологическом уровне людиковский диалект отличается от двух первых наличием начинательной глагольной формы на -ška-, -škaze-: люд. savudaškaš 'печка задымила (начала дымить)', rakuškattih 'они начали падать'. Существуют расхождения в образовании форм 3 л. ед. числа имперфекта: соб.-кар. kuduio 'ткать' — kudo 'он ткал', külua 'слышаться' — külu 'слышалось', ср. ливв. и люд. диалекты kudoi 'он ткал', külui 'слышалось'. По-разному образуются возвратные глагольные формы: в соб.-кар. употребляется суффикс -če- (istuoččie 'сидиться'), ливв. -vu- (istovua), люд. -ze- (istezuda 'сидиться'). Существуют и лексические различия между диалектами.

ЛИТЕРАТУРА

Аристз П.Ф. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Галлини, 1956.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975

Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958 [М.; Л., 1961; Л., 1967; Л., 1971; Л., 1981].

Рягов В.Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.

Ahita E.V. Karjalan kielioppi: Äänne- ja sanaoppi. Suojärvi, 1937.

Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi. 1880. 2. 14.

Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä // Suomi. 1884. 2. 17.

Virtaranta Pertti. Die Dialekte des Karelschen // Советское финно-угроведение. 1972, № 1.

Тийт-Рейн Вийтсо

ЛИВСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Ливский язык — (Л.я.) (лив. gāndakēl' 'прибрежный язык', līvā kēl' 'язык ливов') — язык ливов, предки которых в хронике Нестора упоминаются как либь/любь. Ливский язык на русском языке иногда назывался ливонским; иноязычные соответствия: фин. liivi, эст. livii, латыш. lībiesz (valoda), нем. Livisch, англ. Livonian.

1.1.2. Л.я. — самый юго-западный из прибалтийско-финской подветви финно-угорской подсемьи уральской семьи языков.

1.1.3. Л.я. в настоящее время является родным языком для менее чем 100 чел. старшего и среднего поколения, живущих в Латвии в прибрежных деревнях северной части Курземского полуострова у Ирбенского пролива и Рижского залива, а также в Вентспилсе и Риге. Общая численность ливов, по данным

переписи 1989 г., — 226 чел., из которых в Латвии живет 135 чел., остальные — в Российской Федерации, 43,8% ливов считают ливский язык родным.

1.2.0. Лингвографические сведения

1.2.1. Л.я. довольно однороден, небольшие диалектные различия касаются главным образом вокализма. Выделяются три диалекта: западный, средний и восточный. Настоящая статья базируется на восточном диалекте.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Л.я. в настоящее время функционирует как одно из средств общения между людьми старшего поколения, как язык произведений традиционной национальной культуры, а также торжественных речей на мероприятиях национального значения. Все говорящие на Л.я. с детства двуязычны (ливско-латышское двуязычие) и в повседневной жизни активно пользуются латышским.

1.3.2. Литературный Л.я. создан в 1851 г. отдельно для западного и восточного диалектов, в 1880–1943 гг. использовался компромиссный средне-восточный литературный язык. Издавалась религиозная, популярная и художественная (поэзия) литература. В 1970 — 1980-е годы устранены среднеливские диалектные черты литературного языка, а также архаические графемы у, ъ. Так как орфография отражает все фонологические противопоставления, ею нередко пользуются в прибалтийско-финской лингвистике и фольклористике.

1.3.3. Л.я. как школьный предмет сейчас не преподается.

1.4.0. Тип письменности — латиница с применением некоторых букв с диакритиками: š, ž, ā, ō, а также ō. Долгота гласных обозначена горизонтальным штрихом над буквой — ā, ē и т.д., палатализация — запятой под буквой — č, ģ и т.д. В последних изданиях на Л.я. апострофом после первого слогового гласного указывается прерывистый тон.

В нижеследующем очерке используется фонематическое письмо ливской традиционной письменности и только в необходимых случаях — транскрипция.

1.5.0. Периодизация истории Л.я. не разработана. Наиболее ранние фрагментарные записи Л.я. относятся к началу XIII в., первые сохранившиеся книги на Л.я. — к 1863 г.

1.6.0. Под влиянием латышского языка в области фонетики в конце XIX и начале XX вв. делябилизировались ū и ō. В области морфологии произошло сокращение числа падежей: а) внешнеместные падежи — аллатив, адессив, аблатив сохраняются лишь в немногих адвербиализованных формах, б) транслатив и комитатив слились в инструменталис, в) наблюдается тенденция к слиянию иллатива с инессивом. В морфологии глагола отмечается заимствование всех латышских глагольных префиксов, их функции, однако, сильно модифицированы. В синтаксисе примечательно изменение типа управления некоторых глаголов.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. В восточном диалекте ливского языка различаются краткие и долгие гласные фонемы.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний		задний	
	илябиальные		лабиальные	
Верхний	i, i̇	ō, ō̇	u, ū	
Средний	e, ē	o, ō	o, ō	
Нижний	ā, ā̇	a, ā	(ō)	

õ и õ фактически полулабиальные; õ и õ в первом слове основы вопреки традиционной транскрипции не [e] и [ē], а [i] и [ī], т.е. иллабиальные соответствия u и ū. В первом слове встречаются дифтонги на -i/ai, ei, ui, oi .../, -u/au, en, iu.../, -o /uo/.

Гласные могут образовать в одном и том же слове сочетания — так называемые полифтонги, которые состоят либо из двух компонентов (дифтонги), либо из трех компонентов (трифтонги).

Дифтонги Л.я. делятся по качеству своих конечных компонентов на (1) нисходящие, которые оканчиваются на o и e, ср. suodā 'война', tie'g 'лицо', sūo 'болото', ie 'ночь', kũ'odõn 'прямо', I'ebi 'жирный', и (2) восходящие, которые оканчиваются на u и i, ср. joud 'сила', o'upõz 'окунь', laigā 'широкий', āiga 'время'. Трифтонги по качеству своих конечных компонентов — восходящие полифтонги, начинающиеся с нисходящего дифтонга, ср. kieuž 'канат', suoimõ 'бранить', tũoimki 'черемуха'.

По долготе своих компонентов полифтонги делятся на две большие группы: (А) полифтонги с кратким начальным компонентом и (Б) полифтонги с долгим начальным компонентом. Полифтонги с кратким начальным компонентом имеют либо (1) ровный тон и краткий конечный компонент, ср. laigā [la'igā] 'широкий', jougũd [jo'ũgũd] 'реки', kuoigid [k'o'igi'G] 'корабли', (2) ровный тон и долгий конечный компонент, ср. ouk [o'ũk'] 'дыра; яма', aig [a'ig] 'щука', võigõ [võ'igõ] 'плавать', tieudõ [t'e'ũdõ] 'знать', либо (3) прерывистый тон (и краткий конечный компонент), ср. va'it [va'it] 'промежуток', kuo'ig [k'o'o'ig] 'корабль'. Полифтонги с долгим начальным компонентом имеют либо (1) ровный тон, либо (2) прерывистый тон. Примеры реальных типов каждого полифтонга представлены в таблице.

В конце слога с прерывистым тоном u, чередующийся с интервокальными v или vv, и i, чередующийся с интервокальными j или jj, обозначаются на письме как v и j; ср.: ki'v [ki'v] 'камень' и kivid [ki'viD] 'камни', ki'vvõ [ki'uvvõ] 'камня'; kie'v [k'e'v] 'кашля', kie'vtõ [k'e'vtõ] 'кашлять' и kie'vvõ [k'e'uvvõ] 'кашли'; kũ'j [kũ'j] 'куча', kũ'js(õ) [kũ'is(õ)] ~ [kũ'is] и kũ'jõ [kũ'jõ] 'кучи'. Кроме того, в слоге с прерывистым тоном перед ž или žž после краткого начального компонента, в том числе после краткого нисходящего дифтонгового компонента, конечный компонент i полифтонга на письме не обозначается, тем более что i в речи части говорящих может и отсутствовать (в последнем случае ž или žž, как правило, палатализованы) ср., напр., ke'ž [ke'ž] ~ [ke'ž] 'рука'; ke'žži [ke'žži] 'рук', tuo'ž [t'o'ž] 'правда': tuo'žži [t'o'žži] 'правд', ka'žži [ka'žži] ~ [ka'žži] 'мокрый'.

Типы полифтонгов

Полифтонги с кратким начальным компонентом			Полифтонги с долгим начальным компонентом	
Краткий конечный компонент	Долгий конечный компонент	Прерывистый тон	Ровный тон	Прерывистый тон
suodā 'война'		suo'ddõ 'войны (парт.)'	kũona 'лягушка'	su'ozõ 'в болото'
tierā 'острие'		tie'rgõ 'острия (парт.)'	tiega 'здоровый'	t'ezõ 'в работу'
	tũimõ 'жестокого (парт.)'	ru'jdi 'больных'	tũima 'жестокый'	kũ'jsõ 'в куче'
jougũd 'реки'	lougõ 'медленно'	jo'ugõ 'в реку'		
			õkõd 'крюки'	lõ'igi 'треснувший'

Полифтонги с кратким начальным компонентом			Полифтонги с долгим начальным компонентом	
Краткий конечный компонент	Долгий конечный компонент	Прерывистый тон	Ровный тон	Прерывистый тон
aigā 'берег'	aigō 'измерить' vōigō 'плавать' kōuvōd 'березы' sōidō 'грести' rāukō 'плакать' leibō 'хлеба (парт.)' kiupō 'визжать'	a'igō 'на берег' kō'ugō 'кривой' vō'ilō 'тлеть' šā'ugōz 'медянка' ke'itō 'они ходили' ri'vđi 'праздников'	āiga 'время' vōigōb 'плавает' sōidab 'гребёт' kiupōb 'визжит'	tū'oigōz 'береста'
kuoigīd 'корабли'	luoimō ткацк. 'основы (парт.)' lieudō 'найти'	kuo'igō 'корабль (парт.)' kie'vtō 'кашлять'	liuōima ткацк. 'основа'	

В Л.я. 23 согласные фонемы:

Согласные

По способу образования	По месту образования						
	облабиальные	лабиодентальные	переднеязычные		палатальные	велярные	
			непалатализованные	палатализованные			
Шумные	смычные фрикативные	p, b	f	t, d s, z	ʃ, ʒ	ʒ, ʒ	k, g
Сонорные	назальные латеральные вibrанты глайды	m	v	n l r	ɲ ʎ r	j	ŋ

В столбцах слева приведены сильные, справа — слабые (фрикативные и смычные) или сонорные согласные.

2.1.2. Ударение динамическое. Главное ударение, как правило, на первом корневом слоге. В префиксальных словах с коротким префиксом (имеющим краткий монофтонг или краткий дифтонг и не оканчивающимся на сильный согласный) первый слог безударен. В словах с длинным префиксом префикс и первый слог корня имеют одинаковое ударение. Слова, имеющие не менее четырех слогов, получают обычно второстепенное ударение на третьем слоге; исключение составляют существительные с деривационным суффиксом (-likā) первый слог которого всегда имеет второстепенное ударение.

С ударением тесно связаны тоны и общая модель распределения длительностей

в речевом такте, начинающимся с ударного слога. Следует различать три типа ударных слогов: короткие, длинные с ровным тоном и длинные с прерывистым (ларингализованным) тоном.

Короткие ударные слоги оканчиваются на краткий монофтонг, краткий нисходящий дифтонг (e, o) или стоящий после краткого монофтонга или краткого нисходящего дифтонга полукраткий согласный или полукраткий неслоговой гласный. В многосложных речевых тактах за коротким ударным слогом в восточноливском диалекте следует слог с долгим гласным (долгий гласный второго слога фонетически не короче полудолгого). Ср. li 'иди', kilà 'село', [p'e'zà] 'гнездо', [p'i'ĩ kà] 'длинный', [k'o'ĩgi'D] 'корабли'.

Длинные ударные слоги либо имеют долгий монофтонг (перед неслоговым гласным фонетически полудолгий гласный) или долгий нисходящий дифтонг (ie, ùo), либо оканчиваются на стоящий после краткого монофтонга или краткого нисходящего дифтонга долгие или полудолгие согласный или неслоговой гласный. В заударных слогах многосложных речевых тактов с длинным ударным слогом выступают только краткие гласные. Ровный тон встречается, например, в словах si 'вина' tie 'работа', pila 'облако', [rùoikâB] 'спешит', kik 'петух', ul 'сумасшедший', [lipšâ] 'дойть', [tappâ] 'убить', [ki'lâ] 'сеять', [r'oikâ] 'спешить'. Прерывистый тон, обозначаемый знаком ' после первого слогового гласного, встречается, например, в словах ri 'рига', t'e 'сделай', [tũ'oigõZ] 'береста', [i'G] 'пот', [tu'e] 'огонь', (si'gžõ) 'осень', [ra'bbõ] 'ударить', [ki'lõ] 'в село', [k'o'ig] 'корабль' (обычно полудолгота гласных, а также полудолгота и долгота конечных в слоге согласных при прерывистом тоне не указываются)

2.1.3. Слабые фрикативные и смычные в начале слова и между гласными и сонорными согласными — звонкие, а перед сильным согласным и обычно в конце слова — глухие (Z, Ž/Ž', B, D, D', G), но не тождественные сильным. В конце односложного слова после краткого монофтонга и краткого нисходящего дифтонга большинство согласных фонетически долгие, причем /j/ реализуется как неслоговой [i], /v/ как [uv] или [u], а /z/ после отличного от /i/ гласного как [iž]. Геминаты /vv/ и /žž/ реализуются после отличного от /i/ гласного как [uṽv] и [ižž]. После заднерядного гласного /š/, /ž/ и /šš/, /žž/ всегда палатализованы.

2.1.4. Долгота в Л.я.: 1) различает краткие и долгие гласные фонемы, в том числе в нисходящих дифтонгах, ср. li 'иди' — li 'будь', [r'oikâ] 'спешить' — [rùoikâB] 'спешит', [s'eldâ] 'ясный' — [kieldâ] 'язык' (партитив ед.ч.); 2) служит для создания противопоставления кратких и длинных ударных слогов в случае краткого вокализма и одновременно для создания необходимых длительных условий для артикуляции и восприятия ровного и прерывистого тонов; 3) создает необходимое окружение для различения фонем /i/ и /j/ после долгого монофтонга, например [õikâks] (инструм. пад. ед.ч. от õik 'крюк'), [kõikâks] (инструм. пад. ед.ч. от kõj 'ложка', ср. парт. ед.ч. [kõjâ]).

Из-за необходимости различения коротких и двух классов длинных слогов число реальных типов слогов велико. Если не обращать внимания на эти важные три класса слогов и на не менее важное противопоставление кратких и долгих монофтонгов и нисходящих дифтонгов, а учитывать только число и классы фонем в слоге, то все реальные типы слогов Л.я. представляют собой частные случаи общей модели $C_0^3 V_1^2 V_2 C_0^4$, где нижний индекс указывает на минимальное, верхний — на максимальное или же на единственно допустимое число фонем соответствующего класса в данной позиции, а V_1^2 объединяет слоговые монофтонги и нисходящие дифтонги, образующие единый дистрибуционный класс. Следует, однако, иметь в виду, что: 1) модель мощнее реальных

типов и 2) \check{V}^2 , т.е. краткий восходящий дифтонг, не встречается в начале слога. Наиболее распространенными реальными типами слогов являются: $C^1V_1^2$ (li 'или', tie 'работа'), $C^1V_1^2C^1$ (kiñ 'десять', [mיעZ] 'мужчина'); $C^1V_1^2C^2$ ([kañD] 'пень', t'eks 'он сделал бы'), $C^1V_1^2C^3$ (tulks 'он пришел бы', ti'ekst 'ты сделал бы'), $C^1V_1^2V^1$ ([jel] 'лед', [tu^uoi] 'второй'), $C^1V_1^2V^1C^1$ ([koùv] 'колодец', [k^uo'iG] 'корабль'), $C^1V_1^2V^1C^2$ ([koùvš] 'в колодце', [k^uo'iGs] 'на корабле (инессив ед.ч.)), $C^1V_1^2V^1C^3$ (koùvst 'из колодца', [k^uo'iGst] 'с корабля'), а также V_1^2 , $V_1^2C^1$, $V_1^2C^2$, $V_1^2C^3$, V^1V^1 , $V^1V^1C^1$, $V^1V^1C^2$, $V^1V^1C^3$. Большая частота неначальных сочетаний согласных обусловлена наличием флексий, включающих до трех согласных, например в tulkst 'ты пришел бы' (кондиционал).

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Фонологическая структура слова в Л.я. подчиняется законам, общим для языков с ударением на начальном, корневом слоге. Самым сложным является первый корневой слог и особенно односложное слово. Непервые слоги начинаются обычно одним согласным (слоги типа второго в kã-brãz 'проворный' крайне редки). Сравнительно беден вокализм. Некорневые суффиксальные морфемы в отличие от корневых часто состоят из согласных, не образуя слогов.

2.2.2. Служебные слова от знаменательных отличаются безударностью. Суффиксальные морфемы в отличие от корневых часто состоят из согласных.

2.2.3. Л.я. выделяется среди прибалтийско-финских языков большой частотностью и многообразием морфонологических чередований. Ниже представлены важнейшие из них.

Чередование ступеней касается структуры ударного и заударного слогов, в том числе тона (см. 2.1.2.). Если \check{V} и \check{V} обозначают соответственно краткий и долгий вокализм, В — слабый смычный, Т — сильный смычный, R — сонорный согласный, С — (любой) согласный, то общие модели чередования ступеней имеют следующий вид (первой представляется модель слабой ступени, затем модель/модели сильной ступени):

$$\begin{array}{ll}
 1a. \check{V}_1^2 \left\{ \begin{array}{l} B \\ R \end{array} \right\} \check{V} & : \check{V}_1^2 \left\{ \begin{array}{l} BB \\ RR \end{array} \right\} \check{V} \text{ и } \check{V}_1^2 \left\{ \begin{array}{l} B \\ R \end{array} \right\} & 1b. \check{V}_1^2 \left\{ \begin{array}{l} br \\ v_g \end{array} \right\} \check{V} : v_1^2 \left\{ \begin{array}{l} br \\ v_g \end{array} \right\} (\check{V}) \\
 2a. \check{V}_1^2 T \check{V} & : \check{V}_1^2 T T \check{V} \text{ и } \check{V}_1^2 T & 2b. \check{V}_1^2 T C \check{V} : \check{V}_1^2 T C (\check{V}) \\
 3a. \check{V}_1^2 R \check{V} & : \check{V}_1^2 R R \check{V} \text{ и } \check{V}_1^2 R & 3b. \check{V}_1^2 \left\{ \begin{array}{l} R \\ V \end{array} \right\} C \check{V} : \check{V}_1^2 \left\{ \begin{array}{l} R \\ V \end{array} \right\} C (\check{V})
 \end{array}$$

Ср., например: 1a. magùb 'спит' — ma'ggõ 'спать', jelãb 'живет' — je'llõ 'жить', aigã 'край' — парт.ед. a'igõ, 2a. akùb 'ловит' — akkõ 'ловить', 3a. kilãb 'сеет' — killõ 'сеять'; 1b. kãbrãz 'проворный' — ген. ед. kãbrõ, 2b. istãb 'сидит' — istõ 'сидеть', 3b. kãrtãb 'боится' — kartõ 'бояться', ãigõb 'мерит' — aigõ 'мерить'.

Кроме чередования ступеней чередование тонов наблюдается еще в ряде односложных именных и глагольных основ. В частности, в гласных основах, имеющих обычно ровный тон, в иллативе ед. числа появляется прерывистый тон, pã 'голова' — pã'zõ 'в голову', sũo 'болото' — sũ'o'zõ 'в болото'.

z чередуется с отсутствием звука в конце именных основ: а) в основах с z в номинативе ед. числа: miez 'мужчина' — ген. ед.ч. mĩ'e, rikãz 'богатый' — ген. ед.ч. rikkõ, tõvaz 'небо' — ген. ед.ч. touvõ; б) в основах с z в генитиве ед. числа: paĩ 'женщина' — ген. ед.ч. paiz, pu'ppi 'красный' — ген. ед.ч. puniz.

ž, š и tš в номинативе и в ряде форм мн. числа чередуются с отсутствием звука в партитиве ед. числа и с d в остальных падежах, ср. ke'ž 'рука' — парт. ед.ч. kätā — ген. ед.ч. käd, ūž 'новый' — парт. ед.ч. ütō — ген. ед.ч. ūd, ikš 'один' — парт. ед.ч. i'tō — ген. ед.ч. i'd, kintš 'ноготь' — парт. ед.ч. kintō — ген. ед.ч. kind.

Альвеодентальные согласные в конце основы палатализируются (причем s>š, z>ž): а) перед окончаниями партитива мн. числа. -i, -ti, -di, ср. jālga 'нога' — парт. мн.ч. jałgi, kalā 'рыба' — парт. мн.ч. ka'ldi, kovāl 'умный' — парт. мн.ч. kovāli; б) перед окончаниями, начинающимися с ž и š, ср. jālga 'нога' — иллат. мн.ч. jałgzi, инесс. мн.ч. jałgši, элат. мн.ч. jałgšti.

i и u часто утрачиваются в ударном слоге после долгого вокализма в слабой ступени, ср. ūška 'змея' — парт. ед.ч. uiskō, lōlab 'поет' — loulō 'петь'.

Начальный j перед e, а также i и i в начале восходящего дифтонга нередко утрачиваются, если далее следует палатализованный согласный, š, ž или если в следующем слоге встречается суффикс -i, ср. mī'ed 'мужчины' — парт. мн.ч. mē'di, iedō 'остаться' — ei 'остался'. В тех же условиях ä > e, ā > ē, ср. pā 'голова' — парт. мн.ч. pēdi, eļ 'голос' — āld 'голоса', ārga 'бык' — парт. мн.ч. eųgi.

В сложных суффиксах, в конце непервого слога и перед окончанием партитива z > s и ž > š перед t.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Л.я. по сравнению с остальными прибалтийско-финскими языками в наибольшей степени склонен к флективности, хотя и сохранил агглютинативный тип. Он также наиболее аналитичен.

2.3.1. По степени разграниченности грамматических разрядов слов Л.я. не отличается существенно от остальных прибалтийско-финских языков, особенно эстонского.

Из универсальных грамматических понятий категориальное выражение имеют лицо, число, падеж, степени сравнения, время, модальность, залог.

2.3.2. В Л.я. нет качественной именной классификации. Одушевленность / не одушевленность различаются в сфере местоимений: вопросительное местоимение kis 'кто?' относится к одушевленным предметам, mis 'что?' — к неодушевленным, относительное местоимение mis относится к неодушевленным, kis — как к одушевленным, так и к неодушевленным предметам.

2.3.3. Категория числа выражается противопоставлением форм единственного и множественного числа. За исключением личных и указательных местоимений (где это противопоставление обозначено лексически), в именах, в глагольных формах 3 л. индикатива, а также в формах тех наклонений, где 1—3 л. формально не выражены (императив, юссив и квотатив), единственное число является немаркированным (формально не выражается), множественное число — маркированным. Так называемые парные предметы выражены существительными, употребляемыми только во мн. числе: bikšōd 'брюки', škērōd 'ножницы'.

2.3.4. Падежные значения выражаются падежными формантами, а также послелогоми или (реже) предлогами. В отличие от остальных прибалтийско-финских языков в Л.я. получатель и обладающее лицо выражаются не при помощи внешнеместных падежей имен, а дативом, дативом передается и логический субъект в дебитивных конструкциях. Ср.: až si'nņōn um ni'emō, si'nņōn um tā'm pierāst ka ainō vōtāmōst 'если у тебя корова, тебе следует ей и сено подготовить', где si'nņōn — форма датива от sinā 'ты'. Локальные отношения очень редко выражаются с помощью внешнеместных падежей — аллатива, адессива, аблатива (большинство таких падежных форм адвербиализировалось); довольно редко и

употребление форм внутреннеместных падежей в локальной функции во мн. числе; во всех таких случаях получили распространение аналитические конструкции типа "генитив+послелог". Все же заслуживает внимания своеобразное употребление адессива в эссивной функции, ср. *neitsõl vòldsõ um vònd lãrþ* 'будучи девушкой (у нее) был ребенок'.

В Л.я. общеприбалтийско-финский транслатив и образованный от послеложной конструкции падеж для выражения совместности или инструментальности часто употребляются как единый падеж — инструменталис (или транслатив-комитатив) с окончаниями *-ks*, *-õks* и *-kõks*, ср. *rūkõks* от *rū* 'дерево', *ainaks* от *aina* 'сено, трава; лекарство'.

2.3.5. В Л.я. залоговое противопоставление проявляется только в причастиях: переходные глаголы имеют наряду с активными причастиями и пассивные, ср.: *ta um loulõn* 'он пел (перфект)'; *loul um louldõt* 'песня пропета'. В Л.я. нет категории вида, однако в ряде идиолектов с более или менее развитой глагольной префиксацией, где префиксы заменяют или по существу дублируют исконные наречия или даже дублируют падежные окончания имен или послелоги, префикс *po-/puo-/pu* имеет грамматическую функцию, обозначая завершенность глагольного действия. В Л.я. нет и ярко выраженного противопоставления переходности/непереходности и каузативности/некаузативности глаголов, хотя эти отношения могут быть иногда выражены различными словообразовательными суффиксами.

В Л.я. пять наклонений: индикатив, кондиционал, императив, квотатив, юссив. Кондиционал выражает неуверенность говорящего в реальности действия или состояния либо обозначает нереальное действие или состояние. Императив выражает приказ или побуждение говорящего непосредственно по отношению к предполагаемому (предполагаемым) исполнителю (исполнителям). Юссив выражает либо приказ, либо побуждение: а) говорящему (и его коллективу) — 1 лицо, б) слушателю (слушателям), но не непосредственно говорящим — 2 лицо, в) говорящего кому-нибудь, не участвующему в беседе, — 3 лицо, либо допущение; форма юссива в предложении обычно сопровождается частицей *laz* 'пусть'. Квотатив выражает действие или состояние, известное говорящему из речи других людей.

2.3.6. Категория лица выражается личными местоимениями и личными окончаниями глагола, стоящего в индикативе или кондиционале. В отличие от других прибалтийско-финских языков в Л.я. формы 1 и 3 л. ед. числа слились; за исключением презенса индикатива, слились и формы 2 и 3 л. мн. числа (только у глагола *lã'dõ* 'уйти' в имперфекте различны формы для 2 и 3 л. мн. числа). Императив имеет только формы 2 л. ед. и мн. числа (в Л.я. на основе прежних форм 3 л. императива образовалось новое наклонение — юссив, употребляемое во всех лицах).

По общей системе грамматических времен Л.я. подобен остальным прибалтийско-финским языкам; глаголы имеют в индикативе парадигму презенса и парадигму имперфекта и причастия презенса и претерита актива, а переходные глаголы — еще и причастия презенса и претерита пассива. Принято говорить о конструкциях глагола *võlda* 'быть' в имперфекте с причастием претерита актива любых глаголов как о плюсквамперфекте индикатива этих глаголов, а о конструкциях остальных личных форм глагола *võlda* с причастием претерита актива этих глаголов — как о перфекте соответствующих наклонений. Кроме конструкций глагола *võlda* с активным причастием претерита актива образуют еще плюсквамперфектные конструкции формы имперфекта глагола *sõdõ* 'стать' и перфектные

конструкции — неимперфектные личные формы глаголов *sõdõ* и *lõdõ* 'стать'.

В отличие от других прибалтийско-финских языков (за исключением некоторых эстонских диалектов) супплетивный вспомогательный отрицательный глагол в Л.я. имеет парадигмы презенса и имперфекта. Кроме того, данный вспомогательный глагол в составном сказуемом в индикативе и кондиционале сочетается со специальными формами отрицания смыслового глагола только в ед. числе, а во мн. числе он согласуется уже с личными формами мн. числа презенса индикатива и кондиционала смыслового глагола. Примечательно также, что формы отрицания индикатива и императива (прежде всего у а-основ) различны, хотя обе формы представляют собой формы чистой основы, ср. *äd tieda* 'не знаешь' — *alã tiedu* 'не знай', *äd tarã* 'не убьешь' — *alã tar(põ)* 'не убей', *äd palã* 'не горишь' — *alã pa'l(lõ)* 'не гори', *äd lä* 'не уйдешь' — *alã li* 'не уйди'. Примененное отрицание оформляется при помощи частицы *mittõ* или *mit-* у местоимений, числительного *ikš* 'один', а также у наречий) или *äb* (у существительных и прилагательных), ср. *mitikš* 'ни один; никто, ничто', *äbvõõ* 'несчастье', *ävknaš* 'некрасивый'.

2.3.7. К знаменательным частям речи в Л.я. относятся имена (существительные, прилагательные, числительные), местоимения, глаголы и наречия, к служебным — послелоги/предлоги, союзы и частицы. Как особый грамматический раздел выделяются междометия. Имена характеризуются категориями падежа и числа, качественные прилагательные также категорией степеней сравнения. Глагол обладает категориями лица, числа, времени, наклонения.

Причастия в предложении могут быть как определением, так и предикативом, активное причастие претерита актива участвует и в образовании парадигматических аналитических форм претерита и плюсквамперфекта различных наклонений (см. 2.3.6.). Инфинитив бывает прежде всего дополнением (*kizüb siedõ* 'просит кушать'), реже подлежащим или определением. Герундий и форма супина служат прежде всего обстоятельствами. Герундий выражает действие, одновременное с действием, выраженным сказуемым (*ta tu'j loulõs* 'он пришел, напевая'). Абессивная форма супина употребляется вместе с предлогами *ilma* или *bäs* 'без' и выражает несостоявшееся действие: *ta tu'j si'zzõl ilma klõppõmõt* 'он вошел без стука (т.е. не постучав)'. Иллатив, инессив и элатив супина выражают соответственно направление к определенному действию, занятость действием и выход из действия: *lä'b gilgõm* 'идет купаться', *um gilgõmõs* 'занят купанием, находится в купании', *tulãb gilgõmõst* 'придет с купания', букв. 'из купания'.

Части наречий и части послелогов свойственна категория падежа. Часть послелогов тождественна с наречиями: *siskãb sizãl* 'колет *внутри*' (*sizãl* 'внутри' — наречие) — *ta um kurkstõ sõpi vie'd sizãl* 'он по горло *в* воде (адесс.)' (*sizãl* 'в' — послелог).

2.4.0. Образцы парадигм

Имена

В Л.я. развита алломорфия как суффиксальных, так и корневых морфем, причем границу корневой и суффиксальной морфем зачастую трудно определить однозначно, а следовательно, не однозначно выделяемы и алломорфы суффиксальных и корневых морфем. Нередко словоформы представляют собой алломорфы корневой морфемы, возникшие под влиянием уже утраченных условий: ном. ед.ч. *põogaz* 'поросенок' — ген. ед.ч. *põrzõ*, ном. ед.ч. *kõgaz* 'горький' — ген. ед.ч. *karrõ*.

Падежная система имени

	Ед.ч.	Мн.ч.
Номинатив	∅	-ōd/-d/-t
Генитив	∅	-ōd/-d/-t
Партитив	-dā/-tā/-da/-t̄a/-ta/ -dō/-tō/-t/-ō/-i	-īdi/-idi/-đi/-t̄i/-i
Датив	-ōn/-n	-ōdōn/-dōn/-tōn
Инессив (в чем-л.)	-sō/-s/-ōs	is/-is/-ši
Элатив (из чего-л.)	-stō/-st/-ōst	-ist/-ist/-šti
Иллатив (во что-л.)	-zō/-z/-ōz/-ō	-īži/-īži/-ž/-ž/-ži/-iz
Адессив (на чем-л.)	-lō/-l	
Аблатив (от чего-л.)	-ldō/-ld/-ldōst	
Аллатив (на что-л.)	-lō/-l	
Инструменталис (чем-л.)	-kōks/-ōks/-ks	-dkōks/-tkōks/-ōdōks/ -dōks
Инструктив		-iņ/-iņ

Местоимения

Местоимения, в частности личные, указательные, возвратные и вопросительные-относительные, отличаются более сложной корневой алломорфией, чем существительные и прилагательные.

Большинство личных местоимений имеет в номинативе так называемую длинную и краткую формы: *minā/ma* 'я', *sinā/sa* 'ты', *tāmā/ta* 'он, она, оно'. Полная форма употребляется под фразовым ударением, краткая — в безударной позиции.

Склонение личных местоимений

	Ед.ч.			
Ном.	<i>minā/ma</i>	<i>sinā/sa</i>	<i>tāmā/ta</i>	<i>se</i>
Ген.	<i>mī'n</i>	<i>si'n</i>	<i>tā'm</i>	<i>se</i>
Парт.	<i>minda</i>	<i>sinda</i>	<i>tānda</i>	<i>siedā</i>
Дат.	<i>mi'nnōn</i>	<i>si'nnōn</i>	<i>tā'mmōn</i>	<i>siēn</i>
Инесс.	<i>mi'ns(ō)</i>	<i>si'ns(ō)</i>	<i>tā'ms(ō)</i>	<i>sies(ō)</i>
Элат.	<i>mi'nst(ō)</i>	<i>si'nst(ō)</i>	<i>tā'mst(ō)</i>	<i>siest(ō)</i>
Илл.	<i>mi'nnō(z)</i>	<i>si'nnō(z)</i>	<i>tā'mmō(z)</i>	<i>si'ezō</i>
Инструм.	<i>mī'nkōks</i>	<i>si'nkōks</i>	<i>tā'mkōks</i>	<i>siekōks</i>

Мн.ч.

Ном.	<i>mēg</i>	<i>tēg</i>	<i>ne</i>
Ген.	<i>mā'd</i>	<i>tā'd</i>	<i>nānt</i>
Парт.	<i>mēđi</i>	<i>tēđi</i>	<i>nēđi</i>
Дат.	<i>mā'ddōn</i>	<i>tā'ddōn</i>	<i>nāntōn</i>
Инесс.	<i>mēši</i>	<i>tēši</i>	<i>nēši</i>
Элат.	<i>mēšti</i>	<i>tēšti</i>	<i>nēšti</i>
Илл.	<i>mēži</i>	<i>tēži</i>	<i>nēži</i>
Инструм.	<i>mā'dkōks</i>	<i>tā'dkōks</i>	<i>nāntkōks</i>

Возвратное местоимение имеет в номинативе полную и краткую формы: $\bar{i}'\bar{z}/i\bar{z}$ 'сам, сама, само, сами'. Кроме того, формы номинатива и генитива одинаковы в ед. и мн. числе. Вопросительно-относительные местоимения *kis* 'кто, что' и *mis* 'что' изменяются только в ед. числе.

Склонение местоимений *kis*, *mis* и $\bar{i}'\bar{z}/i\bar{z}$:

	Ед.ч.		Ед.ч.	Мн.ч.
Ном.	<i>kis</i>	<i>mis</i>	$\bar{i}'\bar{z}/i\bar{z}$	$\bar{i}'\bar{z}/i\bar{z}$
Ген.	<i>kien</i>	<i>mis</i>	<i>eṅtš</i>	<i>eṅtš</i>
Парт.	<i>kjedā</i>	<i>midā</i>	<i>eṅtšta</i>	<i>eṅtšidi</i>
Дат.	<i>kien</i>	<i>missōn</i>	<i>eṅtšōn</i>	<i>eṅtšōdōn</i>
Инесс.	<i>kjens(ō)</i>	<i>missōs</i>	<i>eṅtšōs</i>	<i>eṅtšis</i>
Элат.	<i>kienst(ō)</i>	<i>missōst</i>	<i>eṅtšōst</i>	<i>eṅtšist</i>
Илл.	<i>kienō</i>	<i>missō(z)</i>	<i>eṅtšō(z)</i>	<i>eṅtšiz</i>
Инструм.	<i>kienkōks</i>	<i>missōks</i>	<i>eṅtšōks</i>	<i>eṅtšōdōks</i>

Степени сравнения прилагательных и наречий образуются двумя способами: 1) сравнительная степень — путем присоединения суффикса *-im(i)/-im(i)* к основе прилагательного или наречия, а превосходная степень — аналитически, с помощью конструкции *amā* 'весь, вся, все' (ном., ген. ед.ч.) + форма сравнительной степени, ср. *vanā* 'старый': *vanim(i)* 'старший' — *amā vanim(i)* 'самый старый'; 2) сравнительная степень — с помощью конструкции *jo* + форма положительной степени, а превосходная — с помощью *amā* + форма положительной степени, ср. *vanā* 'старый'; *jo vanā* 'старше' — *amā vanā* 'самый старый'. Первый способ более архаичен и более ограничен.

Глагол

Финитные формы глагола

Время, наклонение	Лицо	Ед.ч.	Мн.ч.
Презенс индикатива	1	-b	-mō/-m
	3		-bōd
	2	-d	-tō/-t
Имперфект индикатива	1		П -mō/-žmō/-izmō/-izmō/-imō
	3	*П /-ž/-iz/-iz/-i	П -tō/-štō/-ist(ō)/-ist(ō)/it(ō)
Кондиционал	2	П -d/-št/-ist/-ist	
	1		-ksmō
	3	-ks	-kst(ō)
Императив	2	-kst	
	2	—	-gid/-gid/-igid
Юссив	1—3	-kkō/-kō/-gō/-g	-kkōd/-kōd/-gōd
Квотатив	1—3	-iji/-ji/-i	-ijid/-jid/-id

*П обозначает замену непалатализованных фонем *l* и *p* в конце основы палатализованными фонемами *l* и *p* в формах имперфекта.

Отрицательные формы смысловых глаголов в индикативе и императиве,

встречающиеся при отрицательном вспомогательном глаголе, имеют следующие окончания:

Наклонение	Лицо	Ед.ч.	Мн.ч
Индикатив	1	∅	-m̄b/-m̄
	2,3	∅	-t̄š/-t̄
Императив	2	∅/-š	-gid/-gid/-igid

Š-овые формы употребляются частью говорящих вместо оканчивающихся на согласный безаффиксных отрицательных форм императива, ср. *alā tar* или *alā tarrō* 'не убей', *alā vōt* или *alā vōttō* 'не бери'.

Некоторые формы глаголов с очень большой частотностью употребления не имеют стандартных окончаний. Например, супплетивный глагол *vōlda* 'быть' имеет в 1 и 3 л. ед. числа презенса индикатива форму *um*, в 3 л. мн.ч. — форму *āt*: 2 л. ед.ч. *ūod*, 1 л. мн.ч. *ūom*, 2 л. мн.ч. *ūot*. У отрицательного вспомогательного глагола нестандартны парадигмы как в презенсе: 1 и 3 л. ед. и мн.ч. *āb*, 2 л. ед.ч. *ād*, 2 л. мн.ч. *āt*, так и в имперфекте: 1 и 3 л. ед.ч., 1 л. мн.ч. *iz*, 2 л. ед.ч., 2 и 3 л. мн.ч. *ist*.

Нефинитные формы глагола

Причастия

Презенс:	активное	-b̄š/-b̄
	пассивное	-d̄šb/-t̄šb
Претерит:	активное	ед.ч. -nd — мн.ч. -n̄d, ед.ч. -n — мн.ч. -nd
	пассивное	ед.ч. -d̄t̄ — мн.ч. d̄d̄, ед.ч. -t̄t̄ — мн.ч. -t̄d̄
Инфинитив		-da/-d̄š/-t̄š/-š
Герундий (деепричастие)		-d̄šs/-t̄šs/-šs
Сушин:	инессив	-m̄šs
	элатив	-m̄d̄st
	иллатив	-m̄š/-m̄
	абессив	-m̄t̄

Следует заметить, что большинство говорящих не противопоставляет формы ед. и мн. числа причастия претерита пассива: ими обычно употребляются только формы на *-d̄d̄* и *-t̄d̄* (так обстоит дело и в литературном языке), реже — только формы на *-d̄t̄* и *-t̄t̄*. Причастия презенса и в ограниченной степени причастия претерита актива склоняются.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Словоформа изменяемого простого слова состоит из основы, за которой могут следовать словоизменятельные суффиксы. Основа состоит из корня, за которым может стоять словообразовательный суффикс, в том числе и сложный. Иногда основа содержит префикс, заимствованный из латышского языка. Из возможных словоизменятельных суффиксов в именах первым за основой стоит суффикс множественного числа, затем падежное окончание. Из возможных словоизменятельных суффиксов в личных формах глаголов первым за основой следует показатель имперфекта или наклонения, затем личное окончание (в индикативе, кондиционале, императиве) или показатель множественного числа (в юссиве и квотативе).

2.5.2. В Л.я. выделяются три основных способа словообразования: 1) аффиксация, 2) словосложение и 3) категориальный переход (конверсия).

Аффиксация реализуется прежде всего как суффиксация, но в речи некоторых носителей может реализоваться и как префиксация. Продуктивные суффиксы, как правило, являются морфологическим средством оформления перехода из одной части речи в другую. Почти от всех глаголов можно образовать так называемое имя действия при помощи суффикса *-mi/-imi* (*sōmi* 'получение', *lu'ggimi* 'чтение') и название действующего лица при помощи суффикса *-ji/-iji* (*sōji* 'получатель', *lu'ggi* 'читатель'). Прилагательные от существительных образуются при помощи суффиксов *-i* и *-limi* (ср. *ki'vvi* или *ki'vlimi* 'каменистый' от *ki'v* 'камень'), наименования жителей — от названий мест при помощи суффикса *-nikā*.

Словосложение — самое продуктивное средство словообразования, а также важное синтаксическое средство. Сложные слова имеют по 2—4 компонента, ср. *suodāvā'g* 'армия' (*suodā* 'война' (ген. ед.ч.) + *vā'g* 'сила'), *iļtarāli* 'сосед' (*iļ* 'через' + *tarāli* 'заборный'), *sūrmie'rkuo'ig* 'судно дальнего плавания' (*sūr* 'большой' (ген. ед.ч.) + *mie'r* 'море' (ген. ед.ч.) + *kuo'ig* 'судно'), *o'unpōg avardtē* 'чай из стеблей малины' (*o'* *unpō* 'окунь' (ген. ед.ч.) + *mōga* 'ягода' (ген. ед.ч.) + *vard* 'стебель' (ген. ед.ч.) + *tē* 'чай').

Синтаксическая роль словосложения заключается в создании противопоставлений двух видов генитивных конструкций. Так, например, *kuo'igkartēn* и *kuo'ig kartēn*, где *kuo'ig* 'судно, корабль' (ген. ед.ч.) и *kartēn* 'капитан', различаются тем, что *kuo'igkartēn* 'морской капитан, капитан безразлично какого судна', а *kuo'ig kartēn* прежде всего 'капитан этого, известного судна'.

Категориальный переход (конверсия или безаффиксная деривация) характерен прежде всего для прилагательных: прилагательные могут субстантивироваться, напр. *gujā* 'больной' → 'больной человек', *mustā* 'черный' → 'черный человек (негр; южанин)'. Категориальному переходу часто подвергаются и причастия презенса актива.

2.5.3. Простое предложение Л.я. относится к номинативному типу. Простые предложения бывают распространенные, нераспространенные и эллиптические. Структура нераспространенного простого предложения зависит от: а) типа речевого акта (утверждение, вопрос, приказ), б) синтаксического типа предложения, в) свойств членов предложения (глагола-сказуемого, существительного, дополнения и т.д.).

Любое неэллиптическое предложение имеет сказуемое, обязательно содержащее финитный глагол, например глагол-связку. Определение всегда предшествует определяемому слову. Прилагательное в роли определения согласуется с определяемым словом в числе и падеже; если определяемое слово выступает в дативе или в инструменталисе, прилагательное имеет формы генитива; аналогично глагол-сказуемое согласуется с именным подлежащим (в номинативе) в числе.

Предлоги требуют существительного либо в форме генитива (*iļ*: *iļ mie'r* 'через море'; *le'b*: *le'b pōzō* 'сквозь куст'), либо паритива (*pids*: *pids randb* 'по берегу'; *vastō*: *vastō tūldō* 'против ветра'), послелоги — существительного либо в форме генитива (*pierāst*: *laps pierāst* 'из-за ребенка'; *pūolō*: *mie'r pūolō* 'в сторону моря'), либо датива (*alā*: *lōdan alā* 'под стол'; *al*: *lōdan al* 'под столом').

Вопросительное предложение оформляется при помощи вопросительного слова, стоящего в начале предложения. Вопросы делятся на общие (ср. *Voi sa nād jōvist?* 'Хорошо ли ты видишь?') и на частные. При частных вопросах вопросительным словом заменяется какой-то член предложения: *Piškirpōga um Rīgōs* 'Внук (есть) в Риге' — *Kus um pišķirpōga?* 'Где (есть) внук?'

Если S — подлежащее, V — глагол-сказуемое, O — дополнение, P — предикатив и A — обстоятельство, то основные типы предложений таковы:

1. SVP: эквативные (Mī'ed sindōkūož om Kuoštrōg 'Мое место рождения (есть) Коштраг') и номинативные (Mī'ed vò'ltō kalāmī'ed 'Мужчины были рыбаки'; Lārš um tiea 'Ребенок (есть) здоровый').

2. SVO: транзитивные (Izā vòstiz kigrō 'Отец купил топор (ген. ед.ч.); Miez vòstiz vò'ltō 'Мужчина покупал/купил пива (парт. ед.ч)').

3. SV(A): интранзитивные; наличие A зависит от валентности глагола (Pi'ņ utāb 'Собака лает'; Izā tu' kuodāj 'Отец пришел домой'). Своеобразный подтип SVA составляют кванторные предложения (Lārši vò' kuolm 'Детей было трое'), где S всегда в партитиве: V в 3 л. ед.ч. и A в номинативе.

4. (A)VP: безличные (Jo um o'bbō 'Уже (есть) поздно') и экспериенциальные (Mī'npōn um kilma 'Мне (есть) холодно').

5. AVS: результиативные (Pūogast sōb kalāmīez 'Из сына получится рыбак', т.е. 'Сын будет рыбаком'), посессивные (Katsīn vò' kaš 'У Качи была кошка') и экзистенциальные (Lōjas um vietā 'В лодке (есть) вода (парт. ед.ч)').

Своеобразны дебитивные предложения, ср.: Lapsōn um ma'ggōmōst 'Ребенку надо спать' (досл. 'есть спать (элатив супина)'), Je'llō um jāgā mimōst 'Дом надо продать' (досл. 'дом (партитив) есть прочь продавать (элатив супина)') или Je'l' um midbō 'Дом надо продать'/Дом является продаваемым' (досл. 'есть продаваемый').

2.5.4. Сложные предложения Л.я. бывают сложносочиненными, сложноподчиненными и сложными бессоюзными. Связь между отдельными предложениями-компонентами обычно оформляется при помощи союзов.

2.6.0. В Л.я. наблюдаются, с одной стороны, древние балтийские (более 80), германские (около 70), а также некоторые древнерусские заимствования, большей частью общие для всех прибалтийско-финских языков. После выделения из прибалтийско-финской языковой общности Л.я. имел контакты с нижненемецким, верхненемецким, эстонским и особенно с латышским языками. Большинство ниже- и верхненемецких заимствований Л.я. общие с латышским языком (а также с эстонским), и часто трудно определить, заимствованы ли они прямо или через посредство латышского языка. В связи с возрастающим влиянием латышского языка количество латышских заимствований в Л.я. неограниченно растет.

2.7.0. Основные различия современных диалектов Л.я. касаются вокализма.

Восточному диалекту, послужившему основой настоящего обзора, присущи следующие особенности: 1) переход исконной *ā в ō и затем, в большинстве идиолектов, слияние с õ, например [mō]/[mõ] 'земля'; 2) после слога с долгим монофтонгом или с длинным восходящим дифтонгом не встречается u; 3) после короткого ударного слога встречается фонетически полудолгий гласный, например kilā 'село'. Ареал восточного диалекта: деревни от Мелнсилса (лив. Mustānum) у Рижского залива до Яунциемса (лив. Ūžkilā) и Ирбенского пролива.

Средний диалект, на котором говорят уроженцы деревни Лиелирбе (лив. Īra), имеет следующие особенности: 1) исконный *ā сохранился в виде ā; 2) после слога с долгим монофтонгом или с длинным нисходящим дифтонгом может встречаться /u/; [linduD] 'птицы', [kieduD] 'веревки'; 3) гласные безударных слогов всегда краткие, а монофтонг в коротком открытом слоге фонетически полудолгий: kilā 'село', ср. kīla 'посей' с долгим i; 4) окончаниями 1 л. мн. числа имперфекта и кондиционалиса вместо [-izmâ/-izmâ] и [-ksmâ] (см. 2.4.0.) являются [-izâm] и [-ksâm].

Западный диалект, ареалом которого являются деревни Микелторнис

(лив. *Pizā*) и Лужня (*Lūž*) у Ирбенского пролива, характеризуется (кроме особенностей, общих с средним диалектом) сплиянием /e/ и /ē/ с /i/ и /ī/ (в сочетании с *v*, иногда с *u*, а также встречаемостью вместо /o/ и /ō/ дифтонгов /^ho/ и /^ho/).

ЛИТЕРАТУРА

Aruvetz P. Ливы и ливский язык // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised: Ühiskonnateaduste seeria VII. 1958. С. 36—46.

Вяри Э. Ливский язык // Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. Москва, 1966. Т. III. С. 138—154.

Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938 (Lexica Societatis Fenno-Ugristarum V).

Kettunen L. Hauptzüge der livischen Laut- und Formengeschichte. Helsinki, 1947.

Posti L. Grundzüge der livischen Lautgeschichte. Helsinki, 1942 (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXV).

Penttild A., Posti L. Über die streigende und sog. Stosston im Livischen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1941, Bd. 27. С. 235—272.

Suhonen S. Liivin ja lätin kielen kosketuksista // S. Suhonen. Lähisukukielten muoto-oppia ja

lainasuhteita. Helsinki, 1974 (Castrenianumin toimitteita 9). С. 62—93.

Wiedemann F.J. Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben. SPb., 1861 (Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. II. Th. I).

Viitso T.-R. Outlines of Livonian Phonology // Symposium Phonologische Analyse der uralischen Sprachen. 17-20. September 1974. Berlin, 1975 (Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 22). С. 85—102.

Viitso T.-R. Liivi keel: idaliivi // T.-R. Viitso. Läänemeresoome fonoloogia küsimusi. Tallinn, 1981. С. 4—44.

Väärn E. Die Liven und die livische Sprache in den Jahren 1920-1970 // Finnisch-ugrische Forschungen. 1971. XXXIX, H. 1—2. С. 139—148.

Ю. С. Елисеев

ФИНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Финский язык (Ф.я.) — язык финнов, основного населения Финляндской Республики (Финляндии). Варианты названия: финский-суоми язык, финн. *suomi*, нем. *Finnisch*, англ. *Finnish*.

1.1.2. Ф.я. относится к прибалтийско-финской подветви финно-угорской подсемьи уральских языков. С финским в близком генетическом родстве состоят карельский, вепсский, ижорский, водский, эстонский и ливский языки. Из дальнеродственных языков наиболее близки мордовские.

1.1.3. Ф.я. распространен в Финляндии, где финны составляют 93,6% численности населения (4,5 млн.чел.), в Швеции, Норвегии, далее — в США, Канаде и Австралии, куда финны эмигрировали несколькими волнами в XIX—XX вв. Всего за пределами Финляндии проживает около 0,5 млн. уроженцев Финляндии (данные на середину 80-х гг.). В СССР проживают 67 359 человек, 34,6% считают финский язык родным (по данным переписи 1989 г.).

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. В основе классификации финских диалектов по фонетическим и морфологическим признакам лежит их генетическая соотнесенность с древними племенными языками трех этнических группировок прибалтийских финнов — племени хяме (емь), собственно финнов суоми (сумь) и саво. Традиционно принято выделять семь диалектов Ф.я. (см. 2.7.0). В последнее время некоторыми исследователями выделяется в отдельный так называемый юго-западный промежуточный диалект.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Характерной чертой языковой ситуации в Финляндии является то, что в

стране функционируют два государственных ("официальных" — по терминологии, принятой в Финляндии) языка: финский и шведский. Процесс урбанизации, особенно четко проявившийся в XX в. среди шведскоязычного населения, способствовал развитию двуязычия в городах с преобладанием усвоения финского языка.

1.3.2. Литературный Ф.я. в Финляндии — основное средство общения, язык школьного и вузовского обучения, общественно-политической и экономической жизни, средств массовой информации, язык науки и техники, художественной литературы и искусства. Его основные черты сформировались к 1870 г. путем сочетания западнодиалектной письменной литературной традиции с привлечением выразительных средств восточных диалектов (см. 1.5.0.). Существенное влияние на этот процесс оказал Э. Лённрот (1802—1884) публикацией собранного и обработанного им народного эпоса "Калевала" (1835, 1849).

1.3.3. В Финляндии в большинстве школ и высших учебных заведений преподавание ведется на Ф.я. Как обязательный предмет он включен также в учебные программы школ и вузов, в которых общим языком преподавания является шведский. За пределами Финляндии Ф.я. преподается (ограниченно и научно исследуется более чем в 40 странах) в Великобритании, Голландии, Дании, Норвегии, Швеции, Италии, Франции, США, Эстонии и др. (данные 1971 г.). В Российской Федерации преподавание Ф.я. как предмета ведется в ряде средних школ Карелии, в С.-Петербургском, Петрозаводском, Московском университетах, а периодически — и в некоторых других вузах.

1.4.0. Финская письменность формировалась на основе латиницы с использованием надстрочных знаков (ä, ö) и буквосочетаний. В иноязычных именах собственных, терминах, поздних лексических заимствованиях употребляются также буквы b, c, f, q, x, z, å, š, ž. Долгие гласные и согласные геминаты обозначаются удвоением соответствующих букв: aa /ä/, oo /ö/, uu /ü/, kk /k/, pp /p/ и т.д.; дифтонги — буквосочетаниями: au, ou, ai, oi, ui и т.д. Буквосочетание nk произносится как [ŋk], а ng — как [ŋ].

1.5.0. Основные периоды истории Ф.я.: 1) ранний, дописьменный (до 40-х годов XVI в.); 2) старофинский (1540—1820 гг.); 3) ранний новофинский (1820—1870 гг.); 4) современный финский (с 1870 г. по настоящее время). От дописьменного периода памятников Ф.я. в виде связных текстов не имеется. Лишь средневековые документы на латинском и шведском языках (начиная с XIII в.) сохранили довольно значительное количество отдельных финских слов, в основном имен собственных и отрывочных выражений. Первым письменным памятником Ф.я. считается первая печатная книга на Ф.я. — финский букварь М. Агриколы (около 1543 г.).

1.6.0. Воздействие внешнеязыковых факторов на Ф.я. проявилось в основном на уровне лексики.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонологическая система современного Ф.я. образуется 8 гласными и 13 согласными фонемами.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний		задний	
	иллабиальные	лабиальные	иллабиальные	лабиальные
Верхний	i	y /y/	—	u
Средний	e	ø	—	o
Нижний	ä	—	a	—

Для фонологической системы Ф.я. характерна оппозиция одинаковых по качеству кратких и долгих гласных по степени длительности в соотношении 1:2 и даже 1:3. Соответственно выделяется 8 пар гласных фонем: а — *ā*, о — *ō*, и — *ī*, *ä* — *ā*, е — *ē*, *i* — *ī*, о — *ō*, *ü* — *ū* *tule* 'приходи' — *tulee* '(он) приходит' и т.д.

Количество гласных фонем значительно увеличивается за счет использования дифтонгов, из которых наиболее употребительны 16: а) (расширяющиеся) *uo*, *uö*, *ie*; б) (сужающиеся) *ai*, *äi*, *oi*, *öi*, *ui*, *yi*, *ei*, *au*, *ou*, *eu*, *iu*, *äy*, *öy*. Крайне редкими являются *eu*, *iü*.

Согласные

По способу образования		По месту образования						
		билабнальные	лабиодентальные	переднеязычные		среднеязычные	велярные	затриязычные
				непалатализованные	палатализованные			
Шумные	смычные фриктивные	p (b)	(f) v	t d s (z)	(š) (ž)	j	k (g)	h
Сонорные	назальные латеральные вibrанты	m	l r	n	[ŋ]			

В левой части каждой графы приведены глухие согласные, в правой — звонкие. В круглых скобках даны согласные, употребляющиеся в поздних заимствованиях и иностранных именах собственных.

Как и в системе гласных, согласные имеют фонематические оппозиции по краткости/долготе. Такие релевантные пары согласных образуют: p — pp, t — tt, k — kk, l — ll, m — mm, n — nn, [ŋ — ŋŋ] (см. 1.4.0.), s — ss, r — rr: *kato* 'неурожай, потеря' — *katto* 'крыша', *tuli* 'огонь' — *tulli* 'таможня' и т.д. Остальные согласные долгих соответствий не имеют. Краткие согласные произносятся ненапряженно, а долгие (геминированные) — значительно напряженнее. Разница в длительности произнесения кратких и долгих согласных фонем выражается соотношением 1:2, а часто 1:2,5 и даже 1:3. Особенности консонантизма являются: четкая противопоставленность согласных по долготе, полное отсутствие фонологически значимых оппозиций по твердости/мягкости и почти полное — по глухости/звонкости (кроме t/d). Своеобразно произносится s, акустически воспринимаемый как средний между русскими с и ш.

Характерной чертой фонологической системы Ф.я. является обильное употребление гласных лишь с некоторым преобладанием согласных. По статистическим данным, в Ф.я. на 100 гласных приходится 109 согласных. Ср.: в венгерском это соотношение составляет 100:111, в эстонском — 100:113, в немецком — 100:164. Согласно последним подсчетам, финские гласные по частотности располагаются в следующем порядке: а, *i*, е и т.д. Долгие гласные (с дифтонгами) и краткие гласные употребляются в соотношении 23:77; заднерядные и переднерядные гласные — 46:54. Частотность согласных: t, n (или п, t), s, l и т.д.

2.1.2. Словесное ударение — динамического типа с твердо фиксированным главным ударением на первом слоге. Второстепенное ударение падает на третий или (если третий краткий) на четвертый слог, а далее — на каждый второй, за исключением последнего слога.

Реализуется прогрессивная гармония гласных по ряду образования, основанная на определяющей роли вокализма корневого слога (слов). Если он заднерядный (наличие гласных а, о, у) или переднерядный (наличие гласных *ä*, *ö*, у),

то соответственно и вокализм последующих слогов (в том числе и суффиксов) будет заднерядным или переднерядным: *talo* 'дом' — *talo-ssa-nsa* 'в его (их) доме'; *kuhä* 'деревня' — *kuhä-ssä-nsä* 'в его (их) деревне'. При этом переднерядные гласные е, і нейтральны; они могут выступать как в словах заднерядного, так и переднерядного вокализма: *silta* 'мост' — *silmä* 'глаз'; *metso* 'глухарь' — *metsä* 'лес'.

2.1.3. Краткие гласные и согласные, долгие гласные и дифтонги с известными ограничениями могут употребляться в начальной, срединной и конечной позициях в слове (словоформе). Наиболее существенные из ограничений: 1) в начальной и конечной позициях не употребляются долгие согласные и сочетания согласных. Исключение составляют лишь поздние заимствования, в которых в начальной позиции сохраняется сочетание согласных: *traktori* 'трактор'; более ранние заимствования удерживают только последний согласный сочетания: *risti* < рус. 'крест', *leipä* < рус. 'хлеб'; *ranta* 'берег' < швед. *strand*; 2) из кратких согласных в конечной позиции в слове выступают только -l, -n, -r, -s, -t и конечная аспирация /'/; 3) древние долгие гласные первого слога oo, ee, öö дифтонгизировались в uo, ie, yö; 4) дифтонги со вторым компонентом i (ai, oi, ui и т.д.) позиционно не обусловлены; остальные (au, ou, uo и т.д.) встречаются только в начальном слоге, а в последующих слогах они выступают как сочетания слогообразующих гласных.

Из явлений позиционно обусловленной реализации фонем наиболее характерным является чередование ступеней согласных в последнем слоге основы, которому подвержены смычные согласные (pp, tt, kk, p, t, k) в зависимости от первоначальной открытости/закрытости слога. Реализуются три типа чередования согласных: 1) количественное, где pp, tt, kk (сильная ступень) чередуется с p, t, k (слабая ступень), например: *kauppa* 'магазин' — *kaupassa* 'в магазине', *katto* 'крыша' — *katolla* 'на крыше', *kukka* 'цветок' — *kukat* 'цветы'; 2) качественное, где p — v, t — d, k — Ø (Ø — выпадение); *uku* — *uvu*, *uku* — *uvu*; *lke*, *rke*, *hke* — *lje*, *rje*, *hje*, например: *tapa* 'обычай' — *tavat* 'обычай', *jalka* 'нога' — *jalassa* 'на ноге', *lato* 'сарай' — *ladossa* 'в сарае', *riku* 'костюм' — *riivussa* 'в костюме'; *kulkea* 'идти' — *kuljen* 'иду' и т.д.; 3) ассимиляционное, при котором mp — mm; lt, nt, rt — ll, nn, rr; nk — ng /ŋk — ŋ/, например: *lampi* 'озеро' — *lammessa* 'в озере'; *antaa* 'давать' — *annamme* 'даем'; *kaupunki* 'город' — *kaupungissa* 'в городе' и т.д. Имеются и фонетически обусловленные изменения гласных основы на стыках морфем при словоизменении, например при присоединении морфемы -i- (показатель мн.ч. — в именах или имперфекта — в глаголах) к гласной основе: aa, ää, uu, уу, ee + i > ai, äi, yi, ei; ou, yö, ie + i > oi, öi, ei; a + i > oi ~ i; i + i > ei; ä, e + i > i; ср. *saapas* 'сапог' — *saappa-ssa* 'в сапоге' — *saappa-i-ssa* 'в сапогах', *saai* '(он) получает' — *sai* '(он) получил', *työ* 'работа' — *töi-ssä* 'на работах' и т.д.

2.1.4. Слогообразующими элементами являются все гласные фонемы — краткие, долгие и дифтонги, которые могут образовывать слог как самостоятельно, так и в сочетании с краткими согласными в начале или конце слога. При этом реализуются следующие структурные типы слога (дифтонги передаются через VV): V, \bar{V} , VV — e-lo 'жизнь', aa-tu 'утро', yö 'ночь', ai-ro 'весло'; CV, CV, CVV — ka-la 'рыба', maa 'земля' rääh 'голова' suo 'болото'; VC, $\bar{V}C$, VVC — al-ku 'начало', aat-to 'канун', ait-ta 'амбар'; CVC, $\bar{C}V$, CVVC — jal-ka 'нога', kaar-pi 'шкаф', kuor-ra 'яма'. Слог не может начинаться более чем с одного краткого согласного (геминированный согласный принимается за сочетание двух согласных), т.е. при распределении между слогами одиночный согласный или последний из сочетания согласных начинает последующий слог: ta-lo 'дом', lak-ki 'шапка', myrs-ku 'буря'.

Сочетание согласных в начале слога допускается только в начальной позиции в слове, и то лишь в поздних заимствованиях: pro-fes-so-ti 'профессор'.

Долготная оппозиция гласных и согласных имеет фонологическое (смыслоразличительное) значение: kari 'мель' — kaari 'дуга', tuli 'огонь' — tuuli 'ветер' — tullii 'таможня', kukka 'кто' — kukka 'цветок'.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. См. 2.1.3. и 2.1.4.

2.2.2. Корневые и суффиксальные морфемы в их соотношении со слогом различаются главным образом тем, что корневые морфемы состоят по меньшей мере из одного слога (см. 2.1.4.), а суффиксальные могут и не образовывать отдельного слога, когда они выражены, например, кратким согласным (ср. sa-na 'слово' — sa-na-t 'слова'; sa-po- 'сказать' — sa-po-n 'скажу') или одиночным гласным, сливающимся в один слог с предшествующим гласным (ср. sa-na 'слово' — партитив ед.ч. sa-naa /ä/ 'слова'; sa-po- 'сказать' — sa-poi '(он) сказал'). В результате сочетания нескольких морфем подобного типа могут образовываться, например, также словоформы, конечный слог которых включает конечный слог основы и два суффикса; ср. sa-po-i-n '(я) сказал' (-i- — суффикс имперфекта, -n — 1-го л. ед.ч.) при слоговом членении — sa-poi-n.

Фонологическое противопоставление корневого слова и суффикса выражается в постоянном вокализме первого и непостоянном — второго, поскольку суффиксы по вокальной гармонии уподобляются корневному слову. Ср. talo-ssa 'в доме', kylä-ssä 'в деревне'. Вместе с тем вокальная гармония выступает в качестве маркера границ компонентов сложных слов, поскольку она действует лишь в пределах каждого отдельного компонента сложных слов: sade/päivä 'дождливый день' (sade 'дождь' + päivä 'день').

Знаменательные и служебные слова различны по ударению: первые имеют сильное словесное ударение, вторые — почти безударны или отмечены слабым ударением.

2.2.3. О типах чередования ступеней согласных и изменении гласных на морфемных стыках см. 2.1.3. Из ассимиляторных явлений, касающихся фонем и проявляющихся в основном на стыках морфем и компонентов сложных слов, а также на месте соединения соседствующих слов в потоке речи, но не отмечаемых в орфографии, наиболее характерны следующие: 1) n в позиции перед k произносится как /n/: lähden '(я) пойду' — lähdenkö /lähdenkō/ 'пойду ли я'; 2) pr произносится как /mp/: menen 'пойду' — menenpä /menempä/ 'пойду-ка я'; lähden pois /lähden_pois/ 'пойду прочь'; 3) ni — как /ni/, ni — как /mi/: samanlainen /samallinen/ 'одинаковый', suurenmoinen /suuremmoinen/ 'грандиозный' (-lainen, -moinen — словообразоват. суффиксы); 4) aua — как /auva/: kauan /kauvan/ 'долго', kauas /kauvas/ 'далеко' (при основе kauka-); 5) словоформы на -e произносятся с конечной аспирацией /-e'/, однако в потоке речи этот аспираторный звук уподобляется начальной согласной фонеме следующей за ним морфемы: rihe / kieli / puhekieli / 'разговорный язык', kolme kertaa / kolmekkertaa / 'три раза' и др.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Ф.я. сохранил немало агглютинативных черт, унаследованных от протоуральского или протофинно-угорского языкового состояния, хотя ему присущи и многие элементы флективности. В частности, это касается изменений в последнем слоге основы, связанных с чередованием согласных и гласных в определенных микропарадигмах или моделях словообразования. Например, в некоторых парадигматических моделях перед i выступает s, а в других случаях t, чередующееся с d: vesi 'вода' — veteen 'в воду' — vettä 'воды' — vedessä 'в воде';

kieltää 'запрещать' — kielsi '(он) запретил'. В других случаях чередуются s/h (mies 'мужчина' — miehellä 'у мужчины'), а в двусложных именах — i/e (järvi 'озеро' — järvessä 'в озере') или a/o (sana 'слово' — sanoissa 'в словах') и т.д. (см. также 2.1.3.).

Аналитические структуры в Ф.я. представлены довольно широко, хотя вследствие высокой степени синтетизма широко употребительны словоформы с многочисленными морфемами, следующими в строгой последовательности друг за другом. См. 2.5.1.

2.3.1. Грамматические разряды слов в современном Ф.я. разграничены достаточно четко, хотя имеются следы древней расплывчатости их границ. Весьма существенны грамматические сходства у имен разных категорий (включая и некоторые разряды местоимений). Так, у имен тождественны числовые и падежные суффиксы. Характерной чертой имен всех категорий, не считая некоторых исключений и ограничений семантического порядка, является их изменяемость по числам и падежам, а также согласование адъективных определений с определяемым в числе и падеже: iso talo 'большой дом', isot talot 'большие дома', isoissa taloissa 'в больших домах' и т.д. В ряде случаев совершенно очевидные существительные могут иметь степени сравнения по образцу прилагательных: räivemmällä 'позже днем' (räivä 'день'), keväämpänä 'позже весной' (keväät 'весна'). Даже между некоторыми производными глаголами и именами сохраняются отдельные сходства: tuuli 'ветер' и 'дул ветер', букв. 'ветрило' (при общей основе tuule-), sylki '(он) плюнул' и 'слюна' (при общей основе sylke-/sylje-).

Из универсальных грамматических значений категориальное выражение имеют: лицо, число, "падежность", посессивность, модальность, время, степени сравнения (в сфере глагола также определенность/неопределенность субъекта).

2.3.2. В Ф.я. грамматического рода нет, отсутствуют также такие качественные именные классификации, как одушевленность, класс. Однако в некоторых группах местоимений проявляется оппозиция классов личность/неличность: вопросительное местоимение kuka? ken? 'кто?' относится только к человеку, а mikä 'что?' — ко всему остальному миру живой и неживой природы. При указании на человека используются личные местоимения hän 'он, она, оно' и he 'они', а для всего остального соответственно se и ne.

2.3.3. Грамматическое число у имен выражается оппозицией форм ед. и мн. числа. Ед. число специального показателя не имеет, мн. число выражается в номинативе — падежно-числовым суффиксом -t, в косвенных падежах — суффиксом -i- (в интервокальной позиции — -j-). Ср. ном. ед.ч. iso talo 'большой дом' — ном. мн.ч. iso-t talo-t 'большие дома' — инес. мн.ч. iso-i-ssa talo-i-ssa 'в больших домах', но парт. мн.ч. — iso-j-a talo-j-a 'больших домов'. В известных случаях числовая оппозиция может нарушаться и вместо мн. числа некоторые имена употребляются в ед. числе. Такое нарушение чаще всего происходит, когда речь идет о следах древнего собирательного значения ед. числа для выражения множественности. Например, парные части тела могут мыслиться как одно целое (обычно в сочетании с соответствующими предметами одежды): saappaat ovat jalassa (не jaloissa) 'сапоги на ногах', букв. 'в ноге'; panna kintaat käteen (не käsiin) 'надеть рукавицы на руки', букв. 'в руку'; то же, когда речь идет о непарных частях тела, имеющих у каждого субъекта данного рода: He pudistivat päätänsä (не päitänsä) 'Они покачали головами' (букв. 'головой'); Koirilla on pitkä häntä: 'У собак длинные хвосты' (букв. 'хвост'); то же о различных видах собирательства и промыслов: käyda marjassa, sienessä 'ходить по ягодам, по грибы', букв. 'бывать в ягоде, в грибе'; mennä kalaan 'идти на рыбалку',

букв. 'в рыбу' и др. С другой стороны, имеются наименования предметов и событий и т.п., употребляющихся только во мн. числе: *sakset* 'ножницы', *hontimet* 'щипцы', *paarit* 'носилки', *housut* 'брюки', *häät* 'свадьба', *ristiäiset* 'крестины', *hautajaiset* 'похороны', *tanssit* 'танцы' и т.п.

Четко реализуется оппозиция ед. и мн. числа в сфере глагола, кроме безличных глаголов, употребляющихся только в ед. числе: *sataa* 'идет дождь', букв. 'дождит'; *tuulee* 'дует ветер', букв. 'ветрит'; *hämärtää* 'смеркается'.

2.3.4. Падежные значения выражаются при помощи многочисленных падежных суффиксов, послелогов, реже — предлогов. Посредством форм грамматической категории падежа выражаются: субъект, прямой и косвенный объекты, посессивность, различные пространственные отношения, орудийность, время, причинность, цель, совместность и т.д. действия (см. 2.4.0.). Послелог (или предлог) в сочетании с падежной формой имени (чаще генитивной или партитивной) выражают в основном те же синтаксические отношения, что и падежные суффиксы и выступают в функции различного рода обстоятельств и косвенного дополнения, когда использование соответствующей падежной формы оказывается недостаточным для более конкретного выражения оттенков какого-либо основного значения. Многие послелог пространственного значения образуют трехчленные серии, в которых один корнеслов оформлен застывшими формантами трех внешнеместных, или внутреннеместных, или же древних общеместных падежей (локативного, лативного и аблативного значений): *ρ uđän alla* 'под столом', *ρ uđän alle* 'под стол', *ρ uđän alta* 'из-под стола'.

Категория посессивности реализуется в основном в лично-притяжательном склонении: *kirjassa-ni* 'в моей книге', *kirjassa-si* 'в твоей книге', *kirjassa-mme* 'в нашей книге', *kirjassa-nne* 'в вашей книге', *kirjassa-nsa* или *kirjassa-an* 'в его (их) книге'. Суффиксальное выражение посессивных отношений может дополняться употреблением генитивных форм личных местоимений, а также местоимения *oma* 'свой', 'собственный', используемых для особого подчеркивания посессивности; ср. *Tässä on (minun) poika-ni* 'Вот (мой) сын-мой'; *Tämä on oma kirja-ni* 'Это моя собственная книга'. Посессивность выражается и генитивом имен: *pojan kirja* 'книга мальчика'.

2.3.5. Грамматической категории вида и категории залога в Ф.я. нет. Видовые значения совершенности/несовершенности действия могут выражаться или лексическими средствами (*lukea loppuun* 'прочитать', букв. 'читать до конца'), или в определенных синтаксических конструкциях противопоставлением падежных форм прямого объекта (*luin kirjaa* '(я) читал книгу', но *luin kirjan* '(я) прочитал книгу').

Сильно развито выражение способов протекания действия (*Aktionsart*) при помощи многочисленных словообразовательных суффиксов: однократности, многократности, моментальности, длительности, повторяемости действия. Тем же способом могут выражаться каузативность и возвратность; возвратность действия может выражаться не только суффиксально, но и при помощи возвратного местоимения *itse*: *pestä* 'мыть' (при основе *pese-* — *pese-yty-ä* 'умываться' — *pestä itsensä* '(по)мыться').

Модальные значения выражаются формами четырех наклонений: изъявительного (индикатива), повелительного (императива), условного (кондиционала), возможностного (потенциала). Ряд семантических оттенков модальности выражается аналитически, при помощи глаголов модального значения (*minun pitää mennä* 'мне нужно идти') или специальными причастной либо инфинитивной конструкциями долженствования (*minun on mentävä* 'я должен идти; *jokaisen on tuötä tekeminen* 'каждый должен работать', букв. 'работу делать').

2.3.6. Грамматическое лицо выражается прежде всего собственными и другими личными местоимениями, у глаголов — лично-числовыми окончаниями. Личная оппозиция трехчленна: противопоставляются I, 2 и 3 лицо ед. и мн. числа. Кроме того, выражение грамматического лица по типу лично-притяжательного склонения характерно для отдельных форм инфинитивов, в частности для транслативной формы I инфинитива (ср. *lukea* 'читать' — *lukeakse-ni* 'для того, чтобы я прочел') и для инессивной формы II инфинитива (*lukiessa-ni* 'в то время, когда я читал'), а также для причастия агенса: (*minun*) *lukema-ni kirja* 'прочитанная мною книга', (*sinun*) *lukema-si kirja* 'прочитанная тобою книга' и т.д.

Грамматическая категория общей определенности / не определенности в сфере имен отсутствует. В случае необходимости выражения определенности/неопределенности используются самые различные средства: лексические (*tämä* 'этот', *tuo* 'тот', *egäs* 'некий', *joku* 'какой-то' и т.п.), логическое ударение, порядок слов и ударение, спорадически — противопоставление партитивной (неопределенность) формы прямого объекта и так наз. аккумулятивной формы (определенность), противопоставление номинативной (определенность) формы подлежащего его партитивной форме (неопределенность), хотя указанные грамматические способы одновременно служат и для выражения других категорий, например совершенности/несовершенности действия, полноты/частичности охвата действием. В сфере глагола категориально весьма последовательно противопоставляются по всем временам и наклонениям определенно-личные и неопределенно-личные формы глагола. Последние выражают, что субъект действия мыслится как неопределенный. Ср. *Naapurimme rakentavat taloa* 'Наши соседи строят дом' — *Tätä taloa rakennetaan yhteisvoimin* 'Этот дом строят общими силами'.

Грамматическое время в сфере глагола выражается в четырех формах: презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект (см. 2.4.0.). Наиболее объемным по семантике является презенс, используемый для выражения как настоящего, так и будущего времени, которое иногда может выражаться также при помощи предикативных синтаксических конструкций — так называемого аналитического презенса по двум структурным моделям: а) "личная форма презенса вспомогательного глагола *olla* в индикативе + I активное причастие" типа *olen tekevä* 'буду делать'; употребляется ограниченно, лишь в формах ед. числа индикатива и обычно в торжественном стиле: *Olen jatkava edeltäjäni työtä* 'Я продолжу труд своего (моего) предшественника'; б) "форма презенса индикатива вспомогательного глагола *tulla* + иллативная форма III инфинитива" типа *tulen tekemään* 'буду делать'; употребляется ограниченно, например для выражения видового оттенка несовершенности действия в будущем: *tulen lukemaan kirjaa* 'буду читать книгу'.

Выражение пространственной ориентации осуществляется при помощи указательных местоимений и местоименных наречий. При этом реализуется трехчленная оппозиция по близости/отдаленности от говорящего: *tämä* 'этот' (находящийся в непосредственной близости, досягаемости) — *tuo* 'тот' (находящийся на некотором отдалении, но видимый говорящим) — *se* 'тот' (находящийся за пределами двух последних; *se* употребляется также в качестве анафорического средства); соответственно местоименные наречия: *täällä* 'здесь' (< *tämä*), *tuolla* '(вот) там' (< *tuo*), *siellä* 'там' (< *se*). В качестве анафорического средства, кроме указанных местоименных слов используются также местоименные прилагательные: *tällainen* 'этакий' (< *tämä*), *tuollainen* 'такой' (< *tuo*), *sellainen* 'такой' (< *se*). Широко используется также трехчленная подсистема внутренне- и внешместных падежей и пространственных послелогов.

Отрицание в сфере глагола выражается сочетанием личных форм отрицательного вспомогательного глагола с неличными коннегативными формами смыслового глагола: *en lue* 'не читаю', *et lue* 'не читаешь'...; *en (et, ei) lukenut* 'я (ты, он) не читал', *emme (ette, eivät) lukeneet* 'мы (вы, они) не читали'. В повелительном наклонении: *älä lue* 'не читай', *älkää lukeko* 'не читайте' и т.д. Об отрицательных формах глагола см. 2.4.0. В именной сфере в качестве отрицательного префикса применяется древнее I активное причастие отрицательного глагола *erä selvä* 'ясный' — *eräselvä* 'неясный', *miellyttävä* 'приятный' (адъективированное причастие) — *erämiellyttävä* 'неприятный'), а также словообразовательный суффикс каритивных прилагательных *-ton/-tön* (ср. *maaku* 'вкус' — *mauton* 'безвкусный', *pilvi* 'облако' — *pilvetön* 'безоблачный'). В отрицательных предложениях и для образования отрицательных местоимений и наречий используется усилительно-отрицательная частица *-(k)aan/-(k)ään*: *kuka* 'кто' — *kukaan* 'никто', *milloin* 'когда' — *milloinkaan* 'никогда' и т.д. (см. также 2.4.0. "Местоимения").

2.3.7. Части речи можно классифицировать так: 1) знаменательные (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, глагол); б) служебные (послелоги и предлоги, союзы, частицы); 3) междометия.

Имя существительное характеризуется категориями числа, падежа, лично-протяжательности, степени сравнения (ограниченно); имя прилагательное — категориями числа, падежа, степеней сравнения; имя числительное — категорией падежа (порядковые числительные — и категорией числа); наречие — категорией степеней сравнения; местоимения разных разрядов — категориями лица, числа, падежа; глагол — категориями лица, числа, времени, наклонения, определенности/неопределенности субъекта.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена

Парадигма склонения стандартна для всех именных частей речи как в ед., так и во мн. числе. Номинатив ед. числа падежного показателя не имеет; в номинативе мн. числа таким показателем является суффикс мн. числа *-t*, присоединяемый к основе ед. числа: *meri* 'море' — *mere-t* 'морья', *painen* 'женщина' — *naise-t* 'женщины', *kysymys* 'вопрос' — *kysymykse-t* 'вопросы'. Формы косвенных падежей образуются путем присоединения падежных суффиксов к гласной или (в известных случаях) к согласной основе имени в ед. числе или к основе мн. числа.

Падежные суффиксы косвенных падежей, будучи в основном одинаковыми в ед. и мн. числе, варьируются лишь по гармонии гласных (см. 2.1.2. и таблицу); ср. суф. инессива *-ssa/-ssä*, элатива — *-sta/-stä* и др.: *talossa* 'в доме' — *taloissa* 'в домах'; *metsä-ssä* 'в лесу' — *metsissä* 'в лесах'. Об изменении конечных гласных основы ед. числа при образовании основы мн. числа присоединением показателя мн. ч. *-i-* см. 2.1.3. и 2.3.0. Падежные суффиксы различаются в ед. и мн. числе только в генитиве и иллативе. Генитив в ед.ч. маркируется *-n* (*talo-n* 'дома', *metsä-n* 'леса'); во мн. числе различаются две серии падежных окончаний: генитив I — *-en, -den/-tten*, генитив II — *-en, -in, -ten*. Варианты суффиксов генитива I присоединяются к основе мн. числа: *pieni-en* 'маленьких', *mai-den mai-tten* 'земель, стран', а варианты генитива II — к гласной основе ед. числа (*tuoli-en* 'стульев', *pata-in* 'горшков') или к согласной основе (*pen-ten* 'маленьких', *mies-ten* 'мужчин'). Варианты иллативных суффиксов: 1) удлинение конечного краткого гласного основы ед. или мн. числа + *n* (*jarve-en* 'в озеро', *järvi-in* 'в озёра'); 2) *-h* + предшествующий гласный основы (ед. или мн.ч.) + *n* (*maa-han* 'в страну', *mai-hin* 'в страны'); 3) в ед.ч. после долгого гласного основы (кроме односложных

корневых морфем) — -seen, во мн.ч. после дифтонга на -i — -siin (huonee-seen 'в комнату', huonei-siin 'в комнаты').

Таблица падежных суффиксов

Номинатив: ед.ч. — Ø; мн.ч. — -t

Генитив: ед.ч. — -n; мн.ч.: I. -en, -den/-tten, II. -en, -in, -ten

Партитив (часть или отсутствие кого-, чего-л.) — -a/ä, -ta/-tä

Эссив (быть кем-, чем-л.) — -na/-nä

Транслатив (стать кем-, чем-л.) — -ksi

Инессив (в ком-, чем-л.) — -ssa/-ssä

Элатив (из кого-, чего-л., о ком-, чем-л.) — -sta/-stä

Иллатив (в кого-, что-л.) — а) удлин. гласн. + n; б) -h + предш. гласн. + n; в) ед.ч. — -seen, мн.ч. — -siin

Адессив (на чем-л.; у кого-, чего-л.) — -lla/-llä

Аблатив (от кого-, чего-л.) — -lta/-ltä

Аллатив (к кому-, чему-л.; кому-, чему-л.) — -lle

Абессив (без кого-, чего-л.) — -tta/-ttä

Комитатив (с кем-, чем-л.) — -ine (-ni, -si и т.д.)

Инструктив (кем-, чем-л.; как) — -n

Традиционные грамматики выделяют еще аккузатив, хотя он специального падежного суффикса не имеет и в ед. числе по форме совпадает в одних конструкциях с генитивом, в других — с номинативом, а во мн. числе — с номинативом мн.ч. Собственно аккузативную форму имеют лишь некоторые местоимения: mini-t 'меня', sini-t 'тебя' и т.д., kene-t 'кого'.

Комитатив имеет одну общую форму для ед. и мн. числа: lapsinensa 'со своим ребенком' или 'со своими детьми'.

Инструктив, за редким исключением, употребляется только во мн. числе, даже в случаях, когда по смыслу требуется ед. число: Mies käveli paljain räin (мн. ч.) 'Мужчина шел с непокрытой головой'.

Лично-притяжательные суффиксы указывают на лицо и число обладателя:

1 л. ед. ч.	-ni: kirjassa-ni	'в моей книге'
2 л. — —	-si: kirjassa-si	'в твоей книге'
1 л. мн. ч.	-mme: kirjassa-mme	'в нашей книге'
2 л. — —	-nne: kirjassa-nne	'в вашей книге'.

3 л. ед. и мн. ч.; 1) -nsa/-nsä; 2) удлинение конечного гласного + n; kirjassa-nsa или kirjassa-an 'в его (их) книге' (последний — при падежных формах, оканчивающихся на краткий гласный, кроме номинатива ед.ч.).

Падежные формы, оканчивающиеся на согласный, теряют его перед притяжат. суффиксом; ср. talo 'дом', talo-n (ген. ед. ч.), talo-t (ном. мн. ч.) = -talo-nsa 'его (их) дом, его (их) домá'. Транслативный суффикс -ksi в притяжат. склонении имеет форму -kse-. Чередующиеся согласные перед лично-притяжательным суффиксом выступают в сильной степени: käde-t 'руки', но käte-nne 'ваши руки'.

Формы степеней сравнения качественных прилагательных и наречий образуются при помощи суффиксов: в сравнительной степени (с учетом чередования степеней согласных) — -tra/-mtra, -trä/-mträ, в превосходной — -imra/-imtra, -imrä/-imrä. Суффикс сравнительной степени прилагательных в номинативе ед.ч. имеет форму -tri, в превосходной степени — -in; hciрро

'легкий' — helpo-mpi 'более легкий' — helpo-in 'самый легкий'; helpo-mma-t 'более легкие' — helpo-imma-t 'самые легкие'; helpo-mma-ssa 'в более легком' — helpo-imma-ssa 'в самом легком'; helpo-mm-i-ssa 'в более легких' и т.д.

Степени сравнения качественных наречий образуются от гласных основ соответствующих прилагательных присоединением сложных суффиксов — -mmiin (сравнит. степень) и -immiin (превосх. степень): helppo 'легкий' — helpo-sti 'легко' — helpo-mmiin 'легче', 'более легко' — helpo-immiin 'легче всего'.

Порядковые числительные образуются от гласной основы количественных числительных присоединением суффикса -s: neljä 'четыре' — neljä-s 'четвертый', viisi 'пять' — viide-s 'пятый', yhdeksän 'девять' — yhdeksä-s 'девятый', kymmenen 'десять' — kymmene-s 'десятый'. Они имеют гласную основу на -nte-/-nne- и согласную на -ta: kolma-s 'третий', kolma-nne-ssa 'в третьем', kolma-nte-en 'в третий', kolmat-tä 'третьего' (партитив ед.ч.).

Числительные со значением 'первый', 'второй' образуются супплетивно: yksi — ensimmäinen 'один — первый', kaksi — toinen 'два — второй'. Закономерные yksi — yhdes 'один — первый', kaksi — kahdes 'два — второй' употребляются в сложных числительных: yhdestoista 'одиннадцатый', kahdestoista 'двадцатый' и т.д.

Местоимения

Местоимения представлены следующими разрядами: личные, возвратно-усилительные, взаимно-возвратные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные.

Личные местоимения в косвенных падежах имеют специфические гласные основы и склоняются во всех падежах, кроме комитатива и инструтива:

Ед. ч.

Номинатив	minä	sinä	hän
Генитив	minu-n	sinu-n	häne-n
Аккузатив	minu-t	sinu-t	häne-t
Партитив	minu-a	sinu-a	hän-tä
Адессив	minu-lla	sinu-lla	häne-llä
Иллатив	minu-un	sinu-un	häne-en

Мн. ч.

Номинатив	me	te	he
Генитив	meidä-n	teidä-n	heidä-n
Аккузатив	meidä-t	teidä-t	heidä-t
Партитив	mei-tä	tei-tä	hei-tä
Адессив	mei-llä	tei-llä	hei-llä
Иллатив	mei-hin	tei-hin	hei-hin

В отличие от имен в падежную систему личных местоимений входит самостоятельный аккузатив (оконч. -t) Генитивная форма личных местоимений выполняет функцию притяжательных местоимений. Личное местоимение 2-го л. мн. числа используется также при вежливом обращении.

Падежная система личных местоимений, соотносительная с падежной системой имен, дополняется послеложно-личными местоимениями, образуемыми от многих послелогов присоединением к ним лично-притяжательных суффиксов; päällä 'на ком-л., чем-л.' — päällä-ni 'на мне' — päällä-si 'на тебе'.

Возвратно-усилительное местоимение itse в функции возвратного местоимения употребляется с притяжательными суффиксами: itse-si, itseä-si 'самого

себя' (букв. 'самого тебя'), *itselle-ni* 'самому себе' (букв. 'самому мне') и т.д.: *hän sanoo itseään lääkäriksi* 'он называет себя (самого) врачом'.

Местоимение *itse*, выступая в качестве усилительного, подчеркивает то слово, к которому оно относится: *minä itekin säikähdin* 'я и сам испугался'; *sinun pitää tehdä se itse* 'тебе нужно сделать это самому'.

Формы взаимно-возвратного местоимения построены на базе местоимения *toinen* 'другой' с соответствующим лично-притяжательным суффиксом, например *rakastakaa toisiinne!* 'любите друг друга (вы)!'; по другой модели используется повтор местоимения *toinen*: *rakastakaa toinen toistanne!* 'Любите друг друга!'.

По склонению указательные местоимения существенно отличаются от имен прежде всего тем, что у них формы мн. числа образуются супплетивно: *tämä* 'этот' — *nämä* 'эти', *tuo* 'тот' — *no* 'те', *se* 'этот, тот' — *ne* 'эти, те'.

	Ед.ч.			Мн.ч.		
Номинатив	<i>tämä</i>	<i>tuo</i>	<i>se</i>	<i>nämä</i>	<i>no</i>	<i>ne</i>
Генитив	<i>tämä-n</i>	<i>tuo-n</i>	<i>se-n</i>	<i>näi-den</i>	<i>noi-den</i>	<i>nii-den</i>
Партитив	<i>tä-tä</i>	<i>tuo-ta</i>	<i>si-tä</i>	<i>näi-tä</i>	<i>noi-ta</i>	<i>nii-tä</i>
Эссив	<i>tä-nä</i>	<i>tuo-na</i>	<i>si-nä</i>	<i>näi-nä</i>	<i>noi-na</i>	<i>nii-nä</i>
Инессив	<i>tä-ssä</i>	<i>tuo-ssa</i>	<i>sii-nä</i>	<i>näi-ssä</i>	<i>noi-ssa</i>	<i>nii-ssä</i>
Элатив	<i>tä-stä</i>	<i>tuo-sta</i>	<i>sii-tä</i>	<i>näi-stä</i>	<i>noi-sta</i>	<i>nii-stä</i> и т.д.

Вопросительные местоимения *kuka*, *ken* 'кто', *mikä* 'что', в общем, склоняются как существительные, однако: 1) формы номинатива мн. числа — *kutka*, *ketkä*, *mitkä*; 2) местоимение *kuka* имеет производные *kumpi* и *kumrainen* 'кто из двоих, который из двух', из которых *kumpi* склоняется как прилагательные в сравнит. степени, а *kumrainen* — как прилагательные на -nen; 3) местоимение *kuka* употребляется только в номинативе ед. и мн. ч., а в косвенных падежах парадигму восполняют формы от *ken*; 4) местоимение *mikä* склоняется только в ед. числе:

Номинатив	<i>kuka (ken)</i>	<i>mikä</i>	<i>kumpi</i>
Генитив	<i>kene-n</i>	<i>mi-n-kä</i>	<i>kumma-n</i>
Аккузатив	<i>kene-t</i>	—	—
Партитив	<i>ke-tä</i>	<i>mi-tä</i>	<i>kumpra-a</i>
Инессив	<i>kene-ssä</i>	<i>mi-ssä</i>	<i>kumma-ssa</i>
Иллатив	<i>kene-en</i>	<i>mi-hin</i>	<i>kumpra-an</i> и т.д.

Ср. также местоименные вопросительные прилагательные и наречия: *millainen* 'какой?' (*millais-ta* 'какого?', *millaise-ssa* 'в каком?' и т.д.), *milloin* 'когда?', *miten* 'как?'; *monesko* 'какой, который по счету?' склоняется при основе *monе-*: *monе-ssa-ko* 'в котором (по счету)?' и т.д.; *mon-ta-ko* 'сколько?'

В качестве относительного местоимения выступает в основном местоимение *joka* 'который' (*jotka* 'которые'), падежные формы которого образуются от основы *jo-*; реже употребляются местоимения *mikä* 'что', *kuka* 'кто'.

	Ед.ч.	Мн.ч.
Номинатив	<i>joka</i>	<i>jo-t-ka</i>
Генитив	<i>jo-n-ka</i>	<i>joi-den</i>
Партитив	<i>jo-ta</i>	<i>joi-ta</i>
Иллатив	<i>jo-hon</i>	<i>joi-hin</i> и т.д.

Неопределенные местоимения и местоименные прилагательные *joku* 'кто-то; некий', *jompikumpi* 'кто-нибудь из двоих, какой-нибудь из двух', *jokin* 'что-то, какой-то', *kukin* 'каждый в отдельности; всякий', *mikin* 'каждый', *kumpikin* 'оба', *joka* 'каждый' (несклоняемое перед существительным). В местоимениях, образованных путем сложения основ *jo-*, *ku-*, каждый из компонентов участвует в склонении самостоятельно, или же к первому склоняемому компоненту присоединяется усилительная частица *-kin*, следующая за падежным окончанием.

Образец парадигмы склонения в ед. числе

Номинатив	<i>joku</i>	<i>jompikumpi</i>	<i>jokin</i>
Генитив	<i>jonkun</i>	<i>jommankumman</i>	<i>jonkin</i>
Партитив	<i>jotakuta</i>	<i>jompraakumpraа</i>	<i>jotakin</i>
Иллатив	<i>johonkuhun</i>	<i>jompraankumpraan</i>	<i>johonkin</i> и т.д.

Другие склоняются как обычные имена соответствующего структурного типа: *eräs* 'один, некий' (мн.ч. — *eräät*), *kaikki* 'все', *molemmat* 'оба', *moni* 'многий' (мн.ч. — *monet*), *muu* 'иной, другой', *muutama* 'некоторый; несколько', *toinen* 'другой, иной' (мн. ч. — *toiset*).

Отрицательные местоимения и местоименные наречия образуются присоединением к соответствующей форме усилительно-отрицательной частицы *-(k)aan/- (k)ään*; в предложении употребляются обычно с отрицательной формой сказуемого: *(ei) kukaan* 'никто', *(ei) kumpikaan* 'ни тот, ни другой', *(ei) mikään* 'ничто', *(ei) mitään* 'ничего', *(ei) missään* 'нигде', *(ei) koskaan* 'никогда' и т.д.

Глагол

Спрягаемые глагольные формы делятся на два разряда: 1) определенно-личные формы, так называемый актив, и 2) неопределенно-личные формы, традиционно называемые пассивными. Данная оппозиция релевантна для всех глаголов, кроме безличных, употребляющихся только в определенно-личных формах 3-го л. ед. числа. Неопределенно-личные формы, маркированные суффиксами *-tta/-ttä-*, *-ta/-tä* (или их слабоступенными соответствиями *-ta/-tä-*, *-da/-dä-*, а в результате ассимиляции — *-la/-lä-*, *-na/-nä-*, *-ra/-rä-*), противопоставлены определенно-личным, не имеющим специального маркера кроме личных окончаний.

Большинство микропарадигм глагола отмечено специальными показателями: имперфект индикатива — показателем *-i-* (ему противопоставлен нулевой показатель презенса), условное наклонение (кондиционал) — *-isi-*, возможностное наклонение (потенциал) — *-ne-*, повелительное наклонение (императив) — *-kaa/-kää-*, *-ko/-kö-*.

Для определенно-личных форм во всех, кроме императива, наклонениях характерно употребление единой системы личных окончаний и одинаковых личных форм вспомогательного отрицательного глагола:

	Утвердительные формы		Отрицательные формы	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-n	-mme	en	emme
2 л.	-t	-tte	et	ette
3 л.	∅ или удлинение конечного гласного	-vat/-vät	ei	eivät

В утвердительных формах личные окончания присоединяются к основе смыслового или вспомогательного глагола в соответствующем наклонении и времени с учетом правил чередования ступеней согласных в конечном слове основы. Отрицательные формы образуются сочетанием личных форм отрицательного глагола с неличными формами (гласной основой презенса либо активным/пассивным причастием II в соответствующем числе) смыслового глагола, а в сложных формах времени также и с неличными формами вспомогательного глагола. От данного общего правила некоторые отклонения имеются лишь в императиве.

Индикатив

Индикатив имеет 4 формы времени: презенс (настоящее-будущее), имперфект (простое прошедшее), перфект (составное прошедшее) и плюсквамперфект (давнопрошедшее, или предпрошедшее).

В качестве образца используются глагол *kerto*-а 'рассказывать, рассказать', имеющий в основе прямое чередование ступеней согласных ассимиляторного типа: сильноступенная основа — *kerto*-, слабоступенная — *kerro*- (чередование -*rt*-/-*tt*-).

Определенно-личное спряжение

Утвердительные формы				
Презенс			Имперфект	
Лицо	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е	<i>kerro-n</i>	<i>kerro-mme</i>	<i>kerro-i-n</i>	<i>kerro-i-mme</i>
2-е	<i>kerro-t</i>	<i>kerro-tte</i>	<i>kerro-i-t</i>	<i>kerro-i-tte</i>
3-е	<i>kerto-o</i>	<i>kerto-vat</i>	<i>kerto-i</i>	<i>kerto-i-vat</i>
Отрицательные формы				
1-е	<i>en kerro</i>	<i>emme kerro</i>	<i>en kerto-nut</i>	<i>emme kerto-neet</i>
2-е	<i>et kerro</i>	<i>ette kerro</i>	<i>et kerto-nut</i>	<i>ette kerto-neet</i>
3-е	<i>ei kerro</i>	<i>eivät kerro</i>	<i>ei kerto-nut</i>	<i>eivät kerto-neet</i>

В презенсе: *kerro* — слабоступенная основа глагола. В имперфекте: *kerro-nut* — II активное причастие в ед. числе; *kerto-neet* — II активное причастие во мн. числе.

Перфектные формы образуются из личных (утвердительных или отрицательных) форм презенса вспомогательного глагола *olla* и II активного причастия смыслового глагола в соответствующем числе: *ole-n* (*ole-t*, *on*) *kerto-nut* 'я (ты, он) рассказал', *ole-mme* (*ole-tte*, *ovat*) *kerto-neet* 'мы (вы, они) рассказали'; *en* (*et*, *ei*) *ole kerto-nut* 'я (ты, он) не рассказал', *emme* (*ette*, *eivät*) *ole kerto-neet* 'мы (вы, они) не рассказали' (*ole* — основа презенса индикатива вспомогательного глагола бытия *olla*).

Формы плюсквамперфекта образованы по структурной модели перфекта, но вспомогательный глагол *olla* употребляется в форме имперфекта: *oli-n* (*oli-t*, *oli*) *kerto-nut* 'я (ты, он) рассказал', букв. 'был рассказавший'; *oli-mme* (*oli-tte*, *oli-vat*) *kerto-neet* 'мы (вы, они) рассказали', букв. 'были рассказавшими'; *en* (*et*, *ei*) *ollut kertonut* 'я (ты, он) не рассказал', *emme* (*ette*, *eivät*) *olleet kertonut* 'мы (вы, они) не рассказали' (*ollut*, *olleet* — причастные формы ед. и мн. числа вспомогательного глагола бытия).

Неопределенно-личное спряжение

Время	Утверд. формы		Отрицат. формы	
Презенс	kerro-ta-an	'рассказывают'	ei kerro-ta	'не рассказывают'
Имперфект	kerro-tt-i-in	'рассказывали'	ei kerrottu	'не рассказывали'
Перфект	on kerrottu	'рассказали'	ei ole kerrottu	'не рассказали'
Плюсквам-перфект	oli kerrottu	'рассказали' (раньше)	ei ollut (oltu) kerrottu	'не рассказали' (раньше)

По данному спряжению индикатив имеет также четыре формы времени, но в них не происходит изменение по лицам. При образовании форм используются характерные *-t*-овые суффиксы пассива (см. выше), присоединяемые к основе глагола, а вместо II активного причастия — соответствующее II пассивное причастие на *-ttu/-tu*, *-tty/-ty*.

Кондиционал

Имеет две формы времени — презенс и перфект, образующиеся по аналогии с соответствующими формами индикатива (см. выше), но при этом кондициональный суффикс *-isi-* в презенсе присоединяется к определенно-или неопределенно-личным основам смыслового глагола, а в перфекте — к основе вспомогательного глагола *olla* (*ol-isi-*, *kerto-isi-*, *kerro-tta-isi-*): *kerto-isi-n* 'я рассказал бы', *ol-isi-t kerto-nut* 'ты рассказал бы (раньше)' и т.д.

Определенно-личное спряжение

Утвердительные формы				
Презенс			Перфект	
Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	<i>kerto-idi-n</i>	<i>kerto-isi-mme</i>	<i>olisin kertonut</i>	<i>olisimme kertoneet</i>
2-е	<i>kerto-isi-t</i>	<i>kerto-isi-tte</i>	<i>olisit kertonut</i>	<i>olisitte kertoneet</i>
3-е	<i>kerto-isi</i>	<i>kerto-isi-vat</i>	<i>olisi kertonut</i>	<i>olisivat kertoneet</i>
Отрицательные формы				
1-е	<i>en kertoisi</i>	<i>emme kertoisi</i>	<i>en olisi kertonut</i>	<i>emme olisi kertoneet</i>
2-е	<i>et —" —"</i>	<i>ette —" —"</i>	<i>et —" —" —"</i>	<i>ette —" —" —"</i>
3-е	<i>ei —" —"</i>	<i>eivät —" —"</i>	<i>ei —" —" —"</i>	<i>eivät —" —" —"</i>

Отрицательные формы образуются из личных форм отрицательного глагола и основы кондиционала смыслового глагола — в презенсе или вспомогательного глагола (*olla*) (*olisi*) и II активного причастия (ед. или мн.ч.) смыслового глагола — в перфекте.

Неопределенно-личное спряжение

Презенс и перфект образуются по аналогии с соответствующими формами индикатива (см. выше), но с использованием сильноступенной основы кондиционала пассива смыслового глагола (*kerrotta-isi-*) — в презенсе или определенно-личной основы кондиционала вспомогательного глагола *olla* (*olisi*) — в перфекте; презенс: *kerro-tta-isi-in* 'рассказывали бы', *ei kerrottaisi* 'не рассказывали бы'; перфект: *olisi kerrottu* 'рассказали бы', *ei olisi kerrottu* 'не рассказали бы'.

Потенциал

Имеется две формы времени — презенс и перфект. Презенс строится аналогично соответствующим формам кондиционала с той разницей, что здесь вместо суффикса *-isi-* используется суффикс потенциала *-ne-*; ср.: *sano-ne-n* 'возможно, скажу', *ep sano-ne* 'возможно, не скажу'. В перфектных формах употребляется супплетивная основа кондиционала вспомогательного глагола *lie-* (т.е. *lie-ne-*).

Определенно-личное спряжение

Утвердительные формы				
Презенс			Перфект	
Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	<i>kerto-ne-n</i>	<i>kerto-ne-mme</i>	<i>liene-n kertonut</i>	<i>liene-mme kertoneet</i>
2-е	<i>kerto-ne-t</i>	<i>kerto-ne-ite</i>	<i>liene-t kertonut</i>	<i>liene-ite kertoneet</i>
3-е	<i>kerto-ne-e</i>	<i>kerto-ne-vat</i>	<i>liene-e kertonut</i>	<i>liene-vät kertoneet</i>
Отрицательные формы				
1-е	<i>en kertone</i>	<i>emme kertone</i>	<i>en liene kertonut</i>	<i>emme liene kertoneet</i>
2-е	<i>et —"</i>	<i>ette —"</i>	<i>et liene kertonut</i>	<i>ette liene kertoneet</i>
3-е	<i>ei —"</i>	<i>eivät —"</i>	<i>ei liene kertonut</i>	<i>eivät liene kertoneet</i>

Неопределенно-личное спряжение

Презенс: *kerro-tta-ne-en* 'возможно, расскажут', *ei kerrottane* 'возможно, не расскажут'. Перфект: *liene kerrottu* 'возможно, рассказали', *ei liene kerrottu* 'возможно, не рассказали'.

Императив

Определенно-личное спряжение

Утвердительные формы презенса				
Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	—	—	<i>kerto-kaa-mme</i>	'расскажем(те)'
2-е	<i>kerro</i>	'расскажи'	<i>kerto-kaa</i>	'расскажите'
3-е	<i>kerto-ko-on</i>	'пусть (он) расскажет'	<i>kerto-ko-ot</i>	'пусть (они) расскажут'
Отрицательные формы презенса				
1-е	—	—	<i>äl-kää-mme kertoko</i>	'не будемте рассказывать'
2-е	<i>älä kerro</i>	'не рассказывай'	<i>äl-kää kertoko</i>	'не рассказывайте'
3-е	<i>äl-kö-ön kertoko</i>	'пусть (он) не рассказывает'	<i>äl-kö-öt kertoko</i>	'пусть (они) не рассказывают'

Перфект имеет лишь формы 3-го лица ед. и мн. числа, образующиеся из формы 3-го лица ед. и мн. числа презенса императива вспомогат. глагола *olla* и II активного причастия смыслового глагола в соответствующем числе:

olkoon kertonut 'пусть (он) расскажет', olkoot kertoneet 'пусть (они) рассказывают'; в отрицательных формах: älköön olko kertonut 'пусть (он) не рассказывает, älkööt olko kertoneet 'пусть (они) не рассказали'.

Неопределенно-личное спряжение

В презенсе используется сильноступенная основа неопределенно-личного презенса индикатива с показателями 3-го лица ед.ч. императива: kerro-tta-ko-on 'пусть расскажут, пусть рассказывают'; при отрицании используются формы 3-го л. ед. ч. императива отрицательного глагола и основа неопределенно-личного презенса смыслового глагола: älköön kerrottako 'пусть не рассказывают'. В перфекте неопределенно-личные формы императива принимает вспомогательный глагол olla, а смысловой глагол — в форме II пассивного причастия: olkoon kerrottu 'пусть рассказали', älköön olko kerrottu 'пусть не рассказали'.

Инфинитивные формы глагола

Инфинитивы. В традиционных грамматиках выделяются 4 инфинитива, в ряде случаев сближающихся по функции с деинфинитивами или отглагольными существительными.

I инфинитив имеет две формы: а) краткую (основной инфинитив); б) долгую (целевой инфинитив). Суффиксы основного инфинитива: -a/-ä, -da/-dä, -ta/-tä или в результате ассимиляции после согласной основы -la/-lä, -na/-nä, -ra/-rä: sano-a 'сказать', syö-dä 'есть, кушать', vasta-ta 'отвечать', pes-tä 'мыть', tui-la 'приходить', men-nä 'уходить', riig-ra 'кусать'. Маркер целевого инфинитива -kse- присоединяется к форме основного инфинитива и употребляется всегда с соответствующим лично-притяжательным суффиксом: lähteä-kse-ni 'чтобы я отправился', lähteä-kse-si 'чтобы ты отправился' и т.д.

II инфинитив оформлен суффиксами -e-, -de- и -te-; последний подвержен такой же ассимиляции, как и суффикс основного инфинитива (т.е. -tr-, -le-, -ne-, -re-). II инфинитив употребляется в двух падежных формах — в инессивной (-ssa/-ssä) и инструктивной (-n). Инессивная форма обозначает сопутствующее действие, происходящее одновременно с действием основного глагола, и соотносена с определенно-личными и неопределенно-личными рядами спряжения: 1) sano-e-ssa 'говоря'; men-ne-ssä 'идя'; 2) sano-tta-e-ssa 'говоря'; 'когда говорят', lue-tta-e-ssa 'читая; когда читают' и т.д.; työtä teh-de-ssä-mme satoi 'Когда мы работали (букв. 'работая'), шел дождь'. Инструктивная форма характеризует способ, образ действия основного глагола: nauga-e-n 'смеясь'; mies käveli horju-e-n 'человек шел покачиваясь'.

III инфинитив, оформленный суффиксом -ma-/-mä-, присоединяемым к сильноступенной гласной основе глагола, употребляется в шести застывших падежных формах:

1. Инессивная форма (-ssa/-ssä) обозначает действие, в совершении которого находится (или находился) субъект, например hän on ui-ma-ssa 'он купается', букв. 'находится в купании'.

2. Элативная форма (-sta/-stä) обозначает действие, из процесса выполнения которого субъект выходит или от выполнения которого отказывается или же оно запрещается, прекращается; например: hän tuli ui-ma-sta 'он пришел с купания' (букв. 'из купания'); he lakkasivat puhu-ma-sta 'они перестали говорить' (букв. 'из говорения').

3. Иллативная форма (-an/-än) употребляется при глаголах направительного

значения; например, hän meni ui-ma-an 'он пошел купаться' (букв. 'в купание'). Иллативная форма III инфинитива употребляется также при существительных и прилагательных для выражения действия, на которое субъект способен, годен, которое он обязан или желает выполнить; например, hän oli valmis lähte-mä-än matkalle 'он был готов отправиться в путь'.

4. Адессивная форма (-lla/-llä) выражает инструментальную характеристику действия; например, naiset hankkivat leipänsä kuto-ma-lla verkkoja 'женщины зарабатывали себе на хлеб вязанием сетей'.

5. Абессивная форма (-tta/-ttä) выражает действие, без которого совершается действие основного глагола; например, (sanaakaan) sano-ma-tta 'не говоря (ни слова)'.

6. Инструктивная форма (-n) употребляется только с безличным глаголом pitää 'надо, должно, следует': sinun pitää lähte-mä-n 'тебе нужно отправиться'; ср. также форму, соотношенную с неопределенно-личным рядом спряжения: lakia ei pidä riko-tta-ma-n 'закон не следует нарушать'.

IV инфинитив, совпадающий по образованию с отглагольными существительными на -minen, употребляется лишь в формах номинатива и партитива ед. числа в конструкциях типа jokaisen on työtä teke-minen 'каждый должен работу делать'; häneen ei ole luotta-mis-ta 'на него нельзя полагаться'.

Различаются следующие группы причастий:

I причастие — причастие презенса, или причастие незаконченного действия, имеет активную и пассивную формы на -va/-vä: luke-va 'читающий' — lue-tta-va 'читаемый', teke-vä 'делающий' — teh-tä-vä 'делаемый', употребляющиеся в основном как согласуемые определения. Активные причастия I вместе с вспомогательным глаголом olla используются также для образования в индикативе составного презенса со значением будущего времени и составного имперфекта со значением предполагавшегося действия в прошлом; ср. в презенсе: hän on vielä kirjoittava meille 'он еще напишет нам'; в имперфекте: hän oli kirjoittava meille 'он должен был написать нам'. Пассивные причастия I с глаголом olla в 3-м л. ед. ч. образуют так называемые конструкции должествования: minun on men-tä-vä 'мне необходимо идти', heidän oli lähde-ttä-vä asemalle 'им следовало отправиться на вокзал'.

II причастие — причастие законченного действия — имеет активную (на -nut/-nyt) и пассивную (на -tu/-ty, -ttu/-tty) формы: luke-nut 'читавший' — lue-ttu 'прочитанный', teh-nyt 'делавший' — teh-ty 'сделанный'. II причастия выступают в функции согласуемых определений и принимают участие в образовании составных глагольных времен (см. выше "Перфект" и "Плюсквамперфект"), а также отрицательных форм имперфекта индикатива. Партитивная форма II пассивного причастия используется в конструкциях, выражающих действие, предшествующее действию основного глагола. Действователь при причастии в таких конструкциях выражается генитивом имени, местоимения или лично-притяжательными суффиксами: Vieraiden saavu-ttu-a istuudutiin kahvi-röytään 'По прибытии гостей сели пить кофе'; saa-tu-a-ni työn valmiiksi lähden matkoille 'закончив работу, отправлюсь в поездку'.

Причастие агенса образуется от транзитивных глаголов присоединением суффикса -ma/-mä к сильноступенной гласной основе глагола. Употребляется всегда с указанием на действователя, выражаемого генитивом имени, местоимения или лично-притяжательными суффиксами: isän teke-mä tuoli 'отцом сделанный стул', sinun maalaa-ma-si tauli 'тобою написанная картина'.

Служебные слова

Для Ф.я. характерно широкое употребление послелогов, следующих непосредственно за обслуживаемым именем, выступающим в формах генитива или партитива, реже — в других падежах: (paivällisen) jälkeen 'после (обеда)', (metsän) takana 'за (лесом)', (häntä) vastaan 'против (него)', (katua) pitkin 'по (улице)'. Настоящих предлогов немного; они сочетаются с именами в тех же падежах, что и послелог. Некоторые послелог могут употребляться и в качестве предлогов. При этом падежное управление именем в ряде случаев может меняться: (järven) keskellä и keskellä (järveä) 'посреди (озера)' (järven — генитивная форма, järveä — партитивная).

Многие послелог могут принимать лично-притяжательные суффиксы. Выступая в функции знаменательных членов предложения, подобные образования являются послеложно-личными местоимениями: lapsen kanssa 'с ребенком' — kanssaani 'со мной' — kanssaasi 'с тобой' и т.д.

Союзы служат для соединения членов предложения или простых предложений в сложные. Союзы могут быть простыми (ja 'и', mutta 'но'), сложными (joskin 'хотя и'), составными (niin että 'так что') и расчлененными (sekä... että 'и... и', 'как... так и'). Соединяясь с личными формами отрицательного глагола, некоторые союзы ограниченно могут спрягаться: *ellä 'если' — ellen (ellet, ellei и т.д.) 'если я (ты, он и т.д.) не', että 'что' — etten (ettet, ettei и т.д.) 'что я (ты, он и т.д.) не', jotta 'чтобы' — jotten (jottet, jottei и т.д.) 'чтобы я (ты, он и т.д.) не'.

Из частиц особый интерес представляют суффиксальные, выступающие всегда энклитически (присоединяются к концу слова): вопросительная -ko/-kö, противопоставленные усилительно-утвердительная -kin и усилительно-отрицательная -kaan/-kään, усилительные -ka/-kä, -ra/-pä, -han/-hän, -s.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Ф.я. — язык с развитой морфологией и ярко выраженной тенденцией к суффиксации агглютинативного типа. Грамматические словоформы конструируются путем последовательного наращивания на лексическую основу слова суффиксальных элементов, каждый из которых выражает, как правило, только одно грамматическое значение. За корневой морфемой следуют словообразовательные, затем словоизменительные суффиксы, и последнее место в словоформе занимают суффиксальные (энклитические) частицы. Порядок следования словоизменительных морфем у имен: числовой + падежный + лично-притяжательные суффиксы; ср. vara-sto-i-ssa-mme-kin 'даже в наших складах', где vara 'запас', -sto- — словообразовательный суффикс собирательного значения, -i- — суффикс мн. числа, -ssa- — инессивный падежный суффикс, -mme — лично-притяжательный суффикс 1 л. мн. числа, -kin — усилительная частица. Порядок следования словоизменительных суффиксальных морфем у глаголов: наклонения/времени, лица/числа. Префиксальных морфем у глаголов в Ф.я. нет, за исключением крайне редких префиксальных образований типа еräonnistua 'не удаваться' (ср. onnistua 'удаваться'), allekirjoittaa 'подписывать' (ср. kirjoittaa 'писать').

2.5.2. Выделяются три основных продуктивных способа словообразования: 1) морфологический (суффиксация); 2) синтаксический (словосложение); 3) морфолого-синтаксический (категориальный переход).

Морфологический способ реализуется путем использования разнообразных и многочисленных (около 200) именных и глагольных суффиксов отыменного и отглагольного словообразования. Путем суффиксации в отглагольном словообразовании выражаются переходность/непереходность, залоговые значения,

характер протекания действия (мгновенность, продолжительность, многократность и т.д.),

Словосложение особенно продуктивно в сфере имен. Самое распространенное — двухкомпонентное словосложение. Сложные слова сочинительного типа образуются ограниченно, как правило, соположением основы первого компонента: suomalais-venäläinen (sanakirja) 'финско-русский (словарь)'. При продуктивной подчинительной связи в зависимости от падежной формы первого определительного компонента выделяются три основных способа словосложения: 1) номинативный — gauta/tie 'железная дорога' (букв. 'железо-дорога'), viisi/vuotinen 'пятилетний' (букв. 'пять-летний') и т.п.; 2) генитивный — isän/maa 'отчество' (но словосочетание isän maa 'земля отца'), talon/poika 'крестьянин' (но talon poika 'сын (зажиточного) дома'), oikeuden/mukainen 'справедливый' (букв. 'праву-соответствующий') и т.п.; 3) словосложение с первым компонентом в других падежах или наречием — (партитив) rauhaa/rakastava 'миролюбивый', букв. 'мир-любящий'; (инессив) unissa/kävijä 'лунатик', букв. 'во-сне-ходящий' и т.д.

Морфолого-синтаксический способ реализуется по линии субстантивации прилагательных и причастий, а также адъективации причастий: sairas 'больной' (ср. sairas ihminen 'больной человек'), oppinut 'ученый', 'учившийся'.

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная, хотя употребляются и предложения, в которых субъект выражен партитивной формой имени. Простые предложения делятся на: 1) односоставные и двусоставные; 2) нераспространенные и распространенные. Среди односоставных предложений особый интерес представляют неопределенно-личные предложения, в которых при неопределенно-личной форме глагола прямое дополнение может употребляться, но употребление подлежащего исключается. Этот тип односоставных предложений наиболее продуктивен: Metsässä sahataan puita 'В лесу валят (букв. 'пилят') деревья'; Minut tunnetaan siellä 'Меня там знают'. В безличных предложениях главный член выражен безличным или безлично употребляемым глаголом (в 3-м лице ед. числа): Nämärtää 'Смеркается'; Minua rübörryttää 'У меня кружится голова' (букв. 'меня кружит'). Весьма часто употребляются предложения, в поверхностной структуре которых подлежащее не выражено, но может быть легко введено в синтаксическую структуру на основании лично-числовых показателей глагола: Istu-n ja laula-n 'Сажу и пою'; ср. Minä istu-n ja laula-n 'Я сажу и пою'.

Главные члены предложения — подлежащее и сказуемое. Подлежащее может быть тотальным, или номинативным (оформляется номинативом), или парциальным, частичным (оформляется партитивом).

Номинативное подлежащее, глагольное сказуемое и связочный (полусвязочный) глагол именного сказуемого согласуются в формах числа и лица. При однородных номинативных подлежащих в форме ед. числа сказуемое имеет форму мн. числа: Mikko ja Ville ovat jo saarpuneet 'Микко и Вилли уже прибыли'. В именном сказуемом употребление глагола-связки обязательно. Именная часть сказуемого обычно выступает в падежных формах подлежащего (т.е. в номинативе и партитиве) или в генитиве: Ystäväni on runoilija 'Мой друг (есть) поэт'; (партитив) He ovat tuytyväisiä 'Они (есть, являются) довольны(е)'; (генитив) Tämä metsä on valtion 'Этот лес (есть) государственный' (букв. 'государства').

При партитивном подлежащем, независимо от его числа, сказуемое всегда имеет форму ед. числа. При этом партитив выражает, неопределенность, частичность или отсутствие денотата: Lasissa on vettä 'В стакане (есть) вода'

(т.е. какое-то неопределенное количество воды), ср. номинативное подлежащее: *Vesi on lasissa* 'Вода (находится) в стакане' (т.е. известная вода, о которой шла речь); при отрицании (партитив): *Lasissa ei ole vettä* 'В стакане нет воды'; *Ulkona leikki lapsia* 'На улице играли дети' (т.е. какие-то дети), ср. номинативное подлежащее: *Lapset leikkivät ulkona* 'Дети (определенные, известные) играли на улице'. Форма 3-го лица ед. числа сказуемого употребляется и при подлежащем, выраженном сочетанием количественного числительного и существительного (в партитиве ед.ч.): *Viisi miestä lähti metsään* 'Пять человек отправились (букв. 'отправилось') в лес'.

Поскольку в Ф.я. нет глагола со значением 'иметь', предложения, замещающие *habeo*-конструкции, строятся путем оформления имени-обладателя адессивом и использования глагола *olla* в 3-м лице ед. числа независимо от числа имени-обладаемого: *Pojalla oli vaaleat hiukset* 'У мальчика были (букв. 'было') светлые волосы'.

Прямое дополнение может быть тотальным, обозначающим объект полного охвата действием, либо парциальным, обозначающим объект неполного, частичного охвата действием. Парциальный объект выражается партитивом, а тотальный: а) во мн. числе — номинативом мн. числа; б) в ед. числе в определено-личных утвердит. конструкциях — генитивом ед. числа на -n; в) в ед. числе в утвердительных, неопределенно-личных, императивных, кроме 3-го лица, и некоторых модальных конструкциях — номинативом ед. числа; г) собственно аккузативом на -t (только в сфере личных местоимений — *minu-t* 'меня', *meidä-t* 'нас' и т.д.).

Наиболее общие правила выражения прямого объекта:

1. В утвердительных предложениях употребляются падежи тотального прямого дополнения (номинатив ед. и мн. числа, генитив ед. числа, аккузатив), в отрицательных — партитив: а) противопоставлены аккузатив и партитив (*Tunnen häne-t (heidä-t)* 'Я знаю его (их)' — *En tunne hän-tä (hei-tä)* 'Я не знаю его (их)'); б) противопоставлены генитив ед.ч. и партитив ед.ч., номинатив мн.ч. и партитив мн.ч. (*Hän otti kirja-n (kirja-t)* 'Он взял книгу (книги)' — *Hän ei ottanut kirja-a (kirjo-ja)* 'Он не взял книгу (книги)'); в) противопоставлены номинатив ед. и мн. числа и партитив ед. и мн. числа (*Ota kirja (kirjat)* 'Возьми книгу (книги)' — *Älä ota kirja-a (kirjo-ja)* 'Не бери книгу (книги)'),

2. Объект полного охвата действием выражается падежами тотального прямого дополнения, а частичного охвата действием — партитивом: а) противопоставлены номинатив и партитив (*Tuo guoka ruutään* 'Принеси (всю) пищу на стол' — *Tuo guoka-a* 'Принеси поесть', букв. 'пищи'); б) противопоставлены генитив и партитив ед.ч. (*Metsästäjä ampui linnu-n* 'Охотник застрелил птицу' — *Metsästäjä ampui lintu-a (siipeen)* 'Охотник подстрелил птицу (в крыло)').

3. Видовая совершенность, результативность действия выражается падежами тотального прямого дополнения, а несовершенность, процессуальность действия — партитивом (*Tyttö kirjoitti kirjee-n* 'Девочка написала письмо' — *Tyttö kirjoitti kirjet-tä* 'Девочка писала письмо'). При глагольном сказуемом в форме презенса употребление падежей тотального объекта придает действию значение совершенности, результативности в будущем, а оформление партитивом — значение несовершенности, процессуальности в настоящем времени (*Hän lukee kirja-n* 'Он прочтет книгу' — *Hän lukee kirja-a* 'Он читает книгу').

4. Аналогичное противопоставление падежного оформления в некоторых случаях может использоваться для выражения оттенка значения определен-

ности/неопределенности объекта (ср.: Katsokaa vain kuvat! 'Вы только посмотрите (эти) картины!' — Katsokaa kuvia 'Посмотрите (пока) картины (вообще)!'; Toin veden 'Я принес воду' (т.е. всю или уже известную) — Toin vettä 'Я принес воды' (ср. выше п. 2)).

Определения адекватного типа согласуются с определяемым в числе и падеже: korkea talo 'высокий дом', korkea-ssa talo-ssa 'в высоком доме', korke-i-ssa talo-i-ssa 'в высоких домах' Субстантивные (всегда препозитивные) определения в форме генитива, образующие с определяемым членом генитивные конструкции (isän talo 'дом отца', букв. 'отца дом'), могут объединяться в более сложные генитивные "цепочки", в которых по падежам изменяется лишь конечный член конструкции в зависимости от функции в предложении: Helsingi-n liikennelaitokse-n toimitus johtaja-n virassa 'в должности директора-распорядителя транспортной службы (города) Хельсинки'.

Согласуемые адекватные определения, несогласуемые субстантивные и местоименные генитивные определения и субстантивные определения-приложения (в большинстве случаев) предшествуют определяемому слову, прочие определения являются преимущественно постпозитивными: tässä kauniissa vihertävässä kaupungissa 'в этом красивом цветущем (букв. 'зеленеющем') городе'; Hän sai kirjeen professori Henrik Gabriel Porthanilta 'Он получил письмо от профессор(а) Хенрик(а) Габриэл(я) Портана'; постпозитивные: usko voittoon 'вера в победу' (в иллативе), palanen juustoa 'кусочек сыра' (в партитиве) и т.д.

Порядок следования неопределительных членов предложения считается относительно свободным. Обычный порядок их расположения в повествовательном предложении — прямой: подлежащее (группа подлежащего) + сказуемое + члены предложения, относящиеся к сказуемому. Например: Isä tuli eifen kotiin 'Отец приехал вчера домой'; Hoinen poika / lauloi / heleällä äänellä 'Веселый мальчишка /пел/ звонким голосом'. Член предложения — носитель нового, ранее не упоминавшегося, ставится в конце предложения: Me tapasimme pihalla tytön 'Мы встретили во дворе девочку' (сообщается, кого встретили) — Me tapasimme tytön pihalla 'Мы встретили девочку во дворе' (сообщается, где встретили уже известную девочку). Логически выделяемый член предложения занимает начальную позицию и несет на себе наибольшее ударение: Kotona isä on 'Дома отец (находится)'.

В вопросительных предложениях начальную позицию занимают вопросительные местоимения и наречия или любой член предложения, снабженный вопросительной частицей -ko/-kö: Kuka on kotona? 'Кто (находится) дома?' — Missä isä on? 'Где отец (находится)?' — Onko isä kotona? '(Находится ли) отец дома?' — Kotonako isä on? 'Дома ли отец (находится)?' В побудительных предложениях на первое место обычно ставится глагол-сказуемое в императиве: Vie tämä kirje postiin 'Отнеси это письмо на почту!'.

2.5.4. В Ф.я. широко представлены сложные предложения — сложносочиненные, сложноподчиненные и смешанного типа, которые по связи между составляющими предложениями могут быть союзными и реже — бессоюзными. Придаточное (подчиненное) предложение может начинаться подчинительным союзом, союзным словом (относительные и вопросительные местоимения и наречия) или же словом с вопросительной частицей -ko/-kö и располагаться по отношению к главному предложению в препозиции, постпозиции или интерпозиции Широко используются коррелятивные слова.

Порядок слов в главных и придаточных предложениях не имеет каких-либо принципиальных различий. Нет также особой общей зависимости форм времен и наклонений глагола-сказуемого одного предложения от другого.

Однако если действие главного предложения выражено имперфектом, то предшествующее ему действие придаточного предложения выражается плюсквам-имперфектом, а форма презенса соотносится с перфектом.

2.6.0. В лексике современного Ф.я. трудно разграничить слова, заимствованные еще прибалтийско-финским языком-основой, от слов, воспринятых Ф.я. уже после его обособления от близкородственных или соседствующих языков. Однако несомненно, что источниками второго слоя заимствований являются в основном шведский и русский языки.

Лексика, заимствованная из шведского языка или через шведский, наиболее многочисленна и относится к разным областям понятий и деятельности: 1) родственные и возрастные отношения: *kummi* 'крестный (отец), крестная (мать)', *mutto* 'старушка, бабушка', *tuoi* 'старуха, бабушка', *vaari* 'старик, дед'; 2) предметы домашнего обихода: *kaappi* 'шкаф', *tuoli* 'стул', *sänky* 'кровать', *lakana* 'простыня', *tuupu* 'подушка'; 3) предметы хозяйственного обихода: *kiulu* 'подойник', *kiinu* 'маслобойка, пахталка', *kärgyt* 'телега'; 4) хозяйственные постройки: *kellari* 'погреб', *talli* 'конюшня'; 5) продукты питания: *kinkku* 'ветчина', *korppi* 'сухарь', *sokeri* 'сахар', *viili* 'простокваша'; 6) напитки: *kahvi* 'кофе', *tee* 'чай', *sahti* '(домашнее) пиво'; 7) одежда: *hattu* 'шляпа', *housut* 'брюки', *takki* 'пиджак'; 8) названия животных: *pukki* 'козел', *pässi* 'баран'; 9) названия рыб: *kuutana* 'карась', *siika* 'сиг', *silli* 'селедка'; 10) овощные и зеленые культуры: *kaali* 'капуста', *lanttu* 'брюква', *sipuli* 'лук', *tilli* 'укроп'; 11) орудия труда: *roga* 'бурав, сверло', *sakset* 'ножницы', *viila* 'напильник'; 12) названия металлов: *kupari* 'медь', *lyijy* 'свинец', *nikkeli* 'никель'; 13) из области техники: *akseli* 'ось, вал', *mutteri* 'гайка', *ruuvi* 'винт'; 14) из строительной области: *raggi* 'брус, стропило', *tukki* 'бревно', *uuni* 'печка'; 15) из морской терминологии: *ankkuri* 'якорь', *luotsi* 'лоцман', *masto* 'мачта', *ruuma* 'трюм'; 16) из различных областей общественной жизни и социальной организации: *herra* 'господин', *kaupunki* 'город', *koulu* 'школа', *laki* 'закон', *lääni* 'губерния', *porvari* 'буржуа', *posti* 'почта'; 17) из церковной лексики: *kirkko* 'церковь', *lukkari* 'пономарь', *pastori* 'пастор', *rovasti* 'пробст' и т.д.

Функционирующие в Ф.я. заимствования из древнерусского языка (напр., *lusikka* 'ложка', *läävä* 'хлев', *saapas* 'сапог', *sigrri* 'серп', *rappi* 'священник, поп', *risti* 'крест' и т.д.) оказываются общими для прибалтийско-финских языков. Поэтому заимствованиями периода самостоятельного развития Ф.я. могут считаться лишь вошедшие в него позднее — из русского национального языка.

Заимствований из русского языка в Ф.я. значительно меньше, нежели шведских, и они относятся в основном к XIX — началу XX в. Из русских заимствований советского периода можно указать на такие, как *kolhoosi* 'колхоз', *sovhoosi* 'совхоз'. Более ранние русские заимствования можно разделить на несколько групп, например: 1) общественная жизнь и социальные отношения: *rajari* 'боярин', *rohatta* 'богач', *romo* 'босс, толстосум' (первонач. 'помощник хозяина на лесоразработках'), *toveri* 'товарищ', *rosvo* 'разбойник', *voro* 'вор', *karakka* 'кабак', *putka* 'булка, кутузка', *tyrmä* 'тюрьма'; 2) предметы домашнего обихода, одежды: *kasari* 'кастрюля', *sarkka* 'чарка', *kauhtana* 'кафтан'; 3) водный и гужевой транспорт: *kanava* 'канал', *majakka* 'маяк', *issikka* 'извозчик, возница', *rospuuto* 'распутица'; 4) меры стоимости, веса: *korеекка* 'копейка', *rupla* 'рубли', *ruuta* 'пуд'; 5) слова оценочного значения: *rotta* 'бравый, бодрый' (диал. 'красивый'), *siisti* 'опрятный, чистый'; 6) прочие слова: *kasku* 'сказка, анекдот', *porkkana* 'морковь', *rusakko* 'заяц-русак', *russakka* 'прусак (таракан)', *simrukka* 'ракушка' (ср. рус. 'жемчуг'), *tarina* 'ле-

генда, предание' (ср. рус. 'старина'), *tolkku* 'толк', *torakka* 'таракан', *viesti* 'весть, известие' и др.

2.7.0. В Ф.я. традиционно выделяются семь диалектов.

Юго-западный (собственно финский) диалект, восходящий к языку древнего племени собственно финнов — суоми, распространен к сев.-западу и востоку от г. Турку и имеет много черт, сближающих его с эстонским языком. Его основные особенности — краткоударность, рубящий ритм и своеобразная мелодика диалектной речи. В результате фонетических процессов (выпадение и отпадение гласных, сокращение их длительности, отпадение некоторых согласных и др.), обусловленных в определенных позициях своеобразием ударения, состав многих диалектных словоформ по сравнению с литературными, как правило, сокращен; ср.: *kartnost* — лит. *kartancsta* 'из усадьбы', *pitk* — лит. *pitkä* 'длинный', *jumal* — лит. *jumala* 'бог'. *hevope* — лит. *hevonen* 'лошадь', *tapleva* — лит. *tappelevat* 'дерутся', *seiprä* — лит. *seiprät* 'колья', *aikka* — лит. *aikaa* 'времени' (партитив), [*kalä*] — лит. *kala* 'рыба' и др. Основные морфологические особенности: а) инессив с одиночным -s или -sa/-sä; ср. *maas* — лит. *maassa* 'в земле', *täsä* — лит. *tässä* 'здесь'; б) иллатив и имперфект типа эстонских: *mettässe* — лит. *metsään* 'в лес', *talosse* — лит. *taloon* 'в дом', ср. эст. *majasse* 'в дом'; *istusin* — лит. *istuin*, ср. эст. *istusin* 'я сидел'.

Емьский диалект (хяме) распространен северо-восточнее собств. фин. диалекта. Его наиболее типичные особенности: а) употребление l на месте чередующегося литературного d и на месте лит. t в сочетаниях tv, tj; ср.: *lehlet* — лит. *lehdet* 'листья', *lalva* — лит. *latva* 'верхушка', *viljat* — лит. *vitjat* 'цепочка'. В говорах на месте чередующегося лит. d все более широко употребляется также r: *lehret* — лит. *lehdet*; б) лит. ts соответствует нечередующееся диал. tt; ср. *mettä* — *mettän* и лит. *metsä* 'лес' — *metsän* 'леса' (ген.); в) в отличие от литературного языка употребление более открытых дифтонгов ua, ia/iä, yä [üä] (вм. лит. uo, ie, yö); *nuari* 'молодой', *viaras* 'гость', [t]üä 'работа'; ср. лит. *nuori*, *viaras*, *työ*; г) отсутствие i-овых дифтонгов в безударной позиции — во 2-м слог: *annop*, *annot*, *anto* 'я, ты, он дал'; ср. лит. *annoin*, *annoit*, *antoi*; е) употребление долгих гласных вместо литературных сочетаний гласных: [*korke*] 'высокий', [*pelto*] '(нет) поля', ср. лит. *korkea*, *peltoa*.

Южноботнический диалект распространен к сев.-зап. от емьского диалекта. Наиболее существенные особенности: а) краткий главноударный и долгие безударные слоги: [*jalät*] — лит. *jalat* 'ноги' (мн. ч.), [*talö*] — лит. *talo* 'дом'; б) на месте лит. d и на месте t в лит. сочетаниях tv, tj выступает диал. r: *ragat* — лит. *radat* 'горшки', *larva* — лит. *latva* 'верхушка', *ratija* — лит. *ratja* 'матрац'; в) сохранение старого интервокального h, следующего за гласным безударного слога: *rakkahus* — лит. *rakkaus* 'любовь', *nälkähinen* — лит. *nälkäinen* 'голодный'; г) долгие гласные вместо лит. i-овых дифтонгов безударного слога: [*runänen*] — лит. *runainen* 'красный'; д) литературным конечным сочетаниям гласных oa, öä, ea, eä соответствуют диал. ua, yä [uä], ia, iä: *sanua* — лит. *saпoa* 'сказать', [*lähtüä*] — лит. *lähtöä* '(нет) отправления', *korkia* — лит. *korkea* 'высокий', *lähtia* — лит. *lähteä* 'отправляться'; е) наличие промежуточных слогообразующих гласных: *jalaka* — лит. *jalka* 'нога', *lehemä* — лит. *lehmä* 'корова'; ж) вместо старых конечных номинативных -h и -k выступают диал. -s и -t: *venes* (< *veneh*) — лит. *vene* 'лодка', *kastet* (< *kastek*) — лит. *kaste* 'роса'; з) инессивные формы на -s, а в лично-притяжательных формах и у некоторых местоимений — на

-hna/-hnä: pääs — лит. päässä 'в голове', päännäni — лит. päässäni 'в моей голове, mihnä — лит. missä 'где'.

Средне- и северо-ботнический диалект распространен широкой полосой вдоль побережья Ботнического залива севернее южноботнического диалекта. Его основные особенности: а) широкое распространение промежуточных слогаобразующих гласных: jalaka — лит. jalka 'нога', [külümä] — лит. kylmä 'холодный'; б) вместо лит. сочетаний гласных конечных слогов слова ea, eä, oa, öä в диал. — ija, ijä, ua, yä [üä]: korkija — лит. korkea 'высокий', hirviä — лит. hirveä 'ужасный', sanua — лит. sanoa 'сказать', [tüküä] — лит. послелог tüköä 'от'; в) специфическое чередование t/j вместо лит. t/d: kajulla — лит. kadulla 'на улице' (при katu 'улица'); г) инессив оформлен суффиксом -sa/-sä вместо лит. -ssa/-ssä: sojasa — лит. sodassa 'на войне', täsä paikasa — лит. tässä paikassa 'в этом месте'.

Северный диалект распространен на обширной территории Северной Финляндии. Его наиболее характерные черты: а) сохранение интервокального h (в разных говорах — в различном фонетическом окружении); ср. в говорах Кемиярви: lamrahat — лит. lamraat 'овцы' (мн. ч.), talohon — лит. taloon 'в дом'; ср. также в говорах Кеми: lamphat, talhon и в говорах Торнио: [lamphät], [talhön]; б) общая геминия согласных типа [mennē] — лит. menee '(он) идет, уходит', [tullē] — лит. tulee '(он) идет, приходит'. По ряду фонетических и морфологических особенностей этот диалект близок к ботническому, емьскому и савоскому диалектам.

Савоский диалект, составляющий основу восточного наречия Ф.я., распространен на обширной территории внутренней Финляндии вдоль восточной границы с Российской Федерацией. Его важнейшие особенности: а) дифтонги ua, iä или (в периферийных говорах) oa, eä вместо литературных долгих гласных первого слога aa, ää: ma, moa — лит. ma 'земля', piä, peä — лит. pää 'голова'; долгие гласные [ō, ē] или (в периферийных говорах) сочетания гласных oa, eä вместо литературных долгих гласных aa, ää в непрерывных слогах: [ruokō], guokoa — лит. guokaa '(нет) пищи', [leipē], leipeä — лит. leipää '(нет) хлеба'; б) вместо лит. d наблюдается выпадение, а в определенных случаях — v, j или h: raan — лит. raan 'горшка' (ген. ед. ч.); soan, suan, sovan — лит. sodan 'войны' (ген. ед. ч.), käen, käjen — лит. käden 'руки' (ген. ед. ч.), suaha, soaha — лит. saada 'получать'; в) литературному ts соответствует ht, чередующееся обычно с t (mehtä 'лес' — metässä 'в лесу') или с h (mehässä). В отдельных говорах на месте лит. ts — чередование ss/s: messä 'лес' — mesän 'леса' (ген.); г) геминированные согласные в позиции между кратким ударным и долгим безударным гласными: [kallä], [kallö] — лит. kalaa '(нет) рыбы', [tullö] — лит. tulee '(он) идет, приходит', [kättēn] — лит. käteen 'в руку'.

Юго-восточный диалект распространен узкой полосой вдоль юго-вост. границы Финляндии. Его основные особенности: а) общая геминия согласных [tullö] — лит. tulee '(он) приходит', [kättē] — лит. käteen 'в руку'; б) своеобразное стечение согласных на границе первого и второго слогов, если последний начинается с согласного l, r, v: kakla — лит. kaula 'шея', atra — лит. aura 'плуг', диал. и лит. latva 'верхушка' (в зап. диалектах laiva, larva); в) сочетание sk подвержено чередованию (sk/s): poset — лит. posket (ном. мн. ч.) — poski 'щека'; г) формы I инфинитива на -ha/-hä: saaha, soaha — лит. saada 'получать'; д) окончание 3-го лица ед. ч. — -p: juop — лит. juo '(он) пьет', saap, soap — лит. saa '(он) получает'; е) суффикс мн. ч. косвенных падежей -loi/-löi-, характерный также для карельского языка: talo-

loissa — лит. taloissa 'в домах', [tüttölöil] — лит. tytöille 'девочкам'; ж) личные местоимения карельского типа: [müö] 'мы', [tüö] 'вы', [hüö] 'они'; ср. лит. me, te, he; з) падение конечных -а, -ä в некоторых падежных формах. Например, инессив: maas — лит. maassa 'в земле'; элатив: [külästä] — лит. kylästä 'из деревни'; адессив: tiel — лит. tiellä 'на дороге'; эссив: [ühten süksün] — лит. yhtenä syksynä 'однажды осенью', букв. 'одной осенью'.

ЛИТЕРАТУРА

Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка: Фонетика и морфология. М., 1953. Ч. I. Лексикология и синтаксис. М. 1955. Ч. II.

Itkonen E. Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historiantutkimuksen alalta. Tietoliipas. Helsinki, 1966. 20.

Rapola M. Suomen kirjakielen historia. Helsinki, 1946. I.

Rapola M. Johdatus suomen murteisiin. Tietoliipas. Helsinki, 1947. 4.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955. I—VI (Этимологический словарь финского языка).

Suomen kielen käsikirja. Toim. O. Ikola. Helsinki, 1968.

ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК*

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Название Aesti(i) встречается уже у Тацита (в 98 г. н.э.), но неясно, относилось ли оно к древним прибалтийско-финским племенам или к древним балтийцам). В конце I тыс. н.э. так называли предков эстонцев соседи, жившие к западу от современной Эстонии. Эстонцы называли себя maarahvas букв. 'народ земли', а свой язык — maakeel букв. 'язык земли'. Со второй половины XIX в. получило распространение самоназвание eestlased 'эстонцы' и соответственно eesti keel 'эстонский язык'. В древнерусских летописях эстонцы, как и другие прибалтийско-финские племена, именуется чюдью. Финны называют эстонцев virolaiset, латыши — igauni. Иноязычные соответствия названия эстонского языка: фин. viro, латыш. igauņu (valoda), нем. Estnisch, англ. Estonian.

1.1.2. Эстонский язык (Э.я.) принадлежит к прибалтийско-финской ветви финно-угорской подсемьи уральской языковой семьи. Вместе с ливским и водским языками Э.я. образует южную подгруппу прибалтийско-финских языков.

1.1.3. Э.я. употребляется преимущественно на территории Эстонии. По данным переписи 1989 года, в Эстонии живет 968,3 тыс. эстонцев, на другой территории бывшего СССР — 67 тыс. Из них Э.я. родным считают 972 тыс. чел. Эстонцы живут также в Швеции (18 тыс.), США (15 тыс.), Канаде (18 тыс.), Австралии (7 тыс.), Великобритании (2 тыс.), ФРГ (1,5 тыс.) и других странах.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Существуют три основных диалектных ареала, образовавшихся на основе древних племенных групп: северо-восточный прибрежный диалект, североэстонские диалекты и южноэстонские диалекты. Всего выделяется восемь существенно отличающихся друг от друга диалектов, распадающихся на множество местных говоров.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. В Эстонии Э.я. является государственным языком и языком внутринационального общения. Эстонцы, проживающие за рубежом, двуязычны.

* Статья подготовлена коллективом авторов.

1.3.2. Еще в XVI в. использовались два письменных языка — североэстонский и южноэстонский. В XIX в. произошел окончательный переход на единый письменно-литературный язык, сформировавшийся на базе средне-северного диалекта. Начиная со второй половины XIX в. литературный язык постепенно унифицировался. Литературный Э.я. функционирует как язык народного образования, общественно-политической жизни, науки, средств массовой информации, кино, театра, художественной литературы.

Национальный эпос "Калевипоэг" (сер. XIX в.) создан Ф.Р. Крейцвальдом на основе фольклорных материалов.

1.3.3. Э.я. — язык обучения в школах и вузах Эстонии. Предполагается и изучается Э.я. также в финно-угроведческих научных центрах за пределами Эстонии, например в С.-Петербурге, Москве, Петрозаводске, Хельсинки, Турку, Оулу, Ювяскюла, Тампере, Гёттингене, Гамбурге, Лунде, Упсале, Париже и др.

1.4.0. Письменность формировалась на основе латинского алфавита, дополненного некоторыми диакритиками: гласными õ, ä, ö, ü; согласными š, ž, которые встречаются в иностранных словах. Долгие звуки в большинстве случаев обозначаются удвоением букв.

1.5.0. Первые записи на Э.я., главным образом отдельные слова и топонимы, относятся к XIII в. Первая частично сохранившаяся книга на Э.я. датируется 1535 годом. Научная периодизация истории Э.я. не разработана.

1.6.0. Внешнеязыковые факторы оказали влияние в основном на лексику Э.я. (см. 2.6.0.), но в отдельных случаях и на его грамматику. Большая часть системы слитных глаголов формировалась под воздействием немецкого языка. Согласование адъективного определения с определяемым одни исследователи объясняют влиянием балтийских или германских языков, другие же считают результатом самостоятельного развития прибалтийско-финских языков.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. В фонологической системе Э.я. относительно хорошо сохранилась прафинно-угорская система гласных; инновациями являются гласные õ [e]* и ö. В системе согласных существенны изменения: утрата древних согласных *η и *δ, утрата древней палатализации согласных и появление вторичной палатализации, звукоизменение š > h, а позднее появление вторичного š в иностранных словах, появление согласного f и т.д.

По многим соображениям долгие гласные приходится считать сочетаниями двух идентичных фонем: лит. ген. keele [kēle] 'языка'. Такими сочетаниями могут выступать все гласные.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний		задний	
	иллабиальные	лабиальные	иллабиальные	лабиальные
Верхний	i	ü		u
Средний	e	ö	õ [e]	o
Нижний	ä		a	

*В квадратных скобках даются формы в финно-угорской фонетической транскрипции, в косых скобках — формы в эстонской фонологической транскрипции.

Вопрос о том, является ли õ [e] гласным среднего или верхнего подъема, остается открытым. Во всяком случае, эстонский õ сильно отличается от русского ы [i].

О дифтонгах см. 2.1.3.

Согласные

По способу образования		По месту образования						
		билабиальные	лабиодентальные	переднеязычные		палатальные	велярные	оральноларингальные
				непалатализованные	палатализованные			
Шумные	смычные фрикативные	p	f v	t s	{ š	š	k	h
Сонорные	назальные латеральные вibrанты глайды	m		n l r	ñ i'		(ŋ)	
						j		

Фонемы /š/ и /f/ встречаются в иностранных словах, но /ff/ часто слышится также в исконных эстонских словах вместо /hv/: /rahvas ~ raffas/ 'люди'. Согласные, в общем, могут выступать долгими, т.е. фонологическими геминатами: kadus /katus/ 'исчез', ср. katus /kattus/ 'крыша'. Согласный l значительно "светлее" русского л.

Палатализация — в отличие от русского языка — главным образом реализуется в начальной части согласного или сочетания согласных.

Одиночные смычные, сибиланты и h имеют аллофоны двух типов. В абсолютном начале и в соседстве с глухими согласными они произносятся сильно (fortes) и без всякой звонкости: [p, t, k] и т.д.; в других позициях они произносятся слабо (lenes) и могут быть (частично) звонкими [B, D, G] и т.д.; ср.: kotkas /kotkas/ [kõtkkaZ] 'орел' и sada /sata/ [saDà] 'сто'. После глухого согласного в конце слова назальные, латеральные, vibrанты и v могут произноситься как глухими [lehm], так и звонкими [lehm̩] 'корова'.

2.1.2. В Э.я. при ударении главную роль играют интенсивность произношения и резкое изменение высоты основного тона, но не протяженность звучания. Главное ударение в основном падает на первый слог, за исключением иностранных слов (medika'ment 'медикамент'), междометий (hur'raal 'ура!') и некоторых других слов (ai'tän 'спасибо').

Некоторые слова обычно произносятся без ударения: ma 'я', sa 'ты', või 'или'.

Долгие слоги могут иметь или не иметь слоговый акцент /'/, часто называемый третьей, сверхдолгой степенью долготы (см. 2.1.4).

2.1.3. В начале слова сочетания двух согласных встречаются только в заимствованных, например trükkima 'печатать', и в дескриптивно-ономатопозитических словах, например praksuma 'трещать'. В единичных заимствованиях встречаются начальные сочетания трех согласных: streik 'забастовка'. Из дифтонгов в первом слоге слова используются: /üi ui ei oi ai äi õi õi/, /iu

(eu) ou au äu õu/, /oe ae äe õe õe/, /eo ao äo õo/, /ea oa õa õa/. Дифтонги на е, о, а встречаются только в акцентированных слогах (см. 2.1.4.). В исконных эстонских словах в первых слогах встречаются только дифтонги с конечным компонентом на i: /ai ei ui/. В первых слогах не выступают — за исключением иностранных слов — гласные /o õ ä õ ü/ и долгие гласные.

2.1.4. Слог внутри слова в большинстве случаев начинается одним согласным: gas-kus-test-ki 'даже о трудностях'. Исключения встречаются в особенности в иностранных словах: a-te-ist 'атеист'.

Слоги бывают краткими и долгими. Пример кратких слогов: kü-si-te-lu-de-ga-gi 'даже расспрашиваниями'. Долгота слога может зависеть от долгого вокального элемента в ядре слога, например в первом слоге слов saa-da /saata/ 'посылай', lau-da /lauta/ 'слева (ген.)', или же от согласного элемента в конце слога, например pal-gi /pal'ki/ 'бревна́ (ген.)', katus [kat-tuz] /kattus/ 'крыша'.

Долгие слоги могут быть неакцентированными (т.н. вторая степень долготы слога), см. примеры в предыдущем абзаце, или же акцентированными (т.н. третья степень долготы слога), например: saa-da/'saata/ 'получить', lau-da/'lauta/ 'за стол (илл.)', pall-gi/'pal'ki/ 'даже мяч', kat-tus/'kattus/ 'покрылся'. Акцент относится к целому слогу или даже связан с последовательностью двух слогов. Об оппозиции кратких, долгих и сверхдолгих звуков можно говорить только в случае самых простых фонологических структур: /sata/ [saDà], /saata/ [sãDa], /šaata/ [šãDa]; /katus/ [kaDùZ], /kattus/ [kattuZ] /'kattus/ [ka'ttuZ]. При более сложных структурах, как, например, kompsu /'kompsu/ 'узла (парт.)', ср. неакцентированное kompsu /kompsu/ 'узла (ген.)', в акцентированном слоге ни одного отдельного сверхдолгого звука нет, но тем не менее один звук может иметь в известном смысле маркированное произношение, ср. полудолгое [p̃] в /'kompsu/ [kompsu], краткое [p̄] в неакцентированном /kompsu/ [kom̄psu]. Акцент в Э.я. — это комплексное явление, объединяющее долготу слога, соотношение долготы слога с долготой следующего слога, интенсивность произношения отдельных звуков, резкость контакта между звуками, слоговую и словесную интонацию.

Между гласными первого и второго слогов может быть четыре, в одном единичном случае пять согласных: /'prantsti/ 'трах!, бух', /'kunstliku/ 'искусственного (ген.)', /'raavstliku/ 'папского (ген.)', /'vintsklema/ 'метаться, извиваться'.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Непроизводные основы в Э.я. в основном двусложны. Границы морфемы и слога часто совпадают в первых слогах. Более длинные словоформы включают в себя несколько слово- и формообразующих суффиксов: ko-ge-ne-ma-tu-ma-te-le-gi 'и даже более неопытным (апл. мн. ч.)'. Большинство словоформ состоит из 1—3 слогов. Более чем 7-сложные словоформы уже весьма редки (если не учитывать сложные слова).

2.2.2. О фонологическом противополжении корневых и суффиксальных морфем в Э.я. можно говорить только в том смысле, что в последних гласный звук может отсутствовать, например maja-lt 'от дома (абл.)'. Знаменательные слова, в общем, имеют словесное ударение (встречаются исключения, например короткие формы личных местоимений: ma 'я', sa 'ты' и т.д.), а служебные слова в большинстве случаев являются безударными или слабуударными (встречаются исключения, например в случае вспомогательных наречий в составе слитных глаголов: ma 'tuleksin linnast "ära 'я ушел бы из города', где вспомогательное наречие ära несет сильное ударение.

2.2.3. В Э.я. имеются неизменяемые основы, например: *või* 'масло', *käga* 'шум', *riiga* 'девушка', *aasta* 'год', *tagala* 'тыл', *elama* 'жить', *kanduma* 'носиться', и такие же словообразовательные и словоизменительные суффиксы. Но, в общем, корневые морфемы, а также некоторые суффиксы характеризуются большой вариантностью.

Центральным типом внутренней флексии является чередование ступеней согласных, сильной и слабой, реализующееся при словоизменении и деривационных процессах. Чередование ступеней по происхождению было чисто фонетическим явлением (слабая ступень сформировалась в словоформах с вторым закрытым слогом), которое при изменении обуславливающих факторов фонологизировалось и частично морфологизировалось-лексикализировалось. Ослабевающее качественное чередование смычных значительно утратило свою продуктивность, другие типы чередования ступеней продуктивны. В словоизменении при ослабевающем чередовании основа партитива и номинатива имен и *da*-инфинитива глаголов выступает в сильной ступени, а основа генитива и презенса индикатива — в слабой ступени: *sepp* 'кузнец', ген. *sepa*, парт. *sepra*; *õppida* 'учиться', презенс *õpin* 'учусь'. При усиливающемся чередовании соотношение ступеней противоположное: *hüpe* 'прыжок', ген. *hüpre*, парт. *hüpet*, *hüpata* 'прыгать', презенс *hürran* 'прыгаю'. По материальному выражению встречаются разные типы чередования ступеней. При качественном чередовании в слабой ступени начальный согласный (смычный) второго слога или утрачен (*pidada* 'держат', презенс *pean* 'держу'; *tuba* 'комната', ген. *toa*, парт. *tuba*; *jalg* 'нога', ген. *jala*, парт. *jalga*; *täht* 'звезда', ген. *tähe*, парт. *tähte*; *alata* 'начинать', презенс *algan* 'начинаю'), или ассимилирован предшествующим сонорным (*kord* 'раз', ген. *korra*, парт. *korda*; *kolle* 'очаг', ген. *kolde*, парт. *kollet*; *korrata* 'повторять', презенс *kordan* 'повторяю'), или заменен другим согласным, чаще *v* или *j* (*tõbi* 'болезнь', ген. *tõve*, парт. *tõbe*; *märg* 'мокрый', ген. *märja*; парт. *märja*, *sadada* 'идти (дождь)', презенс *sajab* 'идет (дождь)'). В словах, где в первом слоге выступает долгий гласный, дифтонг или следующий за гласным сонорный, встречается количественное чередование геминат (смычных и *ss*): в сильной ступени — акцентированный первый слог + гемината на границе слогов, а в слабой — неакцентированный первый слог + одиночный согласный в начале следующего слога (*toor* 'штоф', ген. *toobi*, парт. *toori*; *nurk* 'угол', ген. *nurga*, парт. *nurka*; *poiss* 'мальчик', ген. *poisi*, парт. *poissi*; *saade* 'передача', ген. *saate*, парт. *saadet*). При акцентном чередовании ступеней в сильной ступени первый слог акцентирован (так называемая III степень долготы), а в слабой неакцентирован (II степень долготы), причем сегментный фонологический состав основ не применяется: *patt* 'грех' (III), ген. *patu* (II), парт. *pattu* (III); *kass* 'кошка' (III), ген. *kassi* (II), парт. *kassi* (III); *maks* 'плата' (III), ген. *maksu* (II), парт. *maksu* (III); *komps* 'узел' (III), ген. *kompsu* (II), парт. *kompsu* (III); *gaam* 'рама' (III), ген. *gaami* (II), парт. *gaami* (III); *laul* 'песня' (III), ген. *lauu* (II), парт. *lauu* (III); *hüpata* 'прыгать' (II) — *hürran* 'прыгаю' (III).

Те же чередования в корне выступают при изменении прилагательных по степеням сравнения (*halb* 'плохой', *halvem*, *halvim*) и при словообразовании (*patt(u)* 'грех', ср. *patustama* 'грешить').

Некоторые примеры других морфонологических чередований: апокопа конечного гласного основы в номинативе ед. числа большинства имен с двухсложной основой и с долгим первым слогом (*sepp* 'кузнец', ср. ген. *sepa*), а также многих имен с трехсложной основой (*mada* 'низкий', ген. *madala*); синкопа гласного второго слога при словоизменении многих слов с долгим

первым слогом (ген. *pumbri*, ном. *pumber* 'номер'; инфинитив *maksma* 'платить', презенс *maksan* 'плачу'); чередование основы на гласный с основой на согласный при присоединении к основе словоизменятельных суффиксов (*tuli* 'огонь', *poog* 'молодой', инесс. *tule-s*, *pooge-s*, парт. *tul-d*, *poog-t*, презенс *rese-n* 'мою', инфинитив *res-ta* 'мыть'); чередование а/е в конце многих двусложных основ при присоединении некоторых словоизменятельных и словообразовательных суффиксов (*ostma* 'купить', презенс *osta-n* 'куплю', *oste-tud* 'купленный'; *kõva* 'крепкий', *kõvem* 'крепче', ср. также *kõvenema* 'крепнуть'); чередование *i* (в номинативе) /*e* (в других падежах) в конце нескольких десятков двусложных именных основ (*nimi* 'имя', ген., парт. *nime*; *lagi* 'потолок', ген. *lae*, парт. *lage*); чередование *ne/s(e)* в конце многих многосложных именных основ (*paine* 'женщина', *inimene* 'человек', ген. *paise*, *inimese*, парт. *paist*, *inimest*) и многие другие.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Э.я. в основном агглютинативный, однако в нем весьма силен и флектирующий компонент и в какой-то мере используются также аналитические морфологические формы.

Большинство морфологических форм образуется путем агглютинации, при помощи добавления суффиксов в определенном порядке к неизменяемой или флектирующей основе: *ema-de-le* (основа + показатель мн. числа *-de* + окончание аллатива *-le*) 'матерям'; *loe-t-i* (слабоступенная флектирующая глагольная основа + неопределенно-личный показатель *-t-* + показатель прошедшего времени *-i*) 'читали'.

Более чем в половине морфологических типов основные формы парадигмы выражаются с помощью разных вариантов основ (см. 2.2.3.).

О соотношении синтетических и аналитических форм в утвердительных и отрицательных парадигмах глагола и в формах превосходной степени прилагательных и наречий см. 2.4.0.

2.3.1. Основные части речи в Э.я. относительно хорошо разграничены преимущественно различными системами словоизменения. Глаголы практически однозначно определены спряжением. Имена характеризуются, несмотря на отдельные исключения, склонением. Среди имен большинству имен прилагательных свойственны степени сравнения. По степеням сравнения изменяется также большая часть наречий. В существенной мере принадлежность слов к той или иной части определена развернутой системой словообразующих суффиксов. С синтаксической точки зрения формы в функции сказуемого однозначно указывают на глагол — в противоположность всем другим частям речи. Согласующееся определение однозначно указывает на имя прилагательное, порядковое числительное либо тот или иной разряд местоимений. В части служебных слов определенную роль играют семантические критерии.

Среди других имя существительное и прилагательное имеют определенные точки соприкосновения: *haige laps* 'больной ребенок' и *haige* 'больной'.

Из универсальных грамматических значений в Э.я. категориальное выражение получили: число, "падежность", лицо, время, наклонение (модальность), определено-личное/неопределенно-личное (неличное) противопоставление у глагола, степени сравнения.

2.3.2. В Э.я. отсутствует грамматический род. В литературном Э.я. личность/неличность противопоставляются только в сфере вопросительных местоимений: к одушевленным предметам, в особенности людям, относится вопрос *kes?* 'кто?', к остальным — *mis?* 'что?'.

2.3.3. Грамматическое число выражается оппозицией форм ед. и мн. числа, реализуемой у имен, местоимений и глагола. Некоторые слова имеют только форму мн. числа (*leetrid* 'корь', *rõuged* 'оспа', *püksid* 'штаны', *käärid* 'ножницы', *jõulud* 'рождество' и др.). У имен маркировано лишь мн. число (ед. число имеет нулевое оформление). В глагольных формах на число указывают личные окончания.

2.3.4. Падежные значения выражаются при помощи 14 падежных форм; ими обозначаются: подлежащее (номинатив, реже партитив), тотальное дополнение (номинатив ед. и мн. числа, генитив ед. числа), парциальное дополнение (партитив), местонахождение внутри или вне чего-либо (локативные, лативные и аблативные значения), орудийность, совместность, отсутствие и др. Кроме того, падежные значения выражаются также многочисленными послелогами и (реже) предлогами.

Посессивность в современном Э.я. не имеет категориального выражения (только в диалектах и народных песнях обнаруживаются следы посессивных суффиксов). Она передается постановкой определений в форму генитива: *minu maja* 'мой дом', *oma maja* 'свой дом' и т.д.

2.3.5. В Э.я. нет грамматической категории вида. Значение совершенности действия выражается с помощью тотального объекта и перфективных наречий (*loep gaamatu läbi* 'прочту книгу'). Категория залога в прямом смысле этого слова также отсутствует; формы, часто называемые пассивными, на самом деле являются неопределенно-личными образованиями (см. 2.3.6). Тем не менее имеются зачатки персонального пассива в сложных прошедших временах.

Каузативность и возвратность передаются словообразовательными суффиксами: *õõtsu-ta-ma* 'качать', *väsi-ta-ma* 'утомлять', *kanduma* 'носиться' (ср. *kandma* 'носить'). Возвратность можно выразить и с помощью местоимения *enda/enese* 'себя' (*imetleb ennast* 'любуется собой'), взаимность — с помощью местоимений *teineteise* 'друг друга' и *üksteise* 'один другого'. Единые грамматические средства для выражения переходности/непереходности отсутствуют.

Модальность категориально выражается формами четырех наклонений: немаркированного изъявительного (индикатива), повелительного (императива), сослагательного (кондиционала) и предположительного (*modus obliquus*). По значению предположительное наклонение отличается от остальных опосредованным (косвенным) способом сообщения, передаваемого также формой 3 л. императива: *sa elagu siin* 'скажут, что тебе положено жить (букв. 'пусть живет') здесь'. Модальность, кроме того, выражается специальными глаголами (*pidama* 'быть должным', *päima* 'казаться' и др.) и модальными частицами.

2.3.6. Грамматическое лицо — по трехчленной системе в ед. и во мн. числах — выражается с помощью личных местоимений и личных окончаний глагола. Имя существительное по лицам не изменяется.

Оппозиция определенности/неопределенности в четко выраженном виде Э.я. не свойственна, однако в просторечии неопределенное местоимение *üks* 'некий' (из числительного *üks* 'один') имеет функцию неопределенного артикля, а указательное местоимение *see* 'этот, тот' — определенного артикля (*üks mees / see mees* 'некий мужчина / этот мужчина'). Выражение определенности/неопределенности в известной мере реализуется и противопоставлением личных (определенно-личных) и неопределенно-личных форм глагола,

называемых имперсональными, поскольку эти формы по лицам не изменяются; ср. *eta-ta-kse* (основа глагола + признак неопределенности лица субъекта + показатель неопределенно-личного настоящего времени) 'живут', *sõõ-d-i 'ели'*, *lõhu-ta-kse* 'рубят (дрова)' (см. также 2.5.1.). О противопоставлении определенности/неопределенности субъекта и объекта см. 2.5.3.

Время выражается категориально оппозицией формы настоящего (презенса) и трех форм прошедшего времени. Будущее действие (состояние) передается с помощью форм настоящего времени (в повелительном наклонении, кроме того, и с помощью формы прошедшего времени: *ol-gu loe-tud* 'пусть будет прочитано'). Одновременность действия (состояния) передается герундием на *-des*, предшествующее действие формами причастий прошедшего времени; для обозначения будущего действия или намерения служит транслатив инфинитива на *-ma* (*õppi-maks* 'чтобы учиться').

Ориентация в пространстве передается посредством указательных местоимений *see* 'этот' ('ближе, этот здесь') и *too* 'тот' ('дальше, тот там'), причем *see* может быть и универсальным. Ее выражают также наречия *siia* 'сюда', *siin* 'здесь', *siit* 'отсюда', *sinna* 'туда', *seal* 'там', *sealt* 'оттуда' и т.д., а также локальные падежи и послелог, соотнесенные по направлениям (где-л., куда-л., откуда-л.). Анафорическими средствами служат прежде всего указательные местоимения (*see* и *need*) и посессивное местоимение *oma* 'свой' (*need on minu oma-d* 'эти — мои').

Отрицание выражается с помощью отрицательного слова *ei*: *ei eia* 'не живу', *ei elaks* 'не жил бы'; в повелительном наклонении для выражения отрицания используется частично спрягаемый глагол отрицания: *äga eia* 'не живи', *äрге elage* 'не живите', *ärgu elagu* 'пусть не живет, пусть не живут'.

2.3.7. В Э.я. выделяются следующие части речи: а) знаменательные: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие; б) служебные: часть наречий (перфективные наречия, наречия в составе составных глаголов), модальные слова, пред- и послелог, союзы; в) междометия.

Имя существительное характеризуют категории числа и падежа, очень редко — возможность выделения степеней сравнения; имя прилагательное — категории числа, падежа и степеней сравнения; имя числительное — категории числа и падежа; местоимение — категории числа и падежа с различными ограничениями; глагол — категории лица, числа, времени, наклонения, залога (см. 2.3.5) и отрицания; наречие — (частично) категория степеней сравнения; большая часть наречий и послелогов образует трехчленные парадигмы местных падежей, например: *juur-de* 'к', *juure-s* 'у, при', *juure-st* 'от' (иллатив, инессив, элатив); *kõrva-le* 'к (рядом)', *kõrva-l* 'рядом', *kõrva-lt* 'от (рядом)' (аллатив, адессив, аблатив).

Служебные слова не изменяются.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена
Склонение имен существительных

Падежи	Неизменяемые основы: aasta 'год'		Флектирующие основы: mägi 'гора'	
	Ед. ч. (= <i>θ</i>)	Мн. ч. (-d, -de, -te, -i-)	Ед. ч. (= <i>θ</i>)	Мн. ч. (-d, -de, -te, -i-)
Номинатив	aasta	aasta-d	mägi	mäe-d
Генитив	aasta	aasta-te	mäe	mäge-de
Партитив	aasta-t	aasta-i-d	mäge	mäge-sid
Инессив	aasta-s	aasta-te-s aasta-i-s	mäe-s	mäge-de-s
Элатив	aasta-st	aasta-te-st aasta-i-st	mäe-st	mäge-de-st
Иллатив	aasta-sse	aasta-te-sse aasta-i-sse	(mäe-sse) mäkke	mäge-de-sse
Адессив	aasta-l	aasta-te-l aasta-i-l	mäe-l	mäge-de-l
Аблатив	aasta-lt	aasta-te-lt aasta-i-lt	mäe-lt	mäge-de-lt
Аллатив	aasta-le	aasta-te-le aasta-i-le	mäe-le	mäge-de-le
Абессив	aasta-ta	aasta-te-ta	mäe-ta	mäge-de-ta
Эссив	aasta-na	aasta-te-na aasta-i-na	mäe-na	mäge-de-na
Терминатив	aasta-ni	aasta-te-ni	mäe-ni	mäge-de-ni
Транслатив	aasta-ks	aasta-te-ks aasta-i-ks	mäe-ks	mäge-de-ks
Комитатив	aasta-ga	aasta-te-ga	mäe-ga	mäge-de-ga

Имена прилагательные склоняются так же, как существительные.

Сравнительная степень прилагательных (а также причастий) образуется соединением форманта -m к основе генитива ед. числа: julge 'храбрый' — julge-m 'более храбрый', sinine 'синий' — sinise-m, loetav 'читаемый' — loeta-va-m. Превосходная степень образуется аналитически при помощи слова kõige 'самый' и формы сравнительной степени: kõige julgem 'самый храбрый'. От некоторых групп прилагательных возможна и синтетическая форма с показателем -im: sinisc-im 'самый синий', halv-im 'самый плохой'. Можно говорить и о компарации наречий: julge-sti 'смело', julge-mini, прев. ст. kõige julge-mini или julge-imini.

Простые числительные склоняются по общим типам склонения. У составных количественных числительных в номинативе, генитиве и партитиве склоняются все компоненты, в остальных изменяется только последний компонент, а все другие остаются в форме генитива. У составных порядковых числительных склоняется только последнее слово (другие остаются в генитиве).

Местоимения

Часть местоимений склоняется по общим типам склонения (säma 'тот же', missugune 'какой', mõni 'некоторый', igaüks 'каждый' и мн. др.), но большая часть имеет особое склонение.

Личные местоимения имеют в ряде падежей полную и краткую формы:

Ед. ч.						
Ном.	mina, ma	'я'	sina, sa	'ты'	tema, ta	'он, она'
Ген.	minu, mu	'мой'	sinu, su		tema, ta	
Парт.	mind	'меня'	sind		teda	
Илл.	minusse	'в меня'	sinusse		temasse	
Алл.	minule, mulle	'мне'	sinule, sulle		temale, talle и т.д.	
Мн. ч.						
Ном.	meie, me	'мы'	teie, te	'вы'	nemad, nad	'они'
Ген.	meie		teie		nende	
Парт.	meid		teid		nied	
Илл.	meisse		teisse		neisse	
Алл.	meile		teile		neile и т.д.	

Примеры склонения указательных местоимений:

Ед. ч.						
Ном.	see	'этот'	seesama			'тот же самый'
Ген.	selle	'этого'	sellesama			
Парт.	seda	'этот'	sedasama			
Илл.	sellesse	'в этот'	sellesesamasse			
Адесс.	sellel, sel	'у этого'	sellelsamal, selsamal			
Мн. ч.						
Ном.	need	'эти'	needsamad			'те же самые'
Ген.	nende		nendesamade			
Парт.	neid		neidsamu			
Илл.	nedesse, neisse		nendesesamadesse, neissesamusse			
Адесс.	nendel, neil		nendelsamadel, neilsamul и т.д.			

Глагол

Образцы парадигм спряжения глаголов с неизменяемой основой типа *elama* 'жить', двусложных, имеющих гласную и согласную основы, типа *tulema* 'приходить', с флектирующей основой типа *lugema* 'читать':

Индикатив

		Время					
		Презентс: - ϕ			Имперфектс: -S(i), -i		
Ед. ч.	1 л.	ela-n	tule-n	loe-n	ela-si-n	tul-i-n	luge-si-n
	2 л.	ela-d	tule-d	loe-d	ela-si-d	tul-i-d	luge-si-d
	3 л.	ela-b	tule-b	loe-b	ela-s	tul-i	luge-s
Мн. ч.	1 л.	ela-me	tule-me	loe-me	ela-si-me	tul-i-me	luge-si-me
	2 л.	ela-te	tule-te	loe-te	ela-si-te	tul-i-te	luge-si-te
	3 л.	ela-vad	tule-vad	loe-vad	ela-si-d	tul-i-d	luge-si-d

		Время					
		перфект			плюсквамперфект		
Ед. ч.	1 л.	olen	ela-nud	(tul-nud, luge-nud)	ol-i-n	ela-nud	(tul-nud, luge-nud)
	2 л.	oled	"	" "	ol-i-d	"	" "
	3 л.	on	"	" "	ol-i	"	" "
Мн. ч.	1 л.	oleme	"	" "	ol-i-me	"	" "
	2 л.	olete	"	" "	ol-i-te	"	" "
	3 л.	on	"	" "	ol-i-d	"	" "

Кондиционал

		Презенс: -ks(i)			Перфект		
Ед. ч.	1 л.	ela-ksi-n	(tule-ksi-n, loe-ksi-n)	ole-ksi-n	ela-nud	(tul-nud, luge-nud)	
	2 л.	ela-ksi-d	(tule-ksi-d, loe-ksi-d)	ole-ksi-d	"	" "	
	3 л.	ela-ks	(tule-ks, loe-ks)	ole-ks	"	" "	
Мн. ч.	1 л.	ela-ksi-me	(tule-ksi-me, loe-ksi-me)	ole-ksi-me	elanud,	tulnut, lugenud	
	2 л.	ela-ksi-te	(tule-ksi-te, loe-ksi-te)	ole-ksi-te	"	" "	
	3 л.	loe-ksi-d	(tule-ksi-d, loe-ksi-d)	ole-ksi-d	"	" "	

Императив (-õ, -gu, -ku, -ge, -ke)

		Ед. ч.			Мн. ч.		
1 л.	—	—	—	ela-ge-m	tul-ge-m	luge-ge-m	
2 л.	ela	tule	loe	ela-ge	tul-ge	luge-ge	
3 л.	ela-gu	tul-gu	luge-gu	ela-gu	tul-gu	luge-gu	

Предположительное наклонение

Формы на -vat едины для всех лиц в презенсе и перфекте.

Презенс: *ela-vat* 'будто бы живу, живешь' и т.д.; *tule-vat, luge-vat*

Перфект: *ole-vat ela-nud* 'будто бы жил, жили'; *ole-vat tulnud (lugenud)*

Неопределенно-личные формы (-da-, -ta-, -d-, -t-)

Индикатив

Презенс (-kse): *ela-ta-kse, tul-la-kse, loe-ta-kse*

Имперфект (-i): *ela-t-i, tul-d-i, loe-t-i*

Перфект: *on ela-tud, on tul-dud, on loe-tud*

Плюсквамперфект: *oli ela-tud, oli tul-dud, oli loe-tud*

Кондиционал (-ks)

Презенс: *ela-ta-ks, tul-da-ks, loe-ta-ks*

Перфект: *ole-ks ela-tud, ole-ks tul-dud, ole-ks loe-tud*

Императив (-gu, -ku)

Презенс: *ela-tu-gu, tul-ta-gu, loe-ta-gu*

Перфект (в значении футур.): *ol-gu ela-tud, ol-gu tul-dud (loe-tud)*

Предположительное наклонение (-vat)

Презенс: *ela-ta-vat, tul-da-vat, lot-ta-vat*

Перфект: *ole-vat ela-tud, ole-vat tul-dud, ole-vat loe-tud*

Инфинитивные формы

Инфинитив на *-ma*: *ela-ma, tule-ma, luge-ma*; инес. *ela-ma-s, tule-ma-s, luge-ma-s*;
элат. *ela-ma-st, tule-ma-st, luge-ma-st*; трансл. *ela-ma-ks, tule-ma-ks, luge-ma-ks*.

Инфинитив на *-da*: *ela-da, tul-ta, luge-da*; инесс. (герунд.) *ela-de-s, tul-le-s, luge-de-s*.

Редко используется неопределенно-личный инфинитив: *ela-ta-ma, tul-da-ma*.

Активное причастие наст. вр.: *ela-v, tule-v, luge-v*.

Активное причастие прош. вр.: *ela-nud, tul-nud, luge-nud*.

Пассивное причастие наст. вр.: *ela-ta-v, tul-da-v, loe-ta-v*.

Пассивное причастие прош. вр.: *ela-tud, tul-dud, loe-tud*.

Отрицательные формы спряжения глагола образуются аналитически: (*ma, sa, ta, me, te, nad*) *ei laula* '(я) не пою, (ты) не поешь...'; (*ma, sa, ta, me, te, nad*) *ei laulnud* (имперфект), *ei ole laulnud* (перфект), *ei olnud laulnud* (плюсквамперфект) 'я, ты ... не пел', (*sa*) *ära laula* '(ты) не пой', (*te*) *ärge laulge* '(вы) не пойте' и т.д.

Система финитных форм глагола включает по меньшей мере четыре иерархически упорядоченные грамматические категории: определенно-личность/неопределенно-личность, наклонение, время, лицо, число. Все эти категории участвуют в категориальном противопоставлении утверждения/отрицания.

Презенс определенно-личного спряжения не имеет показателя, показателем неопределенно-личного спряжения в презенсе условно можно считать элемент *-kse*. Показателями имперфекта являются *-(i)s, -si, -i*. Перфект и плюсквамперфект изъявительного наклонения образуются аналитически с помощью форм презенса и имперфекта глагола *olema* 'быть' + определенно-личного или неопределенно-личного причастия прошедшего времени. Другие наклонения имеют два времени: презенс и перфект (претерит). Обычно перфект этих наклонений также образуется аналитически с помощью глагола *olema* 'быть'. Параллельно с аналитическими конструкциями используются синтетические формы перфекта сослагательного и предположительного наклонений: *ela-nu-ksi-n* '(я) жил бы', *ela-nu-ksi-d* '(ты) жил бы' и т.д.; *ela-nu-vat* '(я, ты, он, мы, вы, они) жил(и) бы'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Э.я. — язык агглютинативно-флектирующий. В соответствии с этим большинство грамматических словоформ конструируется путем последовательного добавления к неизменяемой или флектирующей основам суффиксальных элементов. Как правило, каждый суффикс выражает одно словоизменительное или словообразующее значение. В цепочке морфем последнее место в именной словоформе занимает падежное окончание: *maja-s* 'в доме', а в глагольной — личное окончание: *ela-n* 'живу'. Этому предшествует соответственно показатель мн. числа у имен существительных: *maja-de-s* 'в домах' (*-de* — показатель мн. числа) и показатель наклонения или времени у глаголов: *ela-si-n* 'жил (я)' (*-si* — показатель прош. времени). Признаку времени предшествует показатель неопределенно-личной формы: *kirjuta-t-i* 'писали' (*-t* — признак неопределенно-личной формы и *-i* — признак прош. времени). Однако не исключено и выражение одним суффиксом более одного грамматического зна-

чения, как, например, в *ela-ge* 'живите' *-ge* выражает лицо, число и повелительное наклонение.

Словообразующие суффиксы предшествуют словоизменительным: *ela-mu-t-ga* 'жилищами' (*-mu* — словообразовательный суффикс, *-te* — показатель мн. числа, *-ga* — падежное окончание); *kõne-le-si-n* 'говорил' (*-le* — словообразовательный суффикс, *-si* — показатель прош. времени и *-n* — личное окончание).

Усилительный суффикс *-ki* (*-gi*) всегда занимает в словоформе последнее место: *laua-le-gi* 'и на стол', *tegi-me-gi* 'и сделали (мы)'.⁶

2.5.2. Для литературного Э.я. характерны следующие основные продуктивные способы словообразования: деривация, словосложение, словосложение в сочетании с суффиксацией.

Деривация реализуется в основном в виде суффиксации, в том числе и в виде нулевой суффиксации; вопрос о существовании некоторых префиксов является спорным.

При помощи суффиксации можно образовать как существительные, прилагательные, числительные, глаголы, так и наречия, но особенно многочисленны и разнообразны по сравнению с другими суффиксы существительных.

При помощи продуктивного суффикса *-mine* образуются отглагольные имена действия (*lugema* 'читать' > *luge-mine* 'чтение'); при помощи суффикса *-us* можно образовать имена на базе глаголов и прилагательных (*ootama* 'ждать' > *oot-us* 'ожидание', *uhke* 'гордый' > *uhk-us* 'гордость'). Имеется много суффиксов, образующих названия лиц и предметов. Особенно продуктивны, например, суф. *-ja*, с помощью которого почти без ограничений образуются имена деятеля от глаголов (*õpetama* 'учить' > *õpeta-ja* 'учитель', *jooksma* 'бегать' > *jooks-ja* 'бегун'); суф. *-lane*, образующий названия лиц на базе существительных (*Tallinn* 'Таллинн' > *tallin-lane* 'таллинец'); суф. *-i*, образующий названия средств (*rahustama* 'успокоить' > *rahust-i* 'успокоительное средство').

Словосложение — чрезвычайно продуктивный способ словообразования, особенно при образовании имен. Основной тип — подчинительный. К первому (определятельному) компоненту, имеющему генитивную, реже номинативную форму, которая в составе сложного слова остается неизменной, присоединяется второй (определяемый) изменяемый компонент (*käekott* 'сумка' < ген. *käe* 'руки' + *kott* 'мешок', *silmaarst* 'глазной врач' < ген. *silma* 'глаза' + *arst* 'врач', *tornmaja* 'дом-башня' < ном. *torn* 'башня' + *maja* 'дом').

Продуктивный суффиксально-сложный способ словообразования реализуется: 1) образованием существительных на базе составных глаголов (*ette üttelema* 'диктовать' > *ette+ütli-su* 'диктант', *ette kandma* 'докладывать' > *ette+kand-ja* 'докладчик', *ette+kann-e* 'доклад'); 2) образованием прилагательных прежде всего на базе комитативных выражений (*pikkade juustega* 'с длинными волосами' > *pika+juukse-line* 'длинноволосый', *laiade õlgadega* 'с широкими плечами' > *lai+õlg-pe* 'широкоплечий').

2.5.3. Э.я. относится к языкам номинативного типа. Простые предложения делаются на двусоставные и односоставные, на нераспространенные и распространенные. Благодаря согласованию подлежащего и сказуемого в лице и числе, местоименное подлежащее в двусоставных предложениях часто опускается: *Pildil näeme maja* 'На картине видим дом'. Это относится прежде всего к побудительным предложениям: *Tule koju!* 'Иди домой!'. Из односоставных предложений заслуживают внимания неопределенно-личные: *Mind on külla kutsutud* 'Меня позвали в гости', ср. двусоставное пассивное предложение: *Ma olen külla kutsutud* 'Я приглашен в гости'; далее, безличные

со сказуемым в форме 3 л. ед. числа: *Müristab* 'Гремит (гром)'; *Mul on külm* 'Мне холодно' и с инфинитивным оборотом: *Kõrvalistel isikutel tuleb lahkuda* 'Посторонним лицам следует уйти'. Глаголь-связка *olema* 'быть' не выпадает: *Peeter on õpetaja* букв. 'Петер есть учитель'. Хотя в Э.я. имеются глаголы со значением 'иметь' *omama*, *evima*, ср. *Ta omab (evib) kõiketeadja kuulsust* 'Он имеет славу всезнайки', функцию *haveo*-конструкции, как правило, выполняет конструкция с глаголом *olema* 'быть'. Предмет обладания обозначается подлежащим в номинативе или партитиве, а обладатель — косвенным дополнением в адессиве: *Tal on kõiketeadja kuulsus* 'У него слава всезнайки'.

Подлежащее оформляется именем в номинативе (тотальный субъект), в определенных случаях именем в партитиве (парциальный субъект) или *da*-инфинитивом глагола: *Koog (ном.) laulis madrigale* 'Хор пел мадригалы'; *Rabas leidub murakaid* (парт. мн. числа) 'В болоте встречается морошка'; *Ei ole mõistlik emaga vaielda* (инф.) 'Нет смысла спорить с мамой'. Парциальный субъект встречается в экзистенциальных предложениях при непереходном глаголе в случае отрицания (*Maril ei ole kokaraamatut* 'У Мари нет поваренной книги'); утверждения, если обозначаемый предмет трактуется как неопределенный, неразграниченный по количеству или качеству (*Laual on leiba* (парт. ед. ч.) *ja küpsiseid* (парт. мн. ч.) 'На столе есть хлеб и печенье').

Предикатив, употребляемый при глаголь-связке *olema*, а также при других глаголах в предложениях определения, тождества и классифицирования, в основном оформляется аналогично подлежащему: *Mari on kaval* (ном. ед. ч.) 'Мари хитрая'; *Peetri vanemad on õpetajad* (ном. мн. ч.) 'Родители Петтера — учителя'; *Paul Keres oli maailma tuntumaid maletajaid* (парт. мн. ч.) 'Пауль Керес был одним из всемирно известных шахматистов'.

Прямое дополнение при переходных глаголах оформляется именем в партитиве (парциальный объект), а также в генитиве или номинативе (тотальный объект) и *da*-инфинитивом. Примеры: *Ma loen raamatut* 'Я читаю книгу' (парт. ед. ч.); *Ma ostsin raamatu* 'Я купил книгу' (ген. ед. ч.); *Tüdruk oskab õmmelda* (инф.) 'Девушка умеет шить'. Объект является тотальным в утвердительном предложении, если обозначаемый им предмет определен по количеству и действию носит результитивный характер: *Ma ostsin raamatu* (ген. ед. ч.) *ja malendid* (ном. мн. ч.) 'Я купил книгу и шахматы'. Сочетание тотального объекта с глаголом в форме презенса может служить для выражения будущего времени: *Ma toon piletid ära* 'Я принесу билеты'. В остальных случаях объект парциальный: *Ma ostsin võid* 'Я купил масла' (количество продукта безразлично); *Mari sööb kooki* 'Мари ест пирожное' (действие иррезультативное); *Ma ei ostnud raamatut* 'Я не купил книгу'. Тотальный объект имеет во мн. числе форму номинатива, в ед. числе — генитива; при глаголе в неопределенно-личной форме, в повелительном наклонении или при *da*-инфинитиве он имеет форму номинатива также в ед. числе: *Osteti raamat ja malendid* 'Куплены книга и шахматы' (букв. 'купили книгу и шахматы'); *Joo oma piim ära* 'Выпей свое молоко'; *Sul tuleb võlg ära maksta* 'Тебе придется выплатить долг'. Исключение из общих правил представляют некоторые формы местоимений и числительных: *Ma võtan teid* (парт. вместо ген.) *metsa kaasa* 'Я возьму вас в лес с собой'; *Ostsin kümme* (ном. вместо ген.) *kilo kartuleid* '(я) купил десять килограммов картофеля'.

При послелогох основное слово главным образом имеет генитивную форму (*laua ääres* 'у стола', *loomade kohta* 'о животных'), при предлогах — партитивную (*enne lõunat* 'до обеда') или генитивную (*läbi metsa* 'через лес').

Определения, как и обстоятельства, выражаются разными формами слов всех разрядов, кроме финитных форм глагола. Основными типами считаются адъективное определение: *hea inimene* 'хороший человек'; генитивное определение: *üldkeeleteaduse eksam* 'экзамен по общему языкознанию', *venna raamat* 'книга брата' (обозначение обладателя) и количественное определение: *kolme raamatut* 'трех книг', которые располагаются перед опорным словом.

Подлежащее и сказуемое согласуются в лице и числе: *Me läheme teatrisse* 'Мы идем в театр'; *Edu innustab* 'Успех вдохновляет'. При подлежащем в партитиве или в инфинитиве сказуемое имеет форму 3 л. ед. числа: *Rabas leidub murakaid* 'В болоте встречается морошка'; *Elada tähendab võidelda* 'Жить — значит бороться'. Склоняемое определение (прилагательное, прилагательное-местоимение, числительное, склоняемое причастие) согласуется с опорным словом в падеже и числе: *selles tublis viendas klassis* 'в этом славном пятом классе'; *sadadele inimestele* 'сотням людей'. Перед опорным словом, имеющим форму терминатива, эссива, комитатива или абессива, определение стоит в генитиве: *kolme kurja koeraga* 'с тремя злыми собаками', *uute majadeni* 'до новых домов'. При количественном числительном в номинативе ед. числа существительное стоит в партитиве ед. числа: *holm hiirt* 'три мыши'. В большинстве случаев и приложение согласуется с опорным словом в падеже и/или в числе.

Основное расположение членов повествовательного предложения соответствует общей тенденции, согласно которой тема предшествует реме. Таким образом, при нейтральном словопорядке группа сказуемого следует за группой подлежащего: *Väike tüdruk lehitseb raamatut loomade kohta* 'Маленькая девочка листает книгу о животных'. Противоположен указанному основной порядок при глаголах, которые обычно сочетаются с рематическим подлежащим: *Rabas leidub murakaid* 'В болоте встречается морошка'; *Jürit huvitab füüsika* 'Юрия интересует физика'. Эмфатическое, контрастное, логическое и т.п. выделение каких-нибудь элементов предложения приводит к изменению расположения и/или ударности членов предложения. Подлежащее следует за сказуемым, если в начале предложения стоит обстоятельство или дополнение: *Laua ääres lehitseb väike tüdruk raamatut* 'У стола листает маленькая девочка книгу'. Основное расположение частей составного сказуемого: личная форма глагола — вспомогательное наречие — неличная форма основного глагола: *Mu kullake on ära läinud* 'Мое золотко ушла'. Члены определительных словосочетаний располагаются в последовательности степени подчинения и степени с определяемым словом по значению: *Draamateatri suure saali viienda rea kümnes koht* 'десятое место в пятом ряду большого зала драмтеатра', букв. 'драматического театра большого зала пятого ряда десятое место'. Вне действия названных факторов основное расположение определений такое: разграничивающее определение (выражается главным образом указательными и неопределенными местоимениями) + генитивное определение + другое определение (прилагательное, причастие, наречие, существительное), например *see venna uus raamat* 'эта братова новая книга'.

Встречаются осложненные простые предложения, включающие разные обороты: причастные (*Vaatasin üllatusega veidraid küsimusi esitavat ajakirjanikku* 'Я смотрел с удивлением на задающего странные вопросы журналиста', *Sinu küpsetatud pirukad on maailma parimad* 'Тобой испеченные пироги — лучшие в мире'), деепричастные (*Koju tulles murdsin kingakontsa* 'Идя домой, сломала каблук'), номинативные (*Vanaema tukub, prillid ninal* 'Бабушка дремлет — очки на носу').

Разновидности простого предложения по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные, желательные, восклицательные), а также модальности различных оттенков выражаются интонацией, наклонениями глагола, служебными словами, порядком слов, распространителями целого предложения. В начале вопросительного предложения стоит вопросительная частица (*kas* 'ли'), вопросительное местоимение (*kes* 'кто', *mis* 'что') или наречие (*kus* 'где', *millal* 'когда'). Общий вопрос может выражаться также обратным порядком членов предложения, в начале которого оказывается глагол: *On sul kiige?* 'Ты спешешь?'. Для побудительных предложений характерно употребление повелительного наклонения: *Tulge kaasa!* 'Идемте с нами!', для желательных — сослагательного наклонения: *Oleks mul aega!* 'Было бы у меня время'. В обычном оформлении восклицательное предложение похоже на вопросительное: *Kui rõõmus ma olen!* 'Какая я радостная!'. Модальность предложения оформляется и распространителями: *Ma olen vist haige* 'Я, очевидно, болен'; *Õnneks oli uks lahti* 'К счастью, дверь была открыта', а также конструкциями с модальными глаголами: *Lumi peab päikese käes ära sulama* 'Снег под солнцем должен растаять'; *Jüri võib siia jääda* 'Юри может здесь остаться'.

2.5.4. В Э.я. широко распространены сложные предложения: сложносочиненные, сложноподчиненные и смешанного типа. Возможна и асиндетическая связь. Гибкая система грамматических времен позволяет выражать разные временные отношения (а также отношения результативности — иррезультативности) событий, моментов репрезентации и говорения.

По порядку слов в придаточных предложениях наблюдается обратное расположение основных компонентов, глагол находится ближе к концу. Употребляется постпозитивное, препозитивное и интерпозитивное расположение придаточных предложений. Союзы обычно располагаются в начале предложения-компонента, иногда занимают в нем второе место. Части немногих парных и расчлененных союзов располагаются в начале разных предложений-компонентов: *Nagu ta salaja tulnud oli, nii ta ka märkamata kadus* 'Как тайно он пришел, так незаметно и пропал'.

2.6.0. Существенную часть лексики Э.я. составляют исконные слова общего прибалтийско-финского происхождения. Древнейшие балтийские, германские и славянские заимствования — в основном общие с другими прибалтийско-финскими языками (см. статью "Прибалтийско-финские языки"). После вторжения в Эстонию немецких рыцарей-крестоносцев в XIII веке в Э.я. стали появляться нижнегерманские заимствования. Они относятся к таким понятийным областям, как ремесло (*naamer* 'молоток', *saag* 'пила', *viil* 'напильник'), жилые помещения и их оборудование (*ruum* 'помещение', *köök* 'кухня', *korsten* 'труба', *pink* 'скамья', *tool* 'стул'), общественные отношения (*amet* 'профессия', *graht* 'граф', *prova* 'госпожа', *pruut* 'невеста', *riik* 'государство', *teenima* 'служить'), церковь (*klooster* 'монастырь', *munk* 'монах', *köster* 'кистер'). Поскольку в XVII—XIX вв. в Эстонии языком господствующих слоев был верхнегерманский, Э.я. заимствованы и верхнегерманские слова *kett* 'цепь', *kirss* 'вишня', *laager* 'лагерь', *muster* 'узор', *sink* 'вечина'. Некоторые слова были заимствованы из шведского языка (*kelk* 'санки', *pagar* 'пекарь', *plika* 'девчонка'). Эстонцы постоянно соприкасались с латышами, однако лишь немногие латышские заимствования попали в литературный Э.я. (*kiin* 'овод', *lääts* 'чечевица', *pastel* 'поршень'). В связи с направленным развитием литературного Э.я., особенно в XX веке, многие слова были заимствованы из финского языка, например: *aare* 'сокровище', *olend* 'существо', *taust*

'фон', teos 'произведение', tunnus 'признак', kummaline 'странный', ülev 'возвышенный', alistama 'покорять', ennustama 'предсказывать', tootma 'производить', üllatama 'удивлять'. Главным образом в XIX—XX веках было усвоено много русских заимствований (среди них и опосредованные), в том числе названия денежных единиц и единиц измерения (arssin 'аршин', ruud 'руд', rubla 'рубль', korikas 'копейка'), названия продуктов питания (porgand 'морковь', pliin 'блин', präänik 'пряник', kissell 'кисель'), посуды (liud 'блюдо', mannerg 'бидон, манерка', vaagen 'блюдо'), одежды (pintsak 'пиджак', munder 'мундир', sinel 'шинель'), слова, связанные с транспортом (lodi 'барка', lootsik 'лодка', troska 'дрожки', vaksal 'вокзал') и военной службой (polk 'полк', rood 'рота', kasarm 'казарма'). В годы Советской власти влияние русского языка проявляется в особенности в формировании разных кáлек (исполнительный комитет > täitevkomitee, ударный труд > lööktöö), а также в виде прямых заимствований (kolhoos, sovhoos, komsomol, sputnik).

В Э.я. тенденция к пуризму существенно не проявляется.

2.7.0. По наиболее древним и существенным диалектным особенностям различаются североэстонская и южноэстонская диалектные группы; северо-восточный прибрежный диалект несколько обособлен от других.

Северо-восточный прибрежный диалект, распространенный на южном берегу Финского залива, — между Таллинном и Нарвой — имеет много общих с финским языком черт, не известных другим эстонским диалектам. Алутагуские же говоры, охватывающие восточную часть ареала названного диалекта, во многом близки водскому языку. Для северо-восточного прибрежного диалекта характерны: отсутствие некоторых типов чередований ступеней: mets, ген., парт. metsa (лит. mets [mèts], ген. metsa [mètsà], парт. metsa [me'tsa]) 'лес'; [kāl], ген., парт. [kālu] (лит. kaal [kāl], ген. kaalu [kālu], парт. kaalu [kālu]) 'весы'; отсутствие палатализации согласных; соответствующий древним сочетаниям *kl, *kr дифтонг на -u вместо -e: neul/niul (лит. nēl 'игла'), naugama 'смеяться'; сохранение сочетания -ns-: küns, ген. künne (лит. kūtis, ген. kūtine 'ноготь'), [man(t)siikka(s)] (лит. maasikas) 'земляника'; сохранение гласного в середине и в конце слова: [kanDama] (лит. kandma) 'носить', [üksi poiGa] (лит. üks roeg) 'один сын'; сильнотупенное мн. число на *-i: [jalGus] (лит. jalus/jalgades) 'в ногах'; параллельно с этим контаминированное мн. число (*i-овый + *t(e)-овый признаки): [puiDel] (лит. puil/puudel) 'на деревьях', [varBuDest] (лит. varbadest) 'из прутьев'; своеобразные краткие формы парт. мн. числа [linDu] (лит. linde) 'птиц', [siBuli]/[siBulu] (лит. sibulaid) 'луковиц'; иллатив без геминации и окончания: [käDe] (лит. kätte/käesse) 'в руку', [amBa] 'в зуб'; в некоторых говорах иллатив на -(i)je: küläje (лит. külla ~ külasse 'в деревню'), инф. laulama(i)je (лит. laulma) 'петь'; эссив как продуктивный падеж; широкое использование имперфекта на *-i: [luGin]/[luin] (лит. lugesin) 'я читал', (tämä) ütlet/ütli (лит. (ta) ütles) '(он) сказал'; спряжение отрицательного глагола в настоящем времени: en/ein (tule) 'я не (приду)', [et]/[eiD] 'ты не', ei 'он не' и т.д.; сослагательное наклонение с показателем -is(i) или -iks(i): olis/oliks (лит. oleks) 'был бы'; показатель 2 л. мн. числа повелительного наклонения -Ga, -ka, Gā, -kā: [tulGa] (лит. tulge) 'идите'; неопределенно-личное настоящее время без показателя -kse: tehä/tehta 'делают'; *t-овый инфинитив без окончания: [luGe] (лит. lugeda) 'читать'; многочисленные финские заимствования.

Ареал распространения североэстонской диалектной группы охватывает большую часть территории Эстонии между Балтийским морем и Чудским озером. На базе этих диалектов сформировался литературный Э.я.

В отличие от прибрежного и южноэстонских диалектов северноэстонским свойственны мн. число на *-de/-te*: [jämeDättest pa'kkiDest] 'из толстых бревен', а также имперфект с показателем *-si*: *elasin* 'я жил'. Северноэстонская диалектная группа включает четыре диалекта: островной, западный, центральный и восточный.

Островной диалект распространен на островах Западной Эстонии (Сааремаа, Хийумаа, Муху, Кихну и др.), где на протяжении многих столетий проживали и шведы. Влияние шведского языка ощутимо в фонетике: [õ, ö] вместо [e]: [võtti] (лит. *võti*) 'ключ', [võraZ] (лит. *võbras*) 'чужой', а также в синтаксисе и особенно в лексике диалекта островов и северо-западной материковой части Эстонии. В области морфологии следует отметить: иллатив без геминации: [tuVà] (лит. *tuppa*) 'в комнату'; сильноступенные формы 3 л. мн. числа настоящего времени: [an'D(a)vaD] (лит. *annavad*) '(они) дают'; формы 3 л. повелительного наклонения [tehka] (лит. *tehku*) 'пусть делает или делают'; 2 л. ед. числа: [â tulG] (лит. *ära tule*) 'не приходи'.

Многие общие черты связывают островной с западным диалектом, который употребляется на западной материковой части Эстонии. Например: отсутствие сочетаний согласных в начале слова: [rit] (лит. *kriit*) 'мел'; утрата /v/ перед лабиальным гласным и i: [ok] (лит. *vokk*) 'прялка', [pili] (лит. *pilv*, ген. *pilve* 'облако'); сильноступенный инессив: [rañDas] (лит. *rannas*) 'на берегу'; парт. мн. числа на *-uD*: [rattuD] (лит. *rattaid*) 'колес'; мн. число с признаком *-e*: [roðGele] (лит. *roegadele*) 'сыновьям'. Отличительной чертой западного диалекта является переход *v > b* между гласными: [keVà kiVl] (лит. *kõva kivi*) 'твердый камень'; диалекту свойственны тип южноэстонской геминации смычных: [lippe] (лит. *libe*) 'скользящий'; слабоступенное мн. число на *-de*: [jalaDel] (лит. *jalgadel*) 'на ногах'.

Центральный диалект наиболее близок литературному языку, но ему свойствен и ряд черт, не воспринятых литературным языком. Сюда относятся: тип склонения с неизменяемой парадигмой в ном., ген., парт. *aDra* (лит. *ader*, ген. *adra*, парт. *atra*) 'соха, плуг'; дифтонгизация долгих гласных: *moà/muà* (лит. *maa*) 'земля'; парт. мн. числа с показателями *-si* или *-a*: *ko'fisi/ko'fta* (лит. *kottisid/kotte*) 'мешков'.

Ядро восточного диалекта составляет архаичный говор Кодавере на западном берегу Чудского озера, имеющий общие черты с водским языком. В то же время данный диалект служит как бы связующим звеном между северо-восточным прибрежным и южноэстонскими диалектами. Для восточного диалекта характерно: использование [e] во многих словах вместо /o/: [esteGehe] 'тотчас'; сохранение смычного *-D-* в слабой ступени таких слов, как [raDa], мн.ч. [raDàD] (лит. *rajad*) 'дорога'; звукоизменение *ht > st*: *gešt aštma* (лит. *geht ahtma*) 'укладывать сжатый хлеб для сушки'; *st > ss*: *muš*, ген. *mušsa* (лит. *must*, ген. *musta*) 'черный'; парт. ед. числа на *-da*: [emaDa] (лит. ном., ген., парт. *ema*) 'мамы'; транслатив на *-st* вместо лит. *-ks*: [(jäl) aiGešt] 'заболел'; широко распространенный имперфект на *-i*: *tahin* (лит. *tahtsin*) '(я) хотел'; спряжение отрицательного глагола (как в настоящем, так и) в прошедшем времени: [ešin], [ešid], [eš], [ešimä], [ešittä], [ešid (tule)] '(я, ты, он, мы, вы, они) не (пришли)'.

Северная граница ареала южноэстонских диалектов проходит по реке Эмайыги и северному берегу озера Выртсъярв, захватывая на западе возвышенность Сакала. Южноэстонская диалектная группа делится на мультиский, тартуский и вырусский диалекты, объединенные многими общими чертами. Сюда относятся такие словоформы с бывшими сочетаниями согласных

*kl, *kr, *kj, *kp, как: [naGel], ген. [naGla], парт [nakla] (лит. nael, ген., парт. naela 'гвоздь'), [nârma] (лит. naerma) 'смеяться', [teññü] (лит. teinud) 'сделавший'; звукоизменение ks > ss: maš, ген. [mašsa] (лит. maks, ген. maksa) 'печень'; kt > tt вместо kt > ht: [vat], ген. [vattu] (лит. vaht, ген. vahu) 'пена'; tk > kk: [jaĕ], ген. [jaĕku] (лит. jätĕ, ген. jätĕku) 'продолжение'; обширная геминация корневого согласного: [hamè], ген. [hamme] 'рубашка', [elâma], имперф. 3 л. ед. ч. [el'li] (лит. elas) 'жить', maGâma, 3 л. ед. ч. (ta) maĕkaĕr/maĕkaš 'спать'; повышение сверхдолгих средневысоких гласных: [mîl], ген. [mële] 'чувство', [tûma], причастие прош. вр. [tõpu] 'приносить'; мн. число на *-i: [vañnust mehist] (лит. vanadest meestest) 'из стариков'; номинатив мн. числа без показателя или оканчивающийся на ларингальный смычный: [sûre meĕsa/sûreĕ? meĕsa?] (лит. suured metsad) 'большие леса'; сравнительная степень прилагательного с показателем -(m)p, -(m)B: [pare(m)p], ген. [pare(m)Ba] (лит. parem, ген. parema) 'лучший'; имперфект на -i: [veĕtime] (лит. võtsime) '(мы) взяли'; *t-овый инфинитив без признака: [ištũ] (лит. istuda) 'сидеть'.

Самый западный из южноэстонских диалектов, мультгиский, больше других сблизился с североэстонскими диалектами и имеет много общих черт особенно с западным диалектом. Типичное для мультгиского диалекта звукоизменение а, ä > е в непервых слогах слова, напр. [näGemDe] (лит. nägemata) 'не видя', объяснимо редукцией гласных в непервых слогах, как и многие явления утраты гласного, например [kaĕteksi] (лит. kaĕkesi 'вдвоем'), в результате чего совпали, в частности, иллатив и транслатив, а также аллатив и адессив. Свойственна диалекту геминация смычного после звонкого согласного: parantte (лит. parandama) 'исправлять', paremppe (лит. paremad) 'лучшие'; формы инессива kähen (лит. käes) 'в руке', mahan (лит. maas) 'в земле'; передача запрета с помощью *t-ового инфинитива: [ärä tulla] (лит. ära tule) 'не приходи'.

Некоторые черты североэстонских диалектов перенял и распространенный восточный тартуский диалект, служащий связующим звеном между мультгиским и вырусским, а также североэстонскими и вырусским диалектами. Кроме общих южноэстонских явлений данный диалект отличают сильнотупенное мн. число на -i: [lehtist] (лит. lehtedest) 'из листьев'; иллатив на [-De]: [puDeLiDe] (лит. pudelisse) 'в бутылку'; иллатив на -i слов с окончанием -ne и -us: [minestuzi] (лит. minestusse) 'в обморок'; инессив на -n, как и в мультгиском диалекте: [meĕsan] (лит. metsas) 'в лесу'; использование личных окончаний в формах мн. числа при отрицании: [nemä ei veĕtava] (лит. nemad ei võta) 'они не берут', а также в причастии на -nud: [oleme sānũme] (лит. oleme saanud) 'мы получили'.

Наиболее далек от современного литературного Э.я. употребляемый в юго-восточной части Эстонии вырусский диалект. Его особенности: часто выступающая аффриката -ts: [tsiGà] (лит. siga) 'свинья', [ki'tskma] (лит. kitkuma) 'рвать'; звук h во всех позициях: [kahĕ] (лит. karu) 'медведь', [muĕĕh], парт. [muĕĕht] (лит. mure, парт. muret) 'забота', [hauGahtama] 'гавкнуть'; последовательная гармония гласных: [tũlũ] (лит. tüli) 'ссора', [keĕĕleĕmma] (лит. kõnelema) 'разговаривать'; употребление ларингального смычного на конце слова вместо древнего *-k: [aiĕna?] 'дай', [ci sũ?] 'не ем'; сильная, захватывающая и конечную часть сочетания согласных палатализация: [mãĕk] 'знак'; иллатив на -he: [koĕtuhe] (лит. kohtusse) 'в суд'; инессив на -h или -hn: [mãĕh/mãĕhn] (лит. maas) 'на земле'; встречается адессив на [-iDa?]: [asaĕDa?] (лит. asjãta) 'зря'; потенциальное наклонение: [olneš] 'наверное (есть)'; отри-

цательный глагол часто стоит в постпозиции: [jã_ä_i] 'не остается'. Частично распространенный в Псковской области сетуский говор испытал сильное влияние местных говоров русского языка, а языковые островки на территории Латвии — говоры лейву и лутси — на протяжении долгого времени находились в сфере влияния латышского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Аристэ П.А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956.

Каск А.Х. К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956.

Каск А. Эстонский язык // Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Ariste P. Eesti keele foneetika. 5 trükk. Tartu. I — 1981, II — 1982.

Ariste P. Keelekontaktid. Tallinn, 1981.

Kask A. Eesti kirjakeele ajaloo. Tartu, 1970. I-II.

Kettunen L. Eestin kielen äännehistoria. Kolmas painos. Helsinki, 1962.

Laanest A. Einführung in die ostseefinnischen Sprachen. Hamburg, [1982].

Mihkla K., Rannut L., Riikofa E., Admann A. Eesti keele lauseõpetuse põhijooned. I. Lihtlause. Tallinn, 1974.

Raun A. Eesti keele etümoloogiline teatmik. [Rooma; Toronto, 1982].

Raun A., Saareste A. Introduction to Estonian Linguistics. Wiesbaden, 1965.

Räisep H. Eesti keele lihtlause tüüb. Tallinn, 1978.

Saareste A. Petit Atlas des parlars estoniens. Uppsala, 1955.

Tauli V. Eesti grammatika. Uppsala, [1972, 1980]. I-II.

Valgma J., Remmel N. Eesti keele grammatika. Käsiraamat. Tallinn, 1968.

Wiedemann F.J. Estnisch-deutsches Wörterbuch. Vierter unveränderter Druck nach der von Jakob Hurt redigierten Auflage. Tallinn, 1973.

Г.М. Керн

СААМСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Саамский язык (С.я.) — язык саамов, коренного населения Фенно-скандинавского массива на севере Европы. Реже употребляется старое название — лопарский язык. Русские называли саамов лопарями, финны, карелы — lappi, шведы — lapp, соответствующие иноязычные варианты названия языка: фин. lapi, нем. Lappisch, англ. Lapp, Lappish. Самоназвание саамов — samjiñč, sápmelaš.

1.1.2. С.я. относится к финно-угорской подсемье уральской семьи языков. Наиболее близки генетически к С.я. финский, карельский, вепсский и другие языки, составляющие прибалтийско-финскую ветвь (группу) языков.

1.1.3. С.я. распространен на территории Норвегии (ок. 27 тыс. чел.), Швеции (ок. 17 тыс. чел.), Финляндии (ок. 4,5 тыс.). В бывшем СССР проживают 1 тыс. 890 чел. (из них на территории Российской Федерации — 1 тыс. 835 чел.), 42,2% считают саамский язык родным (по данным переписи 1989 г.).

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Диалектное членение С.я. обусловлено в известной мере этногенезом саамов. Значительная географическая разобщенность в течение длительного времени создавала большие различия в лексике, фонетике и отчасти в грамматике. Вместе с тем диалекты не представляют собой замкнутые, резко отличающиеся от соседних языковые единицы; диалектные признаки

плавно переходят от одного диалекта к другому. Традиционно по территориальному принципу с учетом языковых различий саамские диалекты делятся на западные и восточные. К западным относятся диалекты от южных в Швеции до норвежских, к восточным — от диалекта инари в Финляндии до йоканьгского в Российской Федерации. Данный очерк написан на основе кильдинского диалекта (восточная диалектная группа).

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. В сельской местности С.я. является средством устного общения в производственной сфере, а также в быту. Большинство саамов двуязычны. В Российской Федерации все саамы владеют русским языком. Некоторые представители бабинского диалекта, кроме того, владеют финским языком. Саамы Финляндии, Швеции и Норвегии соответственно говорят на финском, шведском и норвежском языках. На севере Швеции некоторые группы саамов помимо саамского владеют также финским и шведским языками.

1.3.2. Большая диалектная раздробленность С.я., государственные границы препятствовали созданию единого литературного языка для всех саамов. Однако на диалектах шведских, норвежских и финских саамов издается некоторая оригинальная художественная литература.

1.3.3. В Советском Союзе с 1933 по 1937 г. С.я. как родной преподавался в начальных классах школы. В настоящее время вновь введено его преподавание в начальных классах школ Кольского п-ова на кильдинском диалекте. Кроме того, С.я. в научных целях преподается и исследуется в соответствующих центрах финно-угроведения, институтах, лицеях: в С.-Петербургском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена, в Финляндии в университетах Хельсинки и Оулу, в Швеции в университетах Стокгольма и Упсалы, в Норвегии в университетах Осло и Тромсё.

1.4.0. Письменность для саамов Швеции, Норвегии и Финляндии формировалась на основе латиницы с применением некоторых диакритических знаков. В Советском Союзе она существовала вначале на основе латиницы, в 1936 г. был сделан перевод алфавита на кириллицу, в 1937 г. письменность прекратила существование. В настоящее время для саамов на основе кириллицы с применением отдельных диакритических знаков вновь вводится практический алфавит. Первый отрывочный памятник С.я. относится к XVI в., первый связанный — к XVII в.

1.5.0. На основании лингвистических данных история С.я. разделяется на следующие периоды: 1) древний протосаамский, 2) поздний протосаамский и 3) современный саамский язык. В древнем протосаамском совершились первые качественные изменения гласных. Для позднего протосаамского языка характерно как качественное, так и количественное изменение гласных.

1.6.0. С.я. испытывает воздействие государственных языков стран, где он функционирует. Воздействие в основном проходит на уровне лексики и фонетики. Предполагают также, что сложные глагольные времена (аналитические формы глагола) возникли под влиянием иносистемных языков. Отмечается влияние шведского, норвежского, финского и русского языков на построение некоторых синтаксических конструкций.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Вокализм характеризуется наличием кратких и долгих гласных, дифтонгов (нисходящих и восходящих) и трифтонгов. Нисходящие дифтонги — ai, ei, ji, oi, ai, восходящие — ua, ue, трифтонг — uei. Фонемный состав

согласных представляет, в общем, стройную систему. Фонемы располагаются по рядам, в которых они противопоставляются друг другу: 1) краткие — долгим (за исключением звонких переднеязычных *z, ź, ž, ẓ̌*, 2) твердые — мягким (переднеязычные смычные согласные *t, d, n* имеют три ряда — твердые, мягкие, полумягкие), 3) глухие — звонким. Оппозиция гласных и согласных по долготе фонологически значима.

Гласные

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	(i) i ī	i ī	u (u)
Средний	é (e)		o
Нижний		(ä) a (a)	á

Примечание. В скобках приводятся аллофоны фонем.

По способу образования				По месту образования				
				билабиальные		лабиодентальные		
				Непалатализованные	Палатализованные	Непалатализованные	Палатализованные	
Шумные	Смычные	ротовые	Глухие	p p̣	p̣ p̣̣			
			звонкие	b ḅ	ḅ ḅ̣			
	аффрикаты	Назальные	со вторым однофокусным	глухие				
			шелевым	звонкие				
			со вторым двухфокусным	глухие				
			шелевым	звонкие				
Фрикативные	Однофокусные	глухие		f f̣	f̣ f̣̣			
		звонкие		v ṿ	ṿ ṿ̣			
	Двухфокусные	глухие						
		звонкие						
Латеральные	Вибранты							
Сонорные	Назальные			m ṃ	ṃ ṃ̣			
	Латеральные							
	Вибранты							

2.1.2. Ударение всегда падает на первый слог слова, второстепенное — на последующие нечетные слоги, кроме последнего.

2.1.3. Долгие согласные не выступают в начале слова и слога, в начале слова не употребляются *ʒ*, *ʒ̄*, *ɲ*. Анлаутное употребление других звонких согласных, как правило, характерно только для заимствованных слов.

Гласные *u*, *i* в конце слова не выступают.

2.1.4. Для С.я. характерны следующие структурные типы слогов (компоненты дифтонгов учитываются отдельно): *V* (a-ka 'старуха'), *VC* (av-ta 'опять'), *VV* (ai-ka 'рано'), *VCC* (olt-la 'дальше'), *VCC* (oļk 'перекладина'), *CV* (pa-ka 'горушка'), *CVC* (kiv-gap 'печка, камелек') и др. Слогообразующими фонемами являются только гласные, дифтонги и трифтонги:

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. В первом слоге (корень слова) могут выступать все гласные, во втором и последующих слогах не употребляются долгие гласные.

Корневая морфема в парадигме слова претерпевает сложные изменения. В зависимости от падежа-числа имени или лица-числа в глаголе она может быть либо сильной (toŋk 'шуба', kuss 'ель', poŋke 'неводить', kisse 'заво-

По месту образования							
дентально-альвеолярные			палаталь- ные	велярные		Фарингальные	
непала- тализо- ванные	семипала- тализо- ванные	палата- тализо- ванные		непала- тализо- ванные	палата- тализо- ванные	непала- тализо- ванные	палата- тализо- ванные
t t̄	t' t̄'	t̄ t̄'		k k̄	k̄ k̄'		
d d̄	d' d̄'	d̄ d̄'		g ḡ	ḡ ḡ'		
ɲ ɲ̄							
c c̄		č č'					
ʒ		ʒ̄					
		ʒ̄'					
s s̄		š š'		x x̄	x̄ x̄'	h h̄	h̄ h̄'
z		ž ž'	j j̄				
š š̄		š̄ š̄'					
ž		ž̄					
ɟ ɟ̄		ɟ̄ ɟ̄'					
ɣ ɣ̄		ɣ̄ ɣ̄'					
n n̄	n' n̄'	ñ ñ'		ŋ ŋ̄	ŋ̄ ŋ̄'		
l l̄		l̄ l̄'					
r r̄		r̄ r̄'					

рачивать'), либо слабой (toġk̄ 'шубы', kuz 'ели', potka 1 л. ед. ч. през., kiza 1 л. ед. ч. през.). При именном и глагольном словоизменении наблюдается чередование гласных внутри морфемы: kiñi 'котел' — keiņa дат.-илл. ед.ч.; jelle 'жить' — jall 3 л. ед. ч. през. — jile 3 л. ед. ч. имперф.

2.2.2. В С.я. фонологические противопоставления могут создавать морфологические оппозиции форм слова в имени (kull 'рыба' — kul 'рыбы') и глаголе (teġre 'рубить' — teġre 'он рубил'). В потоке речи служебные слова, как правило, безударны и противостоят знаменательным словам, имеющим ударение.

2.2.3. В С.я. существует развитая система чередований согласных и гласных основы слова. Согласные имеют количественные и качественные чередования. Геминаты чередуются с одиночными согласными (murr 'дерево' — мн.ч. mur; toll 'огонь' — мн.ч. tol; kuss 'ель' — мн.ч. kuz; mašše 'мазать' — 1 л. ед. ч. през. maža. Сочетание долгого согласного с кратким чередуется с сочетанием краткого с долгим (potk 'тоня' — мн.ч. potk; kiġte 'варить' — 1 л. ед. ч. през. kiġta). Аффрикатy чередуются с одиночными согласными (vež 'снег' — мн.ч. vez; keže 'спрашивать' — 1 л. ед. ч. през. keža).

Чередования гласных могут происходить как в первых, так и в последних слогах слова. В зависимости от качества гласных имеются следующие типы чередований: i — e: kisse 'бинтовать' — 3 л. ед. ч. през. kess; i — a: kiġte 'воспрепятствовать' — 3 л. ед. ч. през. kaġt;ε(e) — a: veške 'скрестить' — 3 л. ед. ч. през. vašk; a — ā: vaġte 'взять' — 1 л. ед. ч. имперф. vaġte; ā — o: ālve 'выть' — 1 л. ед. ч. имперф. olve; e — a — i: jelle 'жить' — 3 л. ед. ч. през. jall — 3 л. ед. ч. имперф. jile; u — ue: vulle 'строгать' — 3 л. ед. ч. през. vuell; ue -ua-u: ruedde 'уйти' — 3 л. ед. ч. през. ruadd — 3 л. ед. ч. имперф. rude.

Ассимиляция (регрессивная или прогрессивная) по глухости или звонкости происходит на стыке морфем или компонентов сложных слов (nemtbejv 'именины', ср. nemt 'имя', rejv 'день').

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

В С.я. имеются следующие способы выражения грамматических значений: агглютинация, внутренняя флексия, аналитические конструкции, словосложение, порядок слов, супплетивизм. Способы выражения грамматических значений выступают всегда не по отдельности, а в совокупности: например, агглютинация вместе с внутренней флексией, словосложение с внутренней флексией и т.д.

Агглютинация представлена в системе словообразования и словоизменения глагола, склонения имени, образования степеней сравнения прилагательных и наречий и др. Посредством внутренней флексии различаются формы ед. и мн. числа номинатива, номинатив и генетив ед. числа и др. К аналитическим формам глагола относятся перфектные и плюсквамперфектные конструкции, отрицательные формы презенса, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта, а также сослагательного наклонения, послеложные/предложные конструкции. В целом С.я. может быть охарактеризован как агглютинативный со значительным развитием внутренней флексии и аналитизма.

2.3.1. В современном С.я. грамматические разряды слов, в общем, разграничены. Это разграничение в основном проводится по формальному (наличие/отсутствие словоизменительных категорий) и семантическому принципам. Однако между некоторыми частями речи границы бывают недостаточно четкими, например между прилагательным и наречием: šig 'хороший' и 'хорошо'. Часть послелогов и предлогов по синтаксическому употреблению отличаются от наречий.

2.3.2. В С.я. грамматический род, как и другие типы категориальной качественной классификации, отсутствует. Однако в местоимениях проявляется противопоставление одушевленного (человека) и неодушевленного (нечеловека). При выражении одушевленного понятия употребляется вопросительное местоимение *ke?* 'кто?', при неодушевленном *mi?* 'что?'.

2.3.3. Грамматическое число выражается в местоимениях, имени и глаголе, реализуясь в формах ед. и мн. числа. В западных диалектах местоимения и глагол имеют еще форму двойственного числа. В именах восточных диалектов множественность выражается при помощи внутренней флексии, в западных диалектах — агглютинативными показателями. В косвенных падежных формах имени мн. число образуется комбинированно: путем агглютинативных показателей и внутренней флексии. Противопоставление форм ед. и мн. числа в глаголе реализуется также при помощи агглютинативных суффиксов и внутренней флексии.

2.3.4. Падежные значения выражаются при помощи падежных суффиксов. В саамских диалектах насчитывается от 8 до 10 падежей. Посредством падежей выражаются субъектно-объектные отношения, различные пространственные отношения, совместность, орудийность, цель, причина, время и многие другие значения. Падежные значения выражаются также многочисленными послелогами и предлогами.

Значение притяжательности выражается либо косвенными формами личных местоимений, либо с помощью притяжательных суффиксов, например: *muŋe až* 'мой отец', *miŋ rejt* 'наш дом', *jaŋna-m* 'моя, наша мать', *jaŋna-t* 'твоя мать', *jaŋna-nt* 'ваша мать', *jeŋne-ś* 'его, их мать', либо генитивной формой имен, например: *mer rjŋt* 'берег моря'.

2.3.5. Глаголы не имеют морфологических способов для передачи совершенности/несовершенности действия, однако словообразовательные суффиксы глаголов могут передавать тончайшие оттенки протекания действия, например: мгновенность, длительность, многократность, однократность действия, т.е. придают глаголу видовые оттенки. Залоговые оттенки значения возвратности-рефлексивности также передаются суффиксально — глаголообразующими суффиксами.

Модальность может передаваться 1) словоизменительными, 2) словообразовательными и 3) лексическими средствами.

Словоизменительный способ передачи модальности — это выражение ее формами четырех наклонений. В С.я. имеется также словообразовательный суффикс, передающий модальность, например: *jugg-e* 'пить' — *jug-suvv-e* 'хотеть пить', *rog-e* 'есть' — *rog-suvv-e* 'хотеть есть'. К лексическим средствам передачи модальности можно отнести слова *bidd* 'нужно', *geŋk* (нотозерское) 'нужно', *tahte* 'хотеть', *tevve* 'хотеть', *mahte* 'мочь' и др., а также модальные частицы.

2.3.6. Грамматическое лицо находит свое выражение в имени, глаголе и личных местоимениях. В именах эта категория проявляется в лично-притяжательном склонении, в глаголах — в личном спряжении. Выразителем глагольного действия может быть 1, 2, 3 лица ед. или мн. числа.

Категория определенности/неопределенности в имени в С.я. отсутствует. Однако у глагола наряду с определенно-личными формами имеются и неопределенно-личные.

Грамматическое время выражается в формах глагола. По отношению к моменту речи в С.я. различаются четыре времени: два простых (презенс и имперфект) и два сложных (перфект и плюсквамперфект). Презенс передает настоящее

и будущее время, имперфект, перфект и плюсквамперфект передают прошедшее время.

Выражение пространственной ориентации осуществляется при помощи указательных местоимений и наречий. Особенностью указательных местоимений является их способность различать четыре степени удаленности предмета от говорящего лица. Местоимение *tadd* 'этот' обозначает предмет, расположенный близко от говорящего, *tedd* — предмет, расположенный на некотором расстоянии от говорящего, *tudd* предмет более удаленный, местоимение *toledde* — предмет, наиболее удаленный от говорящего.

В различных грамматических классах слов отрицание выражается различным образом. При глаголах отрицание выражается с помощью аналитических конструкций. Непременным компонентом этих конструкций во всех временах (презенс, имперфект, перфект, плюсквамперфект) являются личные формы отрицания (*em* 'я не', *egg* 'ты не', *ei* 'он не', *jebb* 'мы не', *jebbe* 'вы не', *jev* 'они не'), сочетающиеся с личными формами вспомогательного глагола и/или с причастием смыслового глагола. При повелительном наклонении имеются отрицательные формы только 2 лица ед. и мн. числа (*jel*, *jelle*). В модальных конструкциях употребляется особая форма отрицания *ibi* 'не нужно'.

В конструкциях с именем употребляется отрицание *eŕ'a* 'нет'. Со значением отрицания выступают также каритивные прилагательные и отрицательные причастия.

Разнообразны по значению отрицательные местоимения: *nike* 'никто', *nimi* 'ничто', *nikešš* 'никогда', *nikoz* 'никуда', *nimen* 'ничего' и др.

2.3.7. В С.я. выделяются следующие семантико-грамматические разряды слов: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, предлоги и послелоги, союзы, частицы, междометия.

Имя существительное обладает грамматическими категориями падежа, числа, лично-притяжательности.

Качественные прилагательные и наречия имеют степени сравнения: сравнительную и превосходную (о глаголе см. 2.4.0.).

Числительные в С.я. разделяются на количественные, порядковые, дробные и обстоятельственные. Они не обладают единными морфологическими и синтаксическими признаками. Порядковые числительные от трех и далее образуются от количественных с помощью суффикса *-ant*: *kolm* 'три' — *kuallmant* 'третий', *nelj* 'четыре' — *nal'jant* 'четвертый', *vjdd* 'пять' — *vjdant* 'пятый' и т.д. Числительные 'первый', 'второй' образуются от других корней: *refve* 'первый' (заимствование из русского языка), *niŕr* 'второй'. Дробные числительные образуются от количественных при помощи суффикса *-eŕk* (*-eŕk*): *kuŕt* 'два' — *kuteŕk* 'одна вторая', *kolm* 'три' — *kolmeŕk* 'одна третья'. Обстоятельственные числительные образуются особо, например: *kutas* 'вдвоем', *kufe-kufe* 'по двое', *kolme-kolme* 'по трое'.

Имеются следующие разряды местоимений: личные, возвратные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные. К личным местоимениям относятся: *tonn* 'я', *tonn* 'ты', *sonn* 'он', *mji* 'мы', *tji* 'вы', *sji* 'они'. В западных диалектах (например, Полмак) имеются личные местоимения двойственного числа: *moai* 'мы двое', *doai* 'вы двое', *soai* 'они двое'.

Другие разряды местоимений: относительные — *ku* 'который', *maŕte* 'какой', *tuŕga* 'такой'; разделительное — *kuatran* 'который из двух'; неопределенные — *kepe* 'кто-нибудь', *mine* 'что-нибудь', *kefanč* 'кто-то', *miŕanč* 'что-то', *kune*

'какой-нибудь', *kuéssne* 'когда-либо', *kuéss'fanč* 'когда-то'; отрицательные — *nike* 'никто', *nimi* 'ничто', *nikuešš* 'никогда', *nikoz* 'никуда', *niku* 'ни один', *niken* 'ничей', *nimen* 'ничего', *nikašt* 'нигде'.

К служебным словам относятся послелогог/предлоги, союзы, частицы. Некоторые послелогоги могут выступать и в качестве предлогов.

Собственно-послелогоги: *baijas* 'с (откуда)', 'о', 'об', *baije* 'в течение', *bař* 'во время', *dit* 'для', *duéřv* 'для', *guéika* 'для'.

Предлоги: *šil* 'вдоль', *kesk* 'посредине', *keskeř* 'между', *kuéř* 'по', 'вдоль', *rau* 'мимо', *gast* 'через', *tuéřes* 'через'.

Послелогог-предлоги: *rejeř* 'через', *vušt* 'с', 'до', 'около'. Послелогог-наречия: *al'n* 'на', 'над', 'с', *mil'te* 'по', 'вдоль', 'за', *el* 'на', 'в', *evdešt* 'перед', 'вперед'.

Собственно послелогоги пространственного значения, образовавшиеся от существительных, могут составлять серию, члены которой содержат застывшие форманты разных локальных падежей и соответственно уточняют нахождение где-либо или направление куда/откуда-либо, ср.: *gurešt* 'у', 'около', *gurge* 'к', 'за (куда)', *gurgeř* 'с (откуда)', *luz* 'к', *luň* 'у', 'около', *šjš* 'в', *šjz* 'к', 'в', *tuggeň* 'за (где)', *tuéřga* 'за (куда)', *vuň* 'под (где)', *vueřla* 'под (куда)'.

С морфологической точки зрения союзы можно разбить на простые и составные: например, союзы *ja*, *te*, *i* 'и', *ali* 'или' — простые; союзы *kuéss...tanna* 'когда... тогда', *jesli...* *tanna* 'если... тогда' являются сложными. К сочинительным относятся: соединительные — *je*, *te*, *a*, *i* 'и'; разделительный — *ali* 'или'; противительные — *a* 'а', *no* 'но'; пояснительный — *temit* 'поэтому'. К подчинительным относятся изъяснительные — *što* 'что', *štobe* 'чтобы'; цели — *što* 'чтобы'; условные — *jesli* 'если', *aga* 'если'; временной — *kuéss* 'когда'; причинный — *a to* 'а то'.

Частицы могут выступать либо отдельно от слова, занимая как препозитивное, так и постпозитивное положение по отношению к нему, либо присоединяться к слову. В зависимости от этого частицы можно разделить на самостоятельные и частицы-клитики. Самостоятельные частицы: *ašte* 'вот', 'так', *buše* 'больше', *da* 'и', *gu* 'как', *gudeř* 'как будто' и др. Частицы-клитики: *-denne*, *-des*, *-ga*, *-ges*, *-gul*, *-še* и др.

Служебные слова не изменяются.

К междометиям по своей грамматической обособленности приближаются звукоподражательные (ономатопэтические) слова.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена, наречия, местоимения

Ед. число показателя не имеет. В номинативе показателем мн. числа является изменение основы, суффиксального показателя мн. числа нет. В косвенных падежах значение множественности передается падежными суффиксами, в падеже абессиве — показателем *-e* (*-e*), присоединяемым к основе слова: *mug-xa* 'без дерева' — *muge-xa* 'без деревьев'.

Склонение имен существительных *kuř* 'рыба', *murg* 'дерево'

		Ед. ч.	Мн. ч.
Номинатив	кто-, что-л.	<i>kuř</i> , <i>murg</i>	<i>kuř</i> , <i>mur</i>
Генитив	кого-, чего-л.	<i>kuř</i> , <i>mur</i>	<i>kulle</i> , <i>murre</i>
Аккузатив	кого-, что-л.	<i>kuř</i> , <i>mur</i>	<i>kule-t</i> ; <i>mur -t</i>

		Ед. ч.	Мн. ч.
Эссив	кем-, чем-л.	kulle-n', murre-n'	kulle-n', murre-n'
Инессив-	в ком-, чем-л.	kule-s't'; mure-s't'	kule-n', mure-n'
Элатив			
Датив-	в кого-, во что-л.	kuella, mur'e	kule-t', mure-t'
Иллатив			
Абессив	без кого-, чего-л.	kul'-ха, mur-ха	kule-ха, mure-ха
Комитатив	с кем-, чем-л.	kule-n', mure-n'	kule-guim, mure-guim

Как видно из парадигмы, сильная основа выступает в номинативе ед. числа, генитиве мн. числа, эссиве ед. и мн. числа, дативе ед. числа. Слабая ступень соответственно выступает во всех остальных падежах. Как правило, падежное значение выражается комбинацией падежного суффикса и внутренней флексии. Некоторые падежи различаются только с помощью внутренней флексии (например, эссив и комитатив ед. числа). Помимо основного в С.я. имеется лично-притяжательное склонение. При соотношении обладателя и обладаемого возможны комбинации: один обладатель — много обладаемых, много обладателей — одно обладаемое, много обладателей — много обладаемых.

При образовании степеней сравнения в основе прилагательных и наречий могут происходить фонологические чередования, как и при именном словоизменении, например: *húešš* 'плохой' (положительная степень) — *húeža* 'хуже' (сравнительная степень) — *húežmus* 'совсем плохой' (превосходная степень). Гласные также чередуются, ср., например: *šutt* 'большой' — *šáfamp* (или *šáfa*) — *šufmus*. Как видно из примеров, положительная степень не имеет показателя, показатель сравнительной степени -mp, превосходной -mus.

Склонение личных местоимений *tonn*, *muun* 'я', *tonn* 'ты', *sonn* 'он', *mijj* 'мы', *tijj* 'вы', *sijj* 'они' (при гласной основе *tone*, *tone*, *sonne*, *mine*, *tiine*, *siine*) не отличается от склонения имен. При склонении возвратного местоимения *iž* 'сам' употребляются лично-притяжательные суффиксы. Указательные местоимения склоняются по общим моделям. О склонении вопросительных местоимений см. таблицу в 2.4.0.

Наряду со способом внутренней флексии при образовании мн. числа отдельных разрядов местоимений в номинативе используется агглютинативный показатель мн. числа: *ke* 'кто' — *kegg* (мн. ч.), *mi* 'что' — *tegg* (мн. ч.), *tedd* 'этот' — *tegg* (мн. ч.), *tudd* 'тот' — *tugg* (мн. ч.).

Глагол

Глагол имеет следующие грамматические категории: четыре наклонения: изъявительное (индикатив), сослагательное, или условное (кондиционал), возможное (потенциал), повелительное (императив); четыре времени: презенс, имперфект, перфект, плюсквамперфект; два числа — единственное и множественное (в западных диалектах еще и двойственное); три лица единственного и множественного числа.

Индикатив формальным показателем не маркируется, имеет четыре формы времени: презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект.

Спряжение глагола
saŋne 'говорить'

Индикатив

Презенс

Имперфект

Утвердительные формы

	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	sarna(-m)	saŋne-p	saŋne	sarne-m
2 л.	sarna-k(-x)	saŋne-bb̃e	saŋne-k(-x)	sarne-t'
3 л.	saŋn	saŋne-v	sarne	saŋne-n

В презенсе сильная основа выступает в 3 л. ед. числа, 1, 2, 3 л. мн. числа, в имперфекте в 1, 2 л. ед. числа и в 3 л. мн. числа, а также в инфинитиве. В остальных случаях презенса и имперфекта выступает слабая основа.

Отрицательные формы в презенсе индикатива образуются сочетанием личных форм отрицания (см. 2.3.6.) с вспомогательной формой, представляющей собой слабую согласную основу спрягаемого глагола, а в имперфекте — с причастием:

Презенс

Имперфект

	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	em sarn	jebb̃ sarn	em sarnma	jebb̃ sarnma
2 л.	egg sarn	jebb̃e sarn	egg sarnma	jebb̃e sarnma
3 л.	ei sarn	jev sarn	ei sarnma	jev sarnma

Перфект образуется при помощи личных утвердительных/отрицательных форм презенса вспомогательного глагола бытия и причастия смыслового глагола. Плюсquamперфект образуется по этой же модели, только вспомогательный глагол спрягается в имперфекте.

	Перфект		Плюсquamперфект	
	Утв. формы	Отр. формы	Утв. формы	Отр. формы
	Ед. ч.			
1 л.	ʼa sáŋnma	em ʼa sáŋnma	lije sáŋnma	em liija sáŋnma
2 л.	ʼagg sáŋnma	egg ʼa sáŋnma	lije-k(-x) sáŋnma	egg liija sáŋnma
3 л.	li sáŋnma	eʼʼa sáŋnma	ʼaʼj sáŋnma	elliij sáŋnma
	Мн. ч.			
1 л.	leb̃p sáŋnma	jebb̃ ʼa sáŋnma	lijem sáŋnma	em liija sáŋnma
2 л.	leb̃pe sáŋnma	jebb̃e ʼa sáŋnma	lijet' sáŋnma	jebb̃e liija sáŋnma
3 л.	lev sáŋnma	jevʼa sáŋnma	lijem' sáŋnma	jev liija sáŋnma

Кондиционал имеет формы имперфекта и перфекта. Признаком сослагательного наклонения является суффикс -č-, присоединяемый к слабой основе глагола: aʼke 'начинать' — alkč̃e 'я начал бы'. Еще пример: tupp̃n vuastč̃e velosipet, ježli ruadač̃ tunc viʼʼ 'Я купил бы велосипед, если бы приехал мой брат'. Перфект образуется по модели индикатива, однако вспомогательный глагол выступает в форме кондиционала.

Кондиционал

		Имперфект		Перфект	
		Утв. формы	Отр. формы	Утв. формы	Отр. формы
Ед. ч.					
1 л.	sarnče	em sarnče	lihče sáŋnma	em lihče sáŋnma	
2 л.	sarnče-k(-x)	egg sarnče	lihče-k(-x) sáŋnma	egg lihče sáŋnma	
3 л.	sarneč	ei sarnče	lahč sáŋnma	ei lihče sáŋnma	
Мн. ч.					
1 л.	sarnčem	jebŋ sarnče	lihčem sáŋnma	jebŋ lihče sáŋnma	
2 л.	sarnčet	jebŋe sarnče	lihčet' sáŋnma	jebŋe lihče sáŋnma	
3 л.	sarnčen	jev sarnče	lihčen sáŋnma	jev lihče sáŋnma	

Потенциал образуется с помощью показателя -n-, присоединяемого к слабой основе глагола: корče 'собирать' — корč-n-em 'возможно, соберу'.

Императив имеет только формы 2 л. ед. и мн. числа.

Императив

Утв. формы		Отр. формы		
Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	
2 л.	sarn	sarnegge	jel' sarn	jelle sarn

Наряду с личными формами имеются еще и неопределенно-личные (презенс и имперфект) и безличные (см. 2.5.3.).

Инфинитивные формы

К инфинитивным формам относятся инфинитив, причастия, герундии и имена действия.

Инфинитив оформлен суффиксом -d'(-t), который начинает исчезать. Причастия разделяются на активные и пассивные. Активные причастия образуются при помощи суффикса -ei(-ii).

Причастия на -та и -епč (-jпč) употребляются в качестве определений при имени и при образовании аналитических глагольных форм — перфекта и плюсквамперфекта. В зависимости от определяемого имени эти причастия могут иметь как активное, так и пассивное значение. Например, активное значение: uĵta pasteĥ 'ушедший пастух', luĵkmenč paĥ 'плакавший мальчик'; пассивное значение: sáĝma kul'f 'пойманная рыба', raddjnc murr 'срубленное дерево'.

К герундию можно отнести форму на -men', передающую второстепенное сопутствующее действие, например: sonn árg pętešt' logmen' kniga 'Он сидит дома, читая книгу'.

Имеется категория отглагольных имен действия, которая занимает промежуточное положение между именем и глаголом. Отглагольные имена, выражающие процесс действия, выступают в предложении или в функции определения перед другими именами, или в сочетании с глаголами в функции различного рода обстоятельств. Имена действия характеризуются суффиксом

-em (-em): *sirrem sajj* 'место для игры' (букв. 'играние-место'), *kirtem kiññ* 'котел для варки' (букв. 'варение-котел').

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Структурно модель именной словоформы представляет собой цепочку морфем в следующей последовательности: основа слова + лично-притяжательный суффикс + показатель падежа: *ruaz-an-guim* 'с нашим оленем'. Лично-притяжательные суффиксы могут выступать как перед падежным суффиксом: *ruaz-an-xa* 'без его оленя', так и после него: *ruaz-xe-nant* 'без твоего оленя'.

В глагольной словоформе за основой следует показатель склонения или времени и завершает словоформу показатель лица-числа, например: *alk-š-ek* 'ты начал бы'.

Префиксов в С.я. нет. Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным. Следует отметить строгую иерархию и последовательность расположения словообразовательных суффиксов по отношению к основе слова. Непосредственно за основой слова следует транспортирующий суффикс отыменных глаголов или суффикс, образующий глаголы длительного действия. Затем следуют возвратные, каузативные суффиксы, и завершают цепочку суффиксы видовой направленности. Как правило, комбинации суффиксов всех порядков встречаются редко.

2.5.2. Для С.я. характерны три основных способа словообразования: морфологический (суффиксация), синтаксический (словосложение), морфолого-синтаксический (категориальный переход). Морфологический способ словообразования в наибольшей степени присущ глаголу. Словообразовательные суффиксы передают тончайшие оттенки протекания действия, например: мгновенности: *rāsse* 'дуть' — *rāšje* 'дунуть', *rāsse* 'брызгать' — *rāšle* 'брызнуть'; длительности действия: *ešte* 'догнать' — *estxellexe* 'догонять', *vužxe* 'показать' — *vuežxellexe* 'показывать'; однократности: *rešte* 'приклеить, прикрепить' — *reštašte* 'прикрепить один раз'; залоговые оттенки: каузативности — *kudde* 'оставить' — *kudxe* 'заставлять остарить', *fagge* 'реветь' — *rigxahte* 'заставлять реветь'; рефлексивности — *vužxe* 'показать' — *vueznedde* 'показаться'. Зачастую суффиксы употребляются в комбинации, например: *rušte* 'трясти' — *ruštluvve* 'стряхнуться'. Здесь рефлексивный суффикс *-uvv-* выступает в комбинации с суффиксом однократного действия *-л-*. Словообразование довольно продуктивно и для имен существительных. С помощью словообразовательных суффиксов образуются имена существительные: уменьшительные: *rejt* 'дом' — *rejtññ* 'домик'; абстрактные: *vartek* 'богатый' — *vartekvudd* 'богатство'; выражающие процесс или результат действия: *logge* 'читать, считать' — *logmuš* 'чтение, счет' и др.

Словосложение является продуктивным способом для имен существительных. Между компонентами сложных слов имеется как сочинительная, так и подчинительная связь. Примеры сложных слов: *rešsmurr* 'береза' (ср. *rešš* 'береста', *murr* 'дерево'), *rušškipl* 'русский язык' (ср. *rušš* 'русский', *kipl* 'язык, наречие'), *javrgiñt* 'берег озера' (ср. *javr* 'озеро', *giñt* 'берег'), *nammbejv* 'именины' (ср. *namt* 'имя', *rejv* 'день').

Морфолого-синтаксический способ является наименее продуктивным. Способом конверсии образуются субстантивированные причастия (*tujšei* 'рабочий' < 'работающий', ср. *tujš* 'работать', *lexsei* 'врач' < 'лечащий', ср. *lexse* 'лечить') и отглагольные имена (*pessem* 'корыто', первоначальное значение 'мытье', *peškem* 'скребок', первоначальное значение 'соскребание').

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная.

По своему составу простые предложения делятся на односоставные и дву-

составные, они могут быть распространенными и нераспространенными. Односоставные предложения: *abfáxt* 'идет дождь', двусоставные предложения: *ruze ruđen* 'олени пришли', *akeñč kebšeaškude* 'старушка заболела'.

В зависимости от выражения действующего лица или шире — субъекта действия, повествовательные простые предложения подразделяются на личные, неопределенно-личные, безличные, модальные и инфинитивные.

В личных предложениях предикат выражен глаголом в личной форме: *jilliñ kalsjnc ja akjnc* 'жили старик и старуха', *nijt li jelman* 'девушка (есть) живая'.

Неопределенно-личными называются предложения, в которых действующее лицо является неопределенным; сказуемое выражено неопределенно-личной формой глагола: *mañña dolteñ al'ket rajket lihke* 'потом долотом начинают делать отверстия'.

К безличным предложениям относятся такие, в которых действующее лицо не может быть выражено: *jahta muneht* 'вчера морозило'.

В модальных предложениях действие передается сочетанием модального глагола (или другого слова с модальным значением) с инфинитивом. Субъект действия выражается именем существительным или эквивалентным ему словом в дативе-иллативе: *a kalsjnc bidd murijt rodde* 'а старику нужно дрова рубить'.

К инфинитивным предложениям относятся предложения, в которых субъект действия остается невыраженным, а инфинитив соотносится с именем прилагательным или наречием: *kelman ʔanč vuedde* 'холодно будет спать'.

В предложениях с именным составным сказуемым всегда употребляется связка — вспомогательный глагол в соответствующем лице-числе: *monn ʔam mehsla* 'я (есть) охотник', *monn eʔʔa mehsla* 'я не охотник'. В С.я. отсутствует глагол со значением 'иметь'. В предложениях типа 'у меня есть' лицо, обладающее чем-либо, выражается именем или местоимением в инессиве-элативе: *minep levšig ruze* 'у нас есть хорошие олени'. При этом обладаемое лично-притяжательного суффикса не получает.

В С.я. можно выделить следующие способы синтаксических связей: *согласование, управление, примыкание, соположение*. *Согласуются* в числе именное подлежащее и сказуемое: *oñte vancau* 'люди идут'; в лице/числе — лично-местоименное подлежащее и глагольное сказуемое. *Прилагательное, определяющее имя, не согласуется* с ним в числе и падеже. *Числительные* от двух до шести управляют существительными в аккузативе ед. числа: *kolm kuz* 'три ели', числительные от семи и выше управляют именем существительным в партитиве или генитиве мн. числа: *kižem kusse* или *kižem kuz* 'семь елей'. В комитативе ед. числа числительное согласуется с существительным: *sonn vijel kuteñ alteñ* 'он поехал на двух важниках'. Глагол управляет тем или иным падежом имени: *entlede reŕte* 'он попросился в избу'. Абсолютное большинство послелогов и предлогов употребляется с именами в генитиве, и только небольшая часть — в других падежах.

При помощи примыкания связываются между собой глагол и наречие, глагол и инфинитив, наречие и наречие: *vahtinne rueddov rus* 'скоро придут шведы', *sonn vulke guljedde* 'он пошел гулять', *sji jel'bv pere čofta vaivšenne* 'они живут очень-очень бедно'.

Посредством соположения соединяются между собой компоненты именного определительного сочетания: два имени в номинативе, имя действия и субстантив: *repne tojk* 'собачья шкура' (букв. 'собака-шкура'), *kiptem kimí* 'котел для варки' (букв. 'варение-котел').

Порядок слов в С.я. относительно свободен, за исключением некоторых случаев.

Определения предшествуют определяемым; это касается субстантивных определительных сочетаний, например *sub' b lest* 'осиновый лист' (букв. 'осина-лист'), и сочетаний с именами действия на *-em(-em)* *l'aškem puiff* 'аркан' (букв. 'ловление-веревка').

В зависимости от целей общения предложения можно разбить на следующие типы: повествовательные, вопросительные и восклицательные.

2.5.4. Одним из распространенных способов соединения предложений является бессоюзная связь (хронологически наиболее древняя), при которой зависимость между предложениями (временная, причинная, условная, следственная и т.д.) выражается путем последовательного перечисления простых предложений: *menē pafši nčē, gāde brevna, karse vukset* 'он пошел к пареньку, выдернул бревно, вычистил сучья', *tost li lad'v, tonn evdest' vañc* 'у тебя вершина, (поэтому) ты иди вперед', *rall puadd, tonn tabet'* '(если) мяч придет, ты схвати'.

В большинстве случаев предложения, однако, связываются между собой посредством сочинительных и подчинительных союзов, а некоторая часть сложноподчиненных предложений — при помощи вопросительных местоимений, употребляемых в функции относительных.

2.6.0. С.я. унаследовал значительное количество слов из уральского и финно-угорского языков-основ, однако в его лексику вошло также немало заимствований из разных источников.

В саамских диалектах выявляются слова, имеющие соответствия в самодийских языках, однако вопрос о том, восходят ли они к уральскому праязыку или появились вследствие контактов, остается в настоящее время открытым.

Четко зафиксированным пластом заимствований являются балтийские (литовско-латышские) заимствования, вошедшие в С.я. через прибалтийско-финские языки: *kañm* 'тезка', *luss* 'семга', *suñ* 'сено', *suñ* 'изморозь', *suell* 'остров' и др.

Более значительно, чем балтийские, представлены германские заимствования, проникшие в С.я. либо через прибалтийско-финские языки, либо непосредственно из германских языков: *su'vd* 'жабры', *ru'vd* 'железо', *vu'fte* 'ждать', *ku'sš* 'гость', *go'sš* (иоканьгск.) 'конь', *pujt* 'жир', *akš* 'топор'.

Во всех саамских диалектах Кольского полуострова широко представлены русские заимствования. Они свидетельствуют о тесных контактах саамов и русских в различных сферах хозяйственной и общественной жизни: *kareb* 'корабль', *kuel'c* 'кольцо', *mi'gr* 'мир, вселенная', *saħar* 'сахар' и др. Некоторые заимствования вошли в саамские диалекты через карельский язык: *nedtel'* 'неделя', *teñk* 'деньги', *suveht* 'суббота', *nevešk* 'невестка'. Из древнерусского через финский вошли в саамские диалекты слова: *tošk* 'тоска', *rišt* 'крест', *pañp* 'пол', *meť* 'мера' и др.

2.7.0. В настоящее время С.я. принято разделять на десять главных диалектов: диалект южных саамов в Швеции и Норвегии, диалект ууме в Швеции, диалект пните в Швеции и Норвегии, диалект лууле в Швеции и Норвегии, диалект северных саамов в Швеции и Норвегии, диалект саамов инари в Финляндии, диалект колта в Норвегии, Финляндии и Российской Федерации, бабинский, кильдинский, йоканьгский диалект (все три в Российской Федерации на Кольском полуострове). Однако границы между диалектами очень зыбки. Более отчетливы различия между восточным и западным наречиями. Так, западносаамские диалекты четко отличаются от восточносаамских по конечной огласовке. Западносаамским *-ik, -ihk* соответствуют восточносаамские *-šk, -št*, например: лууле *tjuoiħka* норвеж.-саам. *čuoika* 'комар' соответствуют кильд. *čušk* и йоканьг. *čišk*; норвеж.-саам. *luvitet* 'пускать' соответствует кильд. *lušt* и йоканьг. *lištad'*. Сочетания согласных *ŋk, mp, nt, nc, nč* в кильдинском диалекте

соответствуют сочетаниям gg, bb, dd западных диалектов, например: кильд. gañt' 'грудь' — лууле gadde, кильд. keñs 'ноготь', 'коготь' — лууле kaadse и т.д. Характерным фонетическим явлением кольско-саамских диалектов является палатализация согласных, которая в кильдинском диалекте носит фонологический характер.

К числу морфологических отличий относятся следующие. В западных диалектах мн. число в номинативе имени существительного выражено показателями -t, -k, -ht, -hk, -k; в кильдинском диалекте — внутренней флексией. В кильдинском диалекте падежи инессив и элатив с формантом -št' (ед.ч.) и -n' (мн.ч.) совпали; в западных же диалектах Швеции (Арьеплуг) инессив и элатив имеют разные суффиксы. О двойственном числе уже говорилось (см. 2.3.3.). В южных диалектах почти полностью отсутствуют наклонения потенциал и кондиционал. В восточных диалектах имеются неопределенно-личные формы презенса и имперфекта глагола; в западных диалектах эти формы отсутствуют.

В синтаксисе существенных различий между диалектами нет. Следует отметить наличие в западных диалектах согласования в некоторых падежах между именем прилагательным-определением и существительным-определяемым. В некоторых западных диалектах (в отличие от восточных) количественные числительные склоняются.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайков П.М.* Бабинский диалект саамского языка. Петрозаводск, 1987.
- Керт Г.М.* Саамский язык. Л., 1971
- Керт Г.М.* Словарь саамско-русский и русско-саамский Л., 1988.
- Керт Г.М., Зайков П.М.* Образцы саамской речи. Петрозаводск, 1988.
- Саамско-русский словарь. М., 1985.
- Bergsland K* Røros-lappisk grammatik // Instituttet for sammenlignende kulturforskning Oslo, 1947. Bd. 43.
- Collinder B.* The Lappish dialect of Jukkasjärvi. Uppsala, 1949.
- Itkonen E.* Struktur und Entwicklung der ostlappischen Quantitätssysteme // Mémoires de la Société finno-ougrienne, 1946. 88.
- Itkonen T.I* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.
- Itkonen T.I.* Venäjänlapin konsonanttien astevaihtelu Koltan, Kildinin ja Turjan murteiden mukaan // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1916. 39.
- Korhonen M.* Lapin murteiden keskinäisistä suhteista // Lapin Tutkimusseura. Kemi, 1964. Vuosikirja 5.
- Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Lagercrantz E.* Sprachlehre des Westlappischen nach der Mundart von Arjeplog // Mémoires de la Société finno-ougrienne, 1926. 80.

ВОЛЖСКИЕ ЯЗЫКИ

Е.И. Коведлева

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Марийский язык (М.я.) — язык народа, который себя называет *мари* (что означает также "муж"). В царской России был принят другой вариант названия: "черемисский язык", так как народ назывался "черемисы". В зарубежной литературе термины типа "черемисский" встречаются чаще, чем термин типа "марийский"; ср. нем. Tscheremissisch, венг. cseremisiz и mari, англ. Mari (Cheremis).

1.1.2. М.я. относится к финно-пермской ветви финно-угорской подсемьи уральских языков.

1.1.3. М.я. распространен на территории республики Мари (Марий Эл), в некоторых районах Кировской и Нижегородской области Российской Федерации, в ряде районов Татарии, Удмуртии, Башкирии, а также в Екатеринбургской и Пермской областях Российской Федерации (главным образом по рекам Уфе и Сылве).

Общая численность марийцев — 670 тыс. 868 человек (перепись 1989 г.). Из них М.я. родным считает 86,7% от общего числа марийцев.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Традиционное в зарубежном финно-угроведении деление марийских диалектов на восточный и западный основано прежде всего на междиалектных корреспонденциях гласных первого слога в однокоренных одинаковых по значению словах лугового и горного диалектов: луг. *вож* — горн. *важ* 'корень', луг. — *лым* 'снег', *шеме* — *шимы* 'черный', — *лум* — *лым* 'имя' и др.

В России во второй половине XIX в. в целях печатания книг религиозного содержания было принято деление марийских диалектов на горный (на его основе формировался отдельный горномарийский литературный язык, см. 1.3.2.), луговой и восточный (учитывались прежде всего лексические расхождения, в меньшей мере — фонетические).

В 60-е годы нынешнего века в Марийской республике в особый, северо-западный, диалект объединились говоры северо-западной зоны бытования М.я., отличающиеся от других диалектов фонемным и лексическим составом (в какой-то степени и морфологическими особенностями).

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. М.я. является языком внутринационального общения. На нем в Республике Мари-Эл выходит периодическая печать, ведутся передачи по радио, издается научно-публицистическая и художественная литература, осуществляются театральные постановки, работает общеобразовательная школа.

Носители М.я., как правило, двуязычны: по данным переписи 1989 г., свободно владеют русским языком 69,9%. Многие марийцы пользуются для общения с местным населением и третьим языком — татарским, башкирским или удмуртским.

1.3.2. Существуют два литературных М.я. — лугово-восточный и горномарийский. В основе первого лежит моркинско-сернурский говор лугового диалекта; словарь лугово-восточного литературного языка в значительной степени пополнен лексикой восточного диалекта.

Зарождение письменного языка относится к началу XIX в., когда появились первые переводные книги религиозного содержания на М.я.. Начало светской литературе на М.я. положили произведения первых марийских писателей на рубеже XIX и XX вв.. Впервые нормы марийского литературного языка были рассмотрены на страницах ежегодника "Марийский календарь" ("Марла календарь", Казань, 1907—1913 гг.) Известную роль в развитии литературного М.я. во второй половине XIX в. сыграла деятельность составителей "Букварей" для детей на родном языке и переводчиков из числа носителей языка. В советское время сформировался развитый литературный язык благодаря марийской художественной и общественно-политической литературе, театру, школе.

1.3.3. М.я. является языком обучения общеобразовательным предметам в начальных классах и языком преподавания марийского языка и литературы в старших классах марийских школ.

М.я. изучается в научных центрах финно-угроведения в Москве, Йонкар-Оле, Таллинне, Тарту, Будапеште, Хельсинки, Турку, Упсала, Блумингтоне. Особая роль в изучении марийского языка, его диалектов принадлежит ученым

республики, работающим в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, университете, пединституте.

1.4.0. Появление письменности на М.я. связано с христианизацией марийцев, и с самого начала ее возникновения она формировалась на основе русской графики — кириллицы. Для обозначения специфических фонем были использованы особые знаки; буквы *ö, ü, ӥ* были применены уже в "Букваре" Г.Яковлева (Казань, 1870; на луговом наречии). Впоследствии, особенно в советское время, алфавит много раз пересматривался, и в настоящее время алфавит лугово-восточного М.я. имеет следующий состав: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, ӥ, о, ö, п, р, с, т, у, ү, ф, х, ч, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я*.

Основной принцип марийской орфографии — фонетический, однако имеются случаи, когда написание основывается на морфологическом принципе, например: *вӱд/вӱт/‘вода’, ср. вӱдым/вӱдыт/‘воду’*. Долгота согласных (в исконно марийских словах они встречаются только на стыке морфем) обозначается удвоением соответствующих букв: *вӱдда/вӱтта/‘ваша вода’, ушкалла ‘как корова’ (ушкал ‘корова’), мыланна ‘нам’ (ср.: мыланем ‘мне’)*. Мягкость согласных /l/ и /n/ перед твердыми согласными и гласными /o, ö, ä/ обозначается при помощи мягкого знака ь: *шӱльö ‘овес’, шольö ‘младший брат’, оньö ‘тесть’, нальым ‘я взял’, кольмо ‘лопата’, пыльтка ‘выцветший’*.

Поздние русские заимствования пишутся по правилам русской орфографии: *ферма, тонна, ясли, роль* и т.д. Сочетания /jo, jö, jä, jü/ пишутся йо-, йö-, йя-, йю- (*йол ‘нога’, йöсö ‘трудно’, йыжыг ‘сустав’, йӱаш ‘пить’*), однако сочетания /ja, ju, je/ обозначаются, как и в русской графике, буквами я, ю, е (*юж ‘воздух’, ял ‘деревня’, ер ‘озеро’, чия ‘краска’*). Этими же буквами обозначается мягкость согласных перед гласными /a, i/ (*мурня /мурӱа/ ‘труба’, коля /кӱӱа/ ‘мышь’, нюго /нюӱо/ ‘мелюзга’*). Перед гласным /e/ согласные могут иметь как мягкое, так и твердое произношение: *неле /nele/ ‘тяжелый’, нале /nale/ ‘он взял’, нер /ner/ ‘нос’, вынер /вӱӱег/ ‘холст’, т.е. написание не отражает этой особенности марийского произношения*.

1.5.0. Первый памятник М.я. (список слов) относится к концу XVII в., первый связный текст — к XVIII в. История М.я. прослеживается на основе данных диалектов, сопоставления с другими финно-угорскими языками, изучения лексики, заимствованной из неродственных языков. Периоды истории языка: 1) прамарийский период (после IV в. нашей эры до конца VII в., когда на Средней Волге появились болгарские племена), характеризуется относительным единством марийского языка; 2) период интенсивного тюркского влияния на язык марийцев, входивших в то время в состав тюркоязычных государств — Булгарского (VII—XIII вв.) и Казанского ханства (с XIII в. до половины XVI в.), в это время формируются основные различия между луговым и горным диалектами; 3) период с конца XVI в. до начала XX в., характеризующийся дальнейшим усугублением диалектных расхождений, формированием под тюркским влиянием восточного диалекта; 4) период с 1917 г. по настоящее время, характеризующийся развитием литературных норм языка и значительным обогащением его русскими заимствованиями, главным образом терминологической лексикой.

1.6.0. Из внешнеязыковых факторов следует отметить влияние тюркских (чувацкого и татарского) и русского языков. Под тюркским влиянием в М.я. развилась губная гармония. Поразительно схожи закономерности постановки словесного ударения в марийском и чувашском языках. Из тюркских языков заимствованы: ряд суффиксов именного (*-лык, -че, -чык* и др.) и глагольного (*-тар/-дар, -кал/-гал* и др.) словообразования, типы спаренных глаголов и аналитических форм прош. времени. Под влиянием русского языка формировались

сложные предложения с придаточными разного рода. (О лексических заимствованиях см. 2.6.0.)

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. В системе гласных полного образования М.я. сохранил древний фонемный состав. Основная инновация — редуцированные краткие гласные, число которых в диалектах доходит до четырех.

Гласные

Подъем	Ряд			
	Передний		задний	
	и/лабиальные	лабиальные	и/лабиальные	лабиальные
Верхний	и /i/	ÿ /y/		у /u/
Средний	е /e/	ö /ø/	ы /ä/	о /o/
Нижний			а /a/	

По статистическим данным, на каждые сто фонемных единиц М.я. приходится гласных — 40, согласных — 60.

Консонантизм М.я. в основном представлен системой согласных финно-угорского праязыка. По-прежнему в исконно марийских словах не наблюдается стечения шумных смычных согласных в начале слов, не могут начинаться слова со звонких шумных.

Согласные

		По способу образования		По месту образования					
				билабиальные	Переднеязычные			среднеязычные	заднеязычные
					жакуми-нальные	эпикальные	дорсальные		
Шумные	смычные	п /p/	т /t/				к /k/		
	аффрикаты		ц /c/			č /č/			
	однофокусные	ф /f/	ш /ʃ/	д /ð/	с /s/		г /ɣ/		
	двухфокусные	в /w/	ж (ʒ)		з /z/		х /x/		
Сонорные	Насальные	м /m/		н /n/		ŋ /ŋ/	ŋ /ŋ/		
	Латеральные		л /l/			ʎ /ʎ/			
	Вибранты		р /r/						
	Глайды					й /j/			

2.1.2. Словесное ударение в М.я. в основном долготное, хотя элемент динамичности при выделении ударного слога в какой-то степени присутствует. Ударение разноместное, место ударения обусловлено фонемным составом слова. Так, конечный открытый или же закрытый слог с гласным а, как правило, являются ударными. При словообразовании и словоизменении ударение нередко смещается: *ончём* 'я смотрю', *ончышым* 'я смотрел', *ончалде* 'не посмотрев', *ончáлтыш* 'взгляд', *ончыдымо* 'безнадзорный'.

В редких случаях ударение играет смысловоразличительную роль (*шерге* /ʃe:ɣe/ 'дорогой', *шерге* /ʃeɣe/ 'гребешок').

М.я. характеризуется прогрессивной вокальной гармонией двух взаимосвязанных видов: 1) палатально-велярной и 2) лабиальной. Сущность явления: за ударным лабиальным гласным заднего ряда /o/ или /u/ в абсолютном конце слова выступает заднерядный же огубленный /o/ (*шудо* 'трава', *олыкышто* 'на лугу'), за ударным лабиальным гласным переднего ряда /ö/ или /ü/ — переднерядный /ö/ (*шдртньö* 'золото', *түрлö* 'разный'). Если же ударение падает на нейтральный гласный, каковыми являются /a, e, i, ä/, то в конце слова выступает -e (*үмаште* 'в прошлом году', *имне* 'лошадь', *уремыште* 'на улице', *йымалне* 'внизу'). Эти безударные гласные (o, ö, e) в конце слов, образуя открытые слоги, при быстром темпе речи подвергаются редукции: o > /ä/; e, ö > /ə/: *ожно* /oʒnə/ 'раньше', *таче* /ta'čə/ 'сегодня'.

Фонетическое оформление ряда словообразовательных и словоизменительных суффиксов, выступающих в конце слов, зависит от палатально-велярной и лабиальной гармонии гласных. Так, активное причастие имеет варианты суффикса -ше/-шо/-шö, инессив — *ште*/-што/-штö, лично-притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. — -же/-жо/-жö.

2.1.3. Любой гласный М.я. может выступать в начале и середине слов. В конце слов могут быть только гласные /a, e, o, ö/ (в открытых и закрытых ударных и безударных слогах), /ä/ (в закрытых безударных слогах), а также /u, ü, i/ — в ударных открытых и закрытых слогах (тюркское влияние). Из согласных в абсолютном начале слов могут выступать все шумные глухие и сонанты; в исконно марийских словах в этом положении звонкие шумные /b, g, d, z/, а также /ŋ/ не встречаются, те же шумные звонкие, за исключением /ŋ/, не могут выступать в абсолютном конце слов. В соответствии с настоящими особенностями марийского консонантизма происходило усвоение иноязычных слов (тат. *басу* — мар. *пасу* 'поле', рус. *гиря* — мар. *кир*, рус. *деготь* — мар. *тегыт*, рус. *забор* — мар. *савар*). Поскольку М.я. не знал стечения шумных согласных в начале слов, при заимствовании слов с подобными сочетаниями язык прибегал к протезе или же опрощению (рус. *стол* > мар. *үстел*, рус. *спасибо* > мар. *пасибе*). Стечение шумных согласных, включая и взрывные, в середине слов возможно только в определенных сочетаниях: *кутко* 'муравей', *покташ* 'гнать', *шоптыр* 'смородина', *кошташ* 'ходить'.

2.1.4. В М.я. слоги могут быть закрытыми и открытыми, но слог не может начинаться с сочетания согласных, при стечении же согласных внутри слова слого-раздел всегда проходит между согласными.

В М.я. наблюдаются следующие основные структурные типы слогов: V — у 'новый', *ий* /i/ 'год', *ку-э* 'береза', *у-вер* 'новость'; VC — *уш* 'ум', *эр* 'утро', *ош-кыл* 'шаг', *эм* 'лекарство', *ик-те* 'один'; VCC — *уш* 'шапка', *укиш* 'сук'; *ку-акиш* 'мелкий', 'неглубокий'.

Число слогов в слове соответствует числу гласных: настоящих дифтонгов нет, имеются сочетания гласных, выступающих в разных слогах: *му-аш* 'найти', *му-ын* 'он нашел', *кү-э* 'береза', *шу-о* 'он поспел', *кү-ö* 'он испекся'.

2.2.0. Морфологические сведения

2.2.1 В современном М.я. словообразовательные и словоизменительные суффиксы могут начинаться и заканчиваться как согласными, так и гласными, однако все глаголообразующие суффиксы заканчиваются только согласными, а большое количество именных суффиксов — гласным. В суффиксах выступают только гласные /a, e, ä/ (иногда /i/, в силу губной гармонии также и /o, ö/: *ойлем* 'говорю', *ойла* 'он говорит', *ойлыш* 'он говорил', *ойло* 'говори'). Суффиксы могут

состоять из одного согласного (*келге* 'глубокий' — *келгы-т* 'глубина', *сай* 'хороший' — *сай-л-аш* 'выбирать'), а также гласного (*тул-е* 'мялка').

2.2.2. Существует различие в акцентуации знаменательных и служебных слов. В сочетаниях "знаменательное слово + служебное слово", когда последнее состоит из двух и более слогов, главное ударение получает знаменательное слово, а второстепенное ударение (более слабое) — служебное слово: *пӧрт дене* 'к дому' произносится /põ:rt te:ke/. Односложные собственно послелого и энклитически употребляемые союзы безударны: *авам деч* 'от матери', *авам гай* 'как моя мать', *ойлем гын* 'если я скажу'. Двухсложные и трехсложные послелого получают ослабленное, но четкое ударение: *товар дене* /tova:r de:ne/ 'топором', *пӧрт шенгелне* /põ:rt ŕeŋge:lne/ 'за домом'.

2.2.3. Чередование гласных на уровне фонем для М.я. не характерно. Ассимилятивные явления происходят на стыке морфем, компонентов сложных слов и на месте слияния слов в потоке речи. Это главным образом прогрессивная ассимиляция по глухости/звонкости: *йолгорно* 'тропинка' (*йол* 'нога + *корно* 'дорога'). Наблюдаются при словообразовании и другие довольно характерные изменения — выпадение согласных, особенно в середине слова (пишется *коштишо* 'ходящий', произносится /koŕŕo/; *ожнысо* 'давний' в диалектах произносится /oŕŕo/).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Поскольку М.я. относится к агглютинативному типу, унаследованному от прафинно-угорского языка, морфемы, часто многочисленные, нанизываются в нем одна на другую в определенной последовательности, располагаясь только после корня: *туньктымашыштыже* 'в его деятельности по обучению' (*тунь*-корень слова со значением учения, *-ыкт-* — суффикс с понудительным значением, *-маш-* — суффикс имени действия, *-ште-* — интенсивный падежный суффикс, *-же* — суффикс лично-притяжательности). В принципе каждая морфема выражает только одно значение.

2.3.1. Грамматические разряды слов в современном М.я. довольно хорошо выражены и в достаточной степени разграничены. Однако имена существительные, прилагательные, числительные, частично местоимения имеют ряд общих моментов в грамматическом оформлении; выступая в функции постпозитивных определений или же в неопределительных синтаксических функциях, они получают одни и те же числовые, падежные и лично-притяжательные (последние при субстантивации) суффиксы. Особенно четко проявляется грамматическое сходство у имен существительных некоторых семантических групп с прилагательными: *ший пӧян Пампалче* 'сереброзубая Пампалче'; *ший гай йылгыжеш* 'блестит как серебро'. Однако эти разряды слов разграничены по линии словообразования.

2.3.2. Категория грамматического рода в М.я. отсутствует, но классы человек / не человек противопоставлены по линии вопросительно-относительных местоимений: *кӧ* 'кто' (относится к человеку) и *мо* 'что' (относится ко всему остальному). Наблюдается косвенное противопоставление классов о душе влenny й / не о душе влenny й, нашедшее отражение в возможности имен выступать в формах пространственных падежей: существительные, обозначающие одушевленные существа, не могут получать формы этих падежей. Местоимения личные, лично-указательные, а также *шке* 'сам', *кӧ* 'кто' и производные от них также не имеют форм пространственных падежей.

2.3.3. Грамматическое число выражается противопоставлением форм единственного и множественного числа.

Парные предметы воспринимаются как нечто целое (*ече* 'лыжи', *йол* 'ноги', 'нога'). Если же нужно назвать только один компонент парных предметов, то

употребляется слово *пел* 'половина': *пел кид* 'одна рука', *пел чулка* 'один чулок', *пелйолан* 'одноногий', *пелшинчан* 'одноглазый'.

Нередко форма ед. числа имеет генерализующее значение, не указывает на количество предметов: *Пушенгыже чодыраште лышташым шаралта* 'а деревья-то (букв. 'дереву-то') в лесу распускают листья (букв. 'лист')'. Некоторые имена употребляются только или преимущественно в форме ед. числа: *кол кучаш кайыина* 'пошли ловить рыбу', *понго погаш* 'собирать грибы'.

2.3.4. Падежные значения выражаются при помощи падежных суффиксов и послелогов. В частности, падежными формантами выражаются значения: субъект, прямой и косвенный объекты, пространственные и временные отношения, орудийность, а также совместность, сравнение.

Большинство послелогов с пространственным значением представляют собой имена в застывших формах древних локальных падежей: локатива, лативов и аблатива. Они образуют четырехчленные послеложные серии и служат для точной передачи пространственных отношений (см. 2.3.7.).

Посессивность выражается несколькими способами; основные из них: 1) при помощи лично-притяжательных суффиксов (когда обладателем является одно из грамматических лиц: *пёрт* 'дом', *пёрт-ем* 'мой дом', *пёрт-ет* 'твой дом', *пёрт-шө* 'его дом' и т.д.; 2) генитивной формой именного или местоименного обладателя-определения при обладаемом-определяемом с лично-притяжательным суффиксом 3-го лица ед. или мн. числа (*йдырын лүмжө Айвика* 'имя девушки Айвика'; *йоча-влакын модышышт* 'игрушка детей'). Лично-притяжательные суффиксы имеют очень широкое употребление: при словах, выражающих родственные отношения (*авам черланен* 'мать', досл. 'моя мать, заболела'), называющих предметы одежды (*вургеметым эрыкте* 'одежду', досл. 'твою одежду, почисти'), части тела (*вум коршта* 'голова', досл. 'моя голова, болит').

2.3.5. Категории вида нет. Количественные видовые значения (многократность, однократность, кратковременность, длительность, прерывистость и др.) передаются суффиксами отглагольного словообразования: *-ал* (*шүкаш* 'толкать' — *шүкалаш* 'толкнуть'), *-ед* (*пуаш* 'дать', *пуэдаш* 'раздавать') и др. Совершенство действия выражается при помощи так называемых спаренных глаголов, состоящих из неизменяемой деепричастной формы смыслового глагола и спрягаемого вспомогательного глагола, придающего данной конструкции видовое значение (*лудаш* 'читать' — *лудын лекташ* 'прочитать', букв. 'читая выйти').

Модальные значения выражаются частицами, глаголами модального значения (*күлеш* 'надо', *лиеш* 'можно') и формами трех наклонений: изъявительного (индикатива), повелительного (императива) и желательного (оптатива). Значение очевидности и неочевидности действия в какой-то мере выражается формами прошедшего I (очевидного) и прошедшего II (неочевидного): *ужым* 'я видел' (определенно) и *ужынам* 'я видел' ('я, оказывается, видел'). Субъективная оценка в сфере глагола выражается суффиксами *-ал*, *-ышт*, придающими глаголам ласкательное и уничижительное значение: *йога* 'течет' — *йогаlesh* 'течет' (с ласкательным оттенком), *шокта* 'играет на музыкальном инструменте' — *шокталыштеш* (значение то же, но с пренебрежительным оттенком).

Наличие категории залога — вопрос спорный. Многие исследователи признают в М.я. только наличие словообразовательных суффиксов с залоговыми значениями (например, *ыкт-* с понудительным значением: *конгам олташ* 'топить печку', *конгам олтыкташ* 'кого-то другого заставить топить печку').

2.3.6. Грамматическое лицо выражается в основном собственно личными и лично-указательными местоимениями. По линии имени и причастий оно соогно-

сительно с лично-притяжательным склонением, по линии глагола выражено в личных окончаниях финитных форм и лично-притяжательных суффиксах некоторых инфинитных форм глагола (инфинитива на *-аш*, причастий и временных форм деепричастий). Личная оппозиция трехчленна: характеризуется противопоставлением 1-го, 2-го и 3-го лица. Безличные глаголы выступают только в форме 3-го лица ед. числа (*волгалтеш* 'светает').

Оппозиция определенности/неопределенности категориально не выражена. Определенность выражается постановкой перед именами местоимений *ты* 'этот', *ту* 'тот', *тиде* 'этот самый', *тудо* 'тот самый', *шке* 'сам', 'самый', а также лично-притяжательными суффиксами 3-го (реже 2-го) лица (*ты пӧртыштет* '(именно) в этом доме', *йдыремже ойла* 'а моя-то дочь говорит', *молан шыдешикетше* 'а почему же серднишься').

Грамматическое время в сфере глагола категориально выражено в форме объемного по содержанию настояще-будущего времени и шести прошедших времен, часть которых предназначена для выражения соотносительности времени по оппозиции прошедшего/предпрошедшего. Временные значения передаются также причастием будущего времени, в какой-то мере инфинитивом должествования, а также временными формами деепричастий и наречиями времени (*тенгече* 'вчера', *таче* 'сегодня', *эрла* 'завтра').

Пространственная ориентация выражается при помощи образующих пары по противопоставлению близкое/далекое указательных местоимений (*тиде* 'этот' — *тудо* 'тот', *седе* 'этот' — *саде* 'тот', *тыгай* 'такой (как этот)' — *тугай* 'такой (как тот)', *тынаре* 'столько' — *тунаре* 'столько') и местоименных наречий (*тыште* 'здесь' — *тушто* 'там', *тышеч* 'отсюда' — *тушеч* 'оттуда'), а также при помощи пространственных падежей (*пӧртыштӧ* 'в доме' — *пӧртышкӧ* 'в дом') и послелогов (*пӧрт шенгелне* 'за домом' — *пӧрт шенгеке* 'за дом').

Общее глагольное отрицание выражается аналитическими формами отрицательного спряжения. В остальных случаях в основном употребляется частица *уже* 'нет', а в составе отрицательных местоименных слов — приставка *ни-*: *нимо* 'ничто', *нигӧ* 'никто', *нигушто* 'нигде'.

2.3.7. В М.я. различаются следующие части речи: знаменательные (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, к наречиям можно отнести и большое число изобразительных слов, выступающих в предложении чаще всего в качестве обстоятельства образа действия); служебные (послелого, частицы, союзы); междометия.

Имя существительное характеризуется категориями числа, падежа, лично-притяжательности; имя прилагательное — категориями числа, падежа, лично-притяжательности (при постпозитивном употреблении), степеней сравнения; имя числительное — категорией падежа, наречие — категорией степеней сравнения; местоимения разных групп — категориями числа, лица, падежа; глагол: а) спрягаемые формы — категориями числа, лица, времени, наклонения; б) неспрягаемые формы: основной инфинитив — категорией лично-притяжательности, формой дательного падежа, временные деепричастия — категорией лично-притяжательности.

Изобразительные слова в М.я. передают звуковые и зрительные впечатления; в предложении обычно выступают в качестве обстоятельств образа действия; по своему строению они представляют повторение одинаковых слогов, в которых обычно меняется только один гласный или согласный (последний — в силу ассимиляции по звонкости/глухости): *изи кагаз ластыкеш кыр-гор-гор удырале* 'что-то на маленьком листке бумаги (кыр-гор-гор) он процарапал'; *онжо тич сакалтыме ший оксаже воштончышла йылде-йолдо койьлалтен колта* 'укра-

шающие всю грудь серебряные монеты, словно зеркало, ярко (йылде-йолдо) засверкали'.

Предлогов нет, имеется развитая система послелогов. Среди них особую группу составляют послелоги именного происхождения с пространственным значением, образующие трех- и четырехчленные серии: *йымалне* 'под' (где?), *йыма(л)ке* 'под' (куда?), *йымалан* 'под' (где?), *йыма(л)ч* 'из-под' (откуда?) (от *йымал* 'низ'). Серийные послелоги могут выступать и как наречия места.

Частицы разделяются на: препозитивные (*ни-*, *керек-*, *кеч-* 'хоть', *ала-* 'либо', *иктаж-* '-то', 'либо' — эти частицы образуют отрицательные и неопределенные местоимения), частицы более самостоятельные (*гына* 'только', *дыр* 'вероятно', *пеш* 'очень', *эн* 'самый' и др.), позитивные (*-ат*, *-ак*, *-я*, *-ян*, *-с*, *-гына* с разными значениями), частицы-слова, свободно перемещающиеся в предложении (*вет* 'ведь', *теве* 'тот', *лач* 'именно', *вара* 'же', *ижсе* 'наконец', *веле* 'только').

Союзы могут быть простыми (*гын* 'если', *гынат* 'хотя', *маньын* 'потому что') или усложненными, например *маньынгын* 'потому что', а также парными (*могай ...тугай* 'какой ...такой', *кунам... тунам* 'когда... тогда'). Аффиксальных союзов нет.

Служебные слова не изменяются. Относительные местоимения в значении союзных слов получают падежные и числовые формы в зависимости от синтаксической роли в предложении. Послелоги, принимающие лично-притяжательные суффиксы, переходят в знаменательную часть речи — в послеложно-личные местоимения: *воктенем шич* 'сядь возле меня'.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена, наречия

Единственное число имеет нулевой показатель. Множественность однородных предметов выражается при помощи суффикса *-влак* (*пёрт* 'дом' — *пёрт-влак* 'дома'), пространственная множественность — при помощи суффикса *-ла* (*олык* 'луг' — *оылкла* 'луга'); групповая множественность лиц, связанных узами родства или близких отношений, — при помощи суффикса *-мыт* (*ача* 'отец' — *ачамыт* 'отец вместе с близкими ему людьми').

Падежные форманты имен образуются путем присоединения падежных суффиксов к основе имени в ед. числе или же к показателю мн. числа (*ушкал* 'корова' — *ушкал-лан* 'корове', *ушкал-влак* 'коровы' — *ушкал-влак-лан* 'коровам'). Каких-либо фонетических изменений в основах слов при падежной суффиксации не происходит (за исключением перехода безударных *о*, *о*, *е* в конце основы в редуцированный *ы*: *шудо* 'трава' — *шудым* 'траву').

Суффиксы имен и неличных местоимений

Номинатив	Ø
Аккузатив	-м, -ым
Генитив	-н, -ын
Датив	-лан
Инессив (где, в чем-л.)	-ште/-што/ -штö/, -ыште/-ышто/, -ыштö
Иллатив (куда, на что-л., во что-л.)	-шке/-шко/ -шкö/, -ышке/-ышко/, -ышкö
Латив (где-л, на что-л., во что-л.)	-еш/-эш
Абессив (без кого-, без чего-л.)	-де/-те
Комитатив (с кем-, чем-л.)	-ге
Компаратив (как кто-, что-л.)	-ла

Лично-притяжательные суффиксы

Один обладатель — одно обладаемое (рус. 'мой', 'твой' и т.д.):

- 1 л. *-ем/-эм*
 2 л. *-ет/-эт*
 3 л. *-ше/-шо/-шӧ; -же/-жо/-жӧ; -ыже/-ыжо/-ыжӧ*

Много обладателей — одно обладаемое (рус. 'наш', 'ваш' и т.д.):

- 1 л. *-(ы)на*
 2 л. *-(ы)да*
 3 л. *-(ы)шт*

Один обладатель — много обладаемых (рус. 'мой', 'твой' и т.д.):

1 л. <i>-влак-ем</i>		<i>-ем-влак/-эм-влак</i>
2 л. <i>-влак-ет</i>	или же	<i>-ет-влак/-эт-влак</i>
3 л. <i>-влак-ше</i>		<i>-(ы)же-влак/--(ы)жо-влак/--(ы)жӧ-влак</i>
<i>-(ы)шо-влак/--(ы)шӧ-влак/--(ы)ше-влак</i>

Много обладателей — много обладаемых (рус. 'наши', 'ваши' и т.д.):

1 л. <i>-влак-на</i>		<i>-на-влак/-ына-влак</i>
2 л. <i>-влак-да</i>	или же	<i>-да-влак/-ыда-влак</i>
3 л. <i>-влак-ышт</i>		<i>-шт-влак/-ышт-влак</i>

У качественных прилагательных и наречий форма сравнительной степени образуется путем присоединения к форме положительной степени суффикса *-рак* (*сай* 'хороший' — *сайрак* 'лучше', *сайын* 'хорошо' — *сайыңрак* 'получше'). Превосходная степень имен прилагательных образуется аналитически — путем препозитивной постановки частицы *эн* (*эн сай* 'наилучший', 'самый хороший'). У наречий наблюдается также только описательный способ передачи значения превосходной степени сравнения: *Мичу талын куржеш* 'Мичу бежит быстро'; *Санук Мичу деч талыңрак куржеш* 'Санук бежит быстрее Мичу'; *Эчай чыла дечат эн талын куржеш* 'Эчай бежит быстрее всех'.

Количественные числительные от 1 до 9 выступают в полной и усеченной (атрибутивной) формах: *икте/ик* 'один', *коктыт/кок* 'два', *кумыт/кум* 'три', *нылыт/ныл* 'четыре', *визыт/вич* 'пять' и т.д. От усеченных форм с помощью суффиксов *-ымыше/-ымышо*, *-ше/-шо* (*икымыше* 'первый', *кокымышо* 'второй', *луымышо* 'десятый', *кумышо* 'третий', *шымыше* 'седьмой') образуются порядковые числительные. От усеченной формы количественных имен числительных с помощью наречного (исторически инструктивного) суффикса *-ын* и лично-притяжательных суффиксов всех трех лиц мн. числа образуются совместные числительные, выступающие в форме только трех падежей — родительного, дательного, винительного (акк. *когыньнам* 'нас обоих', ген. *когыньнан* 'нас обоих', дат. *когылянна* 'нам обоим').

Местоимения

Местоимения: 1) личные (*мый* 'я', *тый* 'ты', *ме* 'мы', *те* 'вы'); 2) лично-указательные (*тудо* 'он', 'тот', *нуно* 'они', 'те'); 3) указательные: *тиде* 'этот', *тудо* 'тот' (в определительной функции *ты*, *ту*), *нине* 'эти', *нуно* 'те', *тынаре* 'столько', *тунаре* 'столько', *тыгай* 'такой', *тугай* 'такой'; 4) определительные: *ике* 'сам(а)', *весе* 'другой', 'иной', *кажый* 'каждый'; 5) вопросительно-относительные: *кӧ* 'кто', *мо* 'что' (они имеют форму множественного числа: *кӧ-влак*, *мо-влак*), *могай* 'какой', *кудо* 'который', *мыняр* 'столько'; 6) отрицательные и неопределенные — образуются от вопросительно-относительных местоимений при помощи препозитивных частиц: первые — при помощи отрицательной частицы *ни-* (*нигӧ* 'никто', *нимо* 'ничто', *нимогай* 'никакой', *нигудо* 'ни один из'), вторые — при помощи

неопределенных частиц *ала-*, *керек-*, *кеч-* (*ада-кӧ* 'кто-то', *кеч-кӧ*, 'хоть кто', *ала-мо* 'что-то', *кеч-мо*, *керек-мо* 'хоть что', *кеч-могай* 'хоть какой' и др.).

Склонение личных местоимений

Ном.	<i>мый</i> 'я'	<i>тый</i> 'ты'	<i>тудо</i> 'он'
Акк.	<i>мыйым</i> 'меня'	<i>тыйым</i> 'тебя'	<i>тудым</i> 'его'
Ген.	<i>мыйын</i> 'мой'	<i>тыйын</i> 'твой'	<i>тудын</i> 'его'
Дат.	<i>мыланем</i> 'мне'	<i>тыланет</i> 'тебе'	<i>тудлан</i> 'ему'
Ном.	<i>ме</i> 'мы'	<i>те</i> 'вы'	<i>нуно</i> 'они'
Акк.	<i>мемнам</i> 'нас'	<i>тендам</i> 'вас'	<i>нуным</i> 'их'
Ген.	<i>мемнан</i> 'наш'	<i>тендан</i> 'ваш'	<i>нунын</i> 'их'
Дат.	<i>мыланна</i> 'нам'	<i>тыланда</i> 'вам'	<i>нунылан</i> 'им'

Глагол

Глагол имеет два спряжения — I и II, противопоставляемые во всех спрягаемых и неспрягаемых формах (за исключением инфинитива на *-аш*), три наклонения (индикатив, императив, оптатив) и семь форм времени (настояще-будущее и шесть форм прошедшего времени). Утвердительные и отрицательные ряды спряжений противопоставлены по всем трем наклонениям, временные же формы — только по индикативу и оптативу.

Индикатив (показатель ϕ)

Утвердительные формы

Настояще-будущее время

	I спр.		II спр.	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	<i>луд-ам</i> 'я читаю'	<i>луд-ына</i> 'мы читаем'	<i>воз-ем</i> 'я пишу'	<i>воз-ена</i> 'мы пишем'
2 л.	<i>луд-ат</i>	<i>луды-да</i>	<i>воз-ет</i>	<i>воз-еда</i>
3 л.	<i>луд-еиш</i>	<i>луды-ит</i>	<i>воз-а</i>	<i>воз-ат</i>

Прошедшее I (показатель -ы, -иш (-ыш))

	I спр.		II спр.	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	<i>луд-ым</i> 'я читал'	<i>луд-на</i> 'мы читали'	<i>воз-ыш-ым</i> 'я писал'	<i>воз-ыш-на</i> 'мы писали'
2 л.	<i>луд-ыч</i>	<i>луд-да</i>	<i>воз-ыш-ыч</i>	<i>воз-ыш-да</i>
3 л.	<i>луд-о</i>	<i>луды-ыч</i>	<i>воз-ыш</i>	<i>воз-ыш-т</i>

Прошедшее II (показатель *-ын*, *-ен* по своему происхождению является деепричастным суффиксом): *луд-ын-ам* 'я читал', *луд-ын-ат* 'ты читал', *луд-ын* 'он читал' и т.д.

Четыре других прошедших времени — аналитические. Они образуются сочетанием спрягаемой формы смыслового глагола (в форме настояще-будущего времени индикатива — для одних временных форм и в форме прошедшего II — для других) с вспомогательным глаголом *улаш* 'быть', в прошедших временах выступающим в окаменевших формах: *ыле* 'был' и *улмаиш* 'бывало', 'было'. Примеры: прошедшее длительное I: *лудам ыле* 'я читал (было)', *лудат ыле* 'ты читал (было)', *лудеиш ыле* 'он читал (было)' и т.д.; прошедшее длительное II: *лудам улмаиш* 'я читал (было)', *лудат улмаиш* 'ты читал (было)' и т.д.;

предпрошедшее II: *лудынам улмаш* 'я читал (бывало)', *лудынат улмаш* 'ты читал (бывало)' и т.д.; предпрошедшее I: *лудынам ыле* 'я читал (было)', *лудынат ыле* 'ты читал (было)' и т.д.

Будущее время может выражаться слаборазвитой аналитической формой: сочетанием инфинитива смыслового глагола и спрягаемого вспомогательного глагола *тунгалаш* 'начинать': *лудаш тунгалам* 'буду читать', 'начну читать'.

Отрицательные формы

Отрицательные формы состоят из спрягаемого отрицательного глагола и неизменяемой основы смыслового глагола; отрицательные формы настоящего-будущего времени и прошедшего I двучленны, у большинства аналитических прошедших времен — трехчленны, так как в последних участвуют и вспомогательные отглагольные частицы *ыле* 'был', *улмаш* 'было'; ср. настоящее-будущее время: *ом луд* 'я не читаю', *от луд* 'ты не читаешь', *ок (огеи) луд* 'он не читает', *она луд* 'мы не читаем', *ода луд* 'вы не читаете', *огыт луд* 'они не читают'; прошедшее I: *шым луд* 'я не читал', *шыч луд* 'ты не читал', *ыш луд* 'он не читал', *ышна луд* 'мы не читали' и т.д.; прошедшее длительное I: *ом луд ыле* 'я не читал', *от луд ыле* 'ты не читал' и т.д.; прошедшее длительное II: *ом луд улмаш* 'я не читал', *от луд улмаш* 'ты не читал' и т.д.

Отрицательные формы прошедшего II образуются из деепричастия смыслового глагола + осложненные изменяемые формы отрицательного глагола: *лудын омыл* 'я не читал', *лудын отыл* 'ты не читал', *лудын огыл* 'он не читал', *лудын онал* 'мы не читали', *лудын одал* 'вы не читали', *лудын огытыл* 'они не читали'.

Императив (повелительное наклонение; показатель Ø)

Утвердительные формы

I спр.		II спр.	
Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. —	—	—	—
2 л. <i>луд</i> 'читай'	<i>лудса</i> 'читайте'	<i>возо</i> 'пиши'	<i>возыза</i> 'пишите'
3 л. <i>лудшо</i> 'пусть он читает'	<i>лудышт</i> 'пусть они читают'	<i>возыжо</i> 'пусть он пишет'	<i>возышт</i> 'пусть они пишут'

Имеются фонетические варианты суффиксов утвердительных форм повелительного наклонения: *-шо* имеет варианты *-ше*, *-шо*, *-шö*, *-же*, *-жо*, *жö* (3-е л. ед. ч., I спряжение), суф. *-са*, *-за* (2-е л. мн.ч., II спряжение).

Отрицательные формы

Отрицательные формы повелительного наклонения образуются путем постановки перед лексической основой смыслового глагола форм 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа отрицательного глагола.

I спр.		II спр.	
Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. —	—	—	—
2 л. <i>ит луд</i> 'не читай'	<i>ида луд</i> 'не читайте'	<i>ит возо</i> 'не пиши'	<i>ида возо</i> 'не пишите'
3 л. <i>ынге луд</i> 'пусть он не читает'	<i>ынышт луд</i> 'пусть они не читают'	<i>ынге возо</i> 'пусть он не пишет'	<i>ынышт возо</i> 'пусть они не пишут'

Оптитив (показатель *-не-*)

Имеет три формы времени. В утвердительном спряжении форма настоящего будущего времени является простой (*луднем* 'я намерен читать', *луднет* 'ты намерен читать'); формы же прошедших времен образуются аналитически: прошедшее I — путем сочетания личных форм оптитивного презенса с отглагольной частицей *ыле* (*налнем ыле* 'я намерен был взять', *налнет ыле* 'ты намерен был взять' и т.д.); прошедшее II — путем сочетания тех же личных форм с отглагольной частицей *улмаш* (*налнем улмаш* 'я хотел было взять', *налнет улмаш* 'ты хотел было взять' и т.д.); *ыле* и *улмаш* — образования от глаголов бытия.

В отрицательном спряжении личные окончания получает отрицательный глагол, а основной глагол выступает в виде основы: *ынем луд* 'я не намерен читать', *ынена луд* 'мы не намерены читать', *ынеда луд* 'вы не намерены читать', *ынешт луд* 'они не намерены читать'.

Нефинитные (инфинитные) формы глагола

М.я. обладает развитой системой нефинитных форм глагола. Имеются два инфинитива: основной на *-аш* (*лудаш* 'читать', *возаш* 'писать') и инфинитив долженствования на *-(ы)ман* (*лудман* 'следует читать'). Употребляются четыре причастия: активное с показателем *-(ы)ше/- (ы)шо*, */-(ы)шю* (*лудшо* 'читающий', *возышо* 'пишущий'), пассивное с показателем *-(ы)ме/- (ы)мо/- (ы)мю* (*лудмо* 'читаемый', *возымо* 'записываемый'), причастие будущего времени с показателем *-(ы)шаш* (*лудшаш книга* 'книга, которую предстоит читать', *возышаш письмо* 'письмо, которое предстоит написать'), отрицательное причастие с показателем *-(ы)дыме/- (ы)дымо/- (ы)дымю* (*луддымо* 'нечитаемый', *возыдымо* 'незаписываемый' (от пассивного причастия: *возымо* 'написываемый', *лудмо* 'читаемый')). Используются пять деепричастных форм: деепричастия на *-ын*, *-ен* (*лудын* 'читая', *возен* 'записывая'), отрицательное деепричастие на *-(ы)де* (*лудде* 'не читая', *возыде* 'не записывая'); деепричастие предшествующего второстепенного действия на *-меке*, деепричастия последующего (совершаемого после главного) действия на *-мешке*, деепричастие одновременного с главным действия на *-шыла*. Временные формы деепричастий обычно употребляются с лично-притяжательными суффиксами (*толмекем* 'после того как я пришел', *толшемла* 'в то время, когда я шел', *толмешкем* 'до того, как я пришел'). Инфинитив на *-аш* также может выступать в лично-притяжательной форме: *теве малашем* 'вот моя постель' (досл. 'вот спать мое'), *теве малашет* 'вот твоя постель' (досл. 'вот спать твое').

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Как было указано в 2.3.0., суффиксы в словоформе размещаются в определенной последовательности. Словообразовательные форманты предшествуют формообразовательным. В именах суффиксы располагаются в следующем порядке: суффикс множественного числа + лично-притяжательный суффикс (или же: лично-притяжательный + маркер мн. ч.) + падежный суффикс. В именах, выступающих в форме пространственных падежей, лично-притяжательные суффиксы следуют за падежными. В финитных формах глагола последнее место занимают личные окончания глагола, им предшествует суффикс наклонения.

В глаголах II спряжения, выступающих в форме прошедшего I, личному окончанию предшествует показатель прош. времени *-ш* (*воз-ыш-ым* 'я писал').

Префиксов в М.я. нет.

Морфологически аномальных слов в М.я. фактически нет, даже изобразительные слова при необходимости могут изменяться как имена.

2.5.2. В М.я. существует три способа словообразования: морфологический (суффиксация) (см. 2.5.1.), синтаксический (словосложение), морфолого-синтаксический (категориальный переход, конверсия). Первые два способа очень продуктивны.

Синтаксическое словообразование реализуется по двум основным типам: сочинительному и подчинительному. По первому типу образованы парные слова: 1) обобщающей семантики (*ача-ава* 'родители' < *ача* 'отец' + *ава* 'мать', *йўаи-кочкаш* 'питаться' (< *йўаи* 'пить' + *кочкаш* 'есть'); 2) изобразительной семантики (*карча-марча* 'мелочь', *йымы-юли* 'о чем-то блестящем', *вырт-вурт* 'моментально', 'вдруг'); компоненты сложных слов этого типа близки по звуковому составу и изолированно не употребляются. При склонении парных образований именного типа изменяется только второй компонент, при спряжении глаголов — оба компонента (*ача-ава* 'родители', *ачам-авамлан* 'моим родителям', *йўаи-кочкаш* 'питаться', 'есть', *йўам-кочкам* 'я ем'). Выступая в составе сложных слов подчинительного типа, первый компонент (определяющий) ко второму (определяемому) присоединяется в номинативной форме ед. числа. При склонении сложных слов этого типа изменяется только второй компонент: *йолгорно* 'тропинка' (*йол* 'нога' + *корно* 'дорога'), *йолгорным* 'тропинку' (вин.п.).

Морфолого-синтаксический способ проявляется главным образом в субстантивации причастий (*шочшо* 'дитя', *шочшо* 'родившийся'); в результате этого в языке появляются омоформы.

2.5.3. Предложения могут быть односоставными и двусоставными, распространенными и нераспространенными. В двусоставном повествовательном предложении подлежащее обычно ставится до сказуемого, но может разместиться также в начале, середине и гораздо реже — в конце предложения; управляемое слово, выступающее в роли дополнения или обстоятельства, ставится перед управляющим; определение, примыкая к определяемому слову, по отношению к нему строго препозитивно, перестановка компонентов в определительных словосочетаниях приводит к изменению значения слов (*кў пёрт* 'каменный дом', *пёрт кў* 'камень для постройки дома'). В таких сочетаниях при склонении изменяется только определяемое слово. Постпозитивные определения, выступая главным образом в роли приложения, согласуются с определяемым: *Студент шен у костюмым, шемым* 'Студент надел новый костюм, черный'. Количественные числительные в определительных словосочетаниях примыкают к именам существительным, которые остаются в форме ед. числа: *муно* 'яйцо', *кок муно* 'два яйца', *кок мвным* 'два яйца' (акк. ед. ч.).

В простом двусоставном предложении главные члены могут быть выражены и только одним словом, поскольку личная форма глагола замещает подлежащее, выраженное личным местоимением (*Таче ўдырем деке миен толам* 'Сегодня побываю у своей дочери'); однако когда нужно подчеркнуть действующее лицо, соответствующее предложение дополняется личным местоимением (*Таче мый ўдырем деке миен толам*). Сказуемое-глагол согласуется с именным подлежащим в числе, с подлежащими-личными местоимениями — и в лице. При подлежащем, выраженном сочетанием количественного имени числительного (или количественного слова) с именем существительным, сказуемое выступает в форме ед. числа (*Кок ен толаш* 'два человека идут', букв. 'идет'). При однородных членах-подлежащих, выраженных нарицательными именами существительными в форме ед. числа, сказуемое выступает в форме мн. числа (*Чыве, комбо, лудо пырля вўташке нурат* 'Курица, гусь, утка — все вместе заходят в хлев').

Чисто именные двусоставные предложения возникают, когда глагол *улаш* 'быть' (в значении 'являться') соотнесен с 3-м лицом ед. числа настоящего вре-

мени индикатива: *Йыван колызо* 'Иван — рыбак', но во всех остальных случаях в качестве связки употребляются личные формы глагола *улаш* 'быть': *Мый колызо улам* 'Я рыбак'; *Мыйын йолташем-влак колызо улыт* 'Мои друзья — рыбаки'; *Йыван колызо лийын улмаш* 'Иван был рыбаком'. В отрицательных предложениях используются связки, образованные путем слияния отрицательного глагола с личными формами *улаш* 'быть' (*Тудо колызо огыл* 'Он не рыбак').

В М.я. нет глагола со значением 'иметь', *haben*-конструкциям соответствуют конструкции, состоящие из изменяемой в лице (числе) формы вспомогательного глагола *улаш* 'быть' и имени в лично-притяжательной форме, обозначающего предмет обладания: *книгам уло* 'у меня есть книга' (букв. 'моя книга есть'), *книгат уло* 'у тебя есть книга', 'ты имеешь книгу'. Если нужно выделить обладателя, он выражается личным местоимением в форме генитива: *мыйын книгам уло* 'у меня есть книга'; генитив употребляется и для оформления именного обладателя: *авамын ушкалже уло* 'у моей матери есть корова', 'моя мать имеет корову'. Для выражения "не имеется", "не имею", "не имеешь" и т.д. употребляется отрицательное слово *уке* 'нет': *книгам уке* (*мыйын книгам уке*) 'у меня нет книги'; в прошедшем времени: *книгам уке улмаш* 'у меня не было книги'.

Односоставные предложения представлены главным образом безличными предложениями, выраженными глаголами в форме 3-го лица ед. числа (*кылмыкта* 'подмораживает', *кылмыктен шынден ыле* 'подморозило было'), а также некоторыми инфинитивными формами (*каши кўлеш* 'надо идти'; *ынде кузе муаш* 'как же теперь найти' (*муаш* — инфинитив на *-аш*); *кынешлаш ынде, Роман!* 'Пора вставать, Роман!' (*кынешлаш* — причастие будущего времени)).

Для М.я. характерны осложненные простые предложения с деепричастными оборотами, в том числе и абсолютными, т.е. такими, в которых имеется собственное подлежащее (*Ачаже колымеке, Метри лу ияш кодын* 'Когда умер (его) отец, Метри было десять лет'). Такими же оборотами заменяются некоторые типы придаточных предложений.

2.5.4. В современном М.я. наблюдается развитая система союзных и бессоюзных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Из последних наиболее употребительными являющиеся предложения с придаточными условными (с союзом *гын* 'если') и уступительными (с союзом *гынат* 'хотя'). Ряд типов сложноподчиненных предложений, развившихся под влиянием русского языка, в устной речи употребляется редко. Придаточные предложения с главными связываются в основном при помощи парно употребляемых относительных и указательных местоимений (*кә...тудо* 'кто...тот', *могай...тугай* 'какой...такой'), местоименных наречий (*кушеч...тушеч* 'откуда...оттуда') или подчинительных союзов.

2.6.0. В современном М.я. насчитывается около 700 слов уральского и финно-угорского происхождения. В то же время в лексике М.я. значительный пласт составляют заимствованные слова. Самыми старыми из них являются слова иранского происхождения (скифские и сарматские): *ваче* 'плечо', *идр* 'молоко', *ишдыр* 'звезда', *кўртньö* 'железо' и др. Позднее в М.я. вошли тюркские слова — чувашские, а затем и татарские. Из чувашского языка переняты названия частей тела (*кап* 'тело', *он* 'грудь', *парня* 'палец'), растений (*олма* 'яблоко', *пурса* 'горох', *пырче* 'зерно', *саска* 'плод', 'цветок'), животных (*имне* 'лошадь', *паче* 'ягненок', *тага* 'баран', *умдыр* 'бобр', *кайык* 'птица', *турня* 'журавль'), явлений природы (*йўр* 'дождь', *тўтыра* 'туман'), понятия, связанные с материальной и духовной культурой (*вўта* 'хлев', *оралте* 'постройки во дворе', *посто* 'сукно', *порсын* 'шелк', *сорла* 'серп', *вувер* 'ведьма', *чон* 'душа', *ате* 'посуда'), названия качеств (*йöсö* 'трудно', *окиак* 'хромой', *тöр* 'ровный', *олр* 'ясный'), действий и

состояний (*солаш* 'косить', *висаш* 'взвешивать', *йбраташ* 'любить', *пагалаш* 'уважать'). Из татарского переняты названия частей тела (*азу* 'клык', *мыйык* 'усы', *чурий* 'лицо'), растений (*кешыр* 'морковь', *кияр* 'огурец', *пелчан* 'осот'), птиц и животных (*пёркыт* 'беркут', *кёрка* 'индюк', *алаша* 'мерин', *янык* 'зверь', *маче* 'кошка'), понятия, связанные с материальной культурой и духовной жизнью (*капка* 'ворота', *кўпчык* 'подушка', *тўшак* 'перина', *перемеч* 'ватрушка', *шайтан* 'черт', *киямат* 'загробный мир'), названия орудий труда и предметов быта (*топ* 'мяч', *тасма* 'лента', *калак* 'ложка', *арвер* 'домашняя утварь', *тырма* 'борона'), качеств и свойств (*айык* 'резвый', *алама* 'плохой', *ару* 'чистый', *сар* 'желтый', *таза* 'здоровый', *тўрлб* 'разный'), действий и состояний (*тўлаш* 'платить', *инанаш* 'верить', *кўраш* 'рвать').

К наиболее старым (в М.я. вошли до XVI в.) лексическим заимствованиям из русского языка относятся слова, в которых отражается переход с > ш, з > ж: *вешла* 'весло', *руш* 'русский', *кышал* 'кисель' и др. Решающим фактором усиления русского влияния на М.я. явилось присоединение Марийского края к Русскому государству Иваном IV в 1552 г. (приток русских переселенцев, христианизация нерусского населения, хозяйственные и культурные связи с русскими, живущими в соседстве с марийцами). Русские словарные заимствования охватывают все области лексики М.я. Это названия одежды, домашней утвари (*чулка* 'чулки', *ботинке* 'ботинки', *ситце* 'ситец', *сакыр* 'сахар'), слова из области земледелия (*уржа* 'рожь', *морко* 'морковь'), военной лексики (*война*, *пуля*, *штык*, *пушко* 'пушка'), торговли, транспорта (*товар*, *лапке* 'лавка', *купеч* 'купец', *торгаяш* 'торговать'), слова, связанные со школой (*школ* 'школа', *парт* 'парта', *ручка*, *пера* 'перо', *урок*), с религиозными понятиями (*поп*, *якын* 'дьякон', *ырес* 'крест', *черке* 'церковь'). В советское время прибавилось большое число русских заимствований интернационального происхождения, этот процесс идет весьма интенсивно и в настоящее время. Это общественно-политические, научно-технические термины (*коммунизм*, *республика*, *класс*, *пролетариат*, *радио*, *атом*); слова из области промышленности, торговли, транспорта, связи (*кооператив*, *автомашина*, *цемент* 'цемент', *телефон*).

2.7.0. В советском финно-угроведении утвердилось деление М.я. на четыре диалекта: луговой, горный, восточный и северо-западный.

Луговой диалект распространен на территории Республики Мари-Эл (исключая ее западную часть); кроме моркинско-сернурского говора, легшего в основу лугово-восточного литературного марийского языка, в нем бытуют и другие, отличающиеся от первого своей фонетикой и морфологией: наличием огубленного редуцированного л, образованием форм 2-го л. мн. числа императива при помощи суффикса -ба/-та (*толда* 'приходите'), форм 3-го л. мн. числа прошедшего I при помощи суффикса -ewe (*nuno tolewe* 'они пришли'), относительных имен прилагательных — при помощи суффикса -(ə)štāšə/-(ə)štāšə (*olaštāšə* 'городской'); отрицательные формы прошедшего II состоят из спрягаемой формы прошедшего II и частицы оуəl 'не' (*luðənam оуəl* 'я не читал').

Горный диалект (см. статью "Горномарийский литературный язык").

Восточный диалект бытует на обширной территории к востоку от Республики Мари-Эл, начиная с пограничной с ней зоны Кировской обл. и далее — в ряде районов Татарии, Удмуртии, Башкирии, в Пермской обл. и Екатеринбургской обл. Особенности диалекта: наличие 9 гласных фонем (/а, о, у, ə, е, і, ъ, ö, ä/), специфических согласных (/č, ś, ź/), узкодиалектных падежей (аблатива и дистрибутива), суффиксов отрицательного деепричастия -деуеџ'е/-теуеџ'е, деепричастия предшествующего действия -mōŋgö/-meŋge; наблюдается тенденция ставить ударение на конце слова.

Северо-западный диалект распространен на территории Тоншаевского и Шарангского районов Нижегородской обл., Кикнурского и Яранского районов Кировской обл. Особенности диалекта: наличие 12 гласных фонем: /а, о, и, е, i, ö, ü, ä, ē, э, п, п̄/ (/п, п̄/ — редуцированные огубленные), ударение в основном приходится на пенультиму. Склонение характеризуется наличием каузатива с показателем -lānen/-lānen. В диалектах функционирует несколько показателей мн. числа (-wlä, -la/-lä, -šamäs, -šas, -mât) для разных семантических групп имен. Имеется условно-сослагательное наклонение с показателем wuj (< рус. 'бы'), форма 3-го л. мн. числа прошедшего I образуется при помощи суффикса -ewe (lušewe 'они читали').

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В.М.* Марий мутэр. Моско, 1928.
Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология, Йошкар-Ола, 1964. Ч. I; 1966. Ч. II.
Грузов Л.П. Современный марийский язык: Фонетика. Йошкар-Ола, 1960.
Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.
Грузов Л.П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
Иванов И.Г., Тужаров Г.М. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1972.
 Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1956 (около 21 тыс. слов).
 Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
 Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Серебренников Б.А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.
 Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.
Тимофеева В.Т. Современный марийский язык: Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола, 1961.
 Ученые записки Марийского научно-исследовательского института (издаются с 1939 г., до XIII-го тома выходили под названием "Труды МарНИИ"). Йошкар-Ола.
Beke Ö. Cseremisiz nyelvtan. Budapest, 1911.
Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1920. 48.
Räsänen M. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1923. 50.

Е.И. Коведяева

ГОРНОМАРИЙСКИЙ ВАРИАНТ ЛИТЕРАТУРНОГО МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Язык горных марийцев (горномарийцев) является одним из наречий марийского языка, на основе которого функционирует литературный вариант (Г.л.я.). В дореволюционное время горные марийцы официально назывались черемисами, а язык — черемисским. В русской летописной литературе (XVI в.) носители горного диалекта зафиксированы под названием "горная...черемиса".

Часть горномарийцев (живущая на правом гористом побережье Волги) называет себя "кырык мары" 'горные мари', другая часть (живущая на левом побережье) — "кожла мары" 'лесные марийцы'. После 1917 г. народ стал официально называться марийцами, горномарийцами, а язык — марийским, горномарийским.

1.1.2. Язык горных марийцев относится к финно-пермской ветви финно-угорской подсемьи уральской семьи языков. В процессе исторического развития он приобрел ряд фонетических и морфологических особенностей, которые

довольно сильно отличают его от других диалектов марийского языка, прежде всего — лугового и восточного.

1.1.3. Язык горномарийцев распространен по правому и левому побережью Волги в Еласовском, Горномарийском, части Звениговского, Юринского и Килемарского районов Республики Мари-Эл. Об общей численности марийцев см. статью "Марийский язык".

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Существующее в зарубежном финно-угроведении деление горного наречия на козьмодемьянский, ветлужский и яранский диалекты основано на их фонетических особенностях с учетом морфологических различий. В советском языковедении за последние два десятилетия вопрос о марийских диалектах был пересмотрен, ветлужский и яранский поддиалекты отнесены к северо-западному наречию, а для горного наречия признается наличие двух — левобережного и правобережного (еласовского) диалектов.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Г.л.я. является средством внутридиалектного общения. Его носители, как правило, двуязычны: владеют русским языком, многие также лугово-восточным литературным марийским языком.

1.3.2. Г.л.я. сформировался на основе еласовского диалекта.

Интенсивное развитие Г.л.я. начинается "после" 1917 г., когда на нем стали выходить книги, газеты, ставиться пьесы. В настоящее время на Г.л.я. издается художественная литература, периодическая печать, ведутся местные передачи по радио. На диалектах существует фольклор: сказки, пословицы, поговорки, песни, легенды.

1.3.3. Г.л.я. является языком обучения в республике Мари, предметом изучения и преподавания — в научных центрах финно-угроведения в Йошкар-Оле, Тарту, Таллинне, Москве, Хельсинки, Турку, Будапеште, Упсала, Блумингтоне.

1.4.0. Появление письменности на горномарийском связано с распространением среди марийцев христианской религии. Начало письменному языку на горном наречии положили переводные книги религиозного содержания. Письменность с самого начала ее возникновения разрабатывалась на основе русской графики — кириллицы. С помощью диакритик обозначаются специфические фонемы: /ä, äi, ö, ü/. Современный алфавит Г.л.я. представлен следующими буквами: а, ä, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, ö, п, р, с, т, у, ү, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ё, ёi, э, ю, я. Основной принцип орфографии — фонетический (*топшы* /topšə 'его мяч', *ялжы* /jalžə 'его нога'); мягкость согласных перед гласными о /o/, ö /ö/, ы /ä/, ёi /ə/, твердыми согласными, а также на конце слов обозначается при помощи мягкого знака (*ньдиклаш* /ñöikläš/ 'визжать', *ньокас* /ñokas/ 'неуклюжий', *оньы* /onjə/ 'тесть', *тьыри* /tjəri/ 'жаворонок', *тьоти* /t'ot'i/ 'обращение к деду', *вьильгыжаш* /wjl'gəžəš/ 'блестеть', *кагыль* /kaγəl/ 'пирог'), перед гласными а /a/, у /u/ — так же, как и в русской графике, — буквами я, ю, (*оньяка* /onjaka/ 'старшая золовка', *нючкаш* /ñuskaš/ 'бить').

Звукосочетания /jä/, /ju/, /jə/, /jə/ обозначаются как *йä, йү, йё, йё* (*йäл* 'деревня', *йёнгä* 'сноха'), сочетания /ja/, /je/, /ju/ — буквами я, е, ю (*яжс* 'хорошо', *юр* 'дождь', *аяр* 'ясный' (о погоде)).

1.5.0. История Г.л.я. неотделима от истории общемарийского языка. Однако в дореволюционный период на него особое влияние оказали чувашский и русский языки. Первый памятник горномарийской письменности — "Евангелие" (СПб., 1821).

1.6.0. Внешнеязыковые факторы сказались прежде всего на лексике, фонетике, в какой-то степени — и на морфологии. В Г.л.я. функционирует значитель-

ное число словообразовательных суффиксов чувашского происхождения: *-лык/-льӓк* (*шынга* 'комар' — *шынгалык* 'полог'), *-лан/-лӓн* (*цевер* 'красивый' — *цеверлӓнӓш* 'хорошенько'); формообразовательные суффиксы: *-рак/-рӓк*, образующий сравнительную степень (*шымӓ* 'черный' — *шымырӓк* 'чернее'), *-мыла/-мӓлӓ*, образующий инфинитив долженствования (*кемыла* 'следует идти'). Как во всех других наречиях, в горном по тюркской модели образовались спаренные глаголы и аналитические формы прошедшего времени глагола (см. статью "Марийский язык"). Фонетика Г.л.я. не испытала столь интенсивного тюркского влияния, как это наблюдается в лугово-восточном марийском. Однако вместе с заимствованной чувашской лексикой в язык вошла фонема /χ/ (*хала* < чув. *хула* 'город'), развились редуцированные /ə, ə/, как результат русского влияния в Г.л.я. появились *ф* /f/ (*фляга* 'фляга', *туфлы* 'туфли'), мягкий *т* /t'/ (*коту* /kot'i/ 'кошка', 'кот'). Под влиянием русского языка образовались сложные предложения с разного рода придаточными.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонологическая структура слова в Г.л.я. характеризуется теми особенностями, какие были присущи финно-угорскому языку-основе (глухое начало слов, отсутствие стечения согласных в начале слов и др.). В системе гласных полного образования Г.л.я. в основном сохранил прамарийский вокализм. Инновации: редуцированные краткие гласные /ə, ə/.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний		задний	
	иллабиальные	лабиальные	иллабиальные	лабиальные
Верхний	и /i/	ӓ /i'/		у /u/
Средний	е /e/	ӓ /e'/	ы /ə/	о /o/
	ӓ́ /ə/			
Нижний	ӓ́ /ä/		а /a/	

Согласные

По способу образования		По месту образования					
		билабиальные	переднеязычные			глатальные	велярные
			жакуминальные	апикальные	дорсальные		
Шумные	смычные	п /p/	т /t/		т́ /t'/	к /k/	
	аффрикаты		ц /c/	ч /ç/			
	Фрикативные	однфокусные	ф /f/	д /ð/	с /s/		х /x/
		двухфокусные	в /w/	ш /ʃ/	з /z/		г /ɣ/
		ж /ʒ/					
Сопорные	газальные	м /m/	н /n/		н́ /n'/		
	латеральные		л /l/		л́ /l'/		
	вibrантные	Р /r/					
	серединые				й /j/		

2.1.2. Фонетической основой ударения является большая длительность гласного. Независимо от фонемного состава слова ударение падает на второй от конца слова слог (пенультиму): *не́чки* 'неженка', *нечкы́лаш* 'нежить', *нечкыла́наш* 'нежиться'. Однако имеются суффиксы, которые, выступая в конце слов, всегда ударны (*ашыра́к* 'белее', *лымгэ́* 'со снегом'). Ударение на пенультиму имеют и старые русские лексические заимствования (*охы́рец* 'огурец', *провы́аш* 'пробовать'). Смыслоразличительной роли ударение не играет.

Наблюдается развитая палатально-велярная гармония гласных: за переднерядным гласным первого (или любого ударного) слога следуют переднерядные же (*пйцкембйшдлтайш* 'темнеть'), за заднерядным — заднерядные же (*тыргыжланиш* 'беспокоиться о чем-л.').

2.1.3. Позиционная реализация фонем в Г.л.я. сводится к следующим моментам: а) редукации гласных ни в предударных, ни в заударных слогах не наблюдается (модификация их уловима только при инструментальном исследовании); б) глухие согласные после сонантов *м /m/, н /n/, ы /ń/, л /l/*, частично и после *й /j/, р /r/* озвончаются (суф. *-кхыды/-гыды*: *цаткыды* 'твердый', *валгыды* 'светлый'); в) аффрикаты *ч /č/, ц /c/* после *н /n/, ы /ń/* переходят в *з*, иногда — в *ж* (*анзыл* 'передний', *нүнжык* 'тесто') (в других диалектах — *ончыл, нончык*); настоящее явление происходит в силу ассимиляции по звонкости/глухости, действующей во всех диалектах марийского языка. Ассимиляции по твердости/мягкости не наблюдается.

Вокализм конечного безударного (после ударения на пенультиме) слога в исконно марийских словах и ранних заимствованиях представлен, за некоторым исключением, только гласными /а, â, э/ в открытых и закрытых слогах (*цолга* 'яркий', *шамак* 'слово', *кышкы* 'змея', *шувьши* 'мех кузнечный'), гласным /е/ в закрытых слогах (*шоээн* 'редко', *ашкедеш* 'он шагает').

2.1.4. Структурные типы слогов Г.л.я. те же, что и в лугово-восточном марийском, однако односложных слов, представляющих собой сочетание CV, в языке горных мари несколько больше: *ло* 'середина', *ши* 'серебро', *ви* 'сила', *ни* 'лыко', *шу* 'здоровье', *шү* 'шея' и др. Слова делятся на слоги по тем же правилам, что и в лугово-восточном марийском литературном языке.

Настоящих дифтонгов в Г.л.я. нет; нередко сочетания гласных (*роаш* 'рубить', *лоши* 'среднего качества', *луан* 'костистый', *лүаш* 'стрелять', *уэи* 'снова', *лиаш* 'быть', *шоэ* 'редкий', *шоээмдаш* 'прореживать'), выступающих в разных слогах.

2.2.0. Морфологические сведения

2.2.1. В современном Г.л.я. все словообразовательные и слововозмнительные суффиксы, за редким исключением, могут начинаться только с гласных [-а, -ä, -е, â, э]; те же гласные выступают и в качестве конечных гласных суффиксов: *шимбй* 'черный' — *шим-äлгы* 'черноватый', *шим-ем-дш* 'становиться черным'.

Суффиксы могут начинаться с согласного или же кончатся им (*анж-ал-аш* 'взглянуть' — *анж-ал-тыш* 'взгляд'). Однако глаголообразующие суффиксы все без исключения оканчиваются на согласный, а среди именных суффиксов имеется большое количество суффиксов, оканчивающихся на гласный.

Словообразовательные суффиксы могут состоять из одного или двух слогов (*имни* 'лошадь' — *имни-шыкы* 'верховой', 'всадник'; *ял* 'нога' — *ял-ын* 'пешком').

2.2.2. Выступая как энклитики при знаменательных словах, служебные слова (последлоги, частицы, союзы), состоящие из двух или трех слогов, получают второстепенное ударение, более слабое по сравнению с главным ударением, которое падает на знаменательное слово: /pö·rt ša:jəlpə/ 'за домом'. Если же служебное слово состоит из одного слога, ударения оно, как правило, не получает (/pö·rt kəs lä·ktəm/ '(я) вышел из дома').

Компоненты сложного слова не связаны гармонией гласных. На суффиксы же гармония гласных распространяется, этим объясняется наличие переднезаднерядных вариантов огласовки суффиксов (*вёид* 'вода' — *вёидән* 'водянистый'; *улы* 'есть' — *улан* 'зажиточный').

2.2.3. Чередования гласных в Г.л.я. не наблюдается. Ассимилятивные явления по глухости/звонкости согласных отмечаются после сонантов; в такой позиции глухие согласные чередуются с звонкими, и это явление наблюдается как при образовании сложных слов (*ялгорны* 'тропинка' < *ял* 'нога' + *корны* 'дорога'), так и при присоединении к корням суффиксов (*вуйжы* 'его голова', *тупшы* 'его спина', *пёрт док(ы)*/pört tók/ 'к дому'; *ушкал док(ы)* 'к корове' /uškal dok/). В прошлом в языке наблюдался еще один вид чередования — смычных с фрикативными: *кид* /kit/ 'руки' — *кидём* /kidëm/ 'руку', *киднә*/kidnä/ 'наши руки'.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Г.л.я. относится к агглютинативному типу; в нем морфемы в словах называются одна на другую в определенной последовательности: *пингёидем-дәшләннә* 'для того, чтобы нам укрепить что-л.' (*пингёиды* 'твердый' + суффиксы: *-ем* — глагольный суффикс с транслативным значением + *-д* — глагольный суф. (-д/-т-) с инструктивным значением + *-ди* — суффикс инфинитива + *-лән* — суффикс дательного падежа + *-нә* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. числа). Об аналитических структурах см. статью "Марийский язык".

2.3.1. Грамматические разряды слов в современном Г.л.я. довольно хорошо выражены и разграничены в достаточной степени, хотя между частями речи имеют место и некоторые переходные явления (см. статью "Марийский язык").

2.3.2. В Г.л.я. нет категории рода, но имеется противопоставление по классу человек / не человек по линии местоимений *кү* 'кто' (по отношению к человеку) и *ма* 'что' (по отношению ко всему остальному). Противопоставление по классу живой / не живой осуществляется по линии склонения: одушевленные имена существительные не выступают в формах пространственных падежей.

2.3.3. Грамматическое число выражается категориальным противопоставлением единственного и множественного числа. Об употреблении форм ед. числа при обозначении парных предметов и одного компонента у них см. статью "Марийский язык".

Формы множественного числа у имен дифференцированы по выражаемому оттенку значения множественности; противопоставлены: а) множественность однородных предметов и групповая множественность лиц, состоящих в родственных отношениях; б) пространственная множественность. Таким образом, Г.л.я. отличается от лугово-восточного марийского, в котором выражение мн. числа дифференцировано по трем оттенкам значения.

2.3.4. Падежные значения при помощи падежных суффиксов и послелогов выражаются так же, как и в лугово-восточном марийском. Теми же способами выражаются и посессивные отношения. Так же как и в лугово-восточном марийском, послелог, являясь серийным, восходит к именам в форме прамарийских падежей — локатива (*шайылы* 'позади чего-л.'), лативов (*шайыкы* 'за что-л.', *шайылан* 'за-чем-л.'), аблатива (*шайыц* 'из-за чего-л.').

2.3.5. Модальные значения выражаются формами четырех наклонений: индикатив, императив, оптатив и кондиционал. Условно-сослагательное значение, кроме того, может выражаться и формами прошедшего времени (как в лугово-восточном), а также придаточным условным с союзом *гёнъ* 'если'. Видовые и заложенные значения передаются теми же способами, что и в лугово-восточном марийском.

2.3.6. По основным способам выражения грамматического лица, времени, определенности/неопределенности, пространственной ориентации, отрицания Г.л.я. не отличается от лугово-восточного марийского языка. Незначительные расхождения наблюдаются только в фонетическом оформлении того языкового материала (словоформ), при помощи которого выражаются эти языковые понятия в указанных языках.

2.3.7. В Г.л.я. различаются те же части речи, что и в лугово-восточном марийском, характеризуются они теми же грамматическими категориями.

Многочисленны изобразительные слова, передающие слуховые, зрительные восприятия человека (*кылтинг-кылтинг кяршыжы* 'гусли-то звонкострунные', *цыл-цол* — о блеске металлического предмета, *пылди-вулди* — о звуке при падении легкого предмета).

Модели структуры серийных послелогов с пространственным значением в общем такие же, как в лугово-восточном марийском (соответствующие единицы отличаются только по фонетическому оформлению); незначительны расхождения и в других группах послелогов.

По составу частиц и союзов Г.л.я. от лугово-восточного марийского языка существенно не отличается, хотя в каждом из этих литературных языков имеются единицы, которых нет в другом языке.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Единственное число имеет нулевой показатель. Множественное число имен существительных, субстантивированных прилагательных и причастий, а также некоторых разрядов местоимений образуется при помощи суффиксов непряжательного множественного числа, присоединяемых к основе имени ед. числа.

Различаются суффиксы: а) *-влä*, выражающий множественность однородных предметов и групповую множественность лиц, состоящих в близких отношениях (*ушкaл* 'корова' — *ушкaл-влä* 'коровы', *пöрт* 'дом' — *пöрт-влä* 'дома', *äвäm* 'моя мать' — *äвäm-влä* 'моя мать и те, кто с ней', *Михала-влä* 'Михаил со своими друзьями'); б) *-ла (лä)*, выражающий в основном пространственную множественность (*aлык* 'луг' — *aлык-ла* 'лугá').

Падежные суффиксы присоединяются к форме номинатива ед. и мн. числа: *шарык* 'овца' — *шарыклан* 'овце', *шарыквлä* 'овцы' — *шарыквлäлän* 'овцам'.

Имена существительные, обозначающие одушевленные предметы, а также местоимение *кү* 'кто' в формах пространственных падежей не выступают.

Падежные суффиксы имен

Номинатив	∅
Генитив	-н, -ын(-ын)
Аккузатив	-м, -ым (-ым)
Датив	-лан (-лän)
Инессив (в ком-, чем-л.)	-шты (-штй, -ышты, -йшты)
Илллатив (куда-л., во что-л.)	-шкы (-шкй, -ышкы, -йшкй)
Латив (куда-л., где-л.)	-ш, -эш

Малоупотребителен комитатив (с кем-л., чем-л.) с показателем *-ге* (*оксаге, запискыге äвтлän пуда* 'и деньги, и записку передайте своей матери'), компаратив (как кто-, как что-л.) с показателем *-ла (-лä)* (*äвämлä ыштем* '(с)делаю, как моя мать').

Лично-притяжательные суффиксы

Основы на шумный согласный	Основы на сонорный согласный	Основы на безударный гласный
Один обладатель — одно обладаемое		
1 л. -ем	-ем	-эм
2 л. -ет	-ет	-эт
3 л. -шы(-шб̆)	-жы(-жб̆)	-жы(-жб̆)
Много обладателей — одно обладаемое		
1 л. -на(-н̆)	-на(-н̆)	-на(-н̆)
2 л. -да(-д̆)	-да(-д̆)	-да(-д̆)
3 л. -ышты(-б̆ышты)	-ышты(-б̆ышты)	-ышты(-шты)
Один обладатель — много обладаемых		
1 л. -вл̆эм	-вл̆эм	-вл̆эм
2 л. -вл̆эт	-вл̆эт	-вл̆эт
3 л. -вл̆жы	-вл̆жы	-вл̆жы
Много обладателей — много обладаемых		
1 л. -вл̆н̆	-вл̆н̆	-вл̆н̆
2 л. -вл̆д̆	-вл̆д̆	-вл̆д̆
3 л. -вл̆шты	-вл̆шты	-вл̆шты

Сравнительная степень качественных имен прилагательных и наречий образуется суффиксом *-рак(-р̆ак)*: *кого* 'большой' — *когорак* 'больше'; *яжон* 'хорошо' — *яжонрак(яжоракын)* 'лучше'. Превосходная степень как прилагательных, так и наречий образуется описательным способом с помощью частицы *сек* (< рус. *всех*) 'самый': *сек кого* 'самый большой', *сек яжон кыргыжеш* 'лучше всех бежит'.

Имена числительные имеют те же разряды и грамматические формы, что и в лугово-восточном марийском (см. статью "Марийский язык").

Совместные числительные могут выступать не только в форме генитива, датива и аккузатива, но и в форме номинатива (*Цила тб̆дан дон когыньна лошты пыта* 'на этом между нами (букв. 'между нами двумя') все кончено').

Местоимения

Местоимения классифицируются по тем же разрядам, что и в лугово-восточном марийском литературном, однако неопределенные местоимения образуются при помощи частиц *т̆*- (*т̆аг̆у* 'кто-то'), *хоть-* (*хоть-ма* 'хоть-что'), *-г̆ынат* (*мынар-г̆ынат* 'сколько-нибудь').

Склонение личных местоимений

Ном.	<i>мб̆нь</i>	'я'	<i>тб̆нь</i>	'ты'	<i>тб̆д̆б̆</i>	'он'	<i>м̆</i>	'мы'
Ген.	<i>мб̆ньб̆н</i>	'мой'	<i>тб̆ньб̆н</i>	'твой'	<i>тб̆д̆б̆н</i>	'его'	<i>м̆м̆н̆н</i>	'наш'
Акк.	<i>мб̆ньб̆м</i>	'меня'	<i>тб̆ньб̆м</i>	'тебя'	<i>тб̆д̆б̆м</i>	'его'	<i>м̆м̆н̆м</i>	'нас'
Дат.	<i>м̆ланем</i>	'мне'	<i>тб̆л̆анет</i>	'тебе'	<i>тб̆дыл̆н</i>	'ему'	<i>м̆л̆н̆н̆</i>	'нам'
Ном.	<i>т̆</i>	'вы'	<i>нб̆н̆б̆</i>	'они'				
Ген.	<i>т̆м̆д̆н</i>	'ваш'	<i>нб̆н̆б̆н</i>	'их'				
Акк.	<i>т̆м̆д̆м</i>	'вас'	<i>нб̆н̆б̆м</i>	'их'				
Дат.	<i>т̆л̆д̆н̆д̆</i>	'вам'	<i>нб̆н̆б̆л̆н</i>	'им'				

Неличные местоимения склоняются как имена.

Глагол

Глагол имеет категории лица/числа, времени (представлены: настоящее-будущее и шесть форм прошедших времен), наклонения (в отличие от лугово-восточного марийского в Г.л.я. имеется четыре формы наклонения: индикатив, императив, оптатив, кондиционал). Личные формы глагола по всем наклонениям и временам противопоставлены по утвердительному и отрицательному рядам спряжения.

Индикатив

		Время			
		Настояще -будущее			
		I спр.		II спр.	
		Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Утвердительные формы					
1 л.	<i>лыд-ам</i> 'я читаю'	<i>лыд-ына</i> 'мы читаем'	<i>сыр-ем</i> 'я пишу'	<i>сыр-енд</i> 'мы пишем'	
2 л.	<i>лыд-ат</i>	<i>лыд-ида</i>	<i>сыр-ет</i>	<i>сыр-еда</i>	
3 л.	<i>лыд-еш</i>	<i>лыд-ыт</i>	<i>сыр-а</i>	<i>сыр-ат</i>	
Отрицательные формы					
1 л.	<i>ам лыд</i> 'я не читаю'	<i>ана-лыд</i> 'мы не читаем'	<i>ам сырй</i> 'я не пишу'	<i>ана сырй</i> 'мы не пишем'	
2 л.	<i>ат лыд</i> 'ты не читаешь'	<i>ада лыд</i> 'вы не читаете'	<i>ат сырй</i> 'ты не пишешь'	<i>ада сырй</i> 'вы не пишете'	
3 л.	<i>ак лыд</i>	<i>ак лыд-ен</i>	<i>ак сырй</i>	<i>ак сыр-ен</i>	

		Время			
		Прошедшее I (показатель -ы(й),-ыш(-ыш))			
		I спр.		II спр.	
		Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>лыд-ым</i> 'я читал'	<i>лыд-на</i> 'мы читали'	<i>сырыш-ым</i> 'я писал'	<i>сырыш-на</i> 'мы писали'	
2 л.	<i>лыд-ыц</i>	<i>лыд-да</i>	<i>сырыш-ыц</i>	<i>сырыш-да</i>	
3 л.	<i>лыд-ы</i>	<i>лыд-евы</i>	<i>сыр-ыш</i>	<i>сыр-евы</i>	
1 л.	<i>шым лыд</i> 'я не читал'	<i>шына лыд</i> 'мы не читали'	<i>шыц сырй</i> 'я не писал'	<i>шына сырй</i> 'мы не писали'	
2 л.	<i>шыц лыд</i>	<i>шыда лыд</i>	<i>шыц сырй</i>	<i>шыда сырй</i>	
3 л.	<i>ыш лыд</i>	<i>ыш лыд-ен</i>	<i>ыш сыры</i>	<i>ыш сыр-ен</i>	

Отрицательные формы настоящего-будущего и прошедшего I образуются по тем же моделям, что и в лугово-восточном марийском (см. статью "Марийский язык"). Различие наблюдается в личных окончаниях 3-го лица обеих временных форм, как утвердительного, так и отрицательного рядов спряжений (см. таблицы).

Остальные прошедшие времена по своей форме являются аналитическими, как и в лугово-восточном марийском, однако в образовании их в Г.л.м. имеются

отличительные особенности: если утвердительные формы прошедшего II образуются так же, как и в лугово-восточном (*лыдынам* 'я читал', *лыдынат* 'ты читал' и т.д.), то отрицательные формы прошедшего II состоят из отрицательного деепричастия на *-де* смыслового глагола и усеченных личных форм глагола *ылаш* 'быть' (*лад-де* + *ылам* >): *лыдделама* 'я не читал', *лыдделат* 'ты не читал', *лыдде* 'он не читал'; *лыдделна* 'мы не читали', *лындделда* 'вы не читали', *лыдделыт* 'они не читали'. Эти же отрицательные личные формы в сочетании со вспомогательным глаголом *ыльы* 'был' образуют отрицательные формы предпрошедшего I (*лыдделама ыльы* 'я не читал было', *лыдделат ыльы* 'ты не читал было' и т.д.), а со вспомогательным глаголом *ылын* 'было' — отрицательные формы предпрошедшего II (*лыдделама ылын* 'я не читал было', *лыдделат ылын* 'ты не читал было' и т.д.).

Императив (показатель Ø)

Утвердительные формы					
		I спр. -		II спр.	
		Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	—	—	—	—	—
2 л.	<i>лыд</i> 'читай'	<i>лыд-да</i> 'читайте'	<i>вазы</i> 'пиши'	<i>ваз-ыда</i> 'пишите'	
3 л.	<i>лыд-шы</i> 'пусть читает'	<i>лыд-ышты</i> 'пусть читают'	<i>ваз-ыжы</i> 'пусть пишет'	<i>ваз-ышты</i> 'пусть пишут'	
Отрицательные формы					
1 л.	—	—	—	—	
2 л.	<i>ит лыд</i> 'не читай'	<i>ида лыд</i> 'не читайте'	<i>ит сиры</i> 'не пиши'	<i>ида сиры</i> 'не пишете'	
3 л.	<i>ыңжы лыд</i> 'пусть не читает'	<i>ыңжышты лыд</i> 'пусть не читают'	<i>ыңжы сиры</i> 'пусть не пишет'	<i>ыңжышты сиры</i> 'пусть не пишут'	

Оптатив маркируется показателем *-не*, расположенным перед личным окончанием глагола; его утвердительные и отрицательные формы образуются по той же модели, что и в лугово-восточном марийском, отличие — в фонетическом оформлении некоторых личных окончаний (*лыднем* 'я намерен читать', *лыднет* 'ты намерен читать', *лыднежы* 'он намерен читать').

Кондиционал образуется при помощи частицы *-гецы* 'если бы' (обычно употребляемой в сочетании с глаголом *ылаш* 'быть', 'являться', в виде *ылгецы*, выступающей в условных придаточных): *Пуде ылгецы, мбінь тыдым...* 'Пусть только не даст, я его...'; *Кердам ылгецы, ыштынем* 'Если бы я смог, сделал бы'.

Нефинитные формы глагола

Нефинитные формы глагола представлены инфинитивом на *-аш(-аш)*, инфинитивом долженствования на *-мыла(-мблă)* (*кемблă* 'следует идти', *сирбмблă* 'следует писать'), причастиями: активными — с показателем *-шы(-шб)* (*лыдшы* 'читающий', *сирбшб* 'пишущий'), пассивными — с показателем *-мы(-мб)* (*лыдмы* 'читаемый', *сирбмб* 'записываемый'), причастием будущего времени на *-шати(шиди)* (*лыдшаш* книга 'книга для предстоящего чтения'), отрицательным причастием на *-дымы(-дбмб)* (*лыддымы* 'нечитаемый'). Кроме того, имеется пять деепричастных форм: деепричастие на *-ен, -ын(-бн)* (*лыдын шбнзем* 'сичу читая'), деепричастия временные с показателями *-мыкы (-мбкб)*, *-шыла (-шблă)*, *-мешкы* (о

подобных деепричастиях см. статью "Марийский язык"), отрицательные деепричастия на *-де* (*лыдде* 'не читая').

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. По морфологической структуре слова Г.л.я. и лугово-восточный марийский языки одинаковы.

2.5.2. Основные способы словообразования в Г.л.я. и в лугово-восточном марийском совпадают; это суффиксация, словосложение, переход одной части речи в другую.

2.5.3. Образование синтаксических конструкций, типов простых предложений в Г.л.я. и лугово-восточном марийском происходит по одинаковой схеме, идентичны и способы выражения субъектно-объектных отношений. Широкоупотребительны причастные и деепричастные обороты.

2.5.4. Типы сложных предложений в Г.л.я. такие же, как и в лугово-восточном марийском, однако придаточные условные конструируются не только с помощью условного союза *-гънь*, но и условно-соединительной суффиксированной частицы *-гецъ*.

2.6.0. В Г.л.я. имеются те же пласты заимствованной лексики, что и в лугово-восточном марийском. Однако количественное соотношение старых тюркских и русских заимствований в этих языках неодинаково: в Г.л.я. значительно больше русских заимствований, и нередко тюркским словам, бытующим в лугово-восточном марийском, в Г.л.я. соответствуют слова русского происхождения; ср.: Г.л.я. *педа* 'беда', *скамья* 'скамья', *скушина* 'скучно', *сөддй* 'седой', *семия* 'семья' и др. и соответствующие им лугово-восточные слова *азан*, *тенгыл*, *йокрок*, *чал*, *еш* и др.

2.7.0. Вопрос о диалектном составе языка горных марийцев не решен. Принято выделять два диалекта: правобережный (еласовский) и левобережный, различия между которыми наблюдаются в фонетике и лексике.

ЛИТЕРАТУРА

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. Йошкар-Ола, 1964. Ч. I; 1966. Ч. II.

Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.

Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1971.

Саваткова А.А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981 (около 10 тыс. слов).

Современный марийский язык. Фонетика — 1960; Морфология — 1961. Йошкар-Ола.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

Beke Ö. Cseremisiz nyelvűtan. Budapest, 1911.

Ramstedt G.J. Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsingfors, 1902.

А. П. Феоктистов

МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Название М.я. восходит к этнониму *мордва*, являющемуся общим наименованием всех этнических подразделений мордовского народа — мокшан (мордвы-мокши), эрзян (мордвы-эрзи), исторически также терюшевской мордвы (мордвы-терюхан), группы татарской мордвы (мордвы-каратаев) и др. Первая фиксация этого этнонима в литературе относится к VI в. н.э.: *Mordens* (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М., 1960. С. 150). В X в. страна *Mordia* упоминается в сочинении К. Багрянородного "Об управлении империей". В русских летописях XI—XII вв. мордовцы выступают под современным названием: "... а по Оце реце, где потече в Волгу... морьдва свой язык..." (Полное собрание русских летописей, I. М., 1960. С. 10—11). В западноевропейских письменных источниках XIII в. этноним мордвы фиксируется в виде *Morduanorum*, *Mordani*, *Morduynos*, *Morduinus* и т.д. Все перечисленные варианты этого этнонима — иранского происхождения (ср. др.-перс. *Martiya*, новоперс., тадж. *mard* 'мужчина'). Рус. *мордва* с конечным элементом *-ва* имеет собирательное значение. В самих М.я. не выработалось обобщенное название мордовского этноса. Наименование *мокшет-эрзят* 'мордва' (букв. 'мокшане-эрзяне') появилось в М.я. сравнительно недавно, оно восходит к древним племенным названиям *мокиша* 'мокшанин, мордвин-мокша, представитель мокшанского племени' и *эрзя* 'эрзянин, мордвин-эрзя, представитель эрзянского племени'. В новейшее время под влиянием русского языка в М.я. входит в употребление и этноним *мордвась* 'мордва', *мордватне* 'мордовцы', *мордовский народсь/мордовской народось* 'мордовский народ'. В соответствии с этнонимом *мордва* употребляются и варианты названия языков: рус. *мордовские*, нем. *Mordwinisch*, венг. *mordvin*, фин. *mordvalaiset*, англ. *Mordvin*.

2. До XV в. включительно территориальной колыбелью мордовского этноса оставалось обширное Волго-Окское междуречье. После этого периода в связи с усилением инфильтрации в эти края представителей других народов среди мордвы начались групповые миграции в восточном и юго-восточном направлениях (левобережье Волги, Южный Урал, Западная Сибирь, позднее — Средняя Азия и Восточная Сибирь вплоть до Дальнего Востока). В настоящее время уже примерно половина носителей М.я. некомпактными и, как правило, гетерогенными по происхождению группами проживает за пределами первоначальной этнической территории. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., ареалы относительно более компактного расселения носителей М.я. локализованы в отдельных районах следующих автономных республик и областей Российской Федерации: Мордовия — 28,9% всего мордовского населения, Самарская обл. — 9,4, Пензенская обл. — 8,4, Оренбургская обл. — 7,3, Ульяновская обл. — 5,5, Нижегородская обл. — 4,1, Башкирия — 3,2, Татария — 2,5, Саратовская обл. — 1,9, Чувашия — 1,7% и т.д. В азиатской части СССР в 1970 г. находилось свыше 18% всего мордовского населения. Кроме того, более 30 тыс. этнической мордвы проживало в Казахстане, 11,3 тыс. — в Узбекистане, 19,3 тыс. — на Украине, 5,5 тыс. — в Таджикистане, 67,1% мордвовцев считали мордовские языки родными (перепись 1989 г.)

К М.я. относятся мокшанский (или мокша-мордовский) и эрзянский (или эрзя-мордовский). Каждый из этих языков распадается на множество говоров, объединяемых в территориальные диалекты (наречия) разных типов. В составе

мордовских диалектов значительное место занимают говоры смешанного (мокшанско-эрзянского или эрзянско-мокшанского типа) с преобладанием в них черт мокшанского или же эрзянского языка.

Носители М.я. издавна осознают себя как одну народность. На базе мокшанских и эрзянских диалектов некогда единого общемордовского языка сформировались два письменно-литературных языка — мокшанский и эрзянский.

3. Общая численность мордовского населения, по данным переписи 1989 г., — 1 млн 153 тыс. 987 чел. По переписи населения 1970 г., мордовский язык был назван родным 77,8% мордовского населения страны. Остальная часть мордвы (22,2% по СССР и 3,8% по Мордовии) назвала своим родным языком русский. Кроме того, 65,7% мордовцев в 1970 г. объявили о свободном владении ими вторым — русским — языком, 8,1% также другими языками народов СССР.

Материалы переписи 1989 г. не содержат данных о численности мордвы-мокши и мордвы-эрзи каждой в отдельности. Демографические сведения отдельно по мокше и эрзе получены лишь по Мордовии. В целом по СССР эрзяне составляют примерно около 2/3, а мокшане более 1/3 от всей мордвы.

4. М.я. вместе с марийским входят в так называемую волжско-финскую группу, а отдельно от марийского языка образуют мордовскую ветвь финно-угорской подсемьи языков, составляющих с самодийской подсемьей уральскую семью языков. Хотя со времени распада уральского языка-основы прошло более 6 тысячелетий, в фонетико-грамматической системе М.я. продолжают удерживаться основные праязыковые черты, характерные и для большинства других финно-угорских и самодийских языков. К таким особенностям, наряду с закономерными звуковыми соответствиями и огромным количеством корневых слов финно-угорского (уральского) происхождения, относятся: 1) отсутствие префиксов в системе словоизменения и словообразования (в М.я. и других уральских языках образование грамматических форм происходит с использованием суффиксов, а словопроизводство наряду с деривацией также путем слово/основосложения); 2) наличие послеложных конструкций вместо предложных; 3) отсутствие грамматической категории рода (в М.я., как и в других уральских, признаки пола в именах и местоимениях передаются средствами лексики); 4) наличие грамматической категории притяжательности, выражаемой характерными для языков уральской семьи лично-притяжательными суффиксами; 5) прогрессивная последовательность в расположении определяемого по отношению к определению (в М.я., как и во многих уральских языках, семантико-синтаксическая связь "определение + определяемое" не имеет формального выражения) и т.д.

К особенностям, отличающим М.я. от всех или большинства уральских языков, относятся: 1) наличие указательных форм, выражающих, подобно постпозитивному артиклю индоевропейских языков, грамматическую определенность имен существительных и других частей речи при их субстантивации; 2) наличие двух типов спряжения — субъектного (безобъектного), указывающего в своей грамматической форме только на субъект, производящий данное действие, и объектного, в формах которого находят выражение и субъект, и объект производимого действия; 3) наличие суффиксов сказуемого изменения, присоединяемых к любому неглагольному слову в случае его предикативного употребления.

5. М.я. близки между собой примерно в такой же степени, как, например, восточнославянские языки. Эта близость свойственна большинству единиц, участвующих в формировании фонетической (фонологической), грамматической и лексической систем. Обоим М.я. присущи одни и те же лексико-грамматические классы слов и морфологические категории. Имя существительное

имеет одинаковые типы склонения. В том и другом языке функционирует одна и та же система глагольного словоизменения и формообразования (различия в глаголе создаются за счет неординаковой степени употребительности тех или иных форм и, в общем, незначительных отклонений в фонетическом облике отдельных грамматических показателей). В лексике нетрудно найти сотни слов с одинаковой или близкой фонетикой и семантикой. Однако действительно высокая степень родства и типологического сходства М.я. достаточно далека от их тождества. Наряду с общими, численно преобладающими, элементами между современными М.я. устанавливаются заметные различия, которые накапливались в них постепенно на протяжении 2-й пол. I тыс. н.э. Этим периодом мордовской истории датируются сложные процессы этнолингвистического обособления и разъединения мокшанских и эрзянских племен. Некоторые расхождения, по всей очевидности, возникли еще раньше, но до распада общемордовского праязыка (начало II тыс. н.э.) они оставались на уровне междialeктных корреляций и корреспонденций.

Существенно отличаются М.я. друг от друга действующими в них системами акцентуации. В эрзянском языке утвердилась модель тактового и фразового ударения (отсюда, например: *ve'l'estenzę* — *vel'e'stenzę* — *vel'estę:nzę* — *vel'estenzę* 'из его села' в зависимости от места данной словоформы в речевом отрезке). Место динамического слогового ударения в мокшанском языке обусловлено качеством гласных данного слова. Если, например, в одном и том же слове имеется широкий гласный а (ä), то узкие и, i и редуцированное э не могут быть под ударением: *a'ndäms* 'кормить', *kunda'ms* 'поймать', *šuzä'f* 'солома', *iva'd'äms* 'крикнуть', *ñufkšät'a'da* 'сидите без дела'. Гласные о, е во всех позициях в слове с любой фонетической структурой употребляются только под ударением: *to'nadäñ* 'я привык', *e'fäJñäñd'i* 'жителям', *lapo'tmaks* 'прядельное донце', *po'talak* 'потолок', *pfäre'säp* 'у меня в изголовье'.

6. Типичные фонетико-грамматические характеристики М.я. унаследованы от финно-угорского языка-основы. Строй современных М.я., однако, не повторяет полностью гипотетическую систему праязыка. Многочисленные инновации в фонетике и грамматике привели со временем к перестройке, в частности, фонологической системы М.я. Так, например, группа общфинно-угорских палатальных переднеязычных *l', ñ, š, č* в М.я. расширилась за счет добавления и других переднеязычных *t, d, f, ž*, фонематически противопоставляемых исконно непалатализованным *t, d, r, z*. Позднейшую инновацию составляют и глухие *L, L', R, R', J*, фонологически коррелирующие с простыми сонантами *l, l', r, f, j*. Праязыковое наследие в вокализме М.я. подверглось более значительным переменам, чем консонантизм. Слогоделение в М.я. основывается на принципе восходящей звучности и открытости неконечных слогов. При появлении в словоформе сонорных рядом со смычными возможны и другие варианты слога(вы)деления. Напр.: *po-fems* 'грызть', но *kan-doms* 'нести'. Действие мордовского сингармонизма обусловлено взаимодействием качества гласных и согласных данного слова. Если, например, в 1-м слоге производного слова выступает заднерядный/переднерядный гласный, то в последующем слоге употребляется гласный только этого, а не другого ряда: *lo-ra* 'лист', *ve-l'e* 'село'. Перед гласными переднего ряда согласные палатализуются: *ñi-l'e* 'четыре', *t'e-fd'ems* '(вы)звать'. Сохранение в этой позиции *s* непалатализованного (реже также *t*), напротив, приводит к веляризации последующего гласного переднего ряда: эрз. *si-vel'* 'мясо', *señ* 'синий', *t'e-se* 'здесь', *t'e-stę* 'отсюда', *tñ* 'вы'. Непалатализованные согласные в позиции перед другими палатализованными парными также подвер-

гаются смягчению: эрз. *latot*/мокш. *latôt* 'навесы', но *latot'ñe*/*latôt'ñä* 'эти навесы'. Если в деривационной части словоформы появляется палатализованный парный согласный, то, независимо от качества гласного предшествующего слога, в последующем слоге выступает гласный переднего ряда (в мокшанском языке — переднерядный аллофон фонемы /э/): *ga-kams* 'смеяться', но эрз. *ga-kšems*/мокш. *ga-xšems* 'посмеиваться' (-š- — суф. многократности), эрз. *šo-рав-toms*/мокш. *šo-ра-ftšms* 'окунуть; нырнуть', но *šo-рав-fñems*/*šora-fñšms* 'окунать; нырять' (-ñ- суф. многократности) и т.д.

Определенным изменениям подвергся в М.я. агглютинативный способ организации морфем, являющийся праязыковым наследием (мокш. *oš-sâ-l'ä-mä* 'мы были в городе', поморфемно букв. 'город + в + был + мы'). В современных М.я., однако, отдельные суффиксы, выражающие более одного грамматического значения, мало чем отличаются от флективных морф индоевропейских языков. Внутренняя флексия находит проявление в отдельных местоимениях. Послеложные аналитические построения по степени употребительности нередко конкурируют с падежными формами, синонимичными с первыми. Перифрастический способ передачи грамматических отношений характерен также для имени прилагательного, глагола, наречия.

Значительная часть словаря М.я. базируется на финно-угорском лексическом наследии, получившем дальнейшее развитие внутри мордовского языка-основы, а затем эрзянского и мокшанского языков. Довольно большие расхождения в словарном составе современных М.я. появились в результате семантических преобразований в общих лексемах и выпадения в одном из М.я. общемордовских лексических единиц и замены их неологизмами или — чаще — заимствованиями.

Заемствованный лексический фонд в М.я. количественно превышает эндогенную лексику. Общемордовскими являются заимствования: 1) иранские — эрз. *кансть*/мокш. *каньф* 'конопля', *сыре/сире* 'старый', *ломань* 'человек', *маразь* 'нёклен (вид клена)' и др. (всего более 10 единиц); 2) балтийские (около десяти) — *кардаз* 'двор', *неель* 'нож', эрз. *кишна*/мокш. *шна* 'ремень' и др.; 3) большая часть тюркских заимствований (более 300 единиц) — *айгор* 'жеребец', *алаша* 'лошадь', *ярмак* 'деньги', *поза* 'брага, квас', эрз. *сирть*/мокш. *сирек* 'ясень', *кендял/желда* 'кноп', *киумань/кушма* 'редька, хрен', *сюкоро/цукор* 'пирог, коврига', *аель/аел* 'подпруга' и мн. др.; 4) древнерусские — *розь* 'рожь', эрз. *пондо* 'пуд' (в мокшанском *пуд* 'пуд' относится к более поздним заимствованиям), эрз. *кусят*/мокш. *ксяль* 'кисель' и др. В литературных М.я. вся общественная, научно-техническая, агрономическая терминология, а также наименования, относящиеся к различным областям культуры и искусства, заимствованы из русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Вопросы этнической истории мордовского народа. // Труды мордовской этнографической экспедиции. М., 1960. Вып. 1.

Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология/ Под ред. Д.В. Цыганкина Саранск, 1980.

Деваев С.З., Цыганкин Д.В. Фонетика мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков. Саранск, 1970

Мордва: Историко-этнографические очерки.
Саранск, 1981
Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.

Stpa G Mordwinisch als Forschungsobjekt //
Euroasiatica. Instituto universitario orientale. Na-
poli, 1973. II, 3

А.П. Феоктистов

МОКШАНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

Название "мокшанский (язык)" происходит из этнонима *мокша* 'мокшанин' (*мокишет* 'мокшане'), который, в свою очередь, восходит, вероятнее всего, к гидрониму *Мокша* 'река Мокша' (правый приток Оки в Пензенской обл. и Мордовии). Самое раннее письменное упоминание об этом племенном названии содержится в записках путешествия в Монголию (1253—1255) монаха-минорита Гильома Рубрука (Rubruquis: "...Moxel ultra Tanain ad aquilonem..."). *Moxel* расшифровывается как композита *мош(а)* + *аля* 'человек из племени моши'.

1.1.1. Мокшанский язык (М.я.) — язык мокшан (или мордвы-мокси), части мордовского населения на территории Мордовии, Татарии и ряда областей Российской Федерации. Вариант названия: мокша-мордовский. Иноязычные соответствия: нем. *Mokschanisch*, *Mokscha-mordwinisch*, англ. *Moksha-Mordvin*, венг. *moksa-mordvin*, фин. *mokša*, *mokšalai*, *mokša-mordvalai*. Соответственно самоназванию *мокшан* 'я мокшанин' язык называется *мокишень кяль* 'мокшанский язык'.

1.1.2. М.я. с близкородственным эрзянским образуют мордовскую ветвь финно-угорской подсемьи уральских языков. Оба языка генетически стоят значительно ближе к марийскому и прибалтийско-финским, чем к другим финно-угорским языкам.

1.1.3. М.я. распространен в западной части Мордовии. Носители М.я. проживают некомпактно во многих р-нах Татарстана, а также Нижегородской, Самарской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Челябинской и др. областей Российской Федерации. Ориентировочная численность носителей М.я. равна примерно 450 тыс. человек, что составляет более 1/3 всего мордовского населения.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Диалектное членение М.я. осуществляется по комплексному методу, с учетом как фонетических, так и морфологических и частично лексических особенностей говоров. В основной компактной зоне распространения М.я. (Мордовия) мокшанские диалекты образуют три группы: центральную, западную и юго-восточную.

Относительная определенность очертаний изоглосс мокшанских языковых явлений имеет место лишь в западной части Мордовии. На других участках мордовского лингвистического пространства границы мокшанских диалектных явлений характеризуются крайней неровностью и размытостью.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. М.я., являясь средством внутринационального общения, состоит из двух коммуникативно-функциональных подсистем: письменно-литературного М.я. и многочисленных диалектов. В то же время для мокшанского языкового коллектива

характерен мокшанско-русский билингвизм. Многие сферы общественной жизни М. населения обслуживаются только русским языком. Русский язык нередко используется мокшанами в различных местах проживания в роли традиционных разновидностей языка (койне, полудиалекта, профессиональных аргю и т.д.).

1.3.2. В процессе становления письменно-литературного М.я. несколько раз менялась его диалектная основа. Отсутствие устойчивой диалектной базы мокшанской письменности дореволюционного периода отразилось и на развитии литературного М.я. советской эпохи. Первые издания на М.я. после 1917 г. выходили в свет фактически на тех диалектах, носителями которых были авторы книг, иногда даже отдельных газетных и журнальных публикаций. С середины 20-х гг. язык М. прессы начинает ориентироваться на западный диалект.

К середине 30-х годов в качестве диалектной основы литературного М.я. окончательно закрепляется центральный диалект. К этому же времени относится и завершение основной работы по унификации литературных норм. Современный литературный М.я. продолжает развиваться на указанной диалектной базе, вбирая и усваивая отдельные фонетико-морфологические и лексические элементы других мордовских диалектов. Стандартизация письменной формы литературного М.я. доведена до высокого уровня, устная же форма остается еще в стадии становления. На литературном М.я. издаются книги, газеты, журналы, ведутся радио- и телепередачи, ставятся пьесы. Существует богатая художественная, а также фольклорная литература.

1.3.3. Письменно-литературный М.я. является языком обучения в мордовской начальной школе и на национальных отделениях вузов Мордовии. В старших классах средней школы и на гуманитарных факультетах вузов Мордовии М.я. преподается как предмет. Научными центрами изучения М.я. являются Москва, Саранск, Таллинн, Тарту, Будапешт, Сегед, Турку, Хельсинки, Гамбург, Блумингтон, Упсала, Флоренция, Удине и др.

1.4.0. Мокшанская письменность имеет русскую графическую основу (кириллицу). Для передачи фонем, не характерных для русского языка, и специфических фонетических явлений М.я. выработаны дополнительные графические способы: глухие сонорные /L/, /L/, /R/, /R'/, /J/ обозначаются буквосочетаниями соответственно: *лх* (*валхтомс* /vaL'tõms/ 'снять'), *льх* (*мядьхть* /mäL't'/ 'мысли'), *рх* (*порхцадемс* /poRca'dõms/ 'проткнуть'), *рьх* (*марьхть* /maR't'/ 'яблоки'), *йх* (*сайхть* /saJ't'/ 'придут'). Для графической передачи гласных фонем /э/, /ä/ используется несколько графических средств: /э/ обозначается буквами *е*, *о* или графическим нулем: *ардемс* /ardõms/ 'ехать', *модемс* /mo'õms/ 'идти', *рнамс* /õrna.ms/ 'рычать'. В то же время буквы *о*, *е* являются постоянными графическими знаками для обозначения фонем /о/, /е/ (*озамс* /ozams/ 'сесть', *тердемс* /t'õfd'õms/ 'пригласить'). /ä/ передается буквами *э*, *я*, *е* (эши /äši/ 'колодец', *мяль* /mä'l'/ 'желание, мысль', *пинге* /pingä/ 'время, срок'). В то же время буквой *э* в анлауте слова обозначается обычно и фонема /е/ (*эряви* /õfavi/ 'нужно'), буквой *я* в инлауте — фонема /а/ (*нят* /nat/ 'эти'), буквой *е* в инлауте — фонема /е/ (*тев* /t'õv/ 'дело'), в анлауте — звукосочетание /je/ в заимствованиях (если /ješ'i/ 'если').

1.5.0. В истории М.я. выделяются три периода: прамокшанский — X—XI вв. до XVII в.; старомокшанский — конец XVII в. — XIX в.; новомокшанский (современный) — вторая половина XIX в. до наших дней. Первый период является бесписьменным. Первый памятник письменности (небольшой словарь) появился в конце XVII в., первый связный (переводный) текст — в середине XIX в.

1.6.0. Экстралингвистическими факторами обусловлено развитие не только словарного состава: на уровне фонем результатом фонологической дивергенции является расширение под влиянием русского языка состава палатализованных согласных, противопоставляемых всей группе непалатализованных переднеязычных ($t' - t$, $d' - d$, $s' - s$, $z' - z$, $f - r$, $R' - R$, $l' - l$, $L' - L$, $n' - n$, $č - c$).

Закреплению явлений интерференции в морфолого-синтаксической системе М.я. способствует все более углубляющееся мокшанско-русское двуязычие. Под влиянием внешнеязыковых контактов наблюдается ослабление отдельных грамматических категорий М.я. — посессивности, определенности имени, модальности, объектного спряжения глагола и др. Изменения морфологического порядка нередко находят отражение в структуре предложения. Так, свертывание суффиксального способа выражения модальных значений (возможности и долженствования) в сфере глагола и его вытеснение русскими предикативно-модальными *должен, мочь* существенно повлияли на строй мокшанского предложения. При наличии суф. *-v-* или *-ta* субъект действия передается именем существительным в форме датива: *Тейне эряви молемс ошу* 'Мне нужно ехать в город' = 'Я должен ехать в город'. Употребление же рус. *должен, мочь* в мокшанском предложении приводит к грамматическому воплощению субъекта действия (подлежащего) в форме номинатива, как и в русском языке: *Мон должен молемс ошу* 'Я должен ехать в город'; *Тон можешь молемс ошу* 'Ты можешь (имеешь возможность, в состоянии) ехать в город'.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонологической системе М.я. характерно наличие редуцированной гласной фонемы /ə/, образующей дистинктивную оппозицию с другими гласными, и глухих плавных, находящихся в привативной оппозиции с сонантами /l — L, l' — L', r — R, f — R', j — J/ (/kaŋã/ 'рыбка' — /kaLŋã/ 'эти рыбы', /kaŋã/ 'лозинка' — /kaL'ŋã/ 'эти ивы', /naŋã/ 'травка' — /naRŋã/ 'эти травы', /maŋã/ 'яблочко' — /maRŋã/ 'эти яблоки', /kunda:jŋã/ 'я поймал (это)' — /kunda:Jŋã/ 'эти ловцы'). Противопоставление /ə/ любому другому гласному и фоническому нулю в современном М.я. фонологизовано и имеет достаточно высокую функциональную нагрузку. Особенно нагружены оппозиции /ə/:/a/ (/anək/ 'готовый' — /anak/ 'проси'); /ə/:/ä/ (/koŋəzəŋ/ 'он зажмурил (глаза)' — /koŋäzəŋ/ 'мой лоб' (ген.)), /ə/:/i (i)/ (/šarət/ 'ты вертелся' — /šarit/ 'это колесо' (ген.)), 'ты окружил (это)'); /ə/:/ø/ (šivəs 'ворот (рубашки и т.п.)' — šivés 'он съел (что-то)'). Менее нагружены оппозиции /ə/:/o/, /ə/:/e/, /ə/:/u/ что, между прочим, свидетельствует о становлении /ə/ как фонемы из безударных аллофонов других гласных фонем.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний	средний	задний	
	иллабиальные		иллабиальные	лабиальные
Верхний	i	[i]		u
Средний	e	ə	[ə]	o
Нижний	ä	a		

Согласные

По способу образования		По месту образования						
		била- бналь- ные	Лабии- денталь- ные	Переднеязычные			средне- язычные	Задне- язычные
				Дентальные		Денталь- но-аль- веоляр- ные		
Шумные	смычные аффрикаты ффрикативные	p, b	т, d	т', d'	ç		Jj	k, g
			с	ç				
Сопор- ные	назальные латеральные вибранты	m	п	п'	ç	Jj	ç	
			L, l	L', l'				
			R, r	R', r'				
			f, v	s, z	š, ž		ç	

По нашим статистическим подсчетам, на 100 фонемных единиц приходится в М.я. примерно 39/40 гласных и 61/60 согласных фонем. По степени употребительности гласные располагаются в следующем убывающем порядке: /a/, /ə/, /i/, /ä/, /e/, /o/, /u/; согласные: /k/, /h/, /š/, /s/, /n/, /t/, /t', /m/, /v/, /l/, /p/, /š/, /d/, /l' и т.д.

2.1.2. Ударение в М.я. выполняет кульминативную функцию выделения и распознавания слов в речевом потоке. Акустическим коррелятом ударения является длительность гласного. Ударенные гласные М.я. по своей длительности и интенсивности отличаются от безударных примерно так же, как и в русском языке. В безударной позиции гласные подвергаются редукции (нередко вплоть до выпадения). Смыслоразличительные функции мокшанского ударения весьма ограничены. Переходность ударения в М.я. обусловлена различной длительностью гласных (наиболее длительными являются гласные нижнего и среднего подъема, /ə/ примыкает к узким гласным /u/, /i/). Широкие гласные перетягивают на себя ударение (/ingəlda.ms/ 'определить', /kunda'si/ 'он поймает его', /ičkəžgä-/ 'далеко'). Если же все гласные в словоформе являются или только широкими, или только узкими (к последним примыкает и /ə/), то ударение падает на первый слог: /i'čkəži/ 'далеко' (куда), /ma'fäžä/ 'он услышал его', /pə'čksəms/ 'поправляться, выздоравливать', /i'fd'əzənzən/ 'его ребер' (ген. мн. ч. притяж. скл.).

Древняя финно-угорская гармония гласных в М.я. сохранилась в еще более разрушенном виде, чем в эрзянском, и реализуется во взаимовлиянии гласных и согласных: 1) в корневых морфемах перед гласными переднего ряда допустимы лишь мягкие согласные: /t'äšt'ä/ 'звезда', /šel'mä/ 'глаз'; 2) после гласных переднего ряда в корне чаще выступают палатализованные согласные: /ked'/ 'шкура', /id'/ 'дитя', /efgä/ 'сила'; 3) если последний слог в словоформе начинается с палатализованного парного или непарного по твердости/мягкости согласного, то в ауслауте, как правило, употребляются гласные переднего ряда: /mä-ni/ 'он освободится, вырвется', /vif-gä/ 'по лесу', /t'ijä-nä/ 'здесь, по этому месту'.

2.1.3. См. п 2.1.2.

2.1.4. Слоговая структура М. слова не отличается от типов слогов в эрзянском слове. Неконечный слог в М.я. имеет восходящую звучность и является, как правило, открытым: /ku-ctä-stka/ 'и из их домов'. При наличии в словоформе

сонорных, которые по слогаобразующей функции приближаются к гласным, возможны варианты слогоделения: /va-ndʒs ~ van-dʒs/ 'до завтра', /tu-msta ~ tum-sta/ 'когда собирались уходить'.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. В первом слоге употребляются все гласные. Во втором слоге незаимствованных слов исключительно редко появление /o/, /e/; в третьем и следующих слогах совсем не употребляются /o/, /e/ и вместо них выступает чаще всего /ə/: /koléndəms/ 'играть', /kuva-lgətkšńəšt/ 'они становились длиннее'.

Среди согласных в анлауте преобладает употребление глухих (кроме /L/, /L/, /R/, /R', /J/, которые также не употребляются в ауслауте).

2.2.2. По тем же линиям в М.я., как в эрзянском (см. "Эрзянский язык"), противопоставлены корневым морфемам аффиксам и знаменательные слова служебным.

2.2.3. По морфонологическим средствам в вокализме и альтернативным моделям в консонантизме М.я. не отличается сколько-нибудь существенно от эрзянского.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Морфологический тип М.я. имеет те же характеристики, что и эрзянский.

2.3.1. Богатство морфологии М.я. обеспечивает достаточную выделяемость и разграниченность большинства лексико-грамматических разрядов слов. Категориальное выражение имеют в М.я. те же универсальные грамматические значения, что и в эрзянском.

2.3.2. В М.я., как и в эрзянском, нет категориальных качественных именных классификаций.

2.3.3. В способах выражения категории числа в М.я. нет существенных отличий от эрзянского. Исключение: копулятивные образования типа эрз. *Машат-Мишат* 'Маша и Миша' (букв. 'Маши-Миши') и термины родства на -ыде- (-иде-), употребляемые только во мн. числе притяж. склонения в значении "родственник вместе с другими людьми" (эрз. *авидень* 'моя мать и другие с нею'), не получившие развития в М.я.

2.3.4. В средствах выражения падежных значений и категорий принадлежности М.я. не имеет существенных отличий от эрзянского, но в М.я. есть каузалис, которого нет в падежной системе эрзянского языка.

2.3.5. В характере и способах выражения качественных глагольных классификаций М.я. не отличается от эрзянского.

2.3.6. В способах выражения дейктических категорий как в имени, так и глаголе М.я. не отличается от эрзянского.

Отрицание выражается отрицательными глаголами и частицами *аф*, *аш*, *афоль*, *тят*, *изь*, *апак*. *Аф*, *тят* соотнесены с планом наст. — буд. вр. индикатива, императива и оптатива (*аф туй* 'не уйдет', *тят коленде* 'не играй', *тят сашенда* 'пусть не приходят'), *афоль*, *изь*, *апак* — прош. вр. (*афолеть шарьхкоде* 'ты бы не понял', *изь тонафне* 'он не учился', *апак удок* 'не выпавшись'), *аш* — наст. и прош. вр. (*ашан* 'меня нет', *ашельхть* 'их не было').

2.3.7. В М.я. представлены такие же семантико-грамматические разряды слов, что и в эрзянском.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Как и эрзянский, М.я. относится к многопадежным (падежная система включает 12 полноценных и 4 неполноценных падежа).

Полноценные падежи и их суффиксы

Номинатив	(кто-, что-л.)	∅
Генитив	(кого-, чего-л.)	-нь
Датив	(кому-, чему-л.)	-нди
Инессив	(в ком-, (чем-л.; кем-, чем-л.)	-са, -ца
Элатив	(из кого-, чего-л.)	-ста, -цта
Илллатив	(в кого-, во что-л.)	-с, -ц
Пролатив	(по кому-, чему-л.)	-ва, -га, -ге, -ка
Аблатив	(от кого-, чего-л.)	-да, -та
Компаратив	(с кого-, со что-л. величиной)	-шка
Абессив	(без кого-, чего-л.)	-фтома
Транслатив	(кем-, чем-л. — быть, стать)	-кс
Каузалис	(из-за, за, ради кого-, чего-л.)	-нкса

Неполноценные падежи (падежеобразные формы)
и их суффиксы

Латив	(в направлении к чему-л.)	-у, -и
Темпоралис I	(когда)	-ть
Темпоралис II	(когда)	-не
Комитатив	(вместе с кем-, чем-л.)	-нек

Собственно лично-притяжательные суффиксы (1 л. — *-зе*, 2 л. — *-це*, 3 л. — *-ц*) при указании на множественность обладателей осложняются суффиксом мн.ч. *-к*, при указании на множественность обладаемых — суффиксом мн.ч. *-н*. К согласной основе лично-притяжательные суффиксы присоединяются, как правило, при помощи соединительного гласного (орф. *о*, *е*): *мял-е-зе* 'мое желание' (*мяль* 'желание'), *куд-о-ц* 'его дом' (*куд* 'дом').

В номинативе притяжательного склонения употребляются следующие лично-притяжательные суффиксы.

После гласных После согласных

Один обладатель — одно обладаемое (рус. *мой* и т.д.):

1 л. <i>-зе</i>	<i>-озе, -езе</i>
2 л. <i>-це</i>	<i>-це</i>
3 л. <i>-ц</i>	<i>-оц, -ец</i>

Много обладателей — одно обладаемое (рус. *наш* и т.д.):

Много обладателей — много обладаемых (рус. *наши* и т.д.):

1 л. <i>-ньке</i>	<i>-оньке, -еньке</i>
2 л. <i>-нте</i>	<i>-онте, -енте</i>
3 л. <i>-сна</i>	<i>-сна</i>

Один обладатель — много обладаемых (рус. *мои* и т.д.):

1 л. <i>-не</i>	<i>-оне, -ене</i>
2 л. <i>-тне</i>	<i>-тне</i>
3 л. <i>-нза</i>	<i>-онза, -енза</i>

В ген. и дат. притяжательного склонения к перечисленным лично-притяжательным суффиксам присоединяются падежные: *цёра-зе-нь* 'моего сына', *цёра-зе-нди* 'моему сыну', *цёра-це-нь* 'твоего сына', *цёра-це-нди* 'твоему сыну' и т.д. В других косвенных падежах притяж. скл. употребляются другие лично-притяжательные суффиксы, которые занимают конечную позицию, присоединяясь к падежным окончанием (напр., в аблативе: *цёра-до-н* 'от моего сына; от моих сыновей', *цёра-до-т* 'от твоего сына; от твоих сыновей', *цёра-до-нза* 'от его сына, от его сыновей', *цёра-до-н(о)к* 'от нашего сына; от наших сыновей', *цёра-до-нт* 'от вашего сына, от ваших сыновей', *цёра-до-ст* 'от их сына, от их сыновей'; в инессиве: *сельмо-со-н* 'в моем глазу; в моих глазах', *сельмо-со-т* 'в твоём глазу, в твоих глазах', *сельмо-со-нза* 'в его глазу, в его глазах' и т.д.).

Парадигма указательного (определенного) склонения

	Ед.ч.	Мн.ч.
Номинатив	-сь, -ць	-тне
Генитив	-ть	-тнень
Датив	-ти	-тннди

Образование порядковых числительных и степеней сравнения качественных прилагательных и наречий осуществляется в М.я. теми же способами и средствами, что и в эрзянском.

В М.я. представлены те же разряды местоимений, что и в эрзянском. Различия в парадигмах личных и неличных местоимений М.я. и эрзянского являются преимущественно фонетическими. Взаимное местоимение *фкя-фкянь* (< *фкя* 'один' + *фкянь* 'одного') склоняется только во втором своем компоненте (*фкя-фкянди* 'друг другу', *фкя-фкада* 'друг от друга' и т.д.).

Предикативные имена и наречия принимают суффиксы сказуемого изменения.

Настоящее время индикатива

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. <i>колмоцес-ян</i> 'я третий' и т.д.		<i>колмоцетне-тама</i>
2 л. <i>колмоцес-ят</i>		<i>колмоцетне-тада</i>
3 л. <i>колмоцесь</i>		<i>колмоцетне</i>

Прошедшее время индикатива

1 л. <i>тясо-лень</i> 'я был здесь' и т.д.	<i>тясо-леме</i>
2 л. <i>тясо-леть</i>	<i>тясо-леде</i>
3 л. <i>тясо-ль</i>	<i>тясо-льхть</i>

Глагол

Парадигмы безобъектного спряжения

Индикатив

Настояще-будущее время

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. -ан, -ян		-тама, -тяма
2 л. -ат, -ят		-тада, -тяда
3 л. -ай, -яй, -ы, -и		-айхть, -яйхть, -ыхть, -ихть

I прошедшее время

1 л. -нь	-ме
2 л. -ть	-де
3 л. -сь	-сть

II прошедшее время

1 л. -лень	-леме
2 л. -леть	-леде
3 л. -ль	-льхть

Окончания II прош. вр. участвуют также в образовании парадигм конъюнктива, конъюнктива-кондиционала и деизидератива, причем формы конъюнктива и II прош. вр. безобъектного спряжения в М.я. полностью совпали в плане выражения (удо-лень 'я (тогда еще) спал, когда...' и 'я спал бы', удо-леть 'ты (тогда еще) спал, когда...' и 'ты спал бы' и т.д.).

Кондиционал

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	-ндярян (кундандярян 'если я поймаю')	-ндярятама
2 л.	-ндярят	-ндярятада
3 л.	-ндяряй	-ндяряйхть

Конъюнктив-кондиционал

1 л.	-ндярялень (кундандяря-лень 'если бы я поймал')	-ндярялеме
2 л.	-ндярялеть	-ндяряледе
3 л.	-ндяряль	-ндяряльхть

Деизидератив

1 л.	-лексолень (кундалексолень 'я хотел было поймать')	-лексолеме
2 л.	-лексолеть	-лексоледе
3 л.	-лексоль	-лексольхть

Императив

2 л.	-к, -т, -ть (кундак 'лови')	-да
------	-----------------------------	-----

Оптатив

1 л.	-зан (кундазан 'пусть я поймаю')	(-стама)
2 л.	-зат	(-стада)
3 л.	-за	-ст

Парадигмы объектного спряжения

Индикатив

Настояще-будущее время

Объект	Субъект	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. ед. ч.	2 л.	-самак	-самасть
	3 л.	-самань	-самазь
2 л. ед. ч.	1 л.	-те(нь)	-тядязь
	3 л.	-танза	-тядязь

Объект	Субъект	Ед.ч.	Мн.ч.
3 л. ед. ч.	1 л.	-са(н)	-саськ
	2 л.	-сак	-састь
	3 л.	-сы	-сазь
1 л. мн. ч.	2 л.	-самасть	-самасть
	3 л.	-самазь	-самазь
2 л. мн. ч.	1 л.	-тядязь	-тядязь
	3 л.	-тядязь	-тядязь
3 л. мн. ч.	1 л.	-сайне	-саськ, -сайнек
	2 л.	-сайтть	-састь, -саенть
	3 л.	-сьине	-сазь

I прошедшее время

1 л. ед. ч.	2 л.	-майть	-масть
	3 л.	-мань	-мазь
2 л. ед. ч.	1 л.	-тень	-дязь
	3 л.	-нзе	-дязь
3 л. ед. ч.	1 л.	-айне, -ине, -ыне	-ськ
	2 л.	-айть, -ить, -ыть	-сть, -аенть, -иенть, -ыенть
	3 л.	-зе, -озе, -езе	-зь, -озь, -езь

Императив

1 л. ед. ч.	2 л.	-мак	-масть
3 л. ед. ч.	2 л.	-к	-сть, -енть
1 л. мн. ч.	2 л.	-сть	-сть
3 л. мн. ч.	2 л.	-айть, -ить, -ыть	-сть

Кондиционал

1 л. ед. ч.	2 л.	-ндяря-самак	-ндяря-самасть
	3 л.	-ндяря-самань	-ндяря-самазь
2 л. ед. ч.	1 л.	-ндяря-те	-ндяря-тядязь
	3 л.	-ндяря-танза	-ндяря-тядязь
3 л. ед. ч.	1 л.	-ндяря-са(н)	-ндяря-саськ
	2 л.	-ндяря-сак	-ндяря-састь
	3 л.	-ндяря-сы	-ндяря-сазь и т.д.

Глагол в М.я. образует формы объектного спряжения и в других наклонениях. Оптатив в этом спряжении имеет формы 3 л. по объектному ряду 2 л. и 3 л. (*атямась эръхтензат* 'пусть тебя гром ударит', *пиди ёндолсь пидесца* 'чтоб молния обожгла его').

Наряду с утвердительными в глаголе М.я. получили развитие отрицательные формы безобъектного и объектного спряжений. В образовании отрицательных форм участвуют отрицательные частицы и слова (глаголы). В настоящем будущем и II прошедшем времени индикатива, кондиционала, конъюнктива и деидератива употребляется неизменяемая отрицательная частица *аф* 'не', которая занимает позицию перед спрягаемым глаголом (*аф молян* 'не пойду', *аф сёрмадолеть* 'ты не написал бы', *аф тундяряй* 'если он не уйдет', *аф сяволексолезе* 'он не хотел было забирать это').

Спрягаемое отрицание *изь* (*ашезь*) 'не...' употребляется в прош. вр. индикатива и изменяется по лицам и числам (глагол при отрицании остается в так называемой восполнительной (нулевой) форме): *изень* (*ашень*) *тушенда* 'я не уходил',

изеть (ашеть) тушанда 'ты не уходил', *изить (ашить) сляе* 'ты не взял это', *иземазь (ашемазь) сляе* 'они не взяли меня (нас)'.
 Спрягаемое отрицание *афоль* 'не...' употребляется в конъюнктиве и конъюнктиве-кондиционале (*афольхть са* 'они не пришли бы', *афолемасть сьавондяря* 'если бы ты (вы) не взял(и) меня (нас)', *афолензеть сьавондяря* 'если бы он тебя не взял').

Спрягаемое отрицание *тят* 'не...' употребляется в императиве и оптативе обоих спряжений (*тят сашенда* 'не приходи', *тяда сашенда* 'не приходите', *тязан кула* 'как бы я не умер, чтобы я не умирал', *тянзат терне* 'пусть тебя не приглашает').

Нефинитные формы глагола

Как и в эрзянском (см. "Эрзянский язык"), к глаголу в М.я. примыкают нефинитные (инфинитные) формы — имена действия на *-ма*, инфинитивы на *-мс* и *-ма* и герунди и нескольких видов (между М.я. и эрзянским в употреблении этих форм имеются некоторые фонетические отличия).

В М.я. имеются причастия: 1) действительные наст. времени (активные незаконченного действия) на *-ай*, *-ляй*, *-ий*, *-и*, *-ы* (*седень сязи куля* 'душе-раздирающая весть', *уды идня* 'спящий ребенок', *кштий стирь* 'танцующая девушка', *уназь прай кев* 'со свистом падающий камень'); 2) действительные прош. времени на *-ф* (*пярьф лопат* 'упавшие листья'); 3) пассивные незаконченного действия (или страдательные наст. времени) на *-викс* и *-ма* (*шарьхкодевикс вал* 'понятное слово', *кельгома тядя* 'любимая мать'); 4) пассивные законченного действия на *-ф* (страдательные прош. времени) (*лоськофтф лоща* 'выплеснутое молоко').

Вспомогательные глаголы: 1) *улемс* 'быть' (*улендемс* 'бывать'); 2) *кармамс* 'начать' (используется для образования аналитической формы будущего времени).

Изменение глагола в формах как безобъектных, так и объектных в М.я. сопровождается в целом еще большим количеством фонетических изменений в основе и суффиксах, чем в эрзянском.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Слово- и формообразование осуществляется посредством суффиксации. Префиксального способа деривации в М.я. нет. Суффиксальные элементы в грамматических словоформах располагаются в определенной последовательности, присоединяясь к основе в постпозиции. Последовательность именных морфем меняется в зависимости от типа склонения (иногда и от падежа). В притяжательном склонении лично-притяжательные суффиксы в одних падежах оказываются перед падежными, в других — после падежных (см. 2.4.0.). Словообразовательные суффиксы, присоединяясь непосредственно к основе, предшествуют словоизменительным. В финитных формах глагола личным окончаниям, занимающим последнее место, предшествуют показатели времени и наклонения.

2.5.2. Как и в эрзянском, основными способами словообразования в М.я. являются: 1) морфологический (суффиксация); 2) синтаксический (словосложение); 3) морфолого-синтаксический (категориальный переход, конверсия), например семантико-грамматическое переоформление парадигмы слова по типу: 'признак (свойство) предмета' > 'предмет, обладающий этим признаком' или 'понятие об этом признаке (свойстве)': *козя* 'богатый' > 'богач', *якшама* 'холодный' > 'холод'.

2.5.3. В характерной для М.я. номинативной структуре предложения выделяются те же типы простого предложения, что и в эрзянском.

Вместо индоевропейского глагола со значением 'иметь' употребляется сложная конструкция с компонентами: имя сущ. или местоимение в ген. + вспомогат. глагол

улемс 'быть, иметься' в 3 л. ед. и мн. ч. наст. и прош. вр. + имя в притяж. скл. (*тонь ули ярмакце* 'у тебя есть (имеются) деньги', *синь ульсть ярмаксна* 'у них были (имелись) деньги').

Основные синтаксические отношения — согласование, управление, примыкание — в синтаксисе М.я. имеют те же характеристики, что и в эрзянском.

В М.я. действуют те же принципы расположения неопределительных членов предложения и слов в определительных словосочетаниях, что и в эрзянском. Местоположение главных и второстепенных членов предложения (кроме определения) обусловлено конкретным коммуникативным заданием предложения: тема высказывания занимает начало предложения, а рема — его конец. Член предложения, вынесенный на первое место, в предложении выражает исходный момент повествования и выступает как средство связи данного предложения с предыдущим контекстом. В составе атрибутивного комплекса порядок однородных определений свободный. Упорядочение неоднородных определений зависит от смыслового веса определений и от степени постоянства выражаемых ими признаков. В словосочетаниях с последовательно подчиненными определениями устанавливается твердый порядок их компонентов: каждое предыдущее слово является определением последующего, а все словосочетание — определением для основного определяемого слова, находящегося в конце атрибутивного комплекса.

2.5.4. Синтаксис М.я. характеризуется теми же типами сложных предложений и правилами их построения, что и синтаксис эрзянский.

2.6.0. В М.я. представлены индоевропейские и тюркские заимствования. Тюркский пласт в лексике М.я. доходит до трехсот единиц, заимствованных на протяжении многих веков из различных диалектов татарского и чувашского языков, а до сер. XIII в. — и из болгарского. Тюркизмы, кроме перечисленных в статье "Эрзянский язык" групп, образуют в М.я. еще следующие названия: 1) родство и свойство (*ака* 'старшая сестра, сестра отца или матери', *ава* — 'супруга; женщина; мать', *эзна* 'муж старшей сестры', *базя* 'свояк', *куда* 'сват'); 2) общество и общение (*орам* 'сход, собрание (общины)', *конак* 'гость', *кунелямс* 'завидовать, ревновать'); 3) торговля (*ярмак* 'деньги', *кагод* 'бумага', *уцез* 'дешевый'); 4) религия (*тоба: нежеть-тоба* 'ей-богу, поистине'); 5) наряды и украшения (*ока* 'золотая или серебряная нить', *сёка* 'кисть (на поясе, головном уборе)', *тенька* 'фишка, погремушка, ушкор 'завязка, тесемка на штанах') и т.д.

Русизмы исторически проникали в М.я. в акатойщей форме (*баяр* /baːjaɾ/ 'барин, боярин', *радня* /raːdñä/ 'родня, родственник', *косяк* /kašaːk/ 'косяк' и др. Но часть русских заимствований отражает и в М.я. окапье (*поталак* /poːtalak/ 'потолок' *сока* /soːka/ 'соха', *молатка* /moːlatka/ 'молоток' и т.д. В современном М.я. русские заимствования представлены примерно в том же объеме и по тем же тематическим группам, что и в эрзянском.

2.7.0. Как указано выше (см. 1.2.1.), в основной зоне своего распространения (западная часть территории Мордовии) мокшанские диалекты объединяются в три большие группы: центральную, западную и юго-восточную.

Центральная группа диалектов (ЦГД) лежит в основе письменно-литературного М.я., в фонетике и морфологии которого нашли отражение важнейшие структурные изоглоссы входящих в эту группу говоров. ЦГД не отличается однородностью. В северном ее ареале употребляется непалатализованный /s/ на месте палатализованного /š/ всех других М. диалектов. В юго-восточной полосе ЦГД отмечается древняя особенность мордовской (и финно-угорской) речи: отсутствие звонких пар для глухих эксплозивных и лингвальных спирантов в анлауте. В периферийных говорах ЦГД почти повсюду /*ä/ > /e/, /*e/ > /i/.

Важнейшая структурная изоглосса западной группы диалектов (ЗГД) лежит

в области морфологии — это наличие особых possessивных форм выражения ед.ч. предмета обладания при обладателе 1 и 2 л. мн.ч. ЗГД также неоднородна. В южной зоне распространения этой диалектной группы произошло сужение /ä/ > /e/, /e/ > /i/ в большинстве позиций.

К важнейшим особенностям юго-восточной группы диалектов (ЮВГД) относятся: 1) переход /j/ > /š/ в позиции перед /t/; 2) /ä/ > /e/, /e/ > /i/, как и в южной зоне распространения ЗГД; 3) отсутствие в анлауте слова звонких эксплозивных /g/, /b/, /d/, /d/ и спирантов /z/, /ž/, /ž/; 4) наличие деепричастного суф. -тэк.

Степень расхождения говоров, представляющих перечисленные группы диалектов, не мешает взаимопониманию между носителями разных диалектов М.я. Границы между зонами распространения диалектных групп размываются приграничными переходными и смешанными говорами. Разновидности диалектов смешанного (преимущественно мокшанско-эрзянского) типа распространены за пределами Мордовии (в Нижегородской, Пензенской, Саратовской и некоторых др. обл.).

ЛИТЕРАТУРА

Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск, 1962. Ч. I: Фонетика и морфология.

Коляденков М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Саранск, 1954. Ч. 2: Синтаксис.

Основы финно-угорского языкознания: При-

балтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. 3.

Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus. I—II. Szeged, 1986—1987 // Studia Uralo-Altaica, t. 26—27.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953.

Вопросы этнической истории мордовского народа // Труды мордовской этнографической экспедиции. М., 1960. Вып. 1.

Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980.

Деваев С.З., Цыганкин Д.В. Фонетика мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков. Саранск, 1970.

Евсеев М.Е. Основы мордовской грамматики. М., 1928 (1929).

Коляденков М.Н. Структура простого предложения в мордовских языках: Предложение и его главные члены. Саранск, 1959.

Лексикология современных мордовских языков. Саранск, 1983.

Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964.

Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955. Ч. I—2.

Мокшанско-русский словарь. М., 1949 (объем около 17 тыс. слов).

Мокшень орфографический словарь. Саранск, 1987.

Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.

Феоктистов А.П. Истоки мордовской письменности. М., 1968, I

Черанкин И.Г. Мокша-мордовско-русский словарь. С грамматическим справочником. Мордгиз, 1933.

Ahliquist Aug. Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis. SPb., 1861.

Budenz J. Moxsa- és erza-mordvín nyelvtan // Nyelvtudományi közlemények, 1877. 13. köt.

Itkonen E. Zum Ursprung und Wesen reduzierten Vokale im Mordwinischen // Finnisch-ugrische Forschungen, 1971. 39.

Juhász J. Moxsa-mordvín szójegyzék. Budapest, 1961.

Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Helsinki; Turku, 1953. 2. Aufl.

Paasonen H. Mordwinische Lautlehre // Mémoires de la Société finno-ougrienne, 1903. 22.

Stipa G. Phonetische Wechselwirkungen zwischen Moxscha-Mordwinisch und Russisch // Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden, 1952—1953. 24—25.

Trubetzkoy N.S. Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem Russischen // Charisteria Guilelmo Mathesio Quinquagenario. Pragae, 1932.

Veenker W. Zur phonologischen Statistik der mordwinischen Schriftsprachen // Ural-Altäische Jahrbücher. Neue Folge. Wiesbaden, 1981. I.

А.П. Феоктистов

ЭРЗЯНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

Название "эрзянский (язык)" происходит из этнонима *эрзя* 'эрзяний' (*эрзят* 'эрзяне') неясной этимологии, связанного, по-видимому, с именем народа *Arisu* на Оке (в письме хазарского кагана Иосифа, X в.). К этому этнониму имеет отношение и название города Арзамас.

1.1.1. Эрзянский язык (Э.я.) — язык части мордовского населения бывшего СССР. Вариант названия: эрзя-мордовский. Иноязычные соответствия: англ. *Erzja, Erzja-Mordvin*, нем. *Ersanisch, Ersä-mordwinisch*, венг. *erzä, erzä-mordvin*, фин. *ersä, ersäläi, ersämordvalai*. Соответственно самоназванию типа *эрзян* 'я эрзянин' язык называется *эрзянь кель* 'эрзянский язык'.

1.1.2. Э.я. и мокшанский составляют мордовскую ветвь финно-угорской подсемьи уральской семьи языков. Из других финно-угорских языков в наиболее близком генетическом родстве с Э.я. и мокшанским находятся языки прибалтийско-финские и марийский.

1.1.3. Распространение Э.я.: восточные районы Мордовии (компактная зона), отдельные районы Нижегородской, Самарской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской и некоторых других областей России, Башкирии, Татарстана и Чувашии (зоны некомпактного расселения). Приблизительная численность носителей Э.я. — 650-700 тыс. чел., что составляет около 2/3 всего мордовского населения.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Классификация эрзянских диалектов проводится преимущественно по фонетическому принципу. По признаку зависимости качества гласных непервых слогов от качества гласного первого слога диалекты объединяются в три типа:

1) прогрессивно-ассимиляторный (/kudu/ 'дом' — /мого/ 'песня', но /kizi/ 'лето' — /tesę/ 'здесь' и т.д.);

2) регрессивно-ассимиляторный (/kunsulan/ 'слышу' — *kunsolok* 'слушай'; /kunsuli/ 'слышит' — /kunsolozo/ 'пусть слушает');

3) простейший тип. Подразделяется на говоры *окающие* и *укающие* (/todov/ 'подушка' — /tumu/ 'дуб').

Современная классификация эрзянских диалектов кроме фонетических опирается и на морфологические критерии.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. В Э.я., являющемся средством внутринационального общения, отчетливо выделяются две коммуникативно-функциональные подсистемы: письменно-литературный язык, противопоставленный территориальным диалектам. Эрзянский языковой коллектив развивается в условиях выраженного эрзянско-русского билингвизма.

1.3.2. Формирование современного письменно-литературного Э.я. на основе центрального диалекта в главных своих чертах закончилось в первой половине 30-х гг. XX в. Этому периоду предшествовали многие десятилетия развития эрзянской письменности на разных диалектных базах. На литературном Э.я. издаются книги, газеты, журналы, ведутся радио- и телепередачи, ставятся пьесы. Существует богатая художественная фольклорная литература.

1.1.3. Эя. является языком обучения в мордовской начальной школе и в национальных отделениях вузов Мордовии. В старших классах средней школы и на гуманитарных факультетах вузов Мордовии Эя. изучается как предмет.

Основные центры исследования Эя.: Москва, Саранск, Таллинн, Тарту, Будапешт, Турку, Хельсинки, Блумингтон, Гамбург, Упсала, Флоренция и др.

1.4.0. С XVIII в. эзянская письменность развивается на базе кириллицы с широким использованием принципов русского правописания

1.5.0. Основные периоды истории Эя.: 1) праэзянский — начало X—XI в. н.э. до конца XVII в.; 2) староэзянский — XVIII — XIX вв.; 3) новоэзянский (современный) — со второй пол. XIX в. до наших дней.

Первый период истории Эя. является бесписьменным. Появление первого письменного памятника относится к концу XVII в., первые связанные (переводные) тексты на Эя. созданы во второй половине XVIII в.

1.6.0. Внешнеязыковыми контактами с русским языком обусловлено в Эя. развитие целого ряда внутривидовых явлений. От мордовских местоименных корней с участием русских частиц образовалось большинство неопределенных местоимений и наречий (*кой-ки* 'кое-кто', *ки-небудь* 'кто-нибудь', *ки-то* 'кто-то', *неместь* 'нечего', *хоть кода* 'как-нибудь'). Русская частица *бы* (> эрз. *бу*) участвует в образовании сослагательного наклонения. Распространение аналитических конструкций с участием в них русских *если*, *так*, *то*, *еще*, *хотеть* и др. свертывает употребление мордовских синтетических форм условного, условно-сослагательного и желательного наклонений. Формирование сложного предложения происходит под непосредственным влиянием русского синтаксиса (вплоть до использования в Эя. большинства союзов и союзных слов из русского языка).

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Определяющие черты фонологической системы Эя. ведут свое начало от финно-угорского праязыка. Инновации: исчезло противопоставление долгих и кратких в вокализме, расширилась группа палатализованных согласных, изменился тип ударения, увеличилось количество односложных слов как результат отпадения исходных гласных и т.д.

В потоке речи на сто фонемных единиц приходится примерно, по нашим статистическим подсчетам, 39 гласных и 61 согласная фонема. По степени употребительности гласные располагаются в следующем убывающем порядке: /e/, /a/, /o/, /i/, /u/; согласные: /t/, /k/, /s/, /v/ и т.д.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний		задний	
	илябиальные	средний	илябиальные	лябиальные
Верхний	i	[i]		u
Средний	e	[e]		o
Нижний		a		

Согласные

По способу образования		По месту образования						
		билабиальные	лабиодентальные	переднеязычные			среднеязычные	заднеязычные
				Дентальные		дентально-альвеолярные		
				непалатализованные	палатализованные			
Шумные	смычные аффрикаты фрикативные	p, b	t, d c	t', d' č	č		k, g	
		f, v	s, z	š, ž	š, ž	j	x	
Сonorные	назальные	m	n	ń				
	латеральные		l	l'				
	вибранты		r	f				

2.1.2. В Э.я. господствует тип свободного ударения, место которого обусловливается речевым тактом, куда входит данное слово или словоформа. Этим объясняются столь характерные колебания в выборе акцентных дублетов в разных речевых отрезках (*ku'doso* — *kudo'so* — *kudoso* 'дома'). В нейтральном стиле речи ударение обычно фиксируется на первом слоге слова (*to-sto* 'оттуда', *va'šibe* 'жеребенок', *ve-č' zemeč* 'пятьдесят', *ku'valmo* 'длина' и т.д.).

Главное словесное ударение в Э.я. выполняет кульминационную функцию. Эту функцию в определенной мере разделяет с ударением другое суперсегментное явление — гармония гласных (или сингармонизм). Основу эрзянского сингармонизма составляет зависимость выбора гласных по ряду в непервых слогах от качества (ряда) гласного первого слога одного и того же слова (словоформы): /*mo-ro*/ 'песня', /*sa-ti-ška*/ 'достаточно', /*tu-mo-sto*/ 'из дуба' (с гласными только заднего ряда); /*čiń-d'eč*/ 'засов, защелка', /*t'i-kše-se*/ 'в траве', /*ve-l'e-t'he-ñeñ*/ 'этим селам', /*ke-fmeñ-ke-fmeñ*/ 'пучками, связками' (с гласными только переднего ряда). В пределах словоформы гармония гласных взаимодействует с парными (непалатализованными/палатализованными) согласными. Употребление парного палатализованного консонанта обычно прерывает цепь заднерядных гласных, создавая в последующих частях словоформы условия для употребления гласных переднего ряда: /*pa-mo-fems*/ 'крошиться', /*so-rno-že-vems*/ 'задрожать', /*čol'deč-d'ems*/ 'бряцать', /*pal-še-kšñems*/ 'целоваться' и т.п. В Э.я. гармония гласных проявляется непоследовательно и неполно (особенно в суффиксальных частях словоформ).

2.1.3. В литературном Э.я. во всех позициях в слове могут употребляться /a/, /o/, /e/. Употребление /u/ в ауслауте ограничивается новейшими заимствованиями (*кенгуру*, *Перу*). В непервых слогах /i/ выступает преимущественно в составе суффиксов. В аялауте исключается употребление (i) — аллофона фонемы /i/. Окружение согласных в слове вызывает аккомодацию гласных в том или ином направлении.

В отличие от других финно-угорских языков в аялауте эрзянских слов могут употребляться сочетания из нескольких согласных: /*kšna*/ 'ремень', /*kšni*/ 'железо', /*pšt'ijems*/ 'лягать(ся)' и др.

Перед гласными переднего ряда употребляются палатализованные согласные. Исключение составляют /s/ и /z/, иногда /t/, которые в указанной позиции

не только не палатализируются, но и оказывают обратное веляризирующее воздействие на гласные /e/ и /i/ в выборе ряда: /sęnej/ 'сом', /t'ezeń/ 'сюда', /sifež'd'ems/ 'сверкать, золотиться', /koziŋt'/ 'кашляют', /t̥ɲgaŋj/ 'снегирь', /putiń/ 'я положил' и др.

2.1.4. Количество слогов в Э.я. совпадает с количеством гласных данного слова (словоформы). Встречаются следующие типы неконечных слогов: V — /a-gams/ 'стать, сделать', CV — /to-na-doms/ 'научиться', CCV — /sta-ka/ 'тяжелый, трудный', CCCV — /pokškav-t̥nems/ 'важничать', CCCC — /o-tkstom-toms/ 'обновить' и т.д. Типы конечных слогов: CV — /a-pa-ro/ 'нехороший', CVC — /či-ńi-jaž/ 'протухший', CCV — /ko-sto/ 'откуда', CCCV — /mo-kšna/ 'кулак', CCVCC — /ri-čkams/ 'выздороветь', CCCVCC — /or-da-do-kšnoms/ 'обижаться, капризничать' и т.п.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. В Э.я. нет фонологического противопоставления долгих/кратких гласных и согласных. На морфологическом шве возможно образование геминированных согласных (/vef̥f/ 'воды' < /ved/ 'вода' + -f̥ — показатель мн.ч., /kett̥e/ 'за руку' < ked' 'рука' + -t̥e — формант аблатива).

При агглютинации суффиксов к корневым морфемам нередко добавляются "соединительные гласные" разного происхождения (одни восходят к утраченным гласным конца основ (/kel/ 'язык' — /kel'-e-ń/ 'языка'), другие возникают чисто фонетически).

Из согласных в анлауте преобладает употребление глухих. В начале ономастических (и заимствованных) слов частотность употребления звонких может быть выше, чем глухих. В конце преимущественно односложных слов согласные сохраняют звонкость: /laz/ 'доска', /sod/ 'сажа', /čuvtomož/ 'оцепенелый', /čudožov/ 'осот'.

Перед гласными /o/, /u/ в начальной позиции исключается употребление /v/: /oŋna/ < рус. война, /o'a' < рус. воля.

2.2.2. Основное различие между корневыми и аффиксальными морфемами: корневые состоят как минимум из одного слога, аффиксальные могут не содержать в своем составе ни одного гласного, то есть не образовывать слога: /ki/ 'дорога' — /ki-st/ 'их дорога', /šel'me/ 'глаз' — /šel'me-t̥/ 'твои глаза'.

Служебные слова, лишённые словоизменительных начал, либо совсем безударны, либо получают слабое (второстепенное) ударение (наряду с основным ударением у слова, при котором выступает служебное слово).

2.2.3. В вокализме Э.я. типичным морфонологическим средством является интерфиксация o, e на морфологическом шве: /tol/ 'огонь' — /tol-o-ń/ 'огня', /ńed/ 'ручка' — /ńed'-e-ń/ 'ручки', также при спряжении глаголов (субъектное и объектное спряжения глагола сопровождается тоже выпадением конечных гласных основы перед суффиксом; см. 2.4.0.).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Морфологический тип Э.я. — агглютинативный, характеризующийся:

- а) непрочностью связи суффиксов с корнем: *ош-ка-нить* 'по этому городу';
- б) выражением каждой суффиксальной морфемой, как правило, не более одного грамматического значения и каждого грамматического значения — как правило, одной единицей морфологического уровня;

в) отсутствием внутренней флексии;

г) наличием гармонии гласных (см. 2.1.2.).

Аналитическим способом в Э.я. образуются: многочислительные послеложные конструкции, степени сравнения имени прилагательного и наречия, сложные

(в том числе отрицательные) формы глаголов: *карман тонавтене* 'начну (стану, буду) учиться'.

2.3.1. Морфология Э.я. отличается несомненным богатством и сложностью. Благодаря этим особенностям большинство лексико-грамматических разрядов слов обладает достаточной выделительностью и разграниченностью. Такая характеристика особенно подходит для разрядов слов, располагающих развернутыми парадигмами склонения и спряжения (имена, местоимения и глаголы) или деривационными морфемами (прилагательные, наречия и другие части речи). В то же время многие разряды слов (и прежде всего служебные) обычно лишь при соприкосновении с именем или глаголом и друг с другом "обнаруживают" свою специфику. При определении грамматического статуса таких слов кроме морфологических, которых оказывается недостаточно, привлекаются семантико-синтаксические критерии (как, например, при разграничении послелогов от наречий, имен от послелогов и т.д. по их позиции в составе словосочетания или целого предложения).

Некоторые грамматические сходства являются существенными для имен всех разрядов. В них употребляются, в общем, одинаковые суффиксы числа и падежные окончания. В адъективной функции (в препозиции) имена неизменяемы, в функции предикативной (в постпозиции) — изменяемы: *паро седей* 'доброе сердце' — *паро седейть* 'добрые сердца'; *те ломанесь паро* 'этот человек хороший' — *не ломатне парот* 'эти люди хорошие'. Одно и то же имя в зависимости от синтаксической позиции может выступать в функции субстантива или адъектива: *тюжа ал* 'желтое яйцо' — *ал тюжа* 'яичный желток'. Существенные грамматические сходства (на уровне синтаксиса) обнаруживаются между прилагательным и причастием, в значительно меньшей мере между именем существительным и глаголом. Недостаточно отграничены от знаменательных слов все служебные единицы.

В Э.я. категориально выражены следующие универсальные грамматические значения: число, лицо, падеж, неопределенность/определенность, посессивность, время, модальность.

2.3.2. В грамматике Э.я. нет категориальных качественных именных классификаций (рода, класса, личности, душевленности). Оппозиция классов человек/нечеловек передается вопросительно-относительными местоимениями *кije* 'кто' (относится к человеку) — *теже* 'что' (относится к предметам и животным).

2.3.3. Грамматическое мн. число в Э.я. противопоставлено ед. числу.

Только в форме мн. числа в Э.я. употребляются: 1) парные слова: *седейть-максот* 'внутренности' (букв. 'сердце-печень'), *овтт-верьгизт* 'звери' (букв. 'медведи-волки'); 2) копулятивные образования из личных и собственных имен: *Маишат-Мишат* 'Маша и Миша' (букв. 'Маши-Миши'); 3) небольшое число имен существительных, которые обозначают предметы, состоящие из двух или совокупности отделяемых частей: *васоньбеельть* 'ножницы', *сельмукишт* 'очки'.

Вполне отчетливо выражена противопоставленность форм ед. и мн.ч. в безобъектном спряжении глагола. (В объектном спряжении глагола формы ед. и мн. числа субъекта и объекта действия нередко смешиваются.)

2.3.4. Из средств выражения падежных значений падежные формы употребляются для обозначения субъектно-объектных, причинно-целевых, пространственно-временных и других синтаксических отношений (см. 2.4.0.). Функции послелогов мало чем отличаются от падежных суффиксов. Некоторые образования от одного имени послелого объединяются в серии, члены которых содержат застывшие форманты местных падежей: *ланг-со* 'на (где)', *ланг-с* 'на (куда)', *ланг-сто* 'с (откуда)', *лан-га* 'по (по какому месту)'.

Средством выражения посессивности служат: 1) категория лично-притяжательности с лично-притяжательным склонением: *пря-м* 'моя голова', *пря-т* 'твоя голова', *пря-зо* 'его голова' и т.п.; 2) изафетные конструкции с участием в их компонентах формы генитива и лично-притяжательного суффикса (*Петя-нь ава-зо* 'мать Петра') и 3) словосочетания с первым компонентом в генитиве: *учителень кудо* 'дом учителя'. В значениях притяжательных местоимений употребляются личные в форме генитива: *минек чачома масторось* 'наша родина'.

2.3.5. Глаголы незаконченного/законченного действия грамматически не противопоставлены. Для количественной характеристики действия, передачи его отношения к субъекту и объекту, способов глагольного действия используются суффиксы глагольного словоформобразования. С их помощью от глагольных основ образуются многочисленные глаголы видовой, модальной и залоговой направленности: непереходные/переходные, однократного/многократного действия, возвратные, страдательные, понудительные (каузативные), возможности действия, невольного действия, мгновенности, начинательности, длительности и др. Некоторые из таких отглагольных образований приобрели универсальность категориальных форм залога (побудительного и возвратного) и вида (многократного с суф. *-кин-*, итератива с суф. *-сь, -нь*, инхоатива с суф. *-зев* и др.).

2.3.6. Для выражения грамматического лица используются собственноличные и другие личные местоимения, лично-притяжательные суффиксы имени существительного и герундийных образований, глагольные формы безобъектного и объектного спряжения и суффиксы сказуемого изменения неглаголов. Форма 3-го лица при некоторых глагольных основах употребляется и в безличном значении.

Выражение определенности/неопределенности грамматикализовано. В сфере имен оппозиция определенности/неопределенности предмета выражается употреблением парадигмы указательного (определенного) склонения, противопоставленного склонению основному (неопределенному): *ломань* '(какой-то, один) человек' — *ломанесь* '(этот) человек'. По семантике употребления указательное склонение Э.я. имеет очень много общих моментов с употреблением постпозитивного артикля. В глаголе определенность/неопределенность прямого объекта выражается противопоставлением шести объектных (определенных) рядов безобъектному (неопределенному) ряду спряжения: *сокан* 'я пашу' — *сокаса* 'я вспашу это' (объект действия в 3 л. ед.ч.) и т.д. Формы объектного спряжения употребляются: 1) при наличии определенного объекта и 2) если глагол переходный. Оппозиция определенности/неопределенности реализуется в формах всех наклонений и времен.

Грамматическое время имеет категориальное обозначение в формах настоящего-будущего, I и II прошедших времен. Семантически наиболее нагружено настоящее-будущее время, из прошедших времен — I прошедшее, выражающее как законченное, так и незаконченное действие (форма II прош. вр. употребляется в значении длительного действия, продолженности действия в прошлом).

Ориентация в пространстве выражается как лексическими, так и грамматическими средствами. Противопоставление близкое/далекое обозначается указательными местоимениями и местоименными наречиями: *те* 'этот' — *се* 'тот', *тесэ* 'здесь' — *тосо* 'там', *тей* 'сюда' — *тов* 'туда', *тестэ* 'отсюда' — *тосто* 'оттуда' и т.п.

В системе падежей обозначаются внутренний/внешний типы ориентации в пространстве с трехчленным разделением направления движения от одной точки до другой или из одной точки в другую точку: *вирьсэ* 'в лесу' (где) — *вирьс* 'в лес' (куда) — *вирьстэ* 'из леса' (откуда)

У наречий и послелогов отмечается оппозиция по направлению движения в четырех членах (см. 2.3.4.).

Анафорическим средством указания кроме указательных местоимений служат формы определенного склонения: *Теить од школа. (Те) школасонтъ кармить тонавтнеме эйкакитне* 'Строят новую школу. В (этой) школе-этой будут учиться дети'.

Для выражения отрицания используются: 1) спрягаемые отрицательные глаголы: а) в прош. времени индикатива: *эзинь* 'я не...', *эзитъ* и т.д.; б) в формах императива и оптатива: *иля* (*иляк*) 'ты не...', *илязо* 'пусть он не...' и т.п.; в) в форме конъюнктив: *аволинъ* 'я бы не...', *аволить* и др. При спрягаемых отрицательных глаголах неопределенные местоимения и местоименные наречия употребляются в лексико-синтаксической функции отрицательных местоимений и местоименных наречий (*кияк арасель тосо* 'там никого не было' < *кияк* 'кто-нибудь', *сынъ косяк арасельть* 'их нигде не было' < *косяк* 'где-нибудь'); 2) препозитивная отрицательная частица *а* 'не', восходящая к **а*-основе отрицательного глагола и соотношенная с планом наст.-буд. времени индикатива и кондиционала (*а удаң* 'я не сплю', *а саиндерясамак* 'если ты меня не возьмешь') и с планом прош. времени дезидератива (*а саиксэлитень* 'я не хотел было брать тебя'); 3) отрицательные частицы *а* и *апак* в словообразовательной функции (*авадря* 'нехороший' < *вадря* 'хороший', *апак ниле* 'непроглоченный; не проглотив' < *нилемс* 'проглотить').

2.3.7. Семантико-грамматические разряды слов подразделяются на знаменательные, служебные и междометия. К группе знаменательных относятся: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимения, глагол, наречия. Группу служебных слов составляют: послелоги, союзы, частицы.

Имя существительное характеризуется категориями числа, падежа, лично-притяжательности, определенности/неопределенности; имя прилагательное (субстантивированное) — теми же категориями и степенями сравнения; наречие — категорией степеней сравнения; местоимения — категориями лица, числа, падежа; глагол — категориями лица, числа, времени, наклонения, определенности/неопределенности (объекта действия).

Служебные слова относятся к неизменяемым частям речи. Однако при субстантивации любая группа служебных слов начинает изменяться как имена существительные в указательном и притяжательном склонениях, а в функции предиката субстантивированное служебное слово может принимать суффиксы сказуемого изменения. Послелоги с лично-притяжательными суффиксами подвергаются прономинализации, преобразуясь в разряд послеложно-личных местоимений.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Показателем ед. числа является исходная (нулевая) форма имени. Категория мн. ч. реализуется в показателе *-т* (*-ть*) — в ном. основного склонения и в падежных формах указательного склонения (*-т-не*). В косвенных падежах основного склонения противопоставление единичного предмета и раздельного множества предметов формально не производится.

Образование формы мн. числа обычно вызывает различного рода морфологические изменения на стыке основы и суффикса: 1) выпадение конечного гласного основы, иногда приводящее к чередованию согласных: *курго* 'рот' — *курк* 'рты' (< *kurgo* + *t*), *очко* 'корыто' — *очк* 'корыта' (< *ошко* + *t*); 2) переход

конечных звонких согласных в глухие: *сэдъ* 'мост' — *сэтть* 'мосты' (< *sed' + t'*).

При образовании падежных форм имен падежные суффиксы присоединяются к основе непосредственно (*кудо* 'дом' — *кудо-нь* 'дома' (ген.), *веле* 'село' — *веле-нь* 'села') или с помощью соединительных гласных *о*, *е*: *скал* 'корова' — *скал-о-нь* 'коровы' (ген.), *каль* 'ива' — *кал-е-нь* 'ивы'. В то же время при падежной суффиксации могут происходить такие же изменения основы, как и при присоединении суффиксов мн. числа.

Одни падежи являются полноценными (употребляются во всех трех склонениях), другие — неполноценными (имеют ограниченное употребление, замыкаясь в рамки основного склонения, и не обладают всеми признаками падежности, приближаясь, а то и сливаясь с наречиями).

Полноценные падежи и их суффиксы

Номинатив	(кто-, что-л.)	∅
Генитив	(кого-, чего-л.)	-нь
Датив	(кому-, чему-л.)	-нень, -нэнь
Инессив	(в ком-, чем-л.)	-со/-сэ
Элатив	(из кого-, чего-л.)	-сто/-стэ
Иллатив	(в кого-, во что-л.)	-с
Пролатив	(по кому-, чему-л.)	-ва/-га/-ка
Аблатив	(от кого-, чего-л.)	-до/-де/-дэ; -то/-те/-тэ
Компаратив	(с кого-, со что-л. величиной)	-шка
Абессив	(без кого-, чего-л.)	-втомо/-втеме; -томо/-теме/-тэме
Транслатив	(кем-, чем-л. быть, стать)	-кс

Неполноценные падежи (падежеобразные формы) и их суффиксы

Латив	(в направлении к чему-л.)	-в
Темпоралис I	(когда)	-ть
Темпоралис II	(когда)	-не/-нэ
Комитатив	(вместе с кем-, чем-л.)	-нек/-нэк

Собственнолично-притяжательные суффиксы (1 л. -м, 2 л. -т, -ть, 3 л. -зо, -зэ) при указании на множественность обладателей осложняются суффиксом притяжательного мн. числа -к, при указании на множественность обладаемых — суффиксом притяжательного мн. числа -н, -нь. К согласной основе лично-притяжательные суффиксы присоединяются с помощью гласных *о*, *е*: *вал-о-м* 'мое слово', *вий-е-ть* 'твоя сила'.

Лично-притяжательные суффиксы

Один обладатель — одно обладаемое (рус. *мой* и т.д.):

	После гласных	После согласных
1 л. -м		-ом/-ем/-эм
2 л. -т/-ть		-от/-еть/-эть
3 л. -зо/-зэ		-озо/-езэ/-эээ

Много обладателей — одно обладаемое (рус. *наш* и т.д.)

Много обладателей — много обладаемых (рус. *наши* и т.д.)

1 л. -нок/-нек	-онок/-енек/-энек
2 л. -нк	-онк/-енк/-энк
3 л. -ст	-ост/-ест/-эст

Один обладатель — много обладаемых (рус. *мои* и т.д.):

1 л. -н/-нь	-он/-ень/-энь
2 л. -т/-ть	-от/-еть/-эть
3 л. -нзо/-нзэ	-онзо/-ензэ/-энзэ

Степени сравнения у качественных прилагательных и наречий образуются аналитическим способом. Для образования сравнительной степени используются конструкции; в их составе название предмета или действия, с которым сравнивается другой предмет или действие, имеет морфему аблатива, а прилагательное или наречие остается в исходной форме: *овто-до виев* 'сильнее (прилагательное) медведя', *лишмеде бойкасто арды* 'быстрее коня скачет'. Кроме того, может быть использовано более обобщенное грамматическое средство (частица *седе*) *седе виев* 'сильнее' (прилагательное), *седе парсте* 'лучше' (наречие).

Значение превосходной степени выражается: 1) повторением одного и того же слова (первый член повтора стоит в форме аблатива, второй — в исходной форме): *паро-до паро* 'наилучший, самый хороший'; 2) употреблением перед исходной формой прилагательного или наречия частиц *сех*, *сехте*, *весемеде*, *самай*, *энь* с общим значением 'наи-, самый': *сехте (самай, энь, весемеде) валдо* 'самый светлый', *сех (самай, энь, весемеде) парсте* 'лучше всех, наилучшим образом'.

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суф. *-це*: *колмо* — *колмоце* 'три — третий', *сядо* — *сядоце* 'сто — сотый'. Порядковые числительные со значением 'первый', 'второй' образуются супплетивным способом: *вейке* — *васенце* 'один — первый', *кавто* — *омбоце* 'два — второй'. Числительные приблизительного счета образуются: 1) употреблением количественных в форме компаратива: *котошка* 'около шести'; 2) соединением двух количественных в номинативе или компаративе: *вейке-кавто* 'несколько' (букв. 'один-два'), *колмошка-нилешка* 'три-четыре'.

Местоимения

Местоимения образуют две большие группы: личные (собственноличные, усилительно-личные, послеложно-личные, притяжательные) и неличные (указательные, определительные, относительно-вопросительные и др.).

Изменение по падежам у собственноличных местоимений (номинативные формы: *мон* 'я', *тон* 'ты', *сон* 'он, она, оно', *минь* 'мы', *тынь* 'вы', *сынь* 'они') и усилительно-личных (образуются от личных путем прибавления указательного *-сь*: *монсь* 'я сам', *тонсь* 'ты сам', *сонсь* 'он сам', *минсь* 'мы сами', *тыньсь* 'вы сами', *сынсь* 'они сами') во многом напоминает парадигму притяжательного склонения имени существительного (*тон-теме-ть* 'без тебя' — *тонс-теме-ть* 'без самого тебя', *сынь-шка-ст* 'с них (ростом и т.д.)' — *сынсе-шка-ст* 'с них самих'). Местоимения других разрядов или вовсе не изменяются по падежам (как, например, счетно-личные: *ськамон* 'я один', *ськамот* 'ты один' и т.д.), или изменяются своеобразно и, как правило, не по всей падежной парадигме (как, например, возвратно-притяжательное *эсь* 'свой, собственный' и др.). Послеложно-личные местоимения образуются от послелогов путем присоединения к ним лично-притяжательных суффиксов (*вакссо-нзо* 'около него', *вакссо-нок* 'к нам, рядом с нами', *вакка-т* 'мимо тебя' и т.д.).

Притяжательные местоимения образуются от формы генитива собственнo-личных и усилительно-личных местоимений (к ним прибавляются и лично-притяжательные суффиксы): *монь* 'мой, у меня', *тонь* 'твой, у тебя', *сонзэ* 'его, у него', *минек* 'наш, у нас', *тынк* 'ваш, у вас', *сынст* 'их, у них'; *монсень* 'мой собственный, у меня самого', *тонсеть* 'твой собственный, у тебя самого', *сонсензэ* 'его собственный, у него самого' и т.п. С морфемами определенности местоимения этого разряда изменяются по парадигме указательного склонения существительного:

Ном.	<i>монсесь</i>	'именно мой'	<i>тонсесь</i>	'именно твой'
Ген.	<i>монсенть</i>		<i>тонсенть</i>	
Дат.	<i>монсентень</i>		<i>тонсентень</i>	
			и т.д.	

Указательные местоимения *те* 'этот', *се* 'тот' и их варианты во мн. числе (*не, неть* 'эти', *сеть, нонат, нонатне* 'те') образуют оппозицию близкое/отдаленное. В ед. числе изменяются по парадигме основного склонения имени существительного, во мн. числе по парадигме указательного склонения.

Вопросительно-относительные местоимения *ки, кие* 'кто', *мезе* 'что' и др. имеют и форму мн. числа: *кить, мезть, кодамот* 'какие'. В ед. числе они изменяются по парадигме основного склонения, во мн. числе имеют формы указательного склонения (кроме номинатива, в котором сохраняется форма мн. числа основного склонения). От местоименных корней *ко-/ку-*, *ме-(мень-/мей-)* образуются вопросительно-относительные местоимения и наречия.

Неопределенные местоимения и местоименные наречия образуются: 1) повторением вопросительно-относительных местоимений и наречий: *кие-кие* 'кто-н.', *косо-косо* 'где-н.'; 2) прибавлением частиц *-бути, -гак, -как, -як*: *кие-бути* 'кто-то', *киак* 'кто-н.', *мезяк* 'что-н.', *мекс-бути* 'почему-то'. При склонении неопределенных местоимений, образованных вторым способом, падежные окончания основного склонения присоединяются к местоименной основе перед частицей (ном. *киак* 'кто-н.', ген. *кинъгак*, дат. *киненьгак*, абл. *кидеяк*, инес. *кисэяк* и т.д.). Во мн. числе неопределенные местоимения не имеют форм косвенных падежей.

В функции отрицательных местоименных слов употребляются неопределенные местоимения и местоименные наречия при глаголах с отрицанием: *а ёвтан кодамож вал* 'я не скажу никакого слова', *сон косяк арасель* 'его нигде не было'.

Взаимные местоимения *вейке-вейке, вейке-омбоце* (< *вейке* 'один' + *омбоце* 'другой') склоняются, как имя существительное ед. числа в обоих своих компонентах, подвергаясь также лично-притяжательной и указательной суффиксации (*вейкест-вейкест, вейкенть-омбоценть* 'друг друга').

Сказуемое изменение предикативных имен и наречий:

Настоящее время индикатива

Ед.ч.		Мн.ч.
1 л.	<i>учител-ян</i>	'я учитель'
2 л.	<i>учител-ят</i>	<i>учитель-тяно</i>
3 л.	<i>учитель</i>	<i>учитель-тядо</i>
		<i>учитель-ть</i>

Прошедшее время индикатива

Ед.ч.		Мн.ч.
1 л.	<i>тосо-линь</i>	'я был там'
2 л.	<i>тосо-лить</i>	<i>тосо-линек</i>
3 л.	<i>тосо-ль</i>	<i>тосо-лиде</i>
		<i>тосо-льть</i>

Глагол

Индикатив с нулевым показателем противопоставлен другим наклонениям, отмеченным специальными показателями (конъюнктив — *-вь-*, кондиционал — *-ндерь-*, деидератив — *-ксэль-*, оптатив — *-э-*, *-ст-*, императив — *-к*, *-т*, *-ть*, *-до*, *-де* и т.д.).

Окончания прош. времени индикатива противопоставлены окончаниям наст.-буд. времени, формы объектного спряжения — формам безобъектного и т.д.

Парадигмы безобъектного спряжения

Индикатив

Настояще-будущее время

	Ед.ч.		Мн.ч.
1 л.	<i>-ан, -ян</i>	(<i>кундан</i> 'я ловлю' и т.д.)	<i>-тано, -тяно</i>
2 л.	<i>-ат, -ят</i>		<i>-тадо, -тядо</i>
3 л.	<i>-ы, -и</i>		<i>-ыть, -ить</i>

Кроме индикатива эти же окончания реализуются также в оптативе и кондиционале.

I прошедшее время

1 л.	<i>-ынь, -инь</i>	(<i>кундынь</i> 'я ловил, поймал' и т.д.)	<i>-ынек, -инек</i>
2 л.	<i>-ыть, -ить</i>		<i>-ыде, -иде</i>
3 л.	<i>-сь</i>		<i>-сть</i>

II прошедшее время

1 л.	<i>-ылинь, -илинь</i>	(<i>кундылинь</i> 'я ловил' и т.д.)	<i>-ылинек, -илинек</i>
2 л.	<i>-ылить, -илить</i>		<i>-ылиде, -илиде</i>
3 л.	<i>-ыль, -иль</i>		<i>-ыльть, -ильть</i>

Эти окончания кроме индикатива реализуются также в конъюнктиве, конъюнктиве-кондиционале и деидеративе.

Императив

2 л.	<i>-к, -т, -ть</i>	(<i>кундак</i> 'лови' и т.д.)	<i>-до, -де</i>
------	--------------------	--------------------------------	-----------------

Оптатив

1 л.	<i>-зан</i>	(<i>кундазан</i> 'пусть я ловлю' и т.д.)	<i>-здано</i>
2 л.	<i>-зат</i>		<i>-здадо</i>
3 л.	<i>-зо</i>		<i>-ст</i>

Конъюнктив

1 л.	<i>-влинь</i>	(<i>кундавлинь</i> 'я ловил бы' и т.д.)	<i>-влинек</i>
2 л.	<i>-влить</i>		<i>-влиде</i>
3 л.	<i>-воль, -вель</i>		<i>-вольть, -вельть</i>

Кондиционал

1 л.	-ындерян, -индерян	(кундындерян 'если я поймаю' и т.д.)	-ындерятано, -индерятано
2 л.	-ындерят, -индерят		-ындерятадо, -индерятадо
3 л.	-ындери, -индери		-ындерить, -индерить

Конъюнктив-кондиционал

1 л.	-ындерявляинь, -индерявляинь	(кундындерявляинь 'если бы-ындерявлинек, я поймал' и т.д.)	-индерявлинек
2 л.	-ындерявлисть, -индерявлисть		-ындерявлиде, -индерявлиде
3 л.	-ындеряволь, -индеряволь		-ындерявольть, -индерявольть

Дезидератив

1 л.	-ыксэлинь, -иксэлинь	(кундык сэлинь 'я хотел было поймать' и т.д.)	-ыксэлинек, -иксэлинек
2 л.	-ыксэлисть, -иксэлисть		-ыксэлиде, -иксэлиде
3 л.	-ыксэль, -иксэль		-ыксэльть, -иксэльть

Парадигмы объектного спряжения

Индикатив

Настояще-будущее время

Объект	Субъект	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. ед.ч.	2 л.	-самак (кундасамак мак 'ты меня поймаешь' и т.д.)	-самизь
	3 л.	-самам	-са мизь
2 л. ед.ч.	1 л.	-тан	-тадызь
	3 л.	-танзат	-тадызь
3 л. ед.ч.	1 л.	-са	-сынек
	2 л.	-сак	-сынк
	3 л.	-сы	-сызь
1 л. мн.ч.	2 л.	-самизь	-самизь
	3 л.	-самизь	-самизь
2 л. мн.ч.	1 л.	-тадызь	-тадызь
	3 л.	-тадызь	-тадызь
3 л. мн.ч.	1 л.	-сынь	-сынек
	2 л.	-сыть	-сынк
	3 л.	-сынзе	-сызь

I прошедшее время

1 л. ед.ч.	2 л.	-ымик, -имик	-ыமிழь, -имизь
	3 л.	-ымим, -имим	-ыமிழь, -имизь
2 л. ед.ч.	1 л.	-ытинь, -итинь	-ыдизь, -идизь
	3 л.	-ынзить, -инзить	-ыдизь, -идизь
3 л. ед.ч.	1 л.	-ыя, -ия	-ынек, -инек
	2 л.	-ык, -ик	-ынк, -инк
	3 л.	-ызе, -изе	-ызь, -изь

Объект	Субъект	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. мн. ч.	2 л.	-ымизь, -имизь	-ымизь, -имизь
	3 л.	-ымизь, -имизь	-ымизь, -имизь
2 л. мн.ч.	1 л.	-ыдизь, -идизь	-ыдизь, -идизь
	3 л.	-ыдизь, -идизь	-ыдизь, -идизь
3 л. мн.ч.	1 л.	-ынь, -инь	-ынек, -инек
	2 л.	-ыть, -ить	-ынк, -инк
	3 л.	-ынзе, -инзе	-ызь, -изь

II прошедшее время

1 л. ед.ч.	2 л.	-ылимик, -илимик	-ылимизь, -илимизь
	3 л.	-ылимим, -илимим	-ылимизь, -илимизь
2 л. ед.ч.	1 л.	-ылитинь, -илитинь	-ылидизь, -илидизь
	3 л.	-ылинзить, -илинзить	-ылидизь, -илидизь
3 л. ед.ч.	1 л.	-ылия, -илия	-ылинек, -илинек
	2 л.	-ылик, -илик	-ылинк, -илинк
	3 л.	-ылизе, -илизе	-ылизь, -илизь
1 л. мн.ч.	2 л.	-ылимизь, -илимизь и т.д.	
2 л. мн.ч.	1 л.	-ылидизь, -илидизь и т.д.	
3 л. мн.ч.	1 л.	-ылинь, -илинь	-ылинек, -илинек
	2 л.	-ылить, -илить	-ылинк, -илинк
	3 л.	-ылинзе, -илинзе	-ылизь, -илизь

Императив

1 л. ед.ч.	2 л.	-мак	-мизь
3 л. ед.ч.	2 л.	-к	-нк
1 л. мн.ч.	2 л.	-мизь	-мизь
3 л. мн.ч.	2 л.	-ть	-нк

Формы объектного спряжения образуются и в других наклонениях. Отрицательные формы в настояще-будущем и II прошедшем времени индикатива, в кондиционале, конъюнктиве и дезидеративе образуются с помощью неизменяемой отрицательной частицы *a* 'не', которая предшествует спрягаемому глаголу (*a сёрмадан* 'не пишу', *a сёрмадылинь* 'я не писал', *a саиндерясамак* 'если ты не возьмешь меня', *a саексэлитень* 'я не хотел было брать тебя').

Спрягаемый отрицательный глагол с основой *эзъ* 'не...' + вспомогательная неизменяемая форма смыслового глагола используется лишь для образования прошедшего времени индикатива (*эзинь кунда* 'я не ловил', *эзимик кунда* 'ты не поймал меня', *эзия кунда* 'я не поймал его'); по такому же принципу конструируются отрицательные формы других наклонений, но только в конъюнктиве и конъюнктиве-кондиционале отрицательный глагол имеет основу *аволь* (*аволинь кунда* 'я не ловил (поймал) бы', *аволинек саиндеря* 'если бы ты меня не взял', *аволинзеть саиндеря* 'если бы он тебя не взял'), а в императиве и оптативе — *иля* (*иля кунда* 'не лови, не поймай', *илязан кунда* 'пусть я не ловлю', 'чтобы я не поймал', *иляздадо кунда* 'чтобы вы не ловили', *илянзат стувто* 'пусть он не забудет тебя').

Нефинитные (инфинитные) формы глагола

К системе глагола примыкают:

1) имена действия (глагольные существительные) на *-мо*, *-ме*, *-ма*, обозначающие содержание или протекание действия (*тирема* 'сражение, борьба', *лисема* 'выход');

2) герундии (по происхождению — косвенные падежные формы имен действия): а) на *-мсто*, *-мстэ* (*самсто* 'во время прихода, когда возвращались'); б) на *-мс* (*самс* 'до прихода, пока не придут'); в) на *-мга* (*самга* 'ради прихода, чтобы пришли'); г) на *-зъ* (*чинъ стязъ* 'когда солнце встанет'); д) на *-до*, *-де* (*штадо* 'в неприкрытом виде', *комадо* 'наклонившись', *стядо* 'стоя').

Герундий может подвергаться лично-притяжательной суффиксации, ориентированной (в случае переходности действия) на прямой объект (*кундамстонзо* 'когда ловили (поймали) его').

Инфинитивы на *-мс* и *-мо*, *-ме* (*карман сёрмадомо* 'стану (начну, буду) писать', *молить оймамо* 'идут отдыхать', *эряви туемс* 'нужно уходить', *амезе теемс* 'нечего делать'). *-мо* и *-ме*-инфинитивы имеют лично-притяжательную суффиксацию, которая (в случае переходности действия) ориентирована на прямой объект (*кармат сёвномонзо* 'будешь (станешь) ругать его').

В Э.я. имеются причастия: 1) активные наст. времени незаконченного действия на *-ы*, *-и*, *-ыця*, *-иця* (*вечки седей* 'любящее сердце', *приця теште* 'падающая звезда'); 2) активные прош. времени на *-зъ* (*кенерезъ умарь* 'зрелое (созревшее) яблоко'); 3) пассивные наст. времени незаконченного действия на *-викс* и *-ма* (*вечкевикс* 'любимый друг', *кемема ломань* 'надежный человек'); 4) пассивные прош. времени законченного действия на *-зъ* и *-нь* (*ледезъ тикше* 'скошенная трава', *керлязъ (керянь) чувто* 'срубленное дерево', *сравтонъ черть* 'распушенные волосы'); 5) пассивные прош. времени законченного действия на *-вт*, *-вть* (*исень сокавт пакся* 'вчера вспаханное поле').

Из вспомогательных глаголов выделяются:

1) *улемс* 'быть', который в прош. времени употребляется с измененной основой (с суф. *-нь*): *уля-ян* 'я буду' — *ульн-инь* 'я был (бывал)', *улят* 'ты будешь' — *ульн-ить* 'ты был (бывал)' и т.д.;

2) *кармамс* 'начать, стать (делать что-н.)'. Сочетание этого глагола в настояще-будущем времени индикатива с инфинитивом дает эффект будущего времени незаконченного действия: *карман тонавтнемс* 'буду учиться'.

Безобъектное и объектное спряжения глаголов сопровождаются теми или иными изменениями в основе и суффиксах, а именно: 1) выпадением конечных гласных основы перед суффиксом; 2) появлением соединительных гласных (*о*, *е*, *ы*, *и*) между согласной основой и суффиксом (см. 2.2.1.); 3) палатализацией/депалатализацией, оглушением/озвончением конечного звонкого/глухого непалатализованного/палатализованного согласного основы или соответственно начального согласного суффикса.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. В соответствии с агглютинативным характером Э.я. грамматические словоформы конструируются путем последовательного расположения суффиксальных элементов, каждый из которых обычно имеет не более одного грамматического значения. В притяжательном склонении последнее место занимают лично-притяжательные суффиксы, перед которыми располагаются падежные (*тев-стэ-нк* 'из вашего дела'), в указательном склонении падежный суффикс оказывается то перед суффиксом определенности (в ед. числе), то на последнем месте (во мн. числе): *пакся-ва-нить* 'по полю этому', *такся-тне-ва* 'по этим

полям'). В финитных формах глагола последнее место занимают личные окончания, которым предшествуют показатели проп. времени и наклонения (*кундыксэль-инь* 'я хотел поймать'). Из исторически выделяемых компонентов лично-притяжательных суффиксов последнее место занимает также *-к* (показатель множественности обладателей), выступающий в паре с предшествующим ему показателем множественности обладаемых (*-н*): *веле-с-т* (*-т* < *-к* в результате выравнивания в пользу обычного показателя мн.ч. *-т*) 'их село, их сёла'.

Префиксация как способ деривации чужда строю Э.я. Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным. Морфологически аномальных слов в Э.я. практически нет, за исключением, может быть, недостаточных глаголов типа *адя* 'идем', *адядо* 'идемте'.

2.5.2. Основные способы словообразования в Э.я.: 1) морфологический (аффиксация); 2) синтаксический (словосложение); 3) морфолого-синтаксический (конверсия).

Морфологический способ реализуется в виде суффиксации. В сфере имен этот способ характеризуется относительной малочисленностью словообразовательных средств и, за некоторыми исключениями, их невысокой продуктивностью. Глагольные суффиксы отыменного и особенно отглагольного словообразования, напротив, отличаются многочисленностью, семантической насыщенностью, продуктивностью и активностью в деривационно-грамматическом плане. Исключительное богатство глагольных суффиксов отглагольного словообразования связано с их многоплановой функцией модификации семантики глагола, передачи характера протекания действия, его переходности/непереходности, видовых и залоговых значений и т.д.

Синтаксический способ словообразования реализуется в двух основных типах: сочинительном и подчинительном. По сочинительному типу слагаются парные образования: 1) обобщающей семантики: *сукст-унжат* 'галы' < *сукст* 'черви' + *унжат* 'жуки', *киштемс-морамс* 'веселиться' < *киштемс* 'плясать' + *морамс* 'петь'; 2) изобразительной семантики (компоненты сложений второго типа близки по звуковому составу, но один из компонентов как отдельное слово обычно не употребляется): *куштор-каштор* — образ шороха, шуршания, шелеста < *каштордомс* 'шуршать, шелестеть'; *якамс-пакамс* 'похаживать, погуливать' < *якамс* 'ходить'. Компоненты *куштор-* и *-пакамс* самостоятельного значения не имеют. Парные слова сочинительного типа характеризуются соединительной интонацией, двумя ударениями (основным на втором компоненте и второстепенным — на первом); изменяются оба компонента парного слова. Каждый компонент парного имени имеет в исходной форме показатель мн. числа *-т, -ть*.

Сложные слова подчинительного типа образуются по схеме: определятельный компонент (в номинативе, иногда — в генитиве) + определяемый компонент, который в отличие от первого изменяется: *ведьгев* 'мельница' < *ведь* 'вода' + *кев* 'камень' — *ведьгевтнесэ* 'в этих мельницах'. В сфере глагола словосложение сочинительного типа является более продуктивным.

Морфолого-синтаксический способ широко используется по линии субстантивации других частей речи, особенно причастий. По этому способу образуется большая группа названий лиц по занятию (*сокиця* 'пашущий' → 'пахарь', *морыця* 'поющий' → 'певец', *тонавтыця* 'обучающий' → 'учитель').

2.5.3. В Э.я. типичная структура простого предложения — номинативная. По составу простые предложения делятся на односоставные и двусоставные. Они могут быть распространенными и нераспространенными, полными и неполными и т.д. Из простых предложений выделяются такие, в которых подде-

жащее, сказуемое и прямое дополнение выражаются в форме одного слова (глагола-сказуемого): *сода-т-ан* 'я знаю тебя', *рождодом-та-нз-ат* 'он успокоит тебя', *простя-сы-зь* 'они простят их'. Из формы одного слова могут образоваться предложения разных типов: а) включенно-личные: *сын* 'я пришел'; б) императивные: *лоткак!* 'стой!'; в) номинативные: *Теле*. *Читне якшамот* 'Зима. Дни холодные'; г) безличные, выражаемые глаголом в форме 3 л. ед. числа наст. и прош. времени (*аишолгадсь* 'рассвело') или инфинитивным оборотом (*эряви модемс* 'надо сходить', *сави туемс* 'придется отправляться'). В Э.я. имеется еще особый тип односоставных именных предложений, в которых предикативность находит грамматическое выражение в суффиксах сказуемого изменения имен и наречий (*седей-сэ-нз-ат* 'ты у него на сердце', *тарка-со-нзо-линек* 'мы были на его месте, вместо него', *марто-нзо-линь* 'я был с ним').

В Э.я. нет глагола со значением 'иметь'. Вместо habeo-конструкции употребляются предложения, компонентами которых являются: личное местоимение или имя существительное в форме генитива, вспомогательный глагол *улемс* 'быть, иметься' в 3 л. ед. и мн. числа наст. и прош. времени и имя, обозначающее предмет обладания, с лично-притяжательным суффиксом: *монь ули книгам* 'у меня есть, имеется книга'; *Димань ульнесть оянзо* 'у Димы были, имелись друзья'. В отрицательных предложениях *улемс* заменяется отрицательным глаголом *арась* 'нет' с неполной парадигмой: *Монь арась тейтерем* 'У меня нет дочери'; *Цёрьиненть арасельть соксонзо* 'У мальчика не было лыж'.

Глагольное сказуемое согласуется с подлежащим в числе, а с подлежащим, выраженным личным местоимением, — и в лице. Препозитивное определение не согласуется с определяемым. При количественных определениях, выраженных количественными числительными от "двух" до "десяти", определяемое имеет форму мн. числа: *кавто вальмат* 'два окна', *кемень кить* 'десять путей'. С другими числительными-определениями определяемое существительное употребляется в ед. числе: *кеветее ломань* 'пятнадцать человек', *сядо ломань* 'сто человек'.

Глаголы управляют косвенными падежами, при послелогах обслуживаемое слово стоит в форме номинатива и генитива, реже — аблатива основного, указательного и притяжательного склонения.

Определительные конструкции, несущие посессивную информацию, оформляются лично-притяжательными суффиксами (*Ирань пильксэнзэ* 'серьги Ирины') или указательными (*Ирань пилькстнэ* 'серьги Ирины').

Порядок расположения неопределительных членов предложения: логически выделяемый неопределительный член предложения тяготеет к сказуемому, располагаясь чаще в препозиции: *Школасо ванды ютавтуть промкс* 'В школе завтра проведут собрание'.

Порядок слов в определительных словосочетаниях: определение предшествует определяемому. Изменение порядка слов имеет смысловозначительное значение (*поки пенч* 'большая ложка' — *пенчесь поки* 'ложка большая'). Части многочленных определительных словосочетаний располагаются последовательно по степени подчинения. Многочленная конструкция завершается основным определяемым, которое, изменяясь по числу и падежу, обеспечивает связь конструкции с другими членами данного предложения: *вандыне тердезь ялганть* 'на завтра приглашенного товарища', *вандыне тердезь ялганть* 'на завтра приглашенному товарищу'.

Повествовательные, вопросительные и другие разновидности простого предложения по цели высказывания (модальные разных оттенков и пр.) различаются

интонацией, употреблением наклона глагола, разных частиц и т.д.

2.5.4. В современном Э.я. получили развитие разные типы сложных предложений: сложносочиненные, сложноподчиненные и смешанного типа. Связь между предложениями-компонентами может быть союзной и без союзов (с помощью интонации). В пределах одного предложения-компонента важное значение имеют коррелятивные слова, отсылающие к другому предложению-компоненту. В этой функции в Э.я. нередко используется объектная форма сказуемого (глагола) главного предложения: *Содаса, кудамо сон ломанесь* 'Знаю (то), какой он человек'.

2.6.0. Из уральского, финно-угорского, финско-волжского и мордовского языков-основ в Э.я. сохранилось более тысячи корнеслов, а также индоевропейские элементы, которые традиционно делятся на иранские (индо-иранские) и балтийские.

Кроме них, в словарном составе Э.я. выявляются целые пласты заимствований — тюркских и восточнославянских. Среди тюркских заимствований в эрзянской лексике преобладают татарские, а затем чувашские, в том числе древнечувашские, восходящие к болгарскому периоду. К чувашским относятся, например: *сирть* 'яшень', *кендял* 'клоп', *кишумань* 'редька', *сюкоро* 'пресная лепешка' и др.

Слова, заимствованные из тюркских языков, в Э.я. входят в следующие группы названий: 1) сельское хозяйство (*накся* 'поле', *комоля* 'хмель', *куяр* 'огурец'); 2) скот и птицы (*алаша* 'лошадь', *айгор* 'жеребец', *курка* 'индюк'); 3) минералы (*пор* 'мел'); 4) пища и напитки (*каймак* 'ватрушка', *куймака* 'оладья', *порцька* 'перец (стручковый)', *салмат* 'галушки', *поза* 'квас'); 5) хозяйство, домашняя утварь, посуда (*аель* 'подпруга', *циндерь* 'зашелка (для двери), засов', *шаршав* 'занавес'); 6) одежда (*сумань* 'зипун, кафтан') и т.д.

В современном Э.я. русских заимствований несравненно больше, чем заимствований из других языков. По русским лексическим элементам можно судить о начале контактов между мордвой-эрзей и восточнославянскими племенами. Например, *пондо* 'пуд' относится к восточнославянизмам, *розь* 'рожь' заимствовано из древнерусского. Русизмы проникали в Э.я. больше в окающей форме (*бояр* 'барин, боярин', *родня* 'родня', *косяк* 'косык'). Влияние русского языка на Э.я. нарастало от столетия к столетию (XVI—XIX вв.), а в советский период русский язык стал основным источником обогащения словарного состава Э.я. Почти вся общественно-политическая терминология, наименования в различных отраслях науки, искусства и техники в настоящее время заимствуются из русского языка.

2.7.0. Современное диалектное членение Э.я., основывающееся на учете фонетико-морфологических черт говоров, выделяет на территории Мордовии пять типов эрзянских диалектов: центральный, западный, северо-западный, юго-восточный, шокшинский (изолированный).

1. В центральный диалектный ареал входят близкие друг к другу говоры эрзянских сел, расположенных в центре восточной части Мордовии (Атяшевский, Чамзинский и частично Ичалковский р-ны). Фонетические особенности диалекта: в первом слове слова употребляются все гласные (а, о, у, и, е, в части говоров также ё). В непервых слогах употребляются а, о, е; как правило, в этой позиции отсутствуют гласные и, і. Данная подсистема в основном отражает фонетическую структуру говоров, легших в основу письменно-литературного Э.я. Морфологические особенности центрального диалекта: 1) употребление в косвенных падежах ед.ч. указательного склонения -*ńń* (/vaɪmava-ńń/ 'через это окно'); 2) отсутствие противопоставления ед. и мн. числа обладаемого притя-

жательных конструкций с обладателем 1 и 2 л. ед.ч.: *śelme-m* 'мой глаз; мои глаза', */śelme-t/* 'твой глаз; твои глаза'. В некоторых говорах центральной зоны формы ед. и мн.ч. предмета обладания при обладателе 1 л. ед. числа различаются: */kedě-m/* 'моя рука' — */kedě-ń/* 'мои руки'.

II. Ареал распространения западного (или приинсарского) диалекта: нижнее течение р. Инсара. Для фонетических особенностей характерны процессы прогрессивной ассимиляции по вокализму: 1) в 1-м слого употребляются все гласные фонемы; 2) историческое *ä > e*: */ked'* 'рука'; 3) гласные *u* и *i* 1-го слога обуславливают аналогичную огласовку непервых слогов: */tumu/* 'дуб' (ср. *tumo*), */tumuva/* 'по дубу' (ср. *tumova*), */pižimi/* 'дождь' (ср. *pižeme*), */pižimiv(i)-mi/* 'без дождя' (ср. *pižemevteme*) и т.д.; 4) гласные *o* и *e* в непервых слогах употребляются, если в 1-м слого выступают такие же гласные: */komogo/* 'горсть', */mefems/* 'сказать'. Морфологические особенности: 1) в косвенных падежах ед.ч. указательного склонения имен употребляется формант *-ńt'*: */kudusu-ńt'* 'в этом доме'; 2) число предмета обладания имеет формальное выражение лишь при обладателе 3 л. ед.ч.: */kudu-zu/* 'его дом' — */kudu-nzu/* 'его домá'.

III. Северо-западный (или приалатырский) тип охватывает многочисленные говоры эрзянских сел междуречья Алатырь — Меня, а также территории, с юго-запада примыкающие к северо-западному ареалу в районе нижнего течения р. Алатырь. В эту зону входят Ардатовский и Большеигнатовский р-ны Мордовии и соседние Алатырский и Порецкий р-ны Чувашии. По характеру действия ассимиляционных процессов в вокализме этот диалектный тип является прогрессивно-ассимиляторным, ограниченно сохраняющим (перед последующим *a*) *u*-канье и *i*-канье: */anduma/* 'кормление', */veŋńisa/* 'я закрываю (это)'. Морфологические особенности: 1) косвенно-указательная форма ед. числа у имен существительных */-št/* (ср. */-ńt/* других диалектов): */kudoso-št/* 'в этом доме', */kudosto-št/* 'из этого дома'; 2) различение ед. и мн. чисел предмета обладания при обладателе всех трех лиц, ед. и мн. числа: */kudo-m/* 'мой дом' — */kudo-n/* 'мои дома', */kudo-t/* 'твой дом' — */kudo-nt/* 'твои дома' и т.д.

IV. Юго-восточный (или присурский) тип распространен на территории мордовского Присурья в междуречье притоков Суры — рр. Синяш, Нерлейка, Кша, Штырма и Чеберчинка (Дубенский, Большеберезниковский и частично Кочкуровский р-ны Мордовии). Говоры этого типа характеризуются наличием в фонетической системе редуцированных гласных. На северо-востоке с диалектами IV типа граничит зона переходных говоров с чертами говоров I и IV типов. По различию в артикуляции гласных непервых слогов, качественной направленности артикуляции редуцированного гласного, фонетических и морфологических особенностей в целом эрзянские говоры юго-восточного типа объединяются в несколько групп.

Основные морфологические особенности говоров юго-восточного типа: 1) косвенно-указательные формы ед. числа у имени существительного представлены суффиксом *-t/-ńt'*: *[kudit/kudin't]* 'этого дома', *[kuditi/kudin'teń]* 'этому дому'; 2) ед. и мн. число предмета обладания морфологически выражается лишь при обладателе 3 л. ед. числа: */kudim/* 'мой дом, мои дома', */kudit/* — 'твой дом, твои дома' и т.д. В большинстве говоров IV типа лично-притяжательные суффиксы выступают только в твердом варианте: *[vãlit/vãfet]* 'твое село, твои села' (ср. лит. *vefet*).

V. В шокшинском (или изолированном) диалекте, расположенном на северо-западе Мордовии (Теньгушевский р-н), целый ряд фонетических

и грамматических особенностей образовался под влиянием мокшанского языка. К ним относятся: 1) наличие в консонантизме, как и в мокшанском языке, глухих плавных L, L', R, R', J: /saRt/ 'кости рыбы', /kaL't/ 'ивы', /iJ't/ 'льдины', /eJ't/ 'дети'; 2) наличие в ген. и дат. ед. числа указательного склонения формантов -t' и -te: /kudu-t'/ 'этого дома', /kudu-te/ 'этому дому'; 3) употребление показателя конъюнктива i: /sokaŋi/ 'я пахал бы'; 4) особенно большое количество мокшанско-шокшинских параллелей или просто мокшанизмов в лексике: /šembe/ 'все', /uža/ 'угол', /uča/ 'овца', /kučuv/ 'ложка', /joga/ 'перепелка', /kaŋkav/ 'плохой', /keskav/ 'мешок', /štir/ 'девушка' и др. Специфические шокшинские черты, отличающие V тип говоров от других эрзянских диалектов: 1) употребление в ауслауте χ: /avaχ/ 'свекровь' (ср. лит. avat), /šoχ/ 'пруд' (ср. šolt), /sulx/ 'тень' (ср. sulėj), /matx/ 'погреб' (ср. mast), /pulx/ 'сноп' (ср. pul't) и др.; 2) переход а > е перед мягким согласным: /miša/ 'Михаил' — /mišeš/ 'этот Михаил', /etža/ 'эрзя' — /etžeň/ 'эрзянский'; 3) депалатализация палатализованных в позиции после непалатализованных согласных по закону прогрессивной ассимиляции: /tols/ 'этот огонь' (< tol-š), [ašulgac] 'он побелел' (< ašulgat-š), /ont/ 'этого сна' (< on-t'); 4) деназализация консонантных групп: /kef/ 'сапоги' (< kemt), /let/ 'имена' (< lemt), [šica] 'я вышью это' (< simsa) и т.п.

Различия между эрзянскими диалектами обнаруживаются и на лексическом уровне. Однако диалектные различия не препятствуют взаимопониманию.

ЛИТЕРАТУРА

Бубрих Д.В. Эрзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск, 1947.

Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980.

Основы финно-угорского языкознания: При-

балтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Феоктистов А.П. Эрзянский язык // Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. III.

Цыганкин Д.В. Фонетика эрзянских диалектов. Саранск, 1979.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бубрих Д.В. Звуки и формы эрзянской речи по говору с. Козловки. М., 1930.

Вопросы этнической истории мордовского народа // Труды мордовской этнографической экспедиции. М., 1960. Вып. I.

Евсеев М.Е. Избранные труды. Саранск, 1961—1966. I—V.

Коляденков М.Н. Структура простого предложения в мордовских языках: Предложение и его главные члены. Саранск, 1959.

Майтинская К.Е. Местонахождения в мордовских и марийских языках. М., 1964.

Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955. Ч. I—2. Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков. Саранск, 1938 (1939).

Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961—1968. I—V.

Серебрянников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.

Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменнo-литературных языков: (Ранний период.) М., 1976.

Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

Шелнова Т.М. Развитие лексики эрзя-мордовского литературного языка в советскую эпоху. Саранск, 1968.

Эрзянско-русский словарь. М., 1949.

Budenz J. Moksa- és erza-mordvin nyelvten // Nyelvtudományi közlemények, 1877, T. 13.

Иконев Е. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1949, Bd. 29.

Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Helsinki; Turku, 1953. 2. Aufl.

Paasonen H. Mordwinische Lautlehre // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1922. 22.

Ravila P. Ersämordwinisches Wörterverzeichnis aus Maljy Tolkaŋ // Journal de la Société finno-ougrienne, 1959, 61.

Wiedemann F.J. Grammatik der ersä-mordwinischen Sprache nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. SPb., 1865.

Р.М. Баталова

ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Принято считать, что название "пермские языки" (П.я.) происходит от слова *пермь* 'заволочье', восходящего к вепсскому *regäitmaa* 'задняя земля' (к.-перм. *перем* > рус. *пермь*). Им новгородцы называли северодвинский край, заселенный в IX—XV вв. карелами, вепсами и предками коми-зырян. С XVI—XVII вв. этноним *пермь* сохраняется за населением Перми Великой, отсюда *пермяки*; иноязычные соответствия: венг. *permi*, фин. *permiläi*, нем. *Permisch*, англ. *Permic*.

2. К группе П.я. относятся коми-зырянский, коми-пермяцкий и удмуртский, составляющие пермскую подветвь финно-пермской ветви финно-угорской подсемьи уральской семьи языков.

Основная масса говорящих на этих языках народов проживает на северо-востоке Европейской части Российской Федерации: в Республике Коми, в Коми-Пермяцком автономном округе Пермской области и в Удмуртии. За пределами указанных административных единиц часть коми-зырян проживает на Кольском п-ове, в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах Тюменской области; часть коми-пермяков — в северо-восточных частях Вятской и Пермской областей; часть удмуртов — в отдельных районах Башкирии, Татарии и Республики Мари-Эл, а также Вятской, Пермской, Екатеринбургской и других областях Российской Федерации.

3. По данным переписи 1989 г., общая численность коми-зырян составляет 344,5 тыс. чел., коми-пермяков — 152 тыс. чел., удмуртов — 746,8 тыс. чел.

4—5. Пермская ветвь финно-угорских языков выделилась из финно-пермской общности примерно во II тысячелетии до н.э. Общепермская (прапермская) эпоха длилась свыше 2-х тыс. лет. За этот период выработались общие черты П.я., которыми они отличаются от других финно-угорских языков: сформировался общий фонетический строй, выработалась специфическая система склонения и спряжения, появилось значительное количество общих слов и т.п. В это же время в пределах прапермского языка формируются основные диалекты, впоследствии послужившие базой для образования коми и удмуртского языков.

Распад общепермского языка на коми и удмуртский относится к VIII в. н.э. После распада указанные языки развивались обособленно. За этот период в них произошли значительные изменения в фонетике, грамматике и словарном составе; выработалась специфическая лексика как на своем материале, так и путем заимствований из соседних языков. Однако большинство слов основного словарного запаса П.я. (≈80%) имеет единое происхождение, хотя фонетический облик многих из них значительно изменился, ср.: коми *руч* — удм. *зычы* 'лиса', к.-з. *водз* — к.-п. *одз* — удм. *вазь* 'рано', коми *гоз* — удм. *куз* 'пара' и др., но имеются и слова, звучащие совершенно одинаково: *вир* 'кровь', *мус* 'печень', *ним* 'имя', *нянь* 'хлеб', *пу* 'дерево', *пель* 'ухо', *сю* 'зерно', *пиль* 'зуб' и др. (Здесь и далее употребляются следующие сокращения языков: к.-з. — коми-зырянский, к.-п. — коми-пермяцкий, удм. — удмуртский)

После разделения пермской языковой общности формируются специфические черты, отличающие коми языки от удмуртского.

6. По своему фонемному составу литературные П.я. не отличаются друг от друга: имеют по 7 гласных и 26 согласных фонем. По артикуляцион-

но-акустическим признакам они почти тождественны. Отличия прослеживаются лишь на уровне отдельных диалектов и говоров. Современные П.я. имеют различные системы ударения: в удмуртском языке обычно ударение находится на последнем слоге, в коми-зырянском в основном — на первом, в коми-пермяцком (литературном) языке ударение носит разноместный характер; в двух его южных диалектах — в нижеиньвенском и оньковском, как и в коми-язвинском наречии, — оно качественно-вокальное. Формирование разных типов ударения в П.я. — сравнительно позднее явление.

Морфологический строй П.я. также довольно близок. В морфологии в основном выявляются одинаковые грамматические категории (у имен — категория числа, падежа и лично-притяжательности; у глагола — лица, числа, наклонения, времени, вида, залога). Оформлены они обычно одинаковыми (или имеющими одинаковое происхождение) либо близкими по составу суффиксами.

В П.я. различаются два числа: ед. и мн. число. Ед. число существительных особым суффиксом не оформлено. Показателем мн. числа в коми-зырянском является суф. *-яс*, в коми-пермяцком — *-эз/-ез*, в удмуртском — *-ос/-ёс*, ср.: коми *мортъ-яс*, к.-п. *мортт-эз*, удм. *муртъ-ёс* 'люди'; коми *ва-яс*, к.-п. *ва-эз*, удм. *ву-ос* 'воды'.

В литературных П.я. число падежей не совпадает: в коми-зырянском их 16, в коми-пермяцком — 17, в удмуртском — 15. Общими для всех П.я. являются 14 падежных форм, которые совпадают по своим формантам (с учетом фонетических вариантов) и основным функциям: номинатив, адессив/генитив, аблатив, датив, аккумулятив, инструменталис, абессив, инессив, элатив, иллатив, аллатив, эгрессив, пролатив, терминатив. Различие выражается в следующем: в удмуртском языке имеется адвербиалис, который отсутствует в коми языках; в последних имеются финалис (конзекутив) и комитатив, которые отсутствуют в удмуртском, в коми-пермяцком имеется компаратив (преклюзив).

Именам в П.я. свойственны два типа склонения: простое (18 падежей) и лично-притяжательное (посессивное).

Парадигма простого склонения существительных

	К.-з.	К.-п.	Удм.	
Номинатив (кто-, что-л.)	<i>керка</i>	<i>керку</i>	<i>корка</i>	'дом'
Аккузатив (кого-, чего-л.)	<i>керка-</i> (-ёс)	<i>керку-</i> (ёс)	<i>корка-эз</i>	'дом'
Адессив/генитив (чей-л., (у) кого-, чего-л.)	<i>керка-</i> <i>лён</i>	<i>керку-</i> <i>лён</i>	<i>корка-лэн</i>	'у дома'
Датив (кому-, чему-л.)	<i>керка-лы</i>	<i>керку-лӧ</i>	<i>корка-лы</i>	'дому'
Инессив (где-л., в чем-л.; к.-п. в ком-л.)	<i>керка-ын</i>	<i>керку-ын</i>	<i>корка-ын</i>	'в доме'
Элатив (из чего-л., откуда-л.; к.-п., в кого-л.)	<i>керка-ысь</i>	<i>керку-ись</i>	<i>корка-ысь</i>	'из дома'
Иллатив (во что-л., куда-л., к.-п. в кого-л.)	<i>керка-ӧ</i>	<i>керку-ӧ</i>	<i>корка-э</i>	'в дом'

	К.-з.	К.-п.	Удм.	
Эгрессив (от чего-л., откуда-л.; к.-п. от кого-л.)	<i>керка-сянь</i>	<i>керку-сянь</i>	<i>корка-ысен</i>	'от дому'
Аблатив (у кого-, чего-л. (отнять))	<i>керка-лысь</i>	<i>керку-лісь</i>	<i>корка-лэсь</i>	'у дома' (напр., брать что-л.)
Аллатив (по направлению к чему-л.; к.-п. к кому-л.)	<i>керка-лань</i>	<i>керку-лань</i>	<i>корка-лань</i>	'к дому'
Пролатив (почему-л., где-л.; к.-п. через кого-л.)	<i>керка-ӧд</i> (<i>-ті</i>)	<i>керку-ӧт</i>	<i>корка-тіі</i>	'по дому'
Абессив (без кого-, чего-л.)	<i>керка-тӧг</i>	<i>керку-тӧг</i>	<i>корка-тэк</i>	'без дома'
Инструменталис ((с) кем-, чем-л.)	<i>керка-ӧн</i>	<i>керку-ӧн</i>	<i>корка-ын</i>	'домом'
Терминатив (до чего-л., куда-л.; к.-п. до кого-л.)	<i>керка-ӧдз</i>	<i>керку-ӧдз</i>	<i>корка-озь</i>	'до дома'
Комитатив (с кем-, чем-л.)	<i>керка-кӧд</i>	<i>керку-кӧт</i>	—	'с домом'
Финалис (за кем-, чем-л. (о цели))	<i>керка-ла</i>	<i>керку-ла</i>	—	'за дом'
Адвербиалис (в соответствии с кем-, чем-л.)	—	—	<i>корка-я</i>	'по... дому'
Компаратив (преклюзив) (по сравнению с кем-, чем-л., кроме кого-, чего-л.)	—	<i>керку-ся</i>	—	'кроме дома, по сравнению с домом'

Лично-притяжательные суф. П.я. почти тождественны:

	Ед.ч.			Мн.ч.		
	К.-з.	К.-п.	Удм.	К.-з.	К.-п.	Удм.
1 л.	<i>-ӧй</i>	<i>-ӧ</i>	<i>-е/-э</i>	1 л.	<i>-ным</i>	<i>-ным</i> <i>-мы</i>
2 л.	<i>-ыд</i>	<i>-ыт</i>	<i>-ед/-эд</i>	2 л.	<i>-ныд</i>	<i>-ныт</i> <i>-ды/-ты</i>
3 л.	<i>-ыс</i>	<i>-ыс</i>	<i>-ез/-эз</i>	3 л.	<i>-ныс</i>	<i>-ныс</i> <i>-зы/-сы</i>

Прилагательные П.я., как и в других финно-угорских языках, в сочетании с существительными не изменяются, т.е. не согласуются с ними в падеже, например: *сьӧд нянь* — коми *сьӧд няньӧн*, удм. *сьӧн нянен* '(с) черным хлебом'. В удм.я. прилагательные, имеющие выделительно-указательные суф., при склонении согласуются с именем существительным: *вылез книга* 'новая книга' — *вылезлы книгалы* 'новой книге' и т.д.

Сравнительная степень прилагательных в к.-з.я. образуется с помощью суф. *-джык*, в к.-п. — суф. *-жык*, в удм. — суф. *-гес/-гем*, ср. к.-з. *кузьджык*, к.-п. *кузьжык*, удм. *кузьгес* (*кузьгем*) 'длиннее' и др.

Превосходная степень прилагательных в коми языках образуется с помощью приставки *мед-* (*медбур* 'самый хороший, наилучший'), в удм. при помощи заимствованной из русского языка частицы *самой* (*самой чебер* 'самый красивый').

Числительные в П.я. делятся на количественные и порядковые. Последние образуются путем присоединения к количественным числительным суффиксов: в коми — *-ӧд*, в к.-п. — *-ӧт*, в удм. *-эти* (*-етий*): к.-з. *нӧльӧд*, к.-п. *нӧльӧт*, удм. *нылетий* 'четвертый' и т.п.

Совместные или собирательные числительные в к.-з. и к.-п. образуются с помощью суф. *-нан*, в удм. — суф. *-на*. Удмуртские совместные числительные в словосочетании употребляются лишь с лично-притяжательными суф. *-мы*, *-ды*, *-зы*, ср.: к.-з. *кыкнан вокным*, удм. *кыкна-мы братьёс* 'мы два брата'.

По своему значению местоимения в П.я. подразделяются на следующие разряды: личные (собственноличные), взаимно-личные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные, определительные. В функции притяжательных местоимений употребляются генитивные формы личных местоимений. В обоих коми языках выделяются усилительно-личные и обобщительно-определительные местоимения, а в удмуртских грамматиках они объединены в разряд определительных местоимений.

К личным местоимениям относятся: коми *ме*, удм. *мон* 'я'; коми *ми*, к.-п. *мийӧ*, удм. *ми* 'мы'; коми *тэ*, удм. *тон* 'ты'; к.-з. *ти*, к.-п. *тийӧ*, удм. *тон* 'вы'; к.-з. *сийӧ*, к.-п. *сия*, удм. *со* 'он', к.-з. *найӧ*, к.-п. *няя*, удм. *соос* 'они'. Указанные местоимения имеют особое склонение.

Пермскому глаголу свойственны категории наклонения, времени, лица, числа, вида, залога. Различаются утвердительная и отрицательная формы спряжения. В коми языках все глаголы изменяются по одной парадигме, основа слов при спряжении, как правило, остается без изменения, например: *мун-а* 'иду', *мун-ӧ* 'идет', *мун-ас* 'пойдет' и т.д. В удм.я. различаются два вида спряжения.

Во всех П.я. различаются изъявительное и повелительное наклонения, но в удмуртском кроме них имеется также условное наклонение с суф. *-сал* (*пукысал* 'ты посидел бы', *мон мыны-сал* 'я пошел бы'). Изъявительное наклонение характеризуется четырьмя временами (настоящим, будущим и двумя прошедшими — очевидным и неочевидным) с тремя лицами в ед. и мн. числе.

Инфинитив во всех П.я. оформляется *н-овым* суф., ср.: коми *-ны*, *-ыны*, удм. *-ны*, *-ыны* (в 1-м спряжении), *-аны* (во 2-м спряжении), напр.: коми *кутны*, удм. *кутыны* 'ловить, поймать', *малпаны* 'думать' и др.

Современные П.я. весьма богаты послелогоми. Из 52 послеложных гнезд примерно 20 возникли в прапермский период: *кузя* 'по' (коми *туй кузя*, удм. *сюрес кузя* 'по дороге'), *пыр* 'через, сквозь' (*стекло пыр* 'через стекло'), коми *вомӧн*, удм. *вамен* 'через, поперек' (коми *туй вомӧн*, удм. *сюрес вамен* 'поперек дороги'). По своей структуре послелогои подразделяются на: 1) послелогои, не имеющие падежных суффиксов (*пыр* 'через, сквозь', коми *кодъ*, удм. *кадь* 'подобно' и др.); 2) содержащие архаические падежные суффиксы: *кузя* (ср.: *кузь* 'длинный') 'по'; коми *дырйи*, удм. *дырья* (ср. *дыр* 'время') 'во время' и др.; 3) имеющие окончания современных местных падежей, которые представляют самую большую группу; их основой являются слова с пространственным значением: к.-з. *водз* (к.-п. *одз*, удм. *азь*) 'место перед (чем-л.)': инес. *водз-ын*, илл. *водзӧ*, элат. *водз-ысь*, прол. *водз-ӧд*, термин. *водз-ӧдз*; коми *бӧр*, удм. *бер* 'место позади'; коми *выл*, удм. *выг* 'место сверху'; коми *дор*, удм. *дур* 'место возле, около (кого-чего-л.)'; коми *шӧр*, удм. *шор* 'место посреди (чего-л.)' и мн. др.

Во всех П.я. употребляются послеложно-личные местоимения, образованные

от послелогов путем присоединения к ним лично-притяжательных суффиксов: коми *пызан увтам* 'под моим столом', удм. *книга улысьтым* 'из-под моего стола'.

Союзы П.я. оформились сравнительно поздно, о чем свидетельствует различный состав их в каждом из этих языков. Всеми П.я. много союзов заимствовано из русского (удмуртским также из татарского) языка. В П.я. широко используются частицы, многие из которых заимствованы из русского языка.

В синтаксическом строе П.я. сохранился ряд черт, свойственных финно-угорскому языку-основе: препозиция обстоятельств и определений в словосочетаниях, тенденция употребления наречий перед глаголом. Порядок слов в предложении во многом зависит от смысловой нагрузки того или иного слова.

По своим синтаксическим особенностям современные П.я. также во многом сходны.

В сочинительных словосочетаниях связь между словами выражается с помощью союзов и без них. В подчинительных словосочетаниях синтаксическая связь выражается при помощи согласования, примыкания и управления, в удм.я. распространены также изафетные конструкции.

П.я. богаты причастными и деепричастными оборотами; последние часто приближаются к придаточным предложениям.

В современных П.я. представлены как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения. Им свойственны союзная и бессоюзная сочинительная и подчинительная связи. Для удмуртского языка более, чем для коми языков, свойственны сложноподчиненные предложения с союзами, располагающимися в конце придаточного предложения (удм. *Аслыд сюрес бырйид бере, пумозяз мын ини* 'Если выбрал себе дорогу, иди уже до конца'; *бере* 'если'). Ряд типов сложносочиненных предложений формируется под влиянием русского языка.

В П.я. широко распространен суффиксальный способ образования слов. К общим субстантивизирующим суф. относятся: 1) к.-з. *-ысь*, к.-п. *-ись*, удм. *-ись/-сь* (образуют отглагольные существительные: к.-з. *гöрысь*, к.-п. *гöрись*, удм. *гырись* 'пахарь' от *гöрны*, *гырыны* 'пахать'); 2) коми *-ан* — удм. *-он*, *-и* (образуют отвлеченные наименования действия и состояния, а также орудия и объекта действия: коми *гöран* — удм. *гырон* 'пахота'); 3) коми *-öm* — удм. *-эм*, *-м* (образуют существительные отвлеченного действия или состояния: коми *олóm* 'жизнь' от *овны* 'жить'; удм. *дасям* 'заготовка' от *дасыны* 'заготавливать'); 4) коми *-лун* — удм. *-лык* (образуют от прилагательных существительные со значением отвлеченного признака: к.-з. *лёк* 'злой' — *лёклун* 'злость', удм. *зеч* 'добрый' — *зечлык* 'доброта' и др.).

К общим для П.я. продуктивным словообразовательным суф. прилагательных относятся: 1) коми *-а* (-я), удм. *-о* (-е): коми *шондиá лун*, удм. *шундыё нунал* 'солнечный день' и др.; 2) коми *-тóm*, удм. *-тэм*; коми *сюртóm*, удм. *сюртэм* 'безрогий, комолый' и др.; 3) коми *-öсь*, удм. *-эсь* (-есь): коми *вирöсь*, удм. *виресь* 'запачканный кровью' и т.д.

Наиболее продуктивными из общих для П.я. глагольных суф. являются: 1) удм. *-а*, коми *-ал/-ав*: удм. *уж-а-ны*, коми *удж-ав-ны* 'работать' (ср.: удм. *уж*, коми *удж* 'работа'); 2) удм. *-т/-д-*, коми *-öd*, к.-п. *-öt*: удм. *ивортны*, коми *юörtны* 'сообщить, известить' (ср.: удм. *ивор*, коми *юör* 'весть'); 3) *-м*: удм. *юммыны*, коми *ёнмыны* 'крепнуть' (ср.: удм. *юн*, коми *ён* 'сильный'); 4) удм. *-з-*, коми *-зь-*: удм. *лобзыны* — коми *лэбзыны* 'улететь' и др.

В прапермский период на базе унаследованной из более древних праязыков лексики путем суффиксации и словосложения образовался новый довольно

мощный словарный пласт, общий для П.я. Кроме того, пермский язык-основа обогатился также заимствованиями из соседних языков: из иранских (скифо-сарматских), позднее из древнечувашского (булгарского) языка.

К заимствованиям из иранских языков относятся: коми *емдон*, удм. *андон* 'сталь'; коми *дар*, удм. *дуры* 'половник'; коми *курбг*, удм. *курег* 'курица'; коми *майбг*, удм. *майыг* 'кол'; коми *бгыр*, удм. *эгыр* 'уголь'; к.-п. *пода*, удм. *пудо* 'скот'; коми *саридз*, удм. *зарезь* 'море, теплые края'; коми *кбрт*, удм. *корт* 'железо'; к.-з. *озыр*, удм. *узыр* 'богатый' и др. Из древнечувашского заимствованы: к.-з. *адас*, удм. *удыс* 'постать (диал. пашня)'; к.-з. *бан*, удм. *бам* 'лицо' и др.

В словарном составе современных П.я. имеется мощный пласт русских заимствований, отражающих всесторонние связи коми и удмуртов с русским народом.

ЛИТЕРАТУРА

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955. Ч. I.

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Основы финно-угорского языкознания: Мяриский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1961.

Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1933. 65.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1903. 21.

Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihren Dialekte und des Wotjakischen. SPb., 1824.

Р.М. Баталова

КОМИ(-ЗЫРЯНСКИЙ) ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Коми(-зырянский) язык (К.я.) — язык коми(-зырян), основного населения Республики Коми, венг. *zürjén*, нем. *Syrjänisch*, англ. *Komi-Zyrian*.

1.1.2. К.я. относится к пермской подветви финно-угорской подсемьи уральских языков. В близком родстве с коми языком состоят коми-пермяцкий и удмуртский языки.

1.1.3. К.я. распространен на территории республики Коми, а также частично на Кольском п-ове (Мурманская обл. Российской Федерации), в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах Тюменской области Российской Федерации; некомпактными группами коми-зыряне проживают также на территории Украины (около 4 тыс.чел.) и в Казахстане (1,5 тыс.чел.). Общая численность коми-зырян, по данным переписи 1989 г., — 344,5 тыс.чел., 70,4% из них считают коми(-зырянский) язык родным.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Коми(-зырянские) диалекты делятся по фонетическому принципу — в основном по употреблению звуков *l* и *v*, некоторые — также по *jd/d'*- или *jt/t'*-разновидности. Различаются эловые, вз-эловые и нуль-эловые диалекты. Отдельные исследователи выделяли и так называемые смешанные говоры. Кроме фонетических особенностей учитываются также отдельные морфологические и лексические особенности. В К.я. различают 10 диалектов.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. К.я. является языком внутринационального общения на территории

Республики Коми. Коми(-зыряне), живущие компактными группами за пределами республики, являются двух-трехязычными: так, на Кольском п-ове говорят на русском и саамском, в указанных выше автономных округах владеют также ненецким, хантыйским или мансийским языками.

1.3.2. Литературный К.я. в республике Коми является языком общения среди местной интеллигенции; на родном языке ведутся передачи на радио и телевидении, ставятся отдельные пьесы в театрах и клубах, издается художественная литература, отдельные научные труды. Литературный К.я. базируется на присыктыварском диалекте (с 1918 г.). Первые попытки установления норм коми литературного языка относятся к XIV—XVII вв. — периоду существования древнекомиписьменности, в основном на территории «Малой Перми (в бассейне р. Вымы). С XVII в. до 1917 г. были изданы отдельные словари, печатные и переводные произведения, азбуки, грамматики на основе русской графики на разных диалектах и говорах коми(-зырянского) языка.

1.3.3. На К.я. ведется преподавание в 1—3-х классах начальной школы, он преподается как предмет в средних и восьмилетних школах, а также в педучилищах и вузах (на коми отделениях).

1.4.0. Письменность на коми языке формировалась на основе русского алфавита с использованием диакритик (буквы *ö* для обозначения гласного /*ø*/), сочетаний букв *дз*, *дж*, *тш* (для аффрикат) и дополнительных графических условностей (например, так называемое несмягчающее *i* — для обозначения звука /*i*/ после твердых согласных *д*, *з*, *л*, *н*, *с*, *т*).

1.5.0. Основные периоды истории К.я.: 1) древнекоми — с XIV по XVII в., зафиксирован в древнекоми письменах, в которых отразилась коми речь Нижней Вытегды; 2) коми язык дореволюционного периода — с XVII в. по 1917 г. XX в.; 3) послереволюционный период — с 1917 г. XX в. Первые отрывочные записи на К.я. относятся к концу XV в. (1474 г.); первые связные — к началу XVI в. (1510 г.).

1.6.0. Воздействие внешнеязыковых факторов на К.я. отразилось главным образом в лексике — через заимствования (см. 2.6.0.). Продолжается процесс усвоения русских звуков *ф*, *х*, *ц*, *щ*; в области морфологии в литературном языке встречается глагольный суф. *-нит-* (ср. рус. *-нуть*): *вашнитны* 'шепнуть', *довкнитны* 'кивнуть', *югнитны* 'блеснуть' и др.; широко употребительны заимствованные из русского языка союзы *а*, *но*, *да*; *бытьтьö* 'будто', *коть* 'хоть', *öдва* 'едва', *пока* и др. По русскому образцу строятся отдельные сочетания (типа: *черьяслöн клёнгöм* 'стук топоров', *пилаяслöн живгöм* 'жужжание пил'), а также отдельные обороты (ср.: *Керкаяс стрöйтсьöдны плöтникьясöн* 'Дома строятся плотниками' вм. *Керкаяс стрöйтöны плöтникьяс* 'Дома строят плотники'). Структура сложных предложений, в особенности сложноподчиненных, испытывает значительное влияние соответствующих типов русских предложений.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонологическая система К.я., естественно, удалась от финно-угорской системы. Как и в других пермских языках, в К.я. довольно хорошо сохранились согласные и сильно изменились гласные. Отпали конечные гласные у двусложных основ. Произошла делабиализация ряда гласных звуков (*ü* > *i*, *ö* > *ø*); появились звонкие согласные (*b*, *d*, *d'*, *g*, *z*, *ž*, *ž'*, *ž*, *ž'*). В новых заимствованиях встречаются звуки *f*, *χ*, *с*, *щ*.

Встречаемость гласных и согласных, по статистическим данным, в литературном К.я. на сто фонемных единиц составляет 42:58; по частотности гласные

Гласные

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	и /i/	ы /j/	у /u/
Средний	э /e/	ö /ɛ/	о /o/
Нижний		а /a/	

Согласные

По способу образования			По месту образования				
			Лабials- ные	гереднеязычные			срeдне- язычные
	Денталь- ные	альвео- лярные		Пала- тальные			
Шумные	Смычные	глухие	п /p/	т /t/		т' /t'/	к /k/
		звонкие	б /b/	д /d/		д' /d'/	г /g/
	аффрикаты	глухие		(ц) /c/	тч /č/	ч /č/	
		звонкие			дж /čj/	дэ /čj/	
Фрикативные	глухие	(ф) /f/	с /s/	ш /š/	с' /š'/		
	звонкие	в /v/	з /z/	ж /ž/	з' /ž'/	/x/	
Сonorные	назальные	м /m/	н /n/				
	главные		л /l/		л' /l'/	й /j/	
	вibrанты			р /r/			

Примечание. В круглых скобках помещены фонемы, встречающиеся в русских заимствованиях.

распределяются в следующем порядке: е, а, i, i, о, е, u; согласные — п, s, š, m, v, j, k, l, t, r, d, p, t', n, g и т.д. Наименее употребительны звуки: š, b, d', ž, l', ž, ž, č, ž — менее 1%.

2.1.2. Словесное ударение, как правило, падает на первый слог. Однако ударение не строго фиксированное, оно не имеет смысловозначительной функции, ср.: *мунасны* и *мунасны* 'пойдут'. По долготе гласные и согласные не противопоставляются.

2.1.3. Стечение гласных несвойственно, встречается только на стыке слов или морфем (*ва-ись* 'из воды', *ва-өн* 'водой'). Сочетания согласных употребляются в начале слова в звукоподражательных словах и в поздних заимствованиях (*крав-крав* (карканье вороны), *праздник*, *врач* и т.д.). Литературному К.я. свойственно чередование /l/ и /v/: /l/ появляется в середине слова перед гласным (*кылыс* 'его язык', но — *кыв* 'язык'), а перед согласными середины слова и в конце слова он переходит в /v/ (ср.: *кывтöг* 'без языка'). Это чередование не распространяется на звукоподражательные слова (*равзыны* 'громко кричать', *равöстис* 'он громко крикнул'), прилагательные с суф. -ов (*гöрдöв* 'красноват' — *гöрдöвöсь* 'красноваты'), сложные слова (*синва* 'слеза' < *син* 'глаз', *ва* 'вода'), заимствованные слова (*укол*, *стул*).

К.я. свойственна как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция согласных. Так, /j/ уподобляется предшествующим мягким согласным (/doddá < dodja/ 'с санями', ср. также /vevčijni < vevčijni < vevtjijni/ 'покрыть, прикрыть', разг. *sobrańno* 'собрание', /plaffo/ 'платье' и др.); кроме /j/ в суф. мн. числа -йас (-яс). Последний свойствен литературному К.я. Прогрессивная ассимиляция за пределы слова не распространяется. К регрессивной ассимиляции относятся фонетические процессы частичного озвончения (в устной речи — *кыг*

зыр < кык зыр 'две лопаты') и оглушения (быдса произносится бытса 'целый'), альвеолизации /s > š/; /z > ž/ перед /š, ž, č, ž/: лóзджык (> лóжджык) 'синее', кос шор (> кош шор) 'сухой ручей', аффрикатизация (вóтчыны > вóччыны) 'гнаться', ср. вóтны 'догнать'; бóрдны 'плакать' — бóрдзыны (> бóрдзыны) 'заплакать', сьóд 'черный' — сьóдджык (> сьóдджык) 'чернее'. Позиционные изменения при регрессивной ассимиляции обычно в орфографии не отражаются; исключения единичны, ср.: гашкó < гажкó 'если (будет) желание', вичко < видз+ко 'церковь'. К спорадическим изменениям на границе двух морфем относятся: 1) случаи выпадения гласных второго слога в отдельных словах (гудыр 'муть' — гудравны 'мешать'); 2) появление /j, m, k, t/ в конце основы (быг 'пена' — быгй-а 'пенистый'; шеп 'колос' — шепт-өн 'колосом'; кос 'поясница' — коск-ын 'в пояснице'; син 'глаз' — син-мысь 'из глаза'); 3) вставка /j/ и /v/ между гласными (киас > кийас 'в руке', шуим > шуйим 'мы сказали', шуд > шувó 'говорит', нуас > нувас 'унесет'). В орфографии вставочные звуки также не отражаются.

2.1.4. Для К.я. характерны следующие основные типы слогов: V — ó-ни 'теперь', э-тадз 'так, таким образом', а-бу 'нет, не имеется'; VC — от-сав 'помоги', ас-ки 'завтра'; VCC — арк-мó 'получается', орд-лы 'ребро'; CV — ма 'мед', пи-пу 'осина', вó-ра 'лесистый'; SVC — гор 'каменка, печь', ков-тыс 'долина'; CVCC — босьт-ны 'брат, купить', горт-сянь 'из дому'; CCVCC — квайт 'шесть'.

Наличие гласного является обязательным для образования слога: в слове обычно столько слогов, сколько гласных (ко-рась-ны 'свататься', гó-гóр-во-ны 'понимать').

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. См. 2.1.3.

2.2.2. В К.я. фонетические свойства корня и непродуктивных суффиксов отличаются от свойств словоизменяемых, формообразовательных и продуктивных словообразовательных суффиксов: в корневой морфеме встречаются все гласные звуки, а в продуктивных суффиксах литературного языка /e/ не употребляется, а /o/ и /u/ ограничены в употреблении: встречаются только в некоторых уменьшительных суффиксах — гóрдов 'красноватый', пи-ук 'сын', а также в тех суффиксах, которые еще не вполне утратили свое лексическое значение, например: яй-тор 'мясо' (ср. яй 'мясо', тор 'кусочек, кусочек').

Наиболее употребительными гласными в продуктивных суффиксах являются: /e/ (в падежных суф.: -лóн, -ó, -óс, -óн, -óд, -óдз, -кóд, -тóг; в притяжательных суффиксах: -óй, -ó; в глагольных: -ó, -óны, -óма и т.д.); /a/ (в именных суф.: -лань, -ла, -а, -ан, -ас, -ам и т.д.); /i/ (ср. мун-í, мун-ín мун-ís и т.д. 'я, ты, он ушел, шел' и т.д.).

Знаменательные и служебные слова различаются по ударению: на первые падает основное (словесное) ударение, на вторые — побочное, дополнительное (ср.: нýзан сáйын 'за столом', нýзан уéтын 'под столом'), но они чаще безударны.

2.2.3. Вопрос не разработан.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Морфологический тип К.я. — агглютинативный с выраженными чертами флективности, что выражается в наличии аффиксов, ничем не отличающихся от флексий флективных индоевропейских языков. Так, некоторые аффиксы, состоящие из одного звука (в разных категориях слов), могут выражать различные грамматические значения: кыл-а 'слышу', бур-а 'хорошо', юр-а 'с головой, имеющий голову'; локт-ó 'идет', сикт-ó 'в село', тэн-ó 'тебя' и т.д.; одни и те

же суффиксы могут выражать несколько грамматических значений, например: *керка-ад* 'в твоём доме' (местный падеж и 2-е владеющее лицо), *ги-жи* 'я написал' (прош. вр., 1 л. и ед.ч.); *гиж-а* 'пишу, напишу' (наст.-буд. вр., 1 л. и ед.ч.); в личных местоимениях имеются элементы внутренней флексии: *ме* 'я', *ми* 'мы', *тэ* 'ты', *тi* 'вы'. Аналитические формы в К.я. не имеют широкого распространения.

2.3.1. В К.я. грамматические разряды слов достаточно четко разграничены; например, прилагательные и существительные расходятся по образованию формы мн. числа и словообразованию. Однако у них имеются и отдельные общие черты. Так, имена, употребляясь в качестве определений, не изменяются: *керка юрöдз* 'до крыши дома' (букв. 'до головы дома'); *гöрд дöрöмön* 'с красной рубахой'; *миля карын* 'в нашем городе'; *вит ура* 'пятирублевый'. Выступающая же в неопределительных функциях, все имена склоняются по падежам (*краситны вижön* 'раскрасить желтым', *ме вайи витö* 'я привез пятерых'). Местоимения, употребляясь в роли имен существительных, также склоняются.

В зависимости от позиции имени некоторых семантических групп могут выступать в роли существительного или прилагательного: *джуджыд пу* 'высокое дерево', *пу керка* 'деревянный дом'. Имеются сходства между причастиями и прилагательными, между послелогоми и существительными и наречиями.

К универсальным грамматическим значениям, получившим категориальное выражение, в К.я. можно отнести: число, падежность, лицо, лично-притяжательность (поссесивность), степени сравнения, время, модальность; менее четкое выражение имеют одушевленность/неодушевленность, вид и залог.

2.3.2. В К.я. грамматический род отсутствует. Одушевленность/неодушевленность в основном прослеживается в форме вин. пад. на *-öc*, который чаще присоединяется к названиям людей, реже — животных и птиц: *кора вокöc* 'прошу брата', *кыйи көчöc* '(я) поймал зайца', но — *кыя сьдла* 'ловлю рябчика'. По линии вопросительно-относительных местоимений также имеется противопоставление одушевленности/неодушевленности: *кодi* 'кто'; *мый* 'что' (относится к предметам, явлениям природы и др.).

2.3.3. Грамматическое число выражается оппозицией форм ед. и мн. числа. Ед. число в какой-то степени выступает в качестве абсолютного числа, т.к. некоторые имена употребляются только или чаще всего в ед. числе: *тишак öктыны* 'собирать грибы' (букв. 'собирать гриб'), *ягöд вайны* 'принести ягоды' (букв. 'принести ягоду'). Существительных, употребляемых только в форме мн. числа, нет. Противопоставление форм ед. и мн. числа четко выступает и в сфере глагола. Только безличные глаголы употребляются лишь в ед. числе: *Зрö* 'Идет дождь'; *Пемдö* 'Наступают сумерки'. *Кынтö* 'Знобит'.

2.3.4. Падежные значения выражаются с помощью падежных аффиксов, а также послелогов. Формами падежа обозначаются субъект, объект (прямой и косвенный), способ действия, причина, цель и т.д., а также временные и пространственные отношения (см. 2.4.0). Послелоги выполняют в основном ту же роль, что и падежные суффиксы. Большая часть послелогов со значением пространства составляет серии, состоящие из шести членов и происходящие от одного имени; они содержат застывшие форманты шести местных падежей (инессива — *-ын*, иллатива — *-ö*, элатива — *-ысь*, эгрессива — *-сянь*, терминатива — *-öдз*, пролатива — *-öд*, *-тi*, указывающие на различные оттенки пространственных отношений: *сай-ын* 'за чем-л.', *сай-ö* 'за место, находящееся за чем-л.', *сай-ысь* 'из места, находящегося за чем-л.', *сай-сянь* 'от места, находящегося за чем-л.', *сай-öдз* 'до места, находящегося за чем-л.', *сай-öд*, *сай-тi* 'по месту, находящемуся за чем-л.').

Посессивность выражается системой лично-притяжательных суффиксов, реализующихся в лично-притяжательном склонении: *керка-ой* 'мой дом', *керка-ыд* 'твой дом', *керка-ыс* 'его дом', *керка-ным* 'наш дом', *керка-ныд* 'ваш дом', *керка-ныс* 'их дом'. Для усиления значения принадлежности употребляются также генитивные формы личных местоимений: *менам* 'мой', *тэнад* 'твой', *сылдн* 'его', *миян* 'наш', *тиян* 'ваш', *налдн* 'их', ср.: *менам керка-ой* 'мой дом'. Для выражения посессивности используется также генитив существительных: *вок-лдн керка* 'дом брата' (*вок* 'брат', *керка* 'дом', *-лдн* — суф. генитива).

2.3.5. Видовые противопоставления реализуются главным образом в выражении характера протекания действия, осуществляемого словообразовательными суффиксами, из которых наиболее продуктивные достигли универсальности маркеров категории вида. Таковы: *-ышт* (уменьшительность), *-л/-ал/-ыл/-ва*, *-ыв-* (кратковременность), *-лывл/-ывал/-лав-* (многократность). На словообразовательном уровне употребляются менее универсальные: *-ал-*, *-ась-* и др. (длительность), *-олт/-эвт-*, *-нит-*, *-окт-*, *-ост-*, *-обт-*, *-ал-* (однократность, однократно-мгновенность), *-ым-*, *-зъ/-дз-*, *-сь-* (начинательность), *-сь-* (законченность).

Залоговые противопоставления выражаются также с помощью суффиксов, достигших по некоторым значениям высокой продуктивности, что позволяет считать их маркерами категории залога. Понудительное значение выражается суф. *-од* (ср. *сёрнит-ны* 'говорить, разговаривать' — *сёрнит-од-ны* 'заставить говорить'); этот же суффикс используется и для выражения транзитивности (ср. *пуксь-ыны* 'сесть' — *пуксь-од-ны* 'посадить'). Возвратное, средневозвратное, взаимно-возвратное, страдательное значения выражаются при помощи суф. *-сь/-зъ/-ч-* (*пасьта-сь-ны* 'одеваться', *гажод-ч-ыны* 'веселиться', *паныда-сь-ны* 'встретиться', *вевты-сь-ны* 'покрыться').

Модальные значения выражаются двумя глагольными формами наклонений — изъявительной (индикатив) и повелительной (императив). Последней кроме повеления обозначаются и призыв, пожелание, допущение. Разные модальные значения выражаются также с помощью частиц и интонации.

2.3.6. Грамматическое лицо выражается личными местоимениями. В именах оно отражается в лично-притяжательном склонении, в глаголах — в личном спряжении (по трем лицам: 1-е, 2-е, 3-е), у инфинитива — в личном изменении; у безличных глаголов имеется только одна форма, совпадающая с формой 3-го лица ед. числа.

Определенность в сфере имени выражается с помощью лично-притяжательного суффикса 3-го (реже 2-го) л. ед. числа; данный суффикс, присоединяемый к существительному, по своей функции напоминает определенный артикль, ср.: *Туруныс кузь* 'Трава высокая', ср. *Туруныс налдн бур* 'У них хорошие травы'; *Черыд лодм ныж* '(Этот) топор стал тупым', ср. *Черыд ныж* 'Твой топор тупой'.

В современном К.я. грамматическое время выражается в формах настоящего, будущего и прошедшего (очевидного и неочевидного) времени глагола. Форма настоящего времени может употребляться для обозначения будущего времени и состояния действия. Относительность (релятивность) временных значений (одновременность и предшествование) выражается причастиями и деепричастиями.

Пространственная ориентация выражается отдельными местоимениями и местоименными наречиями, указывающими на близкое или отдаленное нахождения кого-, чего-л. от говорящего: *тайд* 'этот', *этайд* 'пот тот', *сийд* 'тот', *эсийд* 'вот этот', *сэтидм* 'такой (более далекий)' и др.; *тани* 'здесь', *сэтчин* 'там', *эстдн* 'здесь (ближе)' и др.

Для обозначения пространственной ориентации служат также соотносительные по значению локальные падежи и соотносительные члены послеложных серий.

Отрицание выражается с помощью частиц *абу* 'не', *не* 'не'. Они используются в предложении и при наличии отрицательных местоимений (двойное отрицание); *некодлн ниндм абу* 'ни у кого ничего нет' (*некод* 'никто', *ниндм* 'ничего'). Отрицание выражается также при помощи отрицательного спряжения (см. 2.4.0).

2.3.7. Выделяются следующие части речи: а) знаменательные — имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие; б) служебные слова: послелого, союзы, частицы и в) междометия.

Имя существительное характеризуется категориями числа, падежа, одушевленности/неодушевленности, лично-притяжательности; имя прилагательное — категориями числа, падежа, степеней сравнения; имя числительное — категориями падежа; отдельные разряды (группы) местоимений — категориями числа, лица, падежа; глагол — категориями лица, числа, времени, наклонения и менее четко выраженными категориями вида, залога; наречия — категорией степеней сравнения.

Послелого в отличие от падежных суффиксов состоят из двух и более слогов. Послелого пространственного значения, образованные от имен, сохраняют застывшие форманты пространственных падежей (см. 2.3.4).

Союзы выражают связь между отдельными словами, словосочетаниями и предложениями. По своему составу делятся на простые (*а* 'а', *но* 'но', *да* 'да' и др.) и сложные, далее — на составные и расчлененные, состоящие из двух и более слов.

Частицы К.я. делятся на препозитивные (*медся*, *бдльб* и др.) и постпозитивные (*а*, *кб*, *нд* и др.).

Служебные слова не изменяются. Исключение составляют союзные слова, в роли которых выступают относительные местоимения. Послелого, принимающие лично-притяжательные суффиксы, относятся к так называемому разряду послеложных местоимений.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Единственное число показателя не имеет. Множественное число имени существительного и числительного образуется при помощи суф. *-йас* (*-яс*), который присоединяется непосредственно к основе слова: *кар* 'город' — *кар-йас* 'городá', *тi* 'вы' — *тi-йас* 'вы'; *дас* 'десять' — *дас-йас* 'десятки'. Форма множественного числа прилагательных образуется путем присоединения суф. *-бсь*: *вына* 'сильный' — *вына-бсь* 'сильные'.

Падежные морфемы присоединяются к основе имени ед. или мн. числа: *кар* 'город' — *кар-б* 'в город', *кар-сянь* 'из города', *кар-бдз* 'до города'; *каръяс* 'городá' — *каръяс-ысь* 'из городов', *каръяс-тдг* 'без городов'.

Парадигма простого склонения существительных

Номинатив	(кто-, что-л.)	∅
Аккузатив	(кого-, что-л.)	(-бс)
Адессив/генитив	(чей-л., (у) кого-, чего-л.)	-лдн
Датив	(кому-, чему-л.)	-лы
Инессив	(где-л., в чем-л.)	-ын
Элатив	(из чего-л., откуда-л.)	-ысь

Иллатив	(во что-л., куда-л.)	- <i>ö</i>
Эгрессив	(от чего-л., откуда-л.)	- <i>сянь</i>
Аблатив	(у кого-, чего-л. (отнять))	- <i>лысь</i>
Аллатив	(по направлению к чему-л.)	- <i>лань</i>
Пролатив	(по чему-л., где-л. (двигаться))	- <i>öд, -ті</i>
Абессив	(без кого-, чего-л.)	- <i>тöг</i>
Инструменталис	((с кем-, чем-л.)	- <i>өн</i>
Терминатив	(до чего-л., докуда-л.)	- <i>öдз</i>
Комитатив	(с кем-, чем-л.)	- <i>кöд</i>
Финалис	(за кем-, чем-л.)	- <i>ла</i>

Лично-притяжательные (посессивные) суффиксы

1 л. индивидуального обладателя	- <i>öй</i>	рус.	<i>мой</i>
2 л. " "	- <i>ыд</i>	"	<i>твой</i>
3 л. " "	- <i>ыс</i>	"	<i>его</i>
1 л. коллективного обладателя	- <i>ным</i>	"	<i>наш</i>
2 л. " "	- <i>ныд</i>	"	<i>ваш</i>
3 л. " "	<i>ныс</i>	"	<i>их</i>

Множественность обладаемых выражается суффиксом общего мн. числа, который предшествует лично-притяжательному суффиксу: *книга-яс-ыд* 'твои книги', *вокь-яс-ным* 'наши братья' и др. При склонении имен лично-притяжательный суффикс стоит перед падежным суффиксом; исключение составляет лишительный падеж (абессив), в котором лично-притяжательный суффикс стоит после падежного.

Сравнительная степень у качественных прилагательных и наречий образуется при помощи суф. *-джык*, присоединяемого к форме положительной степени: *мича* 'красивый' — *мичаджык* 'красивее', *бура* 'хорошо' — *бураджык* 'лучше'. Превосходная степень образуется при помощи присоединения приставки *мед-* или частицы *медся* 'самый' к форме положительной степени: *бур* 'хороший' — *медбур* 'самый хороший', *матын* 'близко' — *медматын* 'ближе всех'; *медся еджыд* 'самый белый'.

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суф. *-öд* (*вит* 'пять' — *витöд* 'пятый', *дас* 'десять' — *дасöд* 'десятый' и т.д.), кроме *öти* 'один', *кык* 'два'; в значении 'первый' употребляются слова *первой* (*первой лун* 'первый день') и *медводдза* (*медводдза керка* 'первый дом'), в значении 'второй' — слово *мöд* (*мöд чой* 'вторая сестра'). Собирательные числительные образуются от количественных путем присоединения суф. *-нан-* (*куим* 'три' — *куимнан ёрткöд* 'со всеми тремя товарищами', *кыкнанныс* 'они оба' и др.).

Местоимения

Местоимения подразделяются на несколько разрядов: 1) личные (собственно-личные): *ме* 'я', *ми* 'мы' (1-е л.), *тэ* 'ты', *ті* 'вы' (2-е л.), *сійö* 'он, она, оно', *найö* 'они' (3-е л.); 2) усилительно-личные (лично-определяющие): *ачым* 'я сам', *ачыд* 'ты сам', *ачыс* 'он сам'; *асьным* 'мы сами', *асьныд* 'вы сами', *асьныс* 'они сами'; 3) счетно-личные: *öтнам* 'я один', *öтнад* 'ты один' и т.д.; 4) послеложно-личные: *вылам* 'на мне', *вылад* 'на тебе' и др.; 5) взаимно-личные: *öти-мöдöс* 'один другого', *öта-мöднытö* 'друг друга вы'; 6) притяжательное: *ас* 'свой'; 7) указательные: *тайö* 'этот', *этайö* 'вот этот', *эсійö* 'вот тот'; 8) вопросительно-относительные: *кодi*, *код* 'кто', *мый* 'что', *кымын* 'сколько' и др.; 9) отрица-

тельные: *некод* 'никто', *нинём*, *нинёмтор* 'ничего'; 10) неопределенные: *кодкё* 'кто-то', *мыйкё* 'что-то', *кодсюрё* 'кое-кто'; 11) обобщительно-определятельные: *став* 'весь, все', *быд* 'каждый, всякий', *мукёд* 'другие'.

Личные местоимения в основном склоняются, как имена, но некоторые падежные формы пространственного значения малоупотребительны, вместо них выступают послеложные конструкции типа: *сы пытишкё* (иллатив) 'в него' вм. *сыд*, *тэ вывти* (пролатив) вм. *тэдд* 'по тебе, через тебя' и др. Личные местоимения и в ед. числе, и во мн. числе имеют две основы — полную и краткую: в 1 и 2 л. ед. ч. *ме-*, *тэ-* и *мен-*, *тэн-*; во мн. числе: *ми-*, *ти-* и *мян-*, *тиян-*; 3 л. ед. ч. *сы-*, *сий-*, мн. ч. *на-* и *най-*. Большинство падежных форм ед. ч. и 3 л. мн. ч. образовано от краткой основы. Падежные суффиксы 1-го и 2-го л. ед. числа значительно отличаются от соответствующих суффиксов существительных, ср.: *ме* 'я', *тэ* 'ты'; генитив — *менам*, *тэнад*; датив — *меным*, *тэныд*; комитатив — *мекёд*, *тэкёд* и т.п.; *кар* 'город': генитив — *кар-лөн* 'у города', датив — *кар-лы* 'городу', комитатив — *кар-кёд* 'с городом' и т.п.

Усилительно-личные местоимения склоняются по всем падежам в ед. и во мн. числе, но редко употребляются в финалисе, инессиве, элативе, иллативе, пролативе и терминативе; они имеют три основы: *ач-*, *ась-*, *ас-*.

При склонении взаимно-личных местоимений изменяется только вторая часть: адессив — *мёда-мёдлөн* 'друг у друга (имеется)', датив — *мёда-мёдлы* 'друг другу' и т.д.

Указательные местоимения в функции существительных изменяются как существительные: *та-лы* 'этому', *та-кёд* 'с этим' и т.д.

Вопросительно-относительные местоимения *кодi* 'кто', *мый* 'что' склоняются как имена существительные. В основе падежных форм *кодi* выступает *код-*: *кодкёт* 'с кем', *кодлөн* 'чей' и т.д. Местоимение *кодi*, *код* может принимать личные показатели: *кодным* 'кто из нас двоих', *кодныд* 'кто из вас двоих', *кодныс* 'кто из них двоих'. Местоимение *кымын* 'сколько', субстантивирясь, может склоняться по падежам: *кымынлөн* 'у скольких', *кымынкёд* 'со сколькими' и др.

Отрицательные местоимения, например *некоднанным* 'никто из нас двоих', *некоднанныд* 'никто из вас двоих', *некоднанныс* 'никто из них двоих', склоняются как имена существительные: *некоднаннымсянь* 'ни от кого из нас двоих', *некоднаннымёс* 'никого из нас двоих' и др.

Неопределенное местоимение *кодкё* 'кто-то' склоняется по типу вопросительно-относительных, но суф. *-кё* (из частицы *кё*) присоединяется после падежного или личного окончания. Местоимения *кодсюрё* 'кое-как', *мыйсюрё* 'кое-что' склоняются как имена существительные: *кодсюрлы позьё* 'кое-кому можно', *вай мыйсюрё* 'привези кое-что' и т.д.

Местоимения *ставным* 'мы все', *ставныд* 'вы все' и т.п. склоняются как личные формы вопросительно-относительных местоимений: *кодным* 'кто из нас двоих', *кодныд* 'кто из вас двоих', *кодныс* 'кто из них двоих'.

Глагол

Основа глаголов при спряжении не меняется, за исключением единичных случаев со вставочными согласными типа: *лок* 'иди' — *локта* 'приду', в которых прослеживаются две основы (*лок-*, *локт-*).

Настоящее время не имеет специального показателя. Особым формантом будущего времени является окончание 3 л. ед. числа *-ас* и 3 л. мн. числа *-асё*. Формы 1 и 2 л. ед. и мн. ч. совпадают с формами настоящего времени.

Различаются две формы прошедшего времени: первое (очевидное) и второе

(неочевидно-результативное). Показателем очевидного прошедшего является *-и*, неочевидного — *-ӧм*, ср.: *аддз-и* 'я нашел', *аддз-ин* 'ты нашел', *аддз-ис* 'он нашел' и *гиж-ӧм-ыд* 'ты написал, оказывается', *гиж-ӧма-ӧсь* 'они написали, оказывается' и т.д.

Основной формой императива является форма 2 л. ед. и мн. числа: *сет* 'отдай' — *сет-ӧй* 'отдайте'; *кыскы* 'вытащи' — *кыск-ӧй* 'вытащите, оттащите'. Повелительное наклонение ед. числа выражается основой глагола или окончанием *-ы*, добавленным к основе некоторых глаголов, если она оканчивается на два согласных, ср.: *пуксь-ы* 'садись', *ветл-ы* 'сходи', но: *ворс* 'играй', *кисьт* 'вылей' и т.д. Императив кроме формы 2 л. имеет также аналитическую форму 3 л., состоящую из частицы *мед*, *медым* 'пусть', 'пускай' + форма 3 л. ед. и мн. числа настоящего и будущего времени смыслового глагола.

Оппозиция утвердительного и отрицательного спряжений реализуется по всем временам и наклонениям, кроме прошедшего неочевидного, по которому отрицание выражается при помощи неизменяемой отрицательной частицы *абу* в сочетании с личными формами смыслового глагола. Формы отрицательного спряжения состоят из двух слов: отрицательного вспомогательного глагола и следующей за ним приотрицательной формы от смыслового глагола (*ог мун* 'не пойду'). Отрицательный глагол имеет формы наклонения, времени, лица и числа, а приотрицательная форма по лицам изменяется только во мн. числе.

Парадигмы спряжения

Индикатив

Настоящее время

Утвердительное спряжение			Отрицательное спряжение		
Ед.ч.	1 л.	<i>мун-а</i>	'иду'	<i>ог мун</i>	'не иду'
	2 л.	<i>мун-ан</i>	'идешь'	<i>он мун</i>	'не идешь'
	3 л.	<i>мун-ӧ</i>	'идет'	<i>оз мун</i>	'не идет'
Мн.ч.	1 л.	<i>мун-ам</i>	'идем'	<i>огӧ мун-ӧй</i>	'не идем'
	2 л.	<i>мун-анныд</i>	'идете'	<i>онӧ мун-ӧй</i>	'не идете'
	3 л.	<i>мун-ӧны</i>	'идут'	<i>оз мун-ны</i>	'не идут'
Будущее время					
Ед.ч.	1 л.	<i>гиж-а</i>	'напишу'	<i>ог гиж</i>	'не напишу'
	2 л.	<i>гиж-ан</i>		<i>он гиж</i>	
	3 л.	<i>гиж-ас</i>		<i>оз гиж</i>	
Мн.ч.	1 л.	<i>гиж-ам</i>	'напишем'	<i>огӧ гиж-ӧй</i>	'не напишем'
	2 л.	<i>гиж-анныд</i>		<i>онӧ гиж-ӧй</i>	
	3 л.	<i>гиж-асны</i>		<i>оз гиж-ны</i>	
Прошедшее очевидное					
Ед.ч.	1 л.	<i>гиж-и</i>	'я написал'	<i>эг гиж</i>	'я не написал'
	2 л.	<i>гиж-ин</i>		<i>эн гиж</i>	
	3 л.	<i>гиж-ис</i>		<i>эз гиж</i>	
Мн.ч.	1 л.	<i>гиж-им</i>	'мы написали'	<i>эгӧ гиж-ӧй</i>	'мы не написали'
	2 л.	<i>гиж-инныд</i>		<i>энӧ-гиж-ӧй</i>	
	3 л.	<i>гиж-исны</i>		<i>эз гиж-ны</i>	

Прошедшее неочевидное

Ед.ч.	2 л.	<i>гиж-õмыд</i>	'ты, оказывается, (на)писал'	<i>абу гиж-õмыд</i>	'ты, оказывается, не (на)писал'
	3 л.	<i>гиж-õма</i>		<i>абу гиж-õма</i>	
Мн.ч.	2 л.	<i>гиж-õмныд</i>		<i>абу гиж-õмныд</i>	
	3 л.	<i>гиж-õмадьсь</i>		<i>абу гиж-õмадьсь</i>	

Императив

Ед.ч.	2 л.	<i>гиж</i>	<i>эн гиж</i>
Мн.ч.	1 л.	<i>гиж-амõй</i>	—
	2 л.	<i>гиж-õй</i>	<i>энь гиж-õй</i>

Нефинитные (инфинитные) формы глагола

В современном К.я. причастия сохраняют от глагола видовое и залоговое значения, а также управление: *котõртысь детина* 'бегущий мальчик', *котралысь детина* 'бегающий мальчик'. Причастия образуются с помощью суффиксов *-ысь* (со значением совершающего действие), *-ан* (со значением совершаемого действия: *вундан кад* 'время, когда жнут'), *-õм* (со значением совершившегося действия: *кõдзõм ыб* 'засеянное поле'), *-тõм* (со значением несовершившегося действия: *гõртõм ыб* 'невспаханное поле'). Причастия на *-ысь*, *-ан*, *-тõм* по своему значению близки к прилагательным.

Деепричастия образуются посредством суффиксов *-иг*, *-игõн*, *-õмõн*, *-тõдз*, *-тõг*, *-мõн*, у них отсутствует категория времени, но сохраняются видовое и залоговое значения и глагольное управление, ср.: *узигад* 'когда ты спал', *узышитигад* 'когда ты немного спал'; *письмотõ гижõдигад* 'когда ты заставлял писать письмо'. Они стоят ближе к наречиям, чем к глаголу.

Основная инфинитивная форма глагола образуется с помощью суф. *-ны* или *-ыны* (*гиж-ны* 'писать', *ветл-ыны* 'ходить, сходить'). Лично-притяжательная форма образуется с помощью суф. *-ным* (для 1 л.), *-ныд*, *-нытõ* (для 2 л.), *-ныс*, *-нысõ* (для 3 л.), например: *локным ог вермы* 'я не могу прийти', *локныд он вермы* 'ты не можешь прийти', *локныс оз вермы* 'он не может прийти'; *гижныдõ он куж* 'писать-то ты не умеешь', *гижнысõ оз куж* 'писать-то он не умеет'. Лично-притяжательные суффиксы инфинитива указывают на лицо субъекта или подчеркивают определенность действия.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. В К.я. словоформы строятся по агглютинативному принципу; каждый суффикс в основном имеет только одно грамматическое значение, и суффиксальные элементы располагаются последовательно, "не сливаясь" друг с другом. В именных формах падежные суффиксы занимают последнее место, перед ними располагаются лично-притяжательные суффиксы, ср.: *вокъ-яс-ным-лõн* 'с нашими братьями' (*-яс-* — суф. мн. числа обладаемого, *-ным-* — суф. 1 л. мн. числа обладателя, *-лõн* — суф. падежа). В формах глаголов на последнем месте находится личное окончание, перед ним — показатель залога и вида и т.п., ср.: *ворс-ышт-ис* 'он (немного) поиграл' (*-ышт-* — суффикс с уменьшительным значением *-ис* — окончание 3-го л. ед. числа очевидного прошедшего времени). Словообразовательные суффиксы всегда предшествуют словоизменятельному.

В формообразовании используется единственная приставка *мед-*, с помощью которой образуется форма превосходной степени (*мед-госа* 'самый жирный', *мед-тõла* 'самый ветреный' и др.).

2.5.2. Основными способами словообразования являются: 1) морфологический (аффиксация), 2) синтаксический (словосложение), 3) морфолого-синтаксический (переход из одной части речи в другую). Наиболее продуктивны первый и второй способы.

Морфологический способ словообразования заключается только в суффиксации. Многочисленны и разнообразны как отыменные, так и отглагольные суффиксы.

По синтаксическому словообразованию различаются: сочинительный и подчинительный типы. При первом образуются главным образом сложные слова изобразительного характера: *крав-крав* (карканье вороны), *тлив-тлив* (звук кулика), но: *тасьти-пань* 'столовая посуда' (букв. 'чашка-ложка'), *батьмам* 'родители' и др. При подчинительном словосложении первый компонент выступает определением ко второму компоненту (*синва* 'слеза' из *син* 'глаз' + *ва* 'вода').

К морфолого-синтаксическому способу относятся явления субстантивации прилагательных, причастий (ср.: *Озырьясыд гӧльястӧ пон туйӧ лыддисны* 'Богатые бедных за собак считали'; *Уджалысьяс водз асывнас мунисны вӧрӧ* 'Рабочие рано утром отправились в лес') и адвербиализации деепричастий (*ордтӧг сьывын* 'петь непрерывно' < 'не прерываясь').

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная. По своему составу простые предложения делятся на односоставные и двусоставные; они могут быть как распространенными, так и нераспространенными. Часты предложения, состоящие из одной финитной формы глагола, поскольку подлежащее, выраженное личным местоимением, обычно отсутствует: *Сетӧ* 'Я отдал'; *Муна* 'я иду', 'я пойду'. Из односоставных предложений безличные выражены формой глагола 3 л. ед. числа (*Зэрӧ* 'Идет дождь'; *Кынтӧ* 'Знобит', 'Подмораживает') или инфинитивным оборотом (*Колӧ вӧчны* 'Надо сделать').

Глагольное сказуемое согласуется с подлежащим в числе, с личным местоимением — также в лице. В функции сказуемого некоторые другие разряды слов также согласуются с подлежащим в числе, принимая во мн. числе суф. *-ӧсь*; к ним относятся: 1) качественные и относительные прилагательные на *-а* (*Юыс визув* 'Река быстрая'; *Юяс визулӧсь* 'Реки быстрые'); 2) причастия (*Книгаяс зэв коланадсь* 'Книги очень нужные'); 3) некоторые определительные местоимения (*Менам думьяс татшӧмӧсь* 'Мои думы таковы'); 4) существительные с сопоставительными и сравнительными послелогами, а также в инессиве и элативе (*Пуяс метр судтадсь* 'Деревья высотой с метр'; *Тайӧ уджалысьясыс Ыбысьдсь* 'Эти рабочие из Иба'); 5) наречия места (*Ми танӧсь* 'Мы здесь'); числительные на *-ӧн* (*Ми вӧлим витӧнӧсь* 'Мы были впятером') и др.

Преппозитивные определения с определяемым не согласуются (*джуджыд козьяс* 'высокие ели' < *джуджыд* 'высокий', *козьяс* 'ели'). При количественном определении определяемое находится в форме ед. числа (*дас морт* 'десять человек' < *дас* 'десять', *морт* 'человек').

Глаголы, а также отдельные имена управляют косвенными падежами и послеложными конструкциями. Имена при послелогах в большинстве случаев употребляются в номинативе: *му вылын* 'на земле' (*му* 'земля').

В определительных конструкциях определяющая часть может принимать суффикс адессива или аблатива: *батьӧн кыв* 'слово отца', *тиянысь отӧг* 'вашу (от вас) помощь'. В указанных конструкциях последовательное расположение членов обязательно, изменению подвергается последнее, определяемое слово.

Отдельные неопределительные члены предложения имеют относительно сво-

бодное расположение. Перестановка таких членов предложения может привести к появлению добавочных смысловых оттенков, к усилению или ослаблению смысловой нагрузки отдельных членов предложения, но общий смысл предложения остается прежним. Ср.: *Me муна сиктö* 'Я иду в село', *Сиктö муна ме* 'В село иду я'. Однако несмотря на возможность перестановки отдельных членов предложения, все же каждый член предложения имеет более обычное для него место. Так, в повествовательном предложении подлежащее чаще всего предшествует сказуемому (*Лэбачьяс лэбисны вöрысь* 'Птицы улетели из леса'). Определения независимо от того, выражены ли они существительными, прилагательными, причастиями, числительными или местоимениями, стоят непосредственно перед определяемым именем существительным (*Паськыд ю пöдлön* 'Вдоль широкой реки'). Исключения составляют постпозитивные определения-приложения (*Колхоз "Гöрд знамя"* 'Колхоз "Красное знамя"'). Поскольку определение с определяемым не согласуется, единство определительного словосочетания, как правило, обеспечивается лишь порядком слов: *Иван Петра пиян* 'сын Петра Ивановича' (букв. 'Иван Петра сын').

Прямое дополнение обычно располагается после сказуемого (*Илья быдöн паськöдлiс синьяссö* 'Илья даже вытарачил глаза'). Но прямое дополнение, выраженное нулевой формой аккузатива, часто ставится перед сказуемым: *Тан позö и чери вугравны* 'Здесь можно и рыбу поудить'.

Обстоятельства образа действия обычно ставятся перед сказуемым (*Луньсь лунö быдмö мяян кар* 'Изо дня в день растет наш город'), обстоятельства места располагаются перед сказуемым или после него (*Войвывьсянь кытöдчис кымöр* 'С севера поднялась туча'). Обстоятельства места, причины и цели обычно находятся в начале или в конце предложения (*Пароход локтiс войнас* 'Пароход пришел ночью'; *Повзöмыслаыс сiйö нинöм эз вермы шуны* 'С испуга он ничего не мог сказать').

Послелого следуют непосредственно за обслуживаемым словом.

Простые предложения по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные) друг от друга отличаются главным образом интонацией.

2.5.4. Для К.я. характерны сложные предложения разных типов: сложносочиненные (состоящие из двух или нескольких главных), сложноподчиненные (с одним или несколькими придаточными и главным), сложные предложения усложненного типа, состоящие из трех и более простых предложений, которые могут быть объединены сочинительной или подчинительной связью. Связь между предложениями-компонентами выражается как союзами, так и без них — с помощью интонации. В сложноподчиненных предложениях часто употребительны коррелятивные слова. Придаточные предложения по отношению к главному могут находиться в препозиции, постпозиции и интерпозиции. Союзы располагаются обычно между предложениями-компонентами, либо в начале (реже в конце) придаточного предложения (*Öni тэ гиж вокьясыды, мед локтасы карö* 'Теперь ты напиши братьям своим, чтобы они прибыли в город'; *мед* 'чтобы'; *Видзяс турунадсь, гожöмыс бур вöли да* 'Луга обильны травой, так как лето было хорошеe'). Части парных союзов располагаются в начале разных частей предложения: *Не то сьöляс чипсöны, не то мöд лэбачьяс кылöны* 'Не то рябчики пищат, не то слышны другие птицы'. Вторая часть сложных союзов обычно располагается в начале придаточного предложения, а коррелятивное слово (первая часть) в главном предложении в зависимости от смысла занимает различное место *Кымын унджык удж да тöждысьöм,*

сымын мичаджык олбмыс 'Чем больше труда и старания, тем краше жизнь' (кымын ... сымын 'чем ... тем').

2.6.0. В современном К.я. сохранилось около одной тысячи слов, унаследованных из финно-угорского языка-основы. Наряду с древнейшим пластом в лексике современного К.я. выявляются различные пласты заимствованных слов, по которым можно судить о характере и глубине контактов и о роли иноязычных народов и племен в развитии как материальной, так и духовной культуры коми.

В период отдельного развития К.я. в X—XV вв. н.э. предки коми-зырян жили в соседстве с вепсами и карелами (в бассейнах Сев. Двины, Вычегды, Выми и др.). Вепские заимствования бытуют в окраинных — западных диалектах коми-зырянского языка — удорском, вымском, нижневычегодском, лузско-летском диалектах. Заимствования из языка заволоцкой чуди (языка предков вепсов и карелов) относятся к терминологии: 1) сельского хозяйства (*агас* 'борона', *кега* 'овет соломы', *сабри* 'стог (сена)', *карта* 'дом, хозяйство', *келькан* 'ручная молотилка' и др.), 2) ткачества (*пурд* 'бёрдо', *козял* 'прялка'), 3) жилищного строительства (*вель* 'косяк', *гаридз* 'матица', *пач* 'печь'), 4) кулинарии (*калля* 'квас', *раб* 'барда (пивная дробина)', *рунь* 'жидкая каша', *люська* 'ложка', *марья*: *марья тусь* 'костяника' и др.), 5) ремесла и одежды (*вирб* 'дратва', *буркей* 'бубенчик', *яга (вонь)* 'подвязка').

2.7.0. Как уже отмечалось выше (1.2.1), в К.я. выделяются десять диалектов.

Присыктывкарский диалект, легший в основу литературного языка, занимает территорию окрестных сел и деревень г. Сыктывкара. Он относится к *v/l*-эловому и *d'/t'*-овому типу диалектов, имеет смешанный характер, поэтому отличается рядом особенностей, характерных для говоров отдельных населенных пунктов.

Нижневычегодский расположен в бассейне р. Н. Вычегды. В этом районе живет смешанное население, поэтому в данном диалекте встречаются черты, характерные как для вымского, так и для верхневычегодского диалекта. Диалекту свойственно чередование звуков *l/v* в конце слога (*kjvni* 'слышать', *kjla* 'слышу'); относится к *jt-/jd*-овой разновидности, *j* и *e* после мягких согласных переходят в *i* и *e* (*ašim* — лит. *ačym* 'я сам', *višem* — лит. *visčom* 'болезнь'), согласные *g* и *k* перед гласными переднего ряда переходят в *d'* и *t'* (*t'il* < *kil* 'кожица лука', *deb* — лит. *geb* 'мошка' и др.) и т.д.

Среднесыольский распространен в бассейне р. Средней Сысолы; с юго-запада граничит с лузско-летским диалектом, а с юго-востока — с верхнесыольским. Диалект относится к эловой и *d'-/t'*-овой разновидности; наличествует компаратив (преклюзив) на *-ša*: *Oš keińša jonžik* 'Медведь сильнее волка' (ср. сыктыв.: *Oš keińiš jonžik* и др.).

Лузско-летский распространен в бассейне р. Лузы (приток р. Юг) и в верховье р. Легки (приток р. Вятки). Диалект относится к эловому и *t'/d'*-овому типу (*puł* 'брусника', *olņi* 'жить', *kvat'* 'шесть', *sađ* 'сознание'), *j* в суф. мн. ч. *-jas* ассимилируется конечным мягким основы (*juššas* < *jušjas* 'лебеди', *račšas* < *račjas* 'печи'); суффиксом датива является *-le* (*jezle* 'людям', *mijanle* 'нам'); суффиксом комитатива *-mjd* (*simjd* 'с ним'), суффиксом терминатива *-ež* (*létjež* 'до Летки'); окончанием 3 л. мн. числа настоящего времени является *-eņe* (*mipeņe* 'идут' и др.) и т.д.

Верхнесыольский распространен в верховьях р. Сысолы и Кобры (приток р. Вятки); относится к эловому и *d'-/t'*-овому типу (*ņil* 'девушка', *kvat'* 'шесть'); имеется особая гласная фонема *ô* (о закрытое) (*roł* 'собака' — *ron*

'конец'); наличествует компаратив (преклюзив) на -ša (Me jeveša peřišžik 'Я старше его'); суффикс аллатива -leń (gortleń 'к дому') и др.

Верхневычегодский распространен в бассейне верхней Вычегды, с притоками Локчим, Вишера и др. Диалект неоднороден, по употреблению звука *l* в конце слога выделяются четыре типа говоров: эловый, вз-эловый, \emptyset /l-овый и смешанный. В \emptyset /l-овых говорах сильно развита ассимиляция смежных гласных (muun < muin 'в земле', kartaa < kartae 'в хлев', voos < vois 'из года'), остальным говорам свойственно стяжение гласных (kopen < komien 'по-коми', čarlan < čarlaen 'серпом', abeš < abueš 'их нет' и т.п.) и др.

Печорский распространен на территории верховьев Печоры до пос. Медвежской включительно; относится к эловой и d'/t-(jt)-овой разновидности; характерно сохранение мягкого *š* после звуков *t*, *d*, *č* (kjtšę — сыктыв. kjtšę 'куда', leššę — сыктыв. leššę 'спускается'); отмечаются случаи прогрессивной лабиальной ассимиляции гласным *o* звука *ę* последующего слога (gožom < gožem 'лето', omo! < ome! 'слабый' и др.); ассимиляции подвергается *j* в суф. мн. числа -jas (keščas < keščjas 'зайцы', pešjas < pešjas 'уши', kižžas < kižjas 'березы' и т.д.).

Ижемский распространен по рр. Ижме, Усе и Печоре; относится к \emptyset /l и -jt/-id (d)-овой разновидности; в первом слоге слова вместо *ę* употребляется *e* (višem < višem 'болезнь'); глаголы в 3 л. мн. числа имеют показатель -njs (munisnjs — ср. сыктыв. munisnj 'они ушли', tunasnj — сыктыв. tunasnj 'уйдут'); отрицательные глаголы имеют i-овую огласовку (ig, in, iz 'я, ты, он не' и др.) и т.д.

Вымский диалект занимает территорию р. Вымы, северного притока р. Вычегда. Как и ижемский, вымский относится к \emptyset /l-овому и -jt/-jd(d'-)овому типу коми диалектов (riu < rul 'брусника', sajd 'сознание'); отрицательные глаголы имеют i-овую огласовку; *j* в суффиксе мн. числа -jas ассимилируется предшествующим мягким согласным (dodčas < dodjas 'сани'); в эггессиве наряду с суффиксом -šan употребляется суффикс -išęž (veleş međer pomišęž 'с того конца села' и др.) и т.д.

Удорский диалект распространен на территории верхнего течения р. Мезень и верхнего и среднего течения р. Вашки, притока Мезени. Он относится к v/l-овой и -jd/-jt-овой разновидности; в первом слоге слова перед мягкими согласными часто употребляются *i* и *e* вместо звуков *j* и *ę* других диалектов (verdiš — сыктыв. verdjš 'кормилец', najteš — сыктыв. najteš 'грязный'). Суффикс мн. числа в позиции после согласных — -jes (лит. -jas): vokjes 'братья', а после гласных — -es (pešá 'поле' — pešáes 'поля'); в говоре с. Глотова показателем мн. числа является -jes/-es (mortjes 'люди', oliššes 'жители' и др.). Имеется начинательная форма глагола с суффиксом -š/-č-: šojše 'он начал есть, ест', petšę < petše 'начал выходить, выходит' и др. Суффиксом эггессива являются -šan, присущий всем диалектам коми языка, и -išęž (-iš-ęž), имеющий усиленно-выделительное значение (arišęž 'с осени', mujšęž 'с земли' и т.д.). Специфическим суффиксом прилагательных является -jem: lešjd juršijem 'с красивыми волосами' и др.

ЛИТЕРАТУРА

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки. М., 1982.

Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык.

Коми-русский словарь. М., 1961. (Объем — 25 тыс. слов.)

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарем). М., 1955.

Современный коми язык. Сыктывкар, 1955. Ч. I.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Fokos-Fuchs D.R. Syrjänisches Wörterbuch von Fokos-Fuchs Budapest, 1959 (Свыше 20 тыс. слов.)

Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1933. 65.

Uotila T.E. Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischen Abriss und etymologischen Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

Р. М. Баталова

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Коми-пермяцкий язык (К.-п.я.) — язык коми-пермяков, основного населения Коми-Пермяцкого автономного округа, расположенного на северо-западе Пермской области Российской Федерации; вариант названия языка: (коми-)пермяцкий, венг. (коми-)permják, нем. Permjäkisch, англ. Komi-Permyak.

1.1.2. К.-п.я. относится к пермской ветви финно-угорской подсемьи уральских языков и состоит в близком родстве с языками коми-зырян и удмуртов.

1.1.3. К.-п.я. распространен на территории Коми-Пермяцкого автономного округа, а также в северо-восточной части Пермской и Вятской областей Российской Федерации.

Общая численность коми-пермяков, по данным переписи 1989 г., составляет 152 тыс. чел. Из них считают К.-п.я. родным — 77.1%.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Принцип выделения коми-пермяцких диалектов — фонетический, главным образом по употреблению звуков *л* и *в*, а также по системе ударения, с учетом ряда морфологических и лексических особенностей. Различаются зловые, взовые и беззловый диалекты. Выделяются четыре наречия (диалектные группы), на территории автономного округа существуют восемь диалектов.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. К.-п.я. является языком внутринационального общения на территории Коми-Пермяцкого автономного округа; носители коми-язьвинского и верхнекамского наречий являются двуязычными (второй язык — русский); в указанных регионах К.-п.я. выполняет роль обиходного ("домашнего") языка.

1.3.2. На литературном языке в Коми-Пермяцком автономном округе ведутся передачи радио, ставятся отдельные пьесы в театре и клубах, издается художественная и учебная литература. Литературный К.-п.я. (1921) базируется на кудымкарско-иньвенском диалекте южного наречия. До 1917 г. были изданы лишь отдельные словари, учебники и переводные произведения на основе русской графики по разным диалектам и говорам К.-п.я.

1.3.3. На К.-п.я. ведется преподавание в 1—3-х классах начальной школы; как предмет он преподается в средних и восьмилетних школах, а также в педучилище в Кудымкаре и в Пермском пединституте (на коми-пермяцком отделении).

1.4.0. Письменность на К.-п.я. формировалась на основе русского алфавита с использованием диакритик — *ѓ*, сочетаний букв *дз*, *дж*, *ти* (аффрикат) и дополнительных графических условностей (напр., так наз. несмягчающее *i* — для обозначения звука [i] после парных согласных *д*, *з*, *л*, *н*, *с*, *т*).

1.5.0. Основные периоды истории К.-п.я.: 1) дореволюционный период с XVIII в. по 1917 г. 2) с 1917 г. до нашего времени. Первые отрывочные

записи (словники) относятся к середине XVIII в., первые связные тексты — к середине XIX в.

1.6.0. Воздействие внешнеязыковых факторов на К.-п.я. отразилось главным образом в лексике (см. 2.6.0.). В области фонетики продолжается усвоение русских звуков *ф, х, ц, щ, р'*; в морфологии широко употребителен суффикс относительных прилагательных *-овй* (рус. *-овый, -ая, -ое*); большинство коми-пермяков счет после десяти ведет с помощью русских числительных, которые подчиняются грамматическим законам коми-пермяцкого языка.

Употребителен заимствованный глагольный суф. *-нит* (< рус. *-нуть*) со значением мгновенности действия: *юг-нит-ны* 'блеснуть', *гым-нит-ны* 'грохнуть' и др. Довольно часто к формам мн. числа императива прибавляется элемент *-те* (< рус. *-те*): *мунамте* 'пойдемте', *мундте* 'идите' и т.д.; с глаголами инфинитивной формы употребителен суф. *-тй/-т* (< рус. *-то*), ср.: *уджавны* 'работать' — *уджавнытй* 'работать-то' и т.д.

Значение слабой просьбы выражается с помощью частицы *-ко* (< рус. *-ка*), которая может употребляться с любым глаголом императива: *вешшй-ко* 'подвиньтесь-ка', *вайй-ко* 'принесите-ка' и т.д.

Часто употребляются русские заимствованные союзы: *но* 'но', *либо* 'либо', *то ... то* 'то ... то'; *что, чтобы, кдть* 'хотя' и др.

Широкоупотребительны русские частицы: *бы, эд* 'ведь', *жй* 'же', *разь* 'разве', *сётаки* 'все-таки', *даже, не; -либо, -нибудь* (последние употребительны с некоторыми местоимениями и наречиями: *кин-либо* 'кто-либо', *мый-нибудь* 'что-нибудь' и т.д.).

По русскому образцу строятся отдельные генитивные словосочетания типа: *йёз-лён басни* в.м. *йёз басни* 'людской разговор'; встречается значительное количество калькированных оборотов.

Структура сложных предложений, в особенности сложноподчиненных, развивается под значительным влиянием соответствующих типов русских предложений.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонологическая система К.-п.я. По системе гласных и согласных современный К.-п.я. в основном совпадает с коми(зырянским).

Встречаемость гласных и согласных, по статистическим данным, в литературном К.-п.я. на сто фонемных единиц примерно составляет 41:59; по частотности гласные распределяются в следующем порядке: е, а, *й*, *и*, о, *е*, *у*; согласные — *с, п, т, м, р, л, в, ш, ч, д* и т.д.; наименее употребительны звуки: *ж, ё, д', л', ж', з, з', ф'* (меньше 1%).

2.1.2. Ударение К.-п.я. среди других пермских и финно-угорских языков занимает особое место — оно морфологизировано; наряду с этим является и фонологическим средством: местом ударения различаются не только значения слов и их оттенки, (*gōrētņ* 'вскрикнуть' и *gorētņ* 'крикнуть', *ólan* 'живешь' и *olán* 'жизнь').

2.1.3. Литературному К.-п.я. свойственно чередование звуков *л* и *в*: звук *л* появляется в середине слова перед гласным (*колд* 'нужно', ср. *ковны* 'понадобиться, быть нужным', *ветлд* 'ходит'), а перед согласными середины слова и в конце слова переходит в *в* (ср.: *ковяс* 'понадобится', *оз ков* 'не нужно'). Это чередование не распространяется на звукоподражательные слова (напр., *нязыны* 'мяукать' — *нявдстис* 'он мяукнул'), на прилагательные с суф. *-дв* (*лэзэв* 'слишком, очень синий' — *лэзэвдэв* 'слишком, очень синие'), на сложные слова (*кунва* 'щелок') и заимствованные слова (*пила, стрела, школа*).

К.-п.я. свойственна как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция со-

гласных. Звук *j* уподобляется предшествующим мягким согласным (*platʃo* < *platʃo* 'платье', *vižžez* < *vižez* 'линии'), звуку *š* (*koššini* < *košjini* 'искать'). К регрессивной ассимиляции относятся фонетические процессы частичного озвончения (*kečʒik* и *kežžik* < *keč* + *žik* 'суше') и оглушения (*kečʒis* < *keč* + *šis* 'из ели', *kjč ke* < *kjčke* 'как-то', *lijteč* < *lijdteč* 'без счета'), аффрикатизации (*garččini* < *gardčini* 'витья, сучиться'; *soččini* < *sotčini* 'гореть'), альвеолизации (*s* > *š*; *z* > *ž*: *poš šerjn* < *pos šerjn* 'посреди моста', *kjžžik* < *kjžik* 'толще'). Явления регрессивной ассимиляции в орфографии не отражаются.

2.1.4. Для К.-п.я. характерны следующие основные типы слогов: V — *a-шын* 'завтра', *y-на* 'много'; VC — *ők-ты* 'собери', *он-тəg* 'без сна'; VCC — *орс-ны* 'играть', *орт-сə* 'мимо'; CV — *са* 'сажа', *чо-жа* 'быстро'; CVC — *шор* 'ручей', *дор-ны* 'ковать'; CVCC — *варт-ны* 'забывать', *вəрт-тəg* 'без ниченок' (часть ткацкого станка) и др.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Стечения гласных и согласных в литературном К.-п.я. встречаются в основном на стыке слов и морфем (*пу-ись* 'из дерева', *ма-əн* 'медом'; *пырт-ны* 'занести'), стечение согласных в начале слова — только в звукоподражательных словах (*трин-брин* 'звон стекла', *крив-крив* 'крик журавля') и в поздних заимствованиях (*транспорт*, *комплекс*, *экскурсия* и др.).

2.2.2. Фонетические свойства корня и непродуктивных суффиксов отличаются от свойств словоизменятельных, формообразовательных и продуктивных словообразовательных суффиксов: в корневой морфеме встречаются все гласные, а в продуктивных суффиксах ограничены в употреблении звуки: *e* только в суффиксах мн.ч. -*эз* (-*ез*); *u* и *o* — только в суффиксах с уменьшительно-ласкательным значением: *каг-у* 'дитяtko', *тор-ок* 'частичка', *мəс-ок* 'коровушка' и т.д. (ср.: *тор* 'часть', *мəс* 'корова'. См. в статье "Коми-(зырянский) язык", 2.2.1), а также в суффиксе -*овəй* (< рус. -*овый*, -*ая*, -*ое*): *кəрт-овəй* 'железный', *сə-əвəй* 'глиняный' и др.

Знаменательные и служебные слова различаются по ударению: на первые падает основное ударение, на вторые — побочное, дополнительное (ср.: *əшын* 'на окне', *кəрбс сайын* 'за горой'), но чаще они безударны.

2.2.3. Вопрос о типах чередований не разработан.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Морфологический тип К.-п.я.—агглютинативный с выраженными чертами флективности, что выражается в наличии аффиксов, ничем не отличающихся от флексий флективных индоевропейских языков. Так, некоторые аффиксы, состоящие из одного звука (в разных категориях слов), могут выражать различные грамматические значения: *шогал-а* 'я болею', *гор-а* 'звонкий', *гаж-а* 'веселый, весело', *йəл-а* 'с молоком', *пол-ə* 'боится', *ва-ə* 'в воду', *мен-ə* 'меня', *сой-ə* 'моя сестра' и т.д.; некоторые суффиксы выражают одновременно несколько грамматических значений: *юр-ат* 'в твоей голове' (местный падеж, 2-е л. и ед.ч.); *кор-и* 'я просил' (I прош. вр., 1-е л. и ед.ч.); *пыр-а* 'вхожу, войду' (наст.-буд. вр., I л. и ед.ч.); *вур-сь-ыны* 'заниматься шитьем, завершение действия — о шитье'; в личных местоимениях имеются элементы внутренней флексии: *ме* 'я', *ми* 'мы', *тэ* 'ты', *тi* 'вы'.

2.3.1. Грамматические разряды слов достаточно четко разграничены; например, прилагательные и существительные расходятся по образованию формы мн. числа и словообразованию. Однако имеются отдельные общие для имен, например, черты. Когда имена используются в качестве определений, то они не изменяются: *пызан кок* 'ножка стола', *чочком юрси-а* 'со светлыми волосами', *куим юр-а* 'треугольный'. Выступая же в неопределительных функциях,

имена и местоимения склоняются (*зыртны гърд-дъз* 'тереть до красноты', *лок-тисö вит-дн* 'прибыли впятером').

Имена некоторых семантических групп, в зависимости от позиции, иногда могут выступать в роли существительного или прилагательного: *ыджыт пожум* 'высокая сосна' и *пожум пес* 'сосновые дрова', но чаще: *пожумовдй пес* (в том же значении).

К универсальным грамматическим значениям, получившим категориальное выражение, можно отнести: число, "падежность", лицо, лично-притяжательность (посессивность), степени сравнения, время, модальность; менее четкое категориальное выражение имеют одушевленность/неодушевленность, вид и залог.

2.3.2. В К.-п.я. грамматический род отсутствует. Лишь по линии вопросительно-относительных местоимений, а также при оформлении прямого дополнения имеется противопоставление по одушевленности/неодушевленности, ср.: *кин* 'кто' — относится к живым существам, *мый* 'что' — к предметам, явлениям природы и др.; *кора вон-дс* (акк.) 'приглашаю брата' — *адззи тшаак-ф* 'я нашел гриб'.

2.3.3. Грамматическое число выражается оппозицией ед. и мн. числа. Ед. число характеризуется нулевым показателем и в какой-то степени выступает в качестве абсолютного числа, поскольку некоторые имена употребляются только или чаще всего в ед. числе: *тшаак солавыны* 'солить грибы' (букв. 'солить гриб'), *ягдд сёйны* 'есть ягоды' (букв. 'есть ягоду'). Существительных, употребляемых только во мн. числе, нет. Противопоставление форм ед. и мн. числа четко выступает и в сфере глагола. Безличные глаголы употребляются лишь в ед. числе: *Сылтдтд* 'тает'; *Югдд* 'Светает'.

2.3.4. Падежные значения выражаются с помощью падежных суффиксов, а также отдельных послелогов. Формами падежа обозначается субъект, объект (прямой и косвенный), способ действия, причина, цель и т.д., а также временные и пространственные отношения (см. 2.4.0). Послелогии выполняют в основном ту же роль, что и падежные суффиксы. Большая часть послелогов со значением пространства составляют серии, состоящие из шести членов и происходящие от одного имени; они содержат застывшие форманты шести местных падежей (инессива, иллатива, элатива, эгрессива, терминатива, пролатива), указывающие на различные оттенки пространственных отношений: *увтын* 'под кем-чем-либо'; *увтд* 'под кого-чего-л.'; *увтись* 'из-под кого-чего-л.'; *увтсъянь* 'то же'; *увт-дт* 'под кем-чем-л. (пройти)'; *увт-ддз* 'под кого-чего-л. (напр., дойти)'.
 Посессивность выражается системой лично-притяжательных суффиксов, реализующихся в лично-притяжательном склонении: *сой-д* 'моя сестра', *сой-ыт* 'твоя сестра' и т.д. Для усиления значения принадлежности соответствующим формам предшествуют генитивные формы личных местоимений, ср.: (*тэнат*) *сой-ыт* 'твоя сестра'. В функции притяжательности широко используется форма родительного падежа: *вон-лдн зоныс* 'сын брата' (*вон* 'брат', *зон* 'сын', *-лдн* — суф. адессива/генитива; *-ыс* — лично-притяж. суф. 3-го л.).

2.3.5. Видовые противопоставления, которые заключаются главным образом в выражении характера протекания действия, осуществляются словообразовательными суффиксами, наиболее продуктивными из которых достигли универсальности маркеров категории вида. Таковы: *-ышт* (уменьшительность), *-л-*, *-ыв-* (однократность), *-лывл-*, *-авл-*, *-ывл-*, *-лыв-* (многократность), *-нит-*, *-двт-*, *-дст-* (мгновенность). На словообразовательном уровне употребляются менее универсальные: *-ав-*, *-ыв-*, *-ась-* (длительность), *-зь-*, *-сь-*, *-м-* (начинательность), *-сь* (законченность).

Залоговые противопоставления выражаются также с помощью суффиксов, достигших по некоторым значениям высокой продуктивности, что позволяет считать их маркерами категории залога. Побудительное значение выражается суффиксом *-од* (ср. *уджавны* 'работать' — *удж-од-ны* 'заставить работать'); этот же суффикс используется и для выражения транзитивности (ср. *пуксь-ыны* 'сесть' — *пуксь-од-ны* 'посадить'). Возвратное, средневозвратное, взаимно-возвратное, страдательное значения выражаются при помощи суффикса *-сь/-зь/-ч-*, напр.: *кора-сь-ны* 'свататься', *велод-ч-ыны* 'учиться', *лэб-зь-ыны* 'летать', *панта-сь-ны* 'встретиться'.

Модальные значения выражаются при помощи частиц, интонации, а на категориальном уровне — двумя формами наклонений: изъявительного (индикатива) и повелительного (императива).

2.3.6. Грамматическое лицо выражается личными местоимениями, отражается в лично-притяжательном склонении имен и в личном спряжении глагола (во всех трех лицах). Определенность в сфере имени маркируется посессивным суффиксом 3-го л. ед. числа, ср.: *Сувтодтомась виль керку* 'Выстроили новый дом' — *Керкуыс виль* 'Дом [этот] новый'.

Грамматическое время выражается формами настоящего, будущего и прошедшего (очевидного и неочевидного) времени глагола. Форма настоящего времени может употребляться для обозначения будущего времени и состояния действия. Относительность временных значений выражается некоторыми причастиями и деепричастиями.

Пространственная ориентация выражается местоимениями и местоименными наречиями, указывающими на близкое или отдаленное нахождение кого-чего-л. от говорящего: *эта* 'этот', *этия* 'вот этот', *сия* 'тот', *сэтидм* 'такой', *этидм* 'вот такой', *эстдн* 'вот здесь (поближе)', *татдн* 'вот тут', *сэтчин* 'вон там (подальше)' и др., а также соотносительными по значению локальными падежами и пространственными послелогами.

Отрицание выражается с помощью частиц *абу* 'не, нет', *нем (абу)* 'ничего нет', *не* 'не', которые могут быть использованы в предложениях также при наличии отрицательных местоимений. Глагольное отрицание выражается формами отрицательного спряжения (см. 2.4.0).

2.3.7. Выделяются следующие части речи: а) знаменательные: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие; б) служебные слова: послелоги, союзы, частицы и в) междометия. Основные категории частей речи совпадают с соответствующими категориями коми(-зырянского) языка.

В отличие от падежных суффиксов послелоги состоят из двух и более слогов. Послелоги пространственного значения, образованные от имен, сохраняют в застывшем виде падежные форманты пространственных падежей.

Союзы по своему составу делятся на простые (*а* 'а', *но* 'но', *да* 'да' и др.) и сложные, а также составные, парные и расчлененные.

Частицы делятся на препозитивные (*ась* 'пусть', *мед* 'чтоб') и постпозитивные (*кд*, *нд*, *дак* < рус. *так*; *бы* < рус. *бы* и др.).

Служебные слова не изменяются. Исключение составляют союзные слова, в роли которых выступают относительные местоимения.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Единственное число показателя не имеет. Множественное число имен и отдельных разрядов местоимений образуется при помощи суффикса *-эз/-ез*, который присоединяется непосредственно к основе слова: *ки* 'рука' — *киэз* 'руки', *сизим* 'семь' — *сизимез* 'семерки', *кин* 'кто' — *киннэз* 'кто (они)'. Форма мн.ч. прилагательных образуется путем присоединения суффикса *-ось*: *вына* 'сильный' — *вына-ось* 'сильные' (см. 2.3.1.).

Падежные форманты присоединяются к основе имени ед. и мн. числа: *ва* 'вода' — *ва-лань* 'к воде', *ва-от* 'по воде'; *син* 'глаз' — *синнэз* 'глаза', *синнэз-өн* 'глазами' и др. Парадигма простого склонения насчитывает 17 падежей.

Парадигма простого склонения существительных

Номинатив (кто-, что-л.)	ø
Аккузатив (кого-, что-л.)	-ос
Адессив/геитив (чей-л., (у) кого-, чего-л.)	-лөн
Датив (кому-, чему-л.)	-лө
Инессив (где-л., в ком-, чем-л.)	-ын
Элатив (из кого-, чего-л.)	-ись
Илллатив (в кого-, во что-л.)	-ө
Эгрессив (от кого-, чего-л.)	-сянь
Аблатив (у кого-, чего-л. (отнять))	-лись
Аллатив (по направлению к кому-, чему-л.)	-лань
Пролатив (через кого-, что-л.)	-от
Абессив (без кого-, чего-л.)	-тög
Инструменталис ((с) кем-, чем-л.)	-өн
Терминатив (до кого-, чего-л.)	-өдз
Комитатив (с кем-, чем-л.)	-көт
Финалис (за кем-, чем-л.)	-ла
Компаратив (по сравнению с кем-, чем-л.)	-ся

Кроме основного склонения имеется лично-притяжательное склонение.

Лично-притяжательные (посессивные) суффиксы

1 л.	индивидуального обладателя	-ө	рус.	<i>мой</i>
2 л.	" "	-ыт	"	<i>твой</i>
3 л.	" "	-ыс	"	<i>его</i>
1 л.	коллективного обладателя	-ным	"	<i>наш</i>
2 л.	" "	-ныт	"	<i>ваш</i>
3 л.	" "	-ныс	"	<i>их</i>

Множественность обладаемых выражается суффиксом общего мн. числа, который предшествует лично-притяжательному суффиксу: *ка-га-э-т* 'твои дети', *кага-эз-ныт* 'ваши дети'.

При склонении имен лично-притяжательный суффикс стоит перед падежным суффиксом, исключение составляют шесть падежей (комитатив, инессив, элатив, илллатив, пролатив и терминатив), в которых притяжательный суффикс стоит после падежного.

Степень сравнения у качественных прилагательных и наречий образуется при помощи суффикса *-жык*, присоединяемого к форме положительной степени: *веж* 'желтый' — *вежжык* 'желтее', *эна* 'сильно' — *энажык* 'сильнее'. Превосходная степень образуется при помощи присоединения приставки *мед-* к форме

положительной степени: *сьод* 'черный' — *медсьод* 'самый черный', *ылын* 'далеко' — *медылын* 'дальше всех'.

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суффиксов *-от* и *-одз* (*нэль* 'четыре' — *нэльот* 'четвертый', *вит* 'пять' — *витодз* 'пятый'); исключения: *медодзза* 'первый', *модик* 'второй', ср. *отик* 'один', *кык* 'два'. Собирательные числительные образуются от количественных путем присоединения суф. *-нан-* (*кыкнан төвнас* 'в обе зимы', *витнан чуньнас* 'пятью пальцами [он]')

Местоимения

Местоимения подразделяются на: 1) личные (собственноличные): *ме* 'я', *ми* 'мы' (1-е л.), *тэ* 'ты', *ти* 'вы' (2-е л.), *сия* 'он', *ниа* 'они' (3-е л.); 2) усилительно-личные (лично-определяющие): *ачым* 'я сам', *ачыт* 'ты сам', *ачыс* 'он сам' и т.д.; 3) притяжательное: *ас* 'свой'; 4) указательные: *этия* 'вот этот', *эта* 'этот', *этишом* 'такой', *сымда* 'столько'; 5) вопросительно-относительные: *кёда* 'который', *кыным* 'сколько', *мый* 'что'; 6) отрицательные: *некин* 'никто', *некода* 'никто, никоторый'; 7) неопределенные: *кинко* 'кто-то', *мыйко* 'что-то', *кодако* 'кто-то'; 8) обобщительно-определяющие: *быд* 'всякий, любой', *быдон* 'каждый', *быдос* 'все'.

Личные местоимения в основном склоняются как имена, однако в иллативе и пролативе в ед. числе вместо них обычно выступают послеложные конструкции типа: *сы пытшкё* вм. *сьод* 'в него', *сы вывти* вм. *сьот* 'через него' и др. Личные местоимения и в ед., и во мн. числе имеют две основы — полную и краткую: в 1 и 2 л. ед.ч. *ме-*, *тэ-* и *мен-*, *тэн-*; во мн.ч. *ми-*, *ти-* и *миан-*, *тиан-*; в 3 л. ед.ч. *сы-*, *сий-*, мн.ч. *ни-* и *ний-*. Большинство падежных форм ед. числа и 3 л. мн. числа образованы от краткой основы. Падежные суффиксы 1 и 2 л. ед. числа в адессиве/генитиве, аблативе, дативе и в аккумулятиве 3 л. ед. числа значительно отличаются от соответствующих суффиксов существительных, ср.: *ме* 'я', *тэ* 'ты'; аблатив — *менчим*, *тэнчит*; датив — *меным*, *тэныт* и т.п.; *сия* 'он'; аккумулятив — *сийо*; *сой* 'сестра': аблатив — *сой-лис* 'у сестры'; датив — *сой-ло* 'сестре'; аккумулятив — *сой-ос* 'сестру (свою вижу)' и т.д.

Усилительно-личные местоимения склоняются по всем падежам в ед. и во мн. числе, но редко употребляются в инессиве, иллативе, пролативе, терминативе; они имеют три основы: *ач-*, *ась-*, *ас-*.

Указательные, вопросительно-относительные и отрицательные местоимения в функции существительных изменяются как существительные: *эта-ло* 'этому', *эта-кот* 'с этим' и т.д. Местоимение *кёда* может принимать личные показатели к основе *кёд-*: *кёдным* 'который, кто из нас', *кёднымт* 'который, кто из вас', *кёднымс* 'который, кто из них'.

Неопределенные местоимения (*кинко* 'кто-то', *мыйко* 'что-то') склоняются по типу вопросительно-относительных, но падежное окончание вставляется между корнем и суффиксом *-ко*: *кин-ло-ко* 'кому-то'.

Глагол

Основа глаголов при спряжении обычно не меняется. Настоящее время не имеет специального показателя. Формы будущего времени для 1 и 2 л. ед. и мн. числа совпадают с соответствующими формами настоящего времени; показатель будущего времени для 3 л. ед.ч. — суффикс *-ас*, для 3 л. мн.ч. — суффикс *-асб*. Широкоупотребительно сложное будущее время, состоящее из

вспомогательного глагола *понда, мѳда* + инфинитив, например: *понда гижны* 'буду писать'.

Различаются две формы прошедшего времени: первое (очевидное) и второе (неочевидное). Показателем очевидного прошедшего времени является суффикс *-и* (*вуджи* 'я перешел' и т.д.), неочевидного прошедшего — суффикс *-ѳм* (*вайѳмат, вайѳмыт* 'ты принес, оказывается'; *вайѳм, вайѳма* 'он принес, оказывается'; *вайѳмась* 'они (вы) принесли, оказывается' (2 и 3 л. мн. числа).

Прошедшее очевидное имеет формы всех трех лиц ед. и мн. числа; прошедшее неочевидное — только формы 2 и 3 л. ед. и мн. числа.

Основой императива является форма 2 л. ед. и мн. числа; *пет* 'выйди' — *петѳ* или *петѳте* (ср. рус. *-те*) 'выходите'. Императив ед. числа выражается основной глагола или окончанием *-ы*. Его аналитический вариант состоит из частиц *ась, мед* 'пусть, пускай' и формы 3 л. ед. и мн. числа настоящего и будущего времени смыслового глагола (*ась локтѳны* 'пусть придут', *мед локтас* 'пусть придет' и т.д.).

Утвердительная и отрицательная парадигмы противопоставлены по всем наклонениям и временам, кроме прошедшего неочевидного, в форме которого используется частица *абу* + личные формы смыслового глагола.

Парадигма спряжения

Индикатив

Настоящее время

Ед.ч.	1 л.	<i>кор-а</i>	'прошу'	<i>ог кор</i>	'не прошу'
	2 л.	<i>кор-ан</i>	'просишь'	<i>он кор</i>	'не просишь'
	3 л.	<i>кор-ѳ</i>	'просит'	<i>оз кор</i>	'не просит'
Мн.ч.	1 л.	<i>кор-ам</i>	'просим'	<i>ог(ѳ) кор-ѳ</i>	'не просим'
	2 л.	<i>кор-ат</i>		<i>од(ѳ) кор-ѳ</i>	
	3 л.	<i>кор-ѳны</i>		<i>оз(ѳ) кор-ѳ</i>	

Будущее время

Ед.ч.	1 л.	<i>кор-а</i>	'попрошу'	<i>ог кор</i>	'не попрошу'
	2 л.	<i>кор-ан</i>		<i>он кор</i>	
	3 л.	<i>кор-ас</i>		<i>оз кор</i>	
Мн.ч.	1 л.	<i>кор-ам</i>	'попросим'	<i>ог(ѳ) кор-ѳ</i>	'не попросим'
	2 л.	<i>кор-ат</i>		<i>од(ѳ) кор-ѳ</i>	
	3 л.	<i>кор-асѳ</i>		<i>оз(ѳ) кор-ѳ</i>	

Прошедшее очевидное

Ед.ч.	1 л.	<i>кор-и</i>	'я просил'	<i>эг кор</i>	'я не просил'
	2 л.	<i>кор-ин</i>		<i>эн кор</i>	
	3 л.	<i>кор-ис</i>		<i>эз кор</i>	
Мн.ч.	1 л.	<i>кор-им</i>	'мы просили'	<i>эг(ѳ) кор-ѳ</i>	'мы не просили'
	2 л.	<i>кор-итѳ</i>		<i>эд(ѳ) кор-ѳ</i>	
	3 л.	<i>кор-исѳ</i>		<i>эз(ѳ) кор-ѳ</i>	

Прошедшее неочевидное

Ед.ч.	2 л.	<i>кор-ѳмыт</i>	'оказывается, ты просил'	<i>абу кор-ѳмыт</i>	'оказывается, ты не просил'
	3 л.	<i>кор-ѳма</i>		<i>абу кор-ѳма</i>	

Мн.ч.	2 л.	<i>кор-ѳмась</i>	'оказывается, вы просили'	<i>абу кор-ѳмась</i>	'оказывается, вы не просили'
	3 л.	<i>кор-ѳмась</i>		<i>абу кор-ѳмась</i>	

Императив

Ед.ч.	2 л.	<i>кор</i>	'проси'	<i>эн кор</i>	'не проси'
Мн.ч.	1 л.	<i>кор-ам</i>	'просим'	—	
	2 л.	<i>кор-ѳ</i>	'просите'	<i>эд кор-ѳ</i>	'не просите'

Нефинитные (инфинитные) формы глагола

Причастия образуются с помощью суффиксов *-ись* (с активным значением: *узись морт* 'спящий человек'), *-ан* (с пассивным значением: *кѳдзан кад* 'время, когда сеют'), *-ѳм* (со значением совершившегося действия: *гѳрѳм ыб* 'вспаханное поле'), *-тѳм* (со значением несовершившегося действия: *ытшкытѳм видз* 'нескошенный луг').

Деепричастия образуются посредством суффикса *-ик/-икѳ*, *-ѳмѳн*, *-тѳг*, *-тѳдз*, *-тѳн/-тѳнъ*; они не различаются по времени: *гѳрикас* 'когда он пахал', *гѳрышитикас* 'когда он немного пахал', *гѳрѳтикас* 'когда он заставлял пахать'.

Инфинитивная форма глагола образуется с помощью суффиксов *-ны/-ыны*: *сын-ны* 'грести', *лыддь-ыны* 'считать'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. По конструированию словоформ К.-п.я., в общем, аналогичен коми-зырянскому (см. статью "Коми(зырянский) язык"), однако по взаимному расположению падежных и посессивных суффиксов между этими языками имеются расхождения (см. 2.4.0).

2.5.2. Основными способами словообразования в К.-п.я. являются: морфологический (аффиксация), синтаксический (словосложение), конверсия. Наиболее продуктивны первый и второй способы.

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная. Часты предложения, состоящие из одной финитной формы глагола, поскольку в ней выражены лицо и число подлежащего-местоимения, последнее обычно опущено: *Локта* 'Приду'; *Вайин* 'Ты принес'. Из односоставных предложений часты безличные со сказуемым-глаголом в форме 3 л. ед. числа (*Сылѳтѳ* 'Таёт'; *Югдѳ* 'Светаёт') или инфинитивным оборотом (*Пондас зэрны* 'Пойдет дождь').

Глагольное сказуемое согласуется с подлежащим в числе (с личным местоимением) и в лице. Препозитивные определения с определяемым не согласуются (*паськыт видззез* 'широкие луга'). При количественном определении определяемое (в литературном языке) находится в форме ед.ч.: *вит ѳшын* 'пять окон' (*вит* 'пять', *ѳшын* 'окно').

Глаголы, а также отдельные имена управляют косвенными падежами. Имена при послелогах употребляются в номинативе (*кѳз увтын* 'под елью'). В притяжательных конструкциях определяющая часть (всегда препозитивная) может принимать суффикс генитива или аблатива: *айлѳн кыввес* 'слова отца', *мианлсь уджсѳ* 'нашу работу'. В таких конструкциях изменяется лишь определяемое слово (ср. *айлѳн кыввезсянь* 'из-за отцовских слов', *айлѳн кыввезись* 'из отцовских слов' и др.).

Отдельные члены предложения имеют относительно свободное расположение. Оно допустимо, например, в глагольных сочетаниях и в сочетании подлежащего со сказуемым, выраженным глаголом (*чожа керны* и *керны чожа* 'быстро сделать', *вундїссез локтѳны* и *локтѳны вундїссез* 'идут жнецы'). Несмотря на

возможность перестановки в отдельных предложениях, все же каждый член предложения имеет более обычное для него место. Так, в повествовательном предложении подлежащее чаще всего предшествует сказуемому (*Дзодзоггез уялӧны ты вылын* 'Гуси плавают на озере'). Прямое дополнение обычно располагается после сказуемого (*Воныс иньдӧс ёр* 'Брат (его) прислал известие').

Особенно примечательно то, что определения стоят непосредственно перед определяемым именем существительным (*пемыт ойӧ* 'темной ночью', *косьмӧм шор* 'высохший ручей').

Простые предложения по цели высказывания (повествовательные, вопросительные и восклицательные) друг от друга отличаются главным образом интонацией.

2.5.4. Для К.-п.я. характерны сложные предложения разных типов: сложносочиненные, сложноподчиненные (с союзами и без союзов) и сложные синтаксические конструкции. Связь между предложениями-компонентами выражается как с помощью союзов, так и без них — с помощью интонации. В сложноподчиненных предложениях употребительны коррелятивные слова. В зависимости от высказывания придаточные предложения по отношению к главному могут находиться в препозиции, постпозиции или интерпозиции. Союзы располагаются обычно между предложениями-компонентами либо в начале (реже в конце) придаточного предложения. Подчинительные союзы — *да* 'потому что', *дак* 'если', *кӧ* 'если' — обычно стоят в конце придаточного предложения: *Тӧдан кӧ, висытав выдӧбныслӧ* 'Если знаешь, Расскажи всем'; *Турунсӧ куртны эз ештӧ, зэрмис да* 'Сено сгрести не успели, так как пошел дождь'.

2.6.0. В современном К.-п.я. сохранилось около тысячи слов из финно-угорского языка-основы (см. ст. "Коми-(зырянский) язык"). В период отдельного развития К.-п.я., примерно с XII в. н.э., с начала проникновения русских новгородцев на территорию проживания коми-пермяков и в особенности после принятия христианства (1472 г.), начинается интенсивное влияние русского языка на К.-п.я. Заимствованные из русского языка слова в К.-п.я. представляют мощный пласт лексики и относятся к самым различным сферам жизнедеятельности человека.

2.7.0. Как уже отмечалось выше (1.2.1), в К.-п.я. выделяются четыре наречия.

Южное наречие распространено в бассейнах рр. Иньвы и Велвы с их притоками, за исключением бассейнов рр. Нердвы и Исыла. На данной территории проживает около 2/3 к.-п. населения. В составе южного наречия выделяются 4 диалекта: кудымкарско-иньвенский, легший в основу К.-п. литературного языка, нердвинский, нижнеиньвенский, оньковский; причем нердвинский относится к I-овому типу диалектов, а оньковский — к беззвоному, в котором звук *v* утрачивает фонематическую роль. Наречие характеризуется отсутствием /l/, разноместным характером ударения (за исключением нижнеиньвенского диалекта), его фонологизацией и т.д.

Северное наречие распространено в северной части Коми-Пермяцкого автономного округа, в бассейне р. Косы (правого притока р. Камы) и отчасти в бассейне самой Камы. В его составе можно выделить кочевский, косинскокамский, мысовский и верх-лупьинский диалекты. Все его диалекты и говоры относятся к /l/-овому типу, в них звук *v* характерен лишь для начала слова (ср. сев. *njɪ* 'дочь', *veɪ* 'лошадь', *ɫɪm* 'снег' — южн. *nɪv*, *vev*, *vɪm* и др.); процессы морфологизации ударения и возникновения системы внешнеместных падежей находятся в развитии.

Верхнекамское наречие распространено на северо-востоке Кировской области. Как и северное наречие, оно относится к I-овому типу диалектов.

Население двуязычно: основным языком общения является русский язык. Верхнекамское наречие имеет ряд черт, сближающих его с северным наречием и с языком летских пермяков коми-зырян (ср. окончания аплатива -la и -li, аблатива -liś и -liś, датива -lj и -le, комитатива -ket и -keđ, пролатива -ti; наличие суффикса прилагательных и наречий -gem: dġr 'долго' — dġrgem 'долго-вато'); вспомогательный глагол veġni 'быть' в прошедшем времени по лицам не различается (me, te, sia veġin 'я, ты, он был'; mi, ti, nia veġine 'мы, вы, они были' и др.).

Коми-язьвинское наречие (язык красновишерских пермяков) распространено в северо-восточной части Пермской области. Население двуязычно, родной язык выполняет функции "домашнего" языка. В период изолированного развития наречия выработалось значительное количество специфических черт, резко отличающих его от остальных трех наречий языка пермяков (наличие специфических гласных /ĕ, ũ, ɵ/, в аблативе окончание -lap, суф. мн.ч. -jez). Коми-язьвинское наречие по многим чертам близко примыкает к оньковскому и нижнеиньвенскому диалектам южного наречия: всем им присуща качественно-вокальная система ударения, i-овая огласовка отрицательных глаголов и др.

ЛИТЕРАТУРА

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки). М., 1982.

Коми-пермяцкий язык. Учебник для вузов. Кудымкар, 1962.

Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. (Объем около 27 тыс. слов.)

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955. Ч. 1.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957. Ч. 1.

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1963.

Майшев И.И. Грамматика коми-пермяцкого языка Л., 1940.

Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Рогов Н.А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860.

Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. (Объем около 13 тыс. слов.)

Серебрянников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

В.К. Кельмаков

УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Удмуртский язык (У.я.) — язык удмуртов, составляющих коренное население Удмуртской Республики, расположенной в Приуралье и входящей в состав Российской Федерации. До 1932 г. официальное название — вотский или вотяцкий (язык), сохранившееся в зарубежных изданиях до сих пор, ср.: венг. votják, нем. Wotjakisch, англ. Votyak.

1.1.2. У.я. вместе с коми(-зырянским) и коми-пермяцким языками составляет пермскую подветвь финно-пермской ветви финно-угорской подсемьи уральской языковой семьи.

1.1.3. Общее число носителей У.я. — 747 тыс., из них свыше 520 тыс. (69,6%) признают У.я. родным. Большинство удмуртов проживает на территории Удмуртии, незначительная часть — в отдельных районах Башкирии, Татарии, Республики Мари-Эл, Пермской, Вятской и Екатеринбургской областей Российской Федерации.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. При классификации удмуртских диалектов учитываются как морфологические (система падежей, способы выражения глагольных категорий и т.д.), так и фонетические (количество и качество гласных фонем, аффрикат и др.) и лексические особенности. В настоящее время выделяются три наречия, подразделяющиеся в свою очередь на более мелкие единицы, и группа промежуточных говоров.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. У.я. является государственным языком в пределах Удмуртии наряду с русским как языком межнационального общения, наиболее типично удмуртско-русское двуязычие (64,4% удмуртов свободно владеет русским языком), в пределах Татарии и Башкирии — удмуртско-татарское, отмечены случаи удмуртско-русско-татарского трехязычия.

1.3.2. Грамматические и частично фонетические нормы современного литературного У.я., являющегося языком общения интеллигенции, обучения в начальных классах средней школы, периодической печати, радио, телевидения, театра, художественной, небольшой научной и общественно-политической литературы, окончательно оформились в годы советской власти; они очень близки к особенностям срединных говоров, сочетающих в себе отдельные черты двух крупных наречий — южного и северного. В нем используется лексическое богатство всех основных диалектов, в особенности южных, носителями которых является большинство ведущих писателей и поэтов.

1.3.3. В удмуртских школах Удмуртии, Татарии, Башкирии и Республики Мари-Эл преподавание на У.я. ведется в начальных классах, с 4-го класса он сохраняется как предмет. В Удмуртском государственном университете, в педучилищах на У.я. ведется преподавание общих и специальных курсов по удмуртской и финно-угорской филологии. Спецкурсы по У.я. читаются в Глазовском государственном педагогическом институте и Сыктывкарском государственном университете, время от времени — в университетах Венгрии (Будапешт, Сегед, Дебрецен), Финляндии (Хельсинки, Турку, Ювяскюля).

1.4.0. Письменность на У.я. возникла в XVIII в. на основе кириллицы с добавлением для обозначения специфических фонем 5 букв с диакритикой: трех согласных (ж̣, з̣, ц̣) и двух гласных (ѳ, ѱ). Последняя буква, обозначая звук /и/, одновременно показывает твердость предшествующих согласных *д, з, л, н, с, т*.

1.5.0. В истории У.я. можно выделить следующие периоды: 1) праудмуртский с двумя подпериодами: а) ранним праудмуртским — с X в. до XIV в. и б) поздним праудмуртским — XV—XVII вв.; 2) современный — с XVIII в. до наших дней. Памятниками письменности представлен лишь последний период. Первые записи удмуртских личных имен в русской адаптации производились еще в XV—XVII вв., удмуртские слова начали фиксироваться с первой четверти XVIII в. Важнейшие памятники XVIII в. — "Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка" (СПб., 1775) и рукописный удмуртско-русский словарь, составленный З. Кротовым (около 5000 слов).

1.6.0. Внешнеязыковые контакты У.я. получили отражение прежде всего в лексике (см. 2.6.0). На грамматическом уровне имело место заимствование отдельных словообразовательных суффиксов и моделей устойчивых словосочетаний (тюркское влияние), а также материальных средств связи и отдельных типов сложного предложения (русское влияние). В послереволюционный период в систему консонантизма вошло несколько согласных фонем из русского языка (см. 2.1.1).

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонологическая система У.я. в сравнении с ее финно-угорским (уральским) состоянием претерпела существенные изменения, важнейшими среди которых являются: отпадение конечных гласных основы, утрата палатальной гармонии и появление среднерядных гласных, переход ударения на конец слова, возникновение корреляции по глухости/звонкости и распространение ее на начало слова и т.д.

В современном литературном языке система из 7 гласных фонем распределена по трем рядам и трем степеням подъема; из них веллярные являются лабиальными, остальные — иллабиальными.

Гласные

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	u /i/	ы /j/	у /u/
Средний	э /e/	о /ɛ/	о /o/
Нижний		а /a/	

Кроме того, известны четыре дифтонга: *ya* /*ya*/ — *куара* 'звук, голос', *ui* /*ui*/ — *куинь* 'три', *au* /*aɥ*/ — *тау* 'спасибо', *ou* /*oɥ*/ — *бугоу* 'пути (металлические), кандалы', *эоу* 'напильник'.

Согласных в удмуртском литературном языке 26, в русских заимствованиях встречаются еще *ʃ* /*f*/, *x* /*χ*/, *ç* /*c*/ и др., фонологический статус которых в У.я. требует дополнительного изучения (в таблице они заключены в круглые скобки):

Согласные

По способу образования		По месту образования						
		лабиальные	лабиодентальные	переднеязычные		передне-среднеязычные	среднеязычные	заднеязычные
				денготорсальные	альвеолярно-какуминальные			
Шумные	смычные	глухие	n /p/	m /t/		m̄ /t̄/		k /k/
		звонкие	b /b/	ð /d/		ð̄ /d̄/		g /g/
	аффрикаты	глухие		(ç /c/)	ç /ç/	ç̄ /ç̄/		
		звонкие			ç̣ /ç̣/	ç̣̄ /ç̣̄/		
	фрикативные	глухие	(ʃ /f/)	s /s/	ш /ʃ/	š /š/		(x /χ/)
	звонкие	v /v/	z /z/	ж /ʒ/	ž /ž/	й /j/		
Сонорные	назальные		m /m/	n /n/		ñ /ñ/		
	латеральные			l /l/		ʎ /ʎ/		
	Вибранты				r /r/			

В связанном удмуртском тексте из 100 фонемных единиц 44 составляют гласные, 56 — согласные; гласные по частотности следуют таким образом: /a, j, e, o, i, u, ɛ/; согласные — /k, s, t, n, m, l, š/ и т.д.

2.1.2. Словесное ударение в У.я. динамическое, падает, за исключением поздних русских заимствований, сохраняющих ударение оригинала, и некоторых глагольных, местоименных и наречных форм, на последний слог слова.

Гармония гласных в У.я. отсутствует.

2.1.3. Большинство гласных и согласных употребляется без ограничения

в начале, середине и конце слога и многосложного слова. Ограничения, действующие в заимствованных производных основах: 1) лабиальный гласный /u/ и (исторически лабиальный) /e/ возможны лишь в первом слоге слова; 2) в начальной позиции неупотребительны согласные /d/, ž/ и /t/; 3) согласный /v/ употребляется лишь в анлауте и др. Эти правила недействительны для поздних заимствований, сложных и звукоподражательных слов.

2.1.4. Характерна следующая фонетическая структура слогов: V — у 'грыжа', у-но 'много'; VC — *дс* 'дверь', *усь-тон* 'ключ'; VCC — *урд* 'ребро, бок', *орт-че* 'проходит'; CV — *шу* 'калина', *шу-до* 'счастливый', CVC — *выж* 'пол; мост', *выш-кы* 'кадка'; CVCC — *корт* 'железо; железный', *курт-чыны* 'укусить'. Основу слога составляют гласные фонемы, реже — немногочисленные дифтонги, ср. *куа-мын* 'тридцать' (см. 2.1.1).

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Начало и конец слова, чаще и служебной морфемы, в У.я. избегают геминат и сочетаний двух и более согласных. Последние в начале слова допустимы: 1) в заимствованиях из других языков, ср. *школа*, *штраф* (< рус.); 2) в исконных словах, где сочетание возникло в результате выпадения этимологического гласного: *трос* 'много' (*тыр* 'полный'), *крезь* 'гусли' (*кырзаны* 'петь'). В конце слова геминаты и сочетания согласных выступают в заимствованной лексике (*ватт*, *комплект*); в исконной лексике возможны сочетания "сонорный + эксплозивный": /lk/ — *чылк-чылк* 'чистый-пречистый', /rt/ — *вырт* 'ниточки (часть ткацкого стана)', /rd/ — *горд* 'красный', /rk/ — *гырк* 'дупло'; "сонорный + спирант": /rs/ — *чырс* 'кислый', /rś/ — *кырсь* 'грязь (на теле); грязный' и др.

Первичные корни У.я. чаще состоят из одного слога, реже — из двух; корней без гласного элемента (не составляющего слога) нет; трех- и более — сложные корни исторически производны или заимствованы. В большинстве случаев корень и простое слово совпадают.

Служебные морфемы, как правило, односложны (*гурт-лы* 'деревне', *паськыт-зсь* 'широкие', *пуконь-ёс-мы-тэк* 'без наших стульев' и др.). Морфемы без вокалического элемента (*кырза-сь* 'поющий; певец') и двусложные (исторически сложные) (*мыз-алэс* 'синеватый', *бусы-ысен* 'от (с) поля; в поле') единичны, однако границы слога и морфемы совпадают не всегда: *луд-ын* 'в поле' (корень *луд*, окончание инессива *-ын*), *во-жа-лэс* 'зеленоватый' (корень *вож*, суф. *-алэс*).

2.2.2. Отсутствием сингармонизма и развитого чередования гласных обуславливается относительное постоянство фонетического состава как корневой, так и служебной морфемы, а также отсутствие резкого различия между ними. Различие между знаменательным и служебным словом заключается в том, что последнее чаще безударно или имеет на себе побочное ударение.

2.2.3. Парадигматическое чередование фонем в У.я. отсутствует, имеются лишь некоторые его элементы, чаще всего вызванные ассимилятивными процессами на стыке морфем. Они, как правило, не получают письменного отражения. На письме закреплено чередование согласных по глухости/звонкости в морфемах: *-тон/-дон* (*вить-тон* 'пятьдесят' — *ныль-дон* 'сорок'), *-та/-да* (*зёк-та* 'толщиной с' — *мур-да* 'глубиной с'), *-тала/-дала* (*пась-тала* 'ширина' — *жуж-дала* 'высота') и т.д.

Частные изменения состава фонем в результате выпадения, вставки и т.д. охватывают незначительный круг лексем и вызваны сохранением различных этапов развития фонетики слова: *син* 'глаз' — *синм-ы* 'мой глаз', *сюлэм* 'сердце' — *сюлм-аськыны* 'заботиться, беспокоиться', *мыны-салды* 'вы бы пошли' — *мын-э* 'идет' и т.д.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

У.я. по типу является агглютинативным, но с некоторыми элементами флективности, находящими выражение: а) в спорадической изменчивости фонетической структуры корня (см. 2.2.3); б) в совмещении в одной морфеме нескольких грамматических значений, ср. *-э* — показатель настоящего времени, 3 лица, ед. числа глагола (*ветл-э* 'ходит'); в) в вариативности отдельных формантов, например показателя инессива *-ын/-а* (*луд-ын* 'в поле' — *луд-а-м* 'в моем поле'). Для У.я. характерен синтетизм структуры, о чем свидетельствует наличие большого количества падежей и глагольных форм. Употребление аналитических структур ограничено.

2.3.1. В современном У.я. достаточно четко разграничены имена и глаголы, дифференциация же имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений выражена менее ярко, что проявляется: 1) в употреблении одних и тех же словообразовательных суффиксов (например: *-ос* и *-эс* у имен прилагательных и существительных); 2) в однотипности склонения по падежам (см. 2.4.0); 3) в наличии большой группы слов, принадлежность которых к определенной части речи выявляется лишь контекстуально: *чебер ныл* 'красивая девушка' (*чебер* — прилагательное) — *нылэн чеберез* 'красота девушки' (существительное) — *чебер гожьяське* 'пишет красиво' (наречие). Слова этой группы в контексте выступают как: а) существительное, прилагательное или наречие (*шудыр* 'веселье', 'веселый', 'весело'); б) прилагательное или наречие (*ваз* 'ранний', 'рано'); в) наречие или послелог (*вылын* 'наверху', 'на'); г) послелог или союз (*бере* 'после', 'если'); д) союз или частица (*гинэ* 'как только', 'только, лишь; лишь только').

В У.я. категориально выражены число, лицо, падежность, посессивность, указательно-выделительность, степени сравнения, время, вид, залоги (I и II групп), наклонение, притворная модальность.

2.3.2. Грамматическая категория рода в У.я. отсутствует. Одушевленность/неодушевленность находит выражение в сочетании с падежностью: имена существительные одушевленные не склоняются по семи пространственным падежам (см. 2.4.0).

2.3.3. Категория числа в У.я. основана на противопоставлении форм единственного и множественного числа как у имен, так и у глаголов. Форма ед. числа у имен существительных обозначает единичный предмет (*писпу* 'дерево'), а контекстуально и совокупное множество однородных предметов, ср.: *Нюлэскын писпу* (форма ед. числа) *туж уно* — *кызьпулэсь вожез ёвёл* 'В лесу деревьев (мн. число) очень много — (но) зеленой березы нет'. В У.я. отсутствует группа *pluralia tantum* (если не считать нескольких случаев, возникших под влиянием русского языка: *ётёнъёс* 'призывы', *бырьёнъёс* 'выборы', *Чошатсконьёс* 'соревнования' и др.). К группе употребляемых преимущественно в форме ед. числа относятся имена существительные: а) вещественные, не поддающиеся счету (*су* 'вода', *кенъыр* 'крупа'); б) абстрактные (*зёктала* 'толщина', *дышетскон* 'учеба'); в) называющие парные части тела человека и животных и парные предметы: *син* 'глаз', 'глаза', *куас* 'лыжи'. Для выделения одного из парных предметов употребляется определитель *пал* 'половина, один из двух': *пал куас* '(одна) лыжа', *пал ки* '(одна) рука'. В устной речи, в особенности в народной поэзии, нередки случаи употребления формы одного числа вместо формы другого, ср.: *Ымъёсы кырза, сюлэмы ёрдэ* 'Рот мой ('рты мои') поет, сердце мое плачет'.

2.3.4. Совокупность падежных значений — субъектность, прямая и косвенная объектность, различные пространственные и временные отношения,

орудийность, комитативность, причина, цель, способ действия и т.д. — выражаются при помощи падежных суффиксов и многочисленных послелогов, дающих возможность предельно детализировать выражаемые ими отношения. Многие пространственные послелоги составляют серии из пяти или шести членов, снабженных формантами 5—6 локальных падежей: инессива: *ул-ын* 'под (где?)'; элатива: *ул-ысь* 'из-под'; эгрессива: *ул-ысен* '(начиная) из-под', 'будучи под'; иллатива: *ул-э* 'под (куда?)'; терминатива: *ул-озь* 'до места под'; пролатива: *ул-тй* 'под, (по месту) под' (< *ул* 'место под чем-л.').

Для выражения посессивности служит совокупность лично-притяжательных суффиксов, составляющих категорию притяжательности. Кроме того, функцию притяжательных местоимений выполняют также генитивные и аблативные формы личных и усилительно-личных местоимений: *мынам* 'мой', *тынэсьтыд* 'твоего, твой' (при аккузативе определяемого слова), *аслаз* 'его (свой)'. При этом определение, выраженное личным местоимением в форме генитива, употребляется лишь в качестве эмфазы: (*мынам*) *уж-е* 'моя работа', (*солэн*) *уж-ез* 'его работа' — *дышетйсьлэн уж-ез* 'работа учителя'.

2.3.5. Глаголы в У.я. по своему значению делятся на переходные (*нюлэс кораны* 'рубить лес') и непереходные (*изыны* 'спать', *мыныны* 'идти, ехать'). С переходностью/непереходностью глагола связана категория залога, выражающая с помощью соответствующих морфем отношение действия к его субъекту и объекту. В У.я. выделяются две группы залогов: 1) действительный и возвратный, 2) непонудительный и понудительный. Действительный залог не имеет специального показателя; возвратный залог образуется от формы действительного при помощи аффикса *-(и)ськы/-скы*: *дйсья-ны* 'надеть, одеть' — *дйсья-ськы-ны* 'одеться'. Страдательные конструкции для У.я. малохарактерны, и страдательное значение глаголов на *-(и)ськы* может быть квалифицировано как контекстуальное проявление возвратного залога. Вне залоговых (I группы) противопоставлений находятся непереходные, безличные глаголы и такие, которые без суффикса *-(и)ськы* не употребляются. Формы понудительного залога образуются от основ как переходных, так и непереходных глаголов с помощью морфемы *-ты*; понудительный залог предполагает наличие двух объектов: объекта понуждения и объекта, на который направлено действие глагола: *Мон тиме книга лыдэйтй* 'Я моего сына заставил (понудил) (про)читать книгу'. Рассмотрение понудительного и непонудительного залогов в одной плоскости с залогом действительным и возвратным, как принято в грамматиках У.я., затруднительно, ибо: 1) они образуются различными морфемами; 2) залогом одной группы накладываются на залогом второй, ср.: *дышеты-ны* 'учить' (действ., непонуд.) — *дышет-скы-ны* 'учиться' (возвр., непонуд.) — *дышеты-ты-ны* 'заставить учить' (действ., понуд.) — *дышет-скы-ты-ны* 'заставить учиться' (возвр., понуд.); 3) глаголы понудительного залога выражают иные отношения между действием, с одной стороны, и субъектом и объектом — с другой, нежели глаголы залога I группы.

Категория вида, свойственная для У.я., дает количественную характеристику действию, выраженному глаголом: при помощи соотносительных форм обозначает, совершается ли действие один раз (или состоит из одного акта) либо много раз (или состоит из множества актов). В зависимости от этого выделяется однократный вид, имеющий нулевую морфему (*шуккыны* 'ударить', *кырзаны* 'петь; пропеть, спеть'), и многократный, отмечаемый суффиксами *-лы* (I спр.) и *-лля* (II спр.): *шуккы-лы-ны* 'ударять', *кырза-лля-ны* '(с)петь (неоднократно)'. Значение завершенности/незавершенности действия выражается в У.я. не категориально, а при помощи лексических и синтаксических средств.

Модальные значения в глаголе выражаются тремя способами: 1) категорией притворной модальности; 2) формами трех наклонений; 3) различными лексическими элементами. "Притворные" глаголы, выражающие фиктивность, мнимость, видимость совершения действий или их маломерность, образуются от основы глагола, выражающей непритворную модальность, при помощи сложного суффикса *-(э)мъяськы* или *-мтэяськы* либо аналитически путем сочетания причастия на *-(э)м* или *-мтэ* основного глагола со вспомогательными *карыны* 'делать', *карыськыны* 'делаться', *луыны* 'быть'; *паймыны* 'удивиться, удивляться' (непритв.) — *пайм-емъяськы-ны*, *паймем карыны (луыны)* 'притворяться удивленным, притворно удивиться'. За пределами категории притворной модальности стоит сравнительно небольшая группа глаголов, обозначающих физические, химические и физиологические процессы, которые непосредственно независимы от субъективной воли индивида, ср. *пересьмыны* 'стареть', *бездыны* 'лечь, обесцветиться' и др.

В У.я. три наклонения: индикатив, императив и кондиционал. Реальность протекания (непротекания) действия, процесса, наличия (отсутствия) состояния до, в период или после момента речи выражается индикативом. Нереальность действия (процесса, состояния) через побуждение к нему, просьбу, требование, приказание выполнить (не выполнить) его, в придаточных предложениях цели — нацеленность действия — выражается формой императива. Кондиционал выражает такое нереальное действие, которое говорящий считает предполагаемым, желаемым, возможным или обусловленным каким-либо другим действием. Оттенки желаемости могут быть выражены и аналитическим путем сочетания отглагольного имени на *-(э)м* с глаголом *потэ* 'хочется' (< 'выходит'), ср.: *(мынам) сиеме поте* 'мне хочется есть; я хочу есть'.

2.3.6. Грамматическое лицо говорящего (1 л.), собеседника (2 л.) и объекта речи (3 л.) выражается лексически (личными, усилительно-личными, взаимно-личными и некоторыми определительными местоимениями) и морфологически (лично-притяжательными суффиксами в именной сфере и личными окончаниями в сфере глагольного спряжения).

Определенность / неопределенность в сфере имени существительного проявляется в основном лишь при обозначении прямого объекта: определенный прямой объект выражается оформленным винительным падежом существительного, неопределенный — неопределенным, совпадающим с номинативом, ср.: *кылбур лыдзыны* '(про)читать стихи' — "*Мемиелы*" *кылбур-ез лыдзыны* '(про)читать стихотворение "Матери"'. Определенность спорадически может быть отмечена лично-притяжательным суффиксом 2 или 3 л., напр.: *шунды-ед жуужа* 'солнце-то (< 'солнце твое') восходит'.

Грамматическое время в сфере глагола выражается временными формами: четырьмя простыми (настоящего, будущего, прошедшего очевидного и прошедшего неочевидного) и четырьмя сложными (I и II плюсквамперфекта, прошедшего длительного и прошедшего многократного). Однако эти глагольные формы обозначают не абсолютное, а относительное время, соотношенное с моментом речи. Релятивный характер такого времени особенно отчетливо проявляется в соотношении временных планов частей сложного предложения, в причастиях и т.д.

Указание и пространственная ориентация осуществляются указательными местоимениями, местоименными наречиями и указательными частицами, последовательно выражающими противопоставление близости предмета (количества, качества) его отдаленности или нахождению вне поля зрения говорящего: *та* 'этот (здесь)' — *со* 'тот (дальний или невидимый)', *таче* 'такой (здесь)' — *сыче*

'такой (там или невидимый)', *тамында* 'столько (здесь)' — *сомында* 'столько (вдали или вне поля зрения)', *татын* 'здесь' — *отын* 'там', *тани* 'вот (здесь)' — *тйни* 'вон (там)', *таззы* 'так (здесь)' — *оззы* 'так (там вдали или вне поля зрения)'.
 Слествами отрицания служат отрицательные местоимения и местоименные наречия (*нокин* 'никто', *ноку* 'никогда'); при глаголах — отрицательные вспомогательные глаголы, имеющие неполные формы изменения по наклонениям, временам, лицам и числам: *эн (сыл)* 'не (стой)', *уз (сылз)* 'не (будут стоять)', *од (сыл)* 'ты не (стоял)'; при имени — *овдл* 'нет, не имеется' (план настоящего времени), *ой вал* 'не было, не имелось' (план прошедшего времени), *уз лу* 'не будет' (план будущего времени). Приглагольное отрицание употребляется и при наличии в предложении отрицательных местоименных слов: *нокин (но) нокутчы оз ветлы* 'никто никуда не ходил'.

2.3.7. В У.я. традиционно выделяют десять частей речи: а) знаменательные (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие); б) служебные (послелог, союз, частица); в) междометие. В некоторых грамматиках У.я. в отдельную часть речи выделены модальные слова.

Имя существительное обладает категориями числа, падежа, лично-притяжательности; имя прилагательное — категориями степеней сравнения, указательно-выделительности, числа, падежа; имя числительное — категориями указательно-выделительности, числа, падежа; местоимения различных групп — категориями падежа, лица, числа, указательно-выделительности; глагол — категориями залога, вида, притворной модальности, наклонения, времени, лица, числа. Служебные слова и междометия не изменяются, помимо послелогов, которые, принимая лично-притяжательные суффиксы, переходят в разряд послеложно-личных местоимений, и союзных слов, функции которых выполняются относительными местоимениями. В сочетаниях имени с послелогом наблюдаются случаи переноса притяжательного суффикса (иногда и показателя мн. числа) имени на послелог: *ждк-ез вылын/ждк выл-а-з* 'на его столе'; *Гырдалтоз ужшиед чебер капка азь-ёс-а-д* (Из народной песни) 'Заржет жеребец перед твоими красивыми воротами'.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Множественное число имен существительных обозначается при помощи суффикса *-ос* (после гласных) и *-ёс* (после согласных): *ты-ос* 'озера', *возь-ёс* 'луга'. Так же образуется форма мн. числа у имен прилагательных, некоторых местоимений и числительных, употребляющихся в речи без определяемого слова (*гордь-ёс* 'красные', *витетй-ос* 'пятые (классы)') или снабженных указательно-выделительным суффиксом: (*чеберь-ёс-ыз сяськаос* '(те) красивые цветы'). При факультативном согласовании с определяемым словом во мн. числе имя прилагательное принимает суффикс *-эсь*: *чебер-есь сяська-ос* 'красивые цветы', *корка-ос жужыт-эсь* 'дома высокие'.

Ниже приводятся падежные окончания основного склонения, включающего 15 падежей, а через косую черту — падежные форманты склонения существительных с притяжательным суффиксом, если они не совпадают с первыми:

Номинатив (кто-, что-л.)	Ø
Аккузатив (кого-, что-л.)	-Ø, -эз (-ез)/-э(-е), -эс
Генитив (чей-л., (у) кого-, чего-л.)	-лэн

Датив (кому-, чему-л.)	-лы
Инессив (где-л., в чем-л.)	-ын/-а-
Элатив (из чего-л., откуда-л.)	-ысь/-ысьт-
Иллатив (во что-, куда-л.)	-э(е), -ы/-а-
Эгрессив (от чего-л., откуда-л.)	-ысен
Аблатив (у кого-, чего-л. (отнять))	-лэсь
Аллатив (по направлению к чему-л.)	-лань
Пролатив (по чему-л., где-л.)	-эти (-етй), -ти
Абессив (без кого-, чего-л.)	-тэк
Инструменталис ((с) кем-, чем-л.)	-эн (-ен), -ын
Терминатив (до чего-л., докуда-л.)	-озь (-ёзь)
Адвербиалис (в соответствии с кем-, чем-л.)	-я

Неодушевленные имена существительные склоняются по всем падежам, одушевленные — по восьми субъектно-объектным (см. 2.3.2).

Имена прилагательные и числительные в функции определения склоняются по типу склонения существительных с притяжательным суффиксом 3 л., если они имеют указательно-выделительный суффикс.

Лично-притяжательные (посессивные) суффиксы

Один обладатель

	Одно обладаемое (мой)	Много обладаемых (мои)
1 л.	-э, -ы (-ым/-м)	-ы (-ым/-м)
2 л.	-эд, -ыд (-ыд/-д)	-ыд (-ыд/-д)
3 л.	-эз, -ыз (-ыз/-з)	-ыз (-ыз/-з)

Много обладателей

	Одно обладаемое (наш)	Много обладаемых (наши)
1 л.	-мы (-м-)	-мы (-м-)
2 л.	-ды/-ты (-д-/-т-)	-ды/-ты (-т-)
3 л.	-зы/-сы (-з-/-с-)	-зы/-сы (-с-)

В скобках даны менее употребительные варианты: суффиксы *-ым, -м, -ыд* и т.д. (один обладатель) характерны преимущественно для форм пространственных падежей; суффиксы *-м-, -д-/-т-* и т.д. (много обладателей) употребляются лишь в формах аккузатива. Суффиксы *-ы, -ыд* и *-ыз* (один обладатель — одно обладаемое) сочетаются с небольшой группой имен существительных, обозначающих части тела или стороны предмета, родственные отношения, внутренние или внешние свойства человека и некоторых живых существ.

Категория указательно-выделительности (контрастивности), характерная для имен, выступающих в атрибутивной функции, выражается суффиксами *-эз/-ез* (в именах в ед. числе) и *-ыз* (мн. число): *куёо скал* 'пестрая корова' — *куёо-ез скал* '(именно) пестрая (среди всех прочих) корова', *витетй класс* 'пятый класс' — *витетй-ез класс* '(именно) пятый класс'.

Средством выражения сравнительной степени имен прилагательных и некоторых наречий служит суффикс *-гес*, изредка *-гем*: (*горд-гес/горд-гем* 'краснее', *пичи-гес/пичи-гем* 'меньше'); превосходная степень выражается лишь аналитически — при помощи усилительной частицы *самой* 'самый' (*самой чебер* 'самый красивый') или конструкций типа: *ваньмызлэсь капчи* 'легче всех' (*ваньмызлэсь* 'всех'). Высшая степень качества (вне сравнения с аналогичным качеством другого предмета) выражается у прилагательных цветообозначения путем редупликации основы, у других семантических групп прилагательных — аналитически,

с помощью слов-усилителей типа: *туж* 'очень', *укыр* 'весьма, слишком', *ортчит*, *лекос* 'весьма' и др.: *горд-горд* 'красный-красный', *туж паськыт* 'очень широкий', *ортчит (лекос) секыт* 'весьма (слишком) тяжелый'.

Для образования порядковых числительных к основе количественного присоединяется суффикс *-эти* (-*эти*): *вит-эти* 'пятый', *дас-эти* 'десятый'. Порядковое числительное со значением 'первый' образуется супплетивно, ср. *одиэ* 'один' — *нырысетий* 'первый'; однако в сочетании с десятками, сотнями и т.д. выступает стандартная форма *одиэ-эти* 'первый': *дас одиэетий* 'одинадцатый', *вительтон одиэетий* 'пятьдесят первый'. Собирательные числительные образуются от основы количественных при помощи суффикса *-на* (+ лично-притяжательный суффикс): *витель-на-мы* 'мы пятером', *ныль-на-зы* 'они вчетвером'. Дробные числительные образуются от количественных посредством суффикса *-мос*: *сизыым укмысмос* 'семь девярых'.

Местоимения

Из 9 разрядов местоимений наиболее древними, первичными, являются в У.я. личные (*мон* 'я', *тон* 'ты', *со* 'он, она, оно', *ми* 'мы', *ти* 'вы', *соос* 'они'), указательные (*та* 'этот' — *со* 'тот', *таче* 'такой (здесь)' — *сыче* 'такой (дальний, невидимый)', *тамында* 'столько (здесь)' — *сомында* 'столько (там, вне поля зрения)') и вопросительные (*кин?* 'кто?', *кинъэс?* 'кто (мн. число)?', *мар?* 'что?', *маос/маръэс?* 'что (мн. число)?', *кыче?* 'какой?', *көнъ?* 'сколько?', *куд(из)?* 'который (из)?'). Остальные 6 разрядов образованы на основе первичных или от других частей речи. От вопросительных местоимений образованы следующие разряды:

а) отрицательные — с помощью приставки *но-*: *нокин* 'никто', *номыр* 'ничто, ничего', *нокыче* 'никакой', *нокөнъ* 'нисколько' и др;

б) неопределенные — с помощью приставки *оло-* или частицы *ке*: *олокин*, *кин ке* 'кое-кто, кто-то, кто-нибудь, кто-либо', *олокыче*, *кыче ке* 'какой-то, какой-нибудь, какой-либо, кое-какой' и др.;

в) определительные — с помощью приставки *коть-*: *котькин* 'каждый; всякий', *котькыче* 'любой' и др. Сюда же относятся еще и местоимения, образованные от других основ: *ваньмы* 'все мы', *быдэс* 'весь, целый', *мукет*, *музон* 'другой' и др.

От древней субстантивной основы со значением 'душа, дух, двойник' образован разряд усилительно-личных местоимений: *ачим* 'я сам', *ачид* 'ты сам', *ачиз* 'он сам, она сама, оно само', *асьмеос* 'мы сами', *асьтэос* 'вы сами', *асьсэос* 'они сами'.

На основе данного разряда, в свою очередь, формировался разряд собственно притяжательных местоимений: *ас* 'свой', *асьме* 'свой (наш)', *асьтэ* 'свой (ваш)', *асьсэ* 'свой (их)'.

Взаимно-личные местоимения образуются путем повтора числительного *ог* (*одиэ*) 'один' с последующим наращением либо к первому, либо ко второму компоненту соответствующего лично-притяжательного суффикса: *ог-огмылы* (*одиэ-огмылы*), *огмылы-огмы* (*одиэ-огмылы-огмы*) 'мы друг другу', *огмесыз-огмы*, *ог-огмесыз* 'мы друг друга' и т.д.

Склонение местоимений-существительных, куда относятся личные, усилительно-личные, взаимно-личные, часть указательных, вопросительных, определительных, неопределенных и отрицательных, совпадает (за некоторыми исключениями) со склонением одушевленных существительных, а местоимения-прилагательные и местоимения-числительные склоняются как имена прилагательные.

Глагол

Глагол в У.я. имеет два спряжения: I — с полной основой на *-ы-*: *вайы-ны* 'приносить', *улы-ны* 'жить', II — с основой на *-а-*: *кора-ны* 'рубить', *кеся-ны* 'рвать' (в парадигмах личные окончания глаголов II спряжения даются за косой черточкой). У глаголов I спряжения одни формы образуются от полной основы (*кошкы-са* 'уходя', *кошкы-салды* 'вы бы ушли'), другие — от краткой (усеченной) основы без *-ы* (*кошк-е* 'уходит', *кошк-оз* 'уйдет', *кошк-иды* 'вы ушли', *кошк-ись* 'уходящий').

Поскольку отрицание глагольного действия в финитных формах производится с помощью отрицательного вспомогательного глагола, способного изменяться по некоторым категориям (см. 2.3.6), отрицательные формы основного глагола не совпадают с соответствующими утвердительными формами.

Парадигмы спряжения

Индикатив

Настоящее время

	Утвердительные формы		Отрицательные формы
--	----------------------	--	---------------------

Ед. число

1 л.	<i>-исько/-сько</i>	уг	<i>-иськы/-ськы</i>
2 л.	<i>-исько-д/-сько-д</i>	уд	<i>-иськы/-ськы</i>
3 л.	<i>-э/-ф</i>	уг	<i>-ф/ф</i>

Мн. число

1 л.	<i>-исько-м(ы)/-сько-м(ы)</i>	ум	<i>-иськ-е(лэ)/-ськ-е(лэ)</i>
2 л.	<i>-исько-ды/-сько-ды</i>	уд	<i>-иськ-е(лэ)/-ськ-е(лэ)</i>
3 л.	<i>-о/-ло</i>	уг	<i>-о/-ло</i>

Прошедшее время очевидное

Обозначает действие, состоявшееся до момента речи и одновременно выражает его определенность (очевидность для говорящего), образуется с помощью суффикса *-и* (от краткой основы глагола I спр.) или *-ф* (от глаголов II спр.).

	Утвердительные формы		Отрицательные формы
--	----------------------	--	---------------------

Ед. число

1 л.	<i>-и/-й</i>	дй	<i>-ф</i>
2 л.	<i>-и-д/-д</i>	дд	<i>-ф</i>
3 л.	<i>-и-з/-з</i>	дз	<i>-ф</i>

Мн. число

1 л.	<i>-и-м(ы)/-м(ы)</i>	дм	<i>-э(лэ)/-лэ</i>
2 л.	<i>-и-ды/-ды</i>	дд	<i>-э(лэ)/-лэ</i>
3 л.	<i>-и-зы/-зы</i>	дз	<i>-э(лэ)/-лэ</i>

Прошедшее время неочевидное

Наряду с перфектным значением имеет оттенок неопределенности действия, протекавшего без присутствия говорящего, без его участия.

	Утвердительные формы		Отрицательные формы
--	----------------------	--	---------------------

Ед. число

1 л.	<i>-иськем/-ськем</i>		<i>-иськымтэе/-ськымтэе</i>
2 л.	<i>-эм-ед/-м-ед</i>		<i>-мтэ-ед</i>
3 л.	<i>-эм(-ээ)/-м(ээ)</i>		<i>-мтэ(ез)</i>

Мн. число

1 л.	-иськем-мы/-ськем-мы	-иськымтэ-мы/-ськымтэ-мы
2 л.	-иллям-ды/-ллям-ды	-иллямтэ-ды/-ллямтэ-ды
3 л.	-иллям/-ллям	-иллямтэ/-ллямтэ

Отрицательная форма может быть выражена и аналитически — с помощью препозитивной модальной частицы *övdä* 'не' (+ утверд. форма).

Будущее время

Образуется при помощи суффиксов *-о* (I спряжение) и *-ло* (II спряжение), не сохраняющихся в отрицательных формах.

Утвердительные формы

Отрицательные формы

Ед. число

1 л.	-о/-ло	уг	-∅
2 л.	-о-д/-ло-д	уд	-∅
3 л.	-о-з/-ло-з	уз	-∅

Мн. число

1 л.	-о-м(ы)/-ло-м(ы)	ум	-э(лэ)/-лэ
2 л.	-о-ды/-ло-ды	уд	-э(лэ)/-лэ
3 л.	-о-зы/-ло-зы	уз	-э(лэ)/-лэ

Сложные формы прошедшего времени

Образуются сочетанием всех четырех простых временных форм с застывшими формами *вал* и *вылэм* вспомогательного глагола *вылыны* 'быть':

1) первый плюсквамперфект (прошедшее очевидное в сочетании с *вал*): *со лыдэиз/дэ лыдэы вал* 'он читал/не читал (когда-то)';

2) второй плюсквамперфект (прошедшее неочевидное в сочетании с *вал*, *вылэм*): *со лыдэем/лыдэымтэ вал* 'он читал/не читал (когда-то)', *со лыдэем/лыдэымтэ вылэм* 'он читал/не читал, оказывается (когда-то)';

3) прошедшее длительное (настоящее время в сочетании с *вал*, *вылэм*): *со лыдэе/уг лыдэы вал* 'он читал/не читал (в то время, когда началось другое действие)', *со лыдэе/уг лыдэы вылэм* 'он читал/не читал, оказывается (в то время, когда началось другое действие)';

4) прошедшее многократное (будущее время в сочетании с *вал*, *вылэм*): *со лыдэоз/уз лыдэы вал* 'он читает/не читает, бывало'. Сложные временные формы в сочетании с *вылэм* 'оказывается' имеют дополнительный оттенок неочевидности.

Императив

2-е лицо ед. числа не имеет специального показателя и совпадает с основной формой глагола II спряжения (*вера-ны* 'сказать' — *вера* 'скажи'); у глаголов I спряжения — с полной основой, если в ней имеется сочетание согласных (*ветлы-ны* 'ходить' — *ветлы* 'ходи'), в остальных случаях — с краткой (*сылы-ны* 'стоять' — *сыл* 'стой'). Мн. число образуется при помощи суффикса *-э(-лэ)* (I спр.) или *-лэ* (II спр.): *мын-э(лэ)* 'идите', *вера-лэ* 'скажите'. Ударение во всех случаях переносится на первый слог многосложного глагола. Отрицание осуществляется посредством отрицательного вспомогательного глагола *эн*: *эн ужа* 'не работай', *эн мынэ(лэ)* 'не идите', *эн кырзалэ* 'не пойте'.

Формы 1 и 3 лица не стандартны и восходят к соответствующим формам

изъявительного (1 л., мн. число) или ныне исчезнувшего желательного наклонения (3 л. ед. и мн. число): *мыноме* 'пойдемте', *мед мыноз* 'он пусть пойдет', *медаз (медам) мынэ(лэ)* 'они пусть не идут'.

Кондиционал

Образуется с помощью суффикса *-сал*, присоединяемого к (полной) основе глагола: *лукуы-сал-мы* 'мы сидели бы'. Употребление личных суффиксов в ед. числе факультативно.

	Ед. число	Мн. число
1 л.	<i>-сал</i>	<i>-сал-мы</i>
2 л.	<i>-сал-ыд (-сал-θ)</i>	<i>-сал-ды</i>
3 л.	<i>-сал (-сал-ыз)</i>	<i>-сал-зы</i>

Отрицание выражается во всех лицах и числах при помощи препозитивного отрицательного глагола *йй* 'не': *мон йй корасал* 'я нарубил бы', *соос йй корасалзы* 'они не рубили бы'.

Инфинитивные формы глагола

В современном У.я. употребляются девять форм причастий, из которых шесть имеют общее утвердительное значение, три — отрицательное. Соотношение между ними следующее: на *-(и)сь* — на *-(и)сьтэм*: *лыдэ-ись* 'читающий' — *лыдэ-исьтэм* 'не читающий'; на *-(э)м*, *-(э)мын* — на *-мтэ*: *лыдэ-ем* 'прочитанный', '(про)читавший', *лыдэ-емын* 'прочитан' — *лыдэ-мтэ* 'не прочитанный, не (про)читавший', 'не прочитан'; на *-(о)н*, *-(о)но*, *-мон* — на *-(о)нтэм*: *лыдэон (книга)* '(книга) для чтения', *лыдэ-оно (книга)* '(книга), которую предстоит (нужно) читать', *лыдэ-мон (книга)* '(книга) достойная чтения' — *лыдэ-онтэм (книга)* '(книга), которую не нужно (не стоит, не предстоит) читать', '(книга) недостойная того, чтобы ее (про)читали'. Все причастия, за исключением на *-(э)мын*, имеющего предикативное употребление, склоняются подобно именам прилагательным.

Из девяти деепричастных форм шесть имеют общее утвердительное значение, три — отрицательное; они соотносятся следующим образом: на *-са* — на *-тэк*: *кельты-са* 'оставляя, оставив' — *кельты-тэк* 'не оставляя, не оставив'; на *-(э)мен/-(э)мысь* — на *-мтэен/-мтэысь*: *зор-емен/-зор-емысь* 'из-за того, что шел дождь' — *зор-мтэен/зор-мтэысь* 'из-за того, что не шел дождь'. Деепричастия на *-ку* (*мыны-ку(м)* 'когда (я) шел'), *-тозь* (*вуытозь (-ам)* 'пока (я) не дошел'), *-мон* (*жады-мон* 'до устали') не имеют соотносительной пары среди деепричастий с отрицательным значением. Формы деепричастий на *-ку*, *-(э)мен*, *-(э)мысь*, *-мтэен* и *-мтэысь* способны сочетаться с лично-притяжательными суффиксами, а формы на *-тозь* и *-мон* — с лично-притяжательными суффиксами и окончанием иллатива.

Инфинитив имеет суффикс *-ны*: *улы-ны* 'жить', *турна-ны* 'косить'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Для словоформ агглютинативного У.я. характерно последовательное соединение постфиксальных служебных морфем, число которых как в именах, так и глаголах может доходить до пяти и выше, ср.: *дйс-я-ськы-л-эмьяськы-ты-л-й-з-ы* '(множественно) заставляли притворно (множественно) одеваться', где *дйсь* — корень со значением 'одежда', *-а* (орфографически *-я*) — отыменный глагольный словообразовательный суффикс, *-ськы* — суффикс возвратного залога, *-л* — суффикс многократного вида (многократность совершения действия), *-эмьяськы* — (сложный!) суффикс притворной модальности, *-ты* — понуди-

тельного залога, *-л* — многократного вида (многократность понуждения), *-й* — прошедшего времени, *-з* — 3-го лица, *-ы* — мн. числа. В именных словоформах показатель числа, как правило, предшествует падежным и лично-притяжательным суффиксам. В субъектно-объектных падежах притяжательные суффиксы обычно располагаются перед падежными, а в пространственных — после падежных (имеются исключения). В глагольных словоформах суффиксы общих (непредикативных) категорий (залога, притворной модальности, вида) предшествуют суффиксам частных (предикативных) категорий (наклонения или времени, лица, числа). Приставки (их всего три: *коть-*, *оло-* и *но-*) используются лишь в сфере местоимений и местоименных наречий (см. 2.4.0). Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным. Морфологически аномальных разрядов слов нет.

2.5.2. В У.я. новые слова образуются тремя основными способами: 1) морфологическим (аффиксацией); 2) синтаксическим (словосложением); 3) морфолого-синтаксическим. Морфологический способ представлен преимущественно суффиксацией, функционирующей в образовании всех знаменательных частей речи и послелогов. Посредством префиксации образуются от вопросительных местоимений и местоименных наречий другие разряды (2.4.0 и 2.5.1).

Словосложение происходит по двум типам: сочинительному и подчинительному. При сочинении сочетаются компоненты: а) с синонимичной или близкой семантикой (*ю-нянь* 'хлеб в зерне' < *ю* 'хлеб, жито' и *нянь* 'хлеб'), при этом один из компонентов может и не иметь самостоятельного употребления (*чыры-пыры* 'мелочь', **чыры-*); б) с антонимичными значениями (*анай-атай* 'родители', т.е. 'мать' + 'отец') и т.д. Подобные образования выступают в обобщающем значении.

В словосложении подчинительного типа первый компонент является определением второго: *мумыкор* 'матица' ('мать' + 'бревно'), *курадзыны* 'мучаться, страдать' ('горечь' + 'видеть') и др. В обоих случаях связь между компонентами осуществляется посредством примыкания.

Морфолого-синтаксический способ представлен преимущественно субстантивацией прилагательных и причастий (*гордьёс* 'красные', *дышетйсь* 'учитель' < 'обучающий'), переходом деепричастий в наречия (*дытыса* 'торопливо' < 'спеша'), союзы (*иуыса* 'что', 'чтобы' < 'говоря') и послелоги (*луыса* 'из-за, вследствие' < 'будучи') и др.

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная. По своей структуре простые предложения делятся на двусоставные (личные) и односоставные (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и номинативные).

В двусоставных простых предложениях подлежащее может выражаться не только именами и местоимениями, но и некоторыми глагольными формами. Глагольное сказуемое согласуется с подлежащим в числе (с личным, усиленно-личным и др. местоимением в функции подлежащего и в лице). В числе согласуется с подлежащим и сказуемое, выраженное именем прилагательным: *Коркаос жужытэсь* 'Дома высокие'. Именное составное сказуемое в настоящем времени употребляется чаще всего без связки; в других же временных формах присутствие последней обязательно: *Мон дышетйсь (луыско)* 'Я учитель', но: *Мон дышетйсь луо* 'Я стану учителем'; *Мон дышетйсь вал* 'Я был учителем'.

Глагольные и некоторые именные формы управляют косвенными падежами или послеложными сочетаниями. Послелог сочетается, как правило, с основной формой опорного слова.

В определительных словосочетаниях определение обычно примыкает к опре-

деляемому слову, однако встречается факультативное согласование в числе: *секыт(эсь) шепьёс* 'тяжелые колосья'; или обязательное в числе и падеже — при определении с указательно-выделительным суффиксом: *секыть-ёс-ыз-лы шепь-ёс-лы* 'тяжелым колосьям' (см. 2.4.0). В притяжательных конструкциях определение стоит в генитиве (в большинстве случаев) или аблативе (при аккумулятиве определяемого слова), определяемое слово снабжается лично-притяжательным суффиксом: *адями-лэн уж-ез* 'труд человека', *адями-лэсь уж-з-э* 'труд (акк.) человека'.

Порядок слов в удмуртском простом предложении регулируется следующими правилами: 1) грамматически ведущее слово занимает конечную позицию по отношению к зависимым (группу подлежащего замыкает подлежащее, группу сказуемого — сказуемое, причастные, деепричастные отглагольные обороты — причастие, деепричастие, отглагольное имя); 2) второстепенные члены предложения, поясняющие имя или глагол, предшествуют поясняемым членам предложения; 3) группа сказуемого обычно следует за группой подлежащего. Однако эти правила (в особенности последнее) действуют скорее как тенденция, нежели как строгий закон.

По цели высказывания простые предложения делятся на повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные. Различия между ними проявляются в интонации, в употреблении форм глагола и частиц. Для выражения вопроса кроме интонации служат вопросительные местоимения и местоименные наречия (иногда в сочетании с вопросительной частицей -о) и частица -а, которая обычно следует за логически ударным словом: *Кытын-о вал тон?* 'Где ты был?'; *Толон-а вуид?* 'Вчера ли ты приехал?'; *Толон вуид-а?* 'Приехал ли ты вчера?'

2.5.4. Для У.я. характерны сложные предложения всех типов: сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные и смешанного типа. Для связи частей используются помимо интонации союзы и союзные слова. Придаточные предложения располагаются перед главным, после него или в его середине. Однако употребительность сложноподчиненных предложений в речи, в особенности устной, ограничена в У.я. за счет синонимичных им простых предложений с различными субъектными и бессубъектными оборотами, ср.: *Куке шунды жужаз, турнасьёс возь вылын вал ини* 'Когда солнце восходило, косари были уже на лугу' (придаточное времени *куке шунды жужаз* без ущерба для смысла может быть заменено деепричастным (*шунды жужаку*) или отглагольным (*шунды жужан дырья*) оборотом).

2.6.0. У.я. унаследовал от прапермского периода свыше полутора тысяч исконных и заимствованных корнеслов, из них свыше 400 восходят к более ранним — уральскому, финно-угорскому, финно-пермскому — периодам.

Важнейшим источником обогащения лексики У.я. служили заимствования из других языков. Среди них значительный пласт составляют слова болгарского происхождения, проникшие в У.я. в VII—XIII вв. и обозначающие: 1) предметы быта и домашнего обихода (*буко* 'дуга', *энер* 'седло', *юбо* 'столб', *кубо* 'прялка'), 2) предметы и культуры земледелия (*бусы* 'поле', *культо* 'сноп', *куро* 'соллома', *тысь* 'зерно'), 3) общественно-политические явления (*бускель* 'сосед', *кузё* 'хозяин', *кун* 'государство'), 4) отношения родства и свойства (*ака* 'старшая сестра', *бече* 'родственник', *кудо* 'сват'), 5) диких и домашних животных и птиц (*кеч* 'заяц', 'коза', *чипы* 'цыпленок', *арлан* 'хомяк', *чана* 'галка'), 6) предметы одежды и ее частей (*буртчин* 'шелк', *сюлык* 'головной убор замужней женщины'), 7) религиозно-мифологические понятия (*сьблык* 'грех') и др.

Влияние татарского языка на У.я. продолжалось с XIII до середины XVI века, а на южные и некоторые периферийные диалекты вплоть до наших дней. Свыше 1200 корней татарского происхождения относятся: 1) к бытовой и хозяйственной лексике (*азбар* 'двор', *пияла* 'стекло', *арьян* 'пахта', *бакча* 'огород', *дага* 'подкова'), 2) к социально-экономической лексике (*адями* 'человек', *базар* 'базар, рынок', *пайда* 'польза, выгода'), 3) к абстрактной лексике, характеризующей человека, обозначающей понятия о времени, о пространстве (*батыр* 'сильный', *кас* 'коварный, злой', *дан* 'слава, честь', *кайгу* 'горе', *али* 'сейчас', *ялан* 'всегда', *чер* 'болезнь') и др.

Русские заимствования, относящиеся к самым различным сферам быта, хозяйственной, культурной и духовной жизни удмуртского народа, по-видимому, начали проникать в У.я. в XIII—XIV вв., их приток значительно усилился после вхождения удмуртов в Русское государство (1558 г.). Через русское же посредство пришла в У.я. и интернациональная лексика различного происхождения.

2.7.0. В У.я. выделяют три наречия и группу промежуточных говоров (см. 1.2.1.)

Северное наречие (сев.) распространено в северных (Ярском, Глазовском, Красногорском, Юкаменском, Балезинском, Кезском, Игринском, Дебесском) районах УР и сопредельных районах Вятской области. В отличие от южного наречия оно характеризуется: а) наличием 20 падежей вместо 13—15 в южном наречии; б) употреблением суф. /-tj/ в аккузативе мн. числа — южн. /-jz/; в) показателями элатива и эгрессива /-jś/ и /-jšen/ — южн. /-iś/ и /-išen/; г) деепричастными суффиксами /-ku/, /-ččož/ — южн. /-kj/, /-tož/, п.-ю. /-kâ/, /-tož, -toś/; д) отсутствием фонемы /ŋ/: /bam/ — южн., п.-ю. /baŋ/ 'щека'; е) сохранением в ряде корней гласного /j/ перед палатальными согласными: /piž/ — южн., п.-ю. /piž/ 'мука'; ж) велярностью согласных /t/, /d/ и /n/ после гласного /i/: /kin/ — южн., п.-ю. /kiñ/ 'кто', /gid/ — южн., п.-ю. /gid/ 'хлев'; з) фиксацией в отдельных глагольных формах ударения на предпоследнем слоге: /uža'dj/ — южн. /užadj/ 'вы работали'; и) употреблением в двух десятках корней начального сочетания /ɕa-/ вместо /va-/: /ɕaž/ — южн. /važ/ 'рано' и т.д.

Южное наречие (южн.), четко противопоставленное северному, членится на центральный (центр.) диалект (Алнашский, Граховский, Киясовский, частично Можгинский и Малопургинский районы Удмуртской Республики) и периферийно-южный (п.-ю.). Последний занимает южную периферию удмуртской языковой области (Бавлинский, Кукморский, Мамадышский районы Татарии, Мари-Турекский — Республики Мари-Эл, Малмыжский — Вятской области, Янаульский, Калтасинский, Бураевский, Татышлинский — Башкортостана, Куединский — Пермской области и Красноуфимский — Екатеринбургской области). Во многом совпадая на морфологическом уровне с центральным диалектом, фонетически отличается от последнего (следовательно, и от северного наречия и срединных говоров) в следующем: а) в системе вокализма функционируют 8-10 гласных фонем (в сев., ср., южн. — 7), в качестве восьмой, характерной для всех его диалектов, выступает фонема /ù/, в отдельных наличествуют еще и /ä/ и /ə/: /kùs/ — сев., южн., ср. /kus/ 'поясница', /ädämi/ — сев., южн., ср. /adämi/ 'человек', /væg/ — южн., сев., ср., закам. /vir/ 'кровь'; б) фонема /ɕ/ употребляется в огубленном варианте — /ò/: /òs/ — сев., южн., ср., закам. /ɕs/ 'дверь'; в) сохранились в основном лишь две аффрикаты (в сев., южн., ср. — 4); г) анлаутный согласный /j-/ перешел в /d'-/ или /ʒ'-/: /d'ól/, /ʒ'ól/ — сев., южн., ср. /jël/ 'молоко'; д) смычные /t, d, k, g/ и другие перед сонорными и некоторыми звонкими заменились гортанным смычным /'/:

/pə'me/ — сев., южн., ср. /pjdme/ 'мою ногу', /ve'le/ — сев., южн., ср. /vetle/ 'ходит' и др.

Срединные говоры (ср.), сочетающие в себе отдельные особенности северного наречия с южноудмуртскими диалектными чертами, расположены в средних (Селтинском, Сюмсинском, Вавожском, Шарканском, Якшур-Бодьинском, Завьяловском, частично Можгинском и Малопургинском) районах Удмуртской Республики.

Носители бесермянского наречия проживают попеременно с северными удмуртами в Балезинском, Глазовском, Ярском, Юкаменском районах Удмуртии и Слободском районе Вятской области. Для него характерны: а) шестигласная система вокализма (фонема /e/ > /e:/ /kes/ — сев., ср., южн., закам. /kēs/, п.-ю. /kòs/ 'сухой'); б) употребление /â/ вместо /i/ в сев., южн., ср. /j/ в закам., /ù/ в п.-ю.: /tâs/ — сев., южн., ср. /tuš/, закам. /tjš/, п.-ю. /tûš/ 'борода'; в) ярко выраженная палатализация велярных /t/, /d/ и /n/ в соседстве с переднерядными гласными /i/, /e/; г) наличие горланного смычного согласного /ʔ/; д) замена этимологических шипящих /ž/ и /š/ свистящими /z/ и /s/: /gâžâ/ (вместо /giži/, /gâžâ/ других диалектов) 'ноготь', 'коготь', /saj/ (вместо /šaj/ других диалектов) 'кладбище'. В области морфологии северноудмуртские черты (наличие двадцати падежей; показатели элатива и эгрессива /-âš/ и /-âšep/) сочетаются с некоторыми южными (деепричастный суффикс /-kâ/).

ЛИТЕРАТУРА

Алатырев В. И. Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1959. Т. 1.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1932. (Около 15000 слов.)

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1948.

Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962; Синтаксис простого предложения. Ижевск, 1970; Синтаксис сложного предложения. Ижевск, 1974.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Ижевск, 1981.

Тепляшина Т. И. Удмуртский язык // Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. III. С. 261—280.

Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки М., 1976.

Удмуртско-русский словарь. М., 1948. (Около 15000 слов.)

Удмуртско-русский словарь. М., 1983. (Около 35000 слов.)

Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск, 1982.

Munkácsi B. A votják nyelv szótága. Budapest, 1890—1896.

УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

К.Е. Майтинская

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Венгерский язык (В.я.) — язык венгров, основного населения Венгрии, расположенной в Средней Европе. Реже употребляется вариант названия: мадьярский язык (по самоназванию венгров *magyar*). Иноязычные соответствия: нем. *Ungarisch*, англ. *Hungarian*.

1.1.2. В.я. — это отдельная подветвь угорской ветви финно-угорской подсемьи уральской семьи языков. С венгерским в наиболее близком генетическом родстве состоят мансийский (вогульский) и хантыйский (остяцкий) языки, составляющие другую, обско-угорскую, подветвь угорской ветви.

1.1.3. В.я. распространен прежде всего в Венгрии (свыше 10 млн.) и Румынии (около 2 млн.). Сотни тысяч венгров проживают в бывшей Чехословакии и Югославии, десятки тысяч — в Австрии, 171,4 тыс. — в бывшем СССР (в основном в Закарпатской обл. Украины — данные 1989 г.), 93,9% считают венгерский язык родным. Из стран, отдаленных от Венгрии, куда венгры эмигрировали в XIX—XX вв., следует отметить США, Канаду, и Австралию. Общая численность венгров — 14—15 млн.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Традиционно венгерские диалекты и диалектные группы классифицируются по фонетическому принципу, например по наличию/отсутствию или функциональной нагрузке употребления определенных фонем. Так, особенно принимается во внимание соотношение в использовании гласных: открытого /ε/, полузакрытого краткого /e/ и полузакрытого краткого огубленного /ö/; исходя из этого выделяются диалекты: 1) /ε/-кающие, в которых имеются /ε/ и /ö/, но нет /e/: /εmbεr/ 'человек', /εsεm/ 'я ем', /öreg/ 'старый'; 2) /e/-кающие, для которых характерно наличие фонем /ε/, /ö/, а также /e/; последняя произносится в определенных словах или морфемах вместо /ε/: /εmbεr/, /εsεm/, но /öreg/; 3) /ö/-кающие, в которых вместо /e/, характерного для /e/-кающих диалектов, обычно произносится /ö/: /εmbör/, /ösöm/, /öreg/. Наряду с учетом этих и других фонетических особенностей при классификации диалектов во внимание принимаются также морфологические, синтаксические и лексические особенности.

Принято выделять восемь венгерских диалектов (см. 2.7.0), но в последнее время намечается тенденция и к более дробному делению говоров.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. В.я. является государственным языком Венгрии. Носители В.я. в городах и крупных населенных пунктах (частично и в деревнях) стран, соседних с Венгрией, в основном двуязычны; вторым языком для них служит государственный или другой язык соответствующей страны, например: в Австрии — немецкий, в Российской Федерации и на Украине — русский или украинский, в Румынии — румынский; двуязычна и большая часть венгров, проживающих в США, Канаде, Австралии и ряде европейских стран, отдаленных от Венгрии.

1.3.2. Венгерский литературный язык в Венгрии функционирует как основное средство общения для всех культурных слоев общества, как язык обучения, общественно-политической жизни, науки, средство массовой информации, кино,

театра, художественной литературы. Венгерский литературный язык формировался главным образом на основе северо-восточного диалекта. Первый существенный этап унификации норм венгерского литературного языка относится к XVI—XVII вв. Ему предшествовал длительный период развития вариантов письменности на базе нескольких диалектов.

1.3.3. В учебных заведениях Венгрии преподавание ведется на В.я.; в подобной же функции используется В.я. во многих средних и некоторых высших учебных заведениях (или в отдельных секциях таких заведений) в тех регионах стран, окружающих Венгрию, где венгры живут компактными группами. В ряде других стран (например, в США, Канаде, Бразилии, Уругвае, Швейцарии, Бельгии) функционируют субботние или воскресные (или приуроченные к другим дням) школы, где детям венгров преподается родной язык. Преподаванию В.я. большое внимание уделяется в соответствующих институтах научных центров финно-угроведения: Москва, С.-Петербург, Таллинн, Тарту, Хельсинки, Турку, Стокгольм, Упсала, Берлин, Геттинген, Мюнхен, Гамбург, Париж, Блумингтон и др.

1.4.0. Письменность формировалась на основе латиницы с использованием некоторых дополнительных приемов: сочетания двух буквенных знаков для обозначения некоторых фрикативных и аффрикат, а также палатальных согласных — *sz/s/*, *cs /č/*, *ny /ñ/*, обозначения долготы гласных одной или двумя косыми черточками над буквой — *ó /õ/*, *ü /ű/*, обозначения долготы согласных удвоением соответствующей буквы — *ll*.

1.5.0. Основные периоды истории В.я.: 1) старовенгерский — с X в. до 1526 г., представленный рукописными отрывочными и связными памятниками, а также списками слов; 2) средневенгерский — с 1526 до 1772 г. (до начала эпохи Просвещения); 3) нововенгерский — с 1772 г. до наших дней. Первые отрывочные памятники (отдельные слова — личные имена, топонимы, этнонимы, — вкрапленные в иноязычные тексты) относятся к X в., первый связный текст ("Надгробная речь" религиозного содержания) — к XII в.

1.6.0. Воздействие внешнеязыковых факторов на В.я. реализовалось в основном на уровне лексики — по линии заимствования слов, главным образом из тюркских, славянских и немецкого языков. Из особенностей грамматического порядка можно отметить развитие аналитических глагольных форм, характеризующихся сочетанием изменяющегося смыслового компонента с неизменяемым вспомогательным (тюркское влияние), развитие ряда индивидуальных типов словосложения и управления (немецкое влияние), заимствование некоторых словообразовательных суффиксов.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонологическая система В.я. в известной степени удалилась от состояния финно-угорской или уральской системы. Наиболее существенные инновации: отпадение конечных гласных у двусложных основ, появление оппозиции кратких и долгих гласных фонем (по другому мнению, оппозиция по долготе была исконной), появление лабиальной гармонии гласных (наряду с древним палатально/велярным типом), появление лабиальных гласных */â/*, *ö*, звонких согласных *b, d, g*, ларингальной *h*, спиранта *f*.

Для современного В.я. характерна оппозиция кратких и долгих фонем, что релевантно для всех согласных, а из гласных для пар: */i — î, ü — ű, ö — õ, u — ű, o — õ/* (остальные гласные либо кратки, либо долги). Примечательно противопоставление гласных низкого и нижнего подъема.

В нижеприведенных таблицах в косых скобках финно-угорской транскрипцией

уточнены только те фонемы, которые в орфографическом письме имеют специфическое изображение.

Гласные

Подъем	Ряд			
	передний		задний	
	иллабиальные	лабиальные	ыллабиальные	лабиальные
Верхний	i, i, /i/	ü, ü̃ /ǖ/		u, ú /ü/
Средний	é /ē/	ö, ö /ō/		o, ó /ō/
Низкий	e /e/			a /ā/
Нижний			á /ā/	

Согласные

По способу образования		По месту образования						
		билабиальные	лабио-дентальные	переднеязычные		палатальные	велярные	ларингальные
				дентально-альвеолярные	госталь-веолярные			
Шумные	смычные	p, b		t, d		ty gy /t' /d' /	k, g	
	аффрикаты фрикативные			c dz /z/	dzs/ʒ/	cs /č' /		h
		f, v		sz /s/, z	s zs /ʒ/ /ʒ/	j		
Сонорные	назальные	m		n		ny /ń/		
	латеральные			l				
	вibrанты			r				

В графах слева приведены глухие, справа звонкие согласные. Долгие фонемные соответствия кратких согласных в таблице не приведены; они имели бы изображения типа ll /l̄/, tt /t̄/ и т.д.

По статистическим данным, полученным анализом разных текстов, на сто фонемных единиц В.я. приходится 42 гласных и 58 согласных; по частотности гласные располагаются в следующем порядке: e /e/, a /ā/, o и т.д., согласные — t, l, n, k и т.д.

2.1.2. В В.я. словесное ударение динамического типа, фиксированное; оно падает всегда на первый слог слова, независимо от того, является ли он корневым или префиксальным.

Реализуются две разновидности прогрессивной вокальной гармонии: 1) по широкому противопоставлению переднерядных (палатальных)/заднерядных (велярных) гласных; 2) по ограниченному противопоставлению нелабиальных/лабиальных гласных. Первая разновидность основана на определяющей роли вокализма первого корневого слога; если он переднеряден, то, в общем, переднеряден и вокализм последующих слогов, в том числе и суффиксов, большинство из которых уподобляется в двух вариантах (передне- и заднерядном) вокализму основы слова: kert-ben 'в саду', ház-ban 'в доме', szép-ség 'красота', jó-ság 'доброта'. Суть второй разновидности вокальной гармонии заключается

в оппозиции двух типов переднерядных гласных — неогубленных/огубленных. Поэтому и в данном случае используются два варианта суффиксов с переднерядным гласным: с огубленным и неогубленным вокализмом — *tükör-höz* 'к зеркалу', *kert-hez* 'к саду' (ср. еще третий вариант по первой разновидности вокальной гармонии: *ház-hoz* 'к дому'). Первая разновидность вокальной гармонии распространяется на большинство суффиксов, вторая реализуется выборочно.

Долготная оппозиция гласных и согласных имеет фонологическое (смыслоразличительное) значение: *öt* 'пять' — *ót* 'его', *var* 'рана' — *varr* 'он шьет', *ülő* 'сидящий' — *ülő* 'наковальня'.

2.1.3. Краткие и долгие гласные, а также краткие согласные с некоторыми ограничениями могут употребляться в начальной, серединной и конечной позициях. Из ограничений разных типов наиболее существенны: 1) долгие (геминированные) согласные не употребляются в начальной позиции; 2) сочетания согласных в начале слова встречаются только в звукоподражательных и иностранных словах, в том числе и именах собственных иностранного происхождения — *prűszköl* 'фыркает', *Klára* 'Клара' (имя собственное).

2.1.4. Слог начинается с одного гласного или одного краткого согласного. Характерны следующие структурные типы слога: *V*, *Ű* — *e* 'этот', *i-de* 'сюда', *ő* 'он', *ó-ra* 'часы'; *VC*, *ŰCC* — *ok* 'причина', *ős* 'предок'; *VĈ*, *ŰĈ* — *edd* 'ешь', *áll* 'он стоит'; *VCC*, *ŰC* — *olt* 'он тушит', *élt* 'он жил'; *CV*, *CV* — *le* 'вниз', *fá-ra* 'на дерево'; *CVC*, *CŰC* — *fej* 'голова', *vár* 'крепость'; *CVC*, *CŰC* — *varr* 'он шьет', *lőtt* 'он стрелял'; *CVCC*, *CŰCC* — *folt* 'заплата', *várt* 'он ждал'. Участие гласного является непременным условием слогообразования; поскольку настоящих дифтонгов в В.я. нет, количество слогов слова идентично количеству гласных в его составе: *ked-vez-mé-nyes* 'льготный'; исключения — отдельные иностранные слова: *au-to-ma-ta* 'автомат'; в интервокальной позиции долгие согласные выступают как геминаты и распределяются по двум слогам: *állam* > *ál-lam* 'государство'.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Фонологическое противопоставление корневого слова и суффикса заключается прежде всего в постоянном вокализме первого и непостоянном — второго, поскольку суффиксы по вокальной гармонии уподобляются корневому слову (исключения имеются). Таким образом, вокальная гармония в принципе выступает как показатель границ простого слова или границ компонентов сложных слов (вокальная гармония действует в пределах компонентов сложных слов): *haza/szeretet* 'любовь к родине' < *haza* 'родина' + *szeretet* 'любовь'.

2.2.2. Существенная оппозиция корневых и некорневых морфем заключается в том, что первые состоят по меньшей мере из одного слога, суффиксальные же морфемы могут и не образовывать слогов, то есть не содержать гласных: *barna* 'коричневый' — *barná-k* 'коричневые', *barná-s* 'коричневатый'; *kér* 'он просит' — *kér-j* 'проси', *kér-t* 'он просил'. Однако нередко между суффиксами и основами используются "соединительные гласные" (обычно восходящие к утраченной конечной гласной основы, см. 2.1.1): *lakó* 'житель' — *lakó-k* 'жители', но *vár* 'крепость' — *vaf-ak* 'крепости'; *szürke* 'серый' — *szürké-s* 'сероватый', но *zöld* 'зеленый' — *zöld-es* 'зеленоватый'. Знаменательные и служебные слова различны по ударению: первые имеют словесное ударение, вторые почти всегда безударны или отмечены лишь слабым ударением.

2.2.3. Из ассимилятивных изменений, касающихся фонем и действительных в основном на стыках морфем и компонентов сложных слов, а также на месте соединения слов в потоке речи, наиболее общим является озвончение или оглушение согласного под воздействием соответственно последующего звонкого или глухого согласного: *gépgyár* > *gépgyár* 'машиностроительный завод', *gép-be* > *géb-be*

'в машину' (gér 'машина', gyár 'завод', -be — суф. иллатива), elnök beszél > elnök beszél 'председатель говорит'; dobszó > dopszó 'барабанный бой', dob-tól > dop-tól 'от барабана' (dob 'барабан', szó 'звук', -tól — суф. аблатива), vagy 'он оставляет' — haty-tam 'я оставил'. Позиционные изменения указанных типов в орфографии не отмечаются. Некоторые менее общие типы изменения фонем — выпадение, чередование, слияние — охватывают только небольшие группы гласных и согласных и часто связаны с определенными микропарадигмами или моделями словообразования: álom 'сон' — álm-om 'мой сон', álm-os 'сонный'; ló 'лошадь'; lov-ak 'лошади', lov-as 'всадник'; üt-ni 'ударить' — üss 'ударь' (см. также 2.4.0).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

В.я., в общем, сохранил агглютинативный тип, унаследованный от протоуральского или протофинно-угорского языка, но ему присущи и некоторые элементы флективности (см., например, 2.2.3 об изменениях основ). Аналитические структуры в В.я. представлены ограниченно. Вследствие высокой степени синтетизма часто употребляются простые слова, состоящие из многочисленных морфем, нанизанных друг на друга в строгом порядке: tel-het-etlen-ség-é-ben 'в его ненасытности' (tel- 'наполниться', -het- и -etlen- глагольные словообразовательные суффиксы, выражающие возможность и изъятельность, -ség- — словообразовательный суф. абстрактных имен, -é- — лично-притяжательный суф., -ben — падежный суф. инессива).

2.3.1. В современном В.я. грамматические разряды слов разграничены в достаточной степени. Тем не менее довольно существенны грамматические сходства у имен разных категорий (к ним можно отнести и некоторые группы местоимений), так как они принимают одинаковые падежные и числовые суффиксы. Не считая некоторых исключений и ограничений семантического порядка, имена всех категорий изменяются только в неопределительных синтаксических функциях или в функциях постпозитивных определений; в качестве препозитивных определений они неизменяемы: a város-ok nagy-ok 'города большие', a város-ok ilyen-ek 'города таковы'; nagy város-ban 'в большом городе', három város-ban 'в трех городах', ilyen város-ban 'в таком городе', három-ban még nem volt villamos 'в трех (городах) еще не было трамвая'. Особенно много соприкосновений имеется между существительными и прилагательными; однако они существенно разграничены по линии словообразования. Имена определенных семантических групп в зависимости от их позиции в словосочетаниях могут выступать в функции то существительных, то прилагательных: tiszta arany 'чистое золото' — arany karkötő 'золотой браслет'. Значительны грамматические сходства между прилагательными и причастиями; имеются отдельные сходства между глаголами и именами. Знаменательные и служебные слова, особенно имена и послелого, разграничены также нечетко.

Из универсальных грамматических значений категориальное выражение получили: число, лицо, падежность, посессивность, определенность/неопределенность, степени сравнения, время, модальность.

2.3.2. В В.я. грамматического рода нет, другие типы категориальной качественной классификации также отсутствуют. Однако по линии некоторых групп местоимений выявляются оппозиции классов человек/не человек: вопросительное местоимение ki? 'кто?' относится только к человеку, mi? 'что?' — к вещам, животным, явлениям; номинативные формы личных местоимений: ő 'он, она, оно', ők 'они' указывают только на человека, при указании же на не человека используются другие средства выражения.

2.3.3. Грамматическое число выражается категориально: противопоставлением форм ед. и мн. числа. Ед. число в известной мере выступает и в качестве

абсолютного числа, поскольку некоторые имена употребляются только или преимущественно в ед. числе: *gombát szedni* 'собирать грибы' (букв. 'собирать гриб'), *fogat mosni* 'чистить зубы' (букв. 'мыть зуб'). Парные части тела, а также соответствующие им предметы одежды мыслятся как одно целое, и их обозначения употребляются в форме ед. числа, а если необходимо подчеркнуть, что речь идет об одном компоненте данного парного единства, употребляется слово *fél* 'половина' или другое уточняющее слово: *hosszú a lába* 'у него длинные ноги' (букв. 'нога'), но *féllábon ugrálni* 'скакать на одной ноге' (букв. 'на половине ноги'), *félszemére megvakult* 'он ослеп на один глаз' (букв. 'на половине глаза'), *cipőt húzni* 'надеть туфли' (букв. 'туфлю'), но *felhúzni az egyik cipőt* 'надеть одну из туфель'. Существительных, употребляемых только во мн. числе, фактически нет. Четко реализуется противопоставление форм ед. и мн. числа и в сфере глагола. Однако безличные глаголы употребляются только в ед. числе: *havasik* 'идет снег', *virrad* 'свекает'.

Собирательная множественность выражается суффиксом *-ék*.

2.3.4. Падежные значения выражаются при помощи многочисленных падежных суффиксов или послелогов, генитивное — при помощи лично-притяжательных формантов. Формами категории падежа обозначаются: субъект, прямой и косвенный объекты, различные пространственные отношения, совместность, орудийность, причина, цель, дистрибутивность, время, предел, способ действия (см. 2.4.0). Послелоги, в общем, выступают в таких же функциях, как падежные суффиксы (многие из последних восходят к послелогам). Большинство послелогов пространственного значения образует трехчленные серии, элементы которых происходят от одного имени, но содержат застывшие форманты трех разных падежей (локативного, лативного, аблативного значений), поэтому приспособлены к выражению тонких оттенков какого-либо основного пространственного отношения: *alatt* 'под (чем)', *alá* 'под (что)', *alól* 'из-под' < *al* 'нижнее место', 'низ'.

Посессивность в основном выражается при помощи категории лично-притяжательности, реализующейся в лично-притяжательном склонении: *ház-am* 'мой дом', *ház-ad* 'твой дом', *ház-a* 'его дом' (личные местоимения, употребляемые в функции притяжательных, используются с эмфатическими целями: *az én ház-am*, а те *ház-ad* и т.д.); лишь в качестве дополнительного средства используется и форма дательного падежа: *ará-nak* а *ház-a* (чаще *ará ház-a*) 'дом отца' (*ará* 'отец', *ház* 'дом', *a/az* — определенный артикль, *-nak* — суф. дательного падежа). Лично-притяжательные суффиксы широко используются при именах родства, при именах, обозначающих части тела, предметы одежды: *beszélj bátyá-m* 'говори, брат' (букв. 'мой брат'), *fáj-e még a fej-ed?* 'болит ли еще голова?' (букв. 'твоя голова'), *levetette a kabát-já-t* 'он снял пальто' (букв. 'свое пальто'). Особые притяжательные местоимения употребляются для выражения принадлежности в неопределительной функции: *a ház az enyém* 'дом мой', 'дом принадлежит мне', *a ház a tied* 'дом твой'. Принципиально другим способом является применение суффикса обладателя в случаях, когда определяемое слово, обозначающее предмет обладания, опущено: *a ház ará-é* 'дом принадлежит отцу' (*-é* — суф. обладателя).

2.3.5. В В.я. нет ни категории вида, ни категории залога. Значение совершенности действия выражается главным образом глагольными словообразовательными префиксами, а способы протекания действия (*Aktionsart*) — многочисленными словообразовательными суффиксами. Словообразовательные же суффиксы используются частично для выражения переходности/непереходности и каузативности действия, для обозначения взаимности, возвратности и дру-

гих залоговых значений: возвратность действия может обозначаться и при помощи возвратных местоимений: *védem magamat* 'я защищаюсь'.

Модальные значения в глаголе выражаются формами трех наклонений — изъявительного (индикатива), повелительного (императива), условного (кондиционала-конъюнктива). Повеление, побуждение к действию, допущение выражается императивом (*men-j* 'иди', *men-jünk* 'давайте пойдем', *hadd men-jek* 'пусть я пойду'). Эта же форма используется в целевых придаточных предложениях для выражения цели действия (*Megkértem, hogy ad-ja át a levelet* 'Я его попросил передать письмо', букв. 'чтобы он передал письмо'). Обусловленность действия, неуверенность и сомнение в реальности действия, нерешительная или скромная просьба выражаются формой кондиционала-конъюнктива (*Elmen-ne, ha vol-na ideje* 'Он бы пошел, если бы у него было время'; *Elmen-ne?* ' Действительно он бы пошел?'; *Most már elmen-nék* 'Теперь уже я бы пошел'). Ряд семантических оттенков обозначается аналитически: при помощи глаголов модального значения (*Nem akarok elmenni* 'Я не хочу уйти'), путем присоединения к глаголу словообразовательного суффикса *-hat/-het*, выражающего потенциальность и по своим свойствам и употреблению близкого к формантам наклонений (*Beszél-het-ek?* 'Могу я говорить?', 'Мне разрешено говорить?').

2.3.6. Грамматическое лицо выражается прежде всего собственными и другими личными местоимениями. По линии имени оно соотносительно с лично-притяжательным склонением, а по линии глагола отражено в категории личного спряжения. Ограниченное личное изменение характерно и для инфинитивной формы глагола. Личная оппозиция трехчленна: противопоставляются 1, 2 и 3 лицо. Существует небольшая группа безличных глаголов, по форме сходных с формой 3-го лица обычных глаголов.

Оппозиция определенности/неопределенности имени выражается употреблением определенного артикля (*a, az*), которому противопоставляется неопределенный артикль (*egy*) или чаще — нуль артикля. Кроме того, определенность/неопределенность прямого объекта категориально выражается противопоставлением определенного (объектного) и неопределенного (безобъектного) рядов спряжения глагола. Определенный артикль обозначает определенность предмета в широком смысле слова: предмета знакомого, известного нам, упомянутого ранее. Данные общие положения конкретизируются целым рядом частных правил, которые не всегда соответствуют логическому представлению об определенности предмета. Например, названия гор, озер, рек, морей сопровождаются определенным артиклем, при названиях же деревень, сел, городов, стран артикль не употребляется; определенный артикль имеет также генерализующее значение: *az ember halandó* 'человек смертен'. Суть выражения оппозиции определенности/неопределенности объекта средствами глагола заключается в том, что глаголы переходные и ограниченно переходные (употребляемые как переходные только в определенных контекстах) спрягаются по двум рядам: неопределенному (безобъектному) и определенному (объектному). Личные формы определенного спряжения употребляются при определенности объекта, выраженного прямым дополнением. В остальных случаях (в том числе и в случаях, когда при переходном глаголе вообще не требуется прямого дополнения) глагол имеет неопределенную личную форму. Условия употребления определенного спряжения таковы: 1) прямое дополнение сопровождается определенным артиклем; ср. *lát-ok egy házat* 'я вижу (некий) дом', но *lát-om a ház-at* 'я вижу (упомянутый, известный) дом'; 2) прямое дополнение оформлено лично-притяжательным суффиксом: *lát-om házadat* 'я вижу твой дом'; 3) прямое до-

полнение выражено именем собственным: lát-om Budapestet 'я вижу Будапешт'; 4) прямое дополнение выражено личным местоимением 3-го лица или вежливого обращения: lát-om őket 'я вижу их', lát-om Önt 'я вижу Вас'; 5) прямое дополнение выражено личным местоимением 2-го лица при подлежащем, выраженном личным местоимением 1-го лица ед. числа: én lát-lak 'я вижу тебя (вас)'; 6) прямое дополнение выражено указательным местоимением ez 'этот', az 'тот', а также некоторыми другими местоименными словами; lát-om ezt 'я вижу это', lát-om magamat 'я вижу себя'; 7) глагол соотносится с придаточным предложением, заменяющим прямое дополнение: lát-om, hogy lement a nap 'я вижу, что солнце зашло'. Определенные личные формы употребляются также в случаях, когда соответствующие типы дополнения опущены, но подразумеваются: Lát-ja Sándort? 'Вы видите Шандора?' — Lát-om 'Вижу' (некоторые редко используемые условия здесь не перечислены). Приведенные правила показывают, что логическая определенность непоследовательно выражается средствами глагола. Например, определенная форма не используется при прямом дополнении, выраженном местоимением 1-го лица, но используется при прямом дополнении, выраженном личным местоимением 3-го лица; ср. lát-sz engem 'ты видишь меня', lát engem 'он видит меня' (látsz, lát — неопределенные формы). Оппозиция неопределенного/определенного рядов спряжения реализуется в формах всех времен и наклонений.

В современном В.Я. грамматическое время в суффе глагола выражается категориально: в формах настоящего, прошедшего и будущего времени. Наиболее объемной по семантике является форма настоящего времени; в частности, для обозначения будущего действия или состояния она употребляется значительно чаще, чем форма будущего времени. Релятивность временных значений выражается формами причастий: ими указывается, что соответствующее действие совершается одновременно с другим или предшествует ему (см. 2.4.0).

Ориентация в пространстве выражается (помимо лексических средств) оппозицией местоимений, пространственных падежей и послелогов. Указательные местоименные слова противопоставляются по близости/отдаленности от говорящего: ez 'этот' — az 'тот', ilyen 'такой (как этот)' — olyan 'такой (как тот)', itt 'здесь' — ott 'там', így 'так (как этот)' — úgy 'так (как тот)' и т.д.; в падежной системе противопоставляются верхний/боковой/внутренний типы ориентации с трехчленным разделением по направлению движения: ház-on — ház-ra — ház-gól 'на доме — на дом — с дома'; ház-nál — ház-hoz — ház-tól 'у дома — к дому — от дома', ház-ban — ház-ba — ház-ból 'в доме — в дом — из дома'; ср. у послелогов, например: alatt — alá — alól 'под (чем-л.) — под (что-л.) — из-под'.

В качестве анафорического средства помимо местоимений используется определенный артикль.

Общее (глагольное) отрицание выражается при помощи частиц не(m) 'не(т)', se(m) 'и не', которые используются и при наличии отрицательных местоименных слов в предложении, образуемых с помощью частицы se(m) (двойное отрицание): a könyvet sehol sem találta 'книгу он нигде не нашел' (sehol 'нигде'). Отрицательные слова nincs 'не имеется', nincsenek 'не имеются' соотносены только с планом настоящего времени, в других временных планах в соответствующих значениях выступают формы глагола бытия, сопровождаемые обычными отрицательными частицами: nem volt 'не имелось', nem voltak 'не имелись'.

2.3.7. В В.Я. выделяются следующие части речи: а) знаменательные: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, глагол; б) служебные: артикли, послелогов, частицы, союзы; в) междометие.

Имя существительное характеризуется категориями числа, падежа, лично-при-

тяжательности, (ограниченно) степени сравнения; имя прилагательное — категориями числа, падежа, степени сравнения; имя числительное — категорией падежа; наречие — категорией степени сравнения; местоимения разных групп — категориями числа, лица, падежа; глагол — категориями числа/лица, определенного/неопределенного типов спряжения, времени, наклонения (см. 2.4.0).

Служебные слова не изменяются, за исключением союзных слов, в функции которых выступают относительные местоимения.

Послелогои в отличие от падежных суффиксов, как правило, состоят из двух и более слогов. Принимая лично-притяжательные суффиксы, послелогои преобразуются в послеложно-личные местоимения (см. 2.4.0.). Падежные суффиксы, входящие в состав послелогов именного происхождения, являются застывшими элементами послелогов.

Имеется два артикля: определенный *a/az* (< указательное местоимение *az* 'тот') и неопределенный *egy* (< *egy* 'один'); вариант *a* употребляется перед словами, начинающимися с согласного, *az* — перед словами, начинающимися с гласного.

Частицы могут быть препозитивными, постпозитивными или употребляться в разных позициях, что может иметь смысловозначительное значение: *várg csak* 'погоди-ка', *csak eggól volt szó* 'речь шла только об этом'.

Союзы разделяются на простые, сложные, составные и расчлененные: *de* 'но', *hanem* (<*ha + nem*) 'а', *azért mert* 'потому что', *hol... hol...* 'то... то...'

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

Единственное число имеет нулевой показатель. В лично-притяжательном склонении множественность обладаемых обозначена показателем *-i*. Общая множественность у имен (в том числе и в лично-притяжательном склонении для выражения множественности обладателей и у местоимений некоторых групп) выражается суффиксом *-k*, который к основам, оканчивающимся на гласный, присоединяется, как правило, непосредственно, а к основам, оканчивающимся на согласный, — посредством соединительных гласных *o, a, e, ö*: *háború* 'война' — *háború-k* 'войны'; *szép* 'красивый' — *szép-ek* 'красивые'; *az* 'тот' — *az-ok* 'те'. Существует несколько типов чередования основ. Из них наиболее закономерен переход конечного гласного основы *-a, -e* перед суф. *-k* соответственно в *-á, -é*: *tiszta* 'чистый' — *tisztá-k* 'чистые'; *kefe* 'щетка' — *kefé-k* 'щетки'. Другие типы чередования наблюдаются только у имен отдельных групп. Таковы: 1) переход интерконсонантного долгого гласного основы в соответствующий краткий: *víz* 'вода' — *viz-ek* 'воды'; *nehéz* 'тяжелый' — *nehéz-ek* 'тяжелые'; 2) утрата интерконсонантного гласного: *tükör* 'зеркало' — *tükr-ök* 'зеркала'; *bátor* 'смелый' — *bátr-ak* 'смелые'; 3) присоединение *-v* к основе, оканчивающейся на гласный: *tó* 'озеро' — *tav-ak* 'озёра'; *bő* 'широкий' — *bőv-ek* 'широкие'.

Падежные формы имен образуются путем присоединения суффиксов к основе имени в ед. или во мн.ч.: *erdő* 'лес' — *erdő-ből* 'из леса', *erdő-t* 'лес' (вин.п.), *erdő-ről* 'с леса', 'о лесе'; *erdő-k* 'лесá' — *erdő-k-ből* 'из лесов'. При падежной суффиксации могут происходить изменения основы, подобные описанным выше в связи с присоединением суффикса мн.ч.: *szoba* 'комната' — *szóba-ban* 'в комнате'; *fekete* 'черный' — *feketé-ben* 'в черном'; *bokor* 'куст' — *bokr-ot* 'куст' (вин.п.); *három* 'три' — *hárm-at* 'три' (вин.п.); *tó* 'озеро' — *tav-on* 'на озере'; каждое из этих изменений действительно только для определенных падежей. К именным основам, оканчивающимся на согласный, суффиксы социатива *-val/-ve* и транслатива *-vá/-vé* присоединяются без *-v*; его замещает удвоенный конечный согласный основы: *kéz* 'рука' — *kéz-zel* 'рукой', *kéz-zé* 'в руку' (превратиться), *erős*

Много обладателей — одно обладаемое (рус. *наш* и т.д.):

1 л.	-nk	-unk/-ünk
2 л.	-tok/-tek/-tök	-otok/-atok/-etek/-ötök
3 л.	-juk/-jük	-uk/-ük; -juk/-jük

Один обладатель — много обладаемых (рус. *мои* и т.д.):

1 л.	-im	-aim/-eim; -jaim/-jeim
2 л.	-id	-aid/-eid; -jaid/-jeid
3 л.	-i	-ai/-ei; -jai/-jei

Много обладателей — много обладаемых (рус. *наши* и т.д.):

1 л.	-ink	-aink/-eink; -jaink/-jeink
2 л.	-itok/-itek	-aitok/-eitek; -jaitok/-jeitek
3 л.	-ik	-aik/-eik; -jaik/-jeik

Формы степеней сравнения у качественных прилагательных и наречий образуются одинаково: форма сравнительной степени — путем присоединения суффикса *-bb* (*-abb/-obb/-ebb*) к форме положительной степени, форма превосходной степени — путем присоединения префикса *leg-* к форме сравнительной степени (суф. степени *-bb* предшествует суффиксам наречий *-n/-ul/-ül*): *gyors* — *gyors-abb* — *leg-gyors-abb* 'быстрый — более быстрый — наиболее быстрый'; *gyorsan* — *gyors-abb-an* — *leg-gyors-abb-an* 'быстро — быстрее — наиболее быстро'. При образовании форм сравнительной и превосходной степеней выявляются изменения основы разных типов, например: *tiszta* — *tisztá-bb* 'чистый — чище', *bátor* — *bátr-abb* 'смелый — смелее'.

Порядковые числительные образуются от количественных путем присоединения суффикса *-odik/-adik/-edik/-ödik*: *öt* — *öt-ödik* 'пять — пятый', *száz* — *száz-adik* 'сто — сотый'. Числительные со значениями 'первый', 'второй' образуются супплетивно: *egy* — *első* 'один — первый', *kettő* (*két*) — *második* 'два — второй'. Собирательные числительные образуются путем присоединения к количественным суффикса *-n* (*-an/-en*): *négy* — *négyen* 'четыре — четверо'. При образовании порядковых и собирательных числительных могут происходить изменения основ: *három* — *harm-adik* — *hárm-an* 'три — третий — трое', *hét* — *het-edik* — *het-en* 'семь — седьмой — семеро'.

Местоимения

Местоимения разделяются на две большие группы: личные (собственноличные, возвратно-усилительные, притяжательные и др.) и неличные (указательные, вопросительные и др.).

Собственноличные местоимения (номинативные формы: *én* 'я', *te* 'ты', *ő* 'он, она, оно', *mi* 'мы', *ti* 'вы', *ők* 'они') по падежам склоняются своеобразно. Только аккузативные формы образованы от корневых элементов номинативных форм: *engem(et)* 'меня', *téged(et)* 'тебя', *őt* 'его', *minket* 'нас', *titeket* 'вас', *öket* 'их'. Остальные падежные формы образуются путем наращивания лично-притяжательных суффиксов на один из вариантов именных падежных суффиксов послеложного происхождения, например: *nál-am* 'у меня', *nál-ad* 'у тебя', *nál-a* 'у него', *nál-unk* 'у нас', *nál-atok* 'у вас', *nál-uk* 'у них' (ср. падежные суф. *-nál/-nél* — *asztal-nál* 'у стола'). По такому же типу образуются и другие формы, например: сублативные (*rá-m* 'на меня' и т.д., ср. падежный суф. *-ra/-re*), аблативные (*től-em* 'от меня' и т.д., ср. падежный суф. *-tól/-től*), дативные (*nek-em* 'мне' и т.д., ср. падежный суф. *-nak/-nek*) и др.

Некоторые падежные суффиксы имен (например, *-kor*, *-ig*, *-ként*) не имеют падежных соответствий в системе склонения собственноличных местоимений, однако она дополняется послеложно-личными местоимениями, образованными от многих падежей путем присоединения к ним лично-притяжательных суффиксов: *mellest-em* 'около меня', *mellest-ed* 'около тебя' и т.д. (ср. *mellest* 'около'), *miatt-am* 'из-за меня' и т.д. (ср. *miatt* 'из-за').

Местоимения вежливого обращения *magá* и *ön* 'вы' (ед.ч.), *maguk* и *önök* 'вы' (мн.ч.) склоняются как существительные: *magá-t*, *ön-t* 'вас', *magá-nak*, *ön-nek* 'вам', *magá-tól*, *ön-től* 'от вас', *magu-k-tól*, *ön-ök-től* 'от вас' (мн.ч.).

Склонение возвратно-усилительного местоимения, выступающего в усилительной функции, осуществляется при помощи лично-притяжательных суффиксов, присоединяемых к слову *mag* ('зерно', 'семя' < 'тело'): *mag-am* 'я сам', *mag-ad* 'ты сам', *mag-a* 'он сам', *mag-unk* 'мы сами', *mag-atok* 'вы сами', *mag-uk* 'они сами'. К данным формам могут присоединяться и суффиксы косвенных падежей: *mag-am-ról* 'обо мне самом'. Для выражения возвратного значения употребление падежных суффиксов или послелогов обязательно (суф. аккузатива может опускаться): *kíméld mag-ad(-at)* 'береги себя', а *gyereket mag-á-val* *vitte* 'ребенка он взял с собой'.

Притяжательные местоимения образованы от несколько измененных личных местоимений путем присоединения к ним лично-притяжательных суффиксов:

<i>enyém,</i>	<i>tied,</i>	<i>övé</i>	'мой,	твой,	его'
<i>enyéim,</i>	<i>tieid,</i>	<i>övéi</i>	'мои,	твои,	его'
<i>mienk,</i>	<i>tietek,</i>	<i>övék</i>	'наш,	ваш,	их'
<i>mieink,</i>	<i>tieitek,</i>	<i>övéik</i>	'наши,	ваши,	их'.

К притяжательным местоимениям могут присоединяться падежные суффиксы: На *elvesztetted könyvedet, olvashatod az enyémet-et* 'Если ты потерял свою книгу, можешь читать мою'.

Указательные местоимения *ez* 'этот', *az* 'тот' и их варианты по падежам и числам изменяются подобно существительным. В случаях, когда падежные окончания начинаются с согласного, компонент *-z* указательного местоимения ассимилируется им: *éz* 'этот', *az* 'тот', *ez-ért* 'для этого', *ez-ek-ről* 'об этих', но *eb-ből* (< *ez-ből*) 'из этого', *eg-re* (< *ez-re*) 'на это'; *az-on* 'на том', но *ah-hoz* (< *az-hoz*) 'к тому', *an-nál* (< *az-nál*) 'у того'. Однако в транслативе и социативе ассимиляция реализуется в пользу *-z*-ового компонента местоимения, а также *-k*-ового компонента суффикса мн.ч.: *ez-zel* (< *ez-vel*) 'с этим', *ez-ek-ke* (< *ez-ek-vel*) 'с этими', *az-zá* (< *az-vá*) 'в тот' (превратиться). Противопоставление по указанию на близкое/отдаленное или отсылке к известному/неизвестному сохраняется и у местоименных прилагательных и наречий, образовавшихся от основ *ez*, *az*: *ilyen* 'такой (как этот)' — *olyan* 'такой (как тот)'; *ekkora* 'такой величины (как этот)' — *akkora* 'такой величины (как тот)'; *így* 'так (как этот)' — *úgy* 'так (как тот)'; *itt* 'здесь' — *ott* 'там' и т.д.

Основные вопросительные местоимения *ki?* 'кто?', *mi?* 'что?' склоняются по типу существительных и, подобно последним, имеют формы мн.ч.: *ki-t?* 'кого?', *mi-ről?* 'о чем?', *ki-ért?* 'за кого?', ср. *ki-k?* 'кто?' (мн.ч.), *ki-k-et?* 'кого?' (мн.ч.). От основы *mi-*, а также от несохранившейся основы *ho-* образовались вопросительные прилагательные и наречия: *milyen?* 'какой?', *mely(-ik)?* 'который из?', *mikor?* 'когда?', *hogy?* 'как?', *hol?* 'где?' и т.д. Вопросительные местоименные прилагательные *hány?* и *menny?* 'сколько?' склоняются как существительные, но только в единственном числе.

В качестве относительных местоимений употребляются вопросительные, в качестве относительных наречий — вопросительные наречия, однако относительные единицы обычно дополнены префиксом *a-* (усеченным вариантом указательного местоимения *az* 'тот'): (*a*)*ki* 'кто', (*a*)*mi* 'который', 'что'.

Неопределенные местоимения и местоименные наречия образуются путем сложения префиксальных частиц *vala-*, *akár-*, *bár-*, *pé-* с вопросительными местоимениями и местоименными наречиями: *vala-ki* 'кто-то', 'кто-нибудь', 'кто-либо', *vala-mi* 'что-то', 'что-нибудь', 'что-либо', *akár-ki*, *bár-ki* 'кто бы ни', 'любой', *akár-mi*, *bár-mi* 'что бы ни', *pé-mely* 'некоторый', *akár-milyen*, *bár-milyen* 'какой бы ни', *vala-hova* 'куда-нибудь' и т.д. Неопределенные местоимения склоняются как вопросительные.

Отрицательные местоимения и местоименные наречия образуются путем соединения отрицательной частицы *se(m)* и соответствующих вопросительных местоимений и местоименных наречий: *senki* (< *sem* + *ki*) 'никто', *sem-mi* 'ничто', 'ничего', *se-tennyi* 'несколько', *se-hol* 'нигде' и т.д. Отрицательные местоимения склоняются как вопросительные.

Взаимное местоимение *egymás* (< *egy* 'один' + *más* 'другой') склоняется как существительные, но только в ед.ч.: *egymás-t* 'друг друга', *egymás-hoz* 'друг к другу' и т.д.

Глагол

По типу форм ед. числа некоторых микропарадигм глаголы разделяются на две группы: 1) глаголы без *-ik*; 2) глаголы с *-ik* (условные названия, применяемые в традиционном венгерском языкознании, присвоены по форме 3-го лица ед. числа настоящего времени индикатива). Расхождения между глаголами без *-ik* и глаголами с *-ik* в современном языке все больше стираются в пользу распространения формантов глаголов без *-ik*, только в 3-м лице ед. числа или во всех трех лицах настоящего времени индикатива окончания глаголов с *-ik* сохраняются довольно устойчиво.

В соответствии с агглютинативным характером В.я. большинство микропарадигм глагола отмечено специальными показателями: прошедшее время индикатива — показателем *-t/-tt* (ему противопоставлен нуль показателя настоящего времени), императив — *-j*, кондиционал-конъюнктив — *-na/-ne* (им противопоставлен нуль показателя индикатива).

Индикатив

Настоящее время

Неопределенное (безобъектное, субъектное) спряжение

Определенное (объектное) спряжение

Ед.ч.

	Глаголы без <i>-ik</i>	Глаголы с <i>-ik</i>	Глаголы с <i>-ik</i> и без <i>-ik</i>
1 л.	<i>-ok/-ek/-ök</i>	<i>-om/-em/-öm</i>	<i>-om/-em/-öm</i> ; при дополнении, выраженном личным местоимением 2-го л. — <i>-(a)lak/-(e)lek</i>
2 л.	<i>-(a)sz/- (e)sz;</i> <i>-ol/-el/-öl</i>	<i>-ol/-el/-öl</i> (реже <i>-sz</i>)	<i>-od/-ed/-öd</i>
3 л.	—	<i>-ik</i>	<i>-ja/-sa/-sza/-za; -i</i>

Мн.ч.

1 л. -unk/-ünk	-juk/-suk/-szuk/-zuk; -jük/-sük -szük/-zük
2 л. -(o)tok/-(e)tek /-(ö)tok	-játok/-sátok/-szátok/-zátok; -itek
3 л. -(a)nak/-(e)nek	-ják/-sák/-szák/-zák; -ik

Суффиксы, обозначенные курсивом, присоединяются к глаголам, основы которых оканчиваются на -s, sz, -z (суффиксальные компоненты -s, -sz, -z, заменяющие -j-, выступают в качестве ассимилированных удвоителей исходных -s, -sz, -z глагольных основ); ср. kér-sz 'ты просишь', но kérdez-el 'ты спрашиваешь', kér-jük 'мы просим', но kérdez-zük 'мы спрашиваем'. Соединительные гласные, приведенные в скобках, используются при наличии определенных фонетических условий, например при глагольных основах, оканчивающихся на два согласных, ср. lát-lak 'я вижу тебя', но ért-elek 'я понимаю тебя'.

Прошедшее время

Неопределенное спряжение

Определенное спряжение

Ед.ч.

1 л. -(ot)tam/-(et)-tem/-(öt)/tem	-(ot)tam/-(et)tem/-(öt)tem; при дополнении, выраженном личным местоимением 2-го лица, — -(ot)talak/ -(et)telek/-(öt)telek
2 л. -(ot)tál/-(et)tem/-(öt)tél	-(ot)tad/-(et)ted/-(öt)ted
3 л. -t(-ott, -ett, -ött)	-(ot)ta/-(et)te/-(öt)te

Мн.ч.

1 л. -(ot)-tunk/-(et)tünk/-(öt)tünk	-(ot)tuk/-(et)tük/-(öt)tük
2 л. -(ot)tatok/-(et)tekek/-(öt)tekek	-(ot)tátok/-(et)tétek/-(öt)tétek
3 л. -(ot)tak/-(et)tek/-(öt)tek	-(ot)ták/-(et)ték/-(öt)ték

Расширенные варианты (см. дополнения в скобках) используются при глагольных основах определенной фонетической структуры, например при основах, оканчивающихся на две согласных, ср. néz-tél 'ты смотрел', но ért-ettél 'ты понимал'.

Будущее время

Будущее время образуется аналитически: сочетанием инфинитива смыслового глагола с личными формами настоящего времени вспомогательного глагола fog-ni (спрягается по типу глаголов без -ik); неопределенные формы: fogok írni 'я буду писать', fogsz írni 'ты будешь писать' и т.д., определенные формы: fogom írni 'я буду писать', fogod írni 'ты будешь писать' и т.д. Формы будущего времени употребляются редко, обычно только в случаях, когда необходимо подчеркнуть время действия.

*Кондиционал-конъюнктив**Настоящее время*

Неопределенное спряжение

Определенное спряжение

Ед.ч.

1 л. -(a)nék/-(e)nék	-(a)ném/-(e)nám; при дополнении, выраженном личным местоимением 2-го лица, — -(a)nálak/-(e)nélek
----------------------	--

2 л.	-(a)nál/-(e)nél	-(a)nád/-(e)néd
3 л.	-(a)na/-(e)ne	-(a)ná/-(e)né

Мн.ч.

1 л.	-(a)nánk/-(e)nénk	-(a)nánk/-(e)nénk
2 л.	-(a)nátok/-(e)nétek	-(a)nátok/-(e)nétek
3 л.	-(a)nának/-(e)nének	-(a)nák/-(e)nék

Расширенные варианты (см. дополнения в скобках) используются при глагольных основах определенной фонетической структуры, например при основах, оканчивающихся на два согласных: *kér-nénk* 'мы бы просили', *ért-énénk* 'мы бы понимали'.

Прошедшее время

Образуется аналитически: сочетанием неопределенных и определенных личных форм прошедшего времени индикатива смыслового глагола с неизменяемой вспомогательной частью *volna*, образовавшейся от глагола бытия, и расположенного после смыслового компонента; неопределенные формы: *írtam volna* 'я бы писал (раньше)', *írtál volna* 'ты бы писал (раньше)' и т.д.; определенные формы: *írtam volna* 'я бы писал (раньше)', *írtad volna* 'ты бы писал (раньше)' и т.д.

Императив

По императивному спряжению глаголы (в зависимости от фонетической структуры основ) разделяются на четыре группы. Личные окончания глаголов — 2—4-й групп фактически являются вариантами личных окончаний глаголов первой группы, сохранивших характерный маркер императива -j.

К первой группе относятся глаголы, основы которых не оканчиваются на -t, -s, -sz, -z.

Личные окончания глаголов первой группы

Неопределенное спряжение

1 л.	-jak/-jek
2 л.	-j (реже -jál/-jél)
3 л.	-jon/-jen/-jön

Определенное спряжение

Ед.ч.

-jam/-jem; при дополнении, выраженном личным местоимением 2-го лица, — -jalak/-jelek
-d, (реже -jad/-jed)
-ja/-je

Мн.ч.

1 л.	-junk/-jünk	-juk/-jük
2 л.	-jatok/-jétek	-játok/-jétek
3 л.	-janak/-jenek	-ják/-jék

Ко второй группе относятся главным образом глаголы, основы которых оканчиваются на -s, -sz, -z. У этих глаголов вместо суффиксального -j, который выпадает, удваиваются (удлиняются) исходные согласные основы -s, -sz, -z; ср. *ír-jon* 'пусть он пишет', но *péz-zen* 'пусть он смотрит', *ír-j* 'пиши', но *keres-s* 'ищи'.

К третьей группе относятся главным образом глаголы, основы которых оканчиваются на согласный или долгий гласный + -t. У этих глаголов вместо суффиксального -j появляются -s(-š), вследствие чего произносится /š/ или /ĕ/: *tent-sen /menĕn/* 'пусть спасет', *tanít-s /tāniĕ/* 'учи'.

К четвертой группе относятся главным образом глаголы, основы которых оканчиваются на краткий гласный + -t. У этих глаголов путем слияния исходного -t глагольной основы с измененным суффиксальным -j образуется -ss /-š/: *ves-sen* 'пусть сеет' (от глагола *vet-ni* 'сеять').

Нефинитные (инфинитные) формы глагола

В современном В.я. активно используются только две формы причастий: 1) на -ó/-ő, выражающие одновременное и незавершенное действие по отношению к действию глагольного сказуемого; 2) на -t (-ott/-ett/-ött), выражающие в основном действие, предшествующее действию глагольного сказуемого: *Csak most vette észre a földön hever-ő levelet* 'Только сейчас он заметил письмо, лежавшее (букв. 'лежащее') на земле'; *Csak most vette észre a földre dob-ott levelet* 'Только сейчас он заметил письмо, брошенное на землю'. Третье причастие на -andó/-endő, обычно выражающее действие, которое подлежит исполнению, употребляется редко: *megír-andó levél* 'письмо, которое следует написать'. Причастия на -ván/-vén, выражающие предшествующее действие, употребляются редко.

Две причастия на -va/-ve употребляются обычно в обстоятельственной функции; кроме того, при глаголе-связке они часто выступают в функции предикатива, но при этом с подлежащим в числе не согласуются: *Sokáig ültek halkan beszélget-ve a sötétben* 'Они долго сидели, тихо разговаривая в темноте'; *Az üzletek már zár-va voltak* 'Магазины были уже закрыты'.

Инфинитив оканчивается на -ni (-ani/-eni). Сочетаясь с некоторыми глаголами и именами модального значения, инфинитив принимает лично-притяжательные суффиксы, указывающие на грамматическое лицо субъекта; при этом в большинстве личных форм -i-овый компонент инфинитивного суффикса выпадает.

Личные суффиксы инфинитива

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	-nom/-nem/-nöm	-nunk/-nünk
2 л.	-nod/-ned/-nöd	-notok/-netek/-nötök
3 л.	-nia/-nie	-niuk/-niük

Ср.: *Szeretett dolgoz-ni* 'Он любил работать'; *Dolgoz-nom kellett* 'Я должен был работать', 'Мне необходимо было работать'.

Спряжение некоторых глаголов характеризуется несложными чередованиями в основе; например, чередуется гласный/нуль гласного (*ugor-ni* 'прыгать', *ugr-om* 'прыгаю'). Далее выделяется группа глаголов, у которых в основе происходит более сложное чередование (например, *ten-ni* 'делать', *tesz-ek* 'я делаю' и т.д., *te-ttem* 'я делал' и т.д., *tegy-ek* 'пусть я делаю' и т.д., *tev-ő* 'делающий'). Особо выделяется в этом отношении глагол бытия, микропарадигмы которого образуются супплетивно, так как в них используются формы двух разных глаголов: 1) с основой *vol-, val-* 'быть', 'находиться', 'иметься'; 2) с основой *le-* 'быть', 'становиться'; ср. индикатив — наст. вр.: *vagyok, vagy, van, vagyunk, vagytok, vannak*, прощ. вр.: *voltam, voltál, volt* и т.д., буд. вр.: *leszek, leszel, lesz* и т.д.; кондиционал-конъюнктив — наст. вр.: *lennék* или *volnék, lennél* или *volnál* и т.д.,

прош. вр.: *lettem volna, lettél volna* и т.д.; императив — *legyek, légy, legyen* и т.д.; инфинитив — *lenni*.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. В соответствии с агглютинативным характером В.я. грамматические словоформы конструируются путем последовательного расположения суффиксальных элементов, каждый из которых, как правило, выражает только одно грамматическое значение. В цепочке именных морфем падежные суффиксы занимают последнее место, перед ними располагаются как лично-притяжательные суффиксы (*szobá-m-ban* 'в моей комнате'), так и суффиксы простого (непритяжательного) мн. числа (*szobá-k-ban* 'в комнатах'). В финитных формах глагола последнее место занимают простые и сложные личные окончания, им предшествуют как показатель прошедшего времени *-t/-tt* (*men-t-em* 'я шел'), так и показатели наклонений *-j* и *-na/-ne* (*men-j-ünk* 'давайте пойдем', *men-né-nk* 'мы бы шли'). В сложных глагольных личных окончаниях исторически выделяемый суф. мн.ч. *-k* следует за собственноличными компонентами: *ír-od* ($d < t$) 'ты пишешь', *ír-to-k* 'вы пишете'. Из исторически выделяемых компонентов лично-притяжательных суффиксов последнее место занимает также *-k* (в данном случае показатель множественности обладателей), ему предшествует собственноличный компонент, перед которым расположен *-i-* (показатель множественности обладаемых): *szobá-d* 'твоя комната' ($d < t$), *szobá-to-k* 'ваша комната', *szobá-i-to-k* 'ваши комнаты'.

В формообразовании лишь в порядке исключения используется префиксация: при помощи префикса *leg-* образуется форма превосходной степени прилагательного или наречия. Однако *leg-* ведет себя как компонент сложного слова, поскольку следующая за ним словоформа по вокализму не уподобляется *leg-*, то есть не следует гармонии гласных: *leg-pagyobb* 'самый большой'.

Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным.

Морфологически аномальных слов в В.я. фактически нет; даже парные образования изобразительного характера типа *incifinci* 'крохотный', *csip-csup* 'мелкий', 'ничтожный' при необходимости могут изменяться как имена.

2.5.2. В В.я. выделяются три основных способа словообразования: 1) морфологический (аффиксация); 2) синтаксический (словосложение); 3) морфологосинтаксический (категориальный переход, конверсия). Все способы чрезвычайно продуктивны.

Морфологический способ реализуется только в виде суффиксации. Многочисленны и разнообразны как именные, так и глагольные суффиксы отыменного и отглагольного словообразования. В частности, богатство глагольных суффиксов отглагольного словообразования объясняется тем, что переходность/непереходность, залоговые значения, а также характер протекания действия (*Aktionsart*) в основном выражаются путем суффиксации.

Синтаксическое словообразование реализуется по двум основным типам: сочинительному и подчинительному. По сочинительному типу сложены парные образования: 1) обобщающей семантики (ср. *szóbe-széd* 'молва' < *szó* 'слово' + *beszéd* 'разговор'; *fúrni-faragni* 'столярничать' < *fúrni* 'сверлить' + *faragni* 'тесать'); 2) изобразительной семантики; у сложных слов данного типа компоненты по звуковому составу близки, причем один из компонентов — иногда оба компонента — как отдельное слово не употребляется (*limlom* 'всякое барахло' < *lom* 'барахло', 'негодная вещь'; *dírmegni-dögtögni* 'часто ворчать' < *dögtögni* 'ворчать'; компоненты *lim* и *dírmeg* самостоятельных значений не имеют). У одних парных слов изменяются оба компонента, у других — только второй. По подчинительному типу сложные имена образуются преимущественно по следующей схеме:

к первому (определятельному) компоненту, имеющему номинативную форму, которая в составе сложного слова остается неизменной, присоединяется второй (определяемый) компонент, который в составе сложного слова изменяется (kisaszony 'барышня' < kis 'маленькая' + asszony 'женщина'; ágyúszó 'канонада' < ágyú 'пушка' + szó 'слово'; gázálarc 'противогаз' < gáz 'газ' + álarc 'маска' — gázálarc-ról 'о противогазе'). Огромное большинство глаголов, сложенных по подчинительному типу, — это приставочные глаголы, поскольку глагольные префиксы (превербы) ведут себя как компоненты сложных слов (они не влияют на вокализм последующего основного компонента и в зависимости от логического ударения могут отделяться от него). Разнообразие и продуктивность употребления глагольных приставок, в частности, объясняется тем, что они приспособлены не только для модификации семантики глагола, но некоторые из них (особенно префикс meg-) используются для выражения совершенности действия.

Морфолого-синтаксический способ используется главным образом по линии субстантивации прилагательных и причастий, а также адъективации причастий; особенно многочисленны названия лиц по занятию, образованные по этому способу (lakatos 'слесарь' < 'замочный'; lovas 'всадник' < 'конный'; zavart 'сбивчивый' < 'спутанный'; buzgó 'усердный' < 'бьющий ключом').

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная.

По составу простые предложения делятся на односоставные и двусоставные; они могут быть распространенными и нераспространенными. Вследствие богатой личной суффиксации глагола, обеспечивающей соотносительность не только с подлежащим, но и с прямым дополнением (когда последнее выражает определенный объект), простое двусоставное предложение часто состоит из одной финитной формы глагола, поскольку соответствующие местоимения, выражающие подлежащее и определенное прямое дополнение, обычно опущены: Sétál-ok 'Я гуляю', Lát-lak 'Я вижу тебя', Lát-juk 'Мы видим его (их, это)'. В предложениях с субъектом в 3-м лице наст. времени индикатива глагол бытия van (в значении 'являться') опускается: Péter tanár 'Петр преподаватель', Szüleim tanárok 'Мои родители — преподаватели', Péter nem tanár 'Петр не преподаватель'; Péter Budapesten van 'Петр находится в Будапеште'. Во всех остальных случаях в качестве связки употребляются личные формы глагола van: Péter tanár volt 'Петр был преподавателем', Én tanár vagyok 'Я преподаватель'. Поскольку в В.я. нет глагола, обозначающего 'иметь', предложения, замещающие habeo-конструкции, строятся с соответствующими формами 3-го лица глагола van в сочетании с именем, обозначающим предмет обладания и снабженным лично-притяжательным окончанием: Van könyv-em 'У меня есть книга', 'Я имею книгу'; если уточнение (выделение) обладателя необходимо, он выражается именем или местоимением в форме дат. падежа: Nekem vannak könyv-eim 'У меня есть книги'. (букв. 'Мне есть мои книги'), Péter-nek vannak könyv-ei 'У Петра есть книги'. В отрицательных предложениях van и vannak заменяются отрицательными словами nincs и nincsenek: (Nekem) nincsenek könyv-eim 'У меня нет книг'. Из односоставных предложений внимания заслуживают безличные в форме 3-го лица ед. числа (Sötétedik 'Темнеет'; Havazik 'Идет снег') или инфинитивным оборотом (Várni kell 'Нужно ждать').

Глагольное сказуемое согласуется с подлежащим в числе (с лично-местоименным — и в лице). При подлежащем, выражаемом количественным числительным или другим количественным словом либо существительным, имеющим количественное определение, сказуемое имеет форму ед. числа: Húsz munkás elmege, kettő itt marad 'Двадцать рабочих уходят, двое остаются' (сказуемые elmege и marad имеют форму ед. числа). При однородных подлежащих, выра-

женных нарицательными существительными в форме ед. числа, сказуемое обычно имеет форму ед. числа: *A ház és kert csinos, a folyóra néz* 'Дом и сад красивы, выходят на реку' (букв. 'красив', 'выходит'); *Apám, anyám csak minket várt* 'Отец, мать ждали (букв. 'ждал') только нас'. Препозитивные определения (за исключением указательных местоимений *ez, az*) с определяемыми не согласуются: *magas házak* 'высокие дома', *magas házban* 'в высоком доме', *magas házakban* 'в высоких домах' (букв. 'высокий'). При количественном определении определяемое имеет форму ед.ч.: *száz könyv* 'сто книг' (букв. 'книга'), *három könyvről* 'о трех книгах' (букв. 'книге'). Указательные местоимения *ez* 'этот', *az* 'тот' и их осложненные варианты согласуются с определяемым в числе и падеже, а между ними размещается определенный артикль: *ez-ért az ember-ért* 'за этого человека', *uganez-ek-ről az ember-ek-ről* 'об этих же людях'; *ez, az* согласуются и по употреблению послелогов: *ez alatt a ház alatt* 'под этим домом' (*alatt* 'под'). Постпозитивные определения, употребляемые крайне редко, от определяемого отделены паузой, то есть выступают как своего рода приложения и поэтому согласуются с определяемыми: *Vett ceruzát, pirosat* 'Он купил карандаш, красный'.

Глаголы, а также некоторые имена управляют косвенными падежами, при послелогах же обслуживаемое слово имеет номинативную форму: *ház mellett* 'около дома'. Исключениями служат некоторые послелоги, близкие к наречиям. Определительные притяжательные конструкции оформляются лично-притяжательными суффиксами, присоединяемыми к слову, выражающему предмет обладания, определяющая же часть, выражающая обладателя, как правило, имеет форму именительного падежа и находится в препозиции: *Péter könyv-e* 'книга Петера', а *tanulók könyv-ei-ről* 'о книгах учащихся'. Только в редких случаях определительная часть конструкции получает суффикс дат. падежа в целях подчеркивания обладателя, в частности в обязательном порядке в случаях, когда в притяжательную конструкцию входит цепочка притяжательных определений и определяемых: *Péter lakás-á-nak cím-e* 'адрес квартиры Петера' (*lakás* 'квартира' является обладаемым к слову-обладателю *Péter* и в то же время обладателем к слову *cím* 'адрес'); последовательное расположение членов в подобных сложных притяжательных конструкциях обязательно. По падежам изменяется только последнее определяемое.

Основное правило порядка расположения неопределительных членов предложения заключается в следующем: неопределительный член предложения, выделяемый логически, располагается перед сказуемым, остальные неопределительные члены в зависимости от стилистических соображений могут размещаться перед выделяемым членом или следовать за сказуемым: *A gyárakban korán kezdődik a munka* или *A munka a gyárakban korán kezdődik* или *Korán kezdődik a gyárakban a munka* 'Работа на заводах начинается рано' (в этих предложениях выделено слово *korán* 'рано', которое поэтому предшествует сказуемому *kezdődik*), ср. *A gyárakban kezdődik a munka korán, nem a hivatalokban* 'Работа рано начинается на заводах, а не в учреждениях' (выделено: *a gyárakban* 'на заводах'). В связи с указанной закономерностью сказуемое сравнительно редко располагается в начале предложения. Это место оно занимает прежде всего в случаях, когда само выделяется логически: *Világosan beszélt, értettem minden szavát* 'Он говорил ясно, я понимал каждое его слово' (выделено: *értettem* 'я понимал'); *Ebédelték már a vendégek?* 'Гости уже обедали?' (выделено: *ebédelték* 'обедали'). Особо модифицируется приведенное общее правило при наличии сказуемого, выраженного сложным глаголом (главным образом приставочным); в таких предложениях первый компонент (префикс) сложного глагола в определенных условиях отделяется и располагается за смысловым компонентом последнего,

потому что логически выделяемая часть предложения ставится перед основным (смысловым) компонентом глагола: *Ezt csak neked mondom el* 'Это я рассказываю только тебе' (выделено: *csak neked* 'только тебе', приставка *el-* отделена). Когда же выделено само сложногоглагольное сказуемое, компоненты не расчленяются: *Elfelejtette a barátom címét* 'Он забыл адрес моего друга' (выделено: *elfelejtette* 'он забыл', *el-* приставка). Когда сказуемое выражено сложным глаголом, участвующим в аналитической конструкции будущего времени или в конструкциях с модальным глаголом, выделяемая часть предшествует финитной части глагольной конструкции, но сам сложный глагол не расчленяется: *Holnap fogom visszaadni a kölcsönt* 'Долг я верну завтра' (выделяемая часть *holnap* 'завтра' предшествует финитной форме вспомогательного глагола: *fogom* 'буду', сложный глагол *visszaadni* не расчленен; *vissza-* — приставка). Когда же выделяется само сказуемое, финитная форма вспомогательного глагола располагается между компонентами сложного глагола: *Vissza fogom adni a kölcsönt* 'Я верну долг'. По данным общим правилам имеются отклонения; они, в частности, объясняются тонкими стилистическими задачами высказывания.

Порядок слов в определительных словосочетаниях подчиняется следующей основной закономерности: определение предшествует определяемому (исключение: редко употребляемые постпозитивные определения-приложения). Данное правило чрезвычайно важно, так как изменение порядка слов может иметь смысловозначительное значение (ср. *magas ház* 'высокий дом' — а *ház magas* 'дом высок'; в первом примере *magas* 'большой' выступает как определение, во втором — как именное сказуемое); кроме того, поскольку определение с определяемым не согласуется, только при помощи порядка слов — препозиции определительной части — обеспечивается единство всего определительного словосочетания. Члены многочисленных определительных словосочетаний располагаются в строгой последовательности по степени подчинения, и такие конструкции завершаются основными определяемыми, единственными членами, которые, изменяясь по числу и падежу, могут обеспечить связь конструкций с другими членами предложения: *Péternek tegnap este feladott táviratá-ból* 'из телеграммы Петера, отправленной вчера вечером' (букв. 'Петера вчера вечером отправленная из телеграммы'); если для конструкции в целом требуется употребление артикля, определительная конструкция начинается с артикля: *a két közeli házban lakó ismerőseimtől* 'от моих знакомых, живущих в двух близких домах' (букв. 'в двух близких домах живущих от знакомых моих'). Поскольку для В.я. не характерны обособленные определительные обороты, многочисленные определительные конструкции встречаются довольно часто.

Послелогии следуют непосредственно за обслуживаемым словом.

Разновидности простого предложения по цели высказывания — повествовательные, вопросительные, модальные разных оттенков — друг от друга отличаются главным образом интонацией, употреблением наклонения глагола и разных частиц. Некоторые из последних занимают определенное место; например, частица *-e* вопросительного значения располагается только за сказуемым, а модальная частица *hadd* только в препозиции к сказуемому: *Tegnap mondta-e ezt?* 'Вчера ли он это сказал?' (букв. 'Вчера сказал ли он это?'); *A pályaudvarra hadd menjen holnap* 'Пусть на вокзал он пойдет завтра' (букв. 'пусть пойдет').

2.5.4. В В.я. хорошо развиты сложные предложения разных типов: сложносочиненные (состоящие из двух или нескольких главных), сложноподчиненные (с одним или несколькими придаточными и главным), смешанного типа (состоящие из нескольких главных и придаточных). Связь между предложениями-компонентами выражается обычно союзами, реже без союзов с помощью инто-

нации. Широко употребляются коррелятивные слова, находящиеся в одном предложении-компоненте, но отсылающие к другому. Часто в подобной функции используется и определенная (объектная) форма глагола-сказуемого главного предложения. Особой общей зависимости временных форм сказуемого одного предложения-компонента от временных форм сказуемого в другом (*consecutio temporum*) нет. Нет такой общей зависимости и по формам наклонений. Однако в соответствии с типами придаточных некоторые формы наклонений обязательны. Например, в целевых придаточных с союзом *hogy* сказуемое выступает в императиве: *Megkértem, hogy kísérjen el* 'Я его попросил проводить меня' (букв. 'чтобы он меня проводил'; *kísérjen* находится в императивной форме). В принципе по порядку слов придаточные и главные предложения не отличаются. В зависимости от типов предложения и стилистических задач придаточные относительно к главному могут находиться в препозиции, постпозиции или интерпозиции. Союзы располагаются либо между предложениями-компонентами, либо в начале предложения-компонента, либо занимают в нем второе место. Иногда расположение союза связано со смыслоразличительными задачами: *Nem fizetett a lakásért, meg pénze sem volt* 'Он не платил за квартиру, да и денег у него не было'; *Barátaim még sokáig beszélgettek, én meg hazamentem* 'Мои друзья еще долго разговаривали, а я пошел домой' (в первом примере союз *meg* выражает соединительное, во втором — противительное отношения). Части парных и расчлененных союзов располагаются в начале разных предложений-компонентов: *Hol ő késett el, hol meg énrám vártak a barátaim* 'То он опаздывал, то меня ждали мои друзья' (*hol... hol... 'то... то...'*).

2.6.0. В современном В.я. сохранилось около 600—700 корнеслов, унаследованных из уральского, финно-угорского и угорского языков-основ; к данному древнему фонду относятся названия частей тела, предметов и явлений природы, родственных отношений, действий, некоторые качественные прилагательные и числительные, все основные местоимения. Наряду с данным древнейшим пластом в лексике современного В.я. выявляются и пласты заимствованных слов; по характеру понятий, обозначаемых заимствованными словами, можно судить о роли иноязычных народов и племен в развитии хозяйственной, культурной и духовной жизни венгерского народа.

К весьма старым заимствованиям относится небольшая группа слов, перенятых в разное время — в основном до прихода венгров с востока через Карпаты в нынешнюю Венгрию — из иранских (в частности, из древнеосетинского) языков (*tej* 'молоко', *tehén* 'корова', *híd* 'мост', *vár* 'крепость'). Около 300 слов составляет первый пласт (с V до конца IX в.) тюркских заимствований общетюркского и особенно чувашского типа; они относятся к терминологии: 1) скотоводства и земледелия (*bika* 'бык', *disznó* 'свинья' *gyarjű* 'шерсть', *alma* 'яблоко', *búza* 'пшеница', *eke* 'соха', *bor* 'вино'); 2) ремесел, жилища и одежды (*ács* 'плотник', *gyártani* 'производить', 'изготавливать', *csat* 'пряжка', 'застежка'); 3) общественной и духовной жизни (*betű* 'письмо', 'документ' > 'буква', *boszorkány* 'ведьма', *bölcs* 'волшебник' > 'мудрец'). Второй пласт тюркского происхождения перенят из диалектов печенегов и половцев, которые в X—XIII вв. осели в Венгрии и впоследствии полностью ассимилировались; третий пласт происходит из турецкого языка, носители которого в XVI—XVII вв. оккупировали часть Венгрии. Эти пласты состоят всего из нескольких десятков слов, обозначающих понятия разного характера (например, *csósz* 'охранник', *zseb* 'карман', *divány* 'диван'). Некоторое количество слов от восточных славян венгры заимствовали еще до перехода Карпат, но основная масса славянских слов (в литературном В.я. их свыше 500), восходящая к разным славянским источникам, бы-

ла освоена уже на территории, занимаемой венграми в настоящее время. Они относятся главным образом: 1) к сельскому хозяйству (asztag 'стог', bab 'бобы', cékla 'свекла', mák 'мак', bágány 'ягненок', jágom 'ярмо', patkó 'подкова'); 2) к ремёслам, жилищу, одежде (abroncs 'обруч', asztal 'стол', kulcs 'ключ', csizma 'сапоги', ruha 'одежда'); 3) к семье (család 'семья', déd 'прадед'); 4) к духовной и общественной жизни (pap 'священник', gonosz 'злой', király 'король', paraszt 'крестьянин', pecsét 'печать', szovjet 'советский'). Начиная с X в. венгерский литературный язык перенял около 400 немецких слов, главным образом из средненемецких и баварско-австрийских диалектов, но также из литературного немецкого языка. Значительную часть этих заимствований составляют слова, относящиеся к жизни ремесленников, бюргеров, дворян, а также к военной терминологии (bognár 'каретник', borbély 'цирюльник', gáspoly 'рашпиль', 'терка', biliárd 'бильярд', dáma 'дама', erkély 'балкон', gróf 'граф', paróka 'парик', cél 'цель', ostrom 'штурм', sánc 'оборонительный вал', pisztoly 'пистолет'). Из романских языков большое влияние на лексику В.я. оказала латынь. Приток латинских слов начался со времен обращения венгров в христианскую веру (конец X в.), так как латынь стала языком церкви, а на некоторое время и языком письменности. Широкое применение латынь получила в школьном и высшем образовании, в науках в XVII—XVIII вв. латынь функционировала как официальный язык государственных и юридических органов. Из латинского языка заимствованы слова, характеризующие: 1) деятельность церкви и религиозные представления (kántor 'певчий', paradiscum 'рай', mártír 'мученик', kápolna 'часовня'); 2) терминологию школы (ceruza 'карандаш', tábla 'доска', tinta 'чернила'); 3) административную и юридическую терминологию (adoptálni 'усыновить', apellálni 'обращаться', uzsoga 'ростовщичество'); 4) терминологию календаря (названия месяцев: december 'декабрь', április 'апрель' и т.д.); 5) ботаническую и зоологическую терминологию (citrom 'лимон', pettezselyem 'петрушка', set 'хит', tigris 'тигр', elefánt 'слон'). Из других романских языков (итальянского, французского, румынского) литературным В.я. заимствовано всего несколько десятков слов.

2.7.0. Как указано выше (1.2.1), традиционно учитывается восемь венгерских диалектов (по более дробному делению существует около тридцати диалектных типов и говоров).

Западный диалект распространен в комитатах Вап, Зала, Дьёр-Шопрон, Веспрем. Его особенности (здесь и далее диалектные примеры сопоставляются с литературными) — /e/-канье, и /i/-канье: /ember/-ср. ember 'человек', /kik/-ср. kék 'синий'; употребляются дифтонги: /juɔ/-ср. jó 'хороший', /kiɛz/-ср. kéz 'рука'; вместо литературного /y /j/ произносится /l/: /folik/-ср. folyik /fojik/ 'течет'. Некоторые падежные суффиксы не уподобляются по гармонии гласных: /kertnā/-ср. kertnél 'у сада', /riékho/-ср. rékhez 'к пекарю'.

Задунайский диалект распространен в южных пограничных районах Словакии на западе от реки Ваг, далее на юге от Дуная в комитатах Дьёр-Шопрон, Комаром, Фейер, Веспрем, Тольна, Шомодь. По ряду особенностей, например по /e/-канью и /i/-канью, в основном близок к западному диалекту, но имеет и свои индивидуальные особенности, например в задунайском диалекте дифтонгов нет, вместо /i/ часто употребляется /ē/: /tānēt/-ср. tanít 'он преподает'.

Южный (альфельдский) диалект распространен в комитатах Шомодь, Баранья, между Дунаем и Тиссой, между Дравой и Савой (Югославия). Его особенности — /ö/-канье: /löhēt/-ср. lehet 'может быть', вместо литературного /y /j/ на западе от Дуная произносится /l/; в отдельных говорах употребляются дифтонги; вместо суф. 3-го лица -ja определенного спряжения употребляется -i: /vāri/-ср. várja 'он его ждет'.

Тисский (дунай-тисский) диалект распространен между Дунаем и Тиссой (перемежаясь с южным диалектом), далее в комитатах Сольнок, Хайду-Бихар и Бекец, в северной Югославии и восточной Трансильвании (Румыния). Его особенности — /e/-канье и /i/-канье; /mehet/-ср. mehet 'он может идти'; /kík/-ср. kék 'синий'; в закрытом слоге перед l, r, j краткие гласные, как правило, удлиняются: /ēlment/ ср. elment 'он ушел'.

Палочкий (северо-западный) диалект распространен на юге Словакии между реками Ваг и Горнад (Хернад), а также в северо-западной части Венгрии. Значительно отличается от литературного языка и других диалектов. Его особенности: /e/-канье и /i/-канье; вместо краткого огубленного /ā/ произносится неогубленный /a/, вместо же долгого /ā/ — огубленный долгий /ā̃/: /karā̃/-ср. karál 'он мотыжит', /bānās/-ср. bányász 'шахтер'; сильная делабиализация гласных: /rišpek/-ср. püspök 'епископ'; сильная палатализация согласных: /d'íñé/-ср. dinnye 'арбуз'; во многих говорах вместо литературного /y/ /j/ произносится /i/: /ol'an/-ср. olyan 'такой', /hel'/-ср. hely 'место'; вместо лично-притяжательного суффикса 3-го лица -e употребляется -i:/kezi/-ср. keze 'его рука'; наличествует серия собирательных падежных суффиксов: /-nott/-nett/-nött/ локативного, /-ní/ лативного и /-nöl/-nöl/ аблативного значений: /kovā̃cnöl/ 'от Ковачей', 'от семьи Ковача'.

Северо-восточный диалект наиболее близок к литературному языку, поскольку последний формировался главным образом на основе данного диалекта. Распространен на территории Венгрии на востоке от реки Горнад (Хернад) в комитатах Боршод-Абауй-Земплен, Сабольч-Сатмар, Хайду-Бихар, а также за пределами Венгрии в Закарпатье, на северо-западе Трансильвании и юго-востоке Словакии. Диалект, как и литературный язык, /e/-кающий, но имеет особенности, не свойственные литературному языку; в нем, например, употребляются дифтонги: /kejz/-ср. kéz 'рука', /vöçt/-ср. volt 'он был'.

Мезешегский (закрайхагский) диалект распространен в центральной части Трансильвании. Его особенности: /ā/-канье: /ákás/-ср. okos 'умный'; ограниченное /e/-канье; употребление устарелых форм прошедшего времени: простой формы на -e/-a и аналитических со вспомогательными глагольными частицами volt и vala: /evék/ 'он ел', /sttem volt/ 'я ел', /szik vâlâ/ 'он ел'.

Секейский диалект распространен в восточной Трансильвании в районе верховья реки Муреш (Марош) и в районе реки Олт, отдельными островками также за пределами Трансильвании в северо-западной Румынии (говор чанго). Его особенности: по говорам /e, ē, e, ö/-канье; употребление устарелых форм прошедшего времени: простой на -e/-a и аналитической со вспомогательным глаголом-частицей vâlâ: /írâ, ír vâlâ, írt vâlâ/ 'он писал'; последовательное употребление спряжения глаголов с -ik; употребление серии падежных суффиксов: /-nit/ локативного, /-ni/ лативного и /-nül/-nül/ аблативного значений. Последние два диалекта существенно отличаются от литературного языка. Все диалекты различаются и на лексическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

Майтинская К. Е. Венгерский язык. М., 1955. Ч. I; 1959. Ч. II; 1960. Ч. III.
Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

A mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan. Budapest, 1961. Köt. I; 1962. Köt. II.
The Hungarian language. Budapest, 1972.
Тотра J. Ungarische Grammatik. Budapest, 1968.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Балашица Й.* Венгерский язык. М., 1951.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
- A magyar nyelv értelmező szótára. Budapest, 1959-1962. Köt. I-VII. (Толковый словарь; объем 183 тыс. слов.)
- A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967. Köt. I; 1970. Köt. II; 1976. Köt. III.
- A magyar szókészlet finnugor elemei: Etimológiai szótára. Budapest, 1967. Köt. I; 1971. Köt. II; 1978. Köt. III.
- Bárczi G.* A magyar nyelv életrajza. Budapest, 1963.
- Bárczi G., Benkő L., Berrár J.* A magyar nyelv története. Budapest, 1976.
- Berrár J.* Magyar történeti mondattan. Budapest, 1957.
- Hajdú P.* Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest, 1966.
- Imre S.* A mai magyar nyelvjárások rendszere. Budapest, 1971.
- Kálmán B.* Nyelvjárásaink: Második kiadás. Budapest, 1971.
- Klemm A.* Magyar történeti mondattan. Budapest, 1928. Köt. I; 1940. Köt. II; 1942. Köt. III.
- Lotz J.* Das ungarische Sprachsystem. Stockholm, 1939.
- Szathmári I.* Régi nyelvtanaink és egységesítő irodalmi nyelvünk. Budapest, 1968.
- Szinyei J.* Magyar tájszótár. Budapest, 1893—1896. Köt. I; 1897—1901. Köt. II.

Л. Хонти

ОБСКО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Обско-угорские (О.-у.) языки вместе с венгерским принадлежат к угорской ветви финно-угорской подсемьи уральской языковой семьи и названы так в соответствии с территорией их распространения: бассейном Оби. К О.-у. я. относятся мансийский и хантыйский языки.

2. Носители О.-у. я. в наши дни обитают в Западной Сибири: в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах Тюменской области и Нарымском районе Томской области Российской Федерации.

3. Численность мансийского и хантыйского населения — около 31 тыс. чел. (манси — 8,5 тыс. чел., ханты — 22,5 тыс. чел., по переписи 1989 г.); из них только 60—70% считает соответствующие языки родными.

4. Имеется ряд общих для мансийского и хантыйского языков особенностей в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, доказывающих сравнительно близкое родство указанных языков.

5. Общие предки венгров и обских угров разошлись в течение первой половины I тыс. до н.э. в окрестностях Уральских гор, и обско-угорский язык-основа сформировался, вероятно, до начала нашей эры. Поскольку нет письменных памятников, свидетельствующих о раннем состоянии (обско-) угорских языков, формирование отдельных языков можно установить только при помощи языковых фактов, например при помощи сравнительных данных, свидетельствующих об относительной близости по языковому родству. Кроме того, немало ценных сведений может быть получено также по линии археологии и этнографии.

6. Хотя мансийский и хантыйский языки считаются близкородственными, в сравнении с пермскими или даже с прибалтийско-финскими языками (также входящими в финно-угорскую подсемью языков) они более отдалены друг от друга: наряду с общими чертами для О.-у. я. характерно большое количество индивидуальных инноваций, и нет вариантов, переходных между мансийским и хантыйским языками.

Фонетическая характеристика

Палато/велярная (передне/заднерядная) гармония гласных, унаследованная из финно-угорской эпохи, сохранялась в недавно вымершем южномансийском (тавдинском) диалекте и ныне наблюдается в восточнохантыйском диалекте (в ваховско-васюганском говоре и в части сургутских говоров). В области консонантизма для О.-у. я. характерна непалатализованная/палатализованная корреляция дентальных согласных. Стоит отметить, что система фонем в период от обско-угорского языка-основы до прамансийского и прахантыйского языков претерпела значительные изменения, но современные северные, соседние друг с другом мансийские и хантыйские говоры имеют очень сходные системы фонем, не совпадающие только в деталях (в хантыйском языке первоначальная оппозиция гласных по типу долгий/краткий превратилась в оппозицию типа напряженный/ненапряженный)(см. таблицу).

Гласные фонемы первого слога

Северно-мансийский (сосьвинский) диалект	Северно-хантыйский (березовский) диалект
ē ū	e u
ā ā̄	a ɔ
i u	ĩ ũ
a o	ä ö

в других северных диалектах вместо ā имеется ā̄ в казымском диалекте вместо u имеется ʊ

Согласные фонемы

Северно-мансийский (сосьвинский) диалект	Северно-хантыйский (березовский) диалект
p t (t') k k.	p t t' k
w j	w j
m n ŋ ŋ	m n ŋ ŋ
s š x x'	s š š' x
r	r
l l'	l l'

в казымском диалекте вместо l, l' имеется л, л'.

Парадигматические чередования гласных выявляются в обоих О.-у. я., однако из обско-угорского языка-основы происходят только чередования в глаголах с так называемым тематическим (корневым) ā, a, например: манс. (тавдинский диалект) kälē 'умрет' — kalās 'он умер', хант. (ваховский диалект) koljūn 'умер' — kālas 'он умер'.

Двойственное число имеется в обоих языках, но в каждом из них есть диалекты, в которых двойственного числа нет или оно употребляется ограниченно.

Страдательный залог общеупотребителен на всей обско-угорской языковой территории.

Объектное спряжение характерно для обоих языков; совпадает в них и его важнейшая — анафорическая — функция, поскольку формы этого спряжения указывают на детерминированное прямое дополнение, когда последнее в предложении опущено, но ранее упоминалось.

Формы объектного спряжения дифференцированы по числу определенного прямого дополнения, формы посессивной парадигмы существительного — по числу обладаемого.

Инновацией в О.-у. я. является наличие местоимений 2-го лица с анлаутным n; соответственно из них развились личные суффиксы спряжения и посессивной парадигмы (финно-угорское t-овое местоимение 2-го лица сохранилось в хантыйских суффиксах 2-го лица дв. и мн. числа с анлаутным t в безобъектном спряжении).

В обоих языках употребляются глагольные приставки, которые развились из пространственных наречий.

Имеется немало словообразовательных суффиксов обско-угорского происхождения.

Основной тип порядка слов в предложении: SOV.

Согласование между подлежащим и сказуемым, как правило, реализуется по форме, однако между сказуемым и подлежащим, обозначающим группу

людей или животных (например, 'народ', 'стая') встречается логическое согласование.

В обоих языках употребляется глагол-связка (манс. *ās-, хант. *wos- 'есть, имеется'), не имеющий временных форм в подавляющем большинстве диалектов О.-у. я.

Если в активном предложении объект действия (пациенс) носит конкретный характер, он выражается в форме прямого дополнения; если же он менее конкретный, то становится косвенным дополнением в творительном падеже (где такого падежа нет, его заменяет местный падеж, выполняющий функцию творительного): западноманс. am neynoân tēn tatələym 'я ношу тебе пищу' (букв. 'я тебе пищу приношу'), ср. ney oânəm tēnəl tatəlīnə 'ты носишь мне пищу' (букв. 'в тебя пищей приношу').

Формально сложноподчиненных предложений в О.-у. я. первоначально не было; подчинение выражалось либо логически, т.е. по форме сочинением, либо при помощи причастных оборотов. В некоторых диалектах обоих языков в последнее время стали употребляться и подчинительные союзы, заимствованные из русского языка, например što 'что'.

В лексике отражается общее прошлое обско-угорских народов и языков: кроме древних (уральского, финно-угорского и угорского) пластов слов имеется значительное количество слов, возникших или заимствованных из других языков в обско-угорский период.

Хотя мансийский и хантыйский языки характеризуются большим количеством общих по происхождению явлений в фонетике, морфем и категорий в синтаксисе, известен также целый ряд черт, по которым эти языки расходятся.

В фонетике. Оппозиции долготы/краткости мансийских гласных фонем в хантыйском соответствует противопоставление по напряженности/ненапряженности. В большинстве хантыйских диалектов либо на фонетическом, либо на фонематическом уровне имеются ретрофлексные (или какуминальные) согласные ʃ, ɟ, ʂ/ʃ, которых в мансийском языке нет. Сибилянты *s, *ʃ уральской и финно-угорской эпохи в современных мансийских диалектах представлены в виде t, в хантыйских же — в виде согласных ʎ, t, l, j/ʃ.

Морфологическая характеристика

В прамансийском языке (и в некоторых современных диалектах) сохранился аккузатив с прауральским -m-овым суффиксом, которого уже в прахантыйском не было; в прахантыйском языке (и в современных восточных и южных диалектах хантыйского языка) был употребителен или употребляется и ныне суффикс аккузатива собственноличных местоимений -t, неизвестный в мансийских диалектах. Орудийность в мансийских диалектах обозначается суффиксами инструменталиса -l, -təl, а в хантыйских — суффиксами инструменталиса -at/ät (-tâ/-tə) на востоке и юге или суффиксами локатива -nə/-ən, -na на севере. Оптатив-кондиционал в мансийском языке выражается особым п-овым суффиксом наклонения, в хантыйском же либо причастиями, либо аналитическим способом. Суффиксы инфинитива и причастия настоящего времени, а также маркеры пассива по происхождению в О.-у. я. различны.

Эргативная конструкция предложения, характерная для хантыйского языка (особенно для его ваховско-васюганского диалекта), неизвестна в мансийском языке. Глагольные приставки могут занимать почти любое место в предложении в мансийском языке, в хантыйском они находятся чаще всего только непосредственно перед глаголом. Системы глагольных времен также не одина-

ковы в О.-у. я. Прошедших времен в прахантыйском языке было два, в современном хантыйском ваховско-васюганском диалекте имеется четыре, в сургутском два, в остальных одно; в мансийском же языке имеется всего одно прошедшее время.

ЛИТЕРАТУРА

- Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
- Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.
- Ромбандеева Е.И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М., 1979.
- Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка: Ваховский диалект. М.;Л., 1961. Ч. I. Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. III.
- Décsey G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.
- Honti L. Characteristic Features of Ugric Languages (Observations on the Question of Ugric Unity) // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1979. V. 29. P. 1-26.
- Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe // Bibliotheca Uralica. 1982. 6.
- Kannisto A. Über einige wogulisch-ostjakische Vokalentsprechungsverhältnisse // Finnisch-ugrische Forschungen. 1914. Bd. 14. S. 30—41.
- Korenchy É. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972.
- Liimola M. Zur historischen Formenlehre des Wogulischen. I. Flexion der Nomina // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1963. 127.
- Steinitz W. Zur Geschichte des ob-ugrischen Vokalismus // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1964. T. 17. S. 637—642.

Е.И. Ромбандеева

МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Мансийский язык (М.я.) — язык мансийской народности (манси); в научной литературе манси в прошлом называли (иногда и теперь называют) вогулами и соответственно их язык — вогульским. Самоназвание носителей М.я. *máńśi* восходит к древнему родовому названию *mõś*, *mõńśa*. Иноязычные соответствия названия языка: нем. Wogulisch, венг. *manysi*, англ. Mansi (Vogul).

1.1.2. М.я. — один из двух языков обско-угорской подветви угорской ветви финно-угорской подсемьи уральских языков. Мансийскому в генетическом отношении наиболее близки хантыйский (остяцкий) и венгерский (мадьярский) языки.

1.1.3. М.я. распространен на территории Ханты-Мансийского автономного округа Российской Федерации; несколько семей манси живет в Ямало-Ненецком автономном округе и Екатеринбургской области. По данным переписи 1989 г., общая численность манси 8 тыс. 474 чел., 37,1% из них считают мансийский язык родным.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. На основе фонетических и морфологических различий по классификации Б. Мункачи выделяется четыре наречия или диалектные группы: северная, южная, западная, восточная (см. 2.7.0).

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Для представителей северного наречия М.я. является средством устного общения в быту. Южное и западное наречия полностью ассимилированы русским языком. Из восточных манси родной язык помнят лишь люди старшего возраста, но не пользуются им, так как живут в окружении русского населения и хорошо владеют русским. Представители разных диалектных групп манси общаются между собой на русском языке.

1.3.2. Литературный М.я. начал формироваться после 1917 г. и с самого начала использовался ограниченно: на нем издавались буквари и другие учебники для начального обучения, переводная и оригинальная литература (главным образом для обеспечения учебного процесса). Основа литературного языка — среднесосьвинский диалект северного наречия.

Первый букварь М.я. был издан в 1932 г. Настоящий очерк написан на основе литературного языка.

1.3.3. В настоящее время в пределах первых трех классов начальной школы параллельно с русским ведется обучение родному, мансийскому языку; М.я. преподается также в национальных педучилищах и педагогических вузах, где имеются отделения по подготовке педагогических кадров для школ Крайнего Севера. М.я. исследуется в научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Тарту, Будапешта, Дебрецена, Сегеда, Хельсинки, Турку, Берлина, Гамбурга, Мюнхена, Гёттингена и др.

1.4.0. Письменность была создана в 30-х годах на основе латинской графики. С 1938 г. она была переведена на русскую графику. С 1980 г. этот алфавит был дополнен диакритиками, обозначающими долготу гласных (горизонтальная черточка над соответствующей гласной буквой).

1.5.0. Периодизация истории М.я. не изучена. Первые мансийские слова зафиксированы в русских хрониках в XVI—XVII вв., несколько более поздним временем датируются словники из нескольких десятков слов; первые связные тексты (фольклорные произведения) были записаны венгерским ученым А. Регули в середине XIX в.

1.6.0. Внешнеязыковые факторы оказали и продолжают оказывать заметное воздействие на М.я. Этот процесс стал особенно интенсивным с введением письменности и с началом обучения на русском языке; вместе со словами, заимствованными из русского языка, появляются звонкие и другие согласные (б, г, д, з, ж, ф, ц, ч, ш), ранее не известные М.я.; под воздействием русского языка начинает подвергаться изменению порядок слов, распространяются некоторые типы сложных предложений и т.д.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. В нижеследующих таблицах без скобок приведены знаки мансийской письменности, в квадратных скобках — знаки транскрипции.

Гласные

Подъем	Ряд					
	передний		средний		задний	
	иллабиальные		иллабиальные		лабиальные	
	краткий	долгий	краткий	долгий	краткий	долгий
Верхний	и [i]	й [ī]			у [u]	ӯ [ũ]
Средний	э [e]	э̄ [ē]	ы [ɛ]	ы̄ [ē]	о [o]	о̄ [ō]
Нижний			а [a]	ā [ā]		

На стыке морфем, а также в словах, заимствованных из русского языка, иногда встречаются долгие (геминированные) согласные, они обозначаются посредством удвоения соответствующей буквы.

Согласные

По способу образования		По месту образования				
		билаби- альные	лабиоден- тальные	дентальные	палатальные	велярные
Шум- ные	смычные	п [p]		т [t]	ть [t']	к [k]
	фрикагивные	в [w]	ф [f]	с [s]	й [j] сь [s']	г [ɣ] х [χ]
Сонор- ные	назальные	м [m]		н [n]	нь [n']	ɲ [ɲ]
	латеральные			л [l]	ль [l']	
	Вибранты			р [r]		

2.1.2. В М.я. ударение динамическое, фиксированное на первом слоге корневой морфемы или префикса. Гармония гласных отсутствует (наблюдается лишь как реликтовое явление).

2.1.3. Ограничения в употреблении гласных: 1) огубленные гласные как долгие, так и краткие (о, õ, и, й), а также гласные среднего ряда среднего подъема (э, ê) не употребляются в конце слова; 2) гласные э, ê не встречаются в абсолютном начале и в первом слоге; 3) долгие гласные в основном используются в первом слоге. Ограничения на употребление согласных: 1) согласные ɣ, ɲ не употребляются в начале слова; 2) стечение согласных в начале слова встречается только в тех словах, которые заимствованы из русского языка (план, звезда, школа) и в некоторых исконных словах с аллофоном [Kw]/[k]^{*} kwāljɣ 'веревка', kwākak 'связка чего-л').

2.1.4. Слоговая структура М.я.: V — a? 'что?'; V̄ — a! 'вот оно что!'; VC — a! 'запах'; V̄C — āt 'волос'; CV — õ-ра 'дед по отцу'; C V̄ — mā 'земля'; CVC — arjɣ 'внук'; C V̄C — sās-kol 'шалаш'; CVC — xal-əŋ 'щель имеющий'; C V̄C — xūl-əŋ 'рыбный'; CVCC — sort 'щука'; C V̄CC — mōrs-əŋ 'достаточный', 'достаточное количество'.

В литературном мансийском нет дифтонгов как фонем, поэтому количество слогов в слове определяется количеством гласных. Долгие и краткие гласные противопоставляются как фонологические (смыслоразличительные) единицы речи: os 'поверхость' — õs 'коза', et 'звукотражение крику утки' — êt 'ночь'.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Опозиция корневой и некорневой морфем заключается в том, что корневая всегда состоит из одного или более слогов, суффиксальная же может не образовывать слога, а состоять лишь из одного или более согласных, например ханса 'орнамент', ханса-ŋ 'имеющий орнамент'; некорневой слог, как правило, безударный или на него приходится второстепенное ударение. В некоторых структурных типах при присоединении суффикса используется соединительный гласный, обычно восходящий к утраченной конечной гласной основы, или вставляется гласный э, возникающий вследствие утраты конечной гласной основы слова: sāyɣ- 'рубит', но: sāyɣar 'топор', sāyɣam 'оказывається, он рубил', xūr-ma > xūrəm 'три'; *tōsa-, tōs-, tōsan̄kwe, tōsun̄kwe 'сохнуть', 'убывать' (о водоеме).

2.2.2. Знаменательные слова имеют словесное ударение, служебные — безударны.

2.2.3. Закономерности чередования гласных исследованы недостаточно.

*Примечание: в зарубежной литературе принято последнее обозначение.

При спряжении нескольких односложных глаголов в императиве происходит чередование гласного в основе: *miŋkwe* 'дать' — *majen* 'дай', *tēŋkwe* 'есть' — *tājen* 'кушай', *wiŋkwe* 'брат' — *wojen* 'бери', *liŋkwe* 'бросить' — *lajen* 'бросай', *jiŋkwe* 'идти' — *jajen* 'иди'.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

М.я. относится к языкам агглютинативного морфологического типа с некоторыми элементами флективности (см., например, 2.2.3); на корневую морфему в определенном порядке может нанизываться целый ряд словообразовательных и словоизменительных морфем, каждая из которых выражает только одно грамматическое значение: *jal-as-āl-əs* 'он много раз путешествовал' (*jal-* 'ездить', *-as* — обозначает непрерывность действия, *-āl* прерывность действия, *-əs* — суф. прошедшего времени, отсутствием личного окончания здесь выражено 3-е л. ед.ч.); *pērak-aγ-mēp* 'нас (двоих) две книги' (*-aγ-*суф. дв. числа предмета обладания, *-mēp* — лично-притяжательный суф. обладателя).

Аналитических структур мало, из них наиболее распространены послеложные.

2.3.1. Грамматические разряды слов достаточно разграничены. Однако отдельные грамматические формы некоторых разрядов слов совпадают.

Имена определенных семантических групп в зависимости от их позиции в словосочетаниях или предложениях могут выступать то в функции существительного, то в функции прилагательного-определения: *pum saγtənt'ēr* 'коса' (букв. 'железо, которым косят сено'); ср. *t'ēr tān* 'железный пнур'.

Личные окончания глаголов и лично-притяжательные суффиксы имен могут полностью совпадать: *miŋēγ-um* 'я иду' — *kol-um* 'мой дом'; *mjγ-uw* 'мы даем что-л.' — *kol-uw* 'наш дом'.

Некоторые суффиксы несловоизменительной функции также могут присоединяться к различным разрядам слов, в том числе к именам и глаголам, например суф. *-giš*, выражающий уменьшительное и пренебрежительное значения; ср.: *kol-giš* 'домишко', 'старый, разрушающийся дом'; *pjγ-giš* 'мальчик', букв. 'маленький сын', *miŋi-giš* 'он (вызывающий жалость человек) уходит (идет)'. Из универсальных грамматических значений в М.я. категориальное выражение получили: число, лицо, падежность, посессивность, определенность/неопределенность, степени сравнения, время, модальность.

2.3.2. В М.я. грамматического рода нет, оппозиция классов человек-нечеловек выделяется только в сфере местоимений: вопросительные местоимения *hōŋxa* (для неопределенного лица), *hott'jut* (для определенного лица) 'кто?' относятся только к человеку, *māpəγ* 'что?' — ко всем остальным.

2.3.3. Грамматическое число выражается категориально: противопоставлением форм единственного, двойственного и множественного чисел. Форма ед. числа употребляется широко, например: парные части тела, а также соответствующие им предметы одежды мыслятся как одно целое, поэтому их названия, как правило, употребляются в форме ед. числа; если же необходимо подчеркнуть, что речь идет об одном компоненте данного парного единства, то это уточняется словом *pāl* 'половина': *lāyəl* 'нога' — *lāyəl pāl* (букв. 'половина ноги'), *wāj pāl* 'одна обувь из пары' (букв. 'половина обуви').

Для обозначения совокупности двух предметов или лиц, близко связанных между собой, применяется суф. дв. числа *-γ*, присоединяемый к обоим именам: *pētāγ tāŋaγ* 'Петя и Таня' (букв. 'Пети (два) и Тани (две)'), *ēkwaγ ōjkaγ* 'жена и муж' (букв. 'женщины (две) и мужчины (два)').

Для обозначения совокупности четырех предметов, попарно связанных, употребляется суф. мн. числа, присоединяемый к названию каждой из пар: *kātənc*

lāyɫanə 'его руки и ноги' (букв. 'его руки (многие) и ноги (многие)'); kāt 'рука', lāyɫ 'нога').

Существительных, употребляемых только в ед.ч. или только во мн.ч., нет, но есть имена, которые употребляются только или преимущественно в ед. числе: названия веществ, явлений природы, абстрактные имена (namt 'дума', wit 'вода', rawk 'дождь', pol 'наледь', xol 'заморозки').

Четко реализуется противопоставление форм ед., дв. и мн.ч. и в сфере глагола. Однако в односоставных глагольных предложениях определенных типов сказуемое употребляется только в форме 3-го л. ед.ч.: tūji 'идет снег' от tūjt 'снег', tujimi 'настает лето' от tuw 'лето', xōtalı 'настает день' от xōtal 'день' и др. В таких предложениях употребляется глагол, образованный от имени посредством конверсии, так что корневая морфема глагола полностью совпадает с корневой морфемой исходного имени.

2.3.4. Падежные значения выражаются при помощи падежных суффиксов и послелогов. Формы категории падежа обозначают субъект, прямой и косвенные объекты, различные пространственные отношения, орудийность. Послелоги по сравнению с падежными формами выражают более конкретные отношения, например послелоги пространственного значения реализуются в трех локальных падежных формах (локативного, лативного и аблативного падежей): numi pāl 'верхняя сторона', но: jā numi-pālt 'над рекой', jā numi-pālnəl 'над рекой (от пространства над рекой)', jā numi-pāln 'к реке (к пространству над рекой)'.
Посессивность выражается главным образом при помощи категории лично-притяжательности, реализующейся в лично-притяжательном склонении: kol-um 'мой дом', такие формы посессивности сопровождаются местоимениями лишь в случаях, когда необходимо подчеркнуть лицо обладателя: am kol-um '(именно) мой дом' и т.д. Далее, принадлежность одного предмета другому выражается препозицией слова-обладателя в основной форме имени, обозначающего предмет принадлежности: ātam kolt 'в доме отца моего' (букв. 'отец (мой) доме'); xōslōx tūr 'озеро Хошлога' (Xōslōx — название деревни). Лично-притяжательные суффиксы широко используются при именах родства (в том числе и в обращении), при именах, обозначающих части тела, предметы одежды, личные вещи: oтам lāwəs 'мама (букв. 'моя мама') сказала', ruŋkum āutəŋ 'голова (букв. 'моя голова') болит'.

Лично-притяжательные суффиксы 3-го лица употребляются и в случаях, когда обладатель выражен именем существительным: pasan lāyɫe 'именно ножка стола', sālīt lāyɫanəl 'именно ноги оленей'.

2.3.5. В М.я. категории вида нет, категория залога слабо развита. Значение завершенности действия выражается с помощью различных суффиксов, обозначающих мгновенность, одноактность, двухактность действия, а также посредством логического выделения в предложении глагола-сказуемого (не оформленного суффиксом с видовым значением): ātam mīni 'отец пойдет' (mīn- 'идти'). Значение незавершенности действия (начинательность, многократность, длительность) выражается посредством словообразовательных суффиксов, напр. mīnŋ lāluŋkwe 'много раз ездить'. Для выражения переходности-непереходности, каузативности и возвратности действий служат также словообразовательные суффиксы. Глаголы, образованные посредством каузативных суффиксов, всегда переходные, а глаголы, образованные с помощью возвратных суффиксов, всегда непереходные; другие же непереходные глаголы ситуативно могут стать переходными (при введении объекта, воспринимаемого ситуативно определенным).

Модальные значения в глаголе выражаются формами наклонений — индикатива: *minēyum* 'я иду'; императива: *minēp* 'ты иди', *minēp* 'вы идите'; кондигционала: *minēyum ke* 'если я пойду'; конъюнктива (сослагательного наклонения): *minnuwum kos* 'пошел бы я'; аудитива (наклонения неочевидного действия): *joxitum* 'оказывается, я проехал (не замечая этого)'

2.3.6. Грамматическое лицо выражается собственными и другими личными местоимениями. По линии имени оно соотносится с лично-притяжательным склонением, а по линии глагола отражено в категории личного спряжения.

Личная оппозиция трехчленна: противопоставляются 1 2 и 3 лицо. Имеется небольшое число глаголов, образованных от имен существительных, которые имеют только форму 3-го лица и инфинитивную форму, и характеризующих явления природы: *rakwi* 'идет дождь', *rakwuŋkwe* 'иди (о дожде); *iŋmli* 'наступает ночь', *iŋmlaŋkwe* 'наступать (о ночи)'

Несколько глаголов имеют безличную форму: сочетаясь с инфинитивом, они образуют безличные предложения: *moš xoplaŋtaŋkwe* 'немного постучать можно', *minuŋkwe ēgi* 'нужно ехать'. Безличные глаголы по форме сходны с формой 3-го лица ед. числа изменяющихся глаголов.

Оппозиция определенности/неопределенности предмета в сфере имени выражается грамматическими средствами: для определенного субъекта — употреблением обозначающего его слова, в форме направительного падежа: *ti jiw wōtn sakwatima* 'это дерево, оказывается, сломал (именно) ветер'; для определенного объекта — употреблением обозначающего его слова в форме творительного падежа: *ākwiw-n tōg ēl mǔjluptawēsum* '(именно) моя бабушка (именно) платок мне подарила', а также употреблением как слова, обозначающего дополнение, так и слова, обозначающего подлежащее в форме основного падежа; они различаются порядком слов: *pjūkwe towləŋxar kāsalošte* 'сынчик (уже) увидел самолет' — прямое дополнение в основном падеже следует после подлежащего. Определенность/неопределенность субъекта и объекта действия может быть выражена и посредством слаборазвитых артиклей: определенного *aŋ* и неопределенного *akw*. Ввиду наличия других (см. выше) грамматических средств для выражения определенности/неопределенности субъекта или объекта действия артикли употребляются ограниченно.

Определенность/неопределенность объекта или субъекта действия выражается также посредством соответствующих типов спряжений. Так, при наличии определенного объекта переходные глаголы спрягаются по типу объектного спряжения, при наличии неопределенного объекта эти же глаголы спрягаются по типу безобъектного спряжения. Если субъект определенный и, кроме того, выделяется из числа других возможных субъектов, употребляется субъектно-пассивный тип спряжения, во всех других случаях — обычный активный тип спряжения. В отличие от венгерского языка объект, выраженный дополнением в лично-притяжательной форме, не всегда воспринимается как определенный (если он не выделяется из числа других предметов): *ātməŋ kāte ruwi* 'он придерживает большую руку'. Поскольку здесь выражается простая констатация факта и интонация предложения ровная, сказуемое *ruwi* имеет безобъектную форму, хотя прямое дополнение *kāte* 'руку' оформлено лично-притяжательным суффиксом, ср. предложение: *ātməŋ kāte iŋ ruwite* 'он большую руку все еще придерживает', в котором логической интонацией выделяется глагол-сказуемое с усилительной частицей *iŋ* и поэтому *ruwite* имеет объектную форму. Оппозиция объектного/безобъектного рядов спряжения реализуется в формах всех времен и наклонений.

В М.я. грамматическое время в сфере глагола выражается категориально: в формах настоящего, прошедшего и будущего времени. Настоящее и прошедшее время выражаются суффиксально, будущее время — аналитически, посредством вспомогательного глагола или частицы. Кроме того, при наличии наречий времени в предложении форма настоящего времени может быть употреблена в значении будущего: *holitan joxti* 'завтра придет'. Релятивность временных значений выражается формами причастий: ими указывается, что соответствующее действие совершается одновременно с другим или предшествует другому действию (см. 2.4.0).

Выражение ориентации в пространстве осуществляется при помощи местоимений и местоименных наречий, четко отражающих противопоставление близкое/отдаленное от говорящего: *ti* 'этот' — *ta* 'тот', *tit* 'здесь' — *tot* 'там'.

Отрицание выражается при помощи отрицательных частиц *at*, *ul* 'не'; последняя употребляется при повелительных формах глагола. Кроме того, имеется отрицательный глагол, соотнесенный с формой настоящего времени: *āti* 'нет', *ātim* 'нет' (не имеется), *ātimən* 'нет тебя', и частица *pēm*, употребляемая с наречными словами: *pēmχōt* 'нигде (не)', *pēmχotal* 'никуда (не)', *pēmater* 'ничего (не)'. Отрицательный глагол в качестве вспомогательного не употребляется.

2.3.7. В М.я. выделяются следующие части речи: а) знаменательные: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие; б) служебные: союз, послелог, частица, артикль; в) междометие.

Имя существительное характеризуется категориями числа, падежа, лично-притяжательности; имя прилагательное — категорией степеней сравнения (числа — только в функции сказуемого); имя числительное — категорией падежа; наречие — категорией степеней сравнения; местоимения разных групп — категориями числа, лица, падежа; глагол — категориями числа/лица, противопоставления безобъектного/объектного/субъектно-пассивного спряжений, времени, склонения.

Из служебных слов по структуре выделяются послелоги. Например, для пространственных послелогов характерно то, что многие из них составляют трехчленную серию с единицами, образовавшимися от одного имени, но оформленными соответственно суффиксами локатива, латива, аблатива: *sun jōli-pāl-t* 'под нартой', *sun jōli-pāl-nəl* 'из-под нарты', *sun jōli-pāl'n* 'под нарту'; *mān numi-pāl-uw-t* 'над нами (где)', *mān numi-pāl-uw-nəl* 'над нами (откуда)', *mān numi-pāl-uw-n* 'над нами' (к нам).

Послелоги могут принимать лично-притяжательные суффиксы (такие образования переходят в разряд послеложно-личных местоимений), а также суффикс субъективной оценки; лично-притяжательные суффиксы располагаются перед падежными, суффиксы субъективной оценки — перед лично-притяжательными. Например: *paŋ juji-pāl-ən-t χōjχan juw?* 'Кто идет за тобой?' (от послелога *juji-pāl* 'за, после, в след', *-ən* — лично-притяжательный суф., *-t* — формант локатива); *am tāga-ke-m* 'мимо меня' (от послелога *tāga* 'мимо', *-ke* — суф. субъективной оценки, *-m* — лично-притяжательный суффикс). В М.я. весьма распространены сложные послелоги; в их составе вторым компонентом выступает слово *pāl* 'сторона'. Предлогов в М.я. нет.

Частицы в предложении могут стоять препозитивно или постпозитивно по отношению к тому слову, к которому они относятся; от этого может изменяться смысл высказывания: *lāśal sar* 'ты подожди' (просьба), *sar lāśal* 'ты погоди' (угроза).

Союзы малоупотребительны: наряду с простыми союзами употребляются составные и расчлененные.

Определенный артикль *ań* омонимичен с наречием *ań* 'теперь', 'сейчас'. Неопределенный *akw* происходит от числительного *akwa* 'один'. Артикли не изменяются.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и наречия

У имен имеются следующие показатели числа: общего (непритяжательного) единственного — \emptyset , двойственного — *-γ/-jγ*, множественного — *-t/-эт*; они присоединяются к основам на гласный или согласный. Примеры: *āra* 'люлька' — *āra-γ* '(две) люльки' — *āra-t* 'люльки'; *xār* 'бык' — *xar-jγ* '(два) быка' — *xār-эт* 'быки'; *xūjγ* 'мешок' — *xūγ-jγ* '(два) мешка' — *xūγ-эт* 'мешки'; *pārt* 'доска' — *pārt-jγ* '(две) доски' — *pārt-эт* 'доски'. Гласный *э* второго конечного слога основы при присоединении суф. дв.ч. *-jγ* и мн.ч. *-эт*, как правило, выпадает.

Падежные формы имен образуются путем присоединения суффиксов к основе имени в ед., дв. или во мн. числе. Различаются шесть падежей (в восточном наречии употребляется еще форма аккузатива с суф. *-m*): *ulas-∅* 'стул', *ulas-n* 'на стул', *ulas-t* 'на стуле', *ulas-nəl* 'со (от) стула', *ulas-jγ-n* 'на два стула' (положить), *ulas-эт-n* 'на многие стулья' и т.д. В прошлом был, вероятно, еще особый лативный падеж с суф. *-l'*, выражавший пространственные отношения, сохранились теперь лишь застывшие его формы: *mulyal'* 'в передний угол', *pālwal'* 'к водоему', 'к очагу', *lōŋxal'* 'вниз по реке', *alγal'* 'вверх по реке', *pāŋl'e* 'от водоема вглубь'.

Таблица падежных суффиксов

Номинатив (кого-, что-л.)	\emptyset
Аккузатив (кого-, что-л.)	-m, -am
Латив (на, в что-л.)	-n, -эн, -an, -ana
Аблатив (от, с чего-л.)	-nəl
Локатив (на, в чем-л.)	-t, -эт, -et, -eta
Инструменталис-комитатив (с кем-, чем-л.)	-l, -əl
Транслатив (в кого-, во что-л. — превращаться)	-γ, -iγ, -iγa

Лично-притяжательные суффиксы

Один обладатель

Грам. лицо	Одно обладаемое		Два обладаемых	Много обладаемых
	Основа на гласный	Основа на согласный		
1-е	-m	-um	-γ-um	-an/-um/-эм
2-е	-n	-n, -эн	-γ-эн(-γ-n)	-(a)n/-эн
3-е	-te	-e	-γ-e	-n-e

Два обладателя

Грам. лицо	Одно обладаемое	Два обладаемых	Много обладаемых
1-е	-mēn	-γa-mēn -aγa-mēn	-na-mēn -ana-mēn
2-е	(-ā)-n, -ēn, -n-ēn	-aγ-ēn	-n-ēn -an-ēn
3-е	-ēn -tēn	-γ-ēn -aγ-ēn	-n-ēn -an-ēn

Суффиксы с огласовкой, как правило, присоединяются к основам на согласный.

Много обладателей

Грам. лицо	Одно обладаемое	Два обладаемых	Много обладаемых
1-е	-w	-γ-uw	-n-uw
	-uw	-aγ-uw	-an-uw
2-е	-(ā)-n	-γ-ēn	-n-ēn
	-ē	-aγ-ēn	-an-ēn
3-е	-nəl	-γ-ānəl	-n(an)əl
	-anəl	-aγ-ānəl	-n(ān)əl
			-an(an)əl
			-an(ān)əl

Например: mān ulas-uw 'наш стул', mān ulas-aγ-uw 'наши два стула', mān ulas-an-uw 'наши стулья'.

Форма сравнительной степени образуется с помощью суф. -nuw: jaŋi 'большой' — jaŋiγ-nuw 'больше'. Превосходная степень образуется посредством редупликации прилагательного, причем первый его компонент оформляется суф. аблатива -nəl, а второй выступает в основной форме: wōjəŋ-nəl wōjəŋ 'самый жирный' (букв. 'из жирного жирный'), xosaŋəl xosa 'самый длинный' (букв. 'из длинного длинный').

Значение высокого качества выражается аналитически, путем сочетания со словами saka 'очень', ŋag saka 'слишком'; saka jaŋi 'очень большой', ŋag saka jaŋi 'слишком большой'. У наречий формы степеней сравнения конструируются посредством тех же средств, что и у прилагательных.

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суф. -it, который присоединяется к основе, оканчивающейся на согласный; если основа числительного оканчивается на гласный, то при присоединении суф. -it конечный гласный основы или беглый гласный последнего слога, или суффиксальная морфема производного числительного утрачивается: akwa 'один', akw-it 'первый', kitjγ 'два' — kitit 'второй', xūgm 'три' — xūgm-it 'третий' и т.д.

Делительные числительные образуются с помощью суф. -γ — для основы на гласный, -jγ — для основы на согласный: ŋila-γ 'на четыре', xūgm-jγ 'на три', распределительные — с помощью суф. -l — для основы на гласный, -əl — для основы на согласный: akwa-l 'по одному', xūgm-əl 'по три'. Повторительные — с помощью суф. -tjγ от основ порядковых числительных: ŋil-it-tjγ 'четвертый раз', at-it-tjγ 'пятый раз', составные — с помощью суф. -pis: xūgm-pis 'в три слоя', 'три ряда один на другой'. Приближенные числительные образуются с помощью суф. -ax: xūgm-ax 'примерно (приблизительно) три', суф. -maŋ: akw-maŋ 'примерно (приблизительно) один'. К этим производным основам может быть присоединен суф. -kem: at-ax-kem 'приблизительно пять' — at 'пять'.

Местоимение

Местоимения разделяются на две группы: личные (собственноличные, лично-усилительные, лично-возвратные, личные местоимения единичности) и неличные (собирательно-выделительные, указательные, вопросительно-относительные, обобщенно-определятельные, неопределенные, отрицательные). Собственноличные местоимения имеют формы номинатива: am 'я', naŋ 'ты', taŋ 'он', mēp 'мы (двое)', nēp 'вы (двое)', tēp 'они (двое)', māp 'мы', nāp 'вы', tāp 'они'; аккуза-

тива с суф. -m (-um): ān-um 'меня'; датива с суф. -n(a): anum-n(a) 'мне'; аблатива с суф. -nəl: ān-um-nəl 'от меня'; инструменталиса с суф. -təl: ānum-təl 'мною'. Собственноличные местоимения в отличие от существительных транслатива не имеют. Все косвенные формы этих местоимений образуются от основы аккузатива. Собственноличные местоимения дв. числа в косвенных падежах имеют в основном редуцированную основу: mēp 'мы (двое)', mēpmēp 'нас (двоих)', mēpmēp-n(a) 'нам (двоим)', mēpmēp-nəl 'от нас (двоих)', mēpmēp-təl 'над нами (двойми)'; tēp 'они (двое)', tēptēp 'их (двоих)' и т.д. Косвенные падежные формы местоимений мн. числа образуются от основы аккузатива с добавлением к нему суффикса соответствующего падежа: mān-aw-n 'нам', mānaw-nəl 'от нас'.

Лично-усилительные местоимения образуются от собственноличных с помощью суф.: -ki/-k/-tī/-tī: am-ki 'я сам' и т.д., а лично-возвратные — от лично-усилительных местоимений с помощью суф. -na (-nā) и соответствующих лично-притяжательных суф.: am-ki-na-m 'я себя' и т.д.

Личные местоимения единичности строятся на основе собственноличных местоимений с помощью суф. -ke/-kke/-t/-tfe и соответствующего лично-притяжательного суффикса: am-kke-m 'я один', na-kke-n 'ты один' и т.д.

Собирательно-выделительные местоимения образуются от основы числительного и личного окончания: akwam 'другой из нас, двоих' от akwa 'один', kityaγ-m 'два других моих из нас троих' от kitjγ (tītjγ) 'два', kityaγ-n 'твои два из вас троих', sāt-əp 'твои семь из вас восьми'.

Указательные местоимения: ti 'это', 'этот', ta 'то', 'тот'; tiji 'этот', 'этого'; taj, taji 'тот', 'того', tamle 'такой' и др. Вопросительно-относительные местоимения: maпхигip 'какой?', mānəg 'что?', хотfut, хотjut, хōпха 'кто?', maпax 'сколько?' и др.

Обобщительные местоимения: pussəp 'все', 'весь', sāwitēt 'целиком', 'все', kāsəg 'каждый', 'всякий', tōwa 'иной', mōt (mōtan) 'другой' и др.

Неопределенные местоимения: хōтра 'кто-то', kotti (ut) 'нечто', matəg 'что-то', matərsirmat 'какой-то' и др.

Отрицательные местоимения сложены из отрицательной частицы pēm и неопределенных местоимений: pēmхōтра 'никто', 'никого', pēmхotti 'никто', 'никакой', pēmatəg 'ничто' и др.

Лично-усилительные и личные местоимения единичности не изменяются по падежам. Лично-возвратные, собирательно-выделительные, указательные, вопросительно-относительные, обобщенно-определенные, отрицательные местоимения, частично и неопределенные изменяются по падежам. Некоторые разряды местоимений не имеют форму номинатива, большинство из них обладают формой транслатива, но у них нет формы локатива. Значение последнего выражается посредством сочетания личного местоимения и послелога с притяжательным суффиксом.

В функции притяжательных местоимений для особого подчеркивания лица обладателя употребляются номинативные формы собственноличных местоимений, расположенные перед лично-притяжательной формой имени, выражающего обладаемое: am tōr-um 'мой платок', am tōr-um-t 'на моем платке', am tōr-um-nəl 'с моего платка'.

Глагол

Настоящее время индикатива образуется с помощью суфф. -eγ (-ēγ), -i, -e (-ē), -п (-əп), прошедшее время с помощью суфф. -s (-əs, -as), -m (-am, -um). Вариативность суффиксов, образующих настоящее время, зависит от характера глагольной основы (ее окончания на гласный или на согласный либо на согласные). Кроме того, некоторые из этих суффиксов являются характерными для определенного наклонения глагола. Будущее время глагола образуется аналитически, посредством сочетания личной формы глагола настоящего времени с частицей *taχ*, восходящей к наречию *tajaχ* 'потом', или инфинитива со вспомогательным глаголом *paɽuŋkwe* 'быть', который омонимичен знаменательному слову *paɽuŋkwe* 'упасть'. Императив оформляется с помощью суфф. -e/-ē: *miŋ-e-п* 'иди', *miŋ-ē-п* 'идите'. Форма вежливого повелительного наклонения образуется посредством сочетания местоимения 3-го л. ед.ч. *taw* 'он', частицы *wos* 'пусть' и личной формы настоящего времени индикатива: *taw wos ūnti* 'садитесь', букв. 'пусть он сядет'. Форма кондиционала (условного наклонения) состоит из личных форм глагола в разных временах и частицы *ke* (*ki*), *tē* (*tī*): *taw ūnti ke* 'если он сядет'. Показателем конъюнктива (сослагательного наклонения) является суфф. -*niw* (-*aniw*): *taw ūntniw* 'Он бы сел (но...)'. Иногда добавляется частица *wos* 'пусть': *taw wos ūntniw* 'он бы сел' (вежливая форма). Аудитив (наклонение неочевидного действия) в настоящем времени образуется с помощью суфф. -п/-əп/-ēп, в прошедшем — с помощью суфф. -*im(a)*/-*m*/-*am*/-*əm* (-*um*): *am tot-p-əm* 'оказывается, я несу (что-то)', *paɽ joχtal-am-əп* 'оказывается, ты приходил'.

Индикатив Настоящее время Безобъектное спряжение

Субъект	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
1 л.	<i>ūnt-ēγ-um</i> 'я сажусь'	<i>ūnt-i-mēn</i>	<i>ūnt-ē-w</i>
2 л.	" -eγ-п	" -eγ-ēп	" -eγ-ēп
3 л.	" -i-∅	" -ēγ-∅	" -ēγ-ət

Объектное спряжение

Субъект	Объект		
	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
Ед.ч.	1 л. <i>tot-i-l-um</i> 'я его беру'	<i>tot-i-jaγ-um</i>	<i>tot-i-jaŋ-um</i>
	2 л. <i>tot-i-l-n</i>	<i>tot-i-jaγ-n</i>	<i>tot-i-jaŋ(-jānən)</i>
	3 л. <i>tot-i-t-e</i>	<i>tot-i-jaγ-e</i>	<i>tot-jaŋ-e</i>
Дв.ч.	1 л. <i>tot-i-l-amēn</i>	<i>tot-i-jaγ-mēn</i>	<i>tot-i-jaŋ-mēn</i>
	2 л. <i>tot-i-l-ēn</i>	<i>tot-i-jaγ-ēn</i>	<i>tot-i-jaŋ-ēn</i>
	3 л. <i>tot-i-t-ēn</i>	<i>tot-i-jaγ-ēn</i>	<i>tot-i-jaŋ-ēn</i>
Мн.ч.	1 л. <i>tot-i-l-uw</i>	<i>tot-i-jaγ-uw</i>	<i>tot-i-jaŋ-uw</i>
	2 л. <i>tot-i-l-ēn</i>	<i>tot-i-jaγ-ēn</i>	<i>tot-i-jaŋ-ēn</i>
	3 л. <i>tot-i-jaŋ-əl</i>	<i>tot-i-jaγ-anəl</i>	<i>tot-i-jaŋ-əl</i> (-i-jaŋan-əl)

Субъектно-пассивное спряжение

Грам. субъект	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
1 л.	tot-awe-m 'меня (именно те) везут'	tot-awē-mēn	tot-awē-w
2 л.	tot-awe-n	tot-awē-n	tot-awē-n
3 л.	tot-awe-φ	tot-awē-γ	tot-āwe-t

Прошедшее время

Безобъектное спряжение

Субъект	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
1 л.	tot-s-um 'я вез'	tot-s-umēn	tot-s-uw
2 л.	tot-s-ən	tot-s-ēn	tot-s-ēn
3 л.	tot-əs	tot-s-γ	tot-s-ət

Объектное спряжение

Субъект	Объект		
	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
Ед.ч.	1 л. tot-əs-l-um	tot-s-aγ-um	tot-s-an-um
	2 л. tot-əs-l-ən	tot-s-aγ-ən	tot-s-an-ən
	3 л. tot-əs-t-e	tot-s-aγ-e	tot-s-an-e
Дв.ч.	1 л. tot-əs-l-amēn	tot-s-aγ-amēn	tot-s-an-amēn
	2 л. tot-əs-l-ēn	tot-s-aγ-ēn	tot-s-an-ēn
	3 л. tot-əs-t-ēn	tot-s-aγ-ēn	tot-s-an-an-ēn
Мн.ч.	1 л. tot-əs-l-uw	tot-s-aγ-uw	tot-s-an-uw
	2 л. tot-əs-l-ēn	tot-s-aγ-ēn	tot-s-an-ēn
	3 л. tot-sa-nəl	tot-s-aγ-ānəl	tot-s-ān-l

Субъектно-пассивное спряжение

Грам. субъект	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
1 л.	tot-wē-s-um 'меня (именно те) привезли'	tot-we-s-amēn	tot-we-s-uw
2 л.	tot-wē-s-n	tot-we-s-ēn	tot-wes-ēn
3 л.	tot-we-s-φ	tot-we-s-γ	tot-wē-s-ət

Будущее время

Безобъектное спряжение

1 л.	tot-ēγ-um tax	'я привезу'
2 л.	tot-ēγ-n tax	и т.д.

Объектное спряжение

Субъект	Объект		
	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
1 л.	tot-i-l-um tax 'я привезу его' и т.д.	tot-i-jaγ-m tax 'я их (двоих) привезу' и т.д.	tot-i-jan-um tax 'я их привезу' и т.д.
2 л.	tot-i-l-n tax	tot-i-jaγ-n tax	tot-i-jan tax

Субъектно-пассивное спряжение

Грам. субъект	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
1 л.	tot-awe-m tax 'меня увезут' и т.д.	tot-awē-mēn tax	tot-awē-w tax
2 л.	tot-awe-n tax	tot-awē-n tax	tot-awē-n tax
3 л.	tot-awe tax	tot-awē-γ tax	tot-āwe-t tax

Императив

Безобъектное спряжение

2 л.	Гл.ч.	naγ tot-e-n	'ты вези'
	Дв.ч.	nēn tot-ē-n	'вы двое везите'
	Мн.ч.	nān tot-ēn	'вы везите'

Объектное спряжение

Субъект	Объект			
	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.	
2 л. ед.ч.	naγ tot-ē-l-n	'ты вези его'	tot-ē-γ-n	tot-ē-n
дв.ч.	nēn tot-e-l-ēn		tot-e-γ-ēn	tot-ē-n
мн.ч.	nān tot-e-l-ēn		tot-e-γ-ēn	tot-ē-n

Кондиционал

Личные окончания кондиционала в настоящем и прошедшем временах в основном совпадают с окончаниями индикатива.

Настоящее время

Безобъектное спряжение

1 л.	tot-eγ-um ke	'если я привезу' и т.д.
------	--------------	-------------------------

Объектное спряжение

Субъект	Объект		
	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
1 л.	tot-i-l-um ke 'если я его привезу'	tot-i-jaγ-um ke 'если я их (двух) привезу'	tot-i-jaγ-um ke 'если я их привезу'

Аудитив

Личные окончания объектного спряжения аудитива при дв. и мн. числа дополнения в настоящем и прошедшем времени совпадают с соответствующими личными окончаниями глагола в индикативе.

Безобъектное спряжение

Ед.ч.	1 л.	tot-ne-m	'оказывается, я везу'	2 л.	tot-e-n	3 л.	tot-ē-te
Дв.ч.	—	tot-ne-mēn		—	tot-ē-n	—	tot-e-tēn
Мн.ч.	—	tot-n-ē-w		—	tot-ē-n	—	tot-ē-nēl

Объектное спряжение

Субъект	Объект			
	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.	
Ед.ч.	1 л.	tot-n-ē-l-um 'оказывается, я его везу'	tot-nē-γ-um	tot-nē-n-um
	2 л.	tot-n-ē-l-n	tot-nē-γ-n	tot-nē-n
	3 л.	tot-n-ē-t-l	tot-nē-γ-e	tot-nē-ne
Дв.ч.	1 л.	tot-n-e-l-amēn	tot-ne-γ-amēn	tot-ne-na-mēn
	2 л.	tot-n-e-l-ēn	tot-ne-γ-ēn	tot-ne-n-ēn

и т.д.

Субъектно-пассивное спряжение

Грам. субъект	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
1 л.	tot-im-am 'оказывается, меня увезли'	tot-im-amēn	tot-im-aw
2 л.	tot-im-an	tot-im-an	tot-im-an
3 л.	tot-im-a	tot-im-aγ	tot-im-at

Нефинитные (инфинитные) формы глагола

Инфинитивная форма образуется посредством суффиксов: а) -ηkwe (для основы, оканчивающейся на гласный): tē-ηkwe 'кушать', б) -uηkwe (для одно- или нечетно-многосложной основы на согласный): aj-uηkwe 'пить', хаһэстахт-uηkwe 'учиться'; в) -aηkwe (для четно-многосложной основы): хаттатахтjyl-aηkwe 'катать друг друга'.

Причастия образуются при помощи суффикса: а) -m(-um)-am/-in: joxt-um nē 'приехавшая женщина'; б) -n/-ne/-en/-an: ūnl-en mā 'место, предназначенное для сидения'.

Причастия на -ke/-эке/-ake/-fe/-эфе/-afe + личное окончание глагола + суф. -t близки по значению к наречиям времени: ūnlə-kē-n-t ul junsen 'когда сидишь, не дремли'.

Деепричастия образуются с помощью суф. -im, -ne: хossjy-xat-im jōmi 'он ходит покачиваясь'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Поскольку М.я. относится к языкам агглютинативного типа, в принципе каждый суффикс в слове выражает одно грамматическое значение. У имен в морфемном ряду падежные суффиксы занимают последнее место, им предшествуют притяжательные суффиксы, а этим предшествуют показатели дв. или мн. числа: kol-aγ-amēn-nēl 'из двух наших домов'. В финитных формах глагола в конце стоят личные окончания, им предшествуют показатели: числа, объекта, перед ними стоит показатель времени; суффикс наклонения в цепочке словоизменяемых морфем занимает первое место. Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменяемым.

2.5.2. По словообразованию выделяются способы: 1) морфологический (суффиксальный, характерный для имен и глаголов); 2) синтаксический (словосложение — особенно характерное для имен); 3) морфолого-синтаксический (категориальный переход, конверсия).

Морфологический способ М.я. весьма богат суффиксами, образующими имена от глаголов, имена от имен, глаголы от имен и глаголы от глаголов: *sāŋ-ar* 'топор' < *sāŋi* 'рубит', *xāl-aśi* 'березняк' < *xal* 'береза', *sāw-m-* 'увеличиться' < *sāw* 'много', *mas-xat* 'одеваться' < *mas-* 'одеть'. Переходность и непереходность, взаимность и возвратность, каузативность, характер протекания действия (Aktionsart) выражаются также с помощью различных суффиксов: *xarjū-t-* 'потушить' < *xarjū-l-* 'потухнуть', *rops-l-* 'вялить' (мясо, рыбу) < *rops-* 'созревать', *rig-xat-* 'иметь обыкновение кусаться' < *rig-* 'кусать', 'грызть', *jal-ar-āl* 'быстро съездить куда-л.' < *jal-* 'ездить'.

Синтаксический способ также весьма продуктивен, особенно основоположение двух имен существительных, из которых изменяется только второе: *māñ* 'младенец' < *māñ* 'маленький', *t* < *ut* 'нечто', *pasankol* 'ящик стола' < *pasan* 'стол', *kol* 'дом'.

Глагольных словообразовательных префиксов много. Одни из них уже не употребляются как самостоятельные слова, другие выступают как наречия, третьи являются переходными между префиксом и компонентом сложного слова: *lar-rātun̄kwe* 'заколотить', 'закрыть наглухо' < *rātun̄kwe* 'стучать', 'кололотить'; префикс *lar-* как отдельное слово не используется; *jol-lūlun̄kwe* 'остановиться' < *lūlun̄kwe* 'стоять'; префикс *jol* употребляется и как наречие, ср.: *jol* 'вниз'; *lākkwa-minun̄kwe* 'разойтись' < *minun̄kwe* 'идти', префикс *lākkwa* возводим к слову *lākw* 'круг', 'кольцо'.

Морфолого-синтаксический способ используется по линии субстантивации прилагательных и причастий, а также адъективации причастий.

Принимая лично-притяжательные суффиксы, причастия субстантивируются: *jox̄t-um-um wājwes* 'мой приход (те, эти) видели'. В этой форме они принимают также падежные суффиксы или сочетаются с послелогам; *jox̄t-um-um-n šāȳtəs* 'он обрадовался моему приходу', *am-jox̄t-um-um juj-pālt taw jox̄təs* 'После моего прихода он пришел' (см. также 2.5.3)

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная. По составу простые предложения делятся на односоставные и двусоставные, они могут быть распространенными и нераспространенными, полными и неполными. Неполное двусоставное предложение часто состоит из одной финитной формы глагола, поскольку личные местоимения, выражающие подлежащее (иногда и прямое дополнение), как правило, опускаются: *jox̄tē-um* 'я приду'; *wjū-l-um* 'я его возьму'.

Среди односоставных предложений особую группу составляют безличные: *jūnsxatun̄kwe ēri* 'надо жить', *sūj wārūn̄kwe at rōwi* 'нельзя шуметь'; *tōwli* 'достаточно', *juw mos iŋ xosa* 'до дому еще далеко', *ānum̄n ēsəḡma* 'мне стыдно', *ānum̄n aśiḡma* 'мне холодно'.

К односоставно-личным относятся предложения, в которых в функции сказуемого выступают глаголы, образованные от имен существительных и характеризующие явления природы. Они при определенной ситуации могут выступать как двусоставные: *tūji* 'идет снег' (досл. 'снежит'); *rakwi* 'идет дождь' (досл. 'дождит'); но: *tēli tūjt tūji, tuji rakw rakwi* 'зимой снег идет, летом дождь идет' (букв. 'зимой снег снежит, летом дождь дождит'); *it̄imli* 'настает ночь', но: *xōtal it̄imli, turman̄jū jēm̄ti* 'ночь настает, становится темно' (букв. 'день становится ночью'); ср.: *xōtal* 'день', *it̄i, ēt* 'ночь', *postjyli* 'рассветает'; *ēt postjyli* 'ночь становится светлой'.

Основной тип именного предложения конструируется при помощи связки; при ней предикатив имеет форму транслатива: *am ātam ohoťnikjū ōli* 'мой отец охотник' (букв. 'в охотника есть'); *nanjom̄as ohoťnikjū ōlēw̄n* 'ты хороший

охотник' (букв. 'в охотника есть'); am ātam ohoŋnikjū ōlēs 'мой отец был охотником' (букв. 'в охотника был'); отрицательные именные предложения строятся при помощи отрицательной частицы или отрицательного глагола: am 'охотник', ātimum 'я не охотник'; am ohoŋnikjū at ōlēyum 'я не охотник' (букв. 'я не являюсь в охотника), ср. также: ohoŋnik jun ōli 'охотник дома' (букв. 'охотник дома находится') — am jun ātimum 'я не нахожусь дома', ohoŋnik jun ātīm 'охотника нет дома' (букв. 'охотник дома отсутствует'). Предложения обладания строятся только при помощи глагола: am nāwgam ōs oŋšēyum 'у меня есть и ребенок' (букв. 'я ребенка тоже имею'); am nāwgam ōs at oŋšēyum 'у меня нет и ребенка' (букв. 'я ребенка тоже не имею').

Предложения без связки употребляются очень редко лишь в речи представителей молодого поколения, хорошо владеющих русским языком.

Глагольное сказуемое с подлежащим согласуется в числе/лице. Если подлежащее выражено числительным, то сказуемое оформляется соответственно в форме ед., дв. или мн.ч.: akwa joxtəs, xūrum iŋ juwət, kitijū os tot kulŋmjū 'один уже пришел, трое еще на пути находятся, а двое остались (двое) там'.

Два однородных подлежащих, не разделенных союзом, оформляются каждое в отдельности в дв.ч., сказуемое согласуется с ними также в дв.ч.: Māšāy Rētaŋ akw pārtat ūnlēy 'Маша и Петя сидят за одной партией' (букв. 'Маша (две) Петя (два) сидят (двое) на одной парте').

Препозитивное определение с определяемым не согласуется: māŋ āmpārat īsnas at oŋšēyət 'маленькие амбары не имеют окон' (букв. 'маленький амбары...').

Если в функции определения употребляется количественное числительное, то определяемое имя существительное, обозначающее неопределенный предмет, стоит в форме ед.ч., а сказуемое согласуется то по смыслу, то формально: xūrum kol xūrum māŋ ūnlēyət (ūnli) 'три дома на трех разных местах стоят' (ūnlēyət — форма мн. числа, unli — форма ед. числа). Если же имя, определяемое числительным, обозначает определенный предмет, оно стоит в форме дв. или мн. числа: kit sālijjū jol-xujamjū, ŋila l'ūl'ēyət 'два оленя легли, а четыре стоят'.

Глаголы управляют косвенными падежными формами имени (местоимений) или послеложными конструкциями. При послелогах же обслуживаемое имя имеет форму номинатива.

Подлежащее тяготеет к началу предложения, сказуемое завершает его, логически выделяемое слово стоит непосредственно перед глаголом-сказуемым (если же оно очень сильно выделяется, то может стоять в конце предложений, но это бывает редко), подлежащее предшествует прямому дополнению.

Определения различных типов (количественные, качественные, притяжательные) предшествуют определяемым. Когда к определяемому относится несколько неоднородных определений, они образуют цепочку по степени подчинения; ср.: ti jil'pi kol alat 'на крыше этого нового дома'; ta xōluwjam karəs xāl 'та пожелтевшая высокая береза'.

Порядок слов в ряде случаев имеет смысловозначительную функцию. Субъект и прямой объект действия, выражающиеся словами в одинаковой падежной форме, разграничиваются лишь посредством порядка расположения соответствующих слов в предложении. Одно и то же слово в зависимости от своего расположения может выступать определением или именным сказуемым (между именем-подлежащим и именным сказуемым обязательно имеется пауза), ср.: pōlam wit 'холодная вода' — wit pōlam 'вода (есть) холодная'; tujī mān sās

kol̄t xujantāl̄ew, s̄ekw 'Летом мы спим в берестяном помещении, там не жарко (спать)' (sās 'береста', 'берестяной').

Послелогии следуют непосредственно за обслуживаемым именем или местоимением. Артикли предшествуют обслуживаемому имени, но между ними могут помещаться другие слова. Префиксальные компоненты глаголов могут быть отделены от глагола посредством отрицательных частиц. Вопросительные слова в предложении занимают место заменяемого члена предложения.

Часто используются осложненные причастные образования на -ke (-əke/-ake, -t̄e, -ət̄e, -at̄e), оформленные личными окончаниями + именной суффикс -t, а также деепричастия на -im + суф. лица/числа, ср.: jalasa-k̄e-n-t m̄ūxal̄ ōlen 'когда ты едешь (по воде), веди себя спокойно'; juw̄t̄e j̄ōm-im-am-ēn š̄opr̄ət w̄āstm̄ēn 'когда мы возвращались назад, видели глухарей'.

Предложения, осложненные такими причастными и деепричастными оборотами, заменяют придаточные предложения: juw̄ j̄ox̄tumum̄t x̄ōt̄elas 'когда я вернулся домой, уже рассвело' (букв. 'во время моего возвращения настал день'). В слове j̄ox̄tumum̄t j̄ox̄t- — корневая морфема, -im — суф. причастия, -im (второй) — суф. 1-го л. ед. числа.

2.5.4. Сложные предложения подразделяются на сложносочиненные и сложноподчиненные. Однако в М.я. сложные предложения, особенно союзные, малоупотребительны. Смысловая взаимосвязь между частями бессоюзного сложного предложения выражается посредством интонации, частиц и порядком расположения, составляющих его простых предложений. Степень взаимосвязи между частями сложного предложения может быть довольно слабой: tuw̄l̄ ān̄ r̄ūška r̄āy-ḡōw̄əs, r̄ūȳḡis̄ x̄ūnt̄li: t̄ōsam̄ m̄āt̄ suj̄t̄i 'затем эту бочку прибило к берегу, мальчик прислушался: (бочка) находится на суше'. Предложения о придаточными уступительными и придаточными количества встречаются крайне редко.

Более часто употребляются сложноподчиненные предложения с придаточным пояснительным и временным (последнее выражает последовательность действия).

Условные, определительные и придаточные количества всегда предшествуют главному предложению. Придаточные пояснительные (дополнительные), причины, причинно-следственные и поясняющие цель действия следуют после главного предложения. Придаточные образа действия и места также обычно следуют после главного предложения. Придаточные же временные больше тяготеют к началу, т.е. предшествуют главному предложению.

2.6.0. В современном М.я. сохранились слова, унаследованные от уральского, финно-угорского и угорского языков-основ. Кроме них, в М.я. выделяются слова, образовавшиеся на основе собственного материала, а также заимствованные из других языков.

Имеется слой лексики, перенятой из иранских языков (15—20 слов): āgr̄i 'рыболовная снасть', w̄ōt̄ 'ветер', k̄ēr̄ 'железо'. Немало слов заимствовано из тюркских языков, особенно южными и восточными диалектами; из татарского языка проникло в М.я. много терминов животноводства, земледелия, а также общественно-политической и хозяйственной жизни: ākar̄ 'собака со свисающими ушами', r̄ik̄ 'бык'; k̄ūr̄na 'стог сена', ān̄kas̄ 'горох', s̄ōlamat̄ 'каша', 'густая мучная похлебка'; x̄ōp̄ 'царь', x̄ōsax̄ 'казак', k̄āsna 'касса', š̄ēr̄ 'карман'; tōlmaš̄ 'переводчик'; ārsin̄ 'аршин' (единица меры); r̄ōjar̄ 'господин', 'важный, неработающий человек', r̄ōxatur̄ 'злодей', 'богатырь', āmp̄ar̄ 'амбар', x̄ōm̄š̄i 'кнут'. Из коми языка и через коми язык из русского и других языков заимствована не одна сотня слов культурного обихода, названия животных, жилища

и др.: sakkar 'сахар', lēkkaŋ 'лекарь', īsnas 'окно', tuman 'замок', pasan 'стол', mis 'корова', pūgās 'свинья', inar 'седло', pāñ 'хлеб'; sāñka 'маленький пирожок, начиненный чем-либо', jārtak 'шелк', pisał 'ружье', šāŋ 'чай', lutəkka 'хлоп', ŋas 'тупой', tuŋas 'строгальный инструмент', müstuŋkwe 'нравится', aŋyün 'медь'; uŋas 'предвещание несчастья'; usəŋ 'богатство', jāmsək 'ямщик'.

В М.я. много заимствований из самодийских языков, они относятся к терминологии оленеводства, одежды: xōrət 'кастрированный олень'; sujuw 'оленок до года', šānuw 'плоская костяшка на узде оленьей упряжки'; mołšar 'малица'; šōruw 'нарта для постельных принадлежностей и досок для пола в чуме'; tutšar 'мешочек для вышивальных принадлежностей'; šānuw 'пластинка на упряжи оленя'.

Контакты с русскими в далеком прошлом осуществлялись через комиязычные народы, позднее эти контакты стали более интенсивными и непосредственными. Особенно много русских заимствований вошло в М.я. начиная с 30-х годов XX в. в связи с введением письменности и параллельным обучением на родном и русском языках. Ранние заимствования, вошедшие в М.я. до появления письменности, были подвергнуты изменениям в соответствии с фонетическими и морфологическими закономерностями заимствующего языка: istārsin 'старшина', sāmwar 'самовар', kurpa 'крупа'. В настоящее время манси находятся в тесном контакте с русским населением, влияние русского языка на речь молодежи, да и на речь представителей старших поколений, очень велико. Русские слова в М.я. проникают теперь почти в том же звучании и пишутся так же, как в русском языке: *школа, книга, газета, журнал, буква, звук, фабрика, съезд, секретарь* и т.д.

2.7.0. В М.я. выделяются четыре наречия (или диалектные группы), каждая из которых состоит из нескольких близких или отдаленных диалектов. Между перечисленными группами диалектов (наречий) расхождения на фонетическом уровне весьма значительны, имеются также морфологические и лексические различия. Взаимопонимание между представителями разных диалектных групп затруднено. Это объясняется тем, что территории диалектных групп разъединены непроходимыми болотами и большими расстояниями. Кроме того, ограничения в общении между этническими группами манси налагаются верованиями.

Северная группа распространена по рекам Северная Сосьва (lūji Tāyt), Ляпин (Sakw) и Верхняя Лозьва (alī Lüssum). Ее говоры сохраняют в основном более древний облик по сравнению с другими наречиями. Отпадение конечных гласных у двухсложных основ еще не завершено. В связи с утратой конечного гласного основы появились новые гласные протетического типа (э, ё). Формирование противопоставления некоторых гласных (i—ī, e—ē, э—ē) по долготе и краткости продолжается до сих пор. Лабиальные гласные в конце слова не употребляются. В опорном диалекте современного письменного М.я. имеется 12 гласных фонем: шесть долгих и шесть кратких. Все долгие гласные значительно более открыты и более отодвинуты назад, чем краткие их пары. Все долгие гласные дифтонгоидные, краткие — монофтонги. Западная группа распространена по средней и нижней Лозьве, а также по реке Пельму (Polum) и Вагилю (Wāyil). Восточная группа — по реке Конде (Xōntaŋ) и ее притокам. Южная группа — по реке Тавде (alī Tāyt).

Фонетические расхождения в основном касаются системы вокализма. В восточном наречии кроме противопоставления по долготе и краткости имеются велярные/палатальные пары гласных a-ä, o-ö, u-ü, а также дифтонги: oa, öä, üä, uo, aa^o, ua^o. В западном и южном наречии также выделяются дифтонги:

оэ, óá и палатальные гласные: ü—ÿ, ä—ǣ, ö—õ. Например, сев. āwi — вост. āw, ěw — южн. āau, ājiw — зап. ěw 'дверь'; сев. āmp — вост. žmp — южн. āmp 'собака'.

В системе консонантизма различия незначительные, они сводятся в основном к соответствиям k/x или s/š, γ/w и т.д. и к некоторым другим соответствиям: сев. hort- — вост. kōrt- — южн. kort- — зап. kortənt- 'лаять'; сев. xus — вост. xos — южн. kos — зап. kous, kus 'двадцать'; сев. sōt — вост. šōt, sōt — южн. šat — зап. šōtəŋ 'счастливый', 'счастье', сев. āyi — вост. žw — южн. õw — зап. žw — 'дочь'. Имеются и морфологические различия.

ЛИТЕРАТУРА

Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийский язык (Учебное пособие для педучилищ). Л., 1957.

Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958. (7 тыс. слов.)

Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.

Ромбандеева Е.И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М., 1979.

Чернецов В.Н., Чернецова И.Я. Мансийско-русский словарь. М.; Л., 1936. (5 тыс. слов.)

Чернецов В.Н. Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. 1.

Honti L. System der paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda. P., 1975.

Kálmán B. Chrestomathia vogulica. Budapest, 1963.

Kálmán B. Wogulische Texte mit einem Glossar. Budapest, 1976.

Kannisto A. Zur Geschichte der Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1919. 46.

Lakó Gy. Északi-manyisi nyelvtanulmányok // Nyelvtudományi közlemények. 1956. LVII.

Liimola M., Kannisto A. Wogulische Volksdichtung. Helsinki, I — 1951; II — 1955; III — 1956; IV — 1958; V — 1959; VI — 1963.

Liimola M. Zur historischen Formenlehre des Wogulischen. Helsinki, 1963.

Munkácsi B. A vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve: Ugor Füzetek. Budapest, 1894. II.

Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. 1892—1896. I—IV.

Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. B., 1955.

Л. Хонти

ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Хантыйский язык (Х.я.) — язык хантыйского народа, аборигенов Сибири. Современный этноним "ханты" происходит от самоназвания северных ханты хānti, ср. еще южнохант. хāntə, восточнохант. kāntəy, kāntəy. Раньше хантов называли остяками; это название до сих пор общеупотребительно в нерусскоязычной специальной литературе; ср. венг. osztják, фин. ostjakki, нем. Ostjak, англ. Ostyak.

1.1.2. Х.я. вместе с мансийским образуют обско-угорскую группу, их ближайшим родственником является венгерский. Все три языка называются угорскими и составляют восточную ветвь финно-угорских языков, которые вместе с самодийскими входят в семью уральских языков.

1.1.3. Носители Х.я. живут по реке Оби и ее притокам от Обской губы (г. Салехард) до реки Васюган. Общая численность ханты — 22 тыс. 521 чел. (60,5% считают язык родным) (перепись 1989 г.). Их большая часть проживает в Ханты-Мансийском (11,9 тыс. чел.) и Ямало-Ненецком (7,3 тыс. чел.) автономных округах Тюменской области Российской Федерации; небольшие группы встречаются в Нарымском районе Томской области Российской Федерации.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Хантыйские диалекты делятся в основном на три группы: восточную, южную и северную. В фонетическом отношении южные и северные диалекты характеризуются некоторыми общими чертами, например упрощением системы прахантыйских гласных фонем. Традиционно эти две группы называются западными диалектами. В морфологическом и синтаксическом отношениях южные говоры имеют больше общего с восточными, чем с северными. Такое деление весьма условно, так как в диалектологическом отношении Х.я. чрезвычайно раздроблен: говор каждого населенного пункта в большей или меньшей степени отличается от говоров соседних населенных пунктов (чумов). Так как расхождения во всех областях грамматики значительны, в данном очерке в основном описывается один из восточных диалектов — сургутский (сур.); особое внимание обращается на тремюганский (трем.) говор. В случае необходимости приводятся сведения также из других говоров сургутского д-та: тремаганского (тром.), юганского (юг.) и пимского (пим.), а также из южного и северного диалектов.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Х.я. служит средством устного общения хантыйского населения. Среди северных ханты многие представители младшего поколения русскоязычны, свой язык сохраняет только старшее поколение. Южные ханты практически обрусели. По данным последней переписи, из хантыйского населения лишь 67,8% считает хантыйский родным языком, и 52,8% владеет русским языком.

1.3.2. Х.я. литературного варианта фактически не имеет. В 30-е годы XX в. была сделана попытка создать его на основе северного наречия (казымского диалекта), но позднее разные материалы (учебники родного языка, отдельные небольшие переводные и оригинальные произведения) печатались на разных диалектах. С начала 80-х годов интенсифицировалось издание учебных пособий (букварей, школьных словарей, книг для чтения и т.д.) на отдельных диалектах.

1.3.3. Обучение на Х.я. не ведется; как родной язык он преподается в подготовительном и первом классах.

1.4.0. Маленькие словники, содержащие данные Х.я., составлялись главным образом европейскими путешественниками (например, Ф.Й. Штраленбергом) начиная с XVIII в. Научное исследование Х.я. и запись фольклорных текстов начались в 40-е гг. XIX в. в рамках полевой работы, проведенной венгром Анталом Регули и финским ученым Матиасом А. Кастреном.

Первые шаги к созданию письменности на Х.я. были сделаны во второй половине XIX в., когда русские монахи и священники переводили на Х.я. молитвы и отрывки из Библии, чтобы ускорить обращение ханты в христианство. Однако эти первые попытки никакого влияния на дальнейшее развитие письменности на Х.я. не имели.

Только начиная с 30-х гг. XX в. было начато издание учебников и учебных пособий для хантыйских школ, а также оригинальной и переводной литературы. До 1937 г. письменность развивалась на основе латинской графики, потом она была переведена на кириллицу. Первые книги публиковались на смешанном варианте обдорского (ныне салехардского) и березовского диалектов, а также на казымском диалекте. С 40-х гг. начала издаваться литература на среднеобском (шеркальском) диалекте, а с конца 50-х годов — также на ваховском и сургутском диалектах. Издаются учебники и небольшие оригинальные произведения и на шурышкарском говоре березовского диалекта. Южный диалект в печатных изданиях не представлен.

Поскольку единой письменности у Х.я. нет, в данном очерке языковые данные приводятся в финно-угорской фонематической транскрипции.

1.5.0. Древних языковых памятников на Х.я. нет, поэтому трудно определить периоды его истории. Прахантыйский, вероятно, перестал существовать на рубеже I и II тыс. н.э. или в начале II тыс.

1.6.0. Влияние других языков на Х.я. отражается в первую очередь в лексике (см. 2.6.0). В области словообразования некоторое влияние на него оказал коми язык, а в области синтаксиса — русский язык.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Изменения в фонологии, происшедшие за период от прафинно-угорского (прауральского) до прахантыйского состояния были значительны: фин.-уг. *s и *š > прахант. *л, фин.-уг. *ś > прахант. *s, фин.-уг. *š > прахант. *l, фин.-уг. *δ > прахант. *j, фин.-уг. *w внутри слова > прахант. *γ; появление палатальных лабиальных гласных *ö, *õ, исчезновение конечных гласных звуков корней, появление у гласных фонем фонологической оппозиции по напряженности/ненапряженности.

Гласные

	Подъем	Гласные первого слога				Гласные непервых слогов	
		Велярные		палатальные		велярные	палатальные
		иллаб.	лаб.	иллаб.	лаб.		
Напряженные	верхний	i	u	ɨ	ʉ	j	ɨ
	средний		o	e		ɛ	e
	нижний		ɑ	ä		a	ä
Ненапряженные	нижний		õ	ø	õ	ä	ä
	средний			ä	ö	ä	ä
	нижний	ä		ä	ö		ä

Примечание. ʉ имеется только в юганском диалекте, ö отсутствует в пимском диалекте.

Согласные

По способу образования		По месту образования						
		билабиальные	переднеязычные			среднеязычные	заднеязычные	
			альвеолярные	ретрофлексные	палатализованные		нелабиализованные	лабиализованные
Шумные	смычные	p	t	ʈ	ʈ		k	k.
	аффрикаты			ʈ				
	фрикативные		s					
Сонорные	фриколатеральные		l		ʎ			
	латеральные			l				
	вibrанты		r					
	назальные	m	n	ɳ	ɳ		ŋ	ŋ.
	глайды	w			j		ɣ	ɣ.

Долгих согласных нет, они появляются только на стыке морфем и слов.

2.1.2. Словесное ударение динамическое, оно падает в основном на первый слог, но в определенных случаях может переходить на второй слог.

Палатовелярная гармония гласных характерна для тремюганского, частично для юганского (в нем нет *i*, *e*, *ə*) говоров, совсем исчезла в тремаганском и пимском говорах (она последовательно нарушается суффиксом пассива в 1-м и 2-м лицах, см. 2.3.5).

2.1.3. Как напряженные, так и ненапряженные гласные могут употребляться в начальной, срединной и конечной позициях в слове, но лабиальные гласные в непервых слогах не используются (за исключением одного из суффиксов пассива, см. 2.3.5). Ненапряженные гласные первого слога реализуются всегда сверхкраткими. Сочетания согласных в начале слова не допускаются, но в середине слова они встречаются, и даже в исходном положении допускаются сочетания двух гоморганных согласных: *ämp* 'собака', *čärč* 'колено', *měst* 'они дали'; случайные сочетания могут появляться при выпадении *ə/ə* и при переходе назальных, вибранта, латерального и фриколатеральных в слогиобразующие: *kätäl* или *kätä* 'день; солнце', *wēsätən* или *westən* 'вы (дв.ч.) взяли'.

2.1.4. Характерны следующие типы слогов: *V*, *Ū* — *i-mi* 'старуха, женщина', *ä-mäg-* 'черпать', *VC*, *ŪC* — *äm-pət* 'собаки', *ëm-gä* 'черпай!'; *VCC*, *ŪCC* — *oŋk* 'сера', *önt* 'внутренность'; *CV*, *CŪ* — *ne* 'женщина', *wě-läm* 'возьму'; *CVC*, *CŪC* — *kät* 'дом', *poŋ* 'ты'; *CVCC*, *CŪCC* — *čärč* 'колено', *jäŋk* 'лед'. В случае соноризации упомянутых выше (2 1 3) согласных могут возникать также слоги, в которых соседствуют более двух согласных, например юг. *ńípčä-čäm* 'я растянул'.

Фонологическая оппозиция гласных фонем по напряженности/ненапряженности сопровождается оппозицией несверхкраткость/сверхкраткость. Напряженные гласные, в зависимости от открытости/закрытости слога, реализуются как долгие, полудолгие или краткие. Ненапряженные реализуются всегда сверхкраткими.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Корневые и суффиксальные морфемы противопоставляются друг другу в первую очередь неизменяемостью вокализма корневой морфемы по велярности/палатальности и уподоблением гласного суффикса вокализму в первом слоге корня (исключением является один из суффиксов пассива, см. 2.3.5). Корневые морфемы всегда содержат гласные, но суффиксы могут их не иметь. Принцип образования слога заключается в следующем: вершиной, центром слога является гласный, но на уровне фонетической реализации при выпадении *ə/ə* в непервых слогах часто встречаются слогиобразующие согласные (см. 2.1.3). В начале слова слог начинается либо с гласного, либо с согласного, но в середине он начинается обязательно с одного согласного, из-за чего границы слогов и морфем часто не совпадают: трем. *äm-pət* (< *ämp* + *ət*) 'собаки', *kä-ta* (< *kät* + *a*) 'в дом', *kät-nä* (< *kät* + *nä*) 'в доме'.

2.2.2. Морфонологические единицы и категории не отличаются друг от друга по фонологическому построению.

2.2.3. В Х.я. очень распространено чередование фонем. Одна группа чередований вызвана фонетическим окружением. Сюда относятся такие чередования согласных, как: *γ/k*, *γ/к* после *ŋ*, *γ*, перед *k*, *γ* и в положении перед *əŋ/əŋ*, например: трем. *läləŋkə* 'живым' < *läləŋ* 'живой' + *γə*, *jukkəŋ* 'два дерева' < *juγ* 'дерево' + *γəŋ*, *ləŋkiŋtäuəl* 'по сравнению с ним' < *ləŋ* 'он' + *kiŋtäuəl*, *wəŋkəŋ* 'сильный' < *wəŋ* 'сила' + *əŋ*. Если к сочетаниям согласных типа "назальный/фриколатеральный/плавный + гоморганный согласный" присоединяется третий, то согласный, находящийся в середине, может выпасть: трем. *ätläät* 'мои собаки' < *ämp* 'собака' + *ä* + *äm* (см. еще 2.1.3). Ауслатное *ə/ə* чередуется перед суффиксами либо с *a/ä*, например трем. *täytä* 'кусочек' —

täytam 'мой кусочек', либо с нулем: täytäl 'их кусочек' (< täytâ + jл). j/i чередуется в непервых слогах перед гласным с äj/äj; трем. imi 'женщина' — imäjä (датель), ägil 'ломается' — ägäjëу 'ломался'.

Чередования в парадигме и словообразовании первоначально тоже носили фонетический характер, так как они возникли в результате ассимиляции гласных первого и второго слогов, но в настоящее время уже морфологизованы. Напряженные гласные нижнего и среднего подъема (первичные гласные с точки зрения чередования) чередуются с соответствующими им напряженными гласными верхнего подъема (со вторичными), а ненапряженные гласные нижнего подъема (первичные) — с гласными ненижнего подъема (вторичными): ä—j, ä—u, o—u, ä—i, e—i, ö—ä, ä—ë, ö—ë. В лично-притяжательной парадигме существительных выступают только чередования напряженных гласных. Гласный, являющийся в чередовании вторичным (нем. Wechsel-Vokal), выступает в лично-притяжательной парадигме существительных с одним обладаемым, перфекте и повелительном наклонении. В глаголах, в которых основным гласным (нем. Grund-Vokal) является ненапряженный, чередование имеет место только в императиве. Хотя указанные чередования довольно закономерны, допустимы варианты и без них: трем., юг. ämp 'собака' — impät 'моя собака'; трем., юг. mäу 'бобр' — трем. müüm, юг. mäуam 'мой бобр'; трем. läpät 'кормить' — äptä 'корми!', äptät 'я кормил'. В глаголах с основным гласным ä выступает тройное чередование ä/j(императив)/u(перфект): трем., юг. wäу 'звать' — wjа 'зови!' — юг. wуüm 'я звал'. Кроме того, имеется группа глаголов с тематическим гласным а; в первом слоге у некоторых из них встречается ä, которое в перфекте чередуется с ö, например: käл(а)- 'умереть' — köä 'он умер'.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Х.я. представляет собой в основном агглютинативный тип языка, но он обладает также и флективными чертами (ср. 2.2.3). Аналитические конструкции в Х.я. встречаются довольно редко; преобладает в нем синтетизм.

2.3.1. Грамматические разряды слов в Х.я. довольно хорошо разграничены, хотя грани между существительным и прилагательным являются не очень резкими (аргументами в пользу самостоятельности прилагательного как части речи следует считать: наличие словообразовательных суффиксов, которые употребляются прежде всего при образовании прилагательных, изменение прилагательных по степеням сравнения). Для некоторых числительных и указательных местоимений существенно наличие отдельных атрибутивных и неатрибутивных вариантов.

В Х.я. морфологически выражаются следующие категории: число, лицо, падеж, посессивность, определенность, степень сравнения, время, модальность (наклонение), залог.

2.3.2. В области местоимений имеется оппозиция "человек — нечеловек": трем. köjaj 'кто', mëj, mëj 'что, какой'. Других типов категориальной качественной классификации в Х.я. нет.

2.3.3. В сургутском диалекте существует три грамматических числа: единственное, двойственное и множественное. Парные части тела или одежды в основном выражены двойственным числом: трем. köтүäl 'его две руки'. Если речь идет только об одном компоненте, употребляется существительное räläk 'половина': трем. kög-räläk 'хромой, одноногий' (букв. 'половина ноги'). Двойственное число употребляется в том случае, когда два разных существительных выступают в качестве однородных членов предложения (числительное kät 'два' может им предшествовать для подчеркивания совместности): трем. siүäsyäp

kõkõkkõp mǎu, lǎuǎp 'ястреб-рыболов и орел кружатся', kǎt imeuǎp ikeuǎp wõluǎp 'жили-были старуха и старик', imi jǝkkõp ǎŋkeuǎp tǎjǎl 'у одной женщины отец и мать', ǎp kǎt ǎuǎuǎp rǎkkõp tǎjlǎuǎp 'у них (двоих) были дочь и сын'.

2.3.4. Для выражения падежных значений служат падежные суффиксы и (для выражения более тонких оттенков) послелогои. При помощи падежей выражаются: субъект, прямое и косвенное дополнения, различные пространственные отношения, совместность, орудийность, причина, цель и т.д. Часть послелогов с пространственным значением образует трехчленные серии; они чаще всего происходят от имен существительных.

Посессивность выражается прежде всего посредством лично-притяжательных суффиксов. При обладателе 1-го или 2-го лица лично-притяжательный суффикс является необходимым компонентом слова, выражающего обладаемое, а в 3-м — только при обладателе, выраженном личным местоимением (местоимение может и опускаться): трем. (mǎ) imrǎm 'моя собака', (ǎõu) kutǎl 'его дом', тром. ǎǎg kǎnpǎ 'берег озера'.

2.3.5. Залоговые противопоставления выражаются оппозицией активного и пассивного залогов (показатель последнего o, oǐ в 1-м и 2-м лицах последовательно нарушает палатовелярную гармонию гласных, ср.: трем. rǎplojǎm 'я буду положен', ǎǎrǎtoǎjǎm 'я буду кормлен'); для пассивного залога характерно то, что и непереходные глаголы могут спрягаться в пассиве: тром. temi ǎjǎ wǎrtǎ, ǎnpǎ wǎrtǎ juu, nǎ ǎnmi 'перед ним выросло дерево для изготовления черпака, для изготовления чашки' (букв. 'этот был выращен деревом...'), ср. ǎnpǎm- 'расти'.

Для обозначения переходности, каузативности, возвратности используются словообразовательные суффиксы. Так же выражаются способы протекания действия (мгновенность, многократность, повторность и т.д.).

Взаимность выражается аналитическим способом: трем., юг. ǎul wǎl- 'драться' (букв. 'бить друг друга', ǎul 'вместе, друг с другом', wǎl- 'бить, убить'), юг. ǎula jǎstǎmǎp 'мы согласились' (букв. 'вместе говорили', ǎula 'вместе, друг с другом', jǎst- 'говорить').

Модальные значения изъявительности и повелительности выражаются формами (наклонениями) глагола: трем. mǎpǎm 'я иду', wǎgi 'он был сделан', mǎnǎ 'иди!', wǎgǎ 'делай!'. Другие модальные значения выражаются либо частями, либо причастиями: а) частицей ирреальности действия ǎlǎŋ: юг. ǎõw ǎntǎmpǎ kõlǎm ǎlǎŋ 'я бы умер, если его не было бы', тром. mǎ ǎlǎŋ jǎŋlǎm 'я бы пошел'; б) условным причастием с лично-притяжательным суффиксом (кондиционал): тром. jǝkŋa: mǎntem mǎtalakkǎ jǝkŋa jǎuǎ! 'если ты станешь для меня чем-нибудь, стань!'; в) причастием настоящего времени + ka 'если' (кондиционал): трем. kõu wǎlǎtan-ka ǎulǎ! 'если ты долго находишься здесь, жди!'; г) глаголом в индикативе + наречием kuntǎ 'когда, если' (кондиционал), напр.: тром. mǎntem mǎtalakkǎ jǎlǎp kuntǎ, jǎuǎ! 'если ты станешь для меня чем-нибудь, стань!'.

Вид в Х.я. не исследован.

Глагольные приставки, происходящие от пространственных наречий и употребляющиеся не с глаголами движения, указывают на результативность и совершенность действия, например: тром. ǎõk-wǎg- 'готовить, починать' (ср. ǎõk 'вверх', wǎg- 'делать').

2.3.6. Грамматическое лицо выражается финитными формами глагола, лично-притяжательными формами существительного и личными местоимениями. Лиц в Х.я. — три.

Определенность в сфере существительных выражается лично-притяжательным

суффиксом 3-го лица ед.ч., который, таким образом, приблизительно соответствует по функции определенному артиклю венгерского и других языков.

Неопределенность / определенность прямого дополнения может быть выражена формами глагола при помощи соответственно неопределенного (безобъектного или субъектного) и определенного (объектного) спряжений; при прямом определенном дополнении глагол может стоять также в форме неопределенного спряжения: трем. *lájəmət mənt məjə!* 'дай мне топор!' (букв. 'дай меня топором!'). Глагол в определенном спряжении может указывать также на число определенного прямого дополнения: пим. *pállaam jāwəllaam pōk-wāgləam* 'я починаю свои стрелы и луки' (букв. 'мои стрелы, мои луки я сделаю [их]'), но: *pállaal jāwəllaal koŋgəmtəy* 'он поймал свои стрелы и луки' (букв. 'свои стрелы, свои луки поймал'). Объектное спряжение является обязательным в случае, когда (контекстуально) детерминированное прямое дополнение в предложении отсутствует: пим. *lōw hewrem kēnč, kēnč; lejəll: kjaŋəl əsəm jərinə ōjəytəy* 'она искала, искала ребенка, оглядывается: она нашла его под изголовьем своего внука' (*ōjəytəy* 'нашла [его]').

В сургутском диалекте имеется три времени глагола: настоящее (-будущее), перфект и имперфект (последний в некоторых говорах выходит из употребления). Временные отношения выражаются и причастием; временное значение последних зависит от временного значения финитного глагола предложения.

Указание и пространственная ориентация осуществляется при помощи указательных местоимений и наречий, например в тремюганском говоре:

	tem 'этот здесь'	temi 'этот... здесь'	təm 'тот там'	təmj 'тот... там'	tí 'этот'	tít 'этот...'	tú 'тот'	tút 'тот...'
Конкретный, видный	+	+	+	+	-	-	-	-
Далекий	-	-	+	+	-	-	+	+
Атрибутивный	+	-	+	-	+	-	+	-

Локальные наречия и локальные послелоги, образованные от существительных, характеризуются тройственностью направления: трем. *təyə* 'сюда', *tət* 'здесь', *təla* 'отсюда' (*tə-* 'этот здесь (местоименный корень)'); *kem* 'вон, на улице', *keməp* 'на улице', *keməltä* 'с улицы' (*kem-* корень наречия); *kōkkə* 'далеко (куда?)', *kōŋəp* 'далеко (где?)', *kōŋəlta* 'издалека' (*kōŋ-* 'долгий, длинный, далекий'); юг. *ōwtəja* 'на (что-л.)', *ōwtinə* 'на (чем-л.)', *ōwtəji* 'с (чего-л.)' (*ōwti* 'поверхность, верх'); *juw* *ōwtəja* 'на дерево'.

Выражение отрицания осуществляется при помощи отрицательных частиц: *əntə* 'не, нет', *əntem* 'нет', *äl* 'не' (перед глаголом в повелительном наклонении). Частица *əntem* употребляется при отрицании экзистенциальных предложений со связкой или без нее: трем. *məntəm kim əntem wōla* 'я не мог пойти' (букв. 'уходящего состояния у меня не было'), пим. *pāŋk əntem* 'лиственницы нет'. К *əntem* в предложениях последнего типа присоединяются суффиксы двойственного и множественного числа и даже падежные суффиксы: трем. *əntemwəm* 'их двоих нет', *əntemət* 'их многих нет', юг. *lōw əntemnə kōləm oləŋ* 'если его не было бы, я бы умер'. Двойного отрицания в восточных диалектах Х.я. нет.

2.3.7. В Х.я. различаются следующие части речи: а) знаменательные: имя существительное, прилагательное, числительное, отглагольные имена, местоимение, наречие, глагол, б) служебные: послелог, приставка, частица, в) междометие.

Для разных частей речи характерны следующие категории: для существи-

тельного — число, падеж, лично-притяжательность; для прилагательного — падеж (локатив в качестве модалиса и транслатив-эссив) и степени сравнения; для числительного — падеж; для наречия — степени сравнения (у пространственных наречий есть застывшие падежные формы, некоторые из падежных суффиксов совпадают с падежными суффиксами существительных); для местоимения — число, лицо, падеж; для глагола — число, лицо, время, наклонение, залог.

Наречия образуются от существительных, вопросительных и указательных местоимений главным образом при помощи характерных для наречий падежных суффиксов: трем. *těүэ* 'сюда', *tět* 'здесь', *těl* 'отсюда'. Глагольные приставки являются наречиями по своему происхождению: трем. *nök* 'наверх' (*nök-kil* 'он встал'); *il* 'вперед' (*äḡäl lääl ärgäjät* '... чтобы сани не сорвались').

По структуре послелоги делятся на три группы: а) послелоги без падежных суффиксов: трем. *itj* 'как, в качестве чего-нибудь' (*сөү, эг-руп itj küčj* 'оно стало теплым, как заячья шерсть'); б) послелоги, в состав которых входят падежные суффиксы: трем. *kučḡnḡ* 'около' < *kučḡn* 'пространство возле чего-нибудь'; в) сложные послелоги, вторым компонентом которых является *-pi/-pi* 'сторона': юг. *lěү* 'внутренняя часть' > *lěүri* 'внутренность': *kāt lěүriпә* 'внутри дома, в доме'. (О структуре серийных послелогов см. 2.3.6). К послелогам могут присоединяться также лично-притяжательные суффиксы, например трем. (*mä*) *kučḡḡma* 'ко мне'. Подобные суффицированные послелоги употребляются в функции косвенных падежей личных местоимений.

Союзов в сургутском диалекте сравнительно мало, и все они сочинительные: юг. *räпә* 'и' (*mä jöwtәүлет räпә kijem* 'я его догнал и опередил'); пим. *os* 'и, но' (*tē mēp os mōḡtaүә iki* 'он шагал, но (там) никакого старика не было').

Из частиц следует отметить: усилительную частицу *-pә/-pә*: трем. *ěj-mětäli-p(ә)* *ḡntem* 'ничего нет'; вопросительную частицу *-a/-ä*: трем. *ḡntәj-ä leү jöүät?* 'но он ли приехал'; частицу атрибутивности *-үә/-үә*, присоединяющуюся к существительным с падежными суффиксами и к наречиям: трем. *kātnḡ-үә jākḡkḡn* 'оба в доме находящийся человека', *ketәп-үә jāү* 'на улице находящиеся люди'. Эта же частица может присоединяться и к постпозитивным определениям: *kijḡү pämrḡkkḡ-үә wēlesm* 'я возьму мешок, полный'. Частицы отрицания: *ḡntә* 'не, нет' (с глаголом в индикативе), *ḡntem* 'нет' (в экзистенциальном предложении), *äl* 'не' (с глаголом в императиве); *ḡntem* может принимать суффиксы числа или вести себя как существительное, так как к нему может присоединяться и падежный суффикс (см. 2.3.6).

Междометий в Х.я. относительно много: пим. *ėja*, *ějәкәса* (выражение раздражения), трем., пим. *jä* 'ну-ка', *täka* 'ну-ка' (выражение удивления) и др.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена

Суффиксы грамматических чисел в непритяжательной парадигме: ед.ч. — \emptyset , дв.ч. — *-үәп/-үәп*, мн.ч. — *-ät/-ät* (для основ на согласный), *-t* (для основ на гласный). Падежные суффиксы присоединяются к именам во всех трех числах, лишь транслатив-эссив употребляется только в ед. числе.

Падежные суффиксы

Номинатив	\emptyset
Латив	<i>-a/-ä</i>
Локатив	<i>-пә/-пә</i> (перед суффиксами числа в предикативной функции: <i>-na/-nä</i>)

Аблатив	-j/-i
Аппроксиматив	-nam/-näm
Инструменталис	-at/-ät
Комитатив	-nat/-nät
Транслатив-эссив	-yê/-yê
Дистрибутив	-(ê)ptj /-(ê)pti
Абессив	-lêy/-lêy

Примеры: трем. kât 'дом', kât-a 'в дом', kât-nâ 'в доме', kât-j 'из дома', kât-pam 'в сторону дома', kât-at 'домом', kât-nat 'с домом', kât-yê 'домом, как дом', ал-êptj 'каждый год', kât-lêy 'без дома', kât-yên 'два дома', kât-yên-nê 'в двух домах', kât-yên-j 'из двух домов', kât-êt 'дома', kât-êt-at 'домами', kât-êt-nat 'с домами', kât-êt-yê 'домами, как дома'.

Лично-притяжательные суффиксы (трем.)

Обладатель	Обладаемое в ед. ч.: ∅				Обладаемое	
	Первичный напряженный гласный неверхнего подъема или ненапряженный гласный в первом слоге	Первичный напряженный гласный верхнего подъема в первом слоге	Вторичный напряженный гласный верхнего подъема в первом слоге	Термины родства с ауслутным согласным	В дв. ч.: -yêl/-yêl	В мн. ч.: -(ê)l
<u>Ед. ч.</u>						
1 л.	-am/-äm	em/-em	-êm/-êm		-am/-äm	
2 л.	-a/-ä	-e/-e	-ên/-ên		-a/-ä	
3 л.		-êl/-êl				-êl/-êl
<u>Дв. ч.</u>						
1 л.		-mên/-mên			-êmên/-êmên	
2 л.		-jn/-jn			-ên/-ên	
3 л.		-jn/-jn			-ên/-ên	
<u>Мн. ч.</u>						
1 л.		-êyo/-êyo			-êyo/-êyo	
2 л.		-jn/in			ên/-ên	
3 л.		-jl/-jl			-al/-äl	

Суффиксы 2-го л. ед.ч. с напряженным гласным элементом утратили первоначальный *n, который, однако, сохранился в словоформах с падежными суффиксами: трем. wälennät 'с твоими оленями', ср. wäle 'твой олень' от wäli 'олень', но ср. пим. rjte, rjten 'твоя лодка' от rjt 'лодка'.

Примеры лично-притяжательных форм с падежными суффиксами: юг. kutəma 'в мой дом', kätüälətmənnat 'с обоими домами нашими' ('мы' в дв.ч.), ср. kät 'дом'.

Сравнительная степень в предикативных конструкциях выражается посредством сравнительного послелога kiñtä, например: трем. mä imrəm nõj imrəm kiñtä ênäl 'моя собака больше, чем твоя собака'. В конструкциях для абсолютной сравнительной степени употребляется либо суффикс -em/-em, либо усиительная частица -êk/-êk, преобразовавшаяся в суффикс, который может нахо-

диться до и после падежного суффикса: трем. *лэу* *эпэлсэк* 'он немного бóльший', *лп* *эпэлсэккэп* 'они (дв.ч.) немного бóльшие', *öгүемсэккэ* *јэу* 'оно стало побольше' — *öгүемүө-сэк* *јэу* 'оно стало побольше', *јетет* 'лучший; сравнительно хороший', ср. *эпэл* 'большой', *öгэу* 'лишний; слишком; больше', *јет* 'хороший'. Превосходная степень образуется посредством частиц *-mätä*: *эпэл-mätä* 'самый большой из всех'; *-pi/-pi*: *эпэл-pi* 'самый большой', *пеүi-pi* 'самый белый', ср. *эчэл* 'большой', *пеүi* 'белый'.

Количественные числительные 1—8, 10, 20, 100 и 1000 простые, остальные — сложные: трем. *эј* (употребляется атрибутивно), *эјэл* (употребляется неатрибутивно) '1'; *kät* (атр.), *kätүэн* (неатр.) '2'; *колэм* '3'; *ir-jeң* (< **эј-ört-jöң* 'десять с лишним одним') '9'; *jeң-örөккэ-эј* '11' (< *jeң* '10' + *örөккэ* (< *öгэу* 'лишний' + трансл.-эссив *үэ*) + *эј* '1'). Порядковые числительные образуются путем присоединения суффикса *-mät/-mät* к количественным: трем. *kimät* (< *kit-mät*) 'второй', *kuimät* (< *koläm-mät*) 'третий', *jeң.mät* 'десятый'; числительное 'первый' имеет два варианта: трем. *áлэң* 'первый'; начало, конец', пим. *áлэңmät* 'первый'. Временные наречные числительные образуются от порядковых числительных с падежным суффиксом транслатива-эссива: трем. *kimätүэ* 'во второй раз', *kosmätүэ* 'в двадцатый раз'. Дробные числительные, обозначающие 'половину чего-л.', образуются при помощи существительного *päläk* 'половина, часть; сторона', например: трем. *эј pänэ päläk* 'полтора', *kätүэн эј päläk* 'два с половиной'. Суффиксом дистрибутивных числительных является *-ata/-atä*, например: трем. *эјэлätä* 'по одному', *kitälätä* 'по два', *kolämätä* 'по три'.

Местоимения

Личные местоимения склоняются так, как существительные, однако могут выступать также в падеже прямого дополнения, то есть аккузативе. Кроме того, у местоимений различаются датив и латив. Основа некоторых падежей личных местоимений тождественна простой основе: трем. *mä* 'я', *mänp* (лок.), или основе аккузатива: *mänt* (акк.), *mäntem* (дат.), *mäntemi* (абл.), *mäntemnä* (аппр.), *mäntemät* (инстр.), *mäntemnä* (ком.), *mäntemүэ* (транслат.), пим. *mäntema* (лат.), *mäntemлэу* (абесс.); формы других падежей возникли путем агглютинации послелога: пим. *mäniңti*, *mäniңtem* (абл.). Возвратно-усилительные личные местоимения образуются с помощью суффикса *-э*, присоединяемого к простым личным местоимениям; возвратно-усилительным местоимениям могут предшествовать личные: трем. (*mä*) *mänp* 'я сам', (*pöң*) *pöңэ* 'ты сам'. Собственно-притяжательных местоимений в сургутском диалекте нет, в их функции в possessивных конструкциях употребляются личные местоимения: трем. *mä rjtemnpä* 'в моей лодке'. Об указательных местоимениях см. 2.3.6. Вопросительные местоимения: трем. *köjajү* 'кто', *mөүi*, *mөүi* 'что, что за'. В сургутском диалекте относительных местоимений нет; в их функции в сложноподчиненных предложениях, встречающихся крайне редко, употребляются вопросительные местоимения. В сургутском диалекте нет притяжательных местоимений, употребляемых не в позиции определения. Неопределенные местоимения: трем. *mätä* 'какой-то, какой-нибудь, какой-либо', *mätäli* 'что-то, что-нибудь, что-либо'. Обобщительные местоимения: трем. *эјnäm* (< *эј* 'один' + *näm*) 'весь, каждый', *käсэң* 'каждый'. Взаимных и собственно-отрицательных местоимений (а также двойного отрицания) в сургутском диалекте нет.

Глагол

В общих чертах парадигмы всех глаголов тождественны. Показатели парадигматических единиц: а) время: презенс — $-(\hat{a}/\hat{a})\lambda$, перфект — \emptyset , имперфект — $-(\hat{a}/\hat{a})s$, б) наклонение: индикатив — \emptyset , императив — $-a/-\hat{a}$ (во 2-м лице ед.ч. безобъектного спряжения), $-e/-e$ (во 2-м лице ед.ч. объектного спряжения с одним объектом) и $-j/-i$ (в остальных формах), далее — $-tus$ (в 1-м и 2-м л. ед.ч., во 2-м и 3-м л. дв.ч. пассива) и $-tos$ (в остальных формах пассива); в) залог: актив — \emptyset , пассив — $-oj$, $-o$ (в 1-м и 2-м лицах), $-j/i$ (в 3-м л. ед. и дв.ч.), $-a/-\hat{a}$ (в 3-м л. мн.ч.); г) отражение числа определенного прямого дополнения: единственное число — \emptyset , двойственное число — $-\hat{y}\hat{a}\lambda/-\hat{y}\hat{a}\lambda$, множественное число — $-(\hat{a}/\hat{a})\lambda$.

Личные окончания индикатива
(тремюганский говор)

	Действительный залог			Страдательный залог	
	Безобъектное спряжение \emptyset	Объектное спряжение			
		Ед.ч. объекта \emptyset	Дв.ч. объекта $-\hat{y}\hat{a}\lambda/-\hat{y}\hat{a}\lambda$		Мн.ч. объекта $-(\hat{a}/\hat{a})\lambda$
<u>Ед.ч.</u>					
1 л.	$-\hat{a}m/-\hat{a}m$	$-\hat{e}m/-\hat{e}m$	$-am/-\hat{a}m$	$-\hat{a}m/-\hat{a}m$	
2 л.	$-\hat{a}n/-\hat{a}n$	$-e/-e^1$	$-a/-\hat{a}^1$	$-\emptyset^1$	
3 л.	$-\emptyset^2, -\hat{a}y/-\hat{a}y^3$	$-t\hat{a}y/-t\hat{a}y$	$-\emptyset^4$	$-\emptyset$	
<u>Дв.ч.</u>					
1 л.	$-(\hat{a})m\hat{a}n/-(\hat{a})m\hat{a}n$	$-t\hat{a}m\hat{a}n/-t\hat{a}m\hat{a}n$	$-(\hat{a})m\hat{a}n/-(\hat{a})m\hat{a}n$	$-m\hat{a}n/-m\hat{a}n$	
2 л.	$-(\hat{a})t\hat{a}n/-(\hat{a})t\hat{a}n$	$-t\hat{a}n/-t\hat{a}n$	$-\hat{a}n/-\hat{a}n$	$-t\hat{a}n/-t\hat{a}n$	
3 л.	$-(\hat{a})y\hat{a}n/-(\hat{a})y\hat{a}n$	$-t\hat{a}n/-t\hat{a}n$	$-\hat{a}n/-\hat{a}n$	$-y\hat{a}n/-y\hat{a}n$	
<u>Мн.ч.</u>					
1 л.	$-\hat{a}y/-\hat{a}y$	$-t\hat{a}y/-t\hat{a}y$	$-\hat{a}y/-\hat{a}y$	$-\hat{a}y/-\hat{a}y$	
2 л.	$-(\hat{a})t\hat{a}y/-(\hat{a})t\hat{a}y$	$-t\hat{a}n/-t\hat{a}n$	$-\hat{a}n/-\hat{a}n$	$-t\hat{a}y/-t\hat{a}y$	
3 л.	$-\hat{a}t/-\hat{a}t$	$-j\lambda/-j\lambda$	$-a\lambda/-\hat{a}\lambda$	$-at/-\hat{a}t$	

Примечания:

¹ Личные окончания 2-го л. ед.ч. объектного спряжения и пассива утратили собственный показатель -п.

² \emptyset выступает в настоящем времени.

³ $-\hat{a}y/-\hat{a}y$ появляется в перфекте глаголов с ауслатным $-i/-i$, $-\hat{a}j/-\hat{a}j$ и у некоторых глаголов с корнем на согласный.

⁴ Комплексы суффиксов числа объекта и личного окончания $-\hat{y}\hat{a}\lambda\hat{a}\lambda/-\hat{y}\hat{a}\lambda\hat{a}\lambda$, $-(\hat{a})\lambda\hat{a}\lambda/-(\hat{a})\lambda\hat{a}\lambda$ упростились: перешли в $-\hat{y}\hat{a}\lambda/-\hat{y}\hat{a}\lambda$, $-\hat{a}\lambda/-\hat{a}\lambda$, вследствие чего маркер лица стал нулевым.

Личные окончания императива
(тремюганский говор)

	Действительный залог			Страдательный залог	
	Безобъектное спряжение	Объектное спряжение			
		Ед.ч. объекта	Дв.ч. объекта		Мн.ч. объекта
<u>Ед.ч.</u>					
1 л.	$-mat/-m\hat{a}t$	$-mat/-m\hat{a}t$	$-mat/-m\hat{a}t$	$-\hat{a}mat$	
2 л.	$-a/-\hat{a}$	$-e/-e$	$-e/-e$	$-\hat{a}nat$	
3 л.	$-at/-\hat{a}t$	$-at/-\hat{a}t$	$-at/-\hat{a}t$	$-at$	

	Действительный залог			Страдательный залог	
	Безобъектное спряжение	Объектное спряжение			
		Ед. ч. объекта	Дв. ч. объекта		Мн. ч. объекта
<u>Дв.ч.</u>					
1 л.	-mānat/-mānāt	-mānat/-mānāt	-mānat/-mānāt	-mānat	
2 л.	-jtān/-itān	-jtān/-itān	-ān/-ān	-ānat	
3 л.	-ānat/-ānāt	-γānat/-γānāt	-ānat/-ānāt	-γānat	
<u>Мн.ч.</u>					
1 л.	-γat/-γāt	-γat/-γāt	-γat/-γāt	-āγat	
2 л.	-jtān/-itān	-jtān/-itān	-ān/-ān	-tāyat	
3 л.	-tat/-tāt	-tat/-tāt	-aat/-āāt	-at	

Собственно императивными можно считать только формы 2-го лица в действительном залоге. Во всех других используется усилительная частица *-at/-āt*, которая присоединяется к личным окончаниям с суффиксом императива. В 3-м л. ед., дв. и мн.ч. выступает нулевое окончание лица. О выражении модальности см. также 2.5.3.

Инфинитивные формы глагола

Инфинитив оформляется суффиксом *-ta(γā)/-tā(γā)*. Обязательный компонент данного суффикса совпадает с суффиксом причастия настоящего времени, добавочный же *-γā/-γā* — это суффикс транслатива. Краткая и дополненная формы, по-видимому, не различаются по функции, ср. трем. *tājta(γā)* 'иметь, владеть': *āl māre tājta(γā) ěntā jēl* 'он (костюм) не выдержит ношения на год', юг. *mēntā: mēntā māšā* 'надо идти'.

Причастие настоящего времени, выражающее одновременное или незавершенное действие, маркировано *-tā/-tā*: трем. *āltā*, юг. *āltā* 'спящий; лежащий', юг. *āltā ko* 'лежащий человек'.

Причастие прошедшего времени, выражающее пассивность или предшествование по отношению к основному действию предложения, а также завершенное действие, оформлено *-ām/-ām*: трем. *liγām* 'съеденный'~*nāj liγām tāγj* 'сожженный огнем место'; трем. *sočām* 'шедший'~*sočām likā* 'пройденная им дорога' (букв. 'пройденная дорога его').

К обоим причастиям могут присоединяться лично-притяжательные суффиксы, падежные суффиксы и послелогои, напр.: трем. *jētā* 'приходящий; становящийся чем-нибудь'~*tāsāŋkē jētānāt* (лично-притяжательный суффикс 2-го л. ед.ч. + суффикс инструменталиса) *tājje!* 'оставляй его для себя, пока ты будешь богачом!'; пим. *šāŋkēm* 'выросший'~*šāŋmaa* (лично-притяжательный суффикс 3-го л. ед.ч.) *lātne* (послелог времени) *ku* *kēpšāγē jēγ* 'возросши, он начал ходить на охоту'.

Причастие условия образуется суффиксом *-ŋ*; употребляется только с лично-притяжательными суффиксами и может сопровождаться послелогом *mējŋāl*: *mējŋāl mējŋjāt!* 'если он дает, пусть дает!'; пим. *mēŋŋa*: *pōŋ mēŋŋa pŋnē* 'ушедши, ты...' (ср. выше).

Причастие отрицания маркировано суффиксом *-lāγ/-lāγ*, тождественным падежному суффиксу абессива. Это причастие может употребляться без других суффиксов либо с падежными и лично-притяжательными суффиксами: юг. *liāγ*: *nāwī liāk kātā* 'день мясопуста' (*nāwī* 'мясо', *li-* 'есть, кушать', *kātā* 'день; солнце'), трем. *wāllāγ*: *wāllāγamnē mēn* 'он пошел, когда я не присутствовал' (*wāll-*/*wōll-* 'быть, бывать; жить').

Личные суффиксы причастий

Ед.ч.	1 л. -am/-äm	Дв.ч.	1 л. -aməp/-äməp	Мн.ч.	1 л. -aγ/-äγ
	2 л. -a/-ä		2 л. -jɨp/-iɨp		2 л. -jɨp/-iɨp
	3 л. -aA/-äA		3 л. -jɨp/-iɨp		3 л. -jA/-iA

Деепричастие образуется при помощи суффикса -mɨp/-mɨp, другими суффиксами эта форма не осложняется. Например, трем. läřətmin 'кормя': ñeγ, gem läřətmin äñəmtäləm 'я воспитываю ребенка, кормя его'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Каждая некорневая морфема (т.е. суффиксы) обладает в основном одним грамматическим значением, за исключением личных суффиксов, которые одновременно указывают на грамматическое лицо и число.

Структура именных словоформ в абсолютной парадигме: корень + суффикс числа + суффикс падежа; в притяжательной парадигме: корень + суффикс числа обладаемого + лично-притяжательный суффикс + суффикс падежа.

Структура глагольных словоформ в индикативе: а) в активном спряжении: корень + суффикс времени (+ суффикс числа определенного объекта) + личное окончание; б) в пассивном спряжении: корень + суффикс времени + суффикс залога + личное окончание.

Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным.

Морфологически аномальных слов в Х.я. нет.

2.5.2. В словообразовании имеются четыре способа: а) корневое чередование гласных; б) суффиксальный; в) синтаксический; г) морфолого-синтаксический.

Корневое чередование гласных (аблаут) характерно для существительных: трем. tɨp 'цена' — täp 'выкуп за невесту', илэм 'сон' — äлэм 'сновидение'. Суффиксальный способ (часто комбинирован с корневым чередованием гласных): трем. li-, liγ-, 'есть' > läřət- 'кормить', kɨt- 'остаться' > kätäγ- 'оставляться', käl(a)-/käl- 'пропасть' > kälj 'мертвец', t'oras 'купец', t'oras- 'торговаться', kōp 'брюхо', kōɨj 'брюшная часть у рыбы'; суффиксы могут быть простыми или сложными, их большая часть может присоединяться и к именным, и к глагольным корням. Синтаксический способ: 1) логически подчинительное словосложение: трем. kät-juγ 'бревно', ср. kät 'дом', juγ 'дерево', 2) логически сочинительное словосложение: трем. ruť-käntəγ 'человек (независимо от национальности)', ср. ruť 'русский', käntəγ 'ханты, хантыйский'. Имеется ряд слов, употребляющихся и в качестве словообразовательных суффиксов, например трем. öt 'вещь, предмет, нечто': lit-öt 'еда'. Глаголы с приставками можно считать сложными (см. 2.3.7). Морфолого-синтаксический способ: трем. jēlrə 'живун, живец' < 'нечто свежее', ср. jēlär 'новый, свежий'.

2.5.3. Х.я. обладает такими чертами, которые характерны и для номинативного (пассив), а также для эргативного типа языков (эргативная конструкция предложения).

Субъективность выражается номинативом в предложении активного строя (субъект предложения = агенс действия), локативом в эргативном предложении (субъект = агенс действия), но в пассивном предложении в качестве подлежащего (= пациенс действия) выступает существительное в номинативе, а косвенным дополнением (имя в локативе) выступает агенс действия.

Важнейшим средством выражения прямого объекта является аккузатив у личных местоимений и номинатив у остальных имен. Прямое дополнение (выражающее объект действия) в именительном падеже может трансформироваться в косвенное в творительном падеже, если предмет, выраженный именем в инстру-

менталисе, предназначен лицу, обозначенному дополнением активного или подлежащим пассивного предложения, в качестве результата действия, и если действие происходит в интересах этого лица; ср. трем. *lájəm mäntem mējä!* 'дай мне топор!', ср. *lájəmət mänt mējä!* 'дай мне топор!' (букв. 'дай меня топором!'), в пассивном предложении: пим. *äŋkemnə jǎgnasat wágojəm* 'моей матерью была рубаха спита для меня' (букв. 'я был сделан моей матерью рубахой').

Финитный глагол является обязательным членом предложения, за исключением экзистенциальных предложений, в которых либо имеется глагол-связка *wös-* 'есть, иметься', *wäl-/wól-* 'есть, иметься; жить', например, пим. *lín ěj öwrit wöstəp* 'вы (дв.ч.) — одинакового роста', либо глагола-связки нет: юг. *lín ěj nǒptisyən* 'они (дв.ч.) ровесники'. В последнем типе именное сказуемое согласуется по числу с подлежащим, получая числовые суффиксы имен: трем. *rǎyam äj* 'мой сын — маленький', *rǎkkĕlam äjuən* 'мои два сына — маленькие', *rǎulam äjət* 'мои сыновья — маленькие'. В предложениях, в которых сказуемое выражает расположение предмета, соотношенное с настоящим временем, глагольная часть может быть опущена, и тогда имя, выражающее место расположения, оформлено суффиксом локатива и (принимая числовые суффиксы предикативного характера) согласуется в числе с подлежащим: трем. *lájəm rjtnə* 'топор — в лодке', *lájəmyən rjtnayən* 'топоры (дв.ч.) — в лодке', *lájmət rjtnat* 'топоры (мн.ч.) — в лодке', ср. *lájmət rjtnə wállət* 'топоры находятся в лодке'. В сургутском диалекте Х.я. *habeo*-конструкция выражается при помощи глагола *tǎj(a)-/tǒj-* 'иметь, владеть': тром. *ört tǎjlət* 'у них есть вождь, *mä kät beŋgəmyən tǒjəm* 'у меня было двое детей'.

О выражении отрицания при помощи частиц см. 2.3.6 и 2.3.7.

Согласование охватывает отношения между: а) подлежащим и сказуемым, б) определением, выраженным числительным, и определяемым, в) определенным прямым дополнением и сказуемым-глаголом.

Согласование между подлежащим и сказуемым в основном имеет формальный характер, но встречается и логическое согласование: тром. *jǎy* 'народ, люди': *jǎy jǒy etət* 'люди приехали' (букв. 'народ приехали'). При однородных подлежащих одно из них может выступать в комитативе, и тогда возможны обе разновидности согласования: тром. (*лǒy*) *imínat wálləyən* 'он живет (дв.ч.) со своей женой', пим. *imí kǐlǔəlpat wól* 'старуха жила (ед.ч.) со своим внуком'. В предложениях с двумя однородными подлежащими к последним может присоединяться суффикс двойственного числа в качестве суффикса совместности (им может предшествовать числительное *kät* 'два', чтобы подчеркнуть совместность), и сказуемое в таком случае обязательно стоит в двойственном числе: тром. *siŋəsəyən kǒgəkkən mǎŋləyən* 'ястреб-рыболов и орел кружатся', *kät imeyən ikeŋən wóləyən* 'жили-были старуха и старик'. Если подлежащее имеет определение, выраженное числительным со значением 'больше, чем один', то согласование со сказуемым может быть либо формальное, либо логическое: пим. *lǎrət kǎg sǎyəl* 'семь быков скачут' (букв. '... скачет') или *lǎrət kǎr sǎyəllet* 'семь быков скачут'.

В атрибутивных конструкциях определение не согласуется с определяемым, но определяемое может логически согласоваться по числу со своим числительным-определением, имеющим значение 'больше, чем один', напр.: тром. *kät kǎləŋkəl* 'его оба оленя', пим. *lǎrət kǎg* (ед.ч.) или *lǎrət kǎrət* (мн.ч.) 'семь быков'.

Объектное спряжение является обязательным только в том случае, если определенное прямое дополнение в предложении отсутствует, но раньше было названо; таким образом, объектное спряжение имеет прежде всего анафорический

характер: пим. *lõw newrem kēñč, kēñč; lejəll: kɨlʷəl əsəm ɨpɨnə ɔjəytətəy* 'она ребенка искала, искала; смотрит: она нашла его под подушкой своего внука' (*ɔjəytətəy* 'нашла его', но 'его' самостоятельным словом не выражено). Если определенное прямое дополнение находится в двойственном или множественном числе, его грамматическое число может быть выражено глаголом-сказуемым: пим. *hállam jawəllam pōk-wəgləlam* 'я починаю свои стрелы и луки' (букв. 'мои стрелы, мои луки я сделаю [их]'), но: *hállam jawəllam kojgəmtəy* 'он схватил свои стрелы и луки' (букв. 'свои стрелы, свои луки поймал [его]').

Сказуемое в предложении, в общем, стремится занимать последнее место, подлежащее — первое, а прямое дополнение располагается между ними; косвенное дополнение может находиться на любом месте в предложении; это значит, что Х.я. относится к языкам типа SOV. Определение всегда предшествует определяемому. Поскольку родительного падежа нет, определение в притяжательной конструкции не имеет падежного суффикса, например тром. *ɨməŋ ləŋ kəpəŋ* 'берег святого озера', но определяемое в конструкциях этого типа может получать лично-притяжательный суффикс 3-го л. ед.ч. В говорах, в употребляющих суффикс атрибутивности *-yə/-yə* (см. 2.3.7), изредка встречаются определительные конструкции с определением-существительным в локативе, и таким образом суффикс локатива получает функцию, напоминающую функцию генитива: тром. *təgəsnə jəŋka* 'в воду моря' (букв. 'на море в воду'), пим. *temi jəyən kəpəŋnə gəp ɔyɨnə* 'он — на вершине горы, находящейся на берегу реки' (*kəpəŋnə* 'на берегу', *gəp* 'гора'), ср. еще васюганский диалект: *mə ətjɨmɨ səmɔy* 'из глаз моего отца' (букв. 'на моем отце из глаза').

Субъект выражается существительным и местоимением в номинативе (в эргативном предложении в локативе), а также инфинитивом, причастиями настоящего и прошедшего времени и числительными. Подлежащее в предложении с активно спрягаемым глагольным сказуемым имеет либо нулевой падежный суффикс (номинатив), либо *-nə/-nə* (локатив): пим. *lõw kəgət kōrtayə jəy* или *lõwnə kəgət kōrtayə jəy* 'он стал драть шкуры оленей' (последнее предложение является эргативным). Агенса в пассивном предложении, то есть логический субъект, стоит также в локативе: пим. *konə ɨpɨləl ɔrɔyə səyɨgɨ* 'его шея была человеком разрезана'. В действительности субъект всегда выражен в предложении, даже когда соответствующее слово отсутствует, потому что форма глагола указывает на его число и лицо. В эргативной конструкции формально обязательными компонентами являются подлежащее (= агенс) и прямое дополнение (= пациенс). Последнее может отсутствовать только в случаях, когда оно контекстуально детерминировано.

Эргативная конструкция употребляется, вероятно, в случаях, когда необходимо сообщить, что известный агенс совершает и на что его действие направлено. В пассивной конструкции подлежащее (= пациенс) обязательно обозначено, хотя его словесное выражение не является переменным (см. выше); действитель (= *агенс*) может оставаться неназванным, если он неизвестен или не определен. Для пассивного предложения характерно, что и пассивно спрягаемые глаголы движения (т.е. глаголы непереходные) могут выступать в функции сказуемого, превращая косвенное дополнение активного предложения в подлежащее пассивного предложения и наоборот: тром. *temi ləj wərtə, ənəy wərtə juynə ɨnmɨ* 'перед ним выросло дерево для изготовления черпака, для изготовления чашки' (букв. 'этот был выращен деревом...'), прииртышский диалект: *təfɨnə jətəjəw* 'враги придут к нам' (букв. 'мы придены врагом'); шеркальский диалект: *təfɨnə jəyatsəjəw* 'враги приехали к нам' (букв. 'мы были придены врагом'); по-видимому, пассивные предложения с непереходным

глагольным сказуемым употребляются в случае, если действие или событие, с точки зрения пациенса, является неожиданным или даже неприятным.

Сказуемое может выражаться финитным глаголом, существительным, прилагательным, местоимением, причастиями настоящего и прошедшего времени. В номинативных и экзистенциальных предложениях связка является факультативной в настоящем времени, но она обязательна в прошедшем. В предложениях с содержанием настоящего времени употребляется связка *wõs-* 'есть, иметься', реже *wäl-/wõl-* 'есть; жить' (см. выше). У глагола *wõs-* в сургутском диалекте парадигма неполная, к нему не присоединяется даже суффикс времени, ср. в трюганском говоре:

Ед.ч.	1 л. <i>wõsəm</i>	Дв.ч.	1 л. <i>wõsmân</i>	Мн.ч.	1 л. <i>wõsõy</i>
	2 л. <i>wõsən</i>		2 л. <i>wõstân</i>		2 л. <i>wõstây</i>
	3 л. —		3 л. (юг. <i>wõsyən</i>)		3 л. —

Если в предложении нет финитного глагола или если отглагольное сказуемое относится к настоящему времени и субъект стоит не в единственном числе, именное сказуемое получает числовые суффиксы абсолютной (непритяжательной) парадигмы имен. Примеры см. выше, ср. еще трем.: *jâk kâtnâ wällât* или *jâk kâtnat* 'люди находятся в доме' (*kât-nâ* 'в доме', *wällât* 'суть, находятся', *kât-na-t* 'в доме они'), юг. *lõw jëm wõl* 'он был добрый', *měj jëm wõlêw* 'мы были добрые'.

Прямое дополнение выражается существительным, прилагательным, неличным местоимением, причастиями настоящего и прошедшего времени и числительными в именительном падеже, личным местоимением в винительном падеже. Прямому дополнению, выраженному в одном предложении именем в номинативе или аккузативе, в другом предложении может соответствовать косвенное дополнение в инструменталисе: трем. *lájəm mäntem mēja!* 'дай мне (тот определенный, известный) топор!', ср. *lájəmät mänt mēja!* 'дай мне топор!' (букв. 'дай меня топором!'). В предложениях последнего типа объект действия (= пациенс) имеет более общий характер и является менее конкретным. Этот способ выражения объекта действия характерен и для пассивной конструкции предложения: пим. *äŋkemnə järnasat wärojəm* 'моей матерью был сшита рубашка для меня' (букв. 'я был сделан моей матерью рубашкой').

Определение выражается существительным в именительном падеже или в форме косвенного падежа, осложненной атрибутивной частицей (трем. *-yâ/-yä*), прилагательным, местоимением, причастиями настоящего и прошедшего времени, числительным и наречием с атрибутивной частицей (трем. *-yâ/-yä*). Определительное прилагательное употребляется в основной форме, то есть не согласуется с определяемым. Если личное местоимение, которое может формально и отсутствовать, выступает в качестве притяжательного определения, притяжательное отношение обозначается посессивным суффиксом при слове, обозначающем обладаемое: трем. *mä rijəm* 'моя лодка', пим. *äŋkem* 'моя мать'; если в качестве притяжательного определения выступает существительное, обладаемое может употребляться либо с лично-притяжательным суффиксом, либо без него. Если личное местоимение выступает первым определением, лично-притяжательный суффикс присоединяется не к обладаемому местоимению, а к обладаемому его обладаемому: трем. (*лõy*) *käläŋ pälõtлаä* 'языки его оленей' (букв. '(его) оленья языки его'), пим. (*тëŋ*) *ruçäl jâylêw* 'люди нашей деревни' (букв. '(наши) деревни люди наши'). Если грамматические числа обоих обладателей не тождественны, то оба обладаемых могут получать лично-притяжательные суффиксы: трем. (*lin*) *kujäl pälkäl* 'половина мужа их обеих'.

Косвенное дополнение выражается существительным в именительном падеже, существительным, прилагательным и местоимением в косвенных падежах, причастием, наречием, деепричастием, послеложной конструкцией.

Часто употребляются предложения, осложненные причастными оборотами, заменяющими придаточные предложения времени (примеры см. в 2.4.0, раздел причастий).

Разряды предложений (повествовательное, вопросительное и другие) отличаются друг от друга в первую очередь интонацией. Однако если в вопросительном предложении имеется вопросительное слово, соблюдаются следующие правила: вопросительное слово, заменяющее подлежащее, стоит на месте подлежащего; вопросительное слово, относящееся к второстепенному неопределительному члену предложения, а также существительное, отвечающее на такой вопрос, стремится занимать предпоследнее место, то есть место непосредственно перед сказуемым или адвербиальным дополнением, относящимся к сказуемому.

2.5.4. Сложные предложения в сургутском диалекте только логически подразделяются на сочиненные и подчиненные. Сложносочиненные предложения присоединяются друг к другу либо посредством союзов, либо без союзов (пим. *rānə 'и': lōwṇə wəg ɕiwəra pōsəpī rānə wēgəḷ ɕiwəp lāg āstəl jārəja rāntəy 'она выжала кровь в стружки и положила кровавые стружки под подушку'; тром. jāŋkīləy lāg tōmpī mōṣa, mān-pə jāŋkəm 'он доехал до другого берега озера, я тоже доехал').* Встречаются предложения без союза, логически соответствующие сложноподчиненным (тром. *wuāiā, lāl'ūə jōyətət 'они видят, (что) они борются приехали'*): в качестве подчинительных союзов могут употребляться вопросительные и указательные местоимения, например тром. *tūt 'тот'; потому', mōy'at 'зачем': lāl'ūə ɛntə jōl'təy kuntə, tūt mōy'at kələtəy! 'если вы не боретесь приехали, не умрите!'* (букв. '... зачем же вы умрите?!'). Главное предложение регулярно предшествует придаточному, но известен и обратный порядок: пим. *mōwəlī dōw kātəla kōḷa kujəl, lōwṇə wājəyālī 'что лежит вблизи его рук и ног, им подверглось избиению'. Предложения с причастными оборотами можно считать заменителями сложноподчиненных предложений (пим. *lājəytə 'висящий': lom-juy' tōjnə lājəytam wuləm 'я вижу, что я вижу на черемухе'; тром. wīkətəm 'крикнувший': tōm pāləkṇə wīkətəmal se'əl 'его крик слышится на другой стороне').**

2.6.0. В современных диалектах обско-угорских языков сохранилось около 1000 корнеслов, унаследованных из уральского, финно-угорского, угорского и обско-угорского языков-основ. Это главным образом имена родства, частей тела, явлений природы, местоимения, числительные. В Х.я. имеется ряд слов, заимствованных в разные эпохи из иранских языков. С начала II тыс. н.э. началось контактирование ханты с коми, вследствие чего хантыйскими диалектами заимствовано свыше 400 коми слов. Количество слов татарского происхождения гораздо меньше. Они характерны главным образом для прииртышских говоров (т.е. для южнохантыйского диалекта). Особенно в последнее время стало интенсивным влияние русского языка на хантыйский, которое отражается прежде всего в лексике. В северных диалектах имеются мансийские и ненецкие, в восточных селькупские, в южных татарские заимствования.

2.7.0. Хантыйские диалекты, как уже указывалось выше (1.2.1), делятся на восточную, южную и северную группы. Две последние часто объединяются под общим названием "западные диалекты", потому что для них характерен ряд общих фонетических изменений, возникших после распада прахантыйского, напр.: *j > i, *ū > i, *ō > e, *ö > ä/a, o/u, переход анлаутного *k в χ перед

велярным гласным. На крайнем востоке палатовелярная гармония гласных предыдущих периодов еще сохранилась, но ее уже нет в части сургутских говоров, а также в салымском диалекте. Число падежей на востоке — 10, на юге — 5, на севере — 3; число прошедших времен в ваховско-васюганском диалекте — 4, в сургутском и салымском — 2, в остальных — 1. Собственно-отрицательные местоимения встречаются только в западных диалектах, которые характеризуются также двойным отрицанием. Х.я. в диалектном отношении чрезвычайно расчленен, основные диалекты делятся на многочисленные варианты, сведения о которых нередко случайны и недостаточны. Важнейшие из них, которые в специальной литературе нашли сравнительно удовлетворительное освещение, следующие:

Ваховско-васюганский, сургутский, салымский (последний является переходным к южному диалекту) на востоке. Ваховско-васюганский диалект и часть сургутских говоров характеризуются наличием гармонии гласных. Другие характерные черты: архаичность систем фонем (в разной степени по говорам, ср. гармонию гласных), парадигматическое чередование гласных (за исключением салымского диалекта), обилие падежных суффиксов, распространенность эргативной конструкции предложения.

Демьянские, кондинский (под общим названием: "прииртышские говоры") на юге. Гармонии гласных нет. В фонетическом отношении южный диалект занимает промежуточное положение между восточной и северной группами. Формы объектного спряжения, указывающие на определенное прямое дополнение в двойственном или множественном числе, имеют два варианта: *wetetam* или *wettemət* (< *wetten* 'я его убью' + суффикс множественного числа непритяжательной парадигмы) 'я их (многих) убью'. На юге употребляется только прошедшее время с нулевым суффиксом. Эргативная конструкция (как и на севере) встречается намного реже, чем на востоке.

Северные: низьямский, шеркальский (в советской специальной литературе: среднеобский), казымский, березовский (с шурьпикарским говором), обдорский (по прежнему названию г. Салехарда) диалекты. Система фонем радикально упростилась после распада прахантыйского языка, число падежей уменьшилось до трех, утрачены глагольные формы объектного спряжения, указывающие на прямое дополнение в двойственном числе (за исключением обдорского говора), прошедшее время образуется с помощью маркера *s* (но в низьямском говоре, являющемся в определенном смысле переходным к южной группе, прошедшее время имеет нулевой суффикс); употребляется двойное отрицание.

ЛИТЕРАТУРА

Баландин А.Н. Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкции глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка // Ученые записки ЛГУ. 1947. Т. 105. С. 301—315.

Гуя Я. Морфология хантыйского языка // Основы финно-угорского языкознания. М., 1967. С. 277—303.

Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка (среднеобский диалект). Ханты-Мансийск, 1942.

Штейниц В.К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1937. I. С. 193—227.

Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка: Ваховский диалект. Л., 1961. Ч. I.

Терешкин Н.И. Хантыйский язык // Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. III. С. 319—342.

Терешкин Н.И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981.

Ahlqvist A. Ueber die Sprache der Nord-Ostjaken. Sprachtexte, Wörtersammlung und Grammatik. Helsingfors, 1880.

Castrén M.A. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis: Nordische Reisen und Forschungen. St. Petersburg, 1849¹, 1858². Leipzig, 1969⁽²⁻¹³⁾. 6.

Ganschow G. Die Verbalbildung im Ostjakischen. Ural-Altäische Bibliothek. Wiesbaden, 1965. XIII.

Gulya J. Esatern Ostyak Chrestomathy: Uralic and Altaic Series. The Hague; Bloomington, 1966. 51.

Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch: Bearbeitet und herausgegeben von Y.II. Toivonen // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1948. X/1-II.

Katz H. Generative Phonologie und phonologische Sprachbünde des Ostjakischen und Samojeidischen // Münchener Universitäts-Schriften. Philologische Fakultät. Finnisch-Ugrische Bibliothek, 1975. Bd. 1.

Korenchy É. Iranische Lehnwörter in den uralischen Sprachen. Budapest, 1972.

Paasonen H. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan: Zusammengestellt, neu transkribiert und herausgegeben von Kai Donner: Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsingfors, 1926. II.

Patkanov Sz. Irtisi-osztják szójegyzék: Ugor Füzetek. Budapest, 1902. 14.

Patkanov S. Laut- und Formenlehre der südostjakischen Dialekte auf Grund der Sammlungen und grammatikalischen Aufzeichnungen von S. P., bearbeitet von D.R. Fuchs. Budapest, 1911.

Rédei K. Northern Ostyak Chrestomathy: Uralic and Altaic Series. The Hague; Bloomington, 1965. 47.

Sauer G. Die Nominalbildung im Ostjakischen: Finnisch-Ugrische Studien. Berlin, 1967. V.

Steinitz W. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis. Leipzig, 1950.

Steinitz W. Geschichte des ostjakischen Vokalismus. Finnisch-Ugrische Studien. Berlin, 1950. 1.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1967.

Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Budapest; Berlin; Den Haag, 1975. Bd. I, Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Budapest; Berlin; Den Haag, 1976. Bd. II; Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Budapest; Berlin; Den Haag, 1978. Bd. IV; Ostjakische Volksdichtung: Texte aus dem Nachlass. Bd. III. Budapest; Berlin; Den Haag, 1989.

Toivonen Y.H. Türkische Lehnwörter im Ostjakischen // Journal de la Société finno-ougrienne. 1943—1944. 52. S. 1—20.

Toivonen Y.H. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1956. 32. S. 1—169.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Honti L. Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten des Ostjakischen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1977. 27. S. 271—286.

Honti L. Zur Frage nach der Herausbildung der ostostjakischen Mundarten im Lichte der Lautgeschichte // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1981. 31. P. 87—106.

Karjalainen K.E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten: Bearbeitet und

herausgegeben von Edith Vértes // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 1964. 128.

Paasonen H. Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan: Bearbeitet, neu transkribiert und herausgegeben von Edith Vértes // Journal de la Société finno-ougrienne. 1956. 66/2.

Sauer G. Phonologische Analyse der ostjakischen Mundart von Tremjugan // Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1975. 22. S. 130—155.

Н. М. Терещенко

САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Самодийские языки вместе с финно-угорскими составляют уральскую языковую семью. Термин "самодийские" введен в советское время на основе широко распространенного названия "самоди", или "самодины", принятого в прошлом по отношению к наиболее многочисленной самодийской народности — ненцам, а на Красноярском Севере — по отношению к нганасанам и энцам (ненцев же здесь именовали "юраками").

В дореволюционной литературе все самодийские народности именовались "самоедами". В работах ряда зарубежных ученых еще и сейчас приняты названия типа нем. Juraksamojeden или Juraken 'ненцы', Jenisseisamojeden 'энцы', Tawgysamojeden или Tawgen 'нганасаны', Ostjaksamojeden 'селькупы'. Соответствующим образом обозначаются их языки.

Имелись многочисленные попытки объяснить возникновение этнонима "самоеды", но ни одна из них не шла далее внешнего сопоставления по созвучию. Наиболее правдоподобно предположение, что по своему происхождению это слово связано с обозначением одного из племен энцев — сомату.

Основанием для отнесения селькупов вместе с хантами, а также енисейскоязычными кетами к числу "остяков" (в научной литературе этот этноним закрепился за хантами) послужили общие черты в их хозяйстве и культуре, образовавшие в результате древних связей между этими народами таежной зоны Западной Сибири.

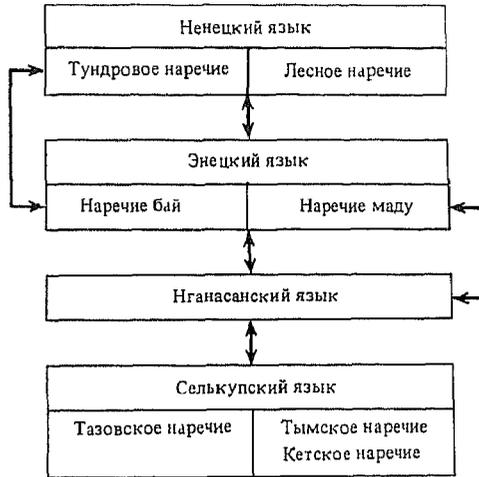
2. К самодийским языкам (С.я.) относятся: ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский и ныне мертвые маторский, тайги(ийский), карагасский, койбальский, камасинский.

Значительная часть занимаемой самодийскими народностями территории входит в состав трех автономных округов: Ненецкого автономного округа Архангельской области, Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области, Таймырского автономного округа Красноярского края Российской Федерации. Ненцы живут во всех трех округах, но большая их часть приходится на долю Ямало-Ненецкого округа. В этом же округе по течению р. Таз, преимущественно в Красноселькупском и Тазовском районах, сосредоточено основное число северных (или тазовских) селькупов. Южная группа селькупов населяет Томскую область Российской Федерации и рассредоточена по Оби и ее притокам (Тыму, Васюгану, Кети, Парабели, Чае, Чулыму). Энцы и нганасаны расселены только в Таймырском округе. Небольшая группа лесных (или таежных) ненцев находится в пределах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, а некоторое количество тундровых ненцев составляет постоянное население Мурманской области Российской Федерации. Ряд мелких племен, относившихся в прошлом к самодийцам, занимал территорию Саянского нагорья и прилегающих районов.

3. Общая численность говорящих на самодийских языках превышает 37 тыс. чел. (перепись 1989 г.). Наиболее многочисленны ненцы, занимающие по своей численности первое место среди народностей Севера — 34 тыс. 665 чел., в значительной степени сохраняющие язык. На втором месте — селькупы (1 тыс.

530 чел.). Нганасанов насчитывается 1 тыс. 278 чел., до 90% из которых считают нганасанский родным языком. Энецев, по данным переписи, насчитывается 209 чел.

4. По степени взаимной близости современные С.я. располагаются следующим образом:

Как видно из приведенной схемы, энецкий язык распадается на два наречия: лесное (бай) и тундровое (маду или мадду). Первое из этих наречий отчетливо тяготеет к ненецкому языку, второе — к нганасанскому. Указанное деление энецкого языка находится в соответствии с диалектным членением языка ненцев, имеющего также два наречия: тундровое и лесное. Таким образом, энецкий язык представляет собой как бы связующее звено между ненецким и нганасанским, что отвечает и его географическому положению. Тем самым обосновывается традиционное объединение трех С.я. (ненецкого, энецкого, нганасанского) в единую северносамодийскую группу в противовес селькупскому. По-видимому, формирование этих языков происходило постепенно по мере ослабления связей между группами самодийцев, обусловленного расширением территории их расселения, влиянием различных групп досамодийского населения и смещением с ними. Вместе с тем у нганасанского языка более отчетливо, чем у других языков северносамодийской группы, продолжает ощущаться связь с селькупским.

Дошедшие до наших дней архивные материалы дают достаточные основания считать, что в прошлом на С.я. говорили такие, ныне исчезнувшие или ставшие тюркоязычными, племена Саянского нагорья, как маторы, тайгийцы, карагасы, койбалы, камасинцы. Дольше остальных саяно-самодийских языков сохранился камасинский, материалы по которому были собраны в первой половине XIX в. М.А. Кастреном и в начале XX в. К. Доннером. Последние камасинские языковые данные были получены в 60-х гг. нашего века А.К. Матвеевым и А. Кюннапом от двух уроженков с.Абалаково на Саянах.

Ознакомление с архивными материалами позволило предположить гипотетическую номенклатуру саяно-самодийских языков: койбальский рассматривается как диалект камасинского, а маторский, тайги, карагасский — как близкие диалекты одного и того же языка — маторско-тайгийско-карагасского (МТК).

5. Распад прасамодийской языковой общности относят предположительно к началу новой эры. Хронология разделения различных самодийских языков не изучена.

6. Для С.я. характерны определенные сходства в сфере фонетики и единый с точки зрения типологии грамматический строй, что дополняется общностью происхождения ряда формантов.

Характерные черты фонетической структуры слова большинства С.я — наличие консонантных сочетаний в середине, но не в начале и не в конце слова; преобладание среди таких сочетаний геминат и последовательностей "носовой + смычный"; отсутствие или слабое проявление гармонии гласных; ограниченность вокализма непервых слогов слова в сравнении с вокализмом первого слога. С.я. существенно различаются по составу согласных и особенно гласных фонем. В большинстве из них консонантизм сравнительно небогат — до 20 фонем (исключение — ненецкий язык, имеющий корреляцию согласных по палатализации), звонкие согласные встречаются преимущественно в середине слова, имеется гортанный смычный. Ударение разноместное, часто связано с качеством или долготой гласного, может иметь смыслоразличительный характер.

Основным способом образования форм слов в С.я. является агглютинация, реализующаяся в расположении суффиксов в определенном порядке. Префиксация развития не получила. Агглютинативное построение словоформы поддерживается ограниченно фиксированным порядком слов, сохраняющимся в большинстве языков, и типичным для них сочетанием ряда подчиненных членов предложения с подчиняющими путем простого примыкания.

Наблюдаются и другие приемы соединения морфем: аналитические образования и морфонологические изменения, но они имеют меньший удельный вес. Ряд форм образуется комбинированным путем.

С помощью суффиксации от слов одних лексико-грамматических категорий образуются слова других лексико-грамматических категорий и изменяются лексические значения в пределах одной лексико-грамматической категории. Реже в словообразовательных целях используется словосложение.

Словообразование существительных и прилагательных представлено преимущественно формами субъективной оценки. Имеется ряд глагольных имен. Особенно богато представлено отыменное и отглагольное образование глаголов, в том числе переходных, образованных от переходных по своей семантике глагольных основ, и, наоборот, непёреходных глаголов, образованных от переходных.

Окончания склонения и спряжения в С.я. сводимы к единым типам. Особенности соединения корневых и суффиксальных морфем зависят от фонетического строения основы.

Для морфологической структуры слова характерно последовательное присоединение к первооснове различных морфем (числом до 7), образующих в своей совокупности целую цепочку, отдельные звенья которой в значительном числе случаев вычлениаются без особых затруднений.

Во всех С.я. имеется три числа: единственное, двойственное, множественное. Особенно прочно сохраняется двойственное число в северносамодийских языках. Существительные кроме основных форм склонения имеют лично-притяжательные, а в северносамодийских языках — лично-предназначительные формы, являющиеся разновидностью лично-притяжательных (например: нен. *tedāda*, нган *taḃətu*, энец. *teḃoba* 'олень для него').

Падежная система С.я. в основном однотипна. Только в селькупском языке современными лингвистами в зависимости от понимания категории падежа

и подхода к языковому материалу выделяется от 13 до 21 падежных форм. Значительная часть падежей выражает пространственные значения.

Различаются модели построения пространственно-временных падежей двойственного числа в северносамодийских языках, с одной стороны, и в селькупском — с другой. В селькупском имена в дв. числе образуют парадигматические формы по тому же образцу, что в ед. и мн. числах. В северносамодийских языках в этих целях используются аналитические образования — имя в двойственном числе сочетается с послелогом в соответствующей падежной форме.

Имена образуют предикативные формы, изменяясь по лицам, числам и даже по временам. Широта употребления этих форм в разных языках различна — наибольшая в ненецком, наименьшая в селькупском; настоящее время: в ненецком *hasaʔadaŋ*, в энецком *kāsaŋaŋ*, в нганасанском *кцон̄ит̄урӯт̄*, в селькупском *qumonlit* 'вы (многие) являетесь мужчинами'; прошедшее время: в ненецком *hasaʔadaš'*, в энецком *kāsaŋaŋ* 'вы (многие) были мужчинами'. В нганасанском и селькупском предикативные формы имен прошедшего времени не имеют. Будущее время во всех самодийских языках конструируется с помощью вспомогательного глагола 'быть'. Лично-числовые показатели предикативных имен в основном те же, что и у глагола в субъектном спряжении.

Прилагательные сохраняют тесную связь с существительными. Ряд существительных, в первую очередь обозначающих материал, в позиции определения выступает в значении прилагательных. В значении сравнительной степени используются синтаксические конструкции с прилагательными в положительной степени. Описательным путем передается и значение превосходной степени.

Личные местоимения (три лица в трех числах) употребляются преимущественно по отношению к людям. Отрицательные и неопределенные местоимения стандартными способами образуются от вопросительных.

Все разряды числительных в конечном счете образуются от количественных, которые склоняются только в самостоятельной позиции.

Переходность, каузативность, в селькупском также возвратность выражаются суффиксально. Имеется ряд наклонений и модальных форм, в том числе аудитив, который в северносамодийских языках употребляется для обозначения действия, воспринимаемого не только на слух, но и с помощью некоторых других органов чувств. Императив в отличие от остальных наклонений, которые образуются при помощи парадигмы индикатива, характеризуется особым набором лично-числовых суффиксов. Материальное различие формантов будущего времени в разных С.я. свидетельствует, по-видимому, о сравнительно позднем возникновении этой формы.

Во всех С.я. два типа спряжения: субъектный и (субъектно-)объектный, каждый из которых имеет свою систему личных формантов. Спряжения переходных глаголов по субъектному или (субъектно-)объектному типу подчиняется определенным закономерностям и связано с особенностями логического ударения. Личные форманты (субъектно-)объектного спряжения материально совпадают с лично-притяжательными показателями. В северносамодийских языках выделяется также третий тип спряжения — субъектно-безобъектный.

В парадигме отрицательного спряжения используются отрицательные вспомогательные глаголы при основном глаголе в неизменяемой форме, совпадающей с формой 2-го лица ед. числа императива для субъектного спряжения. Лишь в селькупском применяются отрицательные частицы.

Из служебных слов наибольшее развитие получили послелоги. Среди частиц различаются самостоятельные (частицы-слова) и суффиксальные (частицы-суффиксы).

Структурно-типологическое сходство самодийских языков дополняется материальной близостью формантов словообразования и словоизменения. Вместе с тем материальное различие суффиксов является одним из основных критериев самостоятельности отдельных языков. Особенно наглядно это сказывается на материале северносамодийских языков.

Лично-притяжательные суффиксы номинатива ед. числа

		Ненецкий	Энецкий	Нганасанский	Селькупский
Ед.ч.	1 л.	-rhi, -β	-j, -b'	-mә	-mi, -m/p
	2 л.	-r	-r	-rә	-li, -l
	3 л.	-da	-ða	-δj	-ti
Дв.ч.	1 л.	-rhiβ	-j(β), -b'(β)	-rhi	-mi
	2 л.	-fiβ	-fi(β)	-fi	-li
	3 л.	-d'iβ	-δi(β)	-δi	-ti
Мн.ч.	1 л.	-βaβ	-aβ, -baβ	miβ	-mit/n
	2 л.	-raβ	-raβ	-rәβ	-li't/n
	3 л.	-doβ, -duβ	-δu(β)	-δiβ	-ti't/n

К приведенным суффиксам материально близки личные форманты (субъектно-)объектного спряжения для единственного числа объекта.

Личные форманты (субъектно-)объектного спряжения
(ед.ч. объекта)

		Ненецкий	Энецкий	Нганасанский	Селькупский
Ед.ч.	1 л.	-β	-a, -b'	-mә	-m/p
	2 л.	-r	-r	-rә	-l
	3 л.	-da	-ða	-tu	-ti
Дв.ч.	1 л.	-rhiβ	-j(β), -b'(β)	-rhi	-mi
	2 л.	-fiβ	-fi(β)	-fi	-li
	3 л.	-d'iβ	-δi(β)	-δi	-ti
Мн.ч.	1 л.	-βaβ	-aβ, -baβ	-muβ	-mit/n
	2 л.	-raβ	-raβ	-ruβ	-li't/n
	3 л.	-daβ, -duβ	-δu(β)	-δuβ	-ti't/n

В отличие от знака β, обозначающего назализованный гортанный смычный, знак β̄ передает неназализованный гортанный смычный. В практическом алфавите письменного ненецкого языка для обозначения гортанных смычных приняты следующие знаки: для назализованного — одинарный апостроф ('), для неназализованного — двойной апостроф (").

С.я. являются языками номинативного строя. Подлежащее выражается именем в номинативе, а при зависимом предикате — именем в генитиве. Личные местоимения в роли подлежащего ограничены в своем употреблении и применяются лишь в случае необходимости особо подчеркнуть действующее лицо.

Имя в форме номинатива в определенных случаях выступает в функции определения и прямого дополнения. Как правило, форму номинатива получает прямое дополнение при сказуемом в форме 2-го лица императива. При определении, выраженном количественным числительным или другим счетным словом, определяемое ставится обычно в единственном числе.

Если определение передано личным или лично-определятельным местоимением,

определяемое согласуется с ним в лице и числе обладателя. В других случаях согласование определения с определяемым отмечается в некоторых формах преимущественно в нганасанском, реже — в ненецком.

Для С.я. характерно сходство в управлении той или иной падежной формой имени. Так, например, глаголы со значением 'бояться', 'пугаться', 'остерегаться' требуют постановки существительного в форме аблатива. Характер управления не зависит от того, глаголом или глагольным именем является управляющее слово.

Отмечается многообразие типов простого предложения. Широкое распространение имеют простые осложненные предложения с глагольными именами, причастиями и развернутыми деепричастиями. Предложения этого типа функционально соответствуют сложноподчиненным предложениям русского и других индоевропейских языков и составляют одну из характерных особенностей С.я.

Сложные предложения, особенно сложноподчиненные, широкого развития не получили. Однако наблюдения последних лет показывают некоторое усложнение синтаксических конструкций — возникновение новых типов и постепенное развертывание сферы их употребления, что относится в первую очередь к селькупскому языку.

В целом проведенные сопоставления наглядно свидетельствуют об отчетливом противопоставлении по ряду признаков группы северносамодийских языков селькупскому, что, впрочем, не ставит под сомнение исконное родство между всеми С.я.

Общими для всех С.я. являются тюркские и русские лексические заимствования. Лексика, заимствованная из тюркских языков, относится преимущественно к мирной хозяйственной деятельности: нен. *juo*, энец. *ħuda*, нган. *ħündüa*, сельк. *čuntj* 'лошадь'; нен. *seħ* — вторая основа *sen-*, энец. *sen*, нган. *seħ*, сельк. *šep* 'ножны' и др. Особенно много слов, восходящих к тюркскому источнику, в селькупском языке: *sıgı* 'корова'; *sı* 'соболь' и др.

На протяжении столетий развивались и упрочивались экономические и культурные связи самодийских народностей с русским населением. Свидетельством этого являются пласты русских лексических заимствований, в частности наименования орудий промысла, пищи, одежды, утвари, домашних животных. Несравненно большее влияние русского языка наблюдается в советский период. Преобразования в хозяйстве, культуре, общественном строе, развитии школьного обучения, переход на оседлость, упрочение советских норм мировоззрения нашли свое непосредственное отражение в словарном составе С.я.

ЛИТЕРАТУРА

Кюннан А.Ю. Склонение и спряжение в самодийских языках: (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тарту, 1974.

Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) // Советская этнография. 1940. № 3.

Терещенко Н.М. Самодийские языки. Введение // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. 3.

Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Тарту, 1982.

Хелимский Е.А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989. Ч. 2.

Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.

Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki, 1932.

Hajdú P. The Samojed Peoples and Languages. Bloomington; The Hague, 1963.

Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Mikola T. Geschichte der samojedischen Sprachen // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences. Leiden e.a., 1988.

Н.М. Терещенко

НЕНЕЦКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. На ненецком языке (Н.я.) говорит народность, известная под названием "ненцы". Этот этноним, принятый в советское время, является и самоназванием народности — *ненэця* 'люди, ненцы', ед.ч. *ненэць* 'человек ненец'. До революции ненцы были известны как "самоеды-юраки" или просто "юраки", а их язык соответственно назывался "юрако-самоедским". Так именуются они и сейчас рядом зарубежных ученых; ср. нем. Juraksamojeden или Juraken, англ. Yurak Samoyed.

1.1.2. Н.я. относится к самодийской подсемье (группе) языков, которые вместе с финно-угорскими составляют уральскую языковую семью.

1.1.3. По современному административному делению большая часть занимаемой ненцами территории входит в состав трех автономных округов в пределах Российской Федерации: Ненецкого (Архангельская область), Ямало-Ненецкого (Тюменская область), Таймырского (Долгано-Ненецкого) (Красноярский край). Небольшая группа лесных (или таежных) ненцев живет в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской области, а некоторое количество семей тундровых ненцев — в Мурманской области Российской Федерации. Общая численность ненцев — 34 тыс. 665 чел. (77,1% считают язык родным) (перепись 1989 г.). Ненцы в основном сохраняют язык.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. По территориально-фонетическому принципу в Н.я. выделяются два наречия: тундровое и лесное (носителей последнего приблизительно 2 тыс.). В тундровом наречии различается десять говоров, в лесном — три. В некоторых говорах отмечаются подговоры.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Н.я. является средством устного (ограниченно и письменного) общения в районах проживания ненцев.

Значительное большинство ненцев говорит по-русски, в юго-западных районах расселения — также на коми, в юго-восточных — по-хантыйски.

1.3.2. Н.я. является единственным письменным языком среди самодийских. Диалектную основу письменного Н.я. составляют большеземельский и ямальский говоры тундрового наречия. В качестве наддиалектной формы может рассматриваться язык ненецких песенных сказаний. На Н.я. регулярно издается учебная литература для подготовительного и трех классов начальной школы, литература для учителей. Имеются учебник ненецкого языка и учебник ненецкого фольклора для педучилища, ненецко-русские и русско-ненецкие словари. Публикуются оригинальные произведения ненецких писателей и поэтов, издан ряд фольклорных сборников. Ведутся передачи по радио. В Ямало-Ненецком округе на Н.я. выходит окружная газета «Няръяна Џэрм» («Красный Север»).

1.3.3. На Н.я. ведется обучение в подготовительном классе школы. С первого класса Н.я. изучается как предмет.

1.4.0. Письменность формировалась на основе латиницы с введением некоторых дополнительных знаков. С 1937 г. введен кириллический алфавит с учетом основных правил правописания русского языка (принцип обозначения мягких согласных, введение йотированных гласных, разделительных знаков ь и ъ и др.). В дополнение приняты буква џ, одинарный и двойной апострофы (', ") для обозначения гортанных смычных. В словарях и в литературе для учителей

введены надстрочные знаки для долгих и кратких гласных, для обозначения особого характера звука э (э̇).

1.5.0. Периодизация истории Н.я. не разработана. Письменные памятники на Н.я. не восходят далее XVII в. и представляют собой в основном списки слов, поэтому для установления периодов истории языка нет необходимых данных. Самый ранний источник — текст ненецкой сказки "Вада-Хасово" («Новые ежемесячные сочинения», ч. XII, 1787, июнь). На основе грамматического анализа этого текста Фатером (J.S. Vater) сделана первая попытка составить грамматику Н.я. (1811 г.).

1.6.0. Отмечается усвоение русских союзов и калькирование некоторых видов сложных предложений в крайнезападных говорах. Фонетический строй лесного наречия испытал на себе сильное влияние со стороны хантыйского языка.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Для Н.я. характерна оппозиция долгих и кратких гласных. Системные противопоставления согласных по длительности отсутствуют.

Гласные

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
	илябиальные		лябиальные
Верхний	и /i/	ы /ɨ/	у /u/
Средний	э /e/	э̇ /ė/	о /o/
Нижний		а /a/	

Примеры противопоставления фонем /e/ и /ė/: *үэда(сь)* 'распрячь' — *үэда(сь)* 'защитить', *хэм'* 'короткий' — *хэм'* 'кровь'. Отмечаются четыре степени долготы гласных: долгие, среднедолгие, краткие, сверхкраткие: *ва́да* 'он сказал' — *вада* 'слово' — *ва́дä* 'багор'—*ва"äв* (в восточных говорах *вав*) 'постель' (особого надстрочного знака для обозначения сверхкратких гласных не введено). В таблице приводятся только среднедолгие гласные.

Согласные

По способу образования			По месту образования							
			билябиальные		переднеязычные		среднеязычные	заднеязычные	гортанные	
			непалатализованные	палатализованные	непалатализованные	палатализованные			назализованный	неназализованный (ртовый)
Шумные	смычные	глухие	n /p/	нь/p'/	m/t/	ть/t'/		к /k/	'/ŋ/	"/h,ʔ/
		звонкие	b /b/	бь/b'/	д/d/	дь/d'/		г /g/		
	аффрикаты	глухие			ц/c/	ць/c'/				
	фрикативные	глухие			с/s/	сь/s'/		х /h/		
		звонкие	β /β/				й /j/			
Сонорные	назальные		m /m/	мь/m'/	n/n/	нь/n'/		ŋ /ŋ/		
	латеральные				л/l/	ль/l'/				
	вibrанты				р/r/	рь/r'/				

2.1.2. Словесное ударение разноместное и подвижное: *вэва* 'плохой' — *вэвэвна* 'плохо' — *вэваркэвна* 'похуже'. Возможны двуударные, реже многоударные слова. В отдельных случаях наблюдается равномерное распределение ударения по слогам, существуют слова, произносимые вообще без ударения. Безударный *a* в конце слова редуцируется и качественно, и количественно. Ударение может служить смысловозначительным целям: *то́да(сь)* 'вытошнить' — *тодá(сь)* 'греться у огня'.

Гармоническая упорядоченность прослеживается в ограниченном виде как в основе слова, так и на стыке морфем и выражается в уподоблении гласного, следующего за звуками *x* и неназализованным гортанным смычным *ʔ*, предшествующему им звуку: *нахáр* 'орех', *нэхóна* 'у дверей', *сиʔи́в* 'семь'.

2.1.3. В комбинаторных условиях встречаются звуки *z* и *zʔ*: *н́амза* 'мясо', *н́амзʔ* 'съесть'. Гортанные смычные в определенных фонетических условиях чередуются с другими звуками: назализованный — с фонемами /*p*/ и /*j*/, неназализованный — с фонемами /*d*/ и /*s*/ . Назализованный гортанный смычный озвончает начальный звук суффикса и последующего слова, неназализованный — их оглушает. Заднеязычный *x* в интервокальном положении озвончается.

2.1.4. Преобладающие структуры слога: CV — *то* 'озеро'; CVC — *мад* 'лай'; CVCC — *сялць* 'перекрутиться'; CVCC — *хэбць* 'уход'; допустимо также CVCCCC — *сябтм* 'древесную кору'. Количество слогов в слове соответствует количеству гласных. Двух- и трехконсонантные сочетания могут входить в один слог, но чаще распадаются по слогам: *я-лумд* 'заря', но *я-лум-дадм* 'зарю'. Сверхкраткие гласные слога не образуют.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Звуковой состав конца слова в противоположность его началу имеет лишь незначительные ограничения. В отличие от корневых морфем, состоящих минимум из одного слога, суффиксальные морфемы могут состоять из одних согласных (-*в*, -*бц*, -*л*'), начинаться со звуков *ʔ*, *p*, неназализованного гортанного смычного, со стечения согласных (-*йбте*, -*ма*, -*мба*, -*вна*).

Границы слога и морфемы могут не совпадать: *мядоньэбте* 'он погостил немного' — *мя-дон-йэб-те*. При слогаделении конечный согласный *д* второй основы *мя* (*мяд-*) 'чум' отходит ко второму слогу, а согласные суффикса *-эбте* распределяются между третьим и четвертым слогами.

В большеземельском и восточном говорах слова начинаются только с согласных, причем в анлауте не встречаются звонкие согласные и спиранты, кроме *в* и *ʔ* (на письме *й* вместе с последующим гласным обозначаются одной буквой: *я* = *й+a*, *э* = *й+o* и т.д.), звуки *k*, твердый и мягкий *p*, гортанные смычные. Стечение согласных в начале слова наблюдается только в звукоподражательных словах. В ауслауте выступают все гласные и согласные, кроме *x* и *ʔ*; конечный *ʔ* ряда слов лесного наречия соответствует конечному же назализованному гортанному смычному тундрового наречия. В инлауте и в конце слова имеются двух- и трехконсонантные сочетания, четырехконсонантные — обычно на морфемном стыке: *х́абтм* 'оленьего быка'.

2.2.2. Фонологическое противопоставление знаменательных и служебных слов заключается в наличии у первых и в отсутствии у вторых словесного ударения.

2.2.3. Для Н.я. характерны такие типы изменения фонем, как чередования гласных и согласных, синкопа (выпадение), апокопа (усечение), слияние, выступающие в парадигмах словоизменения и при словообразовании: *тубка* 'топор' — акк. мн.ч. *тубци*; *нохо* 'песец' — *носинзь* 'охотиться на песцов'; *ям* 'море' + *хала* 'рыба' = *явуэаля* 'омуль' (букв. 'моря рыба').

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

По преобладающему способу соединения морфем Н.я. относится к языкам

агглютинативного типа. Вследствие широко применяемого синтетизма употребительны слова, состоящие из целой цепочки морфем, следующих друг за другом в строго определенном порядке. В результате влияния различных фонетических закономерностей морфологическая структура слова оказывается не всегда достаточно прозрачной, однако вычленение отдельных частей все же не представляет больших затруднений. Например: *сьрмбэтайбте"махадáндó'* 'после того как они немного покурили' (основа *сьрмбэ* 'трубка', образованная слиянием двух слов: *сьр'* — генитив ед. числа от *сьр* 'табак' и *пэ* 'дерево'; под влиянием конечного назализованного гортанного смычного предшествующего слова начальный *п* последующего слова озвончается в *б*, вызывая, в свою очередь, замену гортанного смычного на *м*. К этой основе присоединены следующие суффиксальные морфемы: *-та-* — формант глагольного словообразования, *-йбте-* — суффикс неполного действия, *-ма-* — формант именного словообразования, *-хад* — суффикс аблатива ед. числа, *-'/н-* — показатель, посредством которого к косвенным падежным формам присоединяется лично-притяжательный суффикс, *-до'* — лично-притяжательный суффикс 3 л. мн. числа).

2.3.1. В современном Н.я. грамматические разряды слов достаточно разграничены. Наиболее отчетливо противопоставляются друг другу имена и глаголы: при словоизменении они оказываются в разных парадигматических рядах, даже в случае их внешней идентичности. Членение имен проводится менее четко в силу отсутствия у них отчетливо выделяющихся универсальных формальных признаков. Особенно близки между собой существительные и прилагательные. Распространено простое соположение существительных, из которых предшествующее служит определением к последующему, имена определенных семантических групп в зависимости от синтаксической роли могут выступать то как существительные, то как прилагательные: *Пэ харáд' хэвхáна царка пэ тáня* 'Около каменного дома есть большой камень'; *хасава цэцэки* 'мальчик' (букв. 'мужчина ребенок'), *по цэцэки хасава* 'молодой мужчина'.

Наиболее характерным признаком прилагательного можно считать согласование с определяемым в числе.

Категориальное выражение получили следующие грамматические значения: число, лицо, падеж, посессивность, desiderативность, время, модальность.

2.3.2. В Н.я. нет ни категории грамматического рода, ни грамматических классов имен. Однако по некоторым разрядам местоимений вывleяется противопоставление человек/нечеловек: местоимение 3-го лица относится только к людям, так же употребляются вопросительное местоимение *хйбэ?* 'кто?' и соответствующие утвердительные и отрицательные местоимения. К животным (как и к предметам) применяется местоимение *цáмгэ?* 'что?'. Характерно наличие разных глаголов, обозначающих одно и то же действие, в зависимости от того, производится ли оно людьми, животными или предметами.

2.3.3. Категория грамматического числа (единственное, двойственное, множественное) присуща всем именным частям речи. Ед. число используется для выражения не только единичности, но и собирательной множественности. Падежные формы дв. числа нередко заменяются сочетанием имени в соответствующем падеже ед. числа с числительным *сидя* 'два'. Маркер мн. числа служит также для обозначения парных предметов. Для выражения совокупности лиц, объединяемых по родственным и социальным связям, имеется особая форма собирательной множественности: *нисянан* 'мои отцы', *небянан* 'мои матери'. Категория числа свойственна также существительным вещественного значения.

2.3.4. Падежные значения выражаются в большинстве случаев при помощи

падежных суффиксов, а также с помощью послелогов. Посредством падежных форм обозначаются такие категории, как субъект, объект (прямой и косвенный), различные пространственные и временные отношения, совместность, орудийность, причинность, цель и т.д.

Посессивность в основном выражается с помощью лично-притяжательного склонения: *нисями* (или *нисяв*) 'мой отец', *нисяр* 'твой отец' и т.д. Личные местоимения употребляются в функции притяжательных и служат лишь для подчеркивания лица обладателя. Определенные группы имен (термины родства и свойства, названия частей тела, предметов одежды и пр.) обычно употребляются в лично-притяжательных формах. Разновидностью лично-притяжательных являются лично-предназначительные (или дезидеративные) формы. Ср.: *хърдәни нә* 'дверь моего дома', *хърдәхәнани нәдәни* 'в качестве двери в моем доме'. В основном склонении для выражения посессивности служит форма генитива.

2.3.5. Значение совершенности / несовершенности действия передается с помощью многочисленных словообразовательных суффиксов, характеризующих также различные способы действия. Суффиксация используется и для выражения переходности / непереходности, хотя у ряда глаголов это значение заключено в их основе. Особую разновидность переходных составляют каузативные глаголы. Семантически они являются нередко каузативами по отношению не к самому переходному глаголу, а к производной от него пассивной форме: *хада(сь)* 'убить' — *хадара(сь)* 'оказаться убитым' — *хадарабта(сь)* 'допустить, чтобы кто-либо был побежден, убит'. Залоговая дифференциация сказывается в противопоставлении активных форм пассивной, что и определяет структуру предложения.

В известной степени к способам выражения залоговых и видовых значений относится субъектно-безобъектное спряжение. По нему изменяются переходные глаголы, если их действие переходит на само действующее лицо (*Мәле ембюв*" 'Я уже оделся'; *Мәнзяв мәлей*" 'Моя работа закончилась'), и определенная группа непереходных глаголов, обозначающих предел действия (обычно его начало или конец): *тәрпә(сь)* 'выйти', *тэвә(сь)* 'дойти'; так же спрягаются и глаголы начинательного действия.

Модальные значения в глаголе выражаются формами наклонений: индикатива, императива, опатива, конъюнктива, предположительного, предположительно-долженствовательного, аудитива. Сюда примыкают вопросительная форма и форма неочевидного действия.

Такие оттенки модального значения, как желание, возможность, невозможность, утверждение, предположение, допущение и прочие, передаются аналитически или с помощью модальных глаголов и частиц: *Нохом' яңгохәна хадава' пир* (в быстрой речи: *хадавалбир*) 'Песца можно добыть капканом'; *Хәдри' нянанда' илеңу" нидәм'* 'Конечно, мне придется с вами жить'.

2.3.6. Категория лица у имен находит выражение в лично-притяжательном, лично-предназначительном (дезидеративном) склонениях, в именных предикативных формах, у глаголов — в формах личного спряжения. Выделяются три лица: 1-е, 2-е, 3-е. Глаголы в опативе (побудительном наклонении) имеют форму только 1-го лица, а глаголы в императиве, напротив, форму 1-го лица не образуют. Форма безличных глаголов сходна с формой 3-го лица глаголов субъектного спряжения.

Значение определенности в именной сфере выражается прежде всего посессивным суффиксом 2-го лица, с помощью которого подчеркивается, что речь идет о лице или предмете, уже известном, упоминавшемся ранее: *Җоб" мәва' вэсако илевы, вэсакор ңо" лериңз илесь* 'Жил однажды старик, тот старик (букв.

'старик-твой') жил одиноко'. В таком употреблении посессивный суффикс применяется в функции определенного артикля. Неопределенность передается преимущественно с помощью неопределенных местоимений. Оппозиция определенности/неопределенности у глаголов проходит по линии типов спряжения: переходные глаголы изменяются по двум парадигмам — субъектной (неопределенной) и (субъектно-)объектной (определенной). Глаголы в (субъектно-)объектной парадигме логически выделены: *Нюмд ханав*, букв. 'Сына-твоего увез-его-я'.

Грамматическая категория времени реализуется в формах времен: настоящего (неопределенного), прошедшего и будущего. Наиболее широка по семантике форма настоящего (неопределенного) времени: помимо действия, совершаемого в момент речи, она может обозначать действие, постоянно присущее данному предмету, и действие, совершившееся в недавнем прошлом. Тот или иной оттенок временного значения связан с характером глагольной основы или формы видовой направленности. Отдельными языковедами выделяются еще два прошедших времени: перфект (суффиксы *-вы/-мы-*) и плюсквамперфект (суффиксы *-вы- + -сь/-мы- + -сь*), а также будущее-прошедшее (суффиксы *-нгу, -д(ä)-/т(ä)- + -сь*); последняя форма рассматривается и как второй конъюнктив.

Указание и пристрастная ориентация выражаются местоимениями и наречиями: *тюку* 'этот, тот' (находящийся ближе к говорящему или у него в руках), *тики* 'этот, тот' (находящийся ближе к собеседнику или у него в руках), *такты* 'тот, на который указывается', *техэ* 'тот дальний', *тюкона* 'здесь', *тáйна* 'там' и т.д.

Общее отрицание выражается с помощью вспомогательных глаголов (наиболее употребителен глагол *нись*), изменяющихся по лицам, числам, временам, наклонениям, в то время как основной глагол выступает в коннегативной форме (основа, осложненная неназализованным гортанным смычным). Тогда показатель будущего времени присоединяется к основе отрицаемого глагола: *нидм' хáрва* 'не хочу', *нидáмзэ хáрва* 'не хотел', *нидм' хáрваңу* 'не буду хотеть, не захочу'. Распространено образование глаголов отрицательного значения посредством суффикса *-ся-* и производных от него *-сялám-* и *-сялмде-*; *-сялám-* в отличие от *-ся-* указывает на становление действия, а *-сялмде-* — на его переходность: *ңудася(сь)* 'быть безруким', *ңудасялám(зэ)* 'стать безруким', *ңудасялмде(сь)* 'сделать безруким'.

2.3.7. На основе определенной категориальной семантики выделяются следующие группы слов: а) знаменательные: существительное, прилагательное, числительное, местоимения, наречие, глагол; б) служебные: послелого, союзы, частицы; в) междометия. Границы между указанными группами не являются строго очерченными. Для ряда типов словоформ характерна определенная двойственность грамматической сущности: в категориальном отношении и функционально они тяготеют к одной части речи, а парадигматически — к другой. Тем не менее каждая группа обладает своими отличительными признаками.

Существительное характеризуется категориями числа, падежа, личной притяжательности, деидеративности; прилагательное — категориями числа, (ограниченно) падежа; числительное — категориями падежа, (ограниченно) числа; местоимениям разных групп свойственны различные категории; всем именным частям речи в предикативных формах присущи категории лица и числа субъекта, времени; отличительный признак наречий — их неизменяемость. В глаголе выделяются основные категории лица, числа, времени, наклонения, типа (или ряда) спряжения, залога.

В отличие от падежных суффиксов послелого состоят минимум из одного слога. Серийные послелого морфологически членимы, их формы соотносятся с формами

пространственно-временных падежей существительного; несерийные послелого не изменяемы. Принимая лично-притяжательные суффиксы, послелого преобразуются в послеложные местоимения.

Различаются частицы — независимые слова и суффиксальные частицы, слившиеся с тем словом, к которому относятся: *йәси" хәрдәхәндә" си"ми ханда"*, *тори тутадм'* 'возможно, они пригласят меня в свой дом, приехать уж приеду'; *мякәта" торхавы* 'похоже, что он приехал в ваши чумы'.

Союзы в Н.я. получили известное распространение только в крайнезападных говорах. Для связи слов и частей предложения служат иногда союзные слова, происхождение которых от знаменательных ощущается еще вполне отчетливо.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и местоимения

В зависимости от конечного звука именные основы делятся на две структурные группы.

К I группе относятся основы, оканчивающиеся на гласные и согласные, кроме гортанных смычных (*я* 'земля', *ту* 'огонь', *хән* 'нарта', *хәр* 'нож'), ко II группе — основы на гортанные смычные. I-ю подгруппу II группы составляют основы на назализованный гортанный смычный и основы на -м' (*вы* 'тундра', *ям'* 'море').

Во 2-ю подгруппу II группы входят основы на неназализованный гортанный смычный (чередующийся и нечередующийся с другими звуками) (*хаер"* 'солнце', *тохо"* 'ткань', *сер"* 'дело'). Особенности фонетической структуры слов отражаются на системе их склонения.

Единственное число имен имеет нулевой показатель. Маркер двойственного числа: -х' /-г' /-к'; множественного числа —". Для обозначения совокупности однородных предметов в ряде говоров служит суффикс -вэй.

Падежи и их суффиксы

Падеж	I группа	II группа	
		1-я подгруппа	2-я подгруппа
		Ед. ч.	
Номинатив	∅	∅	∅
Генитив	-'	-'	-'
Аккузатив	-м'	-м'	-м'
Датив-аллатив (Дательно-направительный)	-н'	-д'	-т'
Локатив-инструменталис (Местно-творительный)	-х-на	-гәна	-кәна
Аблатив	-х-д	-гәд	-кәд
Пролатив	-вна, -вәна	-мна, мәна	-мна, -мәна
		Мн. ч.	
Номинатив	-"	-"	-"
Генитив	Аккузатив мн. числа + -"		
Аккузатив	∅	∅	∅
Датив-аллатив	-х-"	-гә"	-кә"
Локатив-инструменталис	-х-"на	-гә"на	-кә"на
Аблатив	-х-т	-гәт	-кәт
Пролатив	Генитив мн. числа + мәна		

В значении локальных падежей двойственного числа используются аналитические построения — имя в дв. числе + послелог (чаще всего послелог *ня*) в соответствующей форме: *тэхэ' ня* 'к оленям двум', *тэхэ' няна* 'у оленей двух', *тэхэ' няд* 'от оленей двух'.

Под влиянием показателей номинатива мн. числа и генитива ед. числа у имен II группы, конечный звук которых подвержен чередованиям, происходит замена назализованного гортанного смычного звуками *н* или *й*, неназализованного — звуками *д* или *с*; у имен на *-м'* фонема *м* заменяется на *в'* и *'* 'звук' — *мун''* 'звуки', *то'* 'одеяло' — *той''* 'одеяла', *хь''* 'шест' — *хьд''* 'шесты', *хь.м''* 'травы' — *хьв''* 'травы'. В отличие от других падежных форм аккузатив мн. числа в большинстве случаев образуется посредством внутренней флексии. Способы его образования связаны с фонетической структурой основы.

Различаются два ряда лично-притяжательных суффиксов: а) для ед. числа обладаемого, б) для дв. и мн. числа обладаемого. Внутри каждого ряда выделяются лично-притяжательные суффиксы для номинатива (во мн. и дв.ч. — также для аккузатива) и лично-притяжательные суффиксы для остальных падежей.

Лично-притяжательные суффиксы
(для ед.ч. обладаемого)

	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
		обладателя	
Номинатив	1 л.	-ми, -в	-ми'
	2 л.	-р	-ри'
	3 л.	-да	-ди'
Генитив	1 л.	-н(и)	-ни''
	2 л.	-д	-ди''
	3 л.	-да	-ди''
Аккузатив	1 л.	-ми, -в	-ми''
	2 л.	-д	-ди''
	3 л.	-да	-ди''

Лично-притяжательные суффиксы номинатива присоединяются непосредственно к основе, форманты других падежей — к падежному суффиксу при помощи назализованного гортанного смычного ('), который перед *д* суффикса переходит в *н*: *хя́н* 'нарта' — *хя́н* + *хя́на* + *н* + *да* 'его нарто.'. В дативе-аллативе ед. числа лично-притяжательные форманты прибавляются посредством гортанного смычного к суффиксу *-х/-гя́/-ка́*, который не употребляется в основной форме этого падежа.

Лично-притяжательные суффиксы
(для дв. и мн.ч. обладаемого)

	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
		обладателя	
Номинатив	1 л.	-н(и)	-ни''
	2 л.	-д	-ди''
	3 л.	-да	-ди''
Генитив	1 л.	-н(и)	-ни''
	2 л.	-т	-ти''
	3 л.	-та	-ти''

Лично-притяжательные формы номинатива и аккузатива мн числа обладаемого образуются от формы аккузатива того же числа основного склонения: *еңга* 'шаг' — акк. мн.ч. *ензи* — лично-притяжательная форма 1 л. мн.ч. ном. и акк. *ензина* 'наши шаги'.

В дв. числе обладаемого лично-притяжательные суффиксы присоединяются к показателю числа при помощи суффикса -ю, причем конечный гортанный смычный форманта дв. числа отпадает: *хән* 'нарта' — *хәнха* 'нарты две' — *хәнхают ня* 'к твоим нартам-двум'.

В формах пространственно-временных падежей мн. числа лично-притяжательные суффиксы в большинстве говоров присоединяются к падежным формантам с помощью ненализированного гортанного смычного ("), что сказывается на оглушении начального звука *д* суффикса.

При образовании дезидеративных (лично-предназначительных) форм к основе имени прибавляется суффикс -д, а к нему посредством соединительного гласного — лично-притяжательные суффиксы: в номинативе и аккузативе — лично-притяжательные суффиксы соответствующих падежей, а в дезидеративе — лично-притяжательные суффиксы генитива: *Ҷәнодәра* 'мәле то' 'Лодка для вас уже пришла'; *Ҷәнодәмда* 'сертабида' 'Вы делаете для себя лодку', *Ҷәнодәнда* 'нита' 'ңаном' 'пэрңада' 'За свою лодку вы принимаете лодку товарищей'

Прилагательные степеней сравнения не образуют. Их морфологическими признаками являются: формы отрицания с помощью причастия отрицательного глагола *нись*, ограниченное изменение по падежам, редкое употребление в лично-притяжательных и лично-предназначительных формах.

Все разряды числительных (за исключением *нюртэй* 'первый' и *нябимдей* 'второй') образуются от количественных: порядковые — при помощи суффикса -мдей/-мдэй, распределительные — суффикса -ләд, собирательные — суффикса -ңэ, приблизительного количества — суффикса -сян

Склонение личных и лично-определяющих местоимений по существу отсутствует. Генитив (встречающийся преимущественно в сочетании с послелогом) и аккузатив образуются от основы *си* (сид-) В значении пространственных падежей употребляются сочетания личного местоимения с послеложным местоимением в форме соответствующего падежа: *мәнь нян* 'мне', 'ко мне', *ныдәра* 'нядәнда' 'от вас', *хәрт нянд* 'тебе самому', *хәрта* 'нянанда' 'у вас самих'. Лично-возвратные местоимения в большеземельском и западных говорах образуются от основы *ныд*, в восточных — от основы *ныхыд* 'туловище' и склоняются как существительные в лично-притяжательных формах: *ныдәми* 'я себя', *ныдәмда* 'он себя' и т.д.

Остальные разряды местоимений склоняются как существительные по тем же падежам и числам, употребляются в тех же синтаксических функциях. Вопросительные местоимения (*хия?* 'кто?', *ңымгэ?* 'что?', *хурка?* 'какой?', *хәйлы?* 'который?') служат основой для образования местоимений других разрядов: неопределенных — с помощью суффикса -х-ва, отрицательных — суффиксов -х-рт.

Глагол

В зависимости от конечного звука глагольные основы, как и именные, подразделяются на две фонетические группы. Строение глагольных основ аналогично строению именных основ

Исходной формой, позволяющей выявить фонетическое строение глагольной основы, является форма, употребляемая в сочетании с отрицательными вспомогательными глаголами. Отбросив суффикс этой формы — ненализированный гортанный смычный — и восстановив изменившиеся под его влиянием звуки,

получаем основу глагола: *сэ́й(сь)* 'утонуть' — *нись сэ́й''* 'не утонуть', основа *сэ́й-*.

У глагола имеется 7 форм наклонений и 3 формы времени.

Личные суффиксы глагола

Индикатив

Субъект	Субъектное спряжение	(Субъектно-)объектное спряжение		(Субъектно-)без- объектное спря- жение	
		Ед.ч. объекта	Дв. и мн.ч. объекта		
Ед.ч.	1 л.	-м', -дм'	-в	-н	-в''
	2 л.	-н	-р	-д	-н
	3 л.	—	-да	-да	-''
Дв.ч.	1 л.	-ни'	-ми'	-ни'	-ни'
	2 л.	-ди'	-ри'	-ди'	-ди'
	3 л.	-х'	-ди'	-ди'	-х'
Мн.ч.	1 л.	-ва''	-ва''	-на''	-на''
	2 л.	-да''	-ра''	-да''	-да''
	3 л.	-''	-да'	-до'	-д''

В настоящем (неопределенном) времени у глаголов I группы эти суффиксы присоединяются непосредственно к основе, у глаголов II группы — с помощью соединительного гласного или морфемы *-на*: *иле(сь)* 'жить' (основа *иле-*) — *иле-дм'* 'я живу', *ханимзъ* 'озябнуть' (основа *ханим-*) — *ханим-я-дм'* 'я озяб', *подерць* 'запрячь' (основа *подер-*) — *подер-на-дм'* 'я запряг'. При этом конечные гортанные смычные глагольных основ II группы отпадают. Исключение составляют основы, конечному гортанному смычному которых предшествует гласный звук: *мицъ* 'отдать' (основа *ми-*) — *ми''-на-дм'* 'я отдал'.

Индикатив характеризуется нулевым формантом.

Настоящее время специального показателя не имеет.

Показатель прошедшего времени *-сь* присоединяется не к основе глагола, а к личным формам настоящего времени, подчиняясь действующим в языке фонетическим закономерностям: *иле* 'он живет' — *илесь* 'он жил', *иле́наха* 'они-двое живут' — *иле́наханзъ* 'они-двое жили', *иле''* 'они-многие живут' — *илецъ* 'они-многие жили' и т.д.

Будущее время образуется путем присоединения к основе глагола суффиксов *-нэо*, *-дэ́/-тэ́*, к ним прибавляются те же личные суффиксы, что и в настоящем времени: *иле́нэудм'* 'я буду жить', *миндадм'* 'я пойду', *подертэдм'* 'я запрягу'.

Оптатив (побудительное наклонение) оформляется суффиксом *-х/-гэ́/-кэ́* и выражает побуждение к совершению действия, адресованное 1-му лицу: *Мэ́рт'* *хэхэни'* 'Поедьте-ка в город'. Формы этого наклонения как бы восполняют отсутствие 1 лица в императиве.

Конъюнктив в большеземельском и восточных говорах имеет суффикс *-и*, в крайнезападных — *-ни*. Используется обычно в сочетании с личными суффиксами прошедшего времени. Помимо синтетической формы имеется и аналитический способ выражения: *хэ́идэмъ* и *хэ́вэдм'* *нэ́зисъ* 'ушел бы я'. Вторая форма отличается от первой усилением желательной модальности. Сочетаясь с личными суффиксами неопределенного времени, суффикс *-и* обозначает желательность совершения какого-либо действия, приглашение с оттенком обязательности, обращенное в первую очередь ко 2 лицу.

Предположительное наклонение маркируется суффиксом *-кы*, присоединяемым к глагольной основе посредством причастных по своему происхождению формантов, выступающих в этом сочетании во временном значении:

иленакэн 'ты, видимо, живешь', *илевэкэн* 'ты, видимо, жил', *илеңгодакэн* 'ты, видимо, будешь жить'.

Предположительность действия с оттенком утверждения выражается с помощью суффикса *-габя*, присоединяемого к форме датива-аллатива имени процесса действия: *Хибяххэртэхэд ниванңагыяда" пин"* 'Вы, должно быть, никого не бойтесь'. (Начальный *г* суффикса *-габя* образовался под влиянием назализованного гортанного смычного в форме датива-аллатива, перешедшего под воздействием предшествующего *г* в звук *н*: *ниван*' + *хабя* = *ниванңагыя*.)

Формы предположительно-долженствительного наклонения образуются с помощью суффиксов *-бцу/-су/-цу*: *сеңгэбциун* 'придется тебе переночевать'. Показатель этого наклонения нередко присоединяется к основе глагола посредством форманта *-х-р"/-гэр"/-кэр"*, придающего высказыванию значение твердой решимости: *ңатехэрицудим* 'мне придется обязательно подождать'.

Императив структурно обособлен от других наклонений: он не имеет специального показателя, но отличается особым набором личных суффиксов, в то время как остальные наклонения обслуживаются парадигмой индикатива.

Субъект		Субъектное спряжение	(Субъектно-)объектное спряжение		(Субъектно-)без- объектное спря- жение
			Ед.ч. объекта	Дв. и мн.ч. объекта	
Ед.ч.	2 л.	-"	-д	-н"	-д"
	3 л.	-я	-мда	-дамда	-мд"
Дв.ч.	2 л.	-ди'	-ри'	-ди'	-ди'
	3 л.	-йха', -йха'	-мди'	-дамди'	-х-мд"
Мн.ч.	2 л.	-да"	-да"	-да"	-да"
	3 л.	-я"	-мдо'	-дамдо'	-дамд"

Личные суффиксы императива присоединяются к глагольным основам тем же способом, что и личные суффиксы индикатива. Во 2 лице ед. числа всех спряжений личный суффикс прибавляется непосредственно к основе.

Посредством суффикса *-х-р"/-гэр"/-кэр"* категоричность императива смягчается: *-тю"* 'войди' — *тюхур* 'войди-ка', *сырңада* 'посмотрите' — *сыркэрңада* 'посмотрите-ка'.

Формант *-во"/-вон"/-вано"/-ванон"/(-мо"/-мон"/-мано"/-манон"/)* служит для образования аудитива. Помимо действий, воспринимаемых на слух, с его помощью могут передаваться действия, устанавливаемые и другими органами чувств (за исключением зрения), а также некоторые ощущения (например, боли): *Пихиня не" лаханакурмондо* 'Слышно, как на улице разговаривают женщины'; *Нудами евонда* 'чувствуется, что болит рука'; *Няняр халя явонда* 'Чувствуется, что твой хлеб пахнет рыбой'.

К наклонениям примыкает ряд модальных форм.

Вопросительная форма (некоторыми самодологами она трактуется как наклонение) имеет суффиксальное выражение только в прошедшем времени. Ее показатель *-с/-з/-ц* вставляется между основой глагола и личным суффиксом настоящего времени: *Хяняна илесан?* 'Где ты жил?'; *Хяняд минзан?* 'Откуда ты шел?'; *Хяня' ядэрцан?* 'Куда ты ходил?'

Суффикс *-с* встречается и в повествовательных предложениях при особой интонации, утверждающей достоверность действия, выполнение его, несмотря на препятствия: *Нумда хадумась, тэрць" харахэ"на мяня" ңоб" нерня" ңэдальсава"ма* 'Поднялась пурга, тем не менее мы ведь ехали вперед'.

Форма с суффиксом *-вы/-мы* служит для выражения неочевидного действия, о котором сообщается с чужих слов или по каким-либо косвенным данным. Например: *He хасавахънда ма: «Тэмдортахъни' нюв тэвормысь, џätenавысь, тэддикэд хэвысь»*. *Тыкы вади нәмда иридо' ма: «Нюв тэворчась, џätenась, тэддикэд хаясь»* 'Жена сказала мужу «Пока мы были в магазине, сын вроде приходил, ждал, потом ушел»' (она не видела). Услышав эти слова, дед сказал: «Сын приходил, ждал, потом ушел»' (он видел). От формы неочевидного действия с помощью суффикса *-сь* образуется прошедшее время.

Особым образом соотносится с категориями времени и наклонения форма, образуемая сочетанием суффиксов *-ңго, -дй/-тй* (омонимичны показателю будущего времени) + суффикс прошедшего времени. С помощью этой формы сообщается о событиях, которые предстояли в прошлом: *Янд хэвняна пон' илеңунась* 'Ты должен был долго жить вдали от Родины'. Так же обозначается неосуществленное в силу каких-либо обстоятельств действие: *Ѓаңеқы мяканда сюрбаңгуць — небяда сита нулта* 'Ребенок хотел было побежать в свой чум, но мать его остановила'.

Инфинитные формы глагола

В Н.я. используются четыре причастные формы: 1) форма с суф. *-на/-ня, -да/-дй, -та/-тй* выражает действие, совершаемое в данный момент (у глаголов со значением несовершенности), или действие, совершившееся в недалеком прошлом (у глаголов со значением совершенности); 2) форма с суффиксом *-вы/-мы* обозначает совершенность действия; 3) форма на *-вәнда/-мәнда* характеризует действие, которому надлежит совершиться; 4) форма на *-вәдавэй/-мәдавэй* передает еще не совершившееся действие, имеющее по своей природе отрицательный характер: *илеңя* 'живущий', *илевы* 'живший', *илевәнда* 'тот, кто должен жить', *илевәдавэй* 'еще не живший'.

Причастия, образованные от переходных глаголов, морфологически не различаются в отношении залога, их активность или пассивность определяется лишь в контексте. Причастия, образованные от непереходных глаголов, всегда активны.

Деепричастных форм две: неопределенно-деепричастная форма с суффиксом *-сь/-зь/-ць* и условно-деепричастная с суффиксом *-б"/-н*". Первая помимо деепричастного значения выражает наиболее общее представление о действии (как инфинитив), может употребляться в значении качественного наречия; вторая кроме условного передает и временное значение, изменяется по лицам во всех числах — ее личные форманты совпадают с лично-притяжательными суффиксами генитива: *Ямгәд тоб"нанда нуида пэвсюмя* 'Когда он пришел с моря, стемнело'.

Супин характеризуется суффиксом *-ванзь/-манзь*: *илеванзь* 'чтобы жить', *миманзь* 'чтобы идти'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Вследствие агглютинативного характера Н.я. его грамматические словоформы образуются путем последовательного наращивания суффиксальных элементов, многие из которых выступают лишь в одном грамматическом значении. В именной словоформе последнее место (если не считать интонационных частиц) занимают лично-притяжательные суффиксы, перед ними помещаются падежные показатели, кумулятивно выражающие также число (*хәрдәхәнән* 'в моем доме' — *хәрдәхәнән* 'в моих домах'). Показатель двойственного числа занимает самостоятельную позицию перед лично-притяжательным суффиксом, за которым следует послелог (*хәрдәхаюн няна* 'в моих домах-двух'). В финитных формах глагола последнее место (если не принимать во внимание интонационные частицы) занимает показатель прошедшего времени, ему предшествуют личные

суффиксы индикатива, перед которыми помещаются форманты наклонения и видовой направленности: *то-и-н-а-сь* 'пришел бы ты'. Только показатель будущего времени занимает положение между основой глагола и суффиксальными морфемами, что объясняется особенностями его происхождения: *хаё-дэ-на-кэн* 'ты, по-видимому, останешься'. Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным.

2.5.2. Основным способом словообразования является морфологический, представленный суффиксацией. Многочисленны суффиксы как отыменного, так и отглагольного словообразования. Особенно развита система отыменных глаголов. Применение словосложения ограничено. Именные сложения носят подчинительный характер: к первому (определятельному) компоненту, имеющему неизменяемую форму (обычно генитива), присоединяется второй (определяемый), принимающий формы склонения. Тесная внутренняя связь таких сложений слов нередко получает и фонетическое выражение: *ямбо* ('я' + *но*) 'расстояние' (букв. 'земли промежутки'), *есермбя* (*есер* + *ня*) 'мачта' (букв. 'паруса дерева'). По существу, тот же прием действует по отношению к переходным глаголам и причастиям, сливающимся с предшествующим прямым объектом: *тыбэрць* (*ты* + *пэрць*) 'пастушить', *тыбэртя* (*ты* + *пэртя*) 'пастух'. Морфолого-синтаксический способ применяется преимущественно при субстантивации прилагательных, субстантивации и адъективизации причастий: *тэравы* 'депутат' < 'выбранный', *павды* 'пестрый' < 'написанный, исписанный'. Префиксация в Н.я. развития не получила. Для модификации действия применяются разные способы, в частности распространено сочетание глаголов, из которых один уточняет значения другого: *сюрмба тось* 'прибежать' (букв. 'бежа прийти'), *сюрмба хэсь* 'убежать' (букв. 'бежа уйти'), *сюрмба тюсь* 'вбежать' (букв. 'бежа, войти') и т.д.

2.5.3. Н.я. относится к языкам номинативного строя. Подлежащее сохраняет форму номинатива вне зависимости от того, непереходным или переходным глаголом выражено сказуемое. Наряду с номинативом — падежом подлежащего — имеется аккузатив, являющийся, за некоторыми исключениями, падежом прямого дополнения. Выступая в различных синтаксических функциях, эти падежные формы отчетливо противопоставляются друг другу.

Синтаксическая структура характеризуется многообразием типов простых предложений, которые подразделяются по своему составу на односоставные и двусоставные, по степени уточнения и развития выражаемых ими суждений — на распространенные и нераспространенные, по структуре — на полные и неполные, по отношению к реальной действительности — на утвердительные и отрицательные, по целевому назначению — на повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные, в зависимости от характера главных членов предложения и их взаимоотношения — на личные (собственно-, определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, назывные) и безличные.

Богатство суффиксального аппарата глагола позволяет ему включать в свою форму выражение не только субъекта, но и — при (субъектно-)объектном спряжении — прямого объекта. В результате простое двусоставное предложение нередко состоит из одной финитной формы глагола, поскольку подлежащее и прямое дополнение в нем опущены: *сэхэдава* 'мы его ненавидим'.

В абсолютном большинстве случаев предложения являются личными — показатель лица присоединяется не только к глагольному, но и к именному сказуемому: *Сэва лэмбитэнава* 'Мы хорошие лыжники'; *Сэва лэмбитэнаваць* 'Мы были хорошими лыжниками'. В будущем времени именное сказуемое присоединяет только личный формант настоящего времени, показатель же будущего времени

включается в форму вспомогательного глагола *нэсь* 'быть': *Сáва лáмбитáнава" нэңгува* 'Мы будем хорошими лыжниками'. Конструкции со значением обладания строятся по следующей модели: существительное в лично-притяжательной форме + глагол *тáня(сь)* 'иметься, быть в наличии': *Тунир тáня* 'У тебя есть ружье'. Из односоставных выделяются безличные предложения с глаголом, форма которого сходна с формой 3 лица ед. числа субъектного спряжения: *Хадума* 'Запуржило'; *Ялумдáна* 'Светает'. Имеются пассивные по своему построению предложения, в которых переходный глагол заменяется причастием, служащим для констатации действия. В таких предложениях логический субъект, если он выражен отдельным словом, имеет обычно форму генитива: *Нáнова" хамб" тахабтавы* 'Наша лодка разбита волнами'.

Глагольное сказуемое согласуется с подлежащим в числе (с личным местоимением и в лице). Сказуемое, выраженное переходным глаголом в (субъектно-) объектном спряжении, согласуется в числе с прямым дополнением, выступающим в таких построениях в качестве третьего главного члена предложения.

Элементы согласования определения с определяемым наблюдают преимущественно в номинативе ед. и мн. числа (реже в генитиве и пролативе мн. числа): *хэм' хáда* 'короткий ноготь' — *хев" хáда* 'короткие ногти' — *хэв" хáди"мáна* 'за короткие ногти'; *тáрця сер"* 'такое дело' — *тáрци" серо"мáна* 'за такие дела'.

Путем управления подчиняющие слова (глаголы и глагольные имена) связываются с косвенным дополнением в падежных формах: *Вэнекохóд пинá(сь)* 'Бояться собаки' (букв. 'от собаки'); *Вэнекохóд пинва* 'Боязнь собаки' (букв. 'от собаки'). В определительных притяжательных конструкциях изменяется только определяемое, определение же имеет форму генитива и находится в препозиции: *нэцекы' сянако* 'игрушка ребенка'.

Для Н.я. характерен фиксированный порядок слов, при котором подчиняемые слова располагаются перед подчиняющими. Наиболее последовательно это правило выдерживается в отношении определения, которое непосредственно предшествует определяемому. Подлежащее, как правило, помещается перед сказуемым, которое замыкает предложение. У составного сказуемого глагол, употребляемый в функции вспомогательного, присоединяет к своей основе показатели глагольной категории, в связи с чем обычно следует за смысловым глаголом. Расположение остальных членов предложения более свободно. Чаще всего непосредственно перед сказуемым ставятся прямое дополнение и приглагольное определение. Слова, определяющие временные отношения, тяготеют к началу предложения. Обычный порядок расположения может нарушаться — тот член предложения, на который делается логическое ударение, передвигается ближе к сказуемому. Такого рода перемещение не может происходить с определением, место которого строго фиксировано, поскольку именно оно служит признаком определительной связи. Находясь в препозиции к существительному, прилагательные, причастия, известные разряды существительных являются определением, оказываясь же в постпозиции — сказуемым. Посредством порядка слов закрепляется различие двух синтаксических категорий: атрибута и предиката. Этим же способом определяется тип предложения. Так, предложения *Пэвдя пи* 'Темная ночь' и *Еванзада нэцекы* 'Милый ребенок' являются односоставными, а предложения *Пи пэвдя* 'Ночь темна' и *Нэцекы еванзада* 'Ребенок мил' — двусоставными. При наличии в предложении нескольких определений все они располагаются в строгой последовательности в зависимости от степени подчинения перед подчиняющим словом, которое, изменяясь по соответствующим категориям, осуществляет связь с другими членами предложения: *Тидянд пухуця' сидя сáва нюда хадáнди' тья́маха'* 'Два хороших сына жены твоего дяди скрылись

за пургой'. При этом различным местоположением одних и тех же слов может достигаться выражение различных понятий: *вэнеко' пәриденя тәр* 'черная шерсть собаки'; *пәриденя вэнеко' тәр* 'шерсть черной собаки'; *тәр' пәриденя вэнеко* 'собака с черной шерстью'.

В качестве конструирующих элементов различных типов предложений выступают интонация, наречия, междометия, эмоционально-усилительные и вопросительные частицы.

Из числа простых предложений выделяются предложения, осложненные глагольными именами, причастиями и деепричастиями. Будучи простыми по своей структуре, они функционально соответствуют сложноподчиненным предложениям: *Җарка из" тяхәмна яхак' халаявам' сәяавна теневава* 'Мы хорошо знаем, что за большими камнями течет извилистая речка' (букв. 'больших камней позади речки извилистое течение хорошо знаем-мы').

Отглагольные существительные с суффиксом *-во'/-мо'* в форме аблатива (отложительного падежа) служат для выражения цели действия (всегда в отрицательном значении): *Не җацекы' лэрёвоҗад хыно"лы* 'Чтобы девочка не испугалась, он запел'.

2.5.4. Связная речь ненцев в большинстве случаев представляет собой цепь следующих друг за другом простых более или менее распространенных предложений. Из сложных предложений некоторое развитие получили сложносочиненные. Связь составных частей таких предложений выражается чаще простым соположением и значительно реже с помощью союзных слов. Сочинительные союзные слова образовались от местоимений, наречий и не утратили еще смысловой связи с ними. Так, например, слово *няби* (по происхождению местоимение 'другой'), употребляемое в соединительном значении, соответствует при переводе на русский язык союзу 'и', но применяется для соединения только двух однородных членов предложения и изменяется по числам: *Не җацекы няб' вэнекоця* 'Девочка и собачка' (букв. 'девочка другая собачка'); *Не җацекы" няби" вэнекоця* 'Девочки и собачки' (букв. 'девочки-многие другие-многие собачки-многие'). Заимствованные из русского языка союзы *али, та* (рус. 'да'), *и* встречаются в крайнезападных говорах тундрового наречия (особенно в канинском), в большеземельском говоре наблюдается употребление союза *җа* (рус. 'а'), причем пауза не предшествует союзу, а следует за ним: *Нисяда вэсэймдәнась җа, не нюдя җарәймдәнась* 'Отец старел, а дочь его подрастала'.

Значительно слабее развиты сложноподчиненные предложения, отмечаемые преимущественно в западных говорах. Большинство слов, выступающих в таких предложениях в значении подчинительных союзов, являются по своему происхождению вопросительными наречиями и местоимениями: *хәнзер* 'как', *хәнля* 'куда', *җәмгэ* 'что' и др. Эти вопросительные слова не приобрели значения относительных, и предложения с ними воспринимаются в большинстве говоров как калька с русского. Несколько шире употребление уступительных предложений и предложений с глаголами в конъюнктиве: *Хәрвабта хоныда", хәрвабта нёда", тарем' җод" тәня' нуда" еремд"* 'Хоть спите, хоть нет, все равно туда не попадете'.

2.6.0. Основной слой лексики современного Н.я. унаследован от уральского и самодийского языков-основ. К этому фонду принадлежат названия частей тела, предметов и явлений природы, некоторые термины родства, первообразные прилагательные, числительные, многие местоимения, ряд глаголов. Наряду с этим древнейшим пластом лексики выявляются и ряды разновременных заимствований.

К древним относятся заимствования из тюркских языков, связанные в основном с хозяйственной деятельностью: *юр* 'сто', *хыра(сь)* 'снять шкуру с

убитого животного', *тярць* 'разделить' и др. Позднее оба наречия Н.я. несомненно испытали на себе влияние со стороны аборигенов Крайнего Севера, с которыми столкнулись самодийцы в своем продвижении из предгорий Саян на северо-запад. Однако имеющийся языковой материал позволяет высказать лишь самые общие предположения о следах этого заимствования — проведенные исследования свидетельствуют о том, что это была лексика доленеводческого хозяйства.

Источники позднейших заимствований для ненцев, расселенных в разных районах, различны. В языке ненцев Большеземельской тундры наблюдается влияние со стороны коми языка, сказывающееся преимущественно в бытовой лексике: *хър* 'печь', *ватлан* 'ведро (железное)' и т.д. При этом отдельные лексемы проникли из коми языка во все диалекты ненецкого: *нянь* 'хлеб', *ной* 'сукно' и др. У ненцев южной части Ямала отмечаются заимствования из хантыйского языка, относящиеся к торговле и сотрудничеству: *ва́скуй* 'купец', *па́рь* 'плот', *лансяк* 'мыло', *па́рдон* 'лекарство' и др. Русские лексические заимствования проникли в Н.я. еще задолго до 1917 г. Это была преимущественно бытовая лексика, полностью подчинившаяся фонетическим и грамматическим закономерностям заимствующего языка: *хърупа* 'крупа', *селкой* 'рубль (целковый)', *хәмпетка* 'конфет(к)а' и т.д. Особенно большой размах приобрели заимствования из русского языка в советское время, охватывая разделы словаря, связанные с понятиями, которые отсутствовали ранее в общественной практике ненецкой народности или были ей мало свойственны (государственность, общественно-политическая жизнь, условия городского быта, школьное обучение, комплексное хозяйство, переход на оседлость и др.): *совет*, *колхоз*, *партия*, *радио* и многие другие.

2.7.0. Система диалектных подразделений Н.я. может быть представлена в виде следующей схемы:

Тундровое наречие							Лесное наречие			
Западные говоры			Большеземельский говор	Восточные говоры			Нялинский говор	Ляминский говор	Пуровский говор	
Крайнезападные говоры		Малоземельский		Приуральский	Ямальский	Крайневосточные говоры				
Колгуевский	Канинский					Тиманский				Тязовский

Как показано в таблице, в Н.я. различаются два наречия.

Тундровое наречие распространено в тундровой зоне от восточного побережья Белого моря на западе до нижнего течения р. Енисей на востоке, от побережья Северного Ледовитого океана на севере до северной границы лесов на юге. Говорящих на этом наречии свыше 28 тыс. Различаются основные группы говоров; западная, восточная и центральный (большеземельский) говор. В группе западных говоров выделяются западные и крайнезападные, в группе восточных говоров — восточные и крайневосточные. Восточные говоры очень близки центральному. Территориальное положение центрального (большеземельского) говора — Ненецкий автономный округ Архангельской области — обусловило выбор его в качестве опорного. Созданная на основе этого, а также ямальского говора (Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области) письменность применяется для обслуживания всего тундрового населения. Типичная фонетико-грамматическая характеристика этих говоров: наличие *ң* в анлауте и инлауте (*ңаңо* 'утка'); широкое использование в лексических

и грамматических образованиях гортанных смычных фонем: *я* 'земля' — *я'(н)* 'сажа' — *я'(с)* 'волосинка'; *хән* 'нарта' — *хән'* (генитив ед. числа) — *хән"* (номинатив мн. числа); полное произношение слов и их форм: *нэворць* 'есть, кушать', *иленяхнда* 'пока он жил'; фиксированный порядок слов. Распространение крайнезападных говоров — полуостров Канин, остров Колгуев, Тиманская тундра. Их представители — говоры канинских, колгуевских, тиманских ненцев. Отличительные особенности этих говоров (здесь и далее сопоставление проводится с письменным языком): отпадение *ң* в анлауте и выпадение его в инлауте. В связи с этим в начальной позиции выступают нейотированные гласные, чего не наблюдается в остальных говорах (*аңо* 'утка'), стянутые словоформы (*орць* 'есть, кушать'; *иленянда* 'пока он жил'); некоторые морфологические отличия, более свободный порядок слов. Некоторые особенности крайнезападных говоров присущи и западному (малоземельскому) говору (Ненецкий автономный округ). Однако, тяготея к большеземельскому говору, он имеет ряд черт, характерных для последнего. Группа крайневосточных говоров распространена в Надымском, Тазовском районах Ямало-Ненецкого округа и на Таймыре — соответственно надымский, тазовский говоры таймырских ненцев. Отличительная фонетико-грамматическая характеристика этой группы: замена круглощелевого *с* /*s*/ плоскощелевым *š* /*ʃ*/, звонких сонантов глухими (*поңка* 'невод' — лит. *поңга*), стянутые формы слов (*ңортъ* — *ңорць* 'есть, кушать'; *иленянта* 'пока он жил'). Сколько-нибудь существенных грамматических отличий по говорам нет. Расхождение в области лексики сравнительно немного.

Лесное наречие распространено по р. Пуру и некоторым притокам Оби (Конде, Лямину, Сахалинской) и представлено тремя говорами: пуровским, ляминским, нялинским. Число носителей этого наречия не превышает 2 тыс. Отмечаются характерные фонетические черты, отличающие лесное наречие от тундрового: отсутствие четко выраженного противопоставления по звонкости/глухости, факультативная замена назализованного гортанного смычного звука, с которыми он чередуется (*н*, *ң*), наличие в пуровском, частично в ляминском говорах переднеязычного глухого бокового *l* (*tjla* 'кулак' — лит. *тыра*), широкое употребление среднеязычных (*hetaŋ* 'теперь' — лит. *теда*; *riŋa* 'горно-стай' — лит. *пия*).

В области морфологии для лесного наречия характерно присоединение одних и тех же падежных формантов к основам как 1-й, так и 2-й подгрупп II группы, в то время как в тундровом наречии эти суффиксы различаются. То же отмечается и в системе спряжения: благодаря отсутствию звонких согласных глагольные основы 1-й и 2-й подгрупп II группы составляют в лесном наречии в отличие от тундрового единую группу. В результате обособленного положения носителей лесного наречия его говоры значительно отличаются от говоров тундровых ненцев, и хотя расхождения между наречиями сводятся в основном к различиям в звуковой оболочке слова, не влияя на его семантику, взаимопонимание тундровых и лесных ненцев значительно затруднено. Вместе с тем переход от одного наречия к другому носит постепенный характер: чем восточнее тундровый говор, тем больше у него сходства с лесным наречием.

ЛИТЕРАТУРА

Вербов Г.Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник: (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1973.

Куприянова З.Н., Хомич Л.В., Щербакова А.М. Ненецкий язык: Учебное пособие для педагогических училищ. Л., 1957.

Попова Я.Н. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978.

Прокофьев Г.Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. I.

Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947.

Терещенко Н.М. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык: (Опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков.) Л., 1959.

Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. (Около 22 тыс. слов.)

Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.

Hajdú P. Chrestomathia Samoiedika. Budapest, 1968.

Janhunen J. Glottal Stop in Nenets. Helsinki, 1986.

Mikola T. Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen). Budapest, 1975.

Н.М. Терещенко ЭНЕЦКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Термины "энцы" и "энецкий язык" введены в 30-х гг. нашего века по аналогии с этнонимом "ненцы" применительно к весьма малочисленной народности, известной в дореволюционное время под названием "енисейские самоеды". В значительной части зарубежной литературы энцы и сейчас именуются по типу нем. Jenisseisamojeden, англ. Yenisei Samoyed. Энцы состоят из двух этнических групп: лесной — бай и тундровой — маду (мадду) или сомату. Слово madu (maddu) связано с ненецким mando — так ненцы называют энцев. Существующие многочисленные объяснения этнонима сомату неубедительны. Последняя по времени гипотеза предлагает увязать бытующее у нганасанов название этого племени энцев — *səmaŋtu* с нганасанским же глаголом обладания *səmaŋtusa* 'иметь шапку, находиться в шапке' от существительного *sətu* 'шапка'. Однако корневые морфемы этих слов различны, и сами нганасаны связи между ними не усматривают.

Отсутствие единого самоназвания объясняется известной разобщенностью этих групп энцев, разделенных расстоянием в несколько сот километров, различающихся типом материальной культуры, говорящих на различных наречиях, испытывающих на себе различные языковые влияния.

1.1.2. Энецкий язык (Э.я.) принадлежит к самодийской подсемье (группе) уральских языков. Наиболее близки к Э.я. ненецкий и нганасанский языки.

1.1.3. Энцы расселены в северной части Таймырского автономного округа Красноярского края Российской Федерации на территории Дудинского и Усть-Енисейского районов. В XVIII в., по данным Б.О. Долгих, их было свыше 3 тысяч. По переписи 1926 г., энцев насчитывалось 376 чел., согласно данным переписи 1989 г., в СССР проживали 209 энцев, 45,5% из них считали энецкий язык родным.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. В Э.я. два наречия: лесное — бай и тундровое — маду (мадду), выделенные по географическому принципу. Настоящая статья написана на материале наречия бай, собранного в полевых условиях от представителей старшего и среднего поколений в 60-е гг. Учтены также сведения, полученные в последующие годы от студентов-энцев.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Э.я. является языком устного общения. Основная масса энцев многоязычна: почти все они говорят по-русски и/или по-ненецки, понимают речь долган, частично эвенков; часть тундровых энцев знает язык нганасанов. В ряде смешанных семей языком общения является ненецкий.

1.3.2. Литературного варианта Э.я. не имеет.

1.3.3. Обучение на Э.я. не ведется.

1.4.0. Письменности нет. Составлен практический алфавит Э.я. на основе русской системы графики. Примеры в настоящей статье приводятся в фонетической транскрипции.

1.5.0. Для периодизации Э.я. нет необходимых данных. Два современных наречия Э.я. полностью сложились уже к концу XVII в. — времени появления первых записей на Э.я.

1.6.0. Внутроструктурные явления, обусловленные внешними языковыми контактами, в наречии бай прослеживаются в области фонетики, частично морфологии. Основные источники влияния — таймырские говоры ненецкого языка и русский язык.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1.

Гласные

Подъем	Ряд		
	передний	смешанный	задний
	лабиальные	иллабиальные	лабиальные
Верхний	i	ɨ	u o
Средний	ε	ə	o
Нижний		a	

Имеются долготные противопоставления гласных, носящие фонематический характер: ne 'женщина' — nē 'игла', toʃ 'прийти' — tōʃ 'дойти'. Фонетические дифтонги в отличие от фонологических наблюдаются при образовании ряда форм: toa 'пришел-он', коадβ 'нашел-я'.

Согласные

По способу образования			По месту образования					
			билаби- альные	передне- язычные	средне- язычные	задне- язычные	Гортанные	
Назали- зован- ный	Уненаза- лизован- ный							
Шумные	смычные	глухие	p	t	h	k	ʃ	ʒ
		звонкие	b	d	ʔ	g		
	фрика- тивные	аффрикаты			ç			
		гласко- щелевые	глухие		ʃ ʒ	h		
		звонкие			ð	j		
	кругло- щелевые	Глухие		s ʃ				
Сонанты	назальные		m	n	ɲ[ŋ]	ŋ		
		латеральные		l				
	вибранты			r				
	глайды		β					

Долгота и краткость согласных нестабильны. Звуки ŋ, h, β встречаются сравнительно редко: ŋ — в начале некоторых слов и при словоизменении, h и β —

преимущественно в грамматических формантах. Назализованный гортанный смычный в речи младшего поколения энцев сказывается главным образом в том влиянии, которое он обнаруживает в грамматических формах: *koŋ* 'бочка' — аблатив *kogob* (ср.: *koŋ* 'кашель' — аблатив *kokoŋ*), *oŋ* 'съест' — основа *oŋ*, *oŋ* 'ест' — основа *oŋ*; см. в личных формах: *otaui* 'я съел' — *otaui* 'я ем'. Вывод о взаимозаменяемости гортанных смычных сделан на основании данных дистрибутивного анализа без учета их фонологического развития. С большим основанием можно говорить, по-видимому, о намечающемся процессе постепенного отмирания в наречии бай назализованного гортанного смычного.

2.1.2. Словесное ударение падает преимущественно на первый слог. Гласные в ударной позиции имеют относительно большую длительность, чем в неударной. Остаточные явления сингармонизма разрушены.

2.1.3. В диалекте бай отмечается редуцированное произношение или полная редукция гласных середины и особенно конца слова.

2.1.4. Преобладающая структура слога: V — *ü* 'ты'; VC — *ub* 'конец'; CV — *pu* 'камень'; CVC — *soj* 'шапка'; CVCC — *kan-taŋŋ* 'я пойду'. Наблюдается несовпадение слогораздела с границей между морфемами.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Начало слова по сравнению с началом морфемы содержит ограниченный состав фонем. Исконные словоформы не начинаются с согласных *j*, *r*, *d*, *ŋ*, *g*, *h*, гортанных смычных и гласных *e*, *o*, *i*; в абсолютном исходе слова не используется ряд шумных и сонантов; в середине слова выступают все согласные и монофтонги (кроме назализованного гортанного смычного). Стечение согласных в начале слова отсутствует. Стечения двух гласных рассматриваются как бифонемные. В отличие от корневых суффиксальные морфемы в ряде случаев не образуют слога.

2.2.2. Служебные слова в противоположность знаменательным не несут на себе словесного ударения.

2.2.3. Наиболее распространенные чередования гласных и согласных наблюдаются в основе слова.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

По преобладающему способу соединения морфем Э.я. относится к языкам агглютинативного типа. Основным приемом сочетания морфем является суффиксация. В одной словоформе может быть заключено не более семи словообразовательных и словоизменительных формантов. Отмечается определенная закономерность в их сочетаемости, в порядке следования морфем: *kaɓaguiŋiŋdoŋ* (*kaɓa-gu-ga-ŋi-j-ŋ(o)-ŋ*) 'если бы кем-то добывалось' (*ka* — корневая морфема (основа глагола *kaŋ* 'умереть, погибнуть'), за которой следуют суффиксы, выражающие разные значения: *-ŋa* переходность, *-gu* — длительность, *-ga* — пассивность, *-ŋi* — модальность, *-j* — тип спряжения, *-ŋŋ* — 3-е лицо ед. числа, *-ŋ* — прошедшее время). Членение словоформ в Э.я. не вызывает затруднений.

2.3.1. Степень разграниченности грамматических разрядов слов позволяет выделить в Э.я. части речи. Наиболее отчетливая граница проходит между именем и глаголом. Именные части речи дифференцированы слабее: определенные семантические группы слов могут выступать и как существительные, и как прилагательные: *Pu katoŋŋ taŋaŋ agga pu ebi* 'Позади каменного дома был большой камень'.

Из категориальных способов выражения грамматических значений отмечаются следующие: число, лицо, падеж, посессивность, деизидеративность, время, модальность.

2.3.2. Из качественных именных классификаций по некоторым разрядам местоимений и семантическим группам глаголов выделяется противопоставление человек/не человек.

2.3.3. Грамматическое число выражается противопоставлением форм единственного, двойственного, множественного числа.

2.3.4. Для выражения падежных значений служат субъектно-объектные и местно-временные падежи. Безличная принадлежность обозначается генитивом основного склонения. Этой же формой передается значение относительных прилагательных: *ħaħaħ baro* 'берег реки' и 'речной берег'. Для выражения личной принадлежности служат формы лично-притяжательного и лично-предназначительного склонения: *meta* 'его чум' — *metaħa* 'чум для него'.

2.3.5. Посредством многочисленных словообразовательных суффиксов обозначается в Э.я. значение совершенности/несовершенности. Суффиксация же используется для выражения переходности/непереходности, развитой системы каузативности. Залоговые значения находят свое выражение в противопоставлении активной конструкции предложения пассивной. Выражение модальности достигается при помощи форм наклонений, модальных глаголов, модальных частиц.

2.3.6. Категория лица свойственна не только глаголу, но и именам в лично-притяжательных, лично-предназначительных и предикативных формах. Личные предикативные суффиксы совпадают с личными формантами глаголов в субъектном спряжении: *ū kaħadad* 'ты охотник', *ūdaħ kaħadaraħ* 'вы охотники', *ū kaħadadōš* 'ты был охотником', *ūdaħ kaħadaraħ* 'вы были охотниками'. Определенность у имени выражается препозицией определительных местоимений, лично-притяжательными суффиксами; при этом форма 2-го лица выступает в функции определенного артикля. По линии глагола определенность передается (субъектно-)объектной парадигмой. Средствами пространственной ориентации служат указательные местоимения, локальные падежи, наречия места, послелоги. Грамматическая категория времени у глагола выражается формами времени. Отрицание передается в основном отрицательными вспомогательными глаголами, в определенных построениях — отрицательными суффиксами.

2.3.7. В Э.я. те же части речи, что и в ненецком (см. статью "Ненецкий язык"). Прилагательные, за исключением предикативных форм, не образуют категории числа, не имеют и категории падежа. Основные категории глагола: лицо, число, время, наклонение, тип спряжения, залог. Из служебных слов развиты послелоги, отчасти частицы; союзные слова употребляются очень ограниченно. В отличие от суффиксов служебные слова состоят минимум из одного слога.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена и местоимения

Единственное число имен имеет нулевой показатель, суффикс двойственного числа — *-ħi(h)/-gi(h)/-ki(h)*, множественного — *-ħ* (ненализированный гортанный смычный). При склонении различаются три типа основ: 1) не на гортанный смычный, 2) на *ħ*, 3) на *ħ*.

Падежные суффиксы в основном склонении

Падеж	Ед.ч.			Мн.ч.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Номинатив	—	—	—	-ħ	-ħ	-ħ
Генитив	(-ħ)	(-ħ)	(-ħ)	-ħ	-ħ	-ħ
Аккузатив				-ħ	-ħ	-ħ
Датив-аллатив (датель-направительный)	-d	-d	-t	-h-δ-	-giδ	-kiδ

Падеж	Ед.ч.			Мн.ч.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Локатив-инструменталис (местно-творительный)	-h-n(e)	-gop(e)	-kop(e)	-h-n(e)	-gin(e)	-kin(e)
Аблатив (отложительный)	-h-ǫ	-goǫ	-koǫ	-h-t	-git	-kit
Просекутив (продольный)	-on(e)	-mon(e)	-mon(e)	-in(e)/ -on(e)	-in(e)/ -on(e)	-in(e)/ -on(e)

В двойственном числе в номинативе, генитиве и аккузативе к основе имени прибавляется показатель числа. В значении локальных падежей выступают сочетания имени в форме двойственного числа с серийным послелогом: *ḥogohiḥ peḥ* 'к ловушкам-двум', *ḥogohiḥ nen* 'у ловушек-двух', *ḥogohiḥ neǫ* 'от ловушек-двух', *ḥogohiḥ neon* 'по ловушкам-двум'.

В формах номинатива мн. числа и генитива ед. числа происходит замена назализованного гортанного смычного обычно звуком г (и некоторыми другими сонантами), неназализованного — звуком ǫ: *robeḥ* 'лямка', *roberḥ ub* 'конец лямки', *teḥ* 'чум' — *meǫḥ ḥi* 'покрышка чума'.

В речи молодого поколения энцев в словах типа *robeḥ* 'лямка', *raḥiḥ* 'бумага' и др. генитивная основа воспринимается в качестве основной: *Robeḥ ḥa nip moḥti* 'Лямка лежит на земле'. Тем самым слова этого рода сближаются с соответствующими словами ненецкого языка: энц. *robeḥ* 'лямка' — нен. *rod'erḥ*. То же относится и к определенной группе глаголов с основой на *-r/-rḥ*.

Аккузатив не имеет четкого падежного маркера. М.А. Кастрен приравнивал его к генитиву, а Г.Н. Прокофьев — к номинативу. Судя по нашим материалам, эти формы служат для выражения определенности/неопределенности.

Лично-притяжательные формы образуются путем присоединения к падежной форме лично-притяжательных суффиксов: *kaḥa-hoǫ* 'от бабушки' — *kaḥa-hoǫ-da* 'от его бабушки', *kaḥa-hoǫ-naḥ* 'от нашей бабушки'.

Показатель лично-предназначительного (дезидеративного) склонения *-ǫ/-d/-t* вставляется между основой имени и лично-притяжательным суффиксом: *teḥogaḥ* 'олень для вас', *teḥodaḥ* 'оленя для вас', *teḥodaḥ* 'в качестве оленя для вас'.

При сравнении двух предметов по степени выражаемого ими признака имя, служащее основой для сравнения, имеет форму аблатива. В значении прилагательных выступают некоторые словообразовательные формы и причастия от глаголов качественного состояния.

Формы генитива и аккузатива личных местоимений происходят от основы *ḥiḥ*, остальные падежи образуются сочетанием соответствующего личного местоимения с послелогом. Другие разряды местоимений изменяются как имена.

Глагол

Глагол имеет три ряда личных маркеров, характеризующих тип его спряжения. Наиболее употребительны наклонения: индикатив, оптатив (побудительное), конъюнктив, предположительно-долженствовательное, императив (структурно обособленное от других наклонений), аудитив и формы модального значения: вопросительная, желательная, неочевидного действия. В сочетании с личными суффиксами настоящего (неопределенного) времени конъюнктив передает пожелание, настойчивую просьбу. Имеются времена: настоящее (неопределенное), прошедшее, будущее. Некоторыми самоседологами выделяется четвертое время —

давно-прошедшее с суффиксом *-bi/-pi* (омонимично форманту неочевидного действия) и кондиционал; в качестве наклонений рассматриваются ими и указанные выше модальные формы.

Инфинитивные формы глагола представлены причастиями: *ħigeda* 'живущий', *ħigē* 'живший', *ħigeŋda* 'тот, кто должен жить', *ħigeŋdaj* 'тот, кто еще не жил'; деепричастиями: *ħigeŋ* 'жить', 'живя', *ħigeŋh* 'если жить, когда жить', супинном: *ħigeoħ* 'чтобы жить'. Присоединением к форме условного деепричастия суффиксов, совпадающих с показателями генитива лично-притяжательного склонения, образуются его личные формы: *ħigebuħner* 'если я живу', *ħigebuħned* 'если ты живешь' и т.д.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Суффиксальные морфемы наращиваются на основу слова в строго определенной последовательности, при этом словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным. Последнее место в именных словоформах занимает лично-притяжательный формант, в глагольных — показатель прошедшего времени. См. 2.3.0.

2.5.2. Основной способ словообразования представлен суффиксацией, широко применяемой в отношении как отыменных, так и отглагольных производных форм.

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная. Для синтаксического строя характерно многообразие простых предложений. Значительно преобладают личные предложения. При (субъектно-)объектном спряжении в форму сказуемого может включаться выражение не только подлежащего, но и прямого дополнения. Подчинительная связь по способу согласования отсутствует. Широко развито сочетание по способу примыкания. Зависимые слова помещаются перед теми словами, от которых они зависят. Определение непосредственно предшествует определяемому. В ряде случаев только местоположение служит признаком зависимой связи. В числе простых представлены и простые осложненные предложения с глагольными именами, причастиями и деепричастиями.

2.5.4. Связь между частями сложносочиненного предложения осуществляется преимущественно без помощи союзных слов. Сложноподчиненные предложения для Э.я. нехарактерны.

2.6.0. Основной пласт слов Э.я. общесамодийского происхождения. Вместе с тем ряд слов, общих с ненецким и нганасанским языками, является заимствованным. От ненцев энцы заимствовали в первую очередь термины домашнего оленеводства и связанные с ним термины материальной культуры, у нганасанов — слова, относящиеся к коллективной охоте на дикого оленя. Особенно сильно воздействие на язык лесных энцев со стороны говоров таймырских ненцев, а на язык тундровых энцев — со стороны языка нганасанов. Древними являются в лесном наречии лексические заимствования из кетского языка. К ним относятся, в частности, личные местоимения 2-го и 3-го лица (соответственно: *ū*, *bu*). Из русского языка в дореволюционный период заимствовались главным образом слова бытового характера: названия различного рода пищи, одежды, утвари (*чай*, *сахар*, *крупа* и пр.). В годы советской власти круг русских лексических заимствований значительно расширился — с их помощью обозначаются понятия, отсутствовавшие ранее в общественной практике энецкой народности (*совет*, *колхоз*, *город*, *радио*, *электричество* и др.).

2.7.0. В Э.я. исторически сложились два наречия: лесное (бай) и тундровое (маду), довольно значительно отличающиеся друг от друга прежде всего по своему лексическому составу. Эта диалектная дифференциация объясняется различием родоплеменных групп самодийцев, на основе которых сложились этнотеррито-

риальные группировки современных энцев, и влиянием различных аборигенных племен, занимавших ранее осваиваемые самодийцами территории.

Наиболее компактно представители лесного наречия расселены на территории Потаповского сельсовета Дудинского района, представители тундрового наречия — на территории Воронцовского сельсовета Усть-Енисейского района Таймырского автономного округа Красноярского края Российской Федерации. Количественно носители лесного наречия несколько преобладают над носителями тундрового наречия. См. также 1.1.1, 1.1.3.

Фонетико-грамматическая характеристика наречия бай дана в настоящей статье. Одной из основных фонетических особенностей наречия маду является большое количество дифтонгов как в корневых, так и в суффиксальных морфемах. Стечение согласных для всех позиций в слове нехарактерно. Морфологические отличия сводятся в основном к различиям в суффиксальных морфемах, объясняемых в значительном числе случаев различиями в звуковой структуре формантов. В целом грамматический строй обоих наречий во всем существенном единообразен.

ЛИТЕРАТУРА

Прокофьев Г.Н. Энецкий (енисейско-самоедский) диалект // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. 1.

Сорокина И.П. Морфология глагола энцецкого языка: Дис. ...канд. филол. наук Л., 1975

Терещенко Н.М. Энецкий язык // Языки

народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966, т. III.

Castén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen SPb., 1854

Katzschmann M., Pusztay J. Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis. Hamburg, 1978. (1642 словарных гнезда)

Н.М. Терещенко

НГНАСАНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. На нганасанском языке (Н.я.) говорит этническая группа, именованная в прошлом "самоеды-тавгийцы" или просто "тавгийцы". Современное название "нганасаны" образовано от слова *ṅanaḥsanəḥ* 'люди' (ед. число *ṅanaḥsa* 'человек'). Этноним "тавгийцы" восходит к ненецкому *taβij* (мн. число *taβi šj*) — так ненцы называют нганасанов. Народность объединяется общим самоназванием *laḥ* (ед. число *ṅa*) — в лично-притяжательных формах это слово обозначает 'товарищ'. В германоязычной литературе нганасанов обычно именуют *Tawgysamojeden* или *Tawgen*, англ. *Tawgy*, *Tawgy Samoyed*.

1.1.2. Н.я. относится к самодийской подсемье языков, которые вместе с финно-угорскими образуют уральскую языковую семью. Наиболее близки к Н.я. ненецкий и энецкий языки.

1.1.3. Нганасаны издавна населяют северную часть Таймырского полуострова. Основная часть их живет в Дудинском (бывшем Авамском) районе, меньшая (примерно одна четверть) — в Хатангском районе, небольшое число — в Воронцовском сельсовете Усть-Енисейского района Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Красноярского края. Нганасанов насчитывается 1 тыс. 278 чел. (перепись 1989 г.) Из них свыше 83% считают нганасанский родным языком.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Различаются две диалектные разновидности, выделяемые в соответствии

с родоплеменными группами авамских и вадеевских (или хатангских) нганасанов. Очерк написан на материале речи авамских нганасанов.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. Н.я. является языком устного общения. Он применяется в быту, в производственной и общественной сферах, на нем ведутся передачи по радио. Значительная часть нганасанов говорит по-русски, некоторые (особенно в Хатангском районе) — и по-долгански, многие авамские нганасаны старшего поколения понимают энецкий язык.

1.3.2. Литературного варианта Н.я. нет.

1.3.3. Обучение на Н.я. не ведется.

1.4.0. Н.я. бесписьменный. Разработан практический алфавит на основе русской системы графики с введением дополнительных знаков для обозначения звуков, отсутствующих в русском языке.

1.5.0. Н.я. не имеет древних письменных источников, на основании которых можно было бы установить периоды его истории.

1.6.0. Н.я. испытывает влияние со стороны русского языка, но основ фонологической системы и грамматического строя оно фактически не затронуло. В языке младших поколений заимствуемые звуки функционируют в сфере усвоенной из русского языка общественно-политической лексики.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1.

Гласные

Подъем	Ряд			
	Передний		смешанный	задний
	иллабиальные	лабиальные		
Верхний	i	ü	i̯	u
Средний	e		e̯	o
Нижний	æ		a	

Различаются долгие и краткие гласные. Выделяется ряд дифтонгов. В быстрой речи некоторые из них звучат как долгие монофтонги, например: uo, üö, je (соответственно: õ, ö, ë), хотя при полном произношении различаются составляющие их элементы. Переход монофтонга в дифтонг и, наоборот, дифтонга в монофтонг используется в словообразовательных и словоизменительных целях. В таблицу включены только среднедолгие гласные и монофтонги.

Согласные

По способу образования			По месту образования				
			билабиальные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	горланные
Шумные	смычные	глухие	p	t	h	k	h̥
		звонкие	b	d	h̥	g	
	аффрикаты	глухие					
		звонкие		dð			
		глухие		s	ç	x	
ффрикативные	звонкие		ð				

По способу образования		По месту образования				
		билаби- альные	передне- язычные	средне- язычные	заднеязычные	гортанные
Сонор- ные	Насальные	m	n	ɲ [ɲ]	ŋ [ŋ]	
	латеральные		l	ʎ		
	вibrанты		r			
	полугласные			j		

2.1.2. Словесное ударение динамическое и количественное: гласный в ударном или открытом слоге более напряженный и длительный, чем в неударном и закрытом. В двусложных словах ударение приходится преимущественно на первый слог, но при наличии долгого гласного или дифтонга тяготеет к ним. В трехсложных и многосложных словах может быть и дополнительное ударение, обычно — на третьем, реже — на пятом слоге. При словообразовании и словоизменении ударение, как правило, сохраняется на корневой морфеме.

Отдельные случаи сингармонического выравнивания гласных могут рассматриваться как пережиток былой закономерности.

2.1.3. Набор фонем в анлауте, инлауте и ауслауте различается довольно существенно: в абсолютном начале слова используется 14 согласных фонем, в середине слова встречаются все согласные фонемы, в конце — только 5. Вокализм абсолютного начала слова значительно беднее, чем в конечной позиции. Стечение согласных и гласных в начале и в конце слова недопустимо. Стечение согласных в середине слова ограничено и исчерпывается следующими сочетаниями: сонант + шумный, реже — сонант + сонант, шумный + шумный.

Консонантизм (по данным Е.А. Хелимского):

	b	d	d'	g	t	t'	k	'	ɖ	s	h	ʃ	m	n	ɲ	ŋ	l	ʎ	j		
Анлаут	+	(-)	+	(-)	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	(-)	+	+	(-)
Инлаут	+	(+)	+	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ауслаут	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	+

(-) только в заимствованиях; (+) только в кластерах nd, ŋg

2.1.4. Структурным центром слога является гласный звук (монофтонг или дифтонг). Слоги могут быть открытыми (преимущественно), закрытыми и замкнутыми: V (в абсолютном начале слова) — i-si 'старший брат отца или матери'; VC — ɛm-nj 'здесь'; CV — ki 'водоворот', kjo 'береза'; CVC — tan-sa 'аркан' и ограничено CVCC — kirɕ 'мухи'.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Имеются минимальные пары, в которых долгие и краткие гласные одного качества противопоставляются друг другу как фонемы: ɕimi 'зуб' — ɕimi 'сажень', sũrũ 'снег' — sũrũ 'ползет'. Такое противопоставление используется в морфонологических целях.

2.2.2. Модели начала корневой и суффиксальной морфем различаются. Начало корневой морфемы не может иметь стечения согласных, для суффиксальной морфемы такого ограничения нет. В отличие от корневых суффиксальные морфемы могут состоять из одних согласных. Модели конца слова и морфемы более однородны. Границы морфемы и слога не обязательно совпадают.

Служебные слова в отличие от знаменательных не имеют словесного ударения.

2.2.3. Широко распространены чередования гласных и согласных, используемые

нередко в словоизменительных и словообразовательных целях. С помощью фонологически значимой глухости/звонкости в ряде случаев различаются формы одного и того же слова: *baŋi* 'дикий олень' — *baŋi ɣoj* 'нога дикого оленя', *bigaj* 'река' — *bikā bəgə* 'берег реки'. Действие ассимилятивных процессов и слияние звуков наблюдаются ограниченно.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

По преобладающему способу соединения морфем Н.я. является агглютинативным — на основу слова последовательно наращиваются форманты грамматических категорий, вычленение которых при морфологическом анализе обычно не представляет большого труда. Например: *kətuɣtugujčüogətəne* (*kətuɣtu-guj-čüo-gətə-ne*) 'от моего пастуха' (*kətu* — основа глагола *kətuɣa* 'пастись', *-ɣtu* — суффикс переходности, *-guj* — длительного действия, *-čüo* — причастия, *-gətə* — аблатива, *-ne* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа).

2.3.1. Степень разграничения грамматических разрядов слов позволяет выделить части речи. Различия между именами и глаголами определяются по свойственным им парадигмам словоизменения и выполняемым синтаксическим функциям. Выступая в роли определения, существительное приближается по своему значению к прилагательному. Категориальное выражение получили следующие грамматические значения: число, лицо субъекта и объекта, падеж, посессивность, дезидеративность, время, модальность, залог, предикативность, определенность/неопределенность.

2.3.2. Из качественных именных классификаций для Н.я. характерна категория лица/нелица. Прямое употребление всех личных и некоторых других местоимений возможно лишь по отношению к людям. Ряд глаголов одного и того же значения различается в зависимости от того, к людям или не к людям они применяются. Например: *hojküsa* 'бежать' (о человеке) — *čalitjisi* 'бежать' (о животном).

2.3.3. Грамматическое число выражается оппозицией форм единственного, двойственного и множественного числа. Помимо единичности предмета с помощью ед. числа обозначается и обобщенная собирательность. Возможна замена формы двойственного числа сочетанием существительного в ед. числе с числительным *siti* 'два'. Названия лиц, объединяемых по родственным и социальным связям, образуют особую форму собирательной множественности.

2.3.4. Падежные значения выражаются субъектно-объектными, посессивными, локальными падежами.

Посессивность может быть выражена безличной формой — генитивом основного склонения и личной формой — лично-притяжательными или лично-предназначительным (дезидеративным) склонением.

2.3.5. Качественные глагольные классификации выражаются преимущественно синтетическим путем при помощи суффиксов. Значительное число глаголов образует пары, противопоставляемые друг другу по способу протекания действия, заключенного в глагольной основе. Вместе с тем имеется ряд форм видовой направленности (таких же, как и в ненецком языке).

Категория залога проявляется в противопоставлении активных форм пассивной. Каждому залогу соответствуют определенная структура предложения и определенные отношения между формами одного и того же глагола.

Модальные значения в глаголе выражаются формами наклонений и модальными формами. Ряд оттенков модального значения передается при помощи модальных глаголов и частиц.

2.3.6. Категория лица свойственна в Н.я. не только глаголу, но и именам в лично-притяжательных, лично-предназначительных и предикативных формах: *koɣuaɣə* 'девушка-твоя', *koɣuaɣəgə* 'девушка для тебя', *koɣuan* 'ты девушка'. Пре-

дикативные форманты имен и личные суффиксы глагола в субъектном спряжении в основном совпадают. Определенность имени передается формой прямого дополнения с суффиксом -m, препозицией местоимений и лично-притяжательными суффиксами. Лично-притяжательные суффиксы 2-го лица выступают в виде своеобразного определенного артикля: *Vāgbəduŋ xontj koptua*; *Koptuare četuaŋi paŋə* 'У хозяина есть дочь' (букв. 'девушка'); 'Девушка (букв. 'девушка-твоя') очень хорошая'. Грамматическая категория времени в сфере глагола выявляется в формах времен: настоящего (неопределенного), прошедшего и будущего. Указание и пространственная ориентация осуществляются посредством местоимений, наречий, локальных падежей, послелогов. Отрицание выражается аналитически, с помощью спрягаемых форм отрицательных вспомогательных глаголов при основном глаголе в неизменяемой коннегативной форме.

2.3.7. Благодаря наличию ряда формальных критериев граница между существительными и прилагательными проходит более отчетливо, чем в ненецком, хотя и здесь распространено прямое соположение существительных, при котором предшествующее служит определением последующего: *kəku ɣajj* 'туманный день' (букв. 'туман день'). Существительное имеет грамматические категории числа, падежа, личной принадлежности, личного предназначения, предикативности; прилагательные — числа, (ограниченно) падежа, предикативности. У числительных и местоимений одни разряды сближаются с существительными, другие — с прилагательными. Все именные части речи в предикативных формах получают категории лица, числа, времени, наклонения, типа спряжения, залога. Среди служебных слов функционально различаются послелоги, частицы; число союзных слов очень невелико. Междометия синтаксически нейтральны.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена

Единственное число у имен не маркировано. Двойственное число выражается суффиксами -gəj/-kəj, множественное число — суффиксом -ɣj (гортанный смычный).

В зависимости от конечного звука основы существительные подразделяются на две фонетические группы: к первой относятся существительные с основой на гласный звук, ко второй — существительные с основой на согласный (m, ŋ, t, j, ɣ).

Падежные суффиксы

Падеж	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Первая группа	Вторая группа	Первая группа	Вторая группа
Номинатив	—	—	-ɣj	-ɣj
Генитив	генитивная основа		-ɣj	-ɣj
Аккузатив	(-m)	(-m)	-j	-j
Датив-аллатив (датовно-направительный) (кому-, чему-л., к кому-, чему-л.)	-ta/-nda, -ɣa	-če, -ɣa	-tiɣ, -ndiɣ/ -niɣ, -ɣa	-tiɣ, -ɣa
Локатив-инструменталис (местно-творительный) (в чем-л., чем-л.)	-tənu/-ntənu	-tənu	-tini/-ndini, -ntini	-tini
Аблатив (от кого-, чего-л.)	-gətə	-kətə	-gitə	-kitə
Пролатив (вдоль чего-л., по чему-л.)	-məlu	-mənu	генитив мн. числа + mənu	

Лично-притяжательные суффиксы

		Ед. ч. обладаемого		
		Ед. ч. обладателя	Дв. ч. обладателя	Мн. ч. обладателя
Номинатив	1 л.	-mə	-mi	-miŋ
	2 л.	-gə	-gi	-giŋ
	3 л.	-δi	-δi	-δiŋ
Генитив	1 л.	-nə	-ni	-niŋ
	2 л.	-tə	-ti	-tiŋ
	3 л.	-tj	-ti	-tiŋ
		Дв. и мн. ч. обладаемого		
		Ед. ч. обладателя	Дв. ч. обладателя	Мн. ч. обладателя
Номинатив	1 л.	-лe/-лa	-ni	-niŋ
	2 л.	-he/če	-ti	-hiŋ/-čiŋ
	3 л.	-hü/-čü	-ti	-hiŋ/čüŋ
Генитив	1 л.	-nə	-ni	-niŋ
	2 л.	-tə	-ti	-tiŋ
	3 л.	-tu	-ti	-tiŋ

В номинативе дв. числа к основе имени прибавляется суффикс -gəj/-kəj, в генитиве и аккузативе — -gi/-ki. В остальных падежах форма на -gi/-ki дополняется послелогом, уточняющими пространственные и временные отношения. В лично-притяжательном склонении к форме дв. числа присоединяется показатель генитива для соответствующего лица, за которым следует послелог: tagəjŋə napu 'на двух моих оленях'.

Дезидеративное склонение характеризуется показателем -δə/-če- (см. 2.3.6), вставляемым между основой имени и падежным формантом.

Глагол .

Значение времени и наклонения передается разными средствами, хотя они занимают одно и то же место в ряду морфем — помещаются после основы глагола. В число наклонений помимо индикатива и императива (со своей системой личных формантов), опатива (побудительного), конъюнктива входят интеррогативное, имеющее формальное выражение во всех временах, и дезидеративное (желательное) с суффиксом -nantu/-nəntj. Выделяются две формы императива: для ближайшего и для последующего будущего: tuŋ 'приди' — tujkəŋ 'приди когда-нибудь'. Конъюнктив имеет и аналитическое выражение. Средством (субъектно-)объектного спряжения переходное действие морфологически противопоставляется непереходному. Каузативные глаголы грамматически являются особой разновидностью переходных.

Инфинитивные формы глагола представлены причастиями, деепричастиями, супином. Различается пять причастных форм: хибуртəса 'запрягать' — хибуртəтуо 'запрягающий', хибуртəсоhe 'запрягавший', хибуртəсуδə 'тот, кто должен запрягать', хибуртəтə-tumaŋə 'тот, кто еще не запрягает', хибуртəтə 'запрягаемый'. Деепричастных форм две: неопределенная — хибуртəса 'запрягать', 'запрягая' и условная — хибуртəбүŋ 'если запрягать, когда запрягать'. Последняя изменяется по лицам и числам — ее личные форманты совпадают с лично-притяжательными суффиксами генитива: хибуртəбүŋə 'если я запрягаю', хибуртəбүŋə

если ты запрягаешь и т.д. Лично-числовые формы имеет также суфин: хибитəпəгəпə 'чтобы запрягать мне'

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. В словоформе морфемы следуют друг за другом в строго определенном порядке. В ряду именных морфем последнее место занимают лично-притяжательные суффиксы, перед ними помещаются падежные показатели. В этом плане особенно показательно образование дезидеративных форм, слагающихся из следующих частей: основа имени + показатель дезидеративности + показатель числа + суффикс падежа + лично-притяжательный формант: kəntəbəkajjī 'две нарты для них-двоих'. В финитных формах глагола после основы следует показатель времени или склонения, в двойственном числе объекта (субъектно-) объектного спряжения — показатель числа объекта и личные форманты: kəp-kuḥsətəgajje 'увезу-их-двоих-я'. Словообразовательные суффиксы предшествуют словоизменительным.

2.5.2. Основным способом словообразования является суффиксация, используются изменения корневой морфемы. Роль словосложения незначительна.

2.5.3. Типичная структура простого предложения — номинативная. Расположение членов предложения относительно свободно. Сказуемое может помещаться на любом месте во фразе. Наиболее обычен все же порядок слов — SOV. О согласовании глагольного сказуемого с подлежащим и прямым дополнением см. в статье "Ненецкий язык". В Н.я. действует закономерность, согласно которой подчиненные члены предшествуют подчиняющим. Отдельные случаи помещения согласуемого причастия в роли определения после определяемого являются особым стилистическим приемом акцентирования процессуального признака. Имеется согласование качественного и количественного определения с определяемым в числе и частично в падеже. Посессивное определение у одних имен выступает в номинативной основе, у других — генитивной. Использование именных предикативных форм более ограничено — они не изменяются по временам.

В ряду простых предложений широко употребляются простые осложненные предложения с глагольными именами, причастиями и деепричастиями, которые могут рассматриваться как развернутые эквиваленты соответствующих членов предложения. Среди них выделяются конструкции с самостоятельным субъектом в генитиве: ḥaxupə matə sīḥi maḃə ḥūtini/tuj/ləciḥə 'Когда старшая сестра вошла в чум (букв. старшей-моей сестры в чум войдя), посередине него горел огонь'.

2.5.4. Сложносочиненное предложение образуется прямым соположением простых предложений, обычно не связанных между собой союзами. Сложноподчиненные предложения развиты слабо. В качестве одной из разновидностей этого типа могут рассматриваться предложения со сказуемым в конъюнктиве.

2.6.0. Результат влияния со стороны потомков древнего палеоазиатского населения Северной Азии, ассимилированных самодийскими племенами, сказывается на Н.я. в заимствованных названиях некоторых промысловых животных, в терминах верхового оленеводства и пр. Отмечаются отдельные заимствования из долганского и эвенкийского языков (например, satəgə 'песец', ср. эвенкийское čātjḡ). Ряд терминов, связанных с домашним оленеводством, заимствован от ненцев. В советское время сильно лексическое влияние на Н.я. со стороны русского языка.

2.7.0. Все нганасаны свободно понимают друг друга и объединены единым самоназванием. Диалектные различия сводятся к некоторым регулярным звуковым соответствиям.

ЛИТЕРАТУРА

Долгих Б.О. Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник (Труды Института этнографии. Нов. сер. Т. XVIII). М., 1962. Вып. I.

Прокофьев Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. I.

Тереценко Н.М. Нганасанский язык. Л., 1979.

Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855. S. 43—97. (Около 800 нганасанских слов.)

Е.А. Хелимский

СЕЛЬКУПСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Название языка основано на самоназвании одной из частей народности и получило распространение с 30-х гг. XX в. Ранее язык именовался "остяко-самоедским", в зарубежной литературе соответствующее название употребляется иногда и сейчас — нем. Ostjak-Samojedisch, англ. Ostyak Samoyed, или "остяцким" (с уточнениями, позволяющими отграничить его от собственно остяцкого (хантыйского) языка — "язык нарымских остяков", "язык томских остяков" и под.).

1.1.2. С.я. принадлежит к самодийской подсемье уральской языковой семьи. Согласно традиционной классификации, он входит в южносамодийскую ветвь этой группы. Скорее, однако, его следует считать одной из четырех самостоятельных ветвей группы наряду с северносамодийскими, камасинским и маторско-тайгийско-карагасским языками.

1.1.3. С.я. распространен в междуречье Оби и Енисея, в северной и центральной части Томской области, Красноселькупском и частично Пуровском районах Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области, Туруханском районе Красноярского края Российской Федерации. Историческим ядром селькупской этнической территории является бассейн Средней Оби и ее притоков (от Чулыма до Тыма). Заселение селькупцами более северного региона (бассейн р. Таз, притока Енисея) произошло начиная с XVII в. Напротив, в южном регионе (по рр. Чая, Чулым, в части бассейна р. Кеть) С.я. в течение последних веков оказался вытеснен русским языком. Численность селькупов, по данным переписи 1989 г., — 3612 чел., из них 47,6% считают селькупский язык родным.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Классификация диалектов С.я. опирается на комплексное использование этнотерриториальных и собственно языковых признаков. Отсутствие общего этнического самосознания у носителей С.я. позволяет разграничить северную, или тазовскую, группу с самоназванием šö'l'qur, šö'l'qur (откуда *селькуп*), центральную группу — šiməl qur, среднеобскую группу — šöšqum, южную группу — šüsöqə(j) qum (к которой примыкали t'ujqum на Чульме), кетскую группу — šüs(s)ü qum. Такая группировка согласуется с результатами классификации по лингвистическим признакам, среди которых важнейшее дифференцирующее значение имеют особенности фонетики.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. В настоящее время С.я. — язык исключительно устного общения. По данным XVIII—XIX вв., С.я. играл в некоторых районах Западной Сибири

роль языка межнационального общения (у хантов, кетов, эвенков). В настоящее время селькупско-хантыйское (в бассейнах рр. Ваха и Васюгана), селькупско-эвенкийское (в верховьях р. Таз, в Красноярском крае) и селькупско-кетское (преимущественно в бассейне р.Елогуя) двуязычие характерно в основном для лиц старшего возраста; среди населения Среднего Таза, занимающегося оленеводством, сохраняется селькупско-ненецкое двуязычие. Почти универсальный характер приобрело владение селькупов русским языком.

1.3.2. Первые попытки создания письменного С.я. на основе южного диалекта были предприняты православными миссионерами (Н.П. Григоровский, 1879 г.; арх. Макарий, 1900 г.). В 1933 г. был начат выпуск учебной литературы на С.я. с ориентацией на тазовский диалект. Письменно-литературный С.я. распространения не получил.

1.3.3. Преподавание на С.я. в начальных классах велось с 30-х гг. в районах расселения селькупов северной группы и после перерыва частично возобновлено в 80-х гг.

4.0. Начиная с 1933 г. в селькупских учебниках использовалась письменность на латинской графической основе (с добавлением дополнительных букв и диакритических знаков). В букварях 1953 и 1986 гг. принят алфавит на русской основе (также с рядом добавлений), но стабильные графика и орфография не выработаны.

1.5.0. Период самостоятельного существования С.я. (после выделения из прасамодийской языковой общности) составляет, по-видимому, около 2 тыс. лет. Диалектная дифференциация внутри С.я. имеет многовековую давность: так, отличительные признаки центрального диалекта четко прослеживаются уже в первом памятнике С.я. — переводе "Отче наш", записанном около середины XVII в. и опубликованном Н. Витсеном.

1.6.0. Отдельные конвергентные явления в области исторической фонетики позволили предположить существование селькупско-восточнохантыйского "фонологического языкового союза"; с хантыйским (обско-угорским) влиянием связаны, возможно, также употребление превербов, утрата спрягаемого отрицательного глагола и др. Выявляются параллели с кетским языком в общей организации падежной системы, а также в тенденции к выражению категории одушевленности/неодушевленности грамматическими средствами. Тюркским влиянием может объясняться употребление так называемого тюркского изафета при именах родства в южном и кетском диалектах (eга-n i-tə 'сын старика' — генитив определяющего в сочетании с посессивной формой определяемого). Воздействие русского языка особенно заметно в сфере синтаксиса (формирование сложных предложений; распространение нетипичных или малотипичных для С.я. конструкций с двойным отрицанием, множественным числом имени при количественном определении, постпозицией определенного объекта к предикату и др.), а также в употреблении заимствованных лексических средств передачи грамматических значений (частицы pi 'бы', ta '-то' и др.).

2.0.0. Лингвистическая характеристика (дается преимущественно на материале среднетазовского говора северного диалекта)

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Заслуживает внимания значительный парадигматический перевес вокализма (25 фонем) над консонантизмом (16 фонем). Основные, т.е. представленные в сильных позициях, аллофоны этих фонем отражают следующие таблицы.

Гласные

Подъем	Ряд					
	передний		средний		задний	
	иллабиальные		лабиальные	иллабиальные	лабиальные	
	напряж.	ненапр.			напряж.	ненапр.
Верхний	i	ī	u	ū	ū	
Средний	e	ē	o	ō	ō	
Нижний	ä		ǟ		ǟ	

Согласные

По способу образования		По месту образования				
		лабиальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	увулярные
Шумные	Смычные	p	t		k	q
	аффрикаты			č		
Сonorные	фрикативные		s	š		
	назальные	m	n	ɲ	ŋ	
	латеральные		l	l'		
	вibrанты		r			
	глайды	w		j		

Ненапряженность артикуляции гласных сопровождается некоторым сдвигом в направлении среднего ряда (i, e) и нижнего подъема (e, o) в сравнении с соответствующими напряженными гласными.

С фонологической точки зрения аффриката /č/ примыкает к серии смычных (t выступает как свободный вариант этой фонемы). Отсутствие фонологически самостоятельных серий звонких и палатализованных согласных создает предпосылки для широкого аллофонического варьирования.

2.1.2. Тональные противопоставления не обнаружены. Ударение динамически-тоновое, разноместное. Место ударения в слове зависит от фонетических и морфологических факторов. В большинстве словоформ ударение стоит на ближайшем к концу слова долгом гласном, а при отсутствии в непрерывных слогах долгих гласных — на гласном первого слога (pu'rq̄i 'дым', ūč̄iq̄o 'работать', aqq̄ō 'возжа', ūč̄ō m̄jt 'мы работаем', ōt̄āq̄i' 'ваши два оленя'). Имеются, кроме того, два класса аффиксов, из которых одни перетягивают на себя ударение в нарушение указанного правила (koŋa'lt̄iq̄o 'рассказать', p̄ūto'nt̄i 'внутри'), а другие создают двуударность словоформ (t̄i'l̄ō 'поближе сюда', te'n̄iʃ̄imil' 'умный'). Разным морфемным составом и обуславливается смысловозначительная роль ударения для словоформ k̄i'k̄i't̄i'l' 'любящий' и k̄i'k̄i't̄i'l' 'безречный', č̄e'l̄č̄alq̄o 'растоптать' и č̄e'l̄č̄alq̄o 'топнуть'.

Для некоторых диалектов характерна тенденция к перетяжке ударения на краткие нередуцированные гласные непервого слога, особенно на широкие a, ä (центр. kapa'k 'собака', äwä' 'мать').

Гармония гласных как фонологическое явление отсутствует, хотя во многих северных говорах налицо тенденция к гармоническому уподоблению редуцированных гласных в суффиксальных слогах гласному первого слога: южн., кет. süḡem [süḡim] 'зверь', центр. e'leḡu [e'leḡu] 'жить'.

2.1.3. Для С.я. характерна позиционная модификация фонем. В сфере консонантизма — озвончение глухих шумных до полувзвонких (слабых глухих) или звонких в интервокальном положении и в соседстве с сонантами (в части центрально-селькупских говоров произошла фонологизация этих озвонченных вариантов, особенно в позиции вторичного ауслаута); палатализация большинства согласных в положении перед гласными переднего ряда, особенно перед напряженными; факультативное имплозивное произношение смычных в положении конца слова или перед другим смычным; фрикативизация смычных в положении перед фрикативными (f, x, χ выступают как аллофоны [p], [k], [q] соответственно). Особенно сильное "рассеяние" аллофонов характерно для [q], единственной фонемы увулярного ряда: в число ее аллофонов входят, в частности, [h] (увулярный носовой — перед носовым согласным) и [R] (увулярный одноударный вибрант — преимущественно в срединной позиции в словах, содержащих плавные согласные). Наблюдается непозиционное идиолектное варьирование между č и č̣, š и ṣ̌ или ś, l и ḷ.

В сфере вокализма — факультативная дифтонгизация долгих гласных переднего ряда и [ō] в открытом слоге; сокращение долгих гласных до полудолгих или даже чуть продленных в словах, не несущих фразового ударения, а также в аллегровой речи. Различные фонетические варианты редуцированного гласного встречаются только в непервых слогах; критерий дополнительной дистрибуции позволяет фонологически отождествить их с фонемой /j/, которая встречается только в первом слоге.

2.1.4. Преобладают слоги структуры CV (ок. 48%) и CVC (ок. 32%); слоговые структуры V (ок. 12%) и VC (ок. 8%) представлены преимущественно в начале слова; крайне редко (с частотой порядка 0,1%) встречаются слоги CVCC и VCC. Сочетаемость фонем внутри слога близка к свободной (минимальные ограничения затрагивают только сочетаемость согласного с последующим гласным в слогах CV... — например, недопустима последовательность из дентального согласного и напряженного гласного переднего ряда). Долгота гласных фонематична и не связана со слоговой структурой слова. "Долготу" согласных, напротив, целесообразно трактовать в терминах двухфонемных разнослоговых геминированных сочетаний.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. В начале и в конце слова, а также корневой морфемы недопустимы консонантные или вокалические сочетания; исключения составляют отдельные междометия и изобразительные слова (psou 'а ну-ка, отгадай', palš 'шлеп') и некоторые новейшие русские заимствования. Кроме того, в ауслауте не встречается /ŋ/, в ауслауте — /w/ и /č/. Внутри слова — как в пределах одной морфемы (в т.ч. в начале суффиксальной морфемы), так и на морфемных стыках — широко распространены сочетания носового или плавного сонанта со смычным или аффрикатой (особенно гомоорганные сочетания mp, nt, ŋč, ŋk, lt, l'č) и геминированные сочетания; другие консонантные кластеры встречаются существенно реже. Сочетания трех согласных редки (apstjčo 'накормить'), четырех и более — не встречаются. Стечения гласных встречаются крайне редко и только на морфемных стыках.

Совпадение границ слога и морфемы необязательно (ср. koŋi-mp-ej 'говорим' (дв. ч.), а при слогоделении ko-ŋim-rej). Корневые морфемы имеют, как правило, длину в один-два слога, суффиксальные (с учетом членимости на субморфы) — от одной фонемы до одного слога. Средняя длина слова в слогах — около 2—4.

2.2.2. Фонологическая структура основ и словоформ, относящаяся к разным частям речи, в принципе однотипна. В экспрессивной лексике (междометия,

изобразительные слова, экспрессивно выделенные формы) могут использоваться специфические сегментные элементы (ср. гортанный смычный в аа' 'да', сә' 'да ну!'), фактически нестандартные модели (см. 2.2.1), приемы звукового символизма (kīñiltjɔ 'сильно, с напряжением растянуть', при kīñiltjɔ 'растянуть').

Вокализм перерывов слогов (и соответственно суффиксальных морфем в отличие от корневых) подвержен большим ограничениям: здесь не встречаются /e/, /ē/, /ö/, /õ/, /ü/, /ū/, /ɛ/, /ē/, /ī/, /ū/. Из согласных в состав суффиксов не могут входить глайды /w/ и /j/. Напротив, /j/ (редуцированные аллофоны), /l/ особенно часты именно в суффиксах.

2.2.3. Наиболее распространенные типы чередований: 1) чередование назальных с гоморганными смычными (m/p, n/t, ŋ/k), а иногда также с нулем в ауслатной позиции, ср. qontam/qontap 'найду', kapaŋ/kapak/kapa 'собака'. Это чередование распространяется не на все основы и словоформы (ср. "стабильный" ауслат в словах kəm 'кровь', kōt 'десять'), что позволяет выделить разные типы основ и формантов, морфонологические отличия которых прослеживаются и в формообразовании; 2) количественное чередование в гласных (например, при образовании основы ряда косвенных форм — так называемой второй основы — у имени, а также при формообразовании у глагола): eŋ/ēŋj- 'яйцо', qoŋ/qō- 'предводитель, начальник'; būŋɔ 'плакать' — čurqilqo 'заплакать'. Изредка количественное чередование сопровождается качественным: pɛŋ/pīŋj- 'прыщ', nom/nū- 'бог, небо'; 3) преобразование консонантных сочетаний по формуле: N₁T₁VN₂T₂ → N₁NtVN₂T₂, где N — назальный, T — смычный или /č/, V — гласный, Nč — назальный того же места образования, что и T₁: čŋŋjntjäsä 'с его лезвием' (< čŋŋj-ntjäsä), soqjññimantj 'ты спросил' (< soqjñčj-mp-antj); 4) усечение или перегласовка конечного гласного именных и глагольных основ при формообразовании, иногда сопровождаемое геминацией предшествующего согласного: utj 'рука' — utam 'моя рука' — utōqil 'в руке'; mjñj — 'согнуть' — mjñätj 'согни' — mjñpē- 'уже, сильно согнуть'; 5) разнообразные сандхимальные процессы в консонантизме (ассимиляция полная и частичная, прогрессивная, регрессивная и двусторонняя): sōlčj 'его шея' (< sōl-tj), qɛssap 'я убил' (< qɛt-sap), laŋkjččentak 'буду кричать' (< laŋkjš-tentak) и т.п. Эти процессы имеют не чисто фонетическую природу (ср. второй пример и сохранение ts в kɛtsan 'внук').

2.3.0. Преобладают тенденции к агглютинации, синтетизму и суффиксации. Весьма велик, однако, удельный вес отклонений от чисто агглютинативного типа: наблюдаются фузионные явления на морфемных стыках и вариантность облика значительной части корней и аффиксов (см. 2.2.3), синкретическое выражение различных грамматических значений одной морфемой (ср. неразложимый аффикс -qāk для посессивных форм I л. ед.ч. местных надежд), использование при разных классах основ той или иной из синонимичных грамматических морфем (ср. ī-t-ap 'возьму', mē-t-ap 'сделаю', но tū-nt-ap 'закрою', pē-nt-ap 'буду искать'). Встречаются аналитические конструкции (qɛssaŋ enä 'я бы ушел'), отделяемые глагольные префиксы — провербы (tō čattjɔ 'выбросить').

2.3.1. Основные знаменательные части речи — существительное, глагол, прилагательное — дифференцированы по присущим им грамматическим категориям, а при наличии общих категорий (например, лицо и число у имени существительного и глагола) — по способам выражения индивидуальных категориальных значений. Разграничение других частей речи (числительные, местоимения и местоименные слова, наречия с градационными словами и модальными словами, междометия) опирается на синтаксические и семантические признаки.

Развита система морфологических средств (суффиксальных, в меньшей мере аналитических), которые позволяют одним и тем же основам выступать в четырех

различных синтаксических ролях — субстантивной, вербальной, адъективной и адвербиальной, — имея в каждом случае специфическое оформление. Подобная способность к синтаксической конверсии не ограничивается глаголами (как в большинстве уральских и в ряде других языков), а имеет, по-видимому, универсальный характер также для существительных и прилагательных.

Часть речи	Синтаксическая роль (репрезентация)			
	субстантивная	вербальная	адъективная	адвербиальная
Существительное	qum 'человек'	qumǝk 'я человек'	qumjǝ 'человеческий'	qumjǝk 'по-человечески'
Глагол	ũčjǝrǝ 'работа'	ũčǝk 'я работаю'	ũčjǝjǝ 'работающий'	ũčjǝlǝ 'работая'
Прилагательное	soma mj 'хорошее, добро'	som ɛǝak 'я хороший'	soma 'хороший'	somǝk 'хорошо'

По ряду признаков формы одной строки в этой таблице более близки друг другу, чем формы одного столбца. Так, qumjǝ (подобно qum и в отличие от ũčjǝjǝ и soma) способно иметь при себе зависимое прилагательное или числительное: pǝqǝ qumjǝ 'относящийся к высокому человеку', pǝčjǝ qumjǝ 'относящийся к трем людям'; ũčjǝjǝ обладает всеми глагольными валентностями (которые отсутствуют у qumjǝ и soma); степени сравнения из рассматриваемых трех слов имеет только soma. Поскольку при этом соотношение форм, выступающих в разных синтаксических ролях, регулярно и в морфологическом отношении стереотипно, такие формы целесообразно считать представителями одной и той же парадигмы и соответственно одной и той же части речи, не распространяя на формы qumjǝ и qumjǝk обозначения "прилагательное" или "наречие" (так же как эти обозначения не распространяются обычно на причастие — ũčjǝjǝ и деепричастие — ũčjǝlǝ, объединяемые с парадигмой глагола). Меню синтаксических ролей при этом можно рассматривать как изменение по категории репрезентации.

2.3.2. Категории грамматического рода и именного класса отсутствуют. Особенностью одушевленных существительных является отсутствие у них форм некоторых местных падежей (локатива, элатива, пролатива); кроме того, наблюдается тенденция к преимущественному использованию формы мн.ч. у одушевленных и собирательной формы у неодушевленных имен. По такому формальному признаку, как способность образования взаимно-соединительных форм дв.ч. и мн.ч., выделяется группа существительных, включающая имена родства, а также названия лиц типа ɽaqqǝ 'товарищ', ɽũšjǝ 'хозяин'.

2.3.3. Грамматическое число у существительных, а также у некоторых рядов местоимений выражается посредством: 1) собственно числовых форм ед. числа (jǝ 'ребенок'), дв. числа (jǝqǝ 'двое детей'), мн. числа (jǝt 'дети'); 2) собирательной формы, имеющей значение нерасчлененной множественности (jǝlǝmjǝ 'детвора, ребятня'), особенно употребительной у неодушевленных существительных (pǝlǝmjǝ 'камни, куча камней, каменистое место'); 3) взаимно-соединительных форм дв. числа (jǝsǝjǝqǝqǝ 'отец/мать и ребенок') и мн.ч. (jǝsǝjǝt 'отец/мать и дети'), образующихся, однако, лишь от небольшой части существительных; 4) употребления глагола в мультисубъектном или мультиобъектном способе действия (само имя при этом может стоять в ед.ч.) (jǝt qǝnqǝjǝmpǝtjǝt 'дети поуходили', jǝam omǝjǝtǝlǝqǝ 'детей [букв. 'ребенка'] поусаживать').

В категории числа у глагола, выражающейся посредством лично-числовых суф-

фиксов, находит отражение число субъекта действия (но не число объекта действия, как, например, в северносамодийских языках). Прилагательные в атрибутивной и предикативной функциях по числу не изменяются.

2.3.4. Падежные значения выражаются многочисленными падежными формами и послеложными конструкциями. Отдельными падежными формами обозначаются субъект (номинатив — способный выступать и в других функциях, например для выражения прямого объекта и обстоятельства времени), прямой объект (аккузатив), обладатель (генитив), орудийность и совместность (инструменталис), отсутствие чего-либо (абессив, или каритив), состояние субъекта или предназначение объекта (транслатив), эталон или мера (координатив), косвенный объект, а также ориентир (датов—аллатив), различные пространственные отношения (иллатив, локатив, элатив, пролатив), адресат речи (вокатив). Послелоги используются для выражения пространственно-временных отношений (часто образуя серии послелогов, произведенных от одной основы посредством различных падежных показателей), а также для оформления косвенных дополнений и обстоятельств различных типов.

Принадлежность (обладателю 1-го или 2-го лица — всегда, а принадлежность обладателю 3-го лица — при отсутствии генитива имени обладателя) выражается посессивной (лично-притяжательной) формой имени обладаемого: (man) imamj 'моя жена', (tan) imal 'твоя жена', imatj arstjmpatj Icar 'жена (букв. 'жена-его') накормила Ичу'.

2.3.5. Из качественных глагольных классификаций селективными (различающими лексемы, но объединяющими все словоформы одной лексемы) являются вид, способ действия (совершенство, Aktionsart) и группа категорий залогового характера (транзитивность, каузативность, рефлексивность, пассивность), модулирующими (различающими словоформы одной лексемы) — наклонение и тип спряжения.

Категория вида подразделяет все глаголы на два класса — совершенный и несовершенный (результативный и нерезультативный) виды. Корневые глаголы могут относиться к любому из видов (у переходных глаголов преобладает совершенный вид), видовая же принадлежность производных глаголов обычно определяется последним из имеющихся у глагола словообразовательных суффиксов. Видовые различия находят формальное выражение в объеме глагольной парадигмы (от глаголов совершенного вида не образуется причастие настоящего времени) и в функции отдельных элементов этой парадигмы.

Аналогичными с категорией вида свойствами обладает категория транзитивности. Основное парадигматическое различие между переходными и непереходными глаголами состоит в отсутствии у последних форм объектного спряжения.

Способ действия, каузативность, рефлексивность, пассивность выражаются суффиксами. Сочетаемость глагольных основ с этими показателями характеризуется высокой регулярностью. Ср. šittjɔ 'разбудить' (глагол "нулевого" способа действия, некаузативный, невозвратный, непассивный) и производные от него глаголы: šittjkkjɔlɔrjɔ ' (неоднократно) будить' — итеративный, šittjkkjɔ ' (регулярно, постоянно) будить' — узуальный, šittjɔmpjɔ ' (долго) будить' — дуративный, šittentjɔ 'разбудить не до конца' — имперфектный, šittēɔ ' (уже) разбудить' — интенсивно-перфектный, šittälɔlɔ 'разбудить (многих), поперебудить' — мультиобъектный, šittjɔlamɔ 'начать будить' — инхоативный, šittēšjɔ ' (потихоньку, осторожно) разбудить' — аттенуативный, šittjɔraltjɔ 'заставить разбудить, разбудить с чьей-л. помощью' — каузативный, šittjčjɔ 'проснуться' — возвратный, šittjɔmpjɔ 'быть разбуженным' — пассивный. Воз-

можны комбинации показателей и соответственно значений способов действия. *šittentjkkj̄qo* (регулярно, постоянно) будить не до конца' и т.д.

Категория наклоения представлена 8 формами: индикатив, латентив (наклонение неочевидного действия — употребляется, в частности, для обозначения действия, известного с чужих слов, или неожиданно обнаруженного, или протекающего в неясных обстоятельствах; характерно применение латентива при обозначении процессов, происходящих в природе и в организме и не зависящих от воли человека, в вопросах и ответах на вопросы, в предложениях с подлежащим — неопределенным местоимением), кондиционал, конъюнктив, оптатив, дебитив (должностовательное наклонение — употребляется для обозначения действия, которое должно произойти или которое нужно выполнить), аудитив (обозначает действия, устанавливаемые на основе их слышимости), императив. Значения косвенных наклонений выражаются посредством суффиксальных показателей (латентив, кондиционал, оптатив, дебитив, аудитив), суффиксов и частиц (латентив, конъюнктив, оптатив) или особого набора личных окончаний (императив).

Категория типа спряжения (субъектное/объектное) выражается через принятие переходными глаголами личных окончаний одной из двух серий и служит преимущественно для указания на лицо и неопределенность/определенность объекта; кроме того, в императиве переходных глаголов употребление субъектного спряжения служит для «смягчения» императивного значения до когортативного: *ūt tātātj̄* 'принеси воды' — *ūt tātātšj̄k* 'принеси [пожалуйста] воды'.

2.3.6. Грамматическое лицо у имени находит выражение в указании на лицо обладателя (у посессивных форм) и лицо субъекта (у форм вербальной репрезентации, т.е. когда имя выступает в функции предиката). У глагола находят выражение лицо субъекта (у всех финитных форм, а также у некоторых нефинитных форм, например в инфинитиве: *ij̄qj̄nō* 'чтобы мне жить', *ij̄qj̄ntō* 'чтобы тебе жить' и т.д.) и лицо объекта (за счет использования у переходных глаголов только субъектного спряжения при объекте 1-го или 2-го лица и объектного спряжения при определенном объекте 3-го лица, ср. *qontj̄r̄nak* 'вижу (тебя, вас)' — *qontj̄r̄nam* 'вижу (его, их)').

Определенность/неопределенность грамматикализована слабо: а) определенность в сфере имени может выражаться с помощью посессивного суффикса 3-го л. ед. числа, выполняющего в данном случае функцию определенного артикля: *tj̄mtj̄ mašj̄tj̄ soma ē̄ŋa* 'здесь лес (букв. 'лес-его') хороший'; б) использование объектного и субъектного спряжений у переходного глагола с объектом 3-го лица для противопоставления определенного и неопределенного объекта: *tēr alakor qolšj̄mpatj̄* 'он нашел (эту) лодку' — *tēr alakor qolšj̄mpra* 'он нашел (какую-то) лодку'; в) использованием глагола в латентиве (наклонении неочевидного действия) может указывать на общую неопределенность ситуации, в особенности ее обстоятельственных характеристик: *wētj̄tj̄ koraltj̄mmj̄ntj̄ tōŋj̄k* 'дорога (оказывается) повернула к (такому-то) озеру'; г) неопределенность субъекта и/или объекта может выражаться с помощью нетривиального порядка слов — VS или VO вместо обычного S(O)V: *ij̄mpra imaqota* 'жила старуха', *imaqota šūtpra šentj̄ porqj̄r* 'старуха сшила новую шубу'.

В индикативе глагола различаются четыре времени: настоящее (которое соотносится у глаголов несов. вида с моментом речи, а у глаголов совершенного вида указывает на то, что действие произошло непосредственно перед моментом речи и актуально по своим результатам: *ilak* 'я вижу', *tj̄r̄ak* 'я пришел [только что и вышел, ушел]'), будущее, прошедшее и повествовательное про-

шедшее. Два последних различают преимущественно 'степень вовлеченности' участников акта коммуникации в происходившие события. Для выражения соотнесенности с моментом речи у глаголов совершенного вида используется аналитическая форма "настоящего длительного" времени (tüntjlorijñak 'прихожу, приближаюсь'). В латентиве различаются три времени (настоящее, будущее, прошедшее повествовательное). В других косвенных наклонениях временных различий нет. Кроме того, категория времени (одновременность — предшествование) наличествует у причастий (ogatjñ 'хватящий, хватаемый' — ogarjñ 'хватавший, хватавшийся') и деепричастий (iljlä 'живя' — iljlä pñlä 'прожив'). Различие времен в формах вербальной репрезентации других частей речи достигается за счет употребления вспомогательного глагола бытия (map iḡaḡōk 'я старик' — map iḡaḡōk ñtak 'я буду стариком').

Указание и анафора выражаются с помощью указательных местоименных слов. Серии неанафорических и анафорических местоимений последовательно разграничены между собой, внутри каждой из этих серий в ряде случаев противопоставлены также ближний и дальний дейксис: tam '(вот) этот', tōpna '(вон) тот', na 'этот (только что названный или указанный)', is, tḡna 'тот (называвшийся или указывавшийся раньше)', ille; tḡmtj '(вот) здесь', tōpñmtj '(вон) там', ḡmtj 'здесь, там (анафорич.)'. Грамматическими средствами пространственной ориентации служат и некоторые превербы, а также падежи и послелоги локальных значений.

Отрицание имеет в С.я. несколько способов выражения. В экзистенциальных предложениях используется глагол čāḡkjo 'не быть, отсутствовать' (или его усеченная форма — постпозитивная частица čā): tḡp tḡmtj čāḡka 'его здесь нет' (букв. 'он здесь отсутствует'), mat qomtamj čāḡkja 'у меня не было денег' (букв. 'мои деньги отсутствовали'). Этот же глагол выступает в конструкциях с участием имени действия в посессивной форме, которые обычно заменяют собой сочетание частицы ašša (см. ниже) с прошедшим временем: map amjḡamj čāḡka (čā) 'я не ел' (букв. 'мое едение отсутствует'). При глаголе в императиве или оптативе ставится препозитивная частица jkḡ 'не': jkḡ amjñāš 'не ешь', jkḡ amjñlāk 'не буду-ка я есть'. В остальных случаях отрицание выражается препозитивной частицей ašša, aš(a) 'не': ašša amjḡna 'не ест', ašša amjñjñ 'не едящий', ašša qum 'не человек', ašša ontj 'не свой' и т.д. Имеются также каритивные аффиксы имен и глаголов: oljkitjñ 'безголовый', oljōljik 'без головы' (от olj 'голова'); mēkiñčjñ 'не сделанный', mēkiñčōljik 'не сделавши' (от mēqo 'сделать').

2.3.7. О семантико-грамматических разрядах слов см. 2.4.0.

2.4.0. Образцы парадигм

Существительное

(nom 'бог, небо', 2-я основа — nñ-)

Основное (непосессивное) склонение

	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.	Собират. форма
Номинатив	nom	nor-qj	nñ-t	nñ-l' mḡ
Генитив	nñ-n	nor-qjñ	nñ-tjñ	nñ-l' mḡñ
Аккузатив	nñ-m	nor-qjḡm	nñ-tjḡm	nñ-l' mḡm
Датив-аллатив	nñ-njḡk	nor-qjḡkkinj	nñ-tjḡkkinj	nñ-l' mḡnjḡk
Локатив	nor-qjñ	nor-qjḡqjñ	nñ-tqjñ	nñ-l' mḡqjñ
Элагив	nor-qjñj	nor-qjḡqjñj	nñ-tqjñj	nñ-l' mḡqjñj
Иллатив	nom-tj	nor-qjḡkkinj	nñ-tjḡkkinj	nñ-l' mḡntj

	Ед.ч.	Дв.ч	Мн.ч.	Собират. форма
Транслатив	nū-tqo	por-qitqo	nū-tytqo	nū-l' mītqo
Пролатив	nom-mjn	por-qimjn	nū-nmjn	nū-l' mīmjn
Инструменталис	por-sä	por-qisä	nū-ssä	nū-l' mjsä
Абессив	nom-kōljik	por-qikōljik	nū-tkōljik	nū-l' mīkōljik
Координатив	nū-ššak	por-qiššak	nū-tjššak	nū-l' mjššak
Вокатив	nom-ē	por-qē	nū-nē	

Посессивное (лично-притяжательное) склонение

Обладатель				
1 л. ед.ч.	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.	Собират. форма
Номинатив	nom-mi	por-qim(i)	nū-īm(i)	nū-l' mīmj
Генитив	nom-nj/nū-nj	por-qinj	nū-īnj	nū-l' mīnj
Аккузатив	nom-mj	por-qimj	nū-īmj	nū-l' mīmj
Иллатив, локатив, элатив	por-qāk	por-qiqāk	nū-iqāk	nū-l' mīqāk
Пролатив	nom-māk	por-qimāk	nū-īmāk	nū-l' mīmāk
Транслатив	nom-nō(qo)/ nū-nō(qo)	por-qinō(qo)	nū-īnō(qo)	nū-l' mīnō(qo)

Обладатель 2—3 л. ед.ч.

	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.	Собират. форма
Номинатив (2 л.) (3 л.)	nom-lj	por-qilj	nū-īlj	nū-l' mīlj
Генитив				
Аккузатив				
Иллатив, локатив, элатив (2 л.) (3 л.)	nom-tj nom-tj nom-tj por-qāntj por-qintj	por-qitj por-qintj por-qimtj por-qiqāntj por-qiqintj	nū-ītj nū-īntj nū-īmtj nū-iqāntj nū-īqintj	nū-l' mītj nū-l' mīntj nū-l' mīmtj nū-l' mīqāntj nū-l' mīqintj
Пролатив (2 л.) (3 л.)	nom-māntj nom-mjntj	por-qimāntj por-qimjntj	nū-īmāntj nū-īmjntj	nū-l' mīmāntj nū-l' mīmjntj
Транслатив	nom-tō(qo)	por-qintō(qo)	nū-īntō(qo)	nū-l' mīntō(qo)

Обладатель 1 л. дв.ч.

	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.	Собират. форма
Номинатив, Аккузатив	nom-mī̄	por-qimī̄	nū-īmī̄	nū-l' mīmī̄
Генитив	nom-nī̄/nū-nī̄	por-qinī̄	nū-īnī̄	nū-l' mīnī̄
Иллатив, локатив, Элатив	por-qinī̄	por-qiqinī̄	nū-iqinī̄	nū-l' mīqinī̄
Пролатив	nom-mjnī̄	por-qimjnī̄	nū-īmjnī̄	nū-l' mīmjnī̄
Транслатив		Генитив + -qo		

	Обладатель 2—3 л. ед.ч.			
	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.	Собират. форма
Номинатив (2 л.)	nom-ī̄	por-qī̄	nū-ī̄	nū-l' mī̄
(3 л.)	nom-tī̄	por-qītī̄	nū-ītī̄	nū-l' mītī̄
Генитив	nom-tī̄	por-qīntī̄	nū-īntī̄	nū-l' mintī̄
Аккузатив	nom-tī̄	por-qīmtī̄	nū-īmtī̄	nū-l' mīmtī̄
Иллатив, локатив, элатив	por-qīntī̄	por-qīqīntī̄	nū-īqīntī̄	nū-l' mīqīntī̄
Пролатив	nom-mīntī̄	por-qīmīntī̄	nū-īmīntī̄	nū-l' mīmīntī̄
Транслатив		Генитив +-qo		

Посессивные формы для 1—3 лиц мн.ч. обладателя отличаются от форм для соответствующего лица дв.ч. только наличием в конце словоформы элемента -ī̄ на месте ̄.

Посессивные формы ряда падежей, не приведенные выше, образуются на основе посессивных форм генитива соответствующего лица и числа путем прибавления окончаний -sā (инструм.), -kōlīk (карит.), -šak (коорд.), -nīk (дат.-алл. ед.ч.), -kinī̄ (дат.-алл. дв. и мн.ч.). Вокатив не имеет посессивных форм.

Вербальная репрезентация

Ед.ч.		Дв.ч.	Мн.ч.	
1 л.	nom-ōk	1 л.	nom-ī̄mī̄	
2 л.	nom-ōnti	2 л.	nom-ī̄nī̄	
3 л.	nom	3 л.	por-qī̄	
			3 л.	nū-t

Адъективная репрезентация: nū-l' 'божий, небесный' (относительная адъективная форма), nū-ššal' 'соответствующий (по размеру) богу, небу' (координативная адъективная форма), por-qī̄l' 'находящийся на небе' (локативная адъективная форма). Все три формы могут изменяться по категориям посессивности, выражая лицо и число обладателя; при этом происходит добавление показателя -l' к посессивным формам генитива, координатива и локатива соответственно (конечный -k вытесняется): -nū-nī̄l' 'относящийся к моему богу, небу', nom-tī̄sal' 'соответствующий твоему богу, небу', por-qīntī̄l' 'находящийся на его небе' и т.д. Адвербиальная репрезентация: nū-k 'божественно, по-небесному'.

Прилагательное

Адъективная репрезентация: soma 'хороший', превосходная степень rōs(i) soma 'лучший', ограничительная форма (степень) soma-lōqīl' 'довольно хороший'. В неатрибутивном употреблении может склоняться подобно существительным. Субстантивная репрезентация: soma mī̄ 'нечто хорошее, добро'. Склоняется подобно существительным. Вербальная репрезентация: soma ēqo, som ēqo 'быть хорошим'. Спрягается вспомогательный глагол. Адвербиальная репрезентация: soma-k 'хорошо', ограничительная форма (степень) soma-lōqīl' 'довольно хорошо'.

Числительные

Количественные числительные в неатрибутивном употреблении склоняются подобно существительным; числительное 'два' в этом случае имеет особую форму *šit-täq̄* (ср. *šittj* в атрибутивном употреблении). Порядковые числительные образуются от количественных путем присоединения к ним суффикса *-(m)tälj̄l'* (исключение: *(pōs)ukōl'* 'первый', ср. *ūkkj̄r* 'один'). Кратные числительные (отвечают на вопрос "в который раз?") образуются от количественных путем присоединения к ним суффикса *-(m)täl*.

Местоимения

Личные местоимения

	Ед.ч.		Дв.ч.	
Номинатив, генитив	<i>man</i> 'я'	<i>tan</i> 'ты'	<i>mē</i> 'мы'	<i>tē</i> 'вы'
Аккузатив	<i>(ma)šim</i>	<i>(ta)šintj</i>	<i>(mē)šim̄</i>	<i>(tē)šintj̄</i>
Датив-аллатив	<i>mākkā</i>	<i>tāntj̄</i>	<i>mēqin̄j̄</i>	<i>tēqin̄čj̄</i>
Транслатив	<i>matqo</i>	<i>tatqo</i>	<i>mē(t)qo</i>	<i>tē(t)qo</i>
Инструменталис	<i>massā</i>	<i>tassā</i>	<i>mēsā</i>	<i>tēsā</i>
Каритив	<i>matkōljik</i>	<i>tatkōljik</i>	<i>mēkōljik</i>	<i>tēkōljik</i>
Мн.ч.				
Номинатив, генитив	<i>mē</i> 'мы'	<i>tē</i> 'вы'		
Аккузатив	<i>(mē)šim̄jt</i>	<i>(tē)šintjt̄</i>		
Датив-аллатив	<i>mēqin̄jt̄</i>	<i>tēqin̄čjt̄</i>		
Транслатив	<i>mē(t)qo</i>	<i>tē(t)qo</i>		
Инструменталис	<i>mēsā</i>	<i>tēsā</i>		
Каритив	<i>mēkōljik</i>	<i>tēkōljik</i>		

Личные местоимения 3-го лица — *tep* 'он', *tepāq̄i* 'они (дв.ч.)', *tepj̄t* 'они (мн.ч.)' — склоняются по этим же падежам подобно существительным.

Местоимения лично-определятельного и возвратно-притяжательного значения: 1 л. ед.ч. *opāk* 'я сам, свой (мой)', 2 л. *opāntj̄*, 3 л. *op̄tj̄*; 1 л. дв.ч. *op̄j̄*, 2—3 л. *op̄tj̄*; 1 л. м.ч. *op̄jt̄*, 2—3 л. *op̄tjt̄*. Генитив (припоследложный), аккузатив, инструменталис и датив-аллатив этих местоимений используются в функции возвратных местоимений.

В разрядах указательных, вопросительных, отрицательных и неопределенных местоимений местоимения-существительные склоняются подобно существительным, а вопросительные местоимения-глаголы (*qattj̄qo* 'куда деться?', *qatamīqo* 'чему случиться') спрягаются подобно глаголам.

Глагол

qo 'найти'

Вербальная репрезентация (формы субъектного спряжения, не совпадающие с объектными, помещены после прямой черты):

Индикатив

	Наст. вр.	Буд. вр.	Прош. вр.	Повеств.прош.вр.
				Ед.ч.
1 л.	<i>qo-ŋam </i> -ŋak	<i>qo-ntam </i> -ntak	<i>qō-sam </i> -sak	<i>qo-mpam </i> -mpak
2 л.	<i>qo-ŋal </i> -ŋantj̄	<i>qo-ntal </i> -nnantj̄	<i>qō-sal </i> -santj̄	<i>qo-mpal </i> -mmantj̄
3 л.	<i>qo-ŋiti </i> -ŋa	<i>qo-ntiŋiti </i> -nta	<i>qō-siti </i> -sa	<i>qo-mpati </i> -mpa

Дв.ч.			
1 л. qo-nej -nim̄	qo-ntej -ntim̄	qō-sej -sim̄	qo-mnej -mpim̄
2 л. qo-nij̄	qo-ntij̄	qō-sij̄	qo-mpij̄
3 л. qo-nit̄ -nḡq̄	qo-ntit̄ -ntḡq̄	qō-sit̄ -sḡq̄	qo-mpat̄ -mpḡq̄

Мн.ч.			
1 л. qo-nim̄jt	qo-ntim̄jt	qō-sim̄jt	qo-mpim̄jt
2 л. qo-nij̄lit	qo-ntij̄lit	qō-sij̄lit	qo-mpij̄lit
3 л. qo-nḡt̄jt	qo-ntḡt̄jt	qō-sḡt̄jt	qo-mpḡt̄jt

Латентив

Наст. вр.	Буд. вр.	Повеств.прош.вр.
Ед.ч.		
1 л. qo-ntam -ntak	qo-nn̄intam -nn̄intak	qo-mm̄intam -mm̄intak
2 л. qo-ntal -nnant̄j	qo-nn̄intal -nn̄innant̄j	qo-mm̄intal -mm̄innant̄j
3 л. qo-ntjt̄ -ntj	qo-nn̄intjt̄ -nn̄intj	qo-mm̄intjt̄ -mm̄intj

Дв.ч.		
1 л. qo-ntej -ntim̄	qo-nn̄intej -nn̄intim̄	qo-mm̄intej -mm̄intim̄
2 л. qo-ntij̄	qo-nn̄intij̄	qo-mm̄intij̄
3 л. qo-ntit̄ -ntḡq̄	qo-nn̄intit̄ -nn̄intḡq̄	qo-mm̄intit̄ -mm̄intḡq̄

Мн.ч.		
1 л. qo-ntim̄jt	qo-nn̄intim̄jt	qo-mm̄intim̄jt
2 л. qo-ntij̄lit	qo-nn̄intij̄lit	qo-mm̄intij̄lit
3 л. qo-ntḡt̄jt	qo-nn̄intḡt̄jt	qo-mm̄intḡt̄jt

Формы латентива часто дополнительно маркируются препозитивной частицей па.

<i>Кондиционал</i>	<i>Конъюнктив</i>	<i>Оптатив</i>
Ед.ч.		
1 л. qo-mm̄äm -mmāk	qō-sam̄ enä -sak̄ enä	qo-läm -läk
2 л. qo-mm̄äl -mm̄änt̄j	qō-sal̄ enä -sant̄ enä	qo-läl -länt̄j
3 л. qo-mm̄ät̄j -mm̄ä	qō-sjt̄ enä -san̄ enä	qo-lät̄j -lä
Дв.ч.		
1 л. qo-mnej -mm̄äm̄	qō-sej enä -sim̄ enä	qo-lej
2 л. qo-mm̄äl̄j	qō-sil̄j enä	qo-läl̄j
3 л. qo-mm̄ät̄j̄ -mm̄äq̄j̄	qō-sjt̄j̄ enä -sḡq̄j̄ enä	qo-lät̄j̄ -läq̄j̄
Мн.ч.		
1 л. qo-mm̄äm̄jt	qō-sim̄j̄ enä	qo-läm̄jt
2 л. qo-mm̄äl̄jt	qō-sil̄j̄ enä	qo-läl̄jt
3 л. qo-mm̄ät̄jt̄	qō-sḡt̄j̄ enä	qo-lät̄jt̄

Формы оптатива часто дополнительно маркируются пре- или постпозитивной частицей sä.

	Дебитив	Аудитив	Императив
		Ед.ч.	
1 л.	qo-psōtam -psōtak	qo-kunām -kunāk	—
2 л.	qo-psōtal -psōtantj	qo-kunāl -kunāntj	qo-tj -ŋäš(jk), -ŋjk
3 л.	qo-psōtjij -psōta	qo-kunātj -kunā	qo-ŋjmtjā -ŋjā
		Дв.ч.	
1 л.	qo-psōtej, -psōtjīm̄	qo-kunej, -kunām̄	—
2 л.	qo-psōtjij	qo-kunāl̄	qo-ŋjij̄
3 л.	qo-psōtjij̄ -psōtōqj	qo-kunātj̄ -kunāqj	qo-ŋjmtjāqj̄ -ŋjāqj
		Мн.ч.	
1 л.	qo-psōtjij̄t̄	qo-kunām̄j̄t̄	—
2 л.	qo-psōtjij̄t̄	qo-kunāl̄j̄t̄	qo-ŋjij̄t̄, -ŋōtj̄ -ŋj̄(lj̄)t̄
3 л.	qo-psōtōtj̄t̄	qo-kunātj̄t̄	qo-ŋjmtjāj̄t̄t̄ -ŋjāj̄t̄t̄

Субстантивная репрезентация

Инфинитив — qo-qo, ед.ч. 1 л. qo-qjnpō(qo) 'чтобы мне найти', 2-3 л. qo-qjntō(qo); дв. ч. 1 л. qo-qjnpqo, 2-3 л. qo-qjntj̄qo; мн.ч. 1 л. qo-qjntj̄qo 2-3 л. qo-qjntj̄t̄qo. Имя действия I — qo-ptā 'нахождение'; склоняется, подобно существительным и употребляется преимущественно в посессивных формах ед. числа номинатива, генитива, транслатива, локатива, реже — аккузатива и элатива. Имя действия II — qo-ku-; употребляется преимущественно в посессивных и непосессивных формах ед. числа генитива с послелогом (qo-kunj̄ t̄t̄j̄ 'до того, как я нашел' и т.п.).

Адъективная репрезентация

Причастие настоящего времени: (pē-ntj̄l' 'ищущий, разыскиваемый'). Причастие прошедшего времени: qo-(m)rij̄l' 'нашедший, найденный'. Дебитивное причастие: qo-psōtj̄l' 'такой, который должен найти/быть найденным'. Дестинативное причастие: qo-rso 'предназначенный для нахождения'. Каритивное причастие: qo-kuñ-čj̄tj̄l' 'не нашедший, не найденный'.

Адвербиальная репрезентация

Деепричастие настоящего времени: qo-lä 'находя, найдя (сразу после нахождения)'. Деепричастие прошедшего времени: qo-lä rülä 'найдя (спустя какое-то время после нахождения)'. Каритивное деепричастие: qo-kuñčj̄l̄jk 'не найдя'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Типичная структура словоформы: корень — (словообразовательные суффиксы) — (словоизменительные суффиксы). Число словообразовательных суффиксов обычно не превышает 3—4 (sūrj̄-l-falt-šl-pj̄ 'заставлять (многих) охотиться'), число словоизменительных — 5 (j̄ja-i-n-t-jt-kinj̄ 'их детям'). Порядок словоизменительных суффиксов (по категориям) в именных словоформах: число — падеж₁ — лицо обладателя — число обладателя — падеж₂ (в некоторых формах косвенных падежей, строящихся на основе генитива) — адъективная репрезентация; в глагольных словоформах вербальной репрезентации: время — наклонение — лицо субъекта — число субъекта.

Инфиксы и настоящие префиксы отсутствуют, хотя превербы во многом сходны с глагольными префиксами других языков.

2.5.2. Основное средство словообразования — суффиксация. Особенно развито отглагольное глаголообразование; суффиксы отглагольного образования имен

немногочисленны и малопродуктивны. Наряду с суффиксацией используется словосложение (эктор 'губа' от эк 'рот' и тёр 'край').

2.5.3. С.я. — язык чисто номинативного строя. Преобладает порядок слов "субъект — объект — предикат", "определение — определяемое". В размещении косвенных объектов и обстоятельств относительно предиката допускается значительная свобода вариантов. Возможны отклонения от типичного порядка слов; так, адъективная форма, имеющая зависимые от нее члены, часто находится в постпозиции к определяемому, а препозиция предиката к субъекту или объекту служит для выражения неопределенности последнего. Обычно падежом субъекта является номинатив (основной падеж). Субъект нефинитных форм глагола стоит в генитиве, ср. іга тўга 'старик пришел' и іран тўла мат қонтізақ 'когда старик пришел (букв. 'старика придя), я спал'. В конструкциях пассивного значения указание субъекта невозможно. Фактический субъект каузативных глаголов (т.е. не каузатор, а исполнитель-посредник) стоит обычно в дативе-аллативе: мат кананік терім сәтіралтисар 'я натравил на него собаку' (букв. 'я собаке его каузировав — укусить').

Падежи объекта — аккузатив и номинатив. Использование аккузатива обязательно при личных местоимениях, а также в тех случаях, когда наличие во фразе двух номинативов затруднило бы разграничение субъекта и объекта. Использование номинатива обязательно при глаголе в императиве 2-го лица. В остальных случаях допустимо использование обоих падежей, причем номинативу отдается предпочтение, если прямое дополнение является "типичным" для глагола и стоит на своем "типичном" месте перед глаголом.

Предикат согласуется с субъектом в лице и числе (в отдельных случаях наряду с грамматическим возможно и смысловое согласование), кроме того, его форма может зависеть и от лица объекта (см. 2.3.6).

Препозитивное определение, выраженное прилагательным или другой адъективной формой, а также количественное определение, выраженное числительным, не согласуются с определяемым именем. Имя, имеющее при себе количественное определение, обычно стоит в ед.ч. В генитивной конструкции имя обладателя в генитиве предшествует имени предмета обладания, которое лишено специальных показателей (об элементах "тюркского изафета" в южном и кетском диалектах С.я. см. 1.6.0). Глагольная конструкция обладания включает имя предмета обладания в посессивной форме и глагол бытия: іјаһан тіқіп есіті Һа 'у ребенка есть отец' (глагол 'иметь' С.я. неизвестен).

Переход в иную синтаксическую позицию при трансформации предложения сопровождается обычно изменением по категории репрезентации (см. 2.3.1).

Вопрос, побуждение, восклицание выражаются морфологическими, лексическими и интонационными средствами, без изменения порядка слов или других синтаксических модификаций по сравнению с повествовательным предложением.

2.5.4. Для сложных предложений наиболее характерна бессоюзная связь. Среди бессоюзных сложных предложений выделяются открытые структуры (с однородным строением и относительной самостоятельностью частей), близкие по семантическому содержанию сложносочиненным предложениям (möllj çäñka, 3tä1 çäñka 'чума у тебя нет, оленя у тебя нет'), и закрытые структуры, связь между частями которых выражена употреблением косвенных наклонений — кондиционала, конъюнктива, опатива (sorjmtä çäñkimmä, maçä qentak 'если не будет дождя, я пойду в лес'), или наличием в одной из частей анафорической отсылки (merkj, namışsañ eşımra — ronä aşša tannenta іга 'ветер такой стал — на улину не выйдет старик'), или использованием частиц типа natqaj 'значит', miqaj 'даже'. Под влиянием русского языка все шире распространяются союзные

сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, строящиеся с помощью заимствованных союзов (i, a, što) или союзов-калек (kuššan 'когда', kekkišä 'едва' и др.). Следует отметить, что часто семантическими эквивалентами сложноподчиненных предложений в С.я. служат так называемые простые осложненные предложения, в которых особенно употребительны конструкции с глагольными именами действия (tat tarašša tantiptäqänti 'пока ты не вышел', букв. 'в твоём ещё невыхождении').

2.6.0. Значительная часть словарного фонда С.я. (базисная лексика, понятия и термины, связанные с традиционным бытом и средой обитания) имеет общесамодийское происхождение. Количество заимствований из соседних языков — хантыйского (преимущественно в северном и центральном диалектах), кетского и эвенкийского (преимущественно в северном и кетском диалектах), тюркских (сибирско-татарского и чулымско-тюркского; преимущественно в южном диалекте) — сравнительно невелико и исчисляется в каждом случае несколькими десятками слов. С XVIII в. начинается интенсивное проникновение в С.я. русских заимствований, особенно усилившееся в условиях массового двуязычия селькупов с прошлого века (в Томском Приобье) и с 30-х гг. нашего столетия (в более северных и в отдаленных местах расселения). Характерна тенденция к заимствованию не только лексики, связанной с новыми явлениями в хозяйстве и культуре, но также служебных слов (частицы, союзы), модальных и вводных слов и словосочетаний. Общее число русизмов (с различной степенью адаптированности) может, по-видимому, достигать многих сотен.

2.7.0. Северный (тазовский) диалект (распространен в Тюменской области и Красноярском крае). Включает среднетазовский, верхнетазовский, баишенский (туруханский), карасинский, елогуйский говоры. Являлся опорным для учебных изданий советского периода на С.я. Языковые особенности: отсутствие лабиализованных согласных t^w, t^w, č^w, k^w, q^w, s^w; переход č > t (через стадию t̥, зафиксированную в начале XX в.); чередование гоморганых носовых и смычных согласных в ауслaute; последовательное сохранение интервокальных -m-, -ŋ- (для всех прочих диалектов характерно их более или менее систематическое развитие в -w-, -y- или полное выпадение); переход ä > 5 (через стадию ǟ, зафиксированную в 30-х гг. XX в.); последовательное сохранение гласных верхнего подъема в первом слоге (для всех прочих диалектов характерно более или менее систематическое расширение этих гласных); употребление показателей -i- (множественное число у посессивных форм), -qo- (инфинитив; во всех других диалектах -ku); аналитическая форма конъюнктива с частицей epä и др.

Центральный диалект (северо-западная часть Томской области). Включает довольно заметно различающиеся между собой тымский и нарымский говоры (из которых первый сближается с северным, а второй — с южным диалектом), а также слабоизученные говоры селькупов, живущих по рр. Васюган (с Ньюрыльской и Чижапкой), Парабель (с Чузиком и Кенгой), Вах. Языковые особенности: переход ауслautных носовых согласных в смычные; слияние l' с l; слияние č(t) и č (не во всех говорах); переход s в h (нарымский говор); последовательное отпадение ауслautных редуцированных гласных и в связи с этим возникновение фонологического противопоставления глухих (старых ауслautных) и звонких (старых интервокальных) шумных согласных; употребление показателей -ni- (множественное число посессивных форм), -ki- (латив не единственного числа) и др.

Южный диалект (центральная часть Томской области). Включает верхнеобский (по Оби выше г. Колпашева и на нижней Кети) и ныне практически исчезнувшие чайский и чулымский говоры, а также говоры селькупов средней Оби (между г.г. Нарымом и Колпашевом), сближающиеся с центральным диа-

лектом. Являлся опорным для миссионерских изданий конца XIX в. Языковые особенности: переход \dot{s} в s (не во всех говорах); переход \dot{l} в j ; наличие в ряде слов k в соответствии с \dot{c} (t) других диалектов; довольно последовательное сохранение качества лабиализованных гласных в непервых слогах (в других диалектах эти гласные преимущественно слились с редуцированными гласными или a); употребление показателей $-la$ (мн. число), $-w\dot{l}\ddot{a}/-n\dot{l}\ddot{a}$ (транслатив); протеза j - в формах глагола бытия (сев. \dot{e} -) и др.

Кетский диалект (северо-восточная часть Томской области). Включает (средне)кетский и верхнекетский (натско-пумпокольский) говоры. Диалект близок южному и разделяет большинство вышеперечисленных особенностей последнего (но не переход \dot{s} в s); кроме того, он обладает рядом специфических особенностей в сфере фонетики: тенденция к геминации интерпокальных согласных в начале открытого слога; тенденция к переходу редуцированных гласных в a в непервых слогах; сохранение звуковых последовательностей вида NTVNT (во всех других диалектах они развиваются в NNVNT, см. 2.2.3); переход $p\dot{o}$ - в $p\dot{e}$ - (верхнекетский говор).

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М., 1980. Ч. I.

Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Новосибирск, 1974. Ч. I.

Прокофьев Г.И. Селькупская (остяко-самодийская) грамматика. Л., 1985.

Тереженко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973.

Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.

Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855.

Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis (Tas-Dialekt). Budapest, 1969. (Ок. 3000 слов.)

Hajdú P. Chrestomathia Samoiedica. Budapest, 1968.

Helinski E. The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1968.

Е.А. Хелимский

МАТОРСКО-ТАЙГИЙСКО-КАРАГАССКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Маторско-тайгийско-карагасский язык (М.я.) — вымерший язык самодийского населения Присаянья, отдельные диалектные формы которого известны в записях XVIII — начала XIX вв. под названиями "маторский (моторский, мадорский) язык", "тайгийский (тайгинский) язык", "карагасский язык" (следует отличать от тюркского карагасского, или тофаларского, языка, распространенного в наше время приблизительно в том же регионе и отчасти на том же этническом субстрате), а также "lingua monticolae Sajanenses" ("язык саянских горцев"; материалы последнего иногда, в результате ошибочного предположения, цитируются в лингвистической литературе как данные "сойотского языка").

1.1.2. М.я. принадлежит к самодийской группе (подсемье) уральской языковой семьи и, согласно традиционной классификации, входит в южносамодийскую ветвь этой подсемьи. Скорее, однако, его следует считать одной из четырех самостоятельных ветвей подсемьи наряду с северносамодийскими, селькупскими и камасинскими языками.

1.1.3. В XVIII в. М.я. был распространен в основном на территориях, ныне составляющих южную часть Красноярского края (на правобережье Енисея) и западную часть Иркутской области; при этом маторы жили в бассейне

р. Тубы, а также, вероятно, в прилегающей к Западному Саяну части современной Тувы, а карагасы — в бассейнах р. Бирюсы, Уды, Оби и Кана. Можно предполагать, что этот ареал распространения существенно не менялся в течение всего периода после выделения М.я. из прасамодийской языковой общности (около начала н.э.). Число носителей М.я. уже в начале XVIII в. не превышало нескольких сот человек. Последний человек, говоривший по-маторски, умер, согласно данным М.А. Кастрена, около 1839 г.; другие диалекты исчезли, возможно, еще раньше.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Имеющиеся данные позволяют считать маторский, тайгйский и карагасский тремя близкими, но все же имеющими четкие фонетические и лексические отличия диалектами (подробнее см. 2.7.0). Так называемый язык саянских горцев неотличим от карагасского диалекта.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. М.я. функционировал, несомненно, лишь в качестве разговорного нестандартизированного языка. Судя по историческим сведениям о носителях языка, а также по обилию заимствований, полной ассимиляции предшествовал период самодийско-тюркского двуязычия (с использованием в роли второго языка одного из "хакасских" или тувинско-тофаларских диалектов). Для карагасов могло быть характерно также владение бурятским языком. Вероятно, значительная часть мужского населения знала в той или иной мере и русский язык.

1.3.2. Фольклорных записей не сохранилось.

1.3.3. М.я. не преподавался в школах ввиду отсутствия таковых.

1.4.0. Письменности на М.я. не существовало.

1.5.0. Вопрос о периодизации истории М.я. не разработан.

1.6.0. Отдельные факты из области исторической фонетики доказывают роль ареальных — "общесаянских" — тенденций в развитии М.я. Показательны, в частности, одинаковые рефлексy *j- (n/h — при наличии носового в позиции второго согласного в слове, č/t' — в остальных случаях) в М.я. и в камасинском (также самодийском), хакасском и шорском (оба тюркские) языках: numbo 'мох', камас. nēmtj из самод. *jupr̥; čāga 'река', камас. t'āya из самод. *jəka и хак. *нымырха* 'яйцо' при др.-тюрк. *jumigqa*; хак. *чаксы* 'хороший' при др.-тюрк. *jačǰi*. С тюркским влиянием связана фонологизация согласных d, g, š (см. 2.1.1), широкое использование конструкций, состоящих из основы или нефинитной формы смыслового глагола и вспомогательного глагола состояния или движения. В то же время М.я. сохраняет в своем строе существенные исконные отличия от тюркского типа (так, при наличии генитива и категории личной притяжательности ему остался в целом чужд так называемый тюркский изафет, см. 2.5.3).

2.0.0. Лингвистическая характеристика

Весь дошедший до нас материал по М.я. состоит из нескольких разнодиалектных словарных списков и глоссариев объемом от нескольких слов до нескольких сот слов каждый, нередко пересекающихся и самоповторяющихся. В этой ситуации данная статья (будучи первым опытом грамматического описания М.я., поскольку предшествующие исследования затрагивали в основном его этимологию и отчасти диалектологию и историческую фонетику) по необходимости носит характер реконструкции, в значительной мере основанной на косвенных данных. Этим обусловлены также *неравномерная насыщенность последующих рубрик и параллельное привлечение разнодиалектного материала.*

Сообщаемые факты иллюстрируются примерами в оригинальном написании с указанием на их источник: КП, МС, ТМ и т.д., где первая буква обозначает диалект (К — карагасский, включая так называемый язык саянских

горцев, М — маторский, Т — тайгийский), а вторая буква — составителя словарного списка или глоссария (М — Г.Ф. Миллер, П — П.С. Паллас, С — Г.И. Спасский). При необходимости за оригинальными написаниями приводятся их предположительные фонологизированные транскрипции (в косых скобках).

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Система фонем М.я. имела предположительно следующий вид:

Вокализм				Консонантизм			
i	ü	j	u		t		k
e	ε	o	э (в непервых слогах)		b (d)		(g)
ä	a					č	
					s		(š)
					m	n	ń η
					r		
					l		
						j	h

В консонантизме фонологическая релевантность оппозиций /t/ — /d/, /k/ — /g/, /s/ — /š/ обеспечивается только за счет заимствованной лексики; в морфемах исконного происхождения соответствующие звуки попарно распределены дополнительно или состоят в свободном варьировании (см. 2.1.3). В маторском диалекте отсутствовала фонема /ń/. Допустимо существование /r/ как особой фонемы.

Набор гласных фонем реконструируется с недостаточной надежностью. При интерпретации записей возникает ряд проблем, особенно с "некардинальными" гласными (кроме того, в отдельных случаях нельзя исключить, что одной буквой систематически обозначались две, фонетически близкие, но фонологически противопоставленные единицы). Фонема /ä/ более или менее последовательно обозначена в записях Миллера (ä), но у Палласа в соответствующем месте обычно стоит *e*, а у Спасского — *a* (особенно в начале слова), *e*, *я*; кроме того, во всех записях трудно различить /a/ и /ä/ после палатальных согласных (позиция нейтрализации?). Фонема /ü/ довольно четко прослеживается в маторских и тайгийских материалах (у Спасского она обычно передается через *y*), в карагасском же наблюдаются колебания между *u* и *ü* (это обстоятельство указывает, вероятно, на то, что в карагасском диалекте, испытывавшем сильное монгольское влияние, звук *ü* был заменен на более задний *ü* = монг., бур. *y*). Для передачи /j/ Миллер иногда использовал особый символ *ü̇*, чаще же записывал через *i*.

Особые сложности связаны с /ε/. Ни в одном из источников транскрипционная система не включает знака для "центрального" гласного. Тем не менее такой именно гласный следует, видимо, предполагать в тех случаях, когда *ö* в тайгийских и карагасских записях Миллера соответствует *o*, *u* в карагасских записях Палласа и *i*, *e* в маторских записях: ТМ *öbdeä*, КМ *öörte*, КП *öbtida*, ММ *ipte*, МП *ибде*, МС *ипти* ~ *ипты* 'волосы', КП *дун*, МС *теңь* 'жила' и др. Такое фонологическое решение подтверждается прасамодийской реконструкцией (самод. **eptä*, **šep*). Не исключено, впрочем, что /ε/ как фонема к XVIII в. уже была утрачена, дав разные рефлексy по диалектам.

2.1.2. Сведения о тонах и фонетическом типе ударения отсутствуют. Записи Миллера и Палласа с проставленной акцентуацией как будто указывают на наличие разноместного, парадигматически подвижного ударения (с тяготением к первому и предпоследнему слогу), но многочисленные случаи колебаний (ср. ТМ

illinde 'живой', КМ illende, КП ilindé и под.) затрудняют акцентологический анализ. (О долготе гласных см. 2.1.4.) Существовала суффиксальная гармония гласных по ряду (ср. посессивный суффикс 3 л. ед. ч. -ta/-tä в ТМ bagáda 'спинна', gókta 'ухо', schúnüda 'penis', húng^kürtä 'бубен'), а для узких гласных, видимо, и по лабиализации (ср. суффикс инфинитива -su/-si/*-sü/-si в ТМ hórsu 'есть', КМ djási /'casj/ 'идти', ТМ namnirschi/-si/ 'говорить').

2.1.3. Наиболее явные случаи позиционной модификации фонем наблюдаются в сфере консонантизма.

Шумные /t/, /k/, /č/, /s/ реализуются в виде озвонченных аллофонов (d, g, ž, z) в положении после сонантов, реже — в интервокальной позиции и (особенно в карагасском диалекте) в начале слова. Фонема /s/ может реализоваться в виде š в положении перед передними гласными (особенно перед i), а также в составе групп согласных. (Данные закономерности распределения t — d, k — g, s — ž не относятся к поздним заимствованиям, в которых d, g, š выступают как самостоятельные фонемы.) По-видимому, фонема /k/ в словах с заднерядным вокализмом реализовалась, как в тюркских языках, в виде увулярного q (g) (в графике — колебания между k и ch, ср. ММ chúrgu 'нож', МС куро). Наблюдается (особенно в КП) реализация /č/ в виде t' (d'): КП mündutin 'борода', ср. МС мундучень.

Фонема /b/ имеет два аллофона — b и p. Первый из них систематически выступает в интервокальной позиции и в соседстве с сонантами, в остальных же позициях аллофоны находятся в отношении свободного варьирования, ср. КП órob, но КП ("Зоография") ogor 'бурундук'; МС бишке, но КП rísqa 'cunnus'; МП ибде, но МС ипти 'волосы'. Редуцированный гласный /ə/, склонный принимать фонетическую окраску гласных соседних слогов, встречался только в непервых слогах. На основании некоторых написаний с "неэтимологическим" h в начале слова (КП hungurítte 'росомаха', ср. МС унгурте) можно предположить, что анлаутные гласные произносились с "твердым приступом".

2.1.4. В имеющемся материале надежно прослеживаются только слоговые структуры (C)V и (C)VC. Сочетаемость фонем внутри слога не имеет существенных ограничений. Фонологический статус долготы гласных неясен. В части случаев удвоенные или слабженные знаком долготы написания гласных связаны с поздними процессами выпадения интервокальных согласных (МС kō 'кожа', ср. КП когото /koŋo-/) и подлжит бифонемной трактовке.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Характерная черта фонологической структуры слова и корневой морфемы — недопущение степеней согласных в начале и в конце; исключение составляют явно вторичные случаи, вызванные выпадением узких гласных первого слога (типа МС шлэй 'яйцо', ср. КМ schilui). Корневые морфемы содержат не менее одного слога, служебные могут составлять часть слога (суффикс генитива -n), полный слог или несколько слогов (каритивный суффикс -gäs-tä или суффиксальный комплекс gäs-tä).

2.2.2. Фонологических противопоставлений между частями речи не наблюдается; фонемный состав суффиксов был, вероятно, более скудным, чем у корневых морфем.

2.2.3. В ряде именных основ представлено свободное чередование гоморганных носовых и смычных согласных в ауслaute (-m/-p, -n/-t, а также -k/θ — ранее, вероятно, -ŋ/-k), напоминающее соответствующее явление в северном диалекте селькупского языка: ММ téren 'белка', МС деран, КП ("Зоография") déren /МП taeret, КМ derét, КП derját; МС джюн 'десять' /КМ dschüd; МС ом 'один' /оп (в тчюноп 'одиннадцать'); ММ ник /МС ни 'орел'; ММ гук/гу 'ухо' и т.д.

Гласный в личном местоимении 'я', выступающем в качестве проклитики, подвергается полной качественной ассимиляции первому корневому гласному следующего слова: ММ *men neméndem* 'я стою', мон *chondäschtam* 'я сплю' (ср. МС *ман* 'я').

Наблюдается чередование *j* (ауслат) с *s/š* (позиция перед согласным, в частности перед посессивным суффиксом 3 л. ед.ч. *-ta/-tä*): КМ *ugúi* 'шапка', МС *угуй* / ТМ *ugüschtä*; КМ *gei* 'язык', ММ *ki* / КП *güste*, ММ *kischtä*.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

Ограниченность наличного морфологического материала не мешает сделать вывод о том, что в М.я., как и в других самодийских языках, при преобладании тенденций к агглютинации и синтетизму встречались и элементы флективности (фузионные явления, см. 2.2.3), и аналитические конструкции (например, дуративность могла выражаться путем сочетания инфинитива смыслового глагола с вспомогательным глаголом *кап-* 'идти', ср. МС *тчэксыганем* 'заблуждаюсь').

2.3.1. Имеющиеся данные недостаточны для выявления состава и степени разграниченности частей речи в М.я. Во всяком случае, глагол четко противопоставлен имени по своим формообразовательным возможностям (см. ниже), а прилагательное, по крайней мере в некоторых случаях, отличается от однокоренного существительного наличием словообразовательного суффикса (см. 2.5.2). Служебные части речи в имеющихся словарных материалах представлены слабо.

2.3.2. По аналогии с родственными языками и в отсутствие противоречащих такому решению данных для М.я. можно предполагать отсутствие категорий рода и класса.

2.3.3. Числовое противопоставление существительных в М.я. представлено единственным надежным примером: МС *айм* '(мой) ребенок' — *айне* '(мои) дети'. Здесь, однако, использован не показатель общего мн. числа, а оппозиция посессивных суффиксов при обладателе 1 л. ед. числа для ед. и мн. числа предмета обладания (ср. соответственно *ñuэ-тэ* и *ñuэ-ñэ* в нганасанском).

2.3.4. Имелись специальные падежные формы для выражения субъекта (номинатив), прямого объекта (аккузатив), обладателя в посессивной конструкции (генитив) и, вероятно, различных пространственных отношений (см. 2.4.0).

Для выражения принадлежности использовалась наряду с генитивом категория посессивности (личной притяжательности). Посессивные формы представлены в материалах по М.я. очень широко, так как многие существительные (в особенности названия частей тела, имена родства и другие понятия из "сферы лица") оказались зафиксированы не в виде чистой основы, а в сопровождении посессивного суффикса 1 л. ед.ч. или 3 л. ед.ч. (что, вероятно, произошло независимо от намерений составителей списков и не нашло отражения в переводах).

2.3.5. В М.я. выражались с помощью суффиксов такие качественные глагольные классификации, как способ действия (*Aktionsart*) и переходность. Ср. *-r-* (узуальность: МС *темдарным* 'торгую' при *темдиям* 'продаю'), *-sist-* (дуративность: КП *hungusichta* 'пишу'), *-kVI-* (фреквентативность или плуральность: МС *сооголнам* 'черпаю'), *-t-* и *-l-* (транзитивность: МС *керытьям* 'надеваю' при *кернам* 'одеваюсь', *нундутьям* 'объявляю' при *нюндам* 'слышу') и др. Об аналитическом выражении дуративности см. 2.3.0. Надежных сведений о выражении других качественных глагольных классификаций нет.

2.3.6. В имени находит выражение лицо обладателя (в посессивных формах) в глаголе — лицо субъекта. Данных о выражении определенности/неопределенности в имени нет. Для передачи указания и анафоры использовались, в частности, указательные местоимения, образованные от основ *tj-/te-* (ближний дейксис) и *to-/ta-* (дальний дейксис или анафоричность). Приглагольное отрицание выража-

лось вспомогательным отрицательным препозитивным глаголом с основой *i*-, за которым следовала основа смыслового глагола (КМ *ischin gondo* 'не сплю', МС *игамданем* 'не знаю').

В экзистенциальных предложениях для отрицания служил, по-видимому, особый глагол со значением 'не быть, отсутствовать' (КП *neangu* в *amotschíneangu* 'ничего (нет)', МС *тешишта нагайга* 'беспамятный', букв. 'память-его отсутствует').

2.3.7. О проблеме разграничения основных частей речи в М.я. см. 2.3.1.

2.4.0. Образцы парадигм

Нижеследующие фрагменты парадигм содержат те разрозненные сведения, которые могут быть выявлены на материале словарных записей.

Существительное

Показатель ед. числа — \emptyset , показатели дв. числа и мн. числа не зафиксированы.

Падежные показатели: номинатив \emptyset , аккузатив — *-m* (МС *номкаям* 'запираю дверь' — ср. *но* 'дверь' и *кайм* 'закрываю'), генитив — *-n* (ММ *táinbesché* 'перстень' — ср. ММ *taia* 'палец' и МС *базе* 'железо'). По-видимому, для выражения пространственных отношений использовались и некоторые пространственные падежи, суффиксы которых засвидетельствованы преимущественно в составе местно-временных и местоименных наречий: *-na/-nä* (локатив: МС *куна* 'где', КП *neenepe* 'внизу'); *-ni* (локатив, в особенности темпоральный: ММ *gútmun* 'рано' при *kúmu*, *ghumu* 'утро'); *-ntV* (латив: ММ *irnénde* 'вперед'); *-tu* (элатив: КП *irnjadu* 'спереди'); *-mnV* (пролатив: МС *кумня* 'сколько').

Посессивные формы номинатива:

Ед. число предмета обладания

1 л. ед. ч. обладателя — *-m* (после основ на гласный), *-ma/-mä* (после основ на согласный): ММ *chaním* '(мой) младший брат', МС *могма* '(моя) пазуха', МС *куйма* '(мой) пуп';

2 л. ед. ч. обладателя — *-г*: МС *тындар* 'твой';

3 л. ед. ч. обладателя *-ta/-tä* (*-da/-dä*) — см. примеры в 2.1.2;

1 л. мн. ч. обладателя *-ma*: МС *мендыма* 'наш' (ср. *мэндэ* 'мы');

2 л. мн. ч. обладателя *-га*: МС *тендыра* 'ваш' (ср. *тэндэ* 'вы').

Мн. число предмета обладания

1 л. ед. ч. обладателя: *-ne*: МС *айне* '[мой] дети'.

Числительные

ТМ *éilek*, оп '1', *kidde* '2', *nagur* '3', *deide* '4', *schúmbülä* '5', *múktun* '6', *kéibü* '7', *kitn-déite* '8', *optinjáschto* '9', *dschún* '10', *dschún-opn* '11', ..., *kiddí dschún* '20'; КМ *dschur* '100', *mingan* '1000'.

Местоимения

Личные: МС *ман* 'я' (см. также 2.2.3), *тан* 'ты', *ты* 'он', *мэндэ* 'мы', *тэндэ* 'вы', *тин* 'они'.

Лично-притяжательные: МС *мындам* 'мой', *тындар* 'твой', *мендыма* 'наш', *тендыра* 'ваш'.

Указательные местоименные слова: МС *тын* 'вот', *тык* 'здесь', КП *delan* 'сюда', МС *дана* 'там', *той* 'сюда' (вероятно, 'оттуда'), КП *dagán* 'так'.

Вопросительные местоименные слова: МС *кым* 'кто', *кулгу* 'какой', *куна* 'где', *куй* 'откуда', *кагон* 'когда', *кумня* 'сколько'. Другая вопросительно-местоименная основа представлена, по-видимому, в КП *amotschíneangu* 'ничего [нет]', *amgandyп* 'почему ты'.

Глагол

Все зафиксированные в словарных списках личные глагольные формы М.я. должны, судя по переводам, являться формами наст. времени. Однако довольно значительное разнообразие элементов, занимающих позицию между основой и личным окончанием (-j-, -n-, -k-, -s-), позволяет предположить, что наряду с презентными здесь фактически представлены и формы других времен (или, возможно, наклонений) глагола, хотя более конкретная интерпретация возможна, по-видимому, лишь посредством этимологических гипотез.

Личные окончания индикатива:

1 л. ед. ч. -Vm; ТМ: chandijum 'сплю', КП *íngürnam* 'зеваю';

3 л. ед. ч. -a; МС *логомжиста* 'кипит', *адымга* 'кажется'.

Личные окончания императива:

2 л. ед. ч. (переходные глаголы) -t; МС *мет* 'бери' (ср. *мечи* 'беру');

2 л. ед. ч. (непереходные глаголы) Ø; КП *dzschúrhu* 'вставай' (ср. *dzschurguschín* 'стою').

Причастие (активное или презентное) -ntV; ТМ *ilinde* 'живой'.

Причастие (пассивное или перфектное) -ma/-mä; ММ *triptima* 'сушеный', МС *идымме* 'бритый'.

Инфинитив -su/-sj/-si — см. примеры в 2.1.2.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Типичная структура словоформы: корень — (словообразовательные суффиксы) — (словоизменительные суффиксы.) Примеры префиксации и инфиксации неизвестны. Морфологически аномальные разряды слов не засвидетельствованы.

2.5.2. В М.я. преобладает суффиксальное словообразование, используемое как для конверсивного перехода от одной части речи к другой, так и в пределах одной части речи (особенно глагола). Примеры словообразовательных суффиксов:

-rsin (имя орудия действия): ТМ *hídipschin* 'колотушка бубна', ММ *hönggupschin* (ср. ММ *hünkür* 'бубен'), МС *коятшин* 'удочка, петля';

-j (отыменные относительные прилагательные): КП *süréibu* 'лужа' ('дождевая вода', ср. КП *sjurú* 'дождь', *bu* 'вода'), МС *айбай* 'первый' (ср. ММ *áiba* 'голова');

-kV (отыменные прилагательные обладания): МС *андыгыне* 'беременная' (ср. МС *андьет* 'брюхо', КМ *не* 'женщина'), МС *тудухо* 'жирный' (ср. КП *tutt* 'неотопленный жир');

-mbuj (качественные прилагательные): ТМ *udschúmbui* 'маленький', МС *тчл-томбуи* 'тонкий' (возможно, примеры словообразования от связанных основ);

-m- и -r- (отыменные глаголы): МС *каимзалды* 'рассветает' и КМ *gáiemga* 'светлый' (вместо 'светит?') (ср. КП *chajé* 'день'), КП *cúndzschrlam* 'mingo' от МС *кунджим* '(моя) моча'.

В словообразовательных целях использовалось, по-видимому, и сложение основ — ср. ТП *kirgalae* 'сиг', букв. 'белая рыба'.

2.5.3. Сведения о синтаксисе М.я. очень скудны. Имеющиеся записи словосочетаний позволяют констатировать препозицию субъекта и объекта предикату (МС *бунь ернынджижиста* 'собака ворчит', *номкаям* 'запираю дверь'), препозицию определения (выраженного существительным в номинативе или генитиве, прилагательным, числительным) определяемому (КМ *nedáde* 'шаманка', букв. 'женщина-шаман'; МС *биинмерга* 'горный ветер'; *намбудайгба* 'выдра', букв. 'длинный хвост'; КП *deittegeitte* 'четыреугольный'). В генитивной конструкции оформление имени предмета обладания посессивным суффиксом (т.е. "тюркский изафет") имеет место только в случае имен родства (МС *айнайда* 'внук', букв. 'сына сын-его'), но не в других случаях.

2.5.4. Данные о сложных предложениях в М.я. отсутствуют.

2.6.0. Основную группу лексических заимствований образуют тюркизмы, среди которых можно выделить древнейший слой (заимствования прасамодийского периода и начального периода самостоятельного существования М.я.) и относительно поздние заимствования из тюркских диалектов северо-восточной группы, причисляемых к хакасскому, тофаларскому, тувинскому языкам. В имеющихся словарных списках на их долю приходится до 20% лексики; возможно, в других — не "базисных" — частях словарного фонда М.я. удельный вес тюркизмов был еще выше и постепенно возрастал в ходе языковой ассимиляции носителей М.я. Роль монголизмов особенно велика в карагасском диалекте; нередки случаи, когда тюркскому слову в других диалектах соответствует бурятско-монгольское заимствование в карагасском: ТМ *ун* 'мука', МС *ун* (ср. др.-тюрк., хакас. *ун*) — КМ *talkán* (ср. бур. *talxan*) и под. Эпизодически встречаются тунгусо-маньчжурские и (наиболее поздние) русские заимствования.

2.7.0. О составе и распространении диалектов М.я. см. 1.2.1.

Маторский диалект характеризуется, в частности: а) наличием *n* на месте тайг., караг. *n̄*: ММ *n̄nda* 'конь', ср. ТМ *n̄ndä*, КМ *n̄nda*; б) отражением (графической фиксацией?) **ɛ* в виде *e*, *i* (см. 2.1.1).

Карагасский диалект характеризуется, в частности: а) сильной тенденцией к озвончению анлаутных /*t*/, /*k*/: КМ *d̄urmjä* 'икра', ср. ТМ *t̄urmjä*, ММ *t̄urmä*; КМ *ḡündeshä* 'черный', ср. ММ *k̄üntühä*; б) использованием более заднего *ü* на месте мат., тайг. *ü* — по-видимому, под монгольским влиянием (см. 2.1.1); в) наличием значительного числа лексических монголизмов (см. 2.6.0).

Для тайгйского диалекта — в фонетическом отношении, вероятно, наиболее архаичного — имеющийся материал не позволяет выделить четкие отличительные черты (по одним из упомянутых выше признаков он сближается с маторским, по другим — с карагасским диалектом).

ЛИТЕРАТУРА

Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий. СПб., I — 1787, II — 1789.

Спасский Г.И. Словарь языка Маторского собранный в 1806 году // *Potapov L.P.* Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren // *Journal de la Société finno-ougrienne*, 1957. 59. (Около 1000 слов.)

Хелимский Е.А. Лексикографические материалы XVIII — начала XIX в. по саяно-самодийским языкам // *Языки и топонимия*. Томск, 1978. Вып. VI.

Хелимский Е.А. Опыт фонологической интерпретации данных по маторско-тайгйско-карагасскому языку // *Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов*. Новосибирск, 1986.

Хелимский Е.А. *Etymologica* 1-48 (Материалы по этимологии маторско-тайгйско-карагасского языка) // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1986. 88.

Donner K. *Samojedische Wörterverzeichnisse* // *Mémoires de la Société finno-ougrienne*. 1932. 64.

Helmski E. *Two Mator-Taigi-Karagas Vocabularies from the 18th Century* // *Journal de la*

Société finno-ougrienne. 1987. 81. (673 словарные статьи.)

Helmski E. On the interaction of Mator with Turkic, Mongolic, and Tungusic: A rejoinder // *Journal de la Société finno-ougrienne*. 1992. 83.

Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki, 1971.

Janhunen J. On the interaction of Mator with Turkic, Mongolic, and Tungusic // *Journal de la Société finno-ougrienne*. 1989. 82.

Joki A.J. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen // *Mémoires de la Société finno-ougrienne*. 1952. 103.

Katz H. Zur Phonologie des Motorisch-Karagassisch-Taigischen // *Studien zur Phonologie und Morphonologie der uralischen Sprachen*. Wien, 1987.

Künnap A. System und Ursprung der kamasischen Flexionssuffixe. // *Mémoires de la Société finno-ougrienne*, I — 1971, 147; II — 1978, 164.

Pallas P.S. *Zoographia Rosso-Asiatica*. SPb., 1811. I — III. (По несколько десятков глосс на каждом из диалектов М.я.)

А. Кюннап

КАМАСИНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения

1.1.1. Вариантов названия нет. Названия на других языках: англ. Kamass нем Kamassisch, венг. kamasz, фин. kamassi.

1.1.2. Камасинский язык (К.я.) принадлежит к самодийской подсемье (группе) уральской семьи языков (по традиционной классификации — к ее южной подгруппе).

1.1.3. Носители К.я. традиционно обитали в районе северных склонов Саянского нагорья в бассейнах рек Кан и Мана. Последние носители языка сконцентрировались в селе Абалаково нынешнего Агинского сельсовета Партизанского района Красноярского края Российской Федерации, где в канун первой мировой войны проживало 15 камасинских семей, причем лишь 8 человек владели К.я. в совершенстве. В этом селе до 1980-х годов жила и последняя носительница языка Клавдия Захаровна Плотникова.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. Можно предполагать, что в К.я. сохранились некоторые реликты двух прежних родовых диалектов, особенно в произношении. С другой стороны, можно считать достаточно обоснованной точку зрения, согласно которой койбальский язык (см. статью) являлся лишь диалектной разновидностью К.я.

1.3.0. Социолингвистические сведения

1.3.1. К.я. ныне мертвый. Ранее он был средством общения в быту; его последние носители обычно *владели местным, качинским, диалектом хакасского языка, а также русским языком, на которые они со временем и перешли.

1.3.2. Стандартизация и наддиалектные формы отсутствуют.

1.3.3. В учебно-педагогических целях никогда не использовался.

1.4.0. Письменность всегда отсутствовала.

1.5.0. Периодизация истории языка не установлена. К.я. возводят к самодийскому праязыку (по традиционной классификации — через промежуточную ступень в виде южносамодийского праязыка).

1.6.0. В несколько более раннем материале по К.я. можно отметить влияние соседних тюркских языков на фонологическую модель и словарь К.я. Воздействие русского и тюркских языков позже привело к постепенному сокращению функционирования К.я. и к его полному исчезновению.

2.0.0. Лингвистическая характеристика

2.1.0. Фонологические сведения

2.1.1. Фонологическая структура К.я. окончательно не выявлена из-за сравнительной скудости и неоднородности имеющихся языковых данных. Можно дать лишь приблизительную фонологическую характеристику в форме следующих таблиц:

Гласные

Подъем	Ряд					
	передний		средний		задний	
	нелабиализованные	лабиализованные	нелабиализованные	лабиализованные	нелабиализованные	лабиализованные
Верхний	i	ü	j			u
Средний	e	ö	e			o
Нижний					a	
Редуцированные	э		ə			

Согласные

По способу образования		По месту образования				
		лабиальные	дентальные	палатальные	велярные	ларингальные
Шумные	смычные	p, b	t, d		k, g	?
	аффрикаты			č, ʃ		
	фрикативные		s, z	š, ž, š̌, ž̌	χ, γ	
Сонорные	назальные	m	n	ɲ	ŋ	
	латеральные		l	l'		
	вibrанты		r			
	глайды	w		j		

2.1.2. Тип ударения следует определить как динамический: ударный гласный произносится более мощным потоком воздуха. (Тоны специально не исследованы, но при их наличии они явно не образуют фонологически значимых тональных оппозиций.) По имеющимся данным, ударение не употребляется как смысло-различительное средство. Обычно ударение падает в слове на первый гласный или на последний долгий гласный. Основное ударение в первом слоге может иногда сопровождаться и дополнительным, несколько более слабым ударением, падающим обычно на последний слог. Все гласные имеют как краткое (у некоторых информантов — обычно сверхкраткое), так и долгое произношение, но количественная долгота гласного не имеет смысло-различительного характера. В языке наблюдается сильная тенденция к частичной вокальной гармонии: в слове используются преимущественно гласные только заднего и среднего рядов или гласные только переднего ряда; гласные e, i, ə, ê в гармонии не участвуют.

2.1.3. Фонемы К.я. в ряде случаев имеют по несколько аллофонов, что частично связано с позиционным распределением, а частично — со сравнительно высокой вариативностью всего произношения К.я. Позиционная обусловленность реализации морфем выявлена еще не полностью.

2.1.4. Слог и долготные противопоставления не изучены.

2.2.0. Морфонологические сведения

2.2.1. Вопросы морфонологии К.я. не изучены.

2.2.2. Вопрос о фонологических различиях между знаменательными и служебными словами не изучен.

2.2.3. Вопрос о чередованиях не изучен.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения

К.я. следует отнести к агглютинативным языкам, но он имеет также и немало моментов флективного строя; синтетические черты преобладают над аналитическими.

2.3.1. Выделяются как знаменательные, так и служебные части речи. Вопросы их разграничения не изучены.

2.3.2. Грамматического рода нет. По-видимому, в употреблении вопросительных местоимений реализуется противопоставление человек/не человек (одушевленный/неодушевленный).

2.3.3. Грамматическое число выражается противопоставлением форм единственного, множественного и двойственного чисел.

2.3.4. Падежные значения выражаются суффиксами, которые присоединяются к существительным, прилагательным, местоимениям и именным формам глагола, а в застывшем виде входят и в состав наречий и послелогов. Имеются два

склонения: основное (или непосессивное) и посессивное. В первом — семь падежей: номинатив, генитив, аккузатив, латив, локатив, аблатив и инструменталис, а во втором — четыре: номинатив-генитив-аккузатив, датив-локатив, аблатив и инструменталис. Принадлежность выражается при помощи генитива или посессивных суффиксов, которые имеются для всех трех чисел всех трех лиц.

2.3.5. Выражение видовых значений (аспект) тесно связано с формами времени. Единичные глаголы могут выступать и без какого-либо показателя времени, причем о времени действия можно судить по аспекту глагола: формы глагола, выражающего длительное или повторное действие, понимаются как формы презенса-футурума или презенса, а формы глагола, выражающего кратковременное или однократное действие, — как формы претерита. Выражение залоговых отношений не изучено. Глаголы могут быть непереходными и переходными; в зависимости от этого изменяются по субъектному или объектному спряжению (см. ниже). Противопоставлены четыре наклонения: индикатив, конъюнктив, оптатив и императив. Оптатив употребляется только в 1 л. (заменяет отсутствующее в языке 1 л. императива).

2.3.6. Категория лица при имени выражается посессивными суффиксами. Они употребляются при существительных, местоимениях, именных формах глагола, наречиях и послелогах. Категория лица при глаголе выражается специальными личными суффиксами глагола, которые различаются во всех трех числах всех трех лиц. В К.я. два спряжения: субъектное и объектное. По первому спрягаются, как правило, непереходные глаголы, а по второму — переходные глаголы. Эти спряжения отличаются друг от друга только личными суффиксами: в 3 л. ед. числа индикатива и конъюнктива субъектного спряжения личный суффикс часто отсутствует, во 2 л. ед. числа императива субъектного спряжения личный суффикс вообще не употребляется; во всех трех числах 3 л. презенса индикатива и в ед. и мн. числах 3 л. футурума индикатива, а также во всех трех числах 3 л. конъюнктива и императива употребляются в этих спряжениях различные личные суффиксы. Выражение оппозиции определенности/неопределенности не изучено. Следует, однако, отметить, что она в известной мере реализуется использованием падежей: неопределенный прямой объект обычно выражен номинативом, определенный — аккузативом. Формы грамматических времен противопоставлены только в индикативе, в рамках которого различаются: презенс-футурум, презенс, футурум и претерит. Указание осуществляется через личные и возвратные местоимения, а также целый ряд указательных, вопросительных и неопределенных местоимений. Указательные местоимения противопоставляются по принципу триады: близкое/отдаленное/более отдаленное.

Пространственная ориентация основывается на трехчленной дистрибуции: пространственные падежные суффиксы имен, наречия и послелоги разделяются на лативные (куда?), локативные (где?) и аблативные (откуда?).

В материалах по К.я. сохранились следы архаичной системы глагольного отрицания, а именно сочетания смыслового глагола с предшествующим ему специальным вспомогательным отрицательным глаголом: вспомогательный глагол спрягается по общим правилам, а смысловой глагол стоит в особой неспрягаемой форме на -[?]. Позднее под влиянием неуральских языков, обобщилась такая система глагольного отрицания, при которой неизменяемая частица e_j (одна из форм бывшего вспомогательного отрицательного глагола) сочетается с обычными личными формами смыслового глагола (как, например, в русском языке). Отрицание при именах и наречиях передается при помощи той же частицы. Имеются также отрицательное междометие и глагол отсутствия-необладания.

2.3.7. Части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, послелоги, союзы, частицы и междометия. Числительные подразделяются на количественные, порядковые, дистрибутивные, коллективные, повторительные, множительные и дробные.

2.4.0. Образцы парадигм

Имена

Ед. число не имеет показателей. Дв. число образуется у существительных при помощи суффикса *-zəgej* (сохранилась только одна словоформа с этим суффиксом), у местоимений — *-šte/-stē/štej /-šəde/-šidē(gə)*, у посессивных суффиксов — *-j*, у личных суффиксов глагола — *-j* (1, 2, 3 л.), *-yəj/- gVj* (3 л.). Мн. число: существительные — *-je(?)/-ji(?)/-ʔi* (основное склонение), *-sVŋ/-zVŋ* (основное и посессивное склонение), местоимения — *-ʔ* (1, 2 л.), *-zVŋ* (3 л.), посессивные суффиксы — *-ʔ* (1, 2 л.), *-ŋ* (3 л.), личные суффиксы глагола — *-ʔ* (1, 2, 3 л. субъектного спряжения, 1, 2 л. объектного спряжения), *-n* (3 л. объектного спряжения).

У имени существительного в номинативе нет падежных окончаний. Окончания других падежей следующие: генитив — *-n*, аккузатив — *-m*, латив — *-n(V(?))/-dV(?)/-tV*, локатив — *-ʔVn/-γVn(u)/-gVn/-kVn/-χəp*, аблатив — *-ʔVʔ/-γVʔ/-gVʔ/-kVʔ/-γad(a)/-gede*, латив-локатив посессивного склонения — *-γVn/-kVn/-gVn/-n-*, аблатив посессивного склонения — *-γVt/-kVt/-gVt/-t-*, инструменталис — *-sŷ(?)/-zŷ(?)*.

Основное (непосессивное) склонение

	Ед.ч.		Мн.ч.	
Номинатив	ʒaʒa	'река'	ʒaʒazaŋ (ʒaʒaʔjeʔ)	'реки'
Генитив	ʒaʒan	'реки'	ʒaʒazaŋən (ʒaʒaʔin)	'рек'
Аккузатив	ʒaʒam	'реку'	ʒaʒazaŋəm (ʒaʒaʔim)	'рек'
Латив	ʒaʒānə	'в реку, на реку'	ʒaʒazaŋdə (ʒaʒaʔinə)	'в реки, на реки'
Локатив	ʒaʒāyən	'в реке, на реке'	ʒaʒazaŋyən (ʒaʒaʔiyən)	'в реках, на реках'
Аблатив	ʒaʒāyəʔ	'из реки, с реки'	ʒaʒazaŋyəʔ (ʒaʒaʔiyəʔ)	'из рек, с рек'
Инструменталис	ʒaʒāšeʔ	'(с) рекой'	ʒaʒazaŋzeʔ (ʒaʒaʔize)	'(с) реками'

Посессивное склонение

Все посессивные суффиксы можно подразделить на две группы: первая группа употребляется только в номинативе-генитиве-аккузативе и инструменталисе, а вторая — в лативе-локативе и аблативе. I гр.: 1 л. — *-wV/-m(V)/-b(V)/-p(V)*, 2 л. — *-l(V)/-nV*, 3 л. — *-dV/-t(V)*; II гр.: 1 л. — *-ń(ə)/-čí* (ед. ч.)/*-ńi/-čí* + *wV/-bV* (дв., мн. ч.), 2 л. — *-nVn/-tVn* (ед. ч.)/*-ńi/-čí* + *IV* (дв., мн.ч.), 3 л. — *-dV/-tV*.

1-е лицо ед.ч. обладателя

Ед.ч. обладаемого		Мн.ч. обладаемого
Номинатив-генитив, аккузатив	turam 'мой дом'	turazaŋba 'мои дома'
Латив-локатив	turāni	turazaŋaŋi
Аблатив	turətci	turazaŋatci
Инструменталис	turamze	—

1-е лицо дв.ч. обладателя

Номинатив-генитив, аккузатив	turāwǝj 'наш (дв.ч.) дом'	turazaŋbǝj 'наши (дв.ч.) дома'
Латив-локатив	turañibǝj	turazaŋgañiwǝj
Аблатив	turatćiwǝj	turazaŋgatćiwǝj
Инструменталис	—	—

1-е лицо мн.ч. обладателя

Номинатив-генитив, аккузатив	turāwa [?] 'наш (мн.ч.) дом'	turazaŋba [?] 'наши (мн.ч.) дома'
Латив-локатив	turañiwa [?]	turazaŋgañiwa [?]
Аблатив	turatćiwa [?]	turazaŋgatćiwa [?]
Инструменталис	—	—

2-е лицо ед.ч. обладателя

Номинатив-генитив, аккузатив	tural 'твой дом'	turazaŋna 'твой дома'
Латив-локатив	turañan	turazaŋganan
Аблатив	turattan	turazaŋgattan
Инструменталис	turalze [?]	—

2-е лицо, ед.ч. обладателя

Номинатив-генитив, аккузатив	turālij 'ваш (дв.ч.) дом'	turazaŋnij 'ваши (дв.ч.) дома'
Латив-локатив	turañilij	turazaŋgañilij
Аблатив	turatćilij	turazaŋgatćilij
Инструменталис	—	—

2-е лицо мн.ч. обладателя

Номинатив-генитив, аккузатив	turāla [?] 'ваш (мн.ч.) дом'	turazaŋna [?] 'ваши (мн.ч.) дома'
Латив-локатив	turañila [?]	turazaŋgañila [?]
Аблатив	turatćila [?]	turazaŋgatćila [?]
Инструменталис	—	—

3-е лицо ед.ч. обладателя

Номинатив-генитив, аккузатив	turat 'его дом'	turazaŋdə 'его дома'
Латив-локатив	turañdə	turazaŋgandə
Аблатив	turatte	turazaŋgatte
Инструменталис	turaće	—

3-е лицо дв.ч. обладателя

Номинатив-генитив, аккузатив	turādūj 'их (дв.ч.) дом'	turazaŋdūj 'их (дв.ч.) дома'
Латив-локатив	turañdūj	turazaŋgandūj
Аблатив	turatūj	turazaŋgattəj
Инструменталис	—	—

3-е лицо мн.ч. обладателя

Номинатив-генитив, аккузатив	turādən 'их (мн.ч.) дом'	turazaŋdən 'их (мн.ч.) дома'
Латив-локатив	turāndən	turazaŋgandən
Аблатив	turattən	turazaŋgattən
Инструменталис	—	—

Степени сравнения прилагательных выражаются аналитическим способом, причем слово, выражающее понятие, с которым сравнивают, стоит в компаративной конструкции в аблативе.

Компаратив *ine tūžojgü[?] jakšə* 'лошадь лучше коровы' (букв. 'лошадь от-коровы хорошая').

Суперлатив *ugāndə jakšə* 'лучший' (букв. 'очень хороший').

Местоимения

	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
Номинатив	man (mən) 'я'	mište	mi [?] (mē)
Генитив	man	mištən	mi [?] (mə)
Аккузатив	mana	mištəm	mi [?] nibe [?]
Латив	mana	mištēniwūj	mi [?] nibe [?]
Локатив	mana	mištēniwūj	mi [?] nibe [?]
Аблатив	manaće ²	mištēciwūj	mi [?] cibe [?]
Инструменталис	manže [?]	mištēze	mi [?] že [?]
Номинатив	tan (tān) 'ты'	šiste	ši [?]
Генитив	tan	šistən	ši [?]
Аккузатив	tanān (tānan)	šistəm	ši [?] nile [?]
Латив	tanān (tānan)	šistēniilī	ši [?] nile [?]
Локатив	tanān	šistēniilī	ši [?] nile [?]
Аблатив	tānatən	šistēciilī	ši [?] nicile [?]
Инструменталис	tanže [?]	šistēze [?]	ši [?] že [?]
Номинатив	dī (dē) 'он'	dišide	dizen (dæzen)
Генитив	din (dən)	dišidən	dizen (dæzen)
Аккузатив	dim (dəm)	dišidem	dizem
Латив	di [?] ne (dēnan)	dišidēgəde	dizenəde
Локатив	di [?] ən	dišidēgəgən	dizenəgən
Аблатив	di [?] e [?]	dišidegəgə [?]	dizenəgə [?]
Инструменталис	dīze [?] (dēzi [?])	dišidēze [?]	dizenəze [?]

Глагол

Все личные суффиксы глагола можно подразделить на две группы: первая обычно не употребляется в императиве, а вторая употребляется только в императиве. I гр.: (1) 1 л. — -wV/-m(V)/-bV/-pV и 2 л. -l(V)/-nV — индикатив, конъюнктив и оптатив субъектного и объектного спряжения, (2) 3 л. — -j(ŷ)/-i/-[?](j)i — индикатив, конъюнктив и оптатив субъектного спряжения, (3) 3 л. — γŷj/-gVj — презенс-футурум, презенс и футурум индикатива субъектного спряжения и конъюнктив субъектного спряжения, (4) 3 л. — -dV/-t(V) — презенс-футурум, презенс и футурум индикатива объектного спряжения и конъюнктив объектного спряжения; II гр.: (5) 2 л. -d(V)/-t(V) — ед. число императива объектного спряжения, (6) 2 л. -t — мн. число императива объектного спряжения, (7) 3 л. -wV/-bV — императив объектного спряжения, (8) 2 л. -[?] — мн. число императива субъектного спряжения. Ко всем глаголам присоединяется специальный показатель претерита -wi(V)/-mi(V)/-

-pi(V)-/-b'V-/-p'V-. Большинство глаголов принимают, кроме того, еще один показатель времени — презенса-футурума -l(V)-/-nV-/-l'V-/-n'V-/-jV-. Однако у ряда глаголов такого показателя нет: названный показатель презенса-футурума употребляется при них в качестве показателя одного только футурума, а презенс обозначается при помощи особых показателей -γV-/-gV- и -ma-/-mā-. Иногда презенс и футурум различаются только разными вариантами показателя презенса-футурума. У индикатива показателей нет. Показателем конъюнктива (имеющего обычно значение кондиционалиса) является -n(V)-/-dV-/-tV- + личный суффикс + -iza/-se/-ze, опатива — -štV- (ед.ч.) /-š(e)/-ž(V) (дв. и мн. ч.), императива — ? (2 л. ед.ч.)/-γV-/-gV-/-kV- (остальные формы). (В приведенных ниже парадигмах спряжения приводится в скобках номер подгруппы личных суффиксов.)

Субъектное спряжение *Объектное спряжение*

Индикатив

Презенс

Ед.ч.	1 л. nerē'em (1) 'я пугаюсь'	pārgəlam (1) 'я режу'
	2 л. nerē'el (1)	pārgə'al (1)
	3 л. nerē'e	pārgə'at (4)
Дв.ч.	1 л. nerēlbūj (1)	pārgəlbūj (1)
	2 л. nerēllūj (1)	pārgəllij (1)
	3 л. nerēlgūj (3)	pārgəldij (4)
Мн.ч.	1 л. nerēlbe? (1)	pārgəlba? (1)
	2 л. nerēlle? (1)	pārgəlla? (1)
	3 л. nerē'ēje (2)	pārgəldəp (4)

Футурум

Ед.ч.	1 л. nerēlam (1)	pārgəlam (1)
	2 л. nerēlal (1)	— (1)
	3 л. nerēlə	— (4)

Претерит

Ед.ч.	1 л. nerēb'em (1)	pārgəb'am (1)
	2 л. nerēb'el (1)	pārgəb'al (1)
	3 л. nerēb'e (nerēbi)	pārgəbi
Дв.ч.	1 л. nerēbībūj (1)	— (1)
	2 л. nerēbīlūj (1)	— (1)
	3 л. nerēbīgij (2)	— (2)
Мн.ч.	1 л. nerēbībe? (1)	pārgəbiba? (1)
	2 л. nerēbīle?	— (1)
	3 л. nerēbi?ij? (2)	— (2)

Презенс

I л.	ед.ч. nuγam (1) 'я стою'	čabōmam (1) 'я держу'
	-"- дв.ч. nuγābūj (1)	čabōmābūj (1)

Футурум

-"-	ед.ч. nul'am (1)	čabōl'im (čawōlam) (1)
-----	------------------	------------------------

Претерит

-"-	ед.ч. nuβ'am (1)	čabob'om (1)
-"-	дв.ч. nubibūj (1)	čabōbīwūj (1)

Конъюнктив

Ед.ч.	1 л. <i>perēnemze</i> (1)	<i>śabōnamze</i> (1)
	2 л. <i>perēnelze</i> (1)	— (1)
	3 л. <i>perēneze</i>	— (4)

Оптимус

1 л.	ед.ч. <i>perēštem</i> (1)	<i>mandōštum</i> (1) (от 'смотреть')
—”—	(от 'пугаться')	
	дв.ч. <i>amṇōšpūj</i> (1) (от 'сидеть')	<i>amōgžəbūj</i> (1) (от 'кушать')

Императив

2 л.	ед.ч. <i>pu?</i> 'стой'	<i>pārgət</i> (5) 'режь'
3 л.	ед.ч. <i>puγj</i> (2) 'пусть он стоит'	<i>pārgəgubo</i> (7) 'пусть он режет'
2 л.	дв.ч. <i>perēgəlūj</i> (1) (от 'пугаться')	<i>pārgagəlūj</i> (1)
3 л.	дв.ч. — (2)	<i>pārgagəbūj</i> (7)
2 л.	мн.ч. <i>puγa</i> (8)	<i>pārgagot</i> (6)
3 л.	мн.ч. — (2)	<i>pārgagubun</i> (7)

Отрицательные формы глагола

em nere? (*ej nerē'em*) 'я не пугаюсь' и т.д.

Инфинитивные формы глагола

Инфинитив	<i>perēzət</i>	'пугаться'
Причастия	<i>perēne</i>	'пугавшийся'
	<i>pu? śəγa</i>	'воняющий'
Деепричастия	<i>te?wi</i>	'сгнивший'
	<i>perēle?</i>	'пугаясь'
	<i>perēbiṇi</i>	'когда я пугаюсь'
	<i>perēbiṇan</i>	'когда ты пугаешься'
	<i>perēbində</i>	'когда он пугается'
	и т.д.	
	<i>amnaj</i>	'сидя'

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. Типичным для К.я. является присоединение к основе слова агглютинативных суффиксов. Первыми за основой следуют словообразовательные суффиксы, за ними следуют словоизменяющие суффиксы. Обычно посессивные суффиксы следуют за падежными окончаниями, а числовые показатели имен предшествуют падежным окончаниям. Числовые показатели посессивных суффиксов и личных глагольных суффиксов располагаются на конце морфем. Показатели наклонений и времен стоят, как правило, перед личными суффиксами. Проявляется очевидная тенденция к суффиксации. Наиболее аномальным разрядом слов следует считать личные местоимения (см. 2.4.0).

2.5.2. Основным способом словообразования является суффиксация. Четыре основные группы образований — отыменные имена, отглагольные имена, отглагольные глаголы, отыменные глаголы. Словообразование К.я. слабо изучено, и поэтому о нем можно получить лишь очень приблизительное представление. Из прежних продуктивных типов словообразования следует отметить образование прилагательных от существительных при помощи $-(V)j/-i/-i$ (*raḷ* 'деревянный' ← *pa* 'дерево') и каритивного $-š'yt/-ž'yt$ (*śəkežet* 'немой' ← *śəke* 'язык'). Порядковые числительные образуются от количественных при помощи суффикса $-git$ (*šidəgit*

'второй'), а коллективные — при помощи суффикса $-yo/-gV(?)$ (šidōgō 'вдвоем' ← šide 'два'). Суффикс $-o/-\bar{o}-/\bar{b}-/\bar{e}-$ придает глаголам рефлексивно-пассивное значение; (kajōlam 'спрячусь' ← kajlam 'спрячу'); $-r(\bar{a})-$ — аугментативно-фреквентативное (hūštērəl' ам 'смеюсь' ← pūštəl' ам то же); $-l-$ — каузативное tūšull'om 'учу' ← tūšul'em 'учусь'); $-t\bar{a}-/\text{d}\bar{a}$ — фактитивное (emetərlem 'кормлю грудью' ← emēr'l' ем 'сосу'); $-(n)z\bar{a}-$ — деизидеративное (kudōnzəl'am 'хочу бранить' ← kudōll'am 'браню').

2.5.3. Камасинское предложение слабо изучено, но на основании имеющегося языкового материала можно сделать вывод, что К.я. относится к языкам номинативного типа. Типичной структурой простого предложения является построение "подлежащее — дополнение — обстоятельство — сказуемое". Субъект выражен номинативом. Неопределенный объект выражен обычно номинативом, а определенный — аккузативом. Обстоятельство выражено наречиями или именами в форме местных падежей или инструменталиса. Предикату могут предшествовать деепричастные глагольные формы, указывающие на способ или время протекания действия, выраженного предикатом. Именное определение предшествует определяемому, генитивный атрибут стоит всегда перед определенным именем. Первый член послеложной конструкции стоит в генитиве. Конкретный вопрос выражается посредством вопросительных наречий, а общий — посредством вопросительной частицы $-a$, присоединяемой к сказуемому.

2.5.4. Сложные предложения К.я. не свойственны. Вместо сложноподчиненных предложений употребляются простые с деепричастными глагольными конструкциями, при которых не возникает необходимости употребления союзов, а также последовательности из нескольких простых предложений, не связанных при помощи союзов; таким же образом строятся соответствия сложносочиненных предложений. Иногда, при образовании предложения по русской модели, применяются отдельные союзы, заимствованные из русского языка.

2.6.0. Во всей зафиксированной лексике К.я. объемом в 1550 различных основ заимствования составляют 37,5%, в том числе: 29,7% — из алтайских (в большинстве случаев из тюркских) языков, 7,5% — из русского языка, 1,2% — из других языков. Из всех заимствований существительные составляют 69,8%, прилагательные — 13,5, глаголы — 10,8, частицы — 4,2, числительные — 1,0, местоимения — 0,7%. В текстах, записанных в начале нашего столетия, имеется 2450 слов, из которых 404, или 16,5%, являются заимствованиями (доля русских заимствований — 1,1%).

2.7.0. Предполагаемые сохранившиеся следы двух прежних родовых диалектов (родов "орлиных людей" и "жировых людей") наиболее четко прослеживаются в произношении. К ним относятся соответствия: \bar{e}/\bar{u} , e/o , u/o , \hat{a}/o , \hat{z}/\bar{c} , $b-/p-$ и некоторые другие. Достаточно обоснованной можно считать точку зрения, согласно которой койбальский язык являлся лишь диалектной разновидностью К.я. (см. статью "Койбальский язык").

ЛИТЕРАТУРА

Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.

Castrén M.A. Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen, SPb., 1855.

Donner K., Joki A.J. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Helsinki, 1944. (1550 различных основ и большинство опубликованных текстов)

Joki A.J. Die Lehnwörter der Sajansamoje-

dischen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 1952. 103.

Künnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe. I: Numeruszeichen und Nominalflexion // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 1971. 147.

Künnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe. II: Verbalflexion und Verbalnomina // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 1978. 164.

А. Кюннап

КОЙБАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

1. Ныне мертвый койбальский язык (К.я.) вариантов названия не имеет. В настоящее время койбальским называется один из диалектов хакасского языка, входящего в тюркскую семью языков.

2. Поскольку К.я. перестал существовать еще в первой половине XIX в. (когда его носители подвергались окончательной тюркизации, а частично, возможно, и русификации), сведения о прежнем распространении этого языка относятся к XVIII в.; тогда самоедоязычные койбалы жили в Саянах в бассейне рек Абакан, Туба, Кебез, Оя, Амыл, Кандат, Шадат, то есть были территориально отделены от ареала распространения камасинского языка в бассейнах рек Кан и Мана.

3. Принадлежит к самодийской подсемье уральской семьи языков (по традиционной классификации — к его южной подгруппе). Можно считать достаточно обоснованной точку зрения, согласно которой К.я. является лишь диалектной разновидностью камасинского языка (см. статью "Камасинский язык"). Мнение о диалектном статусе К.я. по отношению к камасинскому языку основывается на том, что лексика камасинского и койбальского языков является практически идентичной, а на основе имеющегося скудного материала сколько-нибудь значительные фонетические и морфологические расхождения трудно проследить. Различия прослеживаются в произношении (кам./койб): -i/-ä; -i/-e; š-, ž-/s-, z-; -r-, -l-, -b-, -g/-gr-, -ll-, -bb-, -gg-. По всей вероятности, за одной частью камасинского населения и за его языком закрепились названия "койбалы" и "койбальский" по территориальной принадлежности к так наз. Койбальской землице. Самоедоязычное племя койбалов было явно очень немногочисленным.

4. Письменности не было; памятников не осталось. Из языка койбалов зафиксировано свыше 600 слов, но отсутствуют записи текстов и грамматические описания языка.

5—6. Из-за отсутствия необходимых языковых материалов (см. 4.) нет возможности описать грамматическую структуру К.я. и его диалектное членение.

ЛИТЕРАТУРА

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Тарту, 1982.

Joki A.J. Die lehnwörter des Sajansamojedischen. // Mémoire de la Société finno-ougrienne. 1952, 103.

Ротаров Л.Р. Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren // Journal

de la Société finno-ougrienne. 1957, 59, P. 1—30. (Здесь приводится "Словарь Языка Койбальского в 1806м Году Собранный Членом СПб. общества любителей наук, словесности и художеств Григорьем Спаским", содержащий свыше 600 слов.)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

англ.	— английский	нган.	— нганасанский
бур	— бурятский	нем	— немецкий
венг.	— венгерский	нен	— ненский
вепс.	— вепсский	новоперс	— новоперсидские
вод.	— водский	рус.	— русский
др.-перс.	— древнеперсидский	саам.	— саамский
др.-тюрк	— древнетюркский	самод	— самодийские
иж.	— ижорский	сельк.	— селькупский
камас.	— камасинский	сербско-	— сербскохорватский
кар.	— карельский	хорв	
к.-э	— коми(-зырянский)	тадж.	— таджикский
к.-п.	— коми-пермяцкий	тат	— татарский
лат.	— латинский	удм.	— удмуртский
латыш	— латышский	фин.	— финский
лив	— ливский	хак	— хакасский
манс.	— мансийский	хант.	— хантыйский
мар.	— марийский	швед	— шведский
мокш.	— мокшанский	энец.	— энецкий
монг	— монгольский	эрз.	— эрзянский
морд.	— мордовские	эст	— эстонский

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Обозначение долготы (одинаково для гласных и согласных)

u̇ — сверхкраткий	ú — полудолгий	ū — наддолгий
ū — полукраткий	ũ — поддолгий	ũ̇ — сверхдолгий
u — краткий	ũ — долгий	

Обозначение суперсегментных явлений

- ˊ — поднятая запятая справа от буквы обозначает прерывистый тон
 ˙ — поднятая точка справа от буквы обозначает ударение

Диакритические знаки

- ʲ / — мягкость согласных
 ̣ — сдвиг в средний ряд при образовании гласных (напр., ĭ — звук, близкий к русскому ы).
 ̤ — перемещение места артикуляции вперед
 ̥ — перемещение места артикуляции назад
 ̦ — более открытое положение органов речи
 ̧ — точка над буквой обозначает более закрытое положение органов речи; в отдельных случаях то же самое обозначается знаком, напр., ɔ̧.
 ̨ — неслоговой характер гласного звука; помещается под соответствующей буквой
 ̩ — назализация
 ̪ — лабиализованное а
 ̫ — слоговой характер обозначаемого звука
 ̬ — условное обозначение гласного заднего ряда
 ̭ — условное обозначение гласного переднего ряда
 ̮, ̯ — перевернутые буквы обозначают соответствующие гласные звуки неполного образования (редуцированные)

SUMMARY

This volume, which contains grammatical sketches of the Uralic languages, opens up the Eurasian languages series of the encyclopedia-type edition "Languages of the World". The grammatical sketches of all the Uralic languages, as well as the genetic groupings within the linguistic family, are included in the present volume. The sketches are written in compliance with a format and provide sociolinguistic, as well as linguistic, data. This is the first large-scale description of the languages of the world undertaken in Russia. The book will be of considerable interest to linguists, historians, cultural anthropologists and all those who are interested in linguistics.

ТИПОВЫЕ СТАТЬИ

I. Семья языков, группа языков, группа диалектов

1. Название	5. Хронология разделения — для крупных языковых семей
2. Локализация и основные представители	6. Типичные фонетико-грамматические характеристики
3. Ориентировочное число говорящих	
4. Принципы и варианты генетической классификации	

II. Статья о языке

1.1.0. Общие сведения	2.3.2. Характер и способ выражения качественных именных классификаций
1.1.1. Варианты названия	2.3.3. Категория числа и способы ее выражения
1.1.2. генеалогические сведения	2.3.4. Падежные значения и их выражение; характер категорий принадлежности и их выражение
1.1.3. распространение	2.3.5. Характер и способ выражения качественных глагольных классификаций
1.2.0. Лингвогеографические сведения	2.3.6. Дейктические категории и способы их выражения; категория лица в имени и в глаголе, категория неопределенности/определенности в имени, категория времени в глаголе или в предложении, указание и пространственная ориентация, анафорические средства; выражение отрицания
1.2.1. общий диалектный состав	2.3.7. Семантико-грамматические разряды слов
1.3.0. Социолингвистические сведения	2.4.0. Образцы парадигм
1.3.1. Коммуникативно-функциональный статус и ранг языка	2.5.0. Морфосинтаксические сведения
1.3.2. Степень стандартизации	2.5.1. Типичная структура словоформы (для языков с развитой морфологией); тенденция к суффиксации и инфлексии; морфологически аномальные разряды слов
1.3.3. Учебно-педагогический статус	2.5.2. Основные способы и правила словообразования
1.4.0. Тип письменности	2.5.3. Типичная структура простого предложения (или его эквивалента — для языков с нерасчлененной синтаксической структурой) и способы выражения субъектно-объектных отношений; синтаксические позиции; разновидности простого предложения
1.5.0. Краткая периодизация истории языка	2.5.4. Основные правила построения сложных предложений; характерные типы сложных предложений; основные закономерности порядка слов
1.6.0. Внутривидовые явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами	2.6.0. Источник, объем и роль лексических заимствований
2.0.0. Лингвистическая характеристика	2.7.0. Диалектная система
2.1.0. Фонологические сведения	
2.1.1. Фонемный состав с указанием специфических категорий	
2.1.2. Просодический состав	
2.1.3. Позиционная (обусловленная фонетически) реализация фонем и просодем	
2.1.4. Слог; наличие и статус долготных противопоставлений	
2.2.0. Морфонологические сведения	
2.2.1. Фонологическая структура морфемы и/или слова; соотношение слога и морфемы	
2.2.2. Наличие фонологических противопоставлений морфологических единиц и категорий	
2.2.3. Типы чередований (на уровне классов фонем)	
2.3.0. Семантико-грамматические сведения (сведения о морфологическом типе языка)	
2.3.1. Критерии выделения частей речи; категориальные способы выражения универсальных значений (общая характеристика)	

III. Диалект*

1. Название языка	3. Распространение, по возможности — число говорящих
2. Позиция в диалектной группе (отношение к литературному/ стандартному языку, особенности лингвистической характеристики)	4. Функциональная нагрузка

* Отдельные статьи по диалектам даются в тех случаях, когда "диалект" не может быть соотнесен с языком либо когда его статус (язык/диалект) сомнителен.

Приложение II

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

При сопоставлении генетического указателя использованы следующие пометы:

— выделены жирным шрифтом лингвонимы, которым в корпусе издания соответствуют статьи;

— знак С означает отсылку к лингвониму более высокого уровня;

— знак равенства сопровождается синонимичные наименования.

Принятые сокращения:

яз. — язык

д-т — диалект

гов. — говор

гр. — группа

(м.) — мертвый

Отсутствие при лингвониме пометы *яз/д-т/гов.* означает, что речь идет о языке.

Поскольку выделение южносамодийской группы языков оспаривается, селькупский, маторско-тайгийско-карагасский и койбальский языки отнесены к самодийским языкам в целом.

Авамский д-т С **иганасанский**

Алутагузские *гов-ры* С северо-восточный прибрежный д-т С **эстонский**

Альфельдский д-т = южный д-т С **венгерский**

Бабинский д-т С **саамский**

Баишенский *гов.* С северный д-т С **селькупский**

Бай *наречие* С **энецкий**

Березовский д-т С южная гр. д-тов С **хантыйский**

Бесермянское *наречие* С **удмуртский**

Большеземельский *гов.* = центральный *гов.* С тундровое *наречие* С **ненецкий**

Вацевский д-т С **иганасанский**

Ваховско-васюганский д-т С южная гр. д-тов С **хантыйский**

Венгерский С угорские

Вепский С **прибалтийско-финские**

Верх-лупьинский д-т С **коми-пермяцкий**

Верхневычегодский д-т С **коми-зырянский**

Верхнекамское *наречие* С **коми-пермяцкий**

Верхнететский *гов.* С **кетский д-т** С **селькупский**

Верхнеобский *гов.* С южный д-т С **селькупский**

Верхнесельский д-т С **коми-зырянский**

Верхнетазовский *гов.* С северный д-т С **селькупский**

Весьегонский *гов.* С собственно карельский д-т С **карельский**

Вогульский = **мансийский**

Водский С **прибалтийско-финские**

Волжско-финские = **финно-волжские**

Восточная гр. *гов-в* С тундровое *наречие* С **ненецкий**

Восточная гр. д-тов₁ С **мансийский**

Восточная гр. д-тов₂ С **саамский**

Восточная гр. д-тов₃ С **хантыйский**

Восточное *наречие* С **финский**

Восточный д-т₁ С **водский**

Восточный д-т₂ С **ливский**

Восточный д-т₃ С **марийский**

Восточный д-т₄ С северно-эстонская гр. д-тов С **эстонский**

Вотский = **удмуртский**

Вотяцкий = **удмуртский**

Вымский д-т С **коми-зырянский**

Выруский д-т С южноэстонская гр. д-тов С **эстонский**

Горное *наречие* = **горномарийский** вариант **марийского** литературного языка

Горномарийский вариант **марийского** литературного языка

Горный д-т = горное *наречие* С **марийский**

Демьянские *гов-ы* С южная гр. д-тов С **хантыйский**

Дунай-тисский д-т = тисский д-т С **венгерский**

Еласовский д-т = правобережный д-т С **марийский**

Елогуйский *гов.* С северный д-т С **селькупский**

Емьский д-т С **финский**

Енисейских *самосдов яз.* = **энецкий**

"Жировых людей" рода д-т С **камасинский** (м.)

Задунайский д-т С **венгерский**

Закамские *гов-ры* С **удмуртский**

Закирайхагский д-т = **мезешегский д-т** С **венгерский**

Западная гр. *гов-в* С тундровое *наречие* С **ненецкий**

Западная гр. д-тов₁ С **мансийский**

Западная гр. д-тов₂ С **мокшанский**

Западная гр. д-тов₃ С **саамский**

- Западное наречие С финский
 Западный $d-t_1$ С венгерский
 Западный $d-t_2$ С водский
 Западный $d-t_3$ С ливский
 Западный $d-t_4$ С эрзянский
 Западный $d-t_5$ С североэстонская гр. $d-t$ ов С эстонский
- Изолированный $d-t$ = шокшинский $d-t$ С эрзянский
 Ижемский $d-t$ С коми-зырянский
 Ижорский С прибалтийско-финские
 Инари $d-t$ С саамский
 Иокангский $d-t$ С саамский
- Казымский $d-t$ С северная гр. $d-t$ ов С хантыйский
 Калевальские гов-ы С собственно карельский $d-t$ С карельский
 Калининский гов. = тверской гов. С карельский
 Камасинский (м.) С самодийские
 Канинский гов. С тундровое наречие С ненецкий
 Карагаский $d-t$ (м.) С маторско-тайгиско-карагаский (м.)
 Карагаский = карагаский $d-t$ (м.)
 Карасинский гов. С северный $d-t$ С селькупский
 Карельский₁ С прибалтийско-финские
 Карельский₂ = ижорский
 Кетский $d-t$ С селькупский
 Кильдинский $d-t$ С саамский
 Кодавере гов. С восточный $d-t$ С эстонский
 Койбальский (м.) С самодийские
 Колгуевский гов. С тундровое наречие С ненецкий
 Колта $d-t$ С саамский
 Коми = коми-зырянский
 Коми языки С пермские
 Коми-зырянский С пермские
 Коми-пермяцкий С пермские
 Коми-зывинское наречие С коми-пермяцкий
 Кондинский $d-t$ С южная гр. $d-t$ ов С хантыйский
 Кондушский гов. С ливиковский $d-t$ С карельский
 Косинско-жамский $d-t$ С коми-пермяцкий
 Кочевский $d-t$ С коми-пермяцкий
 Красновишерских пермяков яз. = коми-зывинское наречие С коми-пермяцкий
 Кривинский $d-t$ (м.) С водский
 Кудымкарско-иньвенский $d-t$ С коми-пермяцкий
 Куккози $d-t$ = куровицкий $d-t$ (м.) С водский
 Куровицкий $d-t$ (м.) С водский
- Левобережный $d-t$ С горное наречие С горномарийский вариант литературного марийского языка
 Лейву гов. С вырусский $d-t$ С эстонский
 Лесное наречие₁ = бай наречие С энецкий
 Лесное наречие₂ С ненецкий
 Ливвиковский $d-t$ С карельский
 Ливонский = ливский
 Ливский С прибалтийско-финские
- Лопарский = саамский
 Лугово-восточный литературный С марийский
 Луговой $d-t$ С марийский
 Лузско-летский $d-t$ С коми-зырянский
 Лутси гов. С вырусский $d-t$ С эстонский
 Лууле $d-t$ С саамский
 Людиковский $d-t$ С карельский
 Ляминский гов. С лесное наречие С ненецкий
- Мад(д)у наречие С энецкий
 Мадорский = маторский $d-t$ (м.) С маторско-тайгиско-карагаский (м.)
 Малоземельский гов С западная гр. гов-в С ненецкий
 Мансийский С обско-угорские
 Мари = марийский
 Марийский С финно-волжские
 Маторский $d-t$ (м.) С маторско-тайгиско-карагаский (м.)
 Маторский = маторский $d-t$ (м.) С маторско-тайгиско-карагаский (м.)
 Маторско-тайгиско-карагаский (м.) С самодийские
 Мезешегский $d-t$ С венгерский
 Мерянский (м.) С финно-угорские
 Мокша-мордовский = мокшанский
 Мокшанский С мордовские
 Мордовские С финно-волжские
 Моркинско-сернурский гов. С луговой $d-t$ С марийский
 Моторский = маторский $d-t$ (м.) С маторско-тайгиско-карагаский (м.)
 Мульгиский $d-t$ С южноэстонская гр. $d-t$ ов С эстонский
 Муромский (м.) С финно-угорские
 Мысовский $d-t$ С коми-пермяцкий
- Надымский гов. С восточная гр. гов-в С тундровое наречие С ненецкий
 Нарымский гов. С центральный $d-t$ С селькупский
 Нарымских остяков яз. = селькупский
 Натско-пумпокольский гов. = верхнекетский гов. С селькупский
 Нганасанский С северно-самодийские
 Ненецкий С северно-самодийские
 Нердвинский $d-t$ С коми-пермяцкий
 Нижневычегодский $d-t$ С коми-зырянский
 Нижнеиньвенский $d-t$ С коми-пермяцкий
 Нижнеуджский $d-t$ С ижорский
 Низьямский $d-t$ С северная гр. $d-t$ ов С хантыйский
 Нялинский гов. С лесное наречие С ненецкий
- Обдорский $d-t$ С северная гр. $d-t$ ов С хантыйский
 Обско-угорские С угорские
 Окко рода гов. С вадеевский $d-t$ С нганасанский
 Оньковский $d-t$ С коми-пермяцкий
 Ореджский $d-t$ (м.) С ижорский
 "Орлиных людей" рода $d-t$ С камасинский
 Островной $d-t$ С северо-эстонская гр. $d-t$ ов С эстонский

- Остяко-самоедский = селькупский
 Остяцкий₁ = хантыйский
 Остяцкий₂ = селькупский
- Палоцкий *д-т* С венгерский
 Периферийно-южное наречие С удмуртский
 Пермские С финно-пермские
 Пермский = коми-пермяцкий
 Печорский *д-т* С коми-зырянский
 Пиште *д-т* С саамский
 Пимский *гов.* С сургутский *д-т* С хантыйский
 Правобережный *д-т* С горное наречие С марийский
 Приалатырский *д-т* = северо-западный *д-т* С эрзянский
 Прибалтийско-финские С финно-пермские
 Принсарский *д-т* = западный *д-т* С эрзянский
 Приртышские *гов-ры* С хантыйский
 Прионежский *д-т* = северный *д-т* С вепсский
 Присурский *д-т* = юго-восточный *д-т* С эрзянский
 Присыктывкарский *д-т* С коми-зырянский
 Приуральский *гов.* С восточная *гр. гов-в* С тундровое наречие С ненецкий
 Пуровский *гов.* С лесное наречие С ненецкий
- Саамский С финно-пермские
 Савоский *д-т* С финский
 Салымский *д-т* С восточная *гр. д-тов* С хантыйский
 Самодийские С уральские
 Саяно-самодийские С самодийские
 Саянских горцев *яз.* = карагасский *д-т(м.)* С маторско-тайгийско-карагасский
 Северная *гр. гов-в* С собственно карельский *д-т* С карельский
 Северная *гр. д-тов*₁ С мансийский
 Северная *гр. д-тов*₂ С хантыйский
 Северное наречие₁ С коми-пермяцкий
 Северное наречие₂ С удмуртский
 Северносамодийские С самодийские
 Северо-эстонская *гр. д-тов* С эстонский
 Северный *д-т*₁ С селькупский
 Северный *д-т*₂ С финский
 Северный *д-т*₃ С вепсский
 Северных саамов *д-т* С саамский
 Североботнический *д-т* = среднеботнический *д-т* С финский
 Северо-восточный *д-т* С венгерский
 Северо-восточный прибрежный *д-т* С эстонский
 Северо-западный *д-т*₁ = палоцкий *д-т* С венгерский
 Северо-западный *д-т*₂ С марийский
 Северо-западный *д-т*₃ С эрзянский
 Секейский *д-т* С венгерский
 Селькупов рек Васюган, Парабель, Вах *гов-ры* С центральный *д-т* С селькупский
 Селькупов средней Оби *гов.* С южный *д-т* селькупский
 Селькупский С самодийские
 Сетуский *гов.* С вырусский *д-т* С эстонский
 Собственно карельский *д-т* С карельский
- Собственно финский *д-т* = юго-западный *д-т* С финский
 Сойкинский *д-т* С ижорский
 Сойотский = маторско-тайгийско-карагасский (*м.*)
 Срединные *гов-ры* С удмуртский
 Среднеботнический *д-т* С финский
 (Средне)кетский *гов.* С кетский *д-т* С селькупский
 Среднеобские *гов-ры* С южный *д-т* С селькупский
 Среднеобский *д-т* = шеркальский *д-т* С хантыйский
 Среднесовьвинский *д-т* С мансийский
 Среднесыольский *д-т* С коми-зырянский
 Среднегазовский *гов.* С северный *д-т* С селькупский
 Средний *д-т*₁ С вепсский
 Средний *д-т*₂ С ливский
 Сургутский *д-т* С восточная *гр. д-тов* С хантыйский
- Тавгийский = нганасанский
 Тазовский *гов.* С восточная *гр. гов-в* С тундровое наречие С ненецкий
 Тазовский *д-т* = северный *д-т* С селькупский
 Тайгийский = тайгийский *д-т* (*м.*) С маторско-тайгийско-карагасский (*м.*)
 Тайги(нский) = тайгийский (*м.*)
 Тайгийский *д-т* (*м.*) С маторско-тайгийско-карагасский (*м.*)
 Таймырские *гов-ы* С тундровое наречие С ненецкий
 Тартуский *д-т* С южноэстонская *гр. д-тов* С эстонский
 Тверской *гов.* С собственно карельский *д-т* С карельский
 Тиманский *гов.* С западная *гр. гов-в* С тундровое наречие С ненецкий
 Тисский *д-т* С венгерский
 Тихвинский *гов.* С собственно карельский *д-т* С карельский
 Томских остяков *яз.* С селькупский
 Тромганский *гов.* С сургутский *д-т* С хантыйский
 Тромганский *гов.* С сургутский *д-т* С хантыйский
 Тундровое наречие₁ С ненецкий
 Тундровое наречие₂ = маду наречие С энецкий
 Туруханский *гов.* = байшенский *гов.* С селькупский
 Тымский *гов.* С центральный *д-т* С селькупский
- Угорские С финно-угорские
 Угро-финские = финно-угорские
 Удмуртский С пермские
 Удорский *д-т* С коми-зырянский
 Уральские
 Ууме *д-т* С саамский
- Финно-венгерские = финно-угорские
 Финно-волжские С финно-пермские

- Финно-пермские С финно-угорские
 Финно-угорские С уральские
 Финские = финно-пермские
 Финский С прибалтийско-финские
 Финский-суоми = финский
- Хантыйский С обско-угорские
 Хатангский *д-т* = вадевский *д-т* С ига-насанский
 Хэваский *д-т* С ижорский
 Хяме *д-т* = емьский *д-т*
- Центральная *гр. д-тов* С мокшанский
 Центральный *гов.* = большеземельский *гов.* С тундровое *наречие* С пенецкий
 Центральный *д-т₁* С селькупский
 Центральный *д-т₂* С эрзянский
 Центральный *д-т₃* С северно-эстонская *гр. д-тов* С эстонский
- Чайский *гов.* С южный *д-т* С селькупский
 Чанго *гов.* С секейский *д-т* С венгерский
 Черемисский = горномарийский
 Чулымский *гов.* С южный *д-т* С селькупский
- Щеркальский *д-т* С северная *гр. д-тов* С хантыйский
 Шокшинский *д-т* С эрзянский
 Шурышкарский *гов.* С березовский *д-т* С хантыйский
- Энецкий С северо-самошские
 Эрзя-мордовский = эрзянский
 Эрзянский С мордовские
 Эстонский С прибалтийско-финские
- Юганский *гов.* С сургутский *д-т* С хантыйский
 Юго-восточная *гр. д-тов* С мокшанский
 Юго-восточный *д-т₁* С финский
 Юго-восточный *д-т₂* С эрзянский
 Юго-западный *д-т* С финский
 Южная *гр. гов-в* С собственно карельский *д-т* С карельский
 Южная *гр. д-тов₁* С мясийский
 Южная *гр. д-тов₂* С хантыйский
 Южноботнический *д-т* С финский
 Южное *наречие₁* С коми-пермяцкий
 Южное *наречие₂* С удмуртский
 Южносамодийские С самодийские
 Южноэстонская *гр. д-тов* С эстонский
 Южный *д-т₁* С венгерский
 Южный *д-т₂* С вепсский
 Южный *д-т₃* С селькупский
 Южных саамов *д-т* С саамский
 Юрако-самоедский = пенецкий
- Ямальский *гов.* С восточная *гр. гов-в* С тундровое *наречие* С пенецкий

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>П. Хайду.</i> УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ	7
<i>К.Э. Майтинская.</i> ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ	20
<i>А. Лаанест.</i> Прибалтийско-финские языки	32
<i>М.И. Зайцева.</i> Вепсский язык	36
<i>А. Лаанест.</i> Водский язык	48
<i>А. Лаанест.</i> Ижорский язык	55
<i>В.Д. Рягова.</i> Карельский язык	63
<i>Т.-Р. Вийтсо.</i> Ливский язык	76
<i>Ю.С. Елисеев.</i> Финский язык	90
Эстонский язык	115
<i>Г.М. Керг.</i> Саамский язык	134
Волжские языки	148
<i>Е.И. Коведяева.</i> Марийский язык	148
<i>Е.И. Коведяева.</i> Горномарийский вариант литературного марийского языка	164
<i>А.П. Феоктистов.</i> Мордовские языки	174
<i>А.П. Феоктистов.</i> Мокшанский язык	178
<i>А.П. Феоктистов.</i> Эрзянский язык	190
<i>Р.М. Баталова.</i> Пермские языки	209
<i>Р.М. Баталова.</i> Коми(-зырянский) язык	214
<i>Р.М. Баталова.</i> Коми-пермяцкий язык	229
<i>В.К. Кельмаков.</i> Удмуртский язык	239
Угорские языки	256
<i>К.Е. Майтинская.</i> ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК	256
<i>Л. Хонти.</i> Обско-угорские языки	280
<i>Е.И. Ромбандеева.</i> Мамонийский язык	283
<i>Л. Хонти.</i> Хантыйский язык	301
<i>Н.М. Терещенко.</i> САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ	320
<i>Н.М. Терещенко.</i> Ненецкий язык	326
<i>Н.М. Терещенко.</i> Энецкий язык	343
<i>Н.М. Терещенко.</i> Нганасанский язык	349
<i>Е.А. Хелимский.</i> Селькупский язык	356
<i>Е.А. Хелимский.</i> Маторско-тайгийско-карагасский язык	372
<i>А. Кюннар.</i> Камасинский язык	380
<i>А. Кюннар.</i> Койбальский язык	389
Принятые сокращения	390
Фонетические обозначения	390
Summary	391
Приложение I. Типовые статьи	392
Приложение II. Генетический указатель	393

TABLE OF CONTENTS

GENERAL EDITOR'S PREFACE	3
VOLUME EDITORS' PREFACE	5
<i>P. Hajdú.</i> THE URALIC LANGUAGES	7
<i>K. Mattinskaya.</i> THE FINNO-UGRIC LANGUAGES	20
<i>A. Laanest.</i> The Balto-Finnic languages	32
<i>M. Zaitseva.</i> The Vepsian language	36
<i>A. Laanest.</i> The Votic language	48
<i>A. Laanest.</i> The Ingrian language	55
<i>V. Ryagoev.</i> The Karelian language	63
<i>T.-R. Viitso.</i> The Livonian language	76
<i>Yu. Yeliseev.</i> The Finnish language	90
The Estonian language	115
<i>G. Kert.</i> The Lappish language	134
Volgaic languages	148
<i>E. Kovedyaeva.</i> The Mari (Cheremis) language	148
<i>E. Kovedyaeva.</i> The Mountain Mari language	164
<i>A. Feoktistov.</i> The Mordvin languages	174
<i>A. Feoktistov.</i> The Moksha language	178
<i>A. Feoktistov.</i> The Erzja language	190
<i>R. Batalova.</i> The Permic languages	209
<i>R. Batalova.</i> The Komi-Zyrian language	214
<i>R. Batalova.</i> The Komi-Permyak language	229
<i>V. Kelmakov.</i> The Udmurt (Votyak) language	239
Ugric languages	256
<i>K. Mattinskaya.</i> THE HUNGARIAN LANGUAGE	256
<i>L. Honti.</i> The Ob-Ugric languages	280
<i>E. Rombandeeva.</i> The Mansi (Vogul) language	283
<i>L. Honti.</i> The Xanty (Ostyak) language	301
<i>N. Tereshchenko.</i> THE SAMOYEDIC LANGUAGES	320
<i>N. Tereshchenko.</i> The Nenets (Yurak Samoyed) language	326
<i>N. Tereshchenko.</i> The Enets (Yenisei Samoyed) language	343
<i>N. Tereshchenko.</i> The Nganasan (Tavgy) language	349
<i>E. Helimski.</i> The Selkup (Ostyak Samoyed) language	356
<i>E. Helimski.</i> The Mator-Taigi-Karagas language	372
<i>A. Kühnap.</i> The Kamas language	380
<i>A. Kühnap.</i> The Koibal language	389
Abbreviations	390
Phonetic symbols	390
Summary	391
Appendix I	392
Appendix II	393

Научное издание

ЯЗЫКИ МИРА
Уральские языки

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

Редактор издательства *Е.Ю. Жолудь*

Художник *В.Н. Тикунов*

Художественный редактор *В.Н. Монастырская*

Технический редактор *Л.В. Русская*

Корректор *З.Д. Алексеева*

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 47734

Подписано к печати 18.09.92 г.
Формат $70 \times 100^{1/16}$. Бумага книжно-журнальная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 32,5. Усл.кр.-отт. 32,5. Уч.-изд. л. 35,3
Тираж 1100 экз. Тип.зак.3279.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12